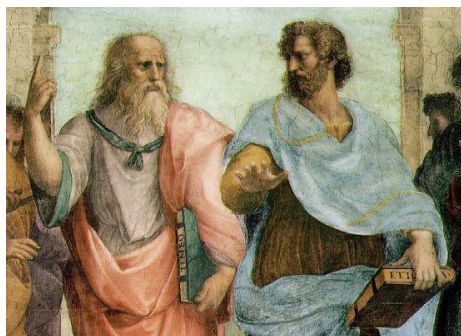

Из цикла «Философские беседы»

Л. Е. БАЛАШОВ

**Как мы думаем, так и живем.
Лучше думаем — лучше живем**

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

или

СОФОЛОГИЯ

МОСКВА • 2012

Из цикла «Философские беседы»

Л. Е. БАЛАШОВ

Как мы думаем, так и живем.
Лучше думаем — лучше живем

**ПРАКТИЧЕСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ
или
СОФОЛОГИЯ**

2-е издание, с изменениями, расширенное

МОСКВА • 2012

О цикле “Философские беседы”

Цикл задуман автором как своеобразная библиотечка философской литературы по широкому кругу проблем. Он рассчитан на читателя, которому интересно философствование само по себе. Таким читателем может быть и философ-профессионал, и деятель науки, культуры, и учащийся, студент, аспирант.

Книги цикла относятся к разряду развивающей литературы и могут служить учебными пособиями для пополнения знаний по философии.

Балашов Л.Е.

Практическая философия или софология. — 2-е издание, с изменениями, расширенное. — 572 с.

Вниманию читателей предлагается книга, посвященная практической философии (софологии).

Практическая философия — та часть философии, которая оказывает непосредственное влияние на жизнь людей — через философские тексты и речи, через живое общение философов с людьми.

Тексты группируются по темам:

- мировоззренческие вопросы
- жизнь, смерть, бессмертие
- человеческое счастье, любовь
- золотое правило поведения
- либерализм и свобода
- критика идей социализма и коммунизма
- гуманизм — философия человечности
- негатив жизни: антикультура и антифилософия
- об опасности наркотиков и прелестях жизни без них
- как мы думаем?
- здравый смысл

В заключительном разделе книги автор обосновывает и разрабатывает идею введения института практических философов, софологов. По его мнению, философы могут и должны работать с людьми, подобно психологам, врачам, священникам...

Книга может служить пособием при подготовке практических философов (софологов) и при их подготовке к консультациям и беседам. Она полезна всем, кто ценит мысль, кто понимает ее значение для жизни.

© Л.Е. Балашов, 2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧТО ТАКОЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (СОФОЛОГИЯ)?	9
I. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ.....	13
II. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БЕССМЕРТИЕ	19
1. О жизни, смысле и цели жизни	19
Что такое жизнь?	19
Смысл жизни	21
Цель жизни.....	23
С возрастом время жизни увеличивается или уменьшается?	26
2. К проблеме смерти и бессмертия	28
3. Жизнь <i>против</i> смерти.....	36
Смерть как Абсолют	36
Смерти нет оправдания (критика утверждений о положительной ценности смерти).....	50
Эвтаназия — “хорошая” смерть	68
4. Бессмертие как абсолют	71
О притягательности идеи личного бессмертия.....	71
Почему абсолютное личное бессмертие невозможно?	79
5. Живая связь смертности и бессмертия	82
6. Как мы “делаем” бессмертие?	90
Продолжение человеческого рода, любовь.....	90
Творческое бессмертие.....	101
7. Потенциальное бессмертие	106
8. Актуальное бессмертие	115
9. Активное долголетие	126
Что надо делать для того, чтобы жить долго и счастливо?	132
10. Виртуальное бессмертие	135
11. Конечность и бесконечность существования в перспективе жизни.....	136
III. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ.....	140
Взаимосвязь смысла жизни и счастья.....	140
1. Что такое счастье?.....	140
2. Счастье: и результат везения, и результат борьбы- труда	141
3. Счастье — единство удовлетворенности и неудовлетворенности.....	143
4. Можно ли сделать людей счастливыми, а тем более заставить их быть счастливыми?.....	144
IV. О ЛЮБВИ.....	147

1. Любовь-чувство и любовь-деятельность.....	147
2. Любовь—секс	150
3. Любовь — солнце жизни.....	153
4. Ценность любви для жизни.....	154
Любовь как самоценность.....	157
5. Любовь: норма, отклонения, патология	158
6. Заметки о любви.....	160
Лирика и эротика.....	160
Любовь и брак.....	161
Половая мораль	163
«Алешкина любовь»	163
О книге В. Набокова “Лолита”	165
7. О культуре любви-секса	166
V. ТВОРЧЕСТВО.....	175
Какую профессию выбрать?	175
VI. ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. (КАК ВЕСТИ СЕБЯ В ОБЩЕСТВЕ?)	177
1. Человек и общество	177
“Наше время” и ложный объективизм.....	179
2. Формы общественной воли.....	182
3. Мораль и право.....	183
4. Значение нравственности	184
Имморализм и аморализм	185
5. Золотое правило поведения	188
Немного истории	188
Золотое правило — главный принцип человеческого общения	204
Золотое правило далеко не так элементарно-очевидно	209
6. Добро и зло	212
Отличие моральных понятий добра и зла от общих понятий блага и зла.....	212
Что такое добро?	213
Добро и зло в аспекте соотношения действительности и возможности	215
Человек по своей природе добр. Добро и зло относятся друг к другу как норма и патология.....	220
Как бороться со злом и надо ли с ним бороться?	229
7. Гуманизм — философия человечности (тезисы о гуманизме)	232
Комментарии к тезисам	242
8. О любви к себе и другим. Эгоизм, альтруизм и нормальное поведение. <i>Возможная корректировка моральных представлений</i>	265
9. Коллективизм и/или индивидуализм.....	273

Коллективизм: за и против.....	273
Положительная сила коллективизма	274
Минусы коллективистского принципа "один за всех и все за одного"	276
Разрушительный или уродливый коллективизм (гиперколлективизм).....	277
Удушение посредством объятий (коммунистический коллективизм)	280
Взаимоопосредствование коллективизма и индивидуализма	281
Дружба — компромисс-симбиоз индивидуализма и коллективизма	282
Товарищество	283
Братство	283
Человечность	284
Патриотизм, национализм, шовинизм	284
10. Долг.....	287
11. Совесть: внутренний регулятор морального поведения	290
12. Внешние регуляторы морального поведения: общественная мораль, общественное мнение, мнение других	294
13. Благородство.....	296
14. Честность	296
15. Скромность, гордость, самоуничтожение, высокомерие	297
16. Несчастное и преступное сознание	302
17. О культуре поведения.....	305
Нормальные взаимоотношения людей — тонкая материя	307
О воспитанности и благовоспитанности	309
О вежливости.....	309
Волшебные слова	310
Этика телефонного разговора.....	310
Обязательность, точность	312
VII. ЛИБЕРАЛИЗМ И СВОБОДА.....	313
1. Либерализм	313
2. Свобода	318
Противоположные взгляды на свободу	318
О так называемом парадоксе свободы.....	324
Свобода как возможность выбора.....	327
Формула свободы.....	334
Зависимость и независимость.....	338
VIII. КРИТИКА ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА.....	341

Механистический тоталитаризм.....	347
IX. НЕГАТИВ ЖИЗНИ: АНТИКУЛЬТУРА И АНТИФИЛОСОФИЯ.....	349
Антикультура.....	349
Антикультура — болезнь цивилизации.....	349
Пропаганда аномального в современном обществе.....	352
О влиянии средств массовой информации, художественной литературы, кино на поведение людей, общества в целом	362
Чему учит нынешняя реклама?.....	370
Некрофилия антикультуры	375
О так называемом «праве на смерть»	381
Философия убийства.....	384
Бум мистицизма	398
Антифилософия (Геростраты философии).....	406
Ф. Ницше — фюрер антикультуры	407
Психоделический мистицизм Карлоса Кастанеды.....	418
X. ОБ ОПАСНОСТИ НАРКОТИКОВ И ПРЕЛЕСТЯХ ЖИЗНИ БЕЗ НИХ	424
1. О том, как избежать употребления наркотиков.....	424
Почему люди употребляют наркотики?	424
2. Преодоление разрушительной зависимости	435
Об употреблении так называемых слабых (мягких) наркотиков	436
XI. КАК МЫ ДУМАЕМ?.....	440
1. Ум, разум, рассудок	442
Качества мышления	457
Хитрость.....	457
Мудрость	458
2. Рассудок (дедуктивная логика).....	459
Рассудок и логика.....	459
Дедукция, рассуждение	460
Пределы дедуктивной логики.....	462
3. Вероятностное мышление.....	463
Предположение	463
4. Ум (интуиция)	464
Чутье, наитие, умонастроение, догадка.....	464
Что нужно для развития чутья, интуиции?	465
Ограниченность и абсолютизация интуиции	466
5. Разум (диалектическое мышление).....	467
Идея — мысль Разума	467
Место идеи в творческом процессе.....	478
6. Категориальный строй мышления	487
Категориальная логика мышления.....	488
Как категории работают-проявляют себя?.....	491

“Кухня” категориальной логики.....	496
Методологическая функция категориальной логики.....	502
7. Здравомыслие, здравый смысл (норма в мышлении, нормальное мышление)	505
1. Здравый смысл — величайшая мыслительная ценность	505
2. К истории вопроса.....	508
3. Против оценки здравого смысла как действующего лишь в “стенах домашнего обихода”	511
4. Пределы здравого смысла	513
5. Разнокачественность и разноколичественность здравого мышления.....	514
6. Здравомыслие можно развивать и корректировать.....	515
7. Нездравомыслие, больной смысл.....	516
8. Как мы думаем, так и живем.....	517
ХП. ФИЛОСОФАМ — О ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (СОФОЛОГИИ).....	519
1. О практической философии и необходимости введения института практических философов (СОФОЛОГОВ).....	519
Зачем нужна практическая философия? Аргументы в пользу введения института практических философов...519	
Цели работы (консультирования-беседы) практического философа (софолога)	525
Методы и формы работы практического философа	525
Правила поведения софолога в ситуации консультирования-собеседования	527
Темы для философского консультирования, беседы-обсуждения	527
Эффекты от беседы/бесед с софологом.....	528
Задачи софолога	529
Организация работы практических философов (Софологов)	531
2. Практическая философия в истории человеческой мысли.....	533
3. Общее положение о Центре практической философии.....	562
ПРИЛОЖЕНИЕ. РЕКОМЕНДАЦИИ РАЗНЫХ АВТОРОВ В ДУХЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ	567

ЧТО ТАКОЕ ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ (СОФОЛОГИЯ)?

Наша жизнь есть то, что мы думаем о ней

Марк Аврелий

Значимость практической философии вытекает из того фундаментального факта, что мысль может непосредственно влиять на действие: либо побуждать человека к действию, либо, напротив, тормозить, останавливать действие, отворачивать от него. Цель практической философии: побуждать с помощью мысли к правильным, хорошим действиям и отворачивать от ошибочных, плохих действий.

Нужно иметь в виду, что практическая философия не то же самое, что практическая роль философии. Философия в целом оказывает определенное практическое воздействие на жизнь людей. И большей частью опосредованно, через науку, изобретательство, политику, экономику, искусство, литературу. Практическая философия — это та часть философии, которая пытается непосредственно влиять на жизнь людей, через философские тексты и речи, через живое общение философов с людьми, через философские беседы людей друг с другом.

Практической философией в точном смысле слова, профессионально занимались немногие: некоторые софисты в Древней Греции и некоторые философы, использовавшие философскую аргументацию в своих индивидуальных и коллективных беседах для тех или иных практических целей.

В широком смысле к практической философии относят тексты и речи разных авторов, содержащие философскую аргументацию, мысли о жизни, человеке, об отношении к миру, обращенные ко всем людям и побуждающие к действию или отворачивающие от него. Эти тексты и речи, как правило, не носят характер исследования, а содержат рассуждения, отдельные мыс-

ли и рекомендации... В этом втором значении практическая философия имеет богатую историю и традиции. Многие философы прошлого оставили тексты, имеющие практически-философский смысл. И не только философы, а и другие писатели: поэты, прозаики, ученые, историки, психологи, политики и т. д.

К сожалению, практическая философия (в своем основном значении, как софология) пребывает еще в зачаточном состоянии. Общество только сейчас начинает осознавать, что философия может непосредственно (без посредников разного рода) влиять на дела и судьбы людей, что философы могут работать с людьми — подобно психологам, психоаналитикам, врачам, священникам.

Под практической философией нередко понимается раздел философии, посвященный человеческим делам, нацеленным на достижение блага. Так понимали ее многие философы, в том числе Гегель (см. ниже раздел “Практическая философия в истории человеческой мысли”). С моей точки зрения, не совсем точно называть практической философией рефлексия блага, практического действия. По большому счету практическая философия отличается от философии вообще не столько своим содержанием-предметом, сколько своей “способностью” непосредственно влиять на мысли и дела людей.

Такую философию лучше обозначать специальным термином. Предлагаю называть ее софологией, а практического философа — софологом.

Конечно, люди (нефилософы) чаще всего обращаются к тем разделам философии, которые интересны им в житейском, утилитарно-узко-практическом плане. Но это не значит, что им совсем неинтересны другие разделы философии. Например, разве им неинтересны мировоззренческие вопросы и разве эти вопросы, вернее ответы на них, не влияют на поведение людей? Влияют, да еще как! А разве им безразлично то, *как* они думают? Нет, конечно! Любой, даже самый абстрактный (далекий от тех или иных житейских дел) философский вопрос может быть интересен нефило-

софу. Как я уже говорил, в точном смысле практическая философия — это философия, которая осуществляет непосредственную связь философии с жизнью, с нефилософией. А софолог, практический философ — это философ, который способен и умеет налаживать связь с нефилософом, который через умную беседу может влиять на его мысли и дела. В роли софолога, практического философа может оказаться любой философ, если он хоть раз продуктивно и именно как философ беседовал с нефилософом. Практическая философия может стать профессией философа, если последний наладит постоянное живое общение с нефилософами и будет за это получать вознаграждение...

В свете сказанного становится ясным, что практическая и житейская философия — не одно и то же. Последняя лишь часть первой. Житейская философия — это философия повседневной, обычной жизни человека. И в этом ее ограниченность.

Иногда вместо слова “житейская” применительно к философии употребляют слово “жизненная”. Жизненная философия — это философия жизни вообще, жизни как таковой. Она может быть весьма глубинной, затрагивающей фундаментальные мировоззренческие и человековедческие вопросы.

(Все чаще в последнее время употребляется выражение “прикладная философия”. В 80-е годы в Англии были даже учреждены Британское общество прикладной философии и его печатный орган — “The Journal of Applied Philosophy”. Прикладная философия обычно противопоставляется фундаментальным проблемам метафизики как размышление о проблемах реальной жизни, как философия, имеющая непосредственное отношение к жизненным решениям, прежде всего в области морали и политики¹. К темам прикладной фи-

¹ См.: Д.Тейчман, К.Эванс. Философия для начинающих. — Пер. с англ., М., 1997. С. 211. Авторы этой книги пишут в главе “Влияние философии на жизнь”: “Имеет ли философия отношение к проблемам реальной жизни? Да имеет.

лософии относят темы, имеющие общественное звучание, такие как: права животных, ложь и тайна в общественной и частной жизни, эвтаназия, проблема секса, абортов, феминизм, что пристойно и что непристойно и т. п.

Насколько правомерно употребление выражения "прикладная философия"? Не пытаемся ли мы здесь навязать философии схему деления некоторых наук на теоретические-чистые и прикладные-технические-экспериментальные или схему деления искусств на чистые и прикладные? Ведь философия — особый тип культуры, не сводимый ни к наукам, ни к искусствам. Я оставляю этот вопрос открытым. Ясно одно: тематика так называемой прикладной философии целиком укладывается в русло практической философии как ее часть-раздел).

Итак, **практическая философия (софология)** — это философия, имеющая целью воздействовать на людей *силой мысли* через посредство слова, убеждения — в процессе живого общения (консультации-беседы, собеседования, дискуссии, анализа конкретной ситуации).

Философия помогает четко сформулировать проблему, а ясное понимание проблемы полезно, когда человек стоит перед реальным жизненным выбором.

Философия анализирует сложные идеи, а ясное понимание сложных идей зачастую является необходимым предварительным условием принятия грамотных и разумных решений.

Философия рассматривает возможные объяснения многочисленных абстрактных вещей — таких, как правильное и неправильное рассуждение, справедливость и несправедливость, значение и ценность. Более четкое понимание такого рода абстрактных понятий позволяет лучше понять жизнь и жизненные возможности.

Философия рассматривает старые забытые вопросы и новые проблемы, прежде не обсуждавшиеся. Иначе было бы невозможно решить заранее, имеют ли они отношение к реальной жизни”.

I. МИРОВОЗЗРЕНЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

Перед каждым человеком рано или поздно встают вопросы, которые можно было бы назвать мировоззренческими. Что такое мир? Что он собой представляет? Каков он? Почему он такой, а не другой? Существует ли он от века, всегда или же сотворен и управляется богом-богами?

От нашего отношения к миру зависит то, как мы его себе представляем, какие мы сами. «Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека» — говорил Л. Фейербах.

На поведение людей влияет вопрос о том, кто-что управляет их жизнью: бог (боги), судьба, рок, фатум, что-то другое — и в какой мере.

Представление о том, что мир создан богом (богами) и управляется им (ими), оказывало и до сих пор оказывает серьезное влияние на поведение многих людей.

Материализм и идеализм, теизм и атеизм, фатализм и волюнтаризм, детерминизм и индетерминизм, рационализм, иррационализм и мистицизм — это всё позиции-установки, которые играют существенную роль в жизни людей.

Люди всегда задавались вопросом, что такое мир, и что от него ждать? Одна из наиболее ранних картин мира — **библейская**. В первой книге Библии (точнее «Ветхого завета») «Бытие» нарисована картина того, как возникает мир (бытие). Согласно этой картине мир создан Богом, неким всемогущим существом, который, однако, думает, говорит и действует как человек. Бог, по Библии, существовал еще до возникновения мира. Он создал мир за 6 дней: сначала сотворил небо и землю, затем свет, затем сушу и воду, затем растительный и животный миры. На шестой день он сотворил человека. Вот так схематично изображается сотворение мира. С точки зрения современной науки, эта картина происхождения мира не выдерживает никакой критики. За 6 дней создать все многообразие окружа-

ющего мира невозможно. Некоторые богословы предлагали рассматривать эти 6 дней не как календарные дни, а как очень большие исторические периоды. Это предложение не поддержали, поскольку тогда надо было пересматривать всю концепцию Библии. В самом деле, в Библии говорится именно о шести днях творения. Бог, как какой-то ребенок или скульптор, на шестой день лепил человека по имени «Адам» из глины, а женщину по имени «Ева» создал якобы из ребра Адама. Указывалось также, что на седьмой день Бог отдыхал. Ясно, что речь идет не о каких-то больших исторических периодах, а о днях. Эта библейская картина мира сохранилась до наших дней, и верующие, хотя бы они этого или нет, должны ее признавать. Было время, когда верующие совершенно серьезно считали, что у женщин должно быть на одно ребро больше, чем у мужчин. Их предположение не подтвердилось, так что, с этой точки зрения, невозможно представить, чтобы женщина была создана из ребра мужчины.

Библейская картина мира — не единственная религиозная картина мира. Развитая картина мира имеется, например, в индуистской религии.

В последние столетия сформировалась **научная** картина мира. Она основана на данных астрономии, физики, химии, биологии и выступает обычно как антитеза религиозной картине мира.

Ученые в результате своих исследований выяснили что собой представляет окружающий мир. В частности, они определили, что наша Земля существует 4 с половиной миллиарда лет а наша часть вселенной существует не менее 15 – 18 миллиардов лет, что границы Метагалактики отстоят от нас где-то на расстоянии 15-18 миллиардов световых лет. Световой год – это земной год, за который пробегает световой луч (его скорость равна 300 тысяч километров в сек). Физики установили, что в основе всех процессов, взаимодействий нашей части вселенной лежат 4 фундаментальных взаимодействия: электромагнитное, гравитационное, сильное (ядерное), слабое. Они также установили, что вещество состоит из молекул и атомов, атомы — из элементарных частиц: электронов, протонов и

нейтронов, а те, в свою очередь, состоят из кварков, субэлементарных частиц с дробным электрическим зарядом.

Научная картина мира опирается на всю совокупность наблюдений, экспериментов, расчетов, которые ученые проделали на протяжении последних 2000-2500 лет. Она основана также на познании законов природы: физических, химических, биологических. Совокупность всех этих научных знаний дает в общем и целом научную картину мира.

Наука не дает, однако, полного, исчерпывающего представления о мире. Нет таких ученых, которые бы занимались миром в целом. Разные науки дают только мозаичную, фрагментарную картину мира. По-настоящему о мире в целом могут говорить только философы. Но философы — не ученые, они не исследуют природу, а лишь осмысляют то, что другие люди выработали как знания, т. е. через призму научных знаний и представлений философы осмысляют мир.

Если ученые осмысляют мир с помощью открытий, т. е. с помощью познания законов природы и явлений, то философы осмысляют мир через всю совокупность научных знаний, через весь исторический и личный опыт. Все эти знания они пропускают через свой разум. Главный инструмент философского осмысления мира — фундаментальные философские понятия, категории. Иными словами, философы рисуют картину мира с помощью категорий. Философская картина мира есть категориальная картина мира, а категории — это как бы кисти и краски философа. Речь идет о таких понятиях как бытие, материя, движение, пространство, время, качество, количество, возможность, действительность, причина, следствие, необходимость, случайность, тождество, противоположность, противоречие... Насчитывается более ста философских категорий.

Все люди имеют в голове ту или иную картину мира, но одни осознают это, а другие нет. И те, кто осознают, занимают ту или иную мировоззренческую позицию, в частности, причисляют себя к материалистам, идеалистам или как-то иначе характеризуют

свои взгляды.

Разные философы рисуют разные категориальные картины мира.

Одни философы берут какую-то одну категорию за основу. Они понимают мир как некоторое монархическое государство, управляемое одной категорией-монархом, или как своеобразную матрешку, которая содержит внутри себя множество маленьких матрешек, т. е. одна большая категория последовательно включает в себя меньшие категории.

Так, Спиноза брал за основу своей картины мира категорию субстанции и путем последовательного деления этой категории на множество составляющих (атрибутов и модусов) рисовал категориальную картину мира. Субстанция Спинозы имела два атрибута — мышление и протяжение, а они, в свою очередь, имели разные модусы (видоизменения). У протяжения Спиноза предполагал такие модусы как пространственное движение, время, необходимость, случайность, закономерность...

Русский философ В. С. Соловьев выдвигал в качестве главной категории, объясняющей мир, категорию всеединства.

Этих философов называют монистами — от слова монизм.

Другие философы представляли мир как некоторую совокупность, республику категорий. Они не выделяли какую-то одну категорию в качестве главной. Их называли плюралистами.

Что такое категория? Самое общее определение таково: категория есть разряд, класс чего-либо. Если говорить о философских категориях, то это разряд, класс определенного рода понятий. В реальной действительности также есть определенные категориальные срезы-стороны, которые выступают как объективные категориальные определения мира. Иными словами, есть определенные разряды-классы каких-то реальностей. Например, когда мир рассматривается в пространстве и времени, то этим он определяется в двух категориальных срезах: в виде пространства и времени. Когда определяем что-то как действительное или

возможное, то рассматриваем мир в разрезе действительности и возможности. Если теперь возьмем, то с помощью этих понятий *порядок* и *хаос* осмысливаем мир либо как упорядоченный, либо как хаотический, либо как то и другое вместе. Чего больше в мире: порядка или хаоса? — фундаментальная философская проблема. Согласно некоторым мифологическим представлениям, вначале был хаос, из которого возникает порядок, т. е. мир как бы движется от хаоса к порядку.

Представление о том, что «порядок из хаоса», — весьма древнего происхождения. У многих народов существовала легенда о первозданном хаосе, из которого впоследствии вышедшие силы создали гармонический мир. Так, в одном из гимнов древнейшего письменного памятника «Ригведа» говорится, что бог «развил прекрасный мир из бесформенного хаоса, который был все, что тогда существовало»¹. Гесиод в «Теогонии» также пишет: «Ранее всего был Хаос». Это представление о первозданном хаосе, пишет А. Н. Аверьянов, «сохранилось до наших дней. Многие космогонические гипотезы строятся на допущении первоначального хаотического состояния вещества». «И самым уязвимым их местом, — справедливо заключает он, — является объяснение перехода от хаотического состояния материи к упорядоченному»².

Самый фундаментальный уровень категориальной картины мира — естественная система объективных категориальных определений мира (категориальная структура мира). Можно строить разные версии существования этой естественной системы. Категориальные определения — не просто некоторая совокупность, множество определений; они расположены в определенном порядке. Например, *пространство* мы рассматриваем в связке-блоке с *временем* и *движением*. Категориальная структура мира обуславливает порождает категориальный строй мышления (категориальную структуру, категориальную логику мышления). Категориальный строй мышления есть результат 1) становления живой природы, живого организма, вплоть до высших живых существ, и 2) исторического развития человека, его познания и практики. Он отра-

¹ См.: Радхакришнан С. Индийская философия. М., 1956. Т. 1. С. 80.

² См.: Аверьянов А.Н. Системное познание мира. М., 1985. С. 30.

жает категориальную структуру мира и отражает в той мере, в какой человек способен решать практические задачи. Не больше и не меньше. Это значит, что о полном соответствии категориального строя мышления и категориальной структуры мира говорить нельзя.

Категориальный строй мышления возникает в мозгу человека очень сложным путем: и на основе биологического развития-становления, и на основе исторического, и основе индивидуального развития-становления.

Наше категориальное мышление выражается прежде всего в виде вопросов, местоимений и местоименных наречий. Вопросы **кто? что?** обозначают предмет, вещь, тело, организм, живое существо. **Кто** означает одушевленный предмет, **что** — неодушевленный. Это первое категориальное различие между живым и неживым. Вопрос **какой** — какого качества, **сколько** — указывает на количество, **где** — на пространство, **когда** — на момент времени, **куда** — на движение. Эти вопросы показывают, что человек мыслит категориально. Такое мышление формируется еще в детском возрасте. В виде понятий категории осмысляются на более поздней ступени развития-становления человека. Тогда же формируется и категориальный строй мышления.

Таким образом, мы не можем мыслить ни одного предмета иначе, как с помощью категорий.

Категориальное мышление, которое осознается в виде вопросов и понятий, — это вторичные категориальные определения. Философские понятия-категории, выработанные в процессе исторического развития философии, — это уже третичные категориальные определения.

II. ЖИЗНЬ, СМЕРТЬ, БЕССМЕРТИЕ

Жизнь, смерть, бессмертие — магические слова, которые значат бесконечно много для каждого из нас. Люди задумывались над их смыслом с тех пор, как стали людьми. Особенно пытаются разобраться в них философы. И это естественно. Философы — специалисты по общим проблемам бытия. Для них жизнь, смерть, бессмертие имеют не личное только, а универсально-всеобщее значение.

1. О ЖИЗНИ, СМЫСЛЕ И ЦЕЛИ ЖИЗНИ

Пустота жизни, отсутствие жизнеразличимых дел, откровенная скука — вот что порой приводит к преступлению, наркотикам. Молодой человек может быть просто в растерянности: чем себя занять, что делать, зачем он на этой Земле. Умственная растерянность — благоприятная почва для всяких вывихов поведения, для аномальных поступков.

В этой ситуации очень важно разобраться: в себе, в жизни, что она собой представляет, из чего, из каких моментов она складывается, в чем смысл жизни, нужно ли ставить перед собой цель жизни и т. д. и т. п.

Ниже я предлагаю свое видение этих проблем.

ЧТО ТАКОЕ ЖИЗНЬ?

Жизнь — способ существования живого (организмов, животных, человека), выражающийся как минимум в обмене веществом-энергией с окружающей средой и размножении (воспроизведении себе подобных).

В жизни есть свои минимумы и максимумы. Минимальная жизнь — это наличие двух фаз жизненного цикла: обмена веществ (метаболизма у одноклеточных организмов) и размножения (митотического деления у них же).

Своего максимума жизнь достигает с появлением человека. Над двумя фазами жизненного цикла

надстраиваются психика (то, что досталось человеку от животных) и культура.

У живых организмов и существ жизнь — биологическая форма деятельности, у человека — биосоциальная форма.

Для человека жизнь — деятельность вообще, интегральная деятельность, жизнедеятельность в самом глубоком смысле этого слова. На фоне жизни человек осуществляет специальные или специализированные формы деятельности, такие как общение, познание, практическая деятельность, труд, отдых и т. д. Эти формы деятельности существуют и развиваются лишь в общем контексте жизни, жизнедеятельности субъекта.

Существуют три уровня человеческой жизни или три жизни человека:

1. Растительная жизнь — это питание, выделение, рост, размножение, приспособление.

2. Животная жизнь — это собирание, охота, защита, половое и иное общение, уход и воспитание детей, ориентировочная деятельность, игровая деятельность.

3. Культурная жизнь или жизнь в культуре — это познание, управление, изобретение, ремесло, спорт, искусство (искусство), философия.

Такое деление жизни намечалось уже у Аристотеля (см. "О душе", 413а 21 и далее, 414а30-415а10 и далее).

Эти три жизни относительно самостоятельны, одинаково важны для человека, взаимодействуют, взаимовлияют и опосредуют друг друга. В итоге мы имеем одну весьма многообразную, богатую, противоречивую, **человеческую** жизнь.

Наличие третьего уровня жизни у человека делает его жизнь принципиально отличной от жизни растения или животного и это отличие увеличивается с каждым шагом по пути прогресса культуры.

На основе сказанного можно дать такое определение: жизнь человека есть его жизнь как живого существа и жизнь в культуре.

СМЫСЛ ЖИЗНИ

Наполни смыслом каждое мгновенье,
Часов и дней неумолимый бег

Р. Киплинг. Заповедь

Вопрос о смысле жизни есть прежде всего вопрос о том, является ли жизнь человеческая осмысленной, т. е. освещена ли она светом разума, мышления¹ или лишена смысла, бессмысленна, никак не управляется разумом человека.

Вопрос о смысле жизни есть также вопрос о ее ценности, значимости для самого человека. Имеет ли жизнь смысл, стоит ли жить?²

В этом вопросе есть еще такой оттенок: о смысле жизни мы говорим тогда, когда жизнь осмысливается **в целом**, когда выясняются вопросы **«что такое жизнь?»**, **«для чего, зачем живет человек»**, **«для чего, зачем живу я»**, **«что я делаю в этом мире?»**, когда наша жизнь осмысливается в контексте жизни всех людей, вообще жизни на Земле, вообще бытия мира.

Нужно четко различать понятия "смысл жизни" и "цель жизни". Когда перед человеком стоит цель стать, например, врачом, ученым, инженером, то в этом еще нет ответа на беспокоящий его вопрос о смысле жизни (во всяком случае ответ ощущается им лишь интуитивно, в чисто эмоциональном ключе). Человек в своих размышлениях идет дальше: для чего нужно стать врачом, инженером, ученым? Таким образом, если цель указывает на то, к чему человек стремится, то смысл жизни говорит о том, во имя чего он это делает.

Некоторые люди, в т. ч. некоторые философы, полагают, что смысл жизни в том, чтобы искать этот смысл. Н.А. Бердяев, например, писал: «Пусть я не

¹ "Смысл" очень близок по своему значению понятию мысли; "смысл" и "мысль" буквально сливаются в словах "осмысление", "осмыслить".

² Оба значения выражения "смысл жизни" вытекают из значения слова "смысл". В Словаре русского языка С.И. Ожегова (1991 г.) это слово толкуется так: "Смысл, 1. Содержание, значение чего-н., постигаемое разумом"

знаю смысл жизни, но искание смысла уже дает смысл жизни, и я посвящу свою жизнь этому исканию смысла” (“Самопознание”, III глава). Такой взгляд на смысл жизни по форме не более чем игра слов, умничанье... Искать все время, всю жизнь смысл жизни — это какой-то инфантилизм. Взрослый, зрелый человек так или иначе находит смысл жизни и реализует его, живет осмысленной жизнью. Человек, ищущий смысл жизни, только пытающийся его найти, — это еще не определившийся, не сформировавшийся человек, который пока не состоялся как решающий жизненные задачи. Смысл жизни в этом похож на цель. Прежде чем достигать цель, двигаться от цели к результату, человек должен определить для себя цель, поставить ее. Но целеполагание — лишь первый этап. Человек совершает действия не для того только, чтобы поставить, определить цель, а для того, чтобы достигнуть ее. Так и смысл жизни. Поиск смысла жизни — первая часть проблемы. Вторая часть — реализация смысла жизни, смыслозначимая, осмысленная жизнь.

Далее, очень важно, с одной стороны, искать и находить смысл жизни, а, с другой, не переоценивать значение этого вопроса, не заикливаться на поисках смысла жизни. Жизнь отчасти имеет смысл, а отчасти не имеет.

Жизнь имеет смысл в той мере, в какой она осмысленна, разумно организована, человечески значима.

Жизнь не имеет смысла, т. е. вопрос о ее смысле неуместен в той мере, в какой она автоматична и растительна, в какой она управляется инстинктами, регулируется органическими потребностями. Французское “селяви” (“такова жизнь”) как нельзя лучше передает ее автоматизм, растительность. Наличие этой второй стороны жизни позволяет человеку не напрягаться слишком сильно в поисках смысла жизни, не спешить с жизнезначимыми ответами и решениями, т. е. в какой-то мере расслабиться, отдаться потоку жизни, плыть по ее течению.

В чем же конкретно смысл жизни? Ясно, что каждый отвечает на этот вопрос по-своему. С другой сто-

роны, в нем есть общие моменты. Это — любовь и творчество. В подавляющем большинстве случаев люди осмысливают-оценивают свою жизнь именно в русле этих двух категорий. *Любовь поддерживает, умножает жизнь, делает ее гармоничной, гармонизирует. Творчество обеспечивает прогресс жизни.*

ЦЕЛЬ ЖИЗНИ

Блажен, кто выбрал цель и путь
И видит в этом жизни суть.

Шеллинг

Человек наиболее живет в то
время, когда он чего-нибудь ищет

Ф.М. Достоевский

Жизнь — это процесс постоянного выбора. В каждый момент человек имеет выбор: или отступление, или продвижение к цели. Либо движение к еще большей боязни, страхам, защите, либо выбор цели и рост духовных сил. Выбрать развитие вместо страха раз десять в день — значит десять раз продвинуться к самореализации.

А. Маслоу

Цель "задает" целостность деятельности. Если это цель жизни, то она определяет целостность жизни. У человека, не имеющего цели жизни, и жизнь не реализуется как органическое целое в биосоциальном, т. е. человеческом смысле. "Жизнь без цели — человек без головы" — гласит народная мудрость.

Еще в юности я определил для себя жизненную установку, которую выразил в следующих словах:

Люди нередко распыляют свою жизнь в массе маленьких удовольствий, радостей, не задумываясь о смысле жизни в целом, о главной цели жизни. Они руководствуются правилами: «живи, пока живется», «бери от настоящего все, что можешь, и не заглядывай в будущее» и т. п. Хотя в массе своей маленькие радости делают жизнь приятной, радужной, тем не менее они не могут по-настоящему удовлетворить человека. Ибо человек — не только сумма состояний, переживаний. Человек — это цельность, единство всех его состояний. Он не может удовлетвориться маленькими сиюминутными удовольствиями. Ему нужна радость, которая была бы всеобъемлющей. Она не является простой суммой маленьких радостей. Эта большая радость рождается в упорной борьбе, проходящей через всю жизнь.

Поставить главную цель жизни, стремиться к этой цели всеми силами души и, наконец, достигнуть ее — вот высшая радость жизни!

Не всякий человек ставит перед собой цель жизни, но если ставит, то этим человек полагает ее как *целенаправленную* деятельность.

Вообще в реальной жизни существует целое *дерево целей*. Цель жизни — это главная или общая цель жизни. Помимо нее существуют либо подчиненные, промежуточные, либо побочные цели. Подчиненные и промежуточные цели — это цели, осуществление которых открывает путь к главной цели жизни, приближает к ней. Побочные или параллельные цели — это цели, которые формируют всю «кухню» жизни, обуславливают полноценное гармоническое развитие человека. В своей сумме они не менее важны, чем главная цель жизни (например, цель укрепить здоровье средствами физической культуры, построить дом, различные увлечения, хобби). В некоторых ситуациях возникает конфликт между главной целью жизни и побочными целями. Этот конфликт может завершиться либо победой главной цели жизни, либо победой побочных целей.

Главная цель жизни — это цель, осуществление которой оправдывает жизнь человека в целом, как личности, субъекта, стоящего где-то наравне с обществом, осознающего свои цели как цели человека вообще или цели того или иного сообщества людей. В главной цели жизни по логике вещей сливаются воедино стремления человека как индивидуума и цели общества.

Проблема определения цели жизни сродни проблеме выбора профессии. В формировании цели жизни «участвуют» и случайность, и необходимость, и внешние обстоятельства, стимулы, и внутренние побуждения, мотивы.

Обычно под целью жизни понимают цель, которую человек ставит в русле профессиональной, творческой деятельности, которая ориентирует его в направлении создания нового, небывалого, новых материальных или духовных благ, ценностей.

На самом деле, если исходить из того, что смысл жизни состоит не только в творчестве, но и в любви, человек должен ставить перед собой как минимум две цели жизни. Одна цель касается реализации любви, животворчества. Она непререкаема, т. е. каждый человек независимо ни от чего должен ставить перед собой цель создать семью, дом любви, родить детей и вырастить их. Без этого не будет продолжения рода, продолжения жизни человечества. Другая цель жизни касается профессиональной, творческой деятельности человека.

Да и в творческой деятельности бывает и так, что человек не останавливается на выборе какой-то одной цели жизни. Яркий пример: две жизни А. П. Бородина как композитора и ученого-химика.

Если цель поставлена, то она становится законом деятельности, категорическим императивом, необходимостью, которой человек подчиняет свою волю.

Таким образом, мы видим две стороны сознательной жизнедеятельности: *целеполагание* (поиски цели, выбор цели) и *целенаправленность* (целеустремленность, движение к цели, вернее, от цели к результату). Обе стороны важны для человека в равной степени.

Понимая важность цели и связанных с ней целеполагания и целеустремленности, не следует, однако, абсолютизировать ее. *Жизнь в некотором смысле есть единство цели и бесцельности*, т. е. единство организованности и неорганизованности, труда и отдыха, напряжения и расслабления. Бесцельность реализуется прежде всего в том, что наряду с главной целью жизни существует множество побочных целей. Поиск и реализацию побочной цели (и вместе с тем отвлечение от главной цели) можно интерпретировать как бесцельность. Говорят же, что нельзя все время работать, думать об одном, что нужно отвлечься, развлечься, отдохнуть, снять напряжение, переключиться на другой род деятельности. Не случайно современный человек все больше внимания уделяет побочным занятиям, хобби, интуитивно сознавая, что напряжение труда, главной цели, главного дела жизни может просто уничтожить его.

Нужно также иметь в виду, что жизнь человека не всегда протекает на уровне целеполагания и реализации целей. Человек может совершать целесообразные действия, минуя стадию целеполагания, чисто инстинктивно, безотчетно. Например, потребность в отдыхе, сне может «реализоваться» в виде цели (поисков ночлега и т. п.) или непосредственно — человек незаметно для себя уснул в метро. Или такой пример: когда человек случайно касается рукой горячего предмета, то он отдергивает ее — здесь совершенно целесообразное действие, но нет целеполагания и сознательного стремления к цели.

Когда возникает необходимость целеполагания? Вероятно тогда, когда между потребностью и ее удовлетворением имеется какое-то препятствие (не очень большое, но и не очень маленькое) или для удовлетворения потребности нужно совершить сложные ориентировочные действия.

С ВОЗРАСТОМ ВРЕМЯ ЖИЗНИ УВЕЛИЧИВАЕТСЯ ИЛИ УМЕНЬШАЕТСЯ?

Пока ты не доволен жизнью, она проходит

Л.Б. Лебединская

Жизнь в известном смысле можно уподобить стакану воды. Разные люди по-разному оценивают наполненность стакана. Если оптимисты говорят: стакан наполовину полный, то пессимисты утверждают, что он наполовину пустой. Так и жизнь. С возрастом жизнь прибывает или уменьшается? Одни ощущают, что с возрастом жизнь увеличивается, расширяется. Действительно, само слово «возраст» указывает, что жизнь возрастает. Другие — что она уменьшается, сжимается как шагреновая кожа. Ведь чем дальше мы от рождения, тем ближе к смерти: чем больше мы живем, тем меньше осталось нам жить.

Одни говорят: Не тот стар, кто далек от колыбели, а тот, кто близок к могиле. *(Из радиоспектакля)*

Другие думают так, как сказал А.С.Пушкин в минуту печали:

Летят за днями дни,
и каждый час уносит частичку бытия.

С одной стороны, каждый час, действительно, уносит частичку бытия, если исходить из того, что каждый час приближает нас к смерти, сокращает как шагреновую кожу время жизни. Но, с другой, каждый час **прибавляет** частичку бытия, увеличивает время жизни, если отсчитывать его от дня рождения. Каждый час жизни, если он прожит с пользой-удовольствием, не только физически увеличивает время жизни, но и побеждает смерть, т.е. является шагом к бессмертию.

В свете сказанного становится понятным следующее высказывание одного из семи греческих мудрецов, Бианта: **«Жизнь надо размеривать так, будто жить тебе осталось и мало и много»**. (Диоген Лаэртский, с. 81). В самом деле, с одной стороны, нужно торопиться жить, делать дела, помня о том, что жизнь (и всё в ней) имеет срок. С другой, нужно ставить и достигать большие, долговременные цели, а также делать всё по возможности обстоятельно, с чувством, с толком, с расстановкой, как говорят, поспешать, не торопясь.

Древние — юные или старые?

Мы юнее древних или старше? Древние — старше нас или юнее? Древний мир — старый или юный по отношению к нам?

Этот вопрос высвечивает проблему: существует ли прогресс жизни или человечество деградирует, дряхлеет? Если рассматривать древних как юных и зрелых, а нас как старых и дряхлеющих, то ясно, что мы деградируем и движемся к концу. Если древних рассматривать как юных, а нас как возмужавших, повзрослевших, позрелевших, то, значит, мы сильнее древних.

Этот вопрос имеет такую сторону-подоплеку: древние мудрее нас, более знающие, более владеющие истиной или мы мудрее древних и более знающие? Верующие, считающие Библию священным писанием,

вольно или невольно занимают позицию, что древние мудрее нас, больше нас знают и т. д. и т. п.

2. К ПРОБЛЕМЕ СМЕРТИ И БЕССМЕРТИЯ

Жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному

И. А. Бунин

В живой природе и человеческом обществе связь конечного и бесконечного приобретает характер *взаимоопосредствования*. Это отчетливо видно на примере соотношения смертности и бессмертия.

Первоначально живое являло собой скорее промежуточную, переходную форму конечного и бесконечного, чем их взаимоопосредствование. В *делении* простейших одноклеточных организмов мы видим некоторую нераздельность, непосредственный переход от конечного к бесконечному (конечное еще не отдифференцировано достаточно четко от бесконечного, а бесконечное от конечного; индивидуум и род еще не обособились друг от друга. Деление одноклеточного организма есть просто его *тиражирование*, копирование, повторение). Тем не менее уже в делении выступают основные черты *размножения* — величайшего завоевания жизни. Возьмем для сравнения кристаллическое тело и живой одноклеточный организм. Первое сохраняет себя лишь благодаря устойчивости химических связей между его "частями" и устойчивости самих "частей" — атомов. Возмущающие действия среды сразу или постепенно разрушают кристаллическое тело, прекращают его существование, оконечивают. Конечность кристаллического тела, таким образом, не подконтрольна ему самому, внешня ему. Если нет возмущающих действий среды, то такое тело может существовать неопределенно долго, почти вечно. С другой стороны, оно совершенно беззащитно перед внешней средой и его существование может прекратиться в любой момент. В самом кристаллическом теле нет программы его оконечивания, саморазрушения, перехода в другое тело. Химическая связь, благодаря которой оно существует, "нацелена" только на сохра-

нение, на "химическое бессмертие". Конечное и бесконечное оказываются для бытия кристаллического тела, хотя и взаимозависимыми, но все же достаточно равнодушными друг к другу противоположностями.

Совсем другое мы видим у живых организмов. Программа оконечивания заложена в них самих. Если химическая связь внутри кристаллического тела "нацелена" только на сохранение, то биохимические процессы, происходящие в живом организме, направлены не только на его сохранение, но и на преобразование, на переход в другой организм и даже на смерть, т. е. разрушение, распад — в случае многоклеточных организмов. Конечный срок жизни живого организма запрограммирован в нем самом: конечное, таким образом, присутствует в самом бесконечном, опосредует его. Это одна сторона соотношения конечного и бесконечного применительно к существованию живого. Другая сторона состоит в том, что хотя живой организм и оконечивает себя, он все же сохраняет, обесмертывает себя, делает себя бессмертным — *благодаря воспроизведению себе подобных*. По образному выражению американского цитолога Д. Мэзии "благодаря размножению клеток жизнь ухитряется обвести вокруг пальца время и притом с двойным выигрышем — вместо одной клетки получить две"¹. Хорошо сказано: "обвести вокруг пальца время"! Своим размножением организм как бы предупреждает разрушающее действие времени, осуществляет прорыв в бессмертие. Кристаллическое тело — игрушка в "руках" природной стихии, его время "жизни" целиком зависит от прихотей окружающей среды. Живой организм, включив в себя конечность, изменчивость, получил возможность приспособливаться к изменяющимся условиям среды и этим в какой-то мере обезопасил себя от них. Он поставил сам себе предел существования, но так, что его конец совпадает с началом существования подобного ему организма, являющегося для него дочерним. Последний продолжает "дело" приспособления к изменяющимся условиям среды и так до беско-

¹ Мэзия Д. Живая клетка. М., 1962. С. 67.

нечности. Живой организм, таким образом, обладает пластичностью, которая совершенно не свойственна кристаллическому телу.

Кристаллическое тело не знает воспроизведения себе подобных и поэтому по отношению к нему бессмысленно говорить о бессмертии рода. Его "жизнь" целиком ограничивается рамками "индивидуального" существования. Жизнь же организма неотделима от жизни рода. Его бренность как бы нейтрализуется, снимается в бессмертии рода. С другой стороны, последнее возможно лишь при наличии конечных существований отдельных организмов.

Далее, если внимательно приглядеться к различиям внутри живого, то можно увидеть, что для одноклеточных организмов, размножающихся путем митотического деления, противоположность конечности и бесконечности существования не так ярко выражена, как для многоклеточных организмов, размножающихся половым путем. (Выше я уже говорил о том, что первоначально живое являло собой скорее промежуточную форму конечного и бесконечного, чем их взаимоотношение, предполагающее яркую выраженность того и другого как противоположностей). О конечности существования одноклеточных нельзя говорить как об их смертности. Соответственно и об их бессмертии в строгом смысле говорить нельзя. Ведь бессмертие — противоположность смертности. Одно без другого не существует. Если нет смертности, то нет и бессмертия. Мы же не говорим о разрушении кристаллического тела как о его смерти и о неопределенно долгом существовании тела как о его бессмертии. Конечно и одноклеточные организмы погибают, если условия среды для них крайне неблагоприятны. Но их гибель не есть их смерть в точном смысле этого слова. В них самих нет "механизма", программы умирания, смерти, как это можно видеть у многоклеточных организмов. Последние при *любых* условиях среды запрограммированы на смерть. Одноклеточные же запрограммированы только на деление, размножение и если погибают, то лишь при неблагоприятных изменениях окружающей среды. К. Ламонт справедливо пи-

шет: "Смерть не есть необходимое или всеобщее явление; она возникла после того, как живые существа достигли некоторого прогресса в процессе эволюции. Существовали и существуют различные одноклеточные организмы — амебы, грибки, морские водоросли, которым внутренне не присущи старость и смерть; они погибают только вследствие внешних случайностей — нападения врага или чрезвычайно неблагоприятной внешней среды. Эти мельчайшие организмы размножаются путем деления тела: один индивид становится двумя, и после этого процесса не остается ничего, что соответствовало бы труп. Такое деление может продолжаться бесконечно"¹. Примерно об этом же пишет отечественный ученый В. М. Дильман: "Теоретически некоторые простейшие одноклеточные организмы бессмертны, так как после каждого деления подобного существа возникают два полностью одинаковых дочерних потомка, обладающих всеми свойствами исходного организма. В благоприятных условиях процесс последовательных делений может продолжаться неограниченно... Если бы эта способность наблюдалась только у одного вида простейших или даже у одной ветви, то и тогда это было бы основанием для утверждения, что теоретически существует жизнь без внутренних причин смерти при наличии определенных благоприятных условий внешней среды"². В. М. Дильман упоминает о проверенном в эксперименте делении парамеции в течение 8400 поколений как доказательстве возможности неограниченного процесса последовательных делений. Но сама жизнь демонстрирует нам это на каждом шагу. В настоящее время на Земле существуют и процветают многочисленные одноклеточные организмы, которые начали делиться, размножаться миллиарды лет назад. Они фактически не знают смерти! Они делятся и делятся практически бесконечное число раз, пока существуют благоприятные условия среды.

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 83.

² Дильман В.М. Большие биологические часы. М., 1981. С. 14.

В свете сказанного хотелось бы обратить особое внимание на необходимость четкого разграничения понятий "гибель" и "смерть". Не все, что является гибелью, заслуживает названия смерти и, наоборот, не все, что умирает, гибнет. Строго говоря, смерть — это прекращение жизнедеятельности многоклеточного организма в результате *совместного* действия внутренних и внешних факторов жизни (естественного развития организма и неблагоприятных условий среды). Одноклеточные организмы, делящиеся митотически, не умирают, поскольку их естественное развитие приводит к делению, а не к смерти. Если их жизнедеятельность прекращается, то не в результате естественного развития, а вследствие неблагоприятных внешних воздействий. Поэтому прекращение их жизнедеятельности следует называть не смертью, а гибелью. Гибель — это прекращение существования чего-либо живого (или связанного с ним) вследствие внешних неблагоприятных воздействий. Гибнут не только отдельные живые организмы, но и их сообщества (надорганизменные образования — популяции, человеческие цивилизации, народы, государства), гибнут также предметы культуры и т. д.

Итак, феномен смертности возникает лишь на стадии многоклеточных организмов, размножающихся половым путем. Эти организмы не просто гибнут, а умирают. Их смерть обусловлена как внешними случайными причинами, так и внутренними условиями существования, что дает основание рассматривать ее как необходимый момент оконечивания жизни многоклеточных организмов. "Вряд ли стоит доказывать, — пишет В. М. Дильман, — что устранение внешних причин болезней не спасет высшие организмы от смерти. Для каждого вида организмов характерен определенный предел длительности жизни. Крыса не может прожить более четырех лет, слон — более 80, и никто не наблюдал, чтобы крыса жила дольше, чем это в норме свойственно слону. Устранение внешних неблагоприятных факторов может лишь привести к тому, что продолжительность жизни индивидуума совпадет с видовым ее пределом. Так, если средняя дли-

тельность жизни человека составляет сейчас около 70 лет, то видовой ее предел... считается равным 120 годам. Пока же у большинства организмов видовых пределов жизни достигают только отдельные представители"¹.

На запрограммированный характер смерти у высших организмов косвенно указывает такой факт. Отдельные организмы в силу каких-то наследственных аномалий ускоренно проходят этапы жизненного цикла и умирают намного раньше своих сородичей. Венгерский король Людовиг II в 14 лет имел большую бороду, а в 18 лет она поседела. В 30 лет Людовиг умер со всеми признаками глубокой старости. Медицинская статистика знает случаи, когда новорожденные оказывались маленькими стариками. Индивидуальное развитие многоклеточного организма закономерно приводит его к смерти.

Смерть как запрограммированный конец — эволюционное приобретение жизни и не исключено, что человек, изменив соответствующим образом свою генетическую программу, может покончить со смертью. Жизнь как таковая не носит в себе зародыш смерти. Она, бесспорно, носит в себе зародыш изменения, преобразования, но не смерти, а тем более не гибели².

Возникновение смерти как явления оконечивания жизни привело к большей дифференциации (большему противопоставлению) конечного и бесконечного. Смертность отдельного биологического индивида и бессмертие рода — это, в известном смысле, кричащие противоположности. С другой стороны, большая дифференциация конечности и бесконечности существования сопровождалась углублением их взаимоотношения, опосредствующих связей между ними.

¹ Дильман В.М. Большие биологические часы. М., 1981. С. 16.

² Здесь я противопоставляю свою точку зрения точке зрения Гегеля, утверждавшего, что "жизнь как таковая носит в себе зародыш смерти" (Гегель. Энцикл. филос. наук. Т.1, М., 1974, С. 206 /§ 81/. См. также § 92). Смертность отнюдь не является внутренним свойством *всякой* жизни. Одноклеточные не несут в себе зародыша смерти.

Половое размножение как раз играет роль такого опосредователя. Оно, с одной стороны, противопоставляет организм и род (конечное и бесконечное), а, с другой, является связующим звеном между ними.

Противопоставляющая роль полового размножения состоит в том, что оно, во-первых, делает ненужным индивидуальное "бессмертие" организма и, во-вторых, при половом размножении организм не повторяется полностью в своем потомстве, не тиражируется один к одному и, следовательно, не сохраняет себя в своей особенности. Конечность, особенность, индивидуальность отдельного организма выступает в этом случае ярче, острее, обнаженнее.

Роль полового размножения как связующего звена состоит в том, что оно "приобщает" организм к бессмертию и в гораздо большей степени, чем это было у делящихся организмов. *Продолжение рода* — реальное биологическое бессмертие высших организмов. В нем мы видим постоянный переход конечного в бесконечное, а бесконечного в конечное, причем так, что ни конечное, ни бесконечное не исчезают, но сохраняются как моменты этого перехода. В чисто конечном существовании нет продолжения рода, как нет его и в чисто бесконечном существовании.

В человеческом обществе происходит дальнейшее углубление взаимоотношения конечного и бесконечного. Проблема смертности и бессмертия осознается и решается как одна из важнейших проблем человеческого бытия. К. Ламонт пишет по этому поводу:

"Все люди смертны" — этими словами начинается самый знаменитый из силлогизмов, гласящий далее: "Сократ — человек" и "следовательно, Сократ смертен". Отрасль философии, известная под названием логики, превозносила этот силлогизм как пример совершенного рассуждения; мало того, философия в целом потратила очень много времени и массу энергии на исследование того, в чем заключается подлинное и полное значение этого силлогизма... Суть вопроса заключалась в следующем: насколько серьезно мы должны относиться к высказыванию о том, что люди и Сократ смертны? Ведь существует известное противоположное высказывание по этому вопросу — что люди и Сократ

бессмертны или по крайней мере бессмертно то, что мы называем их личностями или душами. В самом деле, сам Сократ, если верить "Диалогам" Платона, был одним из первых философов, выдвинувших гипотезу бессмертия души.

Поставим вопрос по-другому: когда люди умирают, а это, как каждый должен допустить, действительно происходит с нами, умирают ли они *действительно*, то есть остаются ли они мертвыми? Или, как это формулирует Иов: "Если человек умрет, то будет ли он снова жить?" Не может быть сомнения в том, что эта проблема смерти или тайна смерти — была одним из первых и главных стимулов философского исследования. Опять-таки именно Сократ, согласно платоновскому диалогу "Федон", называл философию размышлением о смерти, что, выражаясь проще, означает размышление о том, смертен человек или бессмертен"¹.

Многие философы связывают проблему смертности и бессмертия с проблемой смысла жизни. И это справедливо, поскольку данная проблема заставляет человека, хочет он того или нет, осмысливать жизнь в целом.

Жизнь, смерть, бессмертие — явления одного порядка. И если жизнь противоположна смерти, а смерть — бессмертию, то, следовательно, жизнь и бессмертие суть одно. Из этого умозаключения мы можем видеть, что бессмертие — не потусторонняя для жизни категория, а внутренне присуще ей. С другой стороны, смерть (как это мы выяснили раньше) не совсем внешне жизни, хотя и противостоит ей. Правильно поэтому сказать так: *жизнь создает и разрешает противоречие между смертностью и бессмертием*. В этой формуле — общее решение проблемы смертности и бессмертия.

Точка зрения, которая противопоставляет смертность и бессмертие, считает их несовместимыми, несоединимыми, в конечном счете парализует волю и разум людей или заводит их в тупик. В самом деле, тот, кто отрицает смертность и верит в личное бессмертие (бессмертие души), тем самым обесценивает реальную жизнь, как бы сказать, совместную жизнь души и тела. А тот, кто считает, что человек только смертен, стремится жить одним днем, не заботясь о

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 15.

будущем, не заботясь об улучшении жизни вообще, так как для него существует только понятие его конкретной, данной жизни.

Я взял крайние случаи, но они наглядно показывают, к чему может привести противопоставление смертности и бессмертия, абсолютизация одной из сторон этого противоречия жизни.

3. ЖИЗНЬ ПРОТИВ СМЕРТИ

Человек свободный ни о чем так мало не думает, как о смерти, и его мудрость состоит в размышлении не о смерти, а о жизни.

Б. Спиноза. Этика

СМЕРТЬ КАК АБСОЛЮТ

Если стоять на позиции, что человек *только* смертен, то это приводит к различного рода нелепым выводам и опасным решениям. Об одном из таких выводов я писал выше. Он прямо ведет к махровому эгоизму и самоизоляции. Но это еще не самое крайнее следствие из мыслей о смертности.

Человекоубийственная логика (мыслительные абсолютизации смерти)

Если постоянно думать о смерти (сверлить мозг мыслью об этом), то можно сначала прийти к мысли о ненужности жизни, а затем к мысли о самоубийстве и на самом деле покончить с собой. (Так, кстати, и бывает в некоторых случаях, когда человек сознательно занимает позицию умирающего, мирится с неизбежностью смерти, ничего не предпринимает для поддержания своей жизни. Человек может даже внушить себе, что он умирает, и это внушение порой оказывается настолько сильным, что смерть действительно наступает. Описан случай, когда в США умер преступник, приговоренный к смертной казни. В то время, когда преступник сидел на стуле, ток из-за неисправности

сети не был подключен, однако смерть наступила!¹⁾

Могут сказать, что мысль о смерти — это только мысль. Да, конечно, мысль о смерти и сама смерть не одно и то же. Тем не менее она, если человек сосредоточивает на ней внимание, может оказаться роковой для него.

Ц. П. Короленко и Г. В. Фролова пишут: “Немецкий психиатр профессор Вольф ввел, например, понятие “психогенное самоубийство”, когда речь идет о совершенно необъяснимой смерти человека физически здорового, но духовно надломленного, уставшего бороться со сложными психологическими ситуациями...

У взрослого человека, слишком сосредоточившегося на своих бедах и неудачах, может возникнуть хроническое дурное настроение и хроническая депрессия, которую некоторые исследователи описывают как хроническое самоубийство: думая часто о смерти, желая ее приближения — как избавления от трудностей — человек теряет аппетит, вкус к жизни, перестает следить за своим здоровьем. Возникает состояние, похожее на смерть Вуду — человек голодает, тоскует, возникает бессонница, беспричинная рвота, постепенно все функции угнетаются, органы человека один за другим выходят из строя... Человек стремится к смерти — и умирает”²⁾.

В чистом виде мысль о смертности, умирании ни к чему иному не приводит, как только к действительной смерти.

Возведенная в ранг философской концепции мысль о смертности, бренности, конечности человеческого существования ведет к представлению о бессмысленности жизни, о тщетности всяких человеческих усилий. Характерна в этом отношении позиция библейского проповедника, именуемого Экклезиастом: “участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом; потому что все — суета! Все идет в одно место: все произошло из праха, и все возвращается в прах”(Екклесиаст 3, 19-20). Этот вывод Экклезиаста

¹ См.: Буль П.И. Психотерапия, гипноз, внушение и современная медицина. Л., 1979. С. 23.

² Короленко Ц.П., Фролова Г.В. Вселенная внутри тебя. Новосибирск. “Наука”, 1979. С. 129-130.

восприняли некоторые проповедники христианской религии и интерпретировали его в том смысле, что быстротечная жизнь человека на Земле сама в себе не имеет никакой ценности и нужно поэтому стремиться к жизни вечной за гробом. Весьма показательны поучения православного деятеля В. Гурьева, содержащиеся в его книге “Поучения по руководству жития блаженного старца Серафима” (М., 1904). Он пишет: “Размышление о смерти и спасительно и полезно”. Особенно важны, по его мнению, четыре “пользы”:

1) “Размышление о смерти удаляет человека от грехов”.

2) “Этим человек угождает богу”.

3) “Приучает человека смотреть на его земную жизнь, как на жизнь временную и скоропреходящую, приучает смотреть на ее блага, как на тленные и суетные, на тело, как темницу для души”.

4) “Кто всегда приуготовляется к смерти, тот узнает способ благополучно умереть...”

Далее этот богослов поучает: “Учись жить на свете, — советует отец сыну. Научись хорошо умирать, — должно советовать христианину”.

Эти поучения можно было бы квалифицировать как пример непревзойденного жизнененавистничества, но скорее всего в них больше самообмана и ханжества, чем искреннего неприятия земной жизни.

Православный богослов не оригинален. Более чем за две тысячи лет до него Сократ в передаче Платона высказывал сходные мысли. “А вам, мои судьи, — говорил он, — я хочу теперь объяснить, почему, на мой взгляд, человек, который действительно посвятил жизнь философии, перед смертью полон бодрости и надежды обрести за могилой величайшие блага. (...) Те, кто подлинно предан философии, заняты на самом деле только одним — умиранием и смертью. Люди, как правило, этого не замечают, но если это все же так, было бы, разумеется, нелепо всю жизнь стремиться только к этому, а потом, когда оно оказывается рядом, негодовать на то, в чем так долго и с таким рвением упражнялся!” (Федон, 63е-64а). В другом месте он поясняет: “...истинные философы гонят от себя все желания тела, крепятся и ни за что им не уступают, не боясь разорения и бедности в отличие от большинства, которое корыстолюбиво” (82с). “Кто заботится о своей душе, а не холит тело, тот расстанется со всеми этими желаниями” (82d). “Тем, кто стремится к познанию, хорошо известно вот что: когда фи-

лософия принимает под опеку их душу, душа туго-натуго связана в теле и прилеплена к нему, она вынуждена рассматривать и постигать сущее не сама по себе, но через тело, словно бы через решётки тюрьмы, и погрязает в глубочайшем невежестве...” (82е)¹

И все же люди нередко, концентрируя свои мысли на неотвратимости смерти, приходят к неутешительному выводу о тщетности своих усилий, к различным пессимистическим решениям. Даже у такого сильного человека и глубокого мыслителя, как Лев Толстой, бывали минуты пессимизма и слабодушия, вызванные этими мыслями. Вот что пишет об этом И. И. Мечников: “Когда Толстой, преследуемый страхом смерти, спросил себя, не может ли семейная любовь успокоить его душу, он тотчас увидел, что это — напрасная надежда. К чему, спрашивал он себя, воспитывать детей, которые вскоре очутятся в таком критическом состоянии, как их отец?”. Далее Мечников цитирует Толстого: “Зачем же им жить? Зачем мне любить их, растить и блюсти их? Для чего же отчаяние, которое во мне, или для тупоумия? Любя их, я не могу скрывать от них истины, — всякий шаг ведет их к познанию этой истины. А истина — смерть”. Мечников комментирует: “Понятно, что некоторые люди, дойдя до такого пессимистического воззрения, воздерживаются от произведения потомства”².

Видите, как Толстой повернул вопрос: “смерть — истина”. Поистине убийственная фраза! Но в том-то и дело, что смерть — не вся истина, а следовательно — полуложь.

Горькие рассуждения Толстого и комментариев Мечникова обнаруживают еще одну важную сторону вопроса: чистые мысли о смерти, смертности человека *несовместимы* с семейной любовью, деторождением. И если последние — факт и истина, то, следовательно, первые не соответствуют действительности. И еще: производство потомства, продолжение рода — это, как я уже говорил, прорыв в бессмертие, это реальное, фактическое *соединение* конечности и бесконечности

¹ См.: Платон. Собр. соч. в 4 т.т. Т. 2, М., 1993. С. 14, 38, 39.

² См.: Мечников И.И. Этюды о природе человека. Гл. IX.

существования. Естественно, мысль о чистой смертности (“только смертности”) человека *сопротивляется* этому соединению и в отдельных случаях, как указывает И. И. Мечников, *на самом деле* препятствует ему. Нужно, следовательно, гнать эту мысль прочь как вредную и опасную для человека.

И. И. Мечников приводит также мнения некоторых деятелей о тщетности научных исканий и открытий, поскольку-де они не находят “другого конечного решения, как предложения могильного уничтожения”. Он пишет:

“Когда в споре о банкротстве ее (науки — Л.Б.) Ш. Роше приводит благотворное лечение дифтерита специфической сывороткой в доказательство могущества научных открытий, то Брюнетьер отвечает ему: “Серотерапия не помешает нам умереть и, более того, не научит нас, зачем мы умираем”. Всегда мы возвращаемся к вопросу о смерти. Стоит ли вылечить от дифтерита ребенка, обреченного сделаться взрослым, чтобы узнать о неизбежности смерти, которая должна наполнить его ужасом?”.

Далее Мечников комментирует:

“Если наука бессильна разрешить важнейшие задачи, терзающие человечество, если она отказывается от этого по недостатку знания, если она не находит другого конечного решения, как предложение могильного уничтожения, то легко понять, что многие даже самые выдающиеся умы отворачиваются от нее. Желание найти какое-нибудь утешение в страданиях нашего бытия без определенной цели направляет их в объятия религий и метафизик. Вот почему в современном человечестве, несомненно, замечается стремление назад к вере. Погружаются в мистицизм, думая, что он даст ответ менее безотрадный, чем уничтожение, небытие”¹.

Как видим, здесь тот же мотив, что и в рассуждениях Толстого. Только на этот раз речь идет не о семейной любви и производстве потомства, а о научном творчестве. Зачем творить, выдумывать, пробовать, если нас всё равно ждет могильное уничтожение?! Мысль о чистой смертности и здесь направлена против соединения конечности и бесконечности существования. Ведь научное творчество, как и семейная любовь, разрешает противоречие между смертностью

¹ См.: Мечников И.И. Этюды о природе человека. Гл. IX.

и бессмертием, *делает* человека бессмертным.

Последний комментарий Мечникова интересен еще тем, что в нем явственно показано, к чему может привести противопоставление смерти и бессмертия. Либо полное уничтожение и тогда все бессмысленно, либо вера в потустороннее бессмертие — здесь нет ничего, кроме шараханья из крайности в крайность. Сначала мы доводим до абсурда мысль о смерти, приравниваем ее к полному уничтожению, а затем отбрасываем ее, отказываемся от всякого рационального объяснения и бросаемся в объятия религии и мистицизма, которые обещают нам потустороннее бессмертие.

Итак, в мыслях о смерти, смертности есть своя, *человекоубийственная логика*, отравляющая сознание человека, мешающая ему жить, любить и творить. Эти мысли ядовиты не только своей логикой, но и своей *эмоциональной* силой. Они лежат в основе таких эмоциональных состояний, как *страх смерти* и *отчаяние*. В этих состояниях, правда, нет прямого стремления к смерти. Тем не менее они убивают, быстро или медленно, в зависимости от своей силы.

Страх смерти и отчаяние (эмоциональные абсолютизации смерти)

Страх смерти хуже самой смерти
поговорка

Сразу же оговоримся, в умеренной дозе страх смерти необходим человеку. Такой страх лучше называть не страхом, а *боязнью, неприятием, нежеланием смерти*. Боязнь, нежелание смерти вытекает из нашего естественного инстинкта самосохранения. Страх же смерти есть преувеличенное, гипертрофированное переживание опасности смерти. Оно так же вредно, пагубно, как и пассивное приятие или прямое стремление к смерти. Это тот случай, когда говорят: крайности сходятся. Испытывающий сильный страх смерти подвергает себя почти такой же опасности, как и стремящийся к ней. “Крайний ужас, — пишет К. Ламонт, — может парализовать человека, лишить его дара речи или вызвать сильное сердцебиение; после землетрясе-

ний находят мертвых мужчин и женщин, у которых нет никаких следов повреждений”¹. Говорят: у страха глаза велики. Действительно, в основе страха смерти лежит преувеличенное представление о всеисилии смерти, о том, что жизнь есть нечто весьма хрупкое, жалкое, беспомощное по сравнению с Ее Величеством Смертью.

Еще более глубоким эмоциональным состоянием, подавляющим всякую волю, всякое сопротивление, является *отчаяние* (чувство полной безнадежности, безысходности). В научной литературе не раз описывались случаи, получившие название “смерть Вуду”.

“Явлением этим, — пишут Ц. П. Короленко и Г. В. Фролова, — интересовались многие исследователи; причина смерти имела чисто психологическую окраску. Исследователи замечали, что австралийские аборигены, узнав, что на них “брошено” проклятье или колдовство за то, что они нарушили какой-либо важный запрет (табу), реагировали яркими симптомами паники, переходящей в отчаянье, отказ от всякой деятельности, апатию. Состояние это приводило к смерти.

(...) Рихтер предполагал, что... причиной ее (“смерти Вуду” — Л.Б.) является не страх, а безнадежность. (именно безнадежность, утверждают некоторые исследователи, становится также причиной смерти многих людей, терпящих бедствие на воде и т. п. Латинское изречение “пока дышу — надеюсь”, видимо, будет соответствовать истине и в другом его прочтении: “пока надеюсь — дышу”).

(...) Смерть в результате ожидания смерти и сегодня не является редкостью... Возможно, у людей, живущих в крайне суеверном окружении, механизм ожидания смерти может быть значительно усилен. Возможно, что процесс “аутосуггестии” — самовнушения — изменяет жизненно важные физиологические механизмы, в результате происходит нарушение центра вегетативной нервной системы. Характерно, что результаты патолого-анатомических исследований в таких случаях указывают на симптомы вазомоторного паралича... Разумеется, не суеверия служат пусковым толчком, а усиленные эмоции страха, длительное чувство тревоги, угрозы. И даже не сам страх непосредственно перед какой-то причиной, а фрустрация, такие ситуации, в которых возникает твердое убеждение, что все напрасно, спасения нет”².

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 95.

² Короленко Ц.П., Фролова Г.В. Вселенная внутри тебя. Новосибирск. “Наука”, 1979. С. 25-28.

О пагубности психологического настроя, лежащего в основе отчаяния, писал французский врач Ален Бомбар. Он провел специальное исследование причин гибели потерпевших кораблекрушение. Вот что мы читаем в его книге “За бортом по своей воле”:

“Ежегодно пятьдесят тысяч человек погибает, уже находясь в спасательных судах. Неужели ничего нельзя сделать для их спасения? А если можно, то что? Я принялся перечитывать легендарные рассказы о потерпевших кораблекрушение, но, судя по ним, всякая борьба казалась безнадежной, а всякая надежда бессмысленной.

(...) 14 апреля 1918 года трансатлантический пассажирский пароход “Титаник” столкнулся с айсбергом. Через несколько часов “Титаник” затонул. Первые суда подошли к месту катастрофы всего через три часа после того как пароход исчез под водой, но в спасательных шлюпках уже было немало мертвецов и сошедших с ума. Знаменательно, что среди тех, кто поплатился безумием за свой панический страх или смертью за безумие, не было ни одного ребенка моложе десяти лет. Эти малыши находились еще в достаточно разумном возрасте.

Подобные примеры подкрепили мое интуитивное убеждение, что моральный фактор играет решающую роль. Статистические данные, утверждающие, что 90% жертв погибает в течение первых трех дней, следующих за кораблекрушением, сразу стали удивительно понятными. Ведь для того чтобы умереть от голода или жажды, потребовалось бы гораздо больше времени!

Когда корабль тонет, человеку кажется, что вместе с его кораблем идет ко дну весь мир; когда две доски пола уходят у него из-под ног, одновременно с ними уходит все его мужество и весь его разум. И даже если найдет в этот миг спасательную шлюпку, он еще не спасен. Потому что он замирает в ней без движения, сраженный обрушившимся на него несчастьем. Потому что он уже больше не живет. Окутанный ночной тьмой, влекомый течением и ветром, трепещущий перед бездной, боящийся и шума и тишины, он за каких-нибудь три дня окончательно превращается в мертвеца.

Жертвы легендарных кораблекрушений, погибшие преждевременно, я знаю: вас убило не море, вас убил не голод, вас убила не жажда! Раскачиваясь на волнах под жалобные крики чаек, вы умерли от страха.

Итак, для меня стало совершенно очевидным, что множество потерпевших кораблекрушение гибнет задолго до того, как физические или физиологические условия, в которых они оказываются, становятся действительно смертельными.

Как же бороться с отчаянием, которое убивает вернее и быстрее любых физических лишений?”¹.

Переплыв на надувной лодке Атлантический океан без запасов пищи и воды, А. Бомбар доказал, что даже в самых отчаянных условиях можно с успехом бороться за жизнь.

Его опыт повторили в четырех экспедициях болгарские мореплаватели Дончо и Юлия Папазовы. В книге “С “Джу” через Тихий океан” Дончо Папазов не раз отмечал, что борьба с испугом, страхом, отчаянием — непереносимое условие выживания в экстремальных условиях. Он, например, писал:

“Меня много раз спрашивали: “А не страшно ли вам?” И я всегда затруднялся с ответом. Я не могу утверждать, что мне неведом страх. Не умею также объяснить, как удаётся усилием воли отбросить его. Подавить. Заглушить его, четко и ясно сознавая, что закрывшийся в душу страх — это начало предательства цели, усилий, друзей. И все-таки одни люди рождаются трусливыми или с годами возвращают в своей душе страх. Другие вовсе не ведают страха. Третьи преодолевают его. У нас с Джу даже испуг — табу. Оставляем его на берегу, сделав его уделом дней подготовки к экспедиции и рассуждений о возможных злоключениях и авариях”².

В одной книге приводится мудрая притча о надежде. Ее рассказал Александр Жебровский, один из героев-моряков, выдержавших 82-дневное вынужденное плавание на небольшом катере в океане. Вот как передает этот рассказ писатель Л. Наумов:

“— А кто из вас, ребята, знает старого моряка Ивана Аурова? — спросил Жебровский...

— Это прадед мой. Толковый был старик. Рассказывал он как-то своему сыну — деду значит моему, а уж тот — мне. Эта сказка, как вам сказать, стала вроде нашим семейным гербом... Пришел как-то моряк к мудрецу и говорит: “пропаду, наверное. В такую бурю в последний раз попали — не приведи господи! еле жив остался. Посоветуй мне, ты все знаешь: как мне живым остаться до старости?” Что же, — отвечает мудрец, — это можно. Вот тебе, говорит, кувшин, с ним не пропадешь”.

Плავает моряк год-другой. Шторма переносит почище

¹ Бомбар А. За бортом по своей воле. М., 1958. С. 7-8.

² Папазовы Дончо и Юлия. С “Джу” через Тихий океан. М., 1983. С. 81. См. также стр. 72, 68, 78-79, 80.

того, в который мы сейчас попали. И ничего — живет. “Что же, — думает он, — за кувшин такой, что он от беды меня оберегает?” Отвинтил он раз пробку и заглянул внутрь. А в кувшине ничего нет — пустой. “Вот тебе и раз — удивился моряк. — Что же мудрец мне голову морочит?”

Пришли они в порт, где этот мудрец жил, и моряк пошел к мудрецу. “Что же ты, мудрец, мне пустой кувшин дал? Там же ничего нет”. “Как нет? — спросил мудрец. “Так и нет, смотри сам”. Заглянул мудрец в кувшин и говорит: “Э-э, плохо ты смотришь, парень. Там есть одна вещь. Надеждой она прозывается. Надеждой! С нею моряк никогда не пропадет. Все может моряк потерять, но надежду он терять не должен. С нею из любого шторма, из любой беды выйдет моряк, и какая бы буря ни разразилась, какой бы шторм ни бушевал, — всегда у моряка должна жить надежда, что все будет хорошо. Она его и хранить от всех невзгод будет. Вот так!”...

Понравилась тогда моему деду — Ивану Аурову — эта сказка, и определил он тогда так: пусть в нашем моряцком роду будет жить вот эта самая надежда. И что ж! У нас в роду никто в море не погибал, все до старости доживали, а ведь моряками были все — и прадед, и дед, и отец мой. Вот какие дела-то, ребята. Так что надежду никогда терять нельзя”¹.

Не случайно здесь приведены высказывания людей, побывавших в экстремальных условиях и выдержавших испытание с честью. Это компетентные высказывания. В них выражено твердое убеждение, что страх смерти и отчаяние — эти *эмоциональные абсолютизации смерти* — вредны, опасны, пагубны для человека.

В XX веке абсолютизация смерти как зараза поразила культуру. Она стала одним из проявлений антикультуры. См. об этом ниже, стр. [350](#).

* * *

Итак, человек не является чисто смертным существом. Хотя он и знает, что когда-то умрет, он все же постоянно отодвигает эту мысль о смертности на задний план сознания и думает, в основном, о жизни, о том, что он делает и что собирается делать.

Отодвигая на задний план мысль о смерти, человек, естественно, выводит на авансцену сознания мысль о

¹ Наумов Л. 82 дня в океане. В: “Океан покоряется людям”. Владивосток. 1961. С. 99-100.

нескончаемом существовании, т. е. фактически о бессмертии. И это резонно. Ведь многое в жизни человек делает с расчетом на долговременное, неопределенно долгое существование самого себя и уж тем более плодов своей деятельности, того, что он породил, создал, порождает и создает (детей, материальные и духовные ценности). У С. Я. Маршака есть стихотворение, удивительно тонко передающее замечательную черту человека — его неиссякаемый жизненный оптимизм:

Все умирает на земле и на море
Но человек суровой осужден:
Он должен знать о смертном приговоре,
Подписанном, когда он был рожден.
Но, сознавая жизни быстротечность,
Он так живет — наперекор всему,
Как будто жить рассчитывает вечность
И этот мир принадлежит ему.

Рассмотрим такой вопрос. С точки зрения чистой смертности человеку должно быть все равно, когда он умрет: в 20, 50 или 80 лет, сейчас или когда-нибудь потом. В самом деле, для чисто конечного существования не имеет значения, когда это существование прекратится. Между тем человеку далеко не безразлично, когда он умрет: в 20, 50 или 80 лет. Существуют же такие выражения: “преждевременная смерть”, “безвременная кончина”, “ранняя смерть” и т. п. Они как раз и указывают на то, что смерть не является повластной хозяйкой жизни, что ее наступление, как правило, нежелательно, что в определенный период жизни она вообще не должна “возникать”. Значит и с этой точки зрения человек не просто смертен.

Существуют еще выражения: “находиться на грани жизни и смерти, между жизнью и смертью”, “находиться на волосок от смерти” — это о человеке, который находится в смертельной опасности или, как еще говорят, на краю могилы. Эти выражения указывают на то, что между жизнью и смертью имеются промежуточные, переходные состояния, когда человек еще не умер, но уже практически и не жив. К таким переходным состояниям относятся, например, состояния

клинической смерти, т. е. смерти, которую можно обратить, повернуть вспять (сама смерть носит *необратимый* характер; необратимость — ее сущностная черта). Так вот, благодаря тому, что существует это переходное состояние между жизнью и смертью, врачи имеют возможность спасти умирающего, вернуть его к жизни. Кстати, врачи нередко употребляют фразу “будет жить”. Она тоже указывает на наличие переходного состояния между жизнью и смертью.

Другого типа переходное состояние мы встречаем в рассказе Джека Лондона “Любовь к жизни”. В результате хронического недоедания и сильного физического истощения герой рассказа оказался настолько беспомощным, что его ждала неминуемая смерть, если бы не подоспевшая вовремя помощь людей.

Наличие промежуточных, переходных состояний между жизнью и смертью свидетельствует о том, что последние различны и даже противоположны друг другу и не только в смысле внутренних, но и внешних (разделенных во времени) противоположностей.

Жить значит умирать?

В подготовительных материалах к “Диалектике природы” можно найти такую фразу Ф. Энгельса: “жить значит умирать”. Ее подхватили некоторые философы и ученые, стали даже рассматривать как пример диалектической мудрости. Между тем, если разобратся объективно, то следует признать, что это высказывание Энгельса является неудачным, псевдодиалектическим по существу. Ведь смерть (умирание) в точном смысле слова есть конец, прекращение жизни многоклеточного организма. Ни о каком умирании организма *в течение жизни, т. е.* умирании отдельных тканей, органов, клеток, белков в этом организме говорить нельзя. Эти “части” не являются самостоятельными живыми организмами. Говорят, правда об *отмирании* клеток. Но отмирание не есть умирание, смерть. Тем более нельзя говорить о распаде белков, как их смерти, умирании. Ведь белки не относятся к разряду живых систем; они всего лишь органические

соединения, входящие в состав живых систем.

Умирание, смерть — это тотальный, всеохватывающий процесс разрушения многоклеточного организма, который относится к завершающему периоду его жизнедеятельности. Он происходит лишь при условии тотального разрушения клеток, распада белков. Как целое не сводится к части, так и смерть многоклеточного организма не сводится к отдельным распадам, разрушениям клеток, белков. Чтобы эти распады, разрушения вызвали смерть целого организма, нужно, чтобы они достигли в количественном и качественном отношении некоторого *критического* значения. А так распады, разрушения белков, клеток происходят с самого начала формирования многоклеточного организма. Они являются составной частью процесса диссимилиации. Энгельс имел в виду как раз эти распады, разрушения, когда говорил “жить значит умирать”. В сущности, он употребил слово “умирать” не в точном научном смысле, а в метафорическом, обозначив им любые процессы распада, разрушения, связанные с жизнедеятельностью организмов. И все же, употребляя слово “умирать” в метафорическом смысле, Энгельс не имел права приравнивать жизнь к смерти. Независимо от его субъективных намерений, от того, что он имел в виду, фраза “жить значит умирать” содержит, прямо скажем, ядовитый, гнилой смысл. С ее точки зрения мы — живые мертвецы и вся наша борьба против смерти, бессмысленна, так как сама жизнь есть смерть. Какая это, в сущности, насмешка над живой природой, живыми людьми, которые порой принимают героические усилия, чтобы одержать победу в борьбе со смертью! (Кстати, выражения “борьба за жизнь”, “борьба со смертью” ясно указывают на отношения противоборства, противостояния жизни и смерти. Формула “жить значит умирать” *смазывает* это противостояние жизни и смерти, как бы разрушает плотину, воздвигаемую жизнью против смерти).

У галлов в ходу была поговорка: “*не умирай — пока живешь*”. В этой поговорке выражено требование живых, здоровых людей — сопротивляться смерти до последнего вздоха. А что же мы видим в формуле

“жить значит умирать”? Она, по существу, морально разоружает человека. Хирург, который делает операцию, чтобы спасти жизнь больному, вспомнив формулу, может подумать: — А зачем, собственно, я борюсь за жизнь этого больного? Ведь он все равно умрет, если не сегодня, так завтра. От смерти не уйдешь, как ни старайся. Жить значит умирать. Так пусть он (больной) умирает. Зачем я буду ему в этом препятствовать? Вот такие мысли могут быть навеяны энгельсовским тезисом.

Если бы герой рассказа Джека Лондона “Любовь к жизни” руководствовался этой философской сентенцией, то он наверняка бы в смертельно опасных обстоятельствах ослабил свою волю к жизни, а то и совсем потерял бы желание бороться со смертью.

Всем самоубийцам должна быть близка формула “жить значит умирать”. В ней они, наверное, нашли бы оправдание своему стремлению уйти из жизни.

В указанной формуле я вижу лишь псевдодиалектическую игру в отождествление, оборачивание противоположностей. Такой псевдодиалектикой можно доказать и оправдать все, что угодно.

Если мы посмотрим, в каком контексте возникла у Энгельса фраза “жить значит умирать”, то увидим, что она появилась в связи с обсуждением гегелевского тезиса о том, что смерть есть момент жизни, что последняя содержит в себе “зародыш смерти”. Точка зрения Гегеля, как видим, достаточно осторожна. И насколько прямолинейна фраза Энгельса “жить значит умирать”.

Далее, почему собственно мы акцентируем внимание на соотношении жизни и смерти?! Ведь для жизни как таковой *рождение* имеет, по меньшей мере, такое же значение как и *смерть*. Жизнь — как весы; рождение — одна чаша весов, смерть — другая. Рождение означает начало индивидуальной жизни, смерть — ее конец. Отсюда можно видеть, что диалектика жизни не сводится к диалектике существования и перехода в небытие (а именно эта “диалектика” присутствует в формуле “жить значит умирать”). Диалектика жизни на самом деле есть диалектика рождения, развития, существования и смерти. С таким же успехом, с каким

мы говорим “жить значит умирать”, мы можем сказать “жить значит рождаться”. Диалектика перехода из небытия в бытие так же значима для жизни, как и диалектика перехода в небытие. А с точки зрения общей перспективы жизни (как планетарного или даже космического явления) первая диалектика важнее второй.

Я так подробно остановился на формуле “жить значит умирать” потому, что в ее основе лежит мысль, которую часто озвучивают философы и писатели в разных вариантах. Одни — с драматическим пафосом, другие — как бы кокетничая. Выше я приводил известное выражение “бытие перед лицом смерти”. Со всем недавно писатель Виктор Ерофеев в программе НТВ “Намедни” (15.X.1994) бросил фразу: “Главное, наверное, не жить, выживать, а стареть, умирать”. Что это? Глупая оговорка писателя или желание поразить воображение обывателя своим неконформизмом?

СМЕРТИ НЕТ ОПРАВДАНИЯ (КРИТИКА УТВЕРЖДЕНИЙ О ПОЛОЖИТЕЛЬНОЙ ЦЕННОСТИ СМЕРТИ)

Один из героев повести А. П. Чехова “Три года” сказал: “Никакая философия не может помирить меня со смертью, я смотрю на нее просто как на погибель”. Он тысячу раз прав и, напротив, неправы те философы, которые ищут оправдание смерти и рассуждают даже о ее положительной ценности для жизни. Абстрактные рассуждения вроде “жизнь утверждает себя *через* смерть”¹, совершенно неприемлемы для гуманистически мыслящих философов. Эти рассуждения способны только дезориентировать людей, морально разоружить их.

Все живое стремится к бессмертию и если умирает, погибает, то не потому, что жаждет этого, а в силу генетической запрограммированности или конкретных неблагоприятных условий жизни, которые весьма различны, многообразны. Философы и писатели, говорящие о положительном значении смерти, протаскивают, в сущности, мысль о том, что человек

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 276.

должен видеть в смерти нечто желанное, к чему он должен стремиться. Какая нелепость! Ведь положительное значение для нас имеет все, что является *благом*. Так что же, выходит, что смерть — благо? Рассуждая так, мы в конце концов придем к проповеди желательности смерти, потребности в ней и ненужности усилий в борьбе за жизнь. Жизнь и смерть исключают друг друга. Если жизнь для нас благо, то противоположное ей мы должны рассматривать как зло. (Посмотрите, кстати, как запутался К. Ламонт в своей попытке соединить несоединимое: “Когда мы достигаем понимания, — пишет он, — что со смертью все кончается, то мы знаем *самое худшее*, но это худшее *фактически не очень плохо* (??? — Л.Б.). Оно настолько далеко от плохого” и т. д. (курсив мой — Л.Б.)¹. В самом деле, как совместить утверждения о смерти как “самом худшем” и как “фактически не очень плохом”?)

В попытках доказать естественность, необходимость, полезность и, вообще, положительную ценность смерти используются самые различные аргументы, которые при внимательном рассмотрении оказываются построенными на песке.

Так ли уж естественна и необходима смерть?

Например, естественность и необходимость смерти человека доказывается ссылками на естественность и необходимость смерти животных и растений. Вот что пишет К. Ламонт:

“Обычно предполагалось, что смерть, как таковая, — это очень большое зло, худший враг человека... Но смерть сама по себе, как явление природы — это не зло... смерть — это совершенно естественное явление, она играла полезную и необходимую роль в ходе длительной биологической эволюции. Действительно, без смерти, этого столь поносимого учреждения, которое придало самое полное и серьезное значение факту выживания наиболее приспособленных и таким образом сделало возможным прогресс органических видов, животное, известное под названием человека, вообще никогда не появилось бы.

Человек, — пишет далее К. Ламонт, — не мог бы суще-

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 278-279.

ствовать также и в том случае, если бы ему не помогла рука смерти, которая предоставляет в его распоряжение самые основные средства человеческого существования. Топливо, пища, одежда, жилище, обстановка и материал для чтения — все они в значительной степени находятся в зависимости от того, делает ли свое дело смерть. Уголь, нефть и торф происходят из разложившихся органических веществ; дерево для топлива и строительства, для изготовления мебели и бумаги получают ценой гибели живых деревьев; уничтожая растения, человек обеспечивает себе пищу в виде овощей, хлеба и плодов, а также одежду в виде хлопковых, льняных и искусственных шелковых тканей. Смерть животных дает людям не только рыбу, птицу, дичь и мясо для еды, но также меха и шерсть для одежды и кожу для обуви”¹.

В этих рассуждениях Ламонт дважды совершает подмену понятий, путает их. Во-первых, говоря о конечности существования человека он перескакивает на другой предмет: конечность существования живых организмов. Здесь нарушается принцип конкретности истины: то, что справедливо для живой природы, не может автоматически переноситься на человека. Если для становления живой природы существенно важным моментом является поедание одних организмов другими (растений — животными, одних животных — другими), то для человека, для *самого* человека этот момент давно перестал быть существенно важным и вообще сколько-нибудь значимым: каннибализм канул в лету, а более высокоорганизованных существ, которые питались бы человеческиной, просто нет на Земле. Ламонт, по существу, не видит принципиальной разницы между человеком и другими живыми организмами, когда пытается доказать естественность и необходимость смерти для человека ссылками на естественность и необходимость смерти в живой природе. Это отчетливо видно также из другого его рассуждения: “для меня, — пишет он, — одно из лучших противоядий против мысли о личном угасании заключается в полном понимании естественности смерти и ее необходимого места в великом жизненном процессе эволюции”². Ссылки на эволюцию живой природы в

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 276.

² Там же. С. 278.

прошлом *ничего не доказывают*. Смысл становления в том и заключается, что исчезает старое, прочно утвердившееся, кажущееся незыблемым и возникает новое, небывалое. Что было хорошо на одном этапе становления, может оказаться плохим, неприемлемым на другом этапе. Исторический прогресс является, конечно, продолжением биологической эволюции, но в то же время он несет в себе новое, небывалое, что было невозможным в рамках биологической эволюции. Точка зрения Ламонта — это, по существу, натуралистический редукционизм.

Во-вторых, Ламонт везде говорит о *смерти*, хотя на самом деле у него речь идет не только о смерти в результате завершения биологического цикла развития, но и о *насильственной гибели* организмов в результате убоя, поедания. Он, например, пишет: “смерть животных дает людям не только рыбу, птицу, дичь и мясо...” В действительности, для животных это не смерть, а гибель, уничтожение. Для них самих такая гибель не является ни естественной, ни необходимой, ни полезной.

Представляя всякую гибель живых организмов как *смерть*, Ламонт тем самым непомерно расширяет смысл *понятия* смерти и этим *абсолютизирует* смерть, ставит ее на одну доску с жизнью. Это, в конечном счете, и проявилось в его тезисе: “жизнь утверждает себя *через* смерть”. Таким образом, даже такая, казалось бы незначительная подмена понятий (смерть вместо гибели) приводит к перекосам в понимании соотношения жизни и смерти.

Смерть — фактор прогресса?

В рассуждениях о необходимости и полезности смерти нередко фигурирует тезис о важности смены поколений для противодействия застою, т. е. для прогресса. Марк Аврелий, например, писал: “Все, что видишь, вот-вот будет превращено природой-распорядительницей всего; она сделает из того же естества другое, а из того еще другое, чтобы вечно

юным был мир”¹. Видите, какой мотив: “*чтобы вечно юным был мир*”. Поверхностно мыслящие люди усмотрели бы здесь диалектику: тут тебе и вечность, и юность. Если же повнимательнее присмотреться к тезису о вечной юности мира, то мы увидим в нем абсолютизацию изменчивости, текучести, превращаемости одного в другое. Акцентирование внимания на *смене* поколений как раз ведет к такой абсолютизации.

Известно, что в обществе в один и тот же момент времени *сосуществуют* и *взаимодействуют* разные поколения: дети, взрослые, старики. Это обеспечивает баланс динамизма и стабильности жизни. Молодые придают жизни нужный динамизм. Старики оказывают стабилизирующее влияние на нее².

Факт сосуществования разных поколений указывает на то, что нет *чистой* смены поколений.

Теперь такой вопрос: почему временную связь, преемственность поколений непременно видеть только с отрицательной стороны, т. е. со стороны *смены* поколений в результате смерти стариков (уступления ими дороги молодым в результате ухода из жизни)? Не лучше ли эту связь поколений оценивать не с отрицательной стороны (смерти стариков), а с положительной стороны (рождения новых поколений). Ведь если новые поколения будут вновь и вновь нарождаться, то как бы долго ни жили люди баланс между разными поколениями будет всегда сохраняться. Многообразие поколений, их баланс, пропорциональное соотношение обуславливается не столько уходом из жизни старых поколений, сколько рождением новых. Смерть старых людей, долгожителей вовсе не необходима для поддержания равновесия между разными поколениями. Главное, чтобы был обеспечен определенный уровень рождаемости.

Чем дольше будут жить люди, тем шире будет, при

¹ Марк Аврелий. Размышления. Л., 1985 (9,33).

² «Каждый юноша жаждет изменить мир» (из докум. фильма, показанного по телеканалу «Культура» 3 дек. 2005 г.). С другой стороны, старики, как правило, весьма консервативны, не любят перемен, их взор обращен преимущественно в прошлое.

прочих равных условиях, представительство разных поколений в каждый данный момент жизни общества, тем глубже будет противоположность между долгожителями и юными членами общества. А это обеспечит лучшую преемственность, лучшую связь поколений, большее их разнообразие, более глубокое их взаимодействие и взаимообогащение. Вместо наблюдаемых ныне трех сосуществующих поколений (детей, отцов, дедов) будут четыре, пять, шесть и т. д. поколений. Сейчас люди радуются тому, что живы их родители, дедушки и бабушки, видят в этом проявление стабильности жизни, залог собственного долголетия. А как будет хорошо, когда будут живы прадедушки, прабабушки, прапрадедушки, прапрабабушки и т. д. Опыт предшествующих поколений передавался бы грядущим поколениям с большей основательностью, без потерь, связанных с уходом из жизни этих поколений. Ведь не секрет, что люди вновь и вновь повторяют ошибки прошлых поколений и чаще всего потому, что эти прошлые поколения не успели передать свой живой опыт. А сколько творческих находок, открытий, изобретений теряется по этой же причине?! Сколько людям приходится переоткрывать открытое, переизобретать изобретенное! (Могут сказать, что связь поколений обеспечивается через предметы материальной и духовной культуры (книги, например). На это нетрудно возразить: никакие предметы материальной и духовной культуры не заменят *живого общения* поколений, *живой передачи* опыта от одного поколения к другому.)

Таким образом, было бы прекрасно, если бы одновременно жили не два-три поколения, а *много* поколений. Перед нами была бы живая история, спрессованная в одном моменте времени.

Лучше поэтому говорить не о смене, а об *умножении поколений*. В умножении, а не смене, поколений — истинный источник прогресса. Соответственно и прогресс нужно понимать не как непрерывное изменение, обновление, а как живое диалектическое единство динамизма и стабильности, изменчивости и устойчивости жизни.

Смена поколений в чистом виде свойственна лишь самым примитивным формам жизни. Прогресс жизни помимо всего прочего состоит и в том, что постепенно увеличивается промежуток времени, в течение которого разные поколения (предшествующие и последующие) ведут *совместную* жизнь. Чем примитивнее животное, тем короче этот промежуток совместной жизни. Наиболее примитивные животные передают свой опыт только через зародышевые клетки, через гены. Высшие животные, напротив, передают новым поколениям не только гены, но и живой опыт, обучая и воспитывая детенышей, показывая им пример. Чем больше поколений будет находиться на одном “пятакче” времени, тем действеннее, эффективнее будет живая передача опыта от поколения к поколению, тем, следовательно, круче будет кривая прогресса.

* * *

Утверждают также, что если не будет смены поколений в результате смерти, то возникнет угроза перенаселения, истощения ресурсов. К. Ламонт, например, пишет: “Какой бы романтической и привлекательной ни казалась эта возможность (нескончаемого существования — Л.Б.) на первый взгляд, она не будет лишена своих недостатков. Если практически никто не будет покидать эту землю в результате смерти, возникнет проблема народонаселения, гораздо более трудная, чем любая другая проблема, с которой мир сталкивался до сих пор”¹. Выдвигаемый Ламонтом аргумент не выдерживает критики, так как он исходит из представления о принципиальной ограниченности жизненного пространства и ресурсов. Действительно, в каждый данный момент и жизненное пространство и ресурсы ограничены. Но кто сказал, что вместе с решением проблемы увеличения продолжительности жизни человечество не решит и проблему увеличения жизненного пространства и ресурсов?! Конечно, если исходить из предположения, что человечество будет жить *только* на Земле, то нетрудно предвидеть

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 272.

наступление момента, когда в результате размножения и увеличения продолжительности жизни людям станет тесно и ресурсы истощатся. В том-то и дело, что это предположение основывается на прошлом опыте эволюции живого и не учитывает возможности освоения человеком космического пространства. Чаще всего как раз и пытаются доказать естественность, необходимость смерти и смены поколений ссылками на живую природу, в которой гибель организмов и смена поколений обусловлены борьбой за существование и ограниченностью земных ресурсов. Но то, что верно для живой природы, нельзя механически переносить на человеческое общество. Люди, в отличие от животных, находят все новые и новые источники ресурсов и этому процессу нет конца. С созданием управляемой термоядерной реакции и освоением (обживанием) космического пространства люди практически обеспечивают себя безграничными ресурсами и могут размножаться и увеличивать продолжительность своей жизни до каких угодно пределов.

* * *

Выдвигают еще такой аргумент: старики должны уступать дорогу молодым, иначе не будет движения вперед. В этом случае явно или неявно исходят не из представления о сотрудничестве поколений, а из их противопоставления, взаимоисключения (молодые-де должны вытеснять стариков, а старики, соответственно, должны сторониться, уступать им дорогу). Ламонт передает этот аргумент в такой обидной для старших поколений форме: “Уже при нынешних обстоятельствах остряки, наблюдая постаревших и упрямых людей, занимающих высокое положение, придумали девиз: ”Пока есть смерть, есть надежда!”¹. В самом деле, возможны ситуации, когда старый человек, потеряв нужные качества руководителя и творца, упорно цепляется за начальническое кресло. Но разве можно обобщать эти ситуации до размеров взаимоотношения старшего и молодого поколений? И разве обязательно

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 272.

здесь должна действовать рука смерти? Так ли уж она необходима? Бороться с отмеченными выше ситуациями можно разными путями. Самый простой — придерживаться принципов выборности и сменяемости руководства. Другой путь — не только продлевать жизнь (прибавлять годы к жизни), но добиваться сохранения и развития творческих потенциалов до конца жизни (прибавлять жизнь к годам). Вполне возможно достижение такого состояния, когда долгожители будут творческими людьми, способными *воспринимать новое* и *сами творить новое*. Есть и такой путь: идти по другой дороге, не по той, которая уже занята. В самом деле, почему старики непременно должны уступать дорогу молодым? Разве на свете только одна дорога? А почему бы молодым в некоторых случаях не поискать другие пути-дороги? В реальной жизни можно как раз наблюдать немало случаев, когда молодые покидают насиженные места, уезжают в необжитые края, чтобы прокладывать новые дороги, новые пути жизни.

В свете сказанного совершенно неприемлемыми следует признать рассуждения писательницы Энн Пэрриш и комментариев к ним Ламонта. “Каждый из нас, — цитирует Ламонт Энн Пэрриш, — должен умереть ради жизни, ради течения реки, слишком большой, чтобы ее можно было запереть в каком-нибудь пруду, ради роста семени, слишком сильного, чтобы оставаться в одной и той же форме. Поскольку эти тела должны погибнуть, мы более велики, чем нам представляется. Самым эгоистичным приходится быть щедрыми и отдавать свою жизнь другим. Самому трусливому приходится быть достаточно мужественным, чтобы уйти”. Далее Ламонт комментирует: “Таким образом, смерть открывает путь для наибольшего возможного числа индивидуумов, включая наших собственных потомков, с тем, чтобы они могли испытать радости жизни; и в этом смысле смерть — союзник нерожденных поколений людей вплоть до бесконечных веков будущего”¹. Ламонт был бы прав, если бы,

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 267.

действительно, ресурсы были ограниченными и невозобновляемыми. Поскольку это не так, *не смерть открывает путь для наибольшего возможного числа индивидуумов, а рождение*. Смерть отнюдь не является союзником нерожденных поколений.

Нужна ли смерть жизни (для жизни)?

В рассуждениях о пользе смерти нередко используется и такой тезис: смерть нужна, чтобы настоящему оценить значимость жизни.

Этот тезис звучит по-разному у разных авторов.

Ламонт, например, пишет: “Я убежден, что откровенное признание смертности человека не только не подорвет нравственность и не остановит прогресс, но, при прочих равных условиях, будет действовать как раз в противоположном направлении. Люди тогда поймут, что именно здесь и сейчас, если они вообще собираются когда-либо это делать, они должны развивать свои возможности, завоевать счастье для себя и для других, принять участие и вложить свою долю в предприятия, которые имеют, по их мнению, наивысшую ценность. Они поймут, как никогда раньше, реальность быстротечного времени и осознают свою серьезную обязанность использовать его наилучшим образом”¹. В другом месте он пишет об объединяющем (!) значении смерти: “Социальное значение смерти также имеет свои положительные стороны. Ведь смерть делает нам близкими общие заботы и общую судьбу всех людей повсюду. Она объединяет нас глубоко прочувствованными сердечными эмоциями и драматически подчеркивает равенство наших конечных судеб. Всеобщность смерти напоминает нам о существенном братстве людей, которое существует несмотря на все жесткие разногласия и конфликты, зарегистрированные историей, а также в современных делах”².

Создатели концепции “гуманистической психологии” ввели в психологию тему смерти. “С их точки

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 267.

² Там же. С. 278.

зрения, — поясняет М. А. Петровская, — осознание человеком перспективы небытия формирует у него особое отношение к настоящему. Значимость настоящего возрастает, оно оказывается тем ограниченным временем, которое есть у личности для реализации ее потенциала. Дело не в том, чтобы жить в постоянном страхе или размышления о смерти, но в том, чтобы в полной мере оценить важность настоящего момента, значимость того, что мы делаем сейчас. “Чтобы полностью понять себя, человек должен столкнуться со смертью, осознать личную смерть” (Corey G. Theory and practice of counseling and psychotherapy. Monterey, Calif., 1977, p. 49)¹.

Некоторые философы видят положительное значение смерти в том, что вытекающее из нее сознание “цейтнота” учит человека ценить время, не растрачивать его впустую. “Смерть, — пишет Ю. В. Согомонов, — способна выполнять полезную роль. Она является могучим катализатором жизни. Ведь если бы человека ждала вечность, то стоило бы спешить, нужно ли было бы напрягать силы и волю, следовало ли бы бороться за земное счастье? Человек имел бы в этом случае способность к окостенению... Ясное сознание того, что жизнь не бесконечна, вовсе не терроризирует морально стойких людей. Сознание “цейтнота” учит человека ценить время, не растрачивать его впустую, на ничтожные дела и стремиться прожить жизнь таким образом, чтобы потом “не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы”. Человек, сознавая, что смерть придет неизбежно, и жить торопится и чувствовать спешит”². Или: “...сознание неизбежности конца жизни, — пишет Л. Н. Коган, — заставляет людей особенно ценить “биографически необходимое время”, наполнять смыслом каждое мгновение своей жизни”³.

Все эти мнения исходят из той посылки, что без

¹ Петровская Л. А. Теоретические и методические проблемы социально-психологического тренинга. М., 1982. С. 16-17.

² Согомонов Ю. В. О смысле жизни. Баку, 1964. С. 10, 14.

³ Коган Л.Н. Цель и смысл жизни человека. М., 1984. С. 242

смерти человек не сознавал бы в полной мере ценности жизни. А теперь подумаем, правильно ли это? Если как следует (хорошенько) поразмыслить, то можно увидеть, что *есть тысячи способов чувствовать, сознавать, переживать ценность жизни без того, чтобы сознавать “перспективу небытия”, “сталкиваться со смертью”*. Когда человек любит и любим, разве он не ощущает величайшую ценность жизни? Когда человек горит творческим огнем и у него получается дело, разве он не сознает ценность жизни? Когда человек видит солнце, видит улыбки людей, когда он здоров, счастлив, разве ему нужно еще что-то другое, чтобы ценить жизнь? *Ценность жизни в ней самой* и искать ее на стороне — у смерти ли, у потустороннего бессмертия ли — пустая затея, напрасный труд. Сознание самоценности жизни вызывает у всех нормальных людей, не сбитых с толку пессимистической или утешительной философией, жажду жить как можно дольше, жажду *не умирать*¹.

В приведенных высказываниях звучит такой мотив: смерть нужна, так как она оттеняет жизнь, дает почувствовать ее прелесть и т. д. и т. п. Это известный мотив. Он звучит еще при сопоставлении добра и зла, здоровья и болезни, богатства и бедности. Например, когда пытаются доказать необходимость морального зла (подробнее см. об этом ниже, стр. 228).

В отношении *здоровья и болезни* также можно слышать разговоры о том, что человек по-настоящему чувствует здоровье тогда, когда он переболеет, когда во время болезни он оценит, как плохо быть нездоровым и как хорошо быть здоровым. Опять ложь. Для того, чтобы ценить здоровье, вовсе не требуется быть больным. Есть люди, которые в жизни очень мало болели, практически всегда были здоровы. Так что же, они несчастные люди, раз не переболели серьезными болезнями? Какая чушь! Положительная сила здоровья достаточно проявляется в кипучей, полнокровной

¹ Бетховен как-то воскликнул: “О, как прекрасно прожить жизнь тысячу раз!” Я вполне его понимаю. Для творческого человека стеснительны рамки *смертной* жизни.

жизни человека, в заботах, радостях, наслаждениях и волнениях, в борьбе, победах и преодолениях. Можно, конечно, понять тех людей, которые живут вялой, скучной жизнью, которые по-настоящему не используют, не эксплуатируют свое здоровье. Когда они болевают, начинают страдать, вот тогда они начинают чувствовать всю прелесть здоровья. Их можно только пожалеть.

Тот же мотив звучит в высказываниях о положительной ценности *бедности*, нужды для творчества. “Некоторые писатели, — свидетельствует Ян Парандовский, — открыто осуждают материальное благополучие”. По их мнению “нужда не позволяет заснуть, облениться. Держа художника в постоянном напряжении, она возбуждает его энергию, закаляет характер, заставляет быть гордым”. Парандовский справедливо им возражает: “Но что бы ни говорилось бы в похвалу бедности, что ни рассказывалось бы о триумфах гениальных одиночек в их борьбе с нуждой, не следует все же усматривать в изморе голодом наилучшее средство для развития таланта. Как правило, нужда губит, и в ее беспощадных тисках погибли тысячи прекрасных умов, погибли в унижении и отчаянии”¹.

В более широком смысле говорят о необходимости страдания. Вот что по этому поводу пишет Ю. В. Согомонов:

«Говорят, например, будто страдания пробуждают силы человека. Но если внимательно разобраться, то окажется, что здесь просто совершается подмена понятий: «страданиями» называются «препятствия». Жизнь состоит в преодолении трудностей, наличие которых бесспорно стимулирует деятельность людей. Страдания же не обладают никакой стимулирующей ценностью, скорее, они толкают к пассивности, убавляют, а не прибавляют силы человека, хотя угроза страдания, очевидно, активизирует человека. Не столько сам голод дает толчок к действию, сколько опасность голода, не сама боль — а ее возможность. Разве человек ненавидит клевету только за то, что она его лично успела опорочить, или он начинает бороться с хулиганством только после того, как его разок пырнули ножом? И разве только страх от ожидаемого страдания побуждает человека к действию и не существует иных стимулов, например желания радости или потребности в творчестве?

¹ Парандовский Ян. Алхимия слова, М., 1972. С. 55-56.

Утверждают иногда, что страдания очищают характер. Это возможно в отдельных случаях. Однако зачастую страдающие люди угрюмы, эгоистичны и раздражительны.

Может быть страдание делает человека сострадательным? Безусловно, существо, не испытавшее никаких страданий, не способно понять чужих мук. Но величина страдания совсем не зависит от величины испытанного страдания. Неужели больные люди являются меньшими эгоистами, чем здоровые? Но может, страдание делает людей благородными и скромными? Вряд ли! Кант говорил, что страдание без вины бесит, а страдание за вину угнетает.

Ошибочна также мысль, что страдание необходимо как дополнение к радости. Хотя верно то, в общем, что при контрасте радость усиливается, но верно и то, что мы можем испытать радость без предварительного страдания, особенно это касается высших и наиболее прочных радостей, приносимых творческой деятельностью. Как говорил азербайджанский поэт XIX века Мирза Шафи,

Считает лишь дурак или злодей,
Что горе совершенствует людей.
Такое мнение сходно с заблуждением,
Что старый нож от ржавчины острей,
Что от дождей в ненастный день осенний
Вода в потоке чище и светлей.

Уверяют, будто страдания выявляют таланты, что без них нет творчества и вдохновения, которые не что иное, как «опьянение от несчастья». В этом утверждении молчаливо предполагается, что радость и счастье неминуемо ведут к духовному параличу. Фактически же радость и счастье содержат момент неудовлетворенности, как источника новых целей и желаний, подъема сил и вдохновения. Если же страдания голода и нужды берут верх над человеком, то у него не остается ни времени, ни желания заняться наукой и изобретательством; он расходует свои силы на то, чтобы прожить.»¹

Во всем можно было бы согласиться с Ю. В. Согомоновым, кроме одного: что жизнь состоит в преодолении трудностей и что трудности-препятствия однозначно стимулируют деятельность людей. Во-первых, жизнь не сводится к преодолению трудностей, и, во-вторых, не всякие трудности-препятствия полезны человеку. Есть такие трудности, которых лучше не было бы. Искусство жизни состоит как раз в том, чтобы преодолевать трудности, которые помогают расти, и избегать такие, которые мешают.

¹ Согомонов Ю. В. Добро и зло. М., 1965. С. 37-38.

4. Из той же обоймы утверждение: «мы не замечаем прекрасного, пока не лишаемся его» (к/ф «Русский сувенир», 1960 г.).

Во всех этих утверждениях делается попытка уравнивать положительное и отрицательное в жизни, поставить их на одну доску. Это негодная попытка. Человеку не нужна смерть, не нужны болезни, не нужна бедность, не нужно зло.

Кроме того, все эти утверждения имеют один логический изъян: в них положительное фактически определяется через отрицательное (добро через зло, жизнь через смерть, здоровье через болезнь, богатство через бедность, прекрасное через его лишение). В логике давно установлено: отрицательное определение понятия не является адекватным, т. е. не является по настоящему определением понятия. Логической ошибкой является отрицательное определение положительного понятия.

Все указанные утверждения своей странностью, парадоксальностью бьют на внешний эффект и не более того.

Конечно, сознание смертности определенным образом влияет на умонстроение человека. Это сознание в отдельных случаях, действительно, позволяет ярче почувствовать ценность жизни. Но, во-первых, сознание смертности может не только оттенить ценность жизни, но и *затемнить, омрачить* ее и даже потушить свет жизни. Оно обоюдоостро. Во-вторых, совершенно очевидно, что *жизнь не нуждается в оттенении смертью*. Она, как я уже говорил, самоценна. В ней к тому же хватает своих теневых сторон, которые дают почувствовать ценность жизни и без такой страшной тени как смерть. Жизнь есть борьба и в ней неизбежны потери, неудачи, поражения.

Выше я приводил мнение Ю. В. Согомонова о том, что сознание “цейтнота” учит человека ценить время, не растрчивать его впустую. Это так. Но позволено спросить: причем тут смерть? Разве она нужна для того, чтобы человек ценил время, не тратил его

впустую? Жизнь состоит из больших и маленьких дел. Если человек принимается за какое-либо дело, то он стремится довести его до конца и не потому, что его ограничивает смерть, а просто в силу того, что этого требует *логика* дела. Мы сами себе назначаем сроки исполнения, ставим себя в условия цейтнота, дефицита времени и при этом абсолютно не думаем о смерти. Большие дела, большие цели требуют порой всей жизни человека и даже выходят за ее рамки.

Жизнь человека нельзя представлять как некоторую чистую непрерывность, которая прерывается только однажды — когда наступает смерть. Внутри себя она состоит из прерывностей: одно кончается, другое начинается. Жизнь есть развивающийся процесс и, естественно, она состоит из отдельных, относительно завершенных этапов, составляющих дискретный ряд жизненного цикла. Кроме того, жизнь, как я уже говорил, представляет собой некоторую дискретную совокупность больших и малых дел, имеющих начало и конец. Это все свидетельствует о том, что внутри себя жизнь постоянно *оконечивает* себя. Таким образом, смерти нельзя приписывать абсолютное значение окончивания. Нельзя отождествлять смертность, имеющую *частное* значение, и конечность, имеющую *универсально-всеобщее* значение. Да, все реально существующее содержит в себе момент окончивания — такова диалектика конечности и бесконечности. Но из этого не следует, что *живое* окончивает себя только через смерть. Последняя — лишь один из “способов” окончивания живого. Одноклеточные организмы, делящиеся миллиарды лет, живут конечный срок (от одного деления до другого). А ведь они не знают смерти. Смерть как полное разрушение многоклеточного организма — до первичных органических и неорганических молекул — возникла на определенном этапе становления живой природы. Вполне возможно, что человек со временем найдет другой способ окончивания своей жизни, не такой разрушительный как смерть (об этом подробнее см. ниже).

У Согомонова встречается еще такой аргумент:

“Чело-век, сознавая, что смерть придет неизбежно, и жить торопится и чувствовать спешит”. Во-первых, почему здесь следует видеть только положительную сторону этой зависимости? С таким же успехом можно представить ситуацию, когда сознание неотвратимости смерти, скоротечности жизни толкает человека на излишне торопливые действия, приводящие к плачевным результатам. Не напрасно же говорят: “поспешишь — людей насмешишь”. А у автомобилистов в ходу еще более острая поговорка: “быстро поедешь — тихо понесут”. Излишняя торопливость и нетерпение так же вредны, опасны, как излишняя медлительность и терпеливость.

Во-вторых, почему мы обязательно должны подхлестывать себя мыслями о неотвратимости смерти?! Человек и жить торопится и чувствовать спешит отнюдь не потому, что думает о маячащей впереди старухе с косой, а потому, что хочет жить кипучей полнокровной жизнью, чтобы каждое ее мгновение было прекрасным и значительным. Перефразируя известное изречение, можно сказать: *человек не терпит пустоты*, изначально стремится к полноте жизни. Это закон жизни. Смерть тут абсолютно не причем.

Выше я приводил слова К. Ламонта об объединяющем значении смерти. Как мне представляется, это надуманный тезис. Сама по себе смерть не объединяет, а разъединяет людей. Если люди и объединяются перед лицом смерти, то лишь для того, чтобы защитить жизнь. Не смерть, а жизнь объединяет людей.

Бессмертие плохо, значит смерть хороша?

Ламонт говорит также о положительном нравственном значении откровенного признания смертности человека. Этот его тезис своим острием направлен против веры в потустороннее бессмертие, ослабляющей волю человека к реальной, земной жизни. Ламонт здесь фактически использует способ доказательства от противного по схеме “или-или” (бессмертие плохо, значит смерть хороша). С нашей точки зрения эта схема слишком проста для оценки соотношения смертно-

сти и бессмертия. В отдельности и бессмертие плохо, и смерть плохо. Чаще всего “откровенное признание смертности человека” имеет отрицательное нравственное значение, такое же, как вера в жизнь после смерти. Выше я не раз уже говорил об этом. Человек, основывающий свою жизнь на этом откровенном признании, либо стремится жить одним днем, либо вообще пассивно ждет смерти и ничего серьезного не делает. В отдельных случаях он может даже покончить с собой, т. е. пойти на самоубийство. “Бытие перед лицом смерти” — психологически разоружающая позиция.

Вообще аргумент “бессмертие плохо, значит смерть хороша” часто используется для признания положительной ценности смерти. Ламонт, например, одобрительно цитирует такое высказывание: “профессор К. Дж. Кейзер в своем чрезвычайно выразительном очерке “Значение смерти” пишет: “если бы не было смерти, если бы жизнь не кончалась, если бы она была процессом бесконечной продолжительности, она была бы лишена тех ценных вещей, которые заставляют нас стремиться к увековечению себя... Все священные ценности, которые делают жизнь бесценным даром, нежно возвращаются во всепроникающем ощущении временной конечности. Смерть — это не трагедия жизни; это ограничение жизни, существенно важное для ее благодати; трагедия состоит в том, что, если бы не было смерти, жизнь была бы лишена ценности””¹. Сам Ламонт пишет: “И не может быть никакого сомнения, что решительное принятие ими (людьми — Л.Б.) того факта, что бессмертие есть иллюзия, имело бы только благоприятные последствия. Самое лучшее — не только не верить в бессмертие, но и *верить в смертность*”². Выше я приводил аналогичное мнение Ю. В. Согомонова.

Мы согласны с тем, что индивидуальное бессмертие в чистом виде ведет к окостенению, застою и что оно вообще невозможно. Но из этого не следует, что

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 154-155.

² Там же. С. 279

смерть хороша, желательна, является источником прогресса и т. д. и т. п. Кто сказал, что возможны только два варианта — смерть *или* бессмертие? Доказательство от противного имеет смысл лишь в случае альтернативных ситуаций: или-или. Если одно неправильно, плохо, то другое правильно, хорошо. В отношении смертности и бессмертия это доказательство не действует, так как в данном случае возможен и реализуется третий вариант: *переход* от смертности к бессмертию, *синтез*, *взаимоопосредствование* смертности и бессмертия. Реальное бессмертие и реальная смерть являются, как бы сказать, подвижными, т. е. переходящими один в другой, моментами целостного универсума, именуемого жизнью. Жестко разделять их по принципу “или-или” нельзя. Кто так делает, тот просто не может или не хочет освободиться от разделения противоположностей, выраженного в формуле: “да-да, нет-нет, что сверх того, то от лукавого”. Справедливости ради отметим, что и *соединение* смертности и бессмертия — по принципу “и-и” — тоже не совсем правильно. Ведь нельзя же утверждать, что они мирно уживаются в составе жизни. Правильнее, наверное, сказать так: жизнь борется *против* смерти, со смертью *за* бессмертие. Жизнь соединяет и разделяет их. Стрела жизни направлена *от* смертности *к* бессмертию.

ЭВТАНАЗИЯ — “ХОРОШАЯ” СМЕРТЬ

У смерти как социальной проблемы есть две стороны: 1) умирание, уход из жизни одного из нас и 2) похороны, расставание с умершим. Если вторая сторона смерти с незапамятных времен была обставлена ритуалами, обрядами, т. е. как-то осмыслена, окультурена, то первая сторона только в последние десятилетия стала предметом пристального внимания общественности. Это связано прежде всего с успехами медицины и с тем обстоятельством, что медицинское обслуживание стало играть важную роль в жизни людей. Процесс умирания из сугубо частного дела превратился в *серьезную социальную* проблему. Люди

придумали специальный термин для обозначения этой проблемы: *эвтаназия*.

Слово *эвтаназия* (от греч. *eu* — хорошо и *thanatos* — смерть) буквально означает “хорошая смерть”. Это достаточно широкий смысл понятия. Однако в практике словоупотребления последних десятилетий в соответствии со спецификой обретения социального статуса *эвтаназию* понимают не вообще как хорошую смерть, а как легкую смерть с помощью врача, искусство врача облегчить умирающему смерть или ускорить смерть, чтобы избавить умирающего от мук¹.

Нам представляется все же, что *эвтаназию* следует понимать максимально широко, именно как “хорошую” смерть, т. е. смерть, которая приносит минимальные страдания умирающему и всем людям, кто соприкасается с ней.

В практическом плане *эвтаназия* есть способ *хорошо умереть*. Это весьма сложная, емкая проблема.

Прежде всего *хорошо умереть* — умереть как можно позже. Это обратная сторона медали, на лицевой стороне которой написано: хорошо и долго жить.

Затем *хорошо умереть* — умереть без особых мучений (своих и чужих).

Второе значение понятия “хорошо умереть” тесно связано с первым, основывается на первом.

В самом деле, смерть *всегда* сопровождается мучениями, страданиями, печальными переживаниями, если не своими (в случае мгновенной или легкой смерти), то чужими (близких, знакомых людей и просто людей, узнавших о смерти данного человека). Это обстоятельство означает, что умереть без особых мучений лучше всего в преклонном возрасте, когда лимит жизни исчерпан, израсходован до конца и когда вследствие этого окружающим не так тягостна смерть данного человека. Когда умирает молодой или полный

¹ См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. Сравн.: *эвтаназия* — “добровольная безболезненная смерть безнадежно больного пациента” (С. В. Быкова, Б. Г. Юдин, Л. В. Ясная). — Биоэтика: принципы, правила, проблемы. М., 1998. С. 367. См. также: С. Рязанцев. Танатология (учение о смерти). — Петербург, 1994. С. 98.

сил — это всегда трагедия независимо от того, переживал ли эту смерть сам умерший.

Мы будем близоруки и недальновидны, если в эвтаназии будем видеть только второе значение: умереть без особых мучений. Культура умирания зависит от того, как мы живем в целом. Нужно думать прежде всего о жизни, а не о смерти. Зацикливание на теме смерти опасно как раз тем, что человек перестает думать о жизни, психологически подготавливает себя к уходу из нее.

С нашей точки зрения, уход из жизни смертельно больного человека с помощью медиков должен рассматриваться как крайний случай, когда все средства поддержания жизни исчерпаны. Здесь возможны два варианта: 1) уход из жизни по желанию самого больного и 2) пресечение жизни больного по решению врачей, близких, вообще других людей, т. е. не по желанию самого больного. В том и другом случае возникает проблема определения понятий “смертельная болезнь”, “умирание”, “неизлечимая болезнь”, “безнадежный больной”. Ошибки могут быть в ту и другую сторону. Тяжелую (несмертельную) болезнь могут принять за смертельную, за умирание, и, наоборот. Чтобы минимизировать эти ошибки, нужно соблюдать определенные условия.

1. Уход из жизни по желанию самого больного оправдан как минимум при соблюдении четырех условий:

- оказание психотерапевтической и иной помощи для снятия депрессии, преодоления угнетенного состояния;

- больной должен находиться в здравом уме (психиатрическая экспертиза) и оформить свое желание в письменном виде с помощью нотариуса, в присутствии двух свидетелей (немедиков);

- письменное заключение врачей о прогрессирующей смертельной болезни, т. е. невозможности поддерживать сознательную и немучительную жизнь больного без применения сложных технических средств;

- наличие соответствующей правовой базы в виде

специального закона об эвтаназии.

Выполнение первого условия должно предварять юридическую процедуру оформления желания больного. Не исключено, что больной после преодоления депрессивного состояния откажется от своего желания умереть до срока.

2. Пресечение жизни смертельно больного без его желания оправдано при соблюдении следующих условий:

- больной не способен сам принять решение (психиатрическая экспертиза);
- письменное заключение врачей о прогрессирующей смертельной болезни;
- письменное согласие близких;
- наличие соответствующей правовой базы в виде специального закона об эвтаназии.

Выше я говорил о том, что уход из жизни смертельно больного с помощью врачей должен рассматриваться как крайний, исключительный случай. В самом деле, жизнь человека священна. Поэтому даже несколько часов, дней, месяцев сознательной жизни больного до наступления смерти драгоценны и для него самого, и для близких, и вообще для людей. Если это творческий человек, если ему есть что сказать людям, то последние мгновения жизни могут быть вдвойне драгоценны.

4. БЕССМЕРТИЕ КАК АБСОЛЮТ

О ПРИТЯГАТЕЛЬНОСТИ ИДЕИ ЛИЧНОГО БЕССМЕРТИЯ

Теперь рассмотрим представления, основывающиеся на идее абсолютного бессмертия, т. е. признания реальности индивидуального бессмертия при одновременном отрицании реальности смерти, ее игнорировании, объявлении ее ненастоящей, невозможной. Эти представления с высоты сегодняшних знаний кажутся наивными, нелепыми. Тем не менее на протяжении тысячелетий они “кружили голову” людям. Люди порой совершенно серьезно полагали, верили в

то, что настоящей смерти нет, что они будут жить всегда. И. И. Мечников приводит такие удивительные факты:

“Многие первобытные народы буквально понимают религиозное учение о бессмертии и смотрят на обещание загробной жизни как на неопровержимую истину. Так, туземцы островов Фиджи убеждены, “что они возродятся в ином мире в том же точно виде, в котором они покинули землю; поэтому они желают умереть раньше наступления какой бы то ни было болезни”. И так как очень трудно достигнуть старости без болезни или какой-нибудь немощи, то “как только человек чувствует приближение старости, он предупреждает своих детей, что ему пора умирать, Если же он не говорит этого, то дети сами предупреждают его. Собирают семейный совет, назначают день и роют могилу. Старик делает выбор между удушением и погребением заживо”.

Следующий пример показывает, до какой степени может доходить вера в будущую жизнь. Молодой фиджиец однажды пришел к английскому путешественнику Генту для того, чтобы пригласить его на похороны своей матери. Гент принял приглашение и присоединился к похоронному шествию.

Удивленный отсутствием трупа, он спрашивает об этом молодого человека. Последний “указал ему на свою мать, идущую среди них столь же веселой и спокойной, как и все присутствующие. Гент выразил юноше свое удивление и спросил его, как он мог его обмануть, сказавши, что мать умерла, в то время как она жива и здорова. Ответом было, что только что совершилось похоронное пиршество и что теперь будут ее хоронить, что она достаточно пожила и что пора ее убить, на что она согласилась с удовольствием” (Lubbock, 1, p. 372).

Приведенный пример не исключителен. Известны целые города с несколькими сотнями жителей, между которыми не было людей старше 40 лет, потому что все старики были погребены. Легко понять, что при такой ревностной вере люди могут не бояться смерти.

По Скулькрафту, индейцы Северной Америки очень мало боятся смерти. “Они не боятся перейти в страну, полную непрерывных наслаждений, в которой, как им приходилось постоянно слышать, нет ни горя, ни печали” (там же, с. 374).

Мне самому знаком пример православной девочки, которая была так убеждена в блаженстве рая, что во время серьезной болезни с нетерпением ожидала смерти. Перед смертью она уверяла, что уже видит чудные цветы и слы-

шит дивное пение райских птиц”¹.

В идее личного, индивидуального бессмертия есть огромная притягательная сила, которая вновь и вновь заставляет людей создавать различные учения, теории, концепции. Человек как существо деятельное, творческое, не может примириться с мыслью о неизбежности своей кончины, что бы там ни говорили философы-утешители². Также, когда умирает близкий человек, то это воистину безутешное горе и ничто не может его компенсировать, разве только слепая вера в потустороннее бессмертие, в то, что настоящей смерти нет.

Поначалу идея бессмертия и родилась как идея отрицания, неприятия смерти. На это указывает само слово “бессмертие”, образованное путем приставления к слову “смерть” частицы отрицания “без”. Вполне логично, что бессмертие и понималось сначала только в этом своем отрицательном содержании, т. е. в противопоставленности смерти. Если есть бессмертие, то, значит, смерти нет. Или-или. Из этого противопоставления и из того, что люди полностью не могли отмахнуться от факта смерти и родилась вера в потустороннее бессмертие, в жизнь после смерти (или, как еще говорят, жизнь за гробом, загробную жизнь).

Люди по своей природе реалисты. Почему же они упорно тешили, убаюкивали себя сказками о потустороннем бессмертии? Это объясняется тем, что, во-первых, они страстно желали жить, жить и жить, а кто сильно чего хочет, то и видит это. Жажда нескончаемой жизни порождала иллюзорные представления о реальности бессмертия. В общем-то тривиальный пример того, когда желаемое выдается за действительное. Во-вторых, психическая жизнь людей при неразвитости их мышления давала массу квазифактов, якобы свидетельствовавших о жизни после смерти

¹ Мечников И. И. Этюды о природе человека. Опыт оптимистической философии. М., 1917. Гл. VII.

² По поводу философов-утешителей см. выше, стр. 517. В жанре утешений написана, пожалуй, глава XX знаменитых “Опытов” Мишеля Монтеня под характерным названием: “О том, что философствовать — это значит учиться умирать”.

(образы памяти, сновидения, сила воображения, галлюцинации, убедительные рассказы обманщиков, фантазеров, психически нездоровых людей). В-третьих, определенное терапевтическое значение веры в потустороннее бессмертие. Она притупляла, ослабляла инстинктивное чувство боязни смерти, инстинкт самосохранения и этим позволяла людям действовать раскованнее, смелее, увереннее. (Правда, в больших дозах вера в потустороннее бессмертие превращалась из терапевтического средства в сильнейший яд: она подавляла инстинкт самосохранения и делала человека незащищенным перед всякого рода неблагоприятными воздействиями). В-четвертых, социально-политическое значение веры в потустороннее бессмертие. Власть имущим было выгодно по разным причинам поддерживать эту веру в народе. Например, военачальнику легче было управлять войском, легче было посылать на смерть людей, одурманенных верой в потустороннюю жизнь. Кстати, до сих пор среди религиозных фанатиков находятся террористы-камикадзе, которые идут на смерть в полной уверенности, что на том свете их ждет райское блаженство.

Платон и Сенека: доводы в пользу бессмертия

Стихийную веру людей в бессмертие некоторые философы пытались осмыслить, объяснить, укрепить логическими доводами. Сенека, например, писал:

“(10) А если в тебе так сильно желание жить дольше, то подумай вот о чем: ничто исчезающее с наших глаз не уничтожается — все скрывается в природе, откуда оно появилось и появится снова. Есть перерыв, гибели нет. И смерть, которую мы со страхом отвергаем, прерывает, а не прекращает жизнь. Опять придет день, когда мы снова явимся на свет, хоть многие отказались бы возвращаться, если бы не забывали все. (11) Позже я растолкую тебе подробнее, что все, по-видимости гибнущее, лишь изменяется. А кому предстоит вернуться, тот должен уходить спокойно. Всмотрись в круговорот вещей, вновь спешащих к прежнему: ты увидишь, что в этом мире ничто не уничтожается, но только заходит и опять восходит. Лето минует, но следующий год снова приводит его; зима исчезает, но ее немедля прогоняет день. И разнообразное течение звезд таково, что они повторяют пройденный путь, и пока одна часть неба идет

вверх, другая опускается вниз”¹.

Как видим, Сенека пытается доказать, что настоящего уничтожения, гибели нет, что смерть не прекращает жизнь, а лишь прерывает ее. Примечательно, что он использует аналогию с движением небесных тел. Получается, что бессмертие сродни бесконечному движению по кругу. Смерть Сенека понимает как обратимый процесс, как момент круговорота вещей. Аргументация философа оставляет желать лучшего. По форме она напоминает индуктивное умозаключение. Сенека перечисляет факты кругообращения (лето-зима, ночь-день, движение звезд) и ставит в один ряд с ними факты смерти и рождения. Он подобрал примеры, которые свидетельствуют как будто в пользу обратимости смерти. Мы знаем, однако, что индуктивное умозаключение не обладает достаточной полнотой логического доказательства. Сенека не заметил или проигнорировал факты противоположного порядка: когда процессы протекают необратимым образом, в одну сторону. Смерть как раз принадлежит к разряду необратимых процессов.

Сенеку извиняет только то, что в его время (в древности) люди не совсем хорошо представляли себе, что такое смерть и факт ее необратимости не был таким бесспорным, как это представляется сейчас, с позиций современного научного знания.

Еще раньше Сенеки подобным же образом аргументировал Платон. Однако не в пример первому он дал развернутую аргументацию, весьма интересную с логической точки зрения. В “Федоне” он доказывает бессмертие души с помощью идеи взаимоперехода противоположностей. Если отвлечься от фактической стороны его рассуждений, то нельзя не согласиться с ним в том, что взаимопереход противоположностей лежит в основе долговременного существования, сохранения, бессмертия. Платон угадал логическую связь, соответствие между взаимопереходом противоположностей и бесконечностью, бессмертием. Его

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 65 (Письмо XXXVI).

можно упрекнуть лишь в том, что он явным образом абсолютизировал взаимопереход противоположностей, т. е. не увидел (или не захотел увидеть) того, что в природе наряду с взаимопереходом имеет место необратимый переход одной противоположностей в другую.

Вот как Платон аргументирует.

Во-первых, он настойчиво проводит мысль о том, что если имеются противоположности, то между ними должен быть обоюдный переход. Для подтверждения этой мысли он приводит различные примеры взаимоперехода противоположностей (большого и меньшего, слабого и сильного, скорого и медленного, худшего и лучшего, справедливого и несправедливого, разъединения и соединения, охлаждения и нагревания, сна и бодрствования). В данном случае Платон, как и Сенека, использует индукцию. И как Сенека он явно переоценил возможности индуктивного доказательства. Даже если будут приведены тысячи примеров взаимоперехода противоположностей, все равно с их помощью нельзя доказать, что *все* природные процессы обратимы, что в природе нет необратимого перехода одной противоположности в другую.

Во-вторых, для обоснования идеи двойного перехода противоположностей Платон неявно исходит из идеи всеобщей симметрии природы. В одном месте он говорит, что обратный переход противоположностей (не только живого в мертвое, но и мертвого в живое) необходим для равновесия, иначе придется допустить, что “природа хромает на одну ногу”. Ничего не скажешь, образ сильный. Асимметричная природа, по Платону, такая же нелепость, как и хромоногий человек. Легко, однако, возразить философу: всякое сравнение хромает и сравнение природы с человеком в плане симметрии-асимметрии явно хромоногое. Платон видит в человеке только симметричное — две ноги, — и не замечает, что у человека много асимметричного (например, вид спереди — вид сзади, внизу две ноги — наверху одна голова). Так и в природе: наряду с симметрией полно всякой асимметрии. Философ, в сущности, использует негодный прием: пыта-

ется доказать противоестественность асимметрии природы ссылкой на противоестественность нарушения симметрии (хромоности) там, где она (симметрия) должна быть, где она естественна.

В-третьих, Платон использует доказательство от противного: пытается дискредитировать идею необратимого перехода противоположностей и тем самым утвердить идею взаимоперехода противоположностей. Он доводит идею одностороннего перехода до логического конца и показывает ее нелепость. Платону в данном случае изменяет чутье диалектика: он рассматривает проблему переходов противоположностей только в двух вариантах: либо взаимопереход, либо необратимый переход — третьего не дано; поскольку необратимый переход невозможен как всеобщее явление, постольку он вообще невозможен, а существует лишь взаимопереход противоположностей. Платон не видит того, что и взаимопереход противоположностей невозможен как всеобщее явление. Если бы все противоположности постоянно переходили друг в друга и не было бы односторонних переходов, то мы наблюдали бы картину вечного круговорота, вечного повторения одного и того же. А это означает полный застой, отсутствие подлинного возникновения, становления. Иными словами, мы приходим к тому же, что и в случае допущения всеобщности одностороннего перехода.

Ошибка Платона в том, что по отношению к природе в целом он позволяет себе мыслить в рамках ограниченного принципа “или-или” (избирает взаимопереход противоположностей и отвергает необратимый переход). Если живое переходит в мертвое, то, значит, существует обратный переход мертвого в живое, оживание. У Платона было мелькнула мысль об иных путях возникновения живого из неживого, но он тут же ее отбросил, настолько владела им мысль о всеобщем характере взаимоперехода противоположностей.

В-четвертых, в своей попытке обосновать взаимопереход живого и мертвого Платон использует аналогию с взаимопереходом бодрствования и сна. С пози-

ции современной науки эта аналогия кажется наивной, но в древние времена она была одним из сильнейших аргументов в пользу идеи бессмертия души. Платона можно упрекнуть лишь в том, что он пошел на поводу у древних авторов этой аналогии, некритически заимствовал ее. Здесь Платона подвели пристрастие к общему, сходному, тождественному и нелюбовь к единичному, особенному, к подробностям, деталям. Если бы он скрупулезно разобрался во всех сходствах и различиях между двумя парами противоположностей (живым-мертвым и бодрствованием-сном), то увидел бы, что между ними больше различия, чем сходства и забраковал бы аналогию.

От Платона тянется нить к христианскому представлению о бессмертии души и смертности тела. “Из всего сказанного, — пишет он в “Федоне”, — следует такой вывод: божественному, бессмертному, умопостигаемому, единообразному, неразложимому, постоянному и неизменному самому по себе в высшей степени подобна наша душа, а человеческому, смертному, постигаемому не умом, многообразному, разложимому и тленному, непостоянному и несходному с самим собою подобно — и тоже в высшей степени — наше тело”. В этом высказывании Платона мы видим довольно-таки развитое представление древних о бессмертии. Истоки идеи бессмертия теряются в глубине тысячелетий. На каком-то этапе становления (ближе к началу) эта идея целиком захватила человека, стала доминирующей в его сознании. Человек долго находился в ее плену, прежде чем понял, что в своем абсолютном варианте эта идея не соответствует действительности. Он стал искать компромиссное решение вопроса о бессмертии и смертности. Восточная идея переселения душ и платоно-христианские представления о бессмертии души и смертности тела — наиболее яркие примеры такого компромиссного решения. Каждый из этих вариантов по своему логичен и убедителен. Не случайно на протяжении многих веков эти компромиссные решения жили в сознании людей, а кое-где продолжают жить до сих пор. Почему же мы отвергаем их? Потому что они по-настоящему не ре-

шают вопрос о *взаимосвязи* бессмертия и смертности. В них *эkleктически* соединяются идея чистого, абсолютного (всегда равного себе) бессмертия и признание де-факто телесной смертности. Такое соединение от начала и до конца искусственно, так как основано на дуалистическом представлении о параллельном существовании души и тела.

Итак, вернемся к критике идеи чистого, абсолютного бессмертия.

ПОЧЕМУ АБСОЛЮТНОЕ ЛИЧНОЕ БЕССМЕРТИЕ НЕВОЗМОЖНО?

По моему мнению идея чистого, абсолютного бессмертия так же ошибочна, как и идея чистой смертности. Во-первых, чистое бессмертие невозможно хотя бы уже потому, что все рожденное должно умереть. Если человек когда-то был рожден, то он обязательно когда-то умрет. Факт физической смерти человека сейчас уже никто не отрицает. Все разговоры о бессмертии души, загробной, потусторонней вечной жизни, жизни после смерти обречены оставаться чисто спекулятивными, бесплодными, так как с самого начала они основаны на противопоставлении духа телу, бессмертия смертности, потустороннего посюстороннему, потенциального актуальному.

Как только различные имморталисты (сторонники идеи бессмертия) пытаются представить существование личности человека после гибели его тела, сразу же возникают непреодолимые затруднения с точки зрения элементарной человеческой логики. И, в конце концов, им ничего не остается, как махнуть рукой на логику и просто верить в потустороннее бессмертие. А это уже религия. Никакой философией, а тем более наукой, здесь не пахнет.

О нелепостях, к которым приводит идея бессмертия души, отделенной от тела, хорошо написал К. Ламонт. Вот один характерный пример из его книги, который служит камнем преткновения для всех имморталистов:

“Но даже спириты не полностью последовательны.

Например, хотя и в потусторонней жизни имеются половые различия, отношения между мужчинами и женщинами там должны быть чисто интеллектуальными и духовными. И хотя там существуют браки между подлинно близкими душами разного пола, дети никогда не рождаются. Таким образом, половые различия будут и на том свете, но без обычных эмоций и следствий, связанных с этим. Вопрос о поле в потусторонней жизни всегда вызывал замешательство у имморталистов любой секты. Мы помним, что скептики саддукеи поставили перед Иисусом такой же вопрос. "...Было у нас семь братьев, — сказали они, — первый, женившись, умер и, не имея детей, оставил жену свою брату своему; подобно и второй, и третий, даже до седьмого; после же всех умерла и жена; итак, в воскресении, которого из семи будет она женою? ибо все имели ее. Иисус сказал им в ответ... в воскресении ни женятся, ни выходят замуж, но пребывают, как ангелы божии на небесах" (Матф. 22:25-30).

Независимо от того, что Иисус имел в виду, когда давал этот ответ, православная христианская церковь, подобно спиритам, не поколебалась увековечить половые различия в будущей жизни. И, разумеется, воскресение прежнего естественного тела делает этот результат неизбежным. Святой Фома Аквинский и католики, однако, специально указывают, что точно так же, как в потусторонней жизни не будут есть, пить и спать, там не будет и зачатия. Хотя, таким образом, половые органы будут без употребления, они не будут "без цели, ибо они будут служить восстановлению целостности человеческого тела". То обстоятельство, что фактически ни один имморталист на христианском Западе никогда не оставлял в великом потустороннем царстве места для блаженства полной и неограниченной половой любви, кажется печальным комментарием не только к их логике, но и к их нормам относительно того, что хорошо и что прекрасно¹.

Идея абсолютного бессмертия противоречит категориальной логике, всему категориальному строю мышления. Диалектика бессмертия и смертности сродни диалектике сохранения и изменения, устойчивости и изменчивости, всеобщего (общего) и специфического, типического (родового) и индивидуального. Бесконечное, субкатегорией которого является бессмертие, стоит в одном ряду с такими категориями, как тождество, сохранение, покой, устойчивость. Как невозможны абсолютное сохранение, абсолютный по-

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 153.

кой, абсолютная устойчивость, так невозможно и абсолютное бессмертие. Подумаем только: что такое индивидуальное личное бессмертие в чистом виде? Это бесконечно долгое сохранение тождественного самому себе индивида. Даже если допустим, что индивид внутри себя изменяется, развивается, всё равно его бесконечно долгое существование противоречит фактам всеобщего изменения, возникновения и уничтожения, переходов одного в другое.

Философы и ученые давно подметили, что идея бессмертия в его абсолютном варианте равносильна признанию застоя, вечного повторения одного и того же. Выше уже приводилось мнение философа Ю. В. Согомонова о том, что “если бы человека ждала вечность”, то он “имел бы в этом случае способность к окостенению”. По словам В. Пекелиса на главный вопрос у кибернетических авторитетов давно готов ответ: “Максимальная устойчивость — бессмертие — ведет к застою и кладет конец эволюции”¹. Историк А. Горбовский пишет: “В мире, где все обретут бессмертие..., бессмертие каждого человека в отдельности вступит в противоречие с эволюцией человечества как целого”².

Действительно, вполне очевидна связь индивидуального бессмертия в чистом виде с застоем, вечным кружением подобно белке в колесе (вспомним, кстати, что круг — образ бесконечности).

Индивидуальное бессмертие в абсолютном варианте так же невозможно, как горячий снег или круглый квадрат. Прилагательное “индивидуальное” исключает существительное “бессмертие”, как прилагательное “горячий” исключает существительное “снег”. Соответственно и концепция, утверждающая безоговорочное бессмертие человека (ее все чаще именуют иммортализмом), не выдерживает никакой разумной критики и может быть оценена только как религиозная. В индивидуальное бессмертие можно только ве-

¹ Пекелис В. Кибернетическая смесь. М., 1982. С. 217.

² См.: Бобров Л.В. Поговорим о демографии. М., 1974. С. 149.

рять. Реально ему ничего не соответствует и не может соответствовать.

5. ЖИВАЯ СВЯЗЬ СМЕРТНОСТИ И БЕССМЕРТИЯ

Философы и писатели давно высказывали в общей форме мысли о *живой связи* смертности и бессмертия.

Здесь прежде всего следует упомянуть Платона. Почти две с половиной тысячи лет назад в диалоге “Пир” он с удивительной ясностью и глубиной показал, *как* осуществляется связь смертности и бессмертия. Именно он выдвинул и обосновал тезис о том, что любовь и творчество — проявления бессмертного начала в смертном существе. Почти все сказанное им по этому вопросу я могу включить в свою аргументацию. Вот что он писал:

“Нельзя ли поэтому просто сказать, что люди любят благо?”

— Можно, — ответил я (Сократ — Л.Б.).

А не добавим ли, — продолжала она (Диотима — Л.Б.), — что люди любят благо?

— Можно, — ответил я.

— А не добавить ли, — продолжала она, — что люди любят и обладать благом?

— Добавим.

— И не только обладать им, но обладать вечно?

— Добавим и это.

— Не есть ли, одним словом, любовь не что иное, как любовь к вечному обладанию благом?

— Ты говоришь сущую правду, — сказал я.

— Ну, а если любовь — это всегда любовь к благу, — сказала она, — то скажи мне, каким образом должны поступать те, кто к нему стремится, чтобы их пыл и рвение можно было назвать любовью? Что они должны делать, ты можешь сказать? (...)

— Ну, так я отвечу тебе, — сказала она. — Они должны родить в прекрасном как телесно, так и духовно... Дело в том, что все люди беременны как телесно, так и духовно, и когда они достигают известного возраста, природа наша требует разрешения от бремени. Разрешиться же она может только в прекрасном, но не в безобразном. Соитие мужчины и женщины есть такое разрешение. И это дело божественное, ибо *зачатие и рождение суть проявления бессмертного начала в существе смертном*. Ни то ни другое не может произойти в неподходящем, а неподходящее для

всего божественного — это безобразие, тогда как прекрасное — это подходящее. Таким образом, Мойра и Илифия¹ всякого рождения — Красота. Поэтому, приблизившись к прекрасному, беременное существо проникается радостью и весельем, родит и производит на свет, и приблизившись к безобразному, мрачнеет, огорчается, съеживается, отворачивается, замыкается и, вместо того чтобы родить, тяготится задержанным в утробе плодом. Вот почему беременные и те, кто уже на сносях, так и жаждут прекрасного — оно избавляет их от великих родильных мук. Но любовь, — заключила она, — вовсе не есть стремление к прекрасному, как то, тебе, Сократ кажется.

— А что же она такое?

— Стремление родить и произвести на свет в прекрасном (...)

— А почему именно родить? Да потому, что *рождение — это та доля бессмертия и вечности, которая отпущена смертному существу*. Но если любовь, как мы согласились, есть стремление к вечному обладанию благом, то наряду с благом нельзя не желать и бессмертия. А значит, *любовь — это стремление и к бессмертию*.

Всему этому она учила меня всякий раз, когда беседовала со мной о любви. А однажды она спросила меня:

— В чем, по-твоему, Сократ, причина этой любви и этого вожделения? Не замечал ли ты, в сколь необыкновенном состоянии бывают животные, и наземные и пернатые, когда они охвачены страстью деторождения? Они пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить, и вообще сносить все, что угодно. О людях еще можно подумать, — продолжала она, — что они делают это по велению разума, но в чем причина таких любовных порывов у животных, ты можешь сказать? (...)

— Так вот, — сказала она, — если ты убедился, что любовь по природе своей — это стремление к тому, о чем мы не раз уже говорили, то и тут тебе нечему удивляться. Ведь *у животных, так же как у людей, смертная природа стремится стать по возможности бессмертной и вечной. А достичь этого она может только одним путем — порождением, оставляя всякий раз новое вместо старого*; ведь даже за то время, покуда о любом живом существе говорят, что оно живет и остается самим собой — человек, например, от младенчества до старости считается одним и тем же лицом, — оно никогда не бывает одним и тем же,

¹ Илифия — богиня, помогающая роженицам; Мойра — богиня судьбы — определяет участь ребенка на всю жизнь. — Примеч. ред.

хоть и числится прежним, а всегда обновляется, что-то непременно теряя, будь то волосы, плоть, кости, кровь или вообще все телесное, да и не только телесное, но и то, что принадлежит душе: ни у кого не остаются без перемен ни его привычки и нрав, ни мнения, ни желания, ни радости, ни горести, ни страхи, всегда что-то появляется, а что-то утрачивается. Еще удивительнее, однако, обстоит дело с нашими знаниями: мало того что какие-то знания у нас появляются, а какие-то мы утрачиваем и, следовательно, никогда не бываем прежними и в отношении знаний, — так-ва участь каждого вида знаний в отдельности. То, что называется упражнением, обусловлено не чем иным, как убылью знания, ибо забвение — это убыль какого-то знания, а упражнение, заставляя нас вновь вспоминать забытое, сохраняет нам знание настолько, что оно кажется прежним. Так вот, *таким же образом сохраняется и все смертное: в отличие от божественного оно не остается всегда одним и тем же, но устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие. Вот каким способом, Сократ, — заключила она, — приобщается к бессмертию смертное — и тело, и все остальное.* Другого способа нет. Не удивляйся же, что каждое живое существо по природе своей заботится о своем потомстве. *Бессмертия ради сопутствует всему на свете рачительная эта любовь.*

Выслушав ее речь, я пришел в изумление и сказал:

— Да неужели, премудрая Диотима, это действительно так?

И она ответила, как отвечают истинные мудрецы:

— Можешь быть уверен в этом, Сократ. Возьми *людское честолюбие* — ты удивишься его бессмысленности, если вспомнишь то, что я сказала, и упустишь из виду, как одержимы люди сделать громким свое имя, “чтобы на вечное время стяжать бессмертную славу”¹, ради которой они готовы подвергать себя еще большим опасностям, чем ради своих детей, тратить деньги, сносить любые тяготы, умереть, наконец. Ты думаешь, — продолжала она, — Алкестиде захотелось бы умереть за Адмета, Ахиллу — вслед за Патроклом, а вашему Кодру — ради будущего царства своих детей, если бы все они не надеялись оставить ту бессмертную память о своей добродетели, которую мы и сейчас сохраняем? Я думаю, — сказала она, — что *все делают всё ради такой бессмертной славы об их добродетели, и, чем люди достойнее, тем больше они и делают. Бессмертие — вот чего они жаждут.*

¹ Примечание ред.: обычная тема в античной поэзии. Ср. у Симонида Кеосского о царе спартанцев Леониде, который оставил “великое украшение доблести и вечную славу” (фр. 5D), или у Софокла в “Филоктете”, где герой “стяжал вечную славу” (с. 529).

Те, у кого разрешиться от бремени стремится тело, — продолжала она, — обращаются больше к женщинам и служат Эросу именно так, надеясь *деторождением приобрести бессмертие* и счастье и оставить о себе память на вечные времена. Беременные же духовно — ведь есть и такие, — пояснила она, — которые беременны духовно, и притом в большей даже мере, чем телесно, — беременны тем, что как раз душе и подобает вынашивать. А что ей подобает вынашивать? Разум и прочие добродетели. Родителями их бывают все творцы, и те из мастеров, которых можно назвать изобретательными. Самое же важное и прекрасное — это разуместь, как управлять государством и домом, и называется это умение рассудительностью и справедливостью. Так вот, кто смолodu вынашивает эти качества, храня чистоту и с наступлением возмужалости, но и испытывает страстное желание родить, тот, я думаю, тоже ищет везде прекрасное, в котором он мог бы разрешиться от бремени, ибо в безобразном он ни за что не родит. Беременный, он радуется прекрасному телу больше, чем безобразному, но особенно рад он, если такое тело встретится ему в сочетании с прекрасной, благородной и даровитой душой: для такого человека он сразу находит слова о добродетели, о том, каким должен быть и чему должен посвятить себя достойный муж, и принимается за его воспитание. Проводя время с таким человеком, он соприкасается с прекрасным и родит на свет то, чем давно беремен. Всегда помня о своем друге, где бы тот ни был — далеко или близко, он сообща с ним растит свое детище, благодаря чему они гораздо ближе друг к другу, чем мать и отец, и дружба между ними прочнее, потому что связывающие их дети прекраснее и бессмертнее. Да и каждый, пожалуй, предпочтет иметь таких детей, чем обычных, если подумает о Гомере, Гесиоде и других прекрасных поэтах, чье потомство достойно зависти, ибо оно приносит им *бессмертную славу* и сохраняет память о них, потому что и само *незабываемо и бессмертно*. Или возьми, если угодно, — продолжала она, — детей, оставленных Ликургом /его законы — Л.Б./ в Лакедомоне — детей, спасших Лакедомон и, можно сказать, всю Грецию. В почете у вас и Солон, родитель ваших законов, а в разных других местах, будь то у греков или у варваров, почетom пользуется много других людей, совершивших множество прекрасных дел и породивших разнообразные добродетели. Не одно святилище воздвигнуто за таких детей этим людям, а за обычных детей никому еще не воздвигали святилищ”¹ (Везде курсив мой — Л.Б.).

¹ Платон. Собр.соч. в 4-х томах. Т. 2, М., 1993. С. 116-120. (Пир 206a — 209e).

Гуманист эпохи Возрождения Пико делла Мирандола в “Речи о достоинстве человека” вложил в уста бога такие слова, обращенные к Адаму: “Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные”¹. Пико делла Мирандола высказал очень важную мысль о том, что именно деятельность человека (как “свободного и славного мастера”) делает его смертным и/или бессмертным (сравн. Сенека: “Одни люди умирают при жизни, другие продолжают жить и после смерти”).

А вот замечательные строки из оды “Бог” поэта Г. Р. Державина:

Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь — я раб — я червь — я бог!

Л. Н. Толстой в “Исповеди” попытался преодолеть разрыв-противопоставление конечности и бесконечности существования. В связи с этой проблемой им был поставлен вопрос о смысле жизни: “Вопрос был тот: зачем мне жить, т. е. что выйдет настоящего, не уничтожающегося из моей призрачной, уничтожающейся жизни, какой смысл имеет мое конечное существование в этом бесконечном мире?” (с. 33). Сначала он пошел по пути рассудочного разделения конечного и бесконечного: “В рассуждениях моих я постоянно приравнивал, да и не мог поступить иначе, конечное к конечному и бесконечное к бесконечному, а потому у меня и выходило, что и должно было выходить: сила есть сила..., ничто есть ничто, и дальше ничего не могло выйти” (с. 34). “Поняв это, — пишет он далее, — я понял, что и нельзя искать в разумном знании (читай: рассудочном — Л.Б.) ответа на мой вопрос и что ответ может быть получен только при иной постановке вопроса, только тогда, когда в рассуждение будет введен

¹ См.: Эстетика Ренессанса. Т. 2, М., 1981. С. 249.

вопрос отношения конечного к бесконечному” (с. 34)¹.

Вслед за Л. Н. Толстым И. А. Бунин формулирует: “Жизнь человека выражается в отношении конечного к бесконечному”². Казалось бы лучше и не скажешь. Дело, однако, в том, что это лишь общая фраза и за ней может скрываться самое различное содержание. Каков конкретный механизм этого отношения конечного к бесконечному — вот в чем вопрос. У Л. Н. Толстого есть отдельные мысли-догадки на этот счет, но нет стройной теории.

К сожалению, до сих пор нет реалистической философской концепции, которая раскрывала бы механизм живой связи смертности и бессмертия. Пора, наконец, перейти от общих рассуждений и отдельных догадок к конкретному объяснению диалектики смертности и бессмертия. В настоящей работе как раз делается попытка совершить этот переход.

До сих пор я излагал и обсуждал *историю* вопроса. Теперь попробую дать *теорию* вопроса.

Выше я говорил о том, что жизнь создает и разрешает противоречие между конечностью и бесконечностью существования. Это — общее решение проблемы. Как же конкретно “работает” указанное противоречие? По нашему мнению, существуют три “механизма” связи (формы взаимоопосредствования) конечного и бесконечного применительно к человеку: *любовь, творчество, стремление к активному долголетию (продлению жизни)*. Как уже отмечалось, в живой природе взаимоопосредствование конечности и бесконечности существования осуществляется благодаря размножению организмов и, в особенности, половому размножению. Ясно, что и в человеческом обществе в снятом виде (на более высоком уровне становления) сохраняется это биологическое взаимоопосредствование. Семейно-брачные отношения и лежащая в их основе любовь являются естественным продолжением полового размножения. Воспроизведение себе подобных по-прежнему остается первейшей обязанностью

¹ Толстой Л.Н. Полн.собр.соч. Т. 23.

² См.: Бунин И.А. Освобождение Толстого.

людей как живых существ. Между тем противоречие между конечностью и бесконечностью существования обретает новые, специфически человеческие черты. Границы взаимоотношения этих противоположностей раздвигаются благодаря появлению и развитию *творческой* активности людей. Творчество, как и любовь, служит реальным “представителем” бессмертия (бесконечного существования) в конечной жизни людей. Дети и творения — реальные опосредователи конечного бесконечным. Они же своеобразно оконечивают (сообщают завершенность) кажущейся бесконечной (нескончаемой) жизни индивидуума.

Третья форма связи конечности и бесконечности существования — стремление к активному долголетию, продлению жизни, последовательное решение проблемы нескончаемого существования.

Итак, с одной стороны, человеку суждено узнать, осознать, что он смертен, невечен. С другой, человек жаждет бессмертия, стремится к нему, добивается его. И это понятно. Смысл жизни во многом состоит в том, чтобы *делать* ее бессмертной. Я не утверждаю, конечно, что человек может достигнуть полного бессмертия (личного, индивидуального бессмертия, как еще говорят). Но *стремиться* к бессмертию он *может* и *обязан*. Такую позицию, чтобы не путать ее с концепцией иммортализма, можно назвать — по аналогии с философией — *филоиммортализмом*. Как не существует абсолютной мудрости и философы скромно именуют себя лишь любителями мудрости (буквально любомудрами), так не существует абсолютного бессмертия и люди могут называть себя лишь *филоимморталистами*, т. е. стремящимися к бессмертию, охотящимися за бессмертием, любящими бессмертие, делающими его.

Стремление к бессмертию не есть просто стремление, подобно вечной охоте за убегающим призраком (как иногда бывает в дурном сне: мы чего-то добиваемся или пытаемся избежать и нам это никак не удается; в результате возникает ощущение мучительной неудовлетворенности, бессилия). Стремление к бессмертию осуществляется к форме его *делания*. Делание

бессмертия как раз и выражает процесс движения, приближения к нему. Это движение, приближение осуществляется благодаря нашим сознательным усилиям, действиям — любви, заботе о потомстве, творчеству, борьбе за продление жизни.

Диалектика смертности и бессмертия сродни диалектике относительной и абсолютной истин. Абсолютная истина — это полное, исчерпывающее знание об объекте, иначе говоря, полное совпадение наших представлений с предметом познания. Мы никогда не достигнем абсолютной истины (объект бесконечен и познание его бесконечно), но стремиться к ней должны, иначе не будет прогресса познания. Мы никогда не достигнем полного бессмертия, но стремиться к нему — наш долг, *иначе не будет прогресса жизни*. (Уподобление стремления к бессмертию стремлению к абсолютной истине тем более оправдано, что *познание* является видом творчества и в качестве такового вносит свой вклад в “делание” бессмертия).

В соотношении относительной и абсолютной истин есть еще один момент, который помогает понять соотношение смертности и бессмертия. Абсолютная истина не только цель познания, идеал, к которому стремится познающий субъект, но и нечто *налично присутствующее* в нашем знании. Говорят ведь философы, что в относительно истинном, ограниченном, приблизительном знании имеются *зерна* абсолютной истины. Абсолютная истина не отгорожена китайской стеной от относительной. И наше знание понастоящему являет собой единство относительной и абсолютной и относительной истин. Так и жизнь человека. Да, она конечна, ограничена в пространстве и времени. Но, с другой стороны, в индивидуальной человеческой жизни есть зерна бесконечности, вечности, бессмертия. Эти зерна я называю *актуальным* бессмертием. Делание бессмертия есть, таким образом, не только делание посмертного, *потенциального* бессмертия, но и делание сегодняшнего, прижизненного, актуального бессмертия.

Обычно говорят только о потенциальном бессмертии (об оставленных “следах” после физической смер-

ти). В действительности же человек может быть бессмертен не только потенциально, не только в том, что после него останутся дети и дети детей, что его творения будут жить после физической смерти, но также и актуально (в данный момент, в настоящей жизни). Актуальное бессмертие человека — в актах творчества, в любви, т. е. как раз в том, что создает и потенциальное бессмертие. Напротив, конечность, бренность, пустота и ничтожность существования особенно ясно выступают в моменты, когда отсутствует любовь, угас творческий порыв.

В творчестве и в любви, приносящей детей, соединяются потенциальное и актуальное бессмертие человека, т. е. разрешается дилемма: жить для будущего, во имя будущего или жить настоящим, “срывать цветы удовольствия” теперь же, в данный момент.

Об этом подробнее будет сказано несколько ниже.

* * *

Итак, реальное бессмертие человека является биосоциальным выражением бесконечности. Бессмертие жизни так же реально, как бесконечность мира, и способом преодоления конечности индивидуального существования являются любовь и творчество.

6. КАК МЫ “ДЕЛАЕМ” БЕССМЕРТИЕ?

ПРОДОЛЖЕНИЕ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО РОДА, ЛЮБОВЬ

Бессмертия ради сопутствует
всему рачительная эта любовь
Платон, Пир 208b

... любовь никогда не перестает...
Новый завет, 1 Кор 13: 8

Поскольку личное бессмертие невозможно, постольку перед людьми всегда стояла и будет стоять проблема продолжения рода, воспроизведения себе подобных. Как говорил Платон, смертное, в отличие от божественного, не остается всегда одним и тем же, но устаревая и уходя, оставляет новое свое подобие.

Пока люди не изобрели иной способ воспроизведения себе подобных, они должны рожать-растить детей и решать связанные с этим проблемы любви, брака и семьи.

Прежде всего о проблеме рождаемости. Социологи и демографы давно уже бьют тревогу: падает рождаемость, все более угрожающими становятся факторы, ведущие к *депопуляции*, т. е. вымиранию населения. Демографы называют порог — 2,15 ребенка на одну женщину, — ниже которого происходит уменьшенное воспроизводство человека. Имеются уже целые страны, в которых уровень рождаемости значительно ниже этого порога. Так, в Германии он равняется 1,4 ребенка на одну женщину. Не лучше положение в России, особенно в последние годы.

Бич современного культурного общества — малодетная семья (однородные и двухдетные семьи). Демографы подсчитали, что если бы все семьи были двухдетными, то население страны уменьшилось бы вдвое через 350 лет. А если бы все семьи были однородными, то оно уменьшилось бы вдвое уже через 53 года. Дело как раз идет к тому, что преобладающей формой семьи становится однородная. Более того, сама семья как социальный институт распадается. И это понятно. Возникла ситуация порочного круга. Малодетность приводит к тому, что последующие поколения людей, выросшие в малодетных семьях, утрачивают необходимые качества для совместной жизни в семье, вследствие чего заключаемые браки становятся все менее и менее прочными.

Факты таковы, что современному цивилизованному обществу грозит медленная смерть¹, если не будут

¹ Обращаю внимание читателя: речь идет именно о *цивилизованном* обществе. В странах “третьего мира” мы наблюдаем обратную картину. Медленная смерть им пока не грозит. Но о них нельзя говорить как о цивилизованных, культурно развитых странах.

В целом для человечества важно соединение двух важнейших факторов жизни: нормальное воспроизводство населения и прогресс культуры, цивилизации. Пока людям не удастся сколько-нибудь удовлетворительно соединить эти два фактора. На одном полюсе мы наблюдаем расширенное

предприняты серьезные меры по повышению рождаемости, укреплению семьи или ее преобразованию в иной социальный институт, благоприятный для воспроизводства человека.

Как видим, проблема “делания” бессмертия самым тесным образом связана с проблемой рождаемости и, соответственно, с проблемами любви, брака и семьи. Все наши успехи в области науки и техники, все наши культурные достижения ломаного гроша не стоят, если не будет решена проблема воспроизводства человека. В результате депопуляции, вымирания просто некому будет пользоваться плодами науки, техники, культуры. Современное общество развивается однобоко и рискует оказаться невольным самоубийцей. Нужен сбалансированный подход. Логика “делания” бессмертия требует, чтобы проблемам воспроизводства человека уделялось, по крайней мере, не меньше внимания, чем развитию экономики, науки, техники, культуры. Пока этого нет. Взять хотя бы любовь. Она находится как бы в фокусе проблем воспроизводства человека. И что же? Может ли общество “похвастаться” достаточным вниманием к нуждам и запросам любви? Нет, конечно. Когда любящие молодые решают создать семью, то далеко не всегда они имеют возможность “свить свое гнездо”, т. е. жить совместно в нормальных жилищных условиях. Далее, очевиден такой факт, как ухудшение благосостояния семьи в результате рождения ребенка. Имеющие детей явно проигрывают в экономическом отношении тем, кто не имеет детей. Труд родителей по-настоящему не оценен обществом. Можно прямо сказать, что современное общество проводит **антидетскую** политику. Такая политика близорука и чревата медленной смертью общества.

Вот, например, как в ООН понимают качество жизни. Прочитал в Интернете (20 октября 2007 г.) следующую заметку:

воспроизводство жизни при недостатке ее качества, культуры. На другом полюсе — улучшение качества жизни, прогресс культуры, но: при убывающем народонаселении.

«Норвегия признана раем земным по качеству жизни»

Журнал The Economist опубликовал очередной ежегодник Pocket World in Figures («Мир в цифрах, карманное издание»). The Daily Telegraph приводит основной рейтинг книги: первую двадцатку стран по качеству жизни. Лидером рейтинга стала Норвегия, за ней идут Исландия и Австралия. Замыкает список Новая Зеландия. В двадцатку вошли также Швеция и Дания, традиционно славящиеся своим качеством жизни. Не остались в стороне и США — им принадлежит восьмая позиция списка. The Daily Mail уточняет, что рейтинг основан на индексе развития человеческого потенциала (Human Development Index, HDI), разработанного ООН. Он рассчитывается по трем основным показателям: ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образованности населения и уровень реальных доходов населения».

Обратите внимание: ООН качество жизни определяет по трем основным показателям: "ожидаемая продолжительность жизни при рождении, уровень образованности населения и уровень реальных доходов населения". Ни один из этих показателей ничего не говорит о качестве родовой жизни человека. Они говорят лишь о качестве индивидуальной жизни (продолжительность жизни, образованность и уровень доходов). Вот вам и мнение нынешних "образованных" людей! Качество жизни они понимают в соответствии с полученным ими односторонним образованием как сугубо качество индивидуальной жизни. А то, что качество жизни невозможно без родовой составляющей — им невдомек. Ведь жизнь в целом — это не только жизнь индивида, но и жизнь рода! Жизни индивида не существует без (и вне) жизни рода. Мы появляемся на свет и вырастаем благодаря родителям! В свою очередь и мы должны произвести на свет и вырастить детей. Иначе прекратится жизнь человечества, жизнь вообще. А может ли быть жизнь человека качественной, если за ней следует пустота, если она обращается в ничто? Нет, конечно. Поэтому качество жизни — не только качество индивидуальной жизни, но и качество родовой жизни! Следовательно, в число основных показателей качества жизни должен входить и такой показатель, как наличие детей (не меньше двух-трех). Да, этот показатель вступает в определенное противоречие по крайней мере с двумя из трех указанных показателей качества жизни. Ну что ж, качество жизни и на самом деле противосто-

речиво. И оно тем выше, чем больше удастся минимизировать это противоречие, добиться определенного баланса разных сторон жизни. По-настоящему счастлив тот, кто добивается успеха и в творчестве (в профессии), и в любви (в семье, в продолжении рода).

А пока цивилизованное человечество в лице экспертов ООН будет определять качество жизни только как индивидуальное, до тех пор это цивилизованное человечество будет сокращаться как шагреновая кожа и просто вырождаться. Если бы в число основных показателей качества жизни включали наличие не менее двух-трех детей, то картина рейтинга стран по качеству жизни была бы совсем иной.

Нужно, наконец, осознать важность охраны самого человека как живого существа, как уже осознали важность охраны окружающей среды. Нужно осознать, наконец, необходимость неотложных мер по налаживанию устойчивого воспроизводства человека (не за счет “плодовитости” сельских жителей, которых становится все меньше и меньше, а за счет разумно организованного, сбалансированного труда, отдыха и быта городских жителей).

Теперь о *любви*. Могут задать вопрос: почему я связываю продолжение человеческого рода с любовью. Первое — нечто жизненно важное, необходимое, второе — вроде бы всего лишь чувство, нечто эфемерное, не очень обязательное. Действительно, если любовь — только чувство, то, наверное, неправильно связывать ее исключительно лишь с половой любовью, от которой появляются дети. В том-то и дело, что любовь не только и даже не столько чувство. В главном своем значении она есть деятельность — *деятельность ума, души и тела*. К любви следует относиться как к особой форме человеческой деятельности. Как чувство, противоположное ненависти, она проявляет себя во всех видах человеческой деятельности и общения, но как *специальная деятельность* она осуществляется только в половом общении мужчины и женщины. Половое же общение нужно не только и не столько ради самого общения, сколько для продолжения рода. Значит и любовь в главном своем значении

есть то, что лежит в основе продолжения человеческого рода.

Любовь-деятельность есть не просто эмоциональное переживание стремления к гармонии, единству, красоте, а само это делание-воспроизводство гармонии, единства, красоты. Именно таковы отношения мужчины и женщины.

Почему я подчеркиваю различие между любовью-чувством и любовью-деятельностью? Такое разграничение необходимо для уяснения сути любви как одного из важнейших средств, факторов “делания” бессмертия. В качестве чувства любовь есть лишь некоторое психологическое состояние и ее связь с продолжением человеческого рода, т. е. с реальным “деланием” бессмертия кажется проблематичной или весьма отдаленной. В качестве же специальной деятельности она непосредственно “участвует” в “делании” бессмертия.

Далее, следует сказать, что любовь включает в себя не только чувства, не только половое поведение. Как деятельность она охватывает собой и половое общение мужчины и женщины, и вообще их отношения, и их отношения к родителям, детям, к другим, к окружающему миру. Иначе говоря, любовь мужчины и женщины не ограничивается рамками их полового общения, а как бы расходится кругами, охватывая другие их отношения, отношения к родителям, детям, родным, близким и т. д. Прекрасно сказал в свое время В.Г. Белинский: *“Любовь — поэзия и солнце жизни”*. Да, любовь — солнце жизни. Ее лучи расходятся во все стороны жизни, освещают все, даже самые отдаленные уголки человеческой жизни. И это касается прежде всего отношений с родителями и детьми. Любовь к родителям подготавливает половую любовь, а любовь к детям завершает, венчает ее.

Любовь как великий фактор продолжения человеческого рода реализуется в полном смысле лишь в этом триединстве: как любовь к родителям, как любовная связь и как любовь к детям. Конечно, любовь к родителям и любовь к детям не носят характера специальной деятельности. Тем не менее, это не просто

чувства симпатии, приязни, противоположные ненависти. Вместе с любовной связью они находятся на одной линии продолжения рода, являются выражениями могучего инстинкта продолжения рода. Вспомним, что по этому поводу писал Платон: животные “пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить, и вообще сносить все, что угодно”. Это, конечно, верно и по отношению к человеческой любви. Как деторождение, так и воспитание детей невозможны без любви. Полноценный человек может родиться и вырасти только в условиях любви, в ее лучах.

Говоря о любви как факторе продолжения рода, нужно иметь в виду, что в *человеческом* обществе она имеет и другое значение — просто как фактор общения, как связь, скрепляющая-цементирующая отношения мужчины и женщины, как первичная социальная связь. Порой это второе значение любви оказывается единственным (для мужчин и женщин, не имеющих детей).

В обоих своих значениях любовь раздвигает рамки конечной жизни человека. Как фактор продолжения рода она раздвигает рамки отдельной человеческой жизни во временном аспекте, означает выход за пределы конечного существования во временном смысле. А как фактор общения (как чисто любовная связь) она раздвигает рамки отдельной человеческой жизни в пространственном аспекте, означает выход за пределы ограниченного пространственного существования. В самом деле, вступая в половой контакт, человек в буквальном смысле выходит за пределы самого себя, “вторгается” в чужое пространство. Вообще когда человек любит и любим, то его “эго” переходит в “альтер” и наоборот; он как бы растворяется в другом, отдает себя другому и одновременно обретает в другом самого себя, самоутверждается.

Примечателен тот факт, что во все времена писатели, поэты, художники рассматривали любовь как начало, раздвигающее пределы жизни, преодолеваю-

щее смерть. В одной песне так и поется:

*Мы любим — это значит,
Мы не умрем...*

В философской сказке Горького “Девушка и Смерть” с романтической горячностью утверждается тема любви, побеждающей смерть.

Если у Горького идея любви, преодолевающей смерть, подана в условно-романтическом ключе, то у другого русского писателя — Л. Н. Толстого — эта идея осмысливается в социально-нравственном ключе. Ход мысли Л. Н. Толстого сравнительно прост: любовь — связь людей. А там, где связь, жизнь отдельно, “вот этого” человека перерастает рамки его собственного, конечного, ограниченного существования.

Остановимся подробнее на концепции Л. Н. Толстого. Воспользуемся талантливой интерпретацией этой концепции Ю. Н. Давыдовым. Вот что он пишет:

По Толстому “если человек превращает свою жизнь в нечто, что он расценивает как бессмысленное и злое, то повинна в этом не жизнь сама по себе, а прежде всего он сам, превративший благо в зло. Источник такого превращения Толстой видит в исполненной всякой неправды отъединенности индивидуальной жизни от жизни народа, шире — человечества. Причина этой отъединенности видится писателю в отпадении от общего процесса “добывания”, то есть постоянного воспроизведения этой жизни, каковое, по его убеждению, есть и призвание и долг человека: деятельное выражение благодарности за тот дар, что он получил. Воспроизводя жизнь свою в суровом и нелегком труде, который “труден” точно так же, как трудно любое участие в реальном процессе..., человек учится “изнутри” постигать осмысленность жизни, ее ритмичность, ее законосообразность, ее необходимость... (с. 53)

Внутренне постигнув, что жизнь есть нечто неизмеримо более широкое и глубокое, чем то, что он переживает, проживает, изживает в качестве таковой, любящий человек всем своим существом чувствует: она не кончается с его собственной кончиной. Те, кого он *любит*, остаются жить, а в них — и он сам; и чем больше тех, кого он действительно любит, тем больше его — общей с ними — жизни остается и после его смерти...

Пытаясь в одном слове выразить то, что одновременно и *придает* смысл жизни, и *составляет* ее сокровенный смысл, Толстой произносил всегда одно и то же: *любовь* —

как источник нравственной связи человека с миром и людьми, его окружающими. Любовь как этический принцип означает, по убеждению русского писателя, прежде всего бережное и благодарное отношение человека к своему бытию, понятому как дар — дар высшей любви... Такое отношение, в свою очередь, предполагает непосредственное, идущее из глубины человеческого существования постижение бытия как абсолютной целостности и единства, и, следовательно, хотя и переживаемое каждым из существующих людей как его дар, как нечто дарованное *именно ему*, — в смысле ответственности за него, однако принадлежащий *ему вместе с другими*. Ведь стоит только “отмыслить” от моего бытия бытие всех других людей, как тут же исчезнет и мое собственное бытие...

Эта идея, которая все глубже и глубже осознавалась Толстым, открывшись ему на рубеже 1880-1890 годов, легла в основу его последующего литературно-художественного творчества — здесь она выверялась и уточнялась на материале живых человеческих судеб... /В ряде произведений, в том числе в “Смерти Ивана Ильича”/ Толстой показал невыносимый страх смерти как выражение бессмысленности жизни человека, им одержимого, и преодоление этого страха на путях *прорыва* человека, отгороженного этим страхом от других людей, — к этим “другим”. Прорыва, который согласно Толстому дается только *любовью*. С ее помощью человек обретает сознание *истинного смысла жизни*, равно как и осознание того, что его панический, леденящий душу и парализующий ее страх перед смертью был лишь иным выражением бессмысленности его — “безлюбой” — жизни; и что не сам этот страх отгораживал его от других людей, а, наоборот, его изначальная отгороженность от них — его неспособность полюбить их — была истинной причиной этой настороженности, обрекшей человека на полнейшую “замороженность”, “загипнотизированность” видением своей собственной смерти, разрушительных процессов его тела, толкающих человека в объятия небытия (с. 59-61)”¹.

В передаче Ю. Н. Давыдова толстовская концепция любви, раздвигающей границы жизни, преодолевающей смерть, кажется неоспоримой. Действительно, нравственное и шире — социальное — значение любви Толстым раскрыто очень хорошо. У писателя есть также определенное понимание любви как деятельности, творящей жизнь. Не случайно в “Смерти Ивана Ильича” свою концепцию любви он “обыгрывает” на

¹ Давыдов Ю. Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1982.

примере любви героя рассказа к жене и сыну, которая отнюдь не сводится к абстрактным чувствам симпатии, приязни. Да иначе и не могло быть. В противном случае мы имели бы еще одну худосочную теорию-проповедь любви вообще, абстрактной любви к человечеству. Толстой, как писатель-реалист, склонен был понимать любовь именно как любовь-деятельность, воспроизводящую, творящую жизнь.

Тем не менее толстовская концепция любви имеет ряд серьезных недостатков. Во-первых, упрек Толстому может быть сделан в том плане, что в любви на первый план он выдвигал духовную, нравственную, психологическую сторону и недооценивал и даже игнорировал физическую сторону. Вследствие этого он постоянно “сбивался” с понимания любви как деятельности на ее понимание как чувства. Отсюда и толстовское преодоление смерти в любви кажется эфемерным, чисто психологическим. Ведь на самом деле преодоление смерти в любви — это гигантский жизненный процесс, это труд воспроизводства жизни, продолжения жизни в потомстве, а не просто сознание или чувство того, что смерти нет. Чтобы смерти не было, надо работать, трудиться, действовать, деятельно любить. Одних переживаний, чувств, одного изменения сознания мало для того, чтобы по-настоящему преодолеть смерть, преодолеть ограниченность отдельной, индивидуальной жизни.

Второй упрек Толстому: он некоторым образом абсолютизировал любовь, чрезмерно расширил ее границы, поставив в центр жизни. На самом деле кроме любви к “другим” есть еще и борьба с “другими”. Это не обязательно война на уничтожение. Это может быть честное соревнование, здоровая конкуренция. Это может быть борьба нового со старым, передового с отживающим. Это, наконец, может быть борьба со злом, с носителями зла. Такая борьба с “другими” не менее значима для жизни, чем любовь к “другим”. Любовь — лишь один полюс жизни. Другой ее полюс — борьба. Как специальная деятельность любовь выступает лишь в отношениях мужчины и женщины. Во всех других отношениях она выступает в качестве чув-

ства любви, как эмоциональная компонента этих отношений. Поставив любовь в центр жизни, Толстой этим невольно обедняет, суживает значение самой жизни вплоть до ее значения лишь как семейно-брачной жизни. Ведь только в последней любовь играет роль центра. Во всех других формах человеческой жизни она является лишь одним из центров.

В-третьих, Толстого можно упрекнуть в том, что он трактует любовь не только в плане продолжения рода, а вообще в плане воспроизводства жизни. В любовь он старается включить все формы деятельности, с чем я не могу согласиться. Да, любовь как чувство участвует во всех формах человеческой деятельности, направленных на воспроизводство (обессмертивание) жизни. Но это не значит, что она *одна* ответственна за воспроизводство жизни. Существует определенное “разделение труда” между любовью-деятельностью и трудом-творчеством. Любовь ответственна за воспроизводство живой родовой жизни. Творчество ответственно за воспроизводство “мертвой” жизни — материальных и духовных благ, материальной и духовной культуры. В той степени, в какой Толстой переоценивал значение воспроизводства живой родовой жизни, он недооценивал значение воспроизводства культурной жизни. Если он и ценил труд-творчество, то только в аспекте решения проблем любви-деятельности, воспроизводства живой жизни. Этим, кстати, объясняется его стремление к опрощению, настороженное отношение к некоторым достижениям культуры, недооценка роли науки в обществе.

* * *

Любовь не является единственной формой “делания” бессмертия. Другой формой обессмертивания жизни, как установил еще Платон, является *творчество*. Между любовью и творчеством существует тесная связь. Более того, они опосредуют друг друга. Можно сказать так: любовь — это творчество живого, животворчество, а творчество — это любовь к истине, добру, красоте. Любовь и творчество делают одно, общее дело, но только разными путями. Они взаимно

дополняют друг друга. Любовь без творчества ведет к застою жизни, к вечному повторению одного и того же. Творчество без любви бессмысленно и просто невозможно.

Любовь мужчины и женщины питает и поддерживает любовь к истине, добру, красоте. На этот счет имеется масса свидетельств.

Бывает, конечно, когда любовь и творчество мешают друг другу. Но это не правило, а исключение из правила и вызвано чаще всего привходящими обстоятельствами, ненормальными условиями любви и/или творчества.

ТВОРЧЕСКОЕ БЕССМЕРТИЕ

В делах своих бессмертен человек
Н.И. Пирогов

Все радости жизни — в творчестве.
Творить — значит убивать смерть.
Ромен Роллан

Творчество является специфически человеческой формой “делания” бессмертия. Когда говорят о социальном бессмертии, то чаще всего имеют в виду творческую деятельность и ее плоды, которые обессмертвляют человека.

Творчество незримыми нитями соединяет человека с другими людьми, обществом, раздвигает границы его отдельной жизни до масштабов жизни общества. Поэтому и говорят, что реальное бессмертие человека неразрывно связано с его жизнью в обществе, с тем, насколько его жизнь переходит или сливается с жизнью общества в целом. Очень хорошо сказал Муса Джалиль:

Смерть страшна для тебя? Ты хочешь быть
вечно бессмертным?

В целом живи: ты умрешь, целое же
все будет жить.

С этими словами Мусы Джалиля перекликается афоризм Берне:

“Человечество — вот в чем бессмертие смертного человека”.

Или такое высказывание Д. Мамина-Сибиряка: “Отдельный человек не умирает, если он одушевлен общей идеей и служит общей цели”.

Как руководство к действию звучат слова Т. Пенна: “тому, кто живет ради жизни в веках, смерть не страшна”. В том же ключе рассуждает польский писатель Анджеевский: “Я не хочу сказать, что жить стоит только для великих проблем. Но если их имеешь, жизнь получает большой смысл... Жизни нужно придать смысл, ценность, такую, которая бы перерастала размерами меня самого и могла существовать независимо от того, буду ли я жив завтра или погибну, может быть, через час”¹.

Тем, какие услуги человек оказал обществу, и определяется мера его жизни, его смерти и бессмертия. Именно это, наверное, имел в виду Сенека, когда писал: “Одни люди умирают при жизни, другие продолжают жить и после смерти”².

Связь человека с обществом — залог его бессмертия. Но эта связь не просто связь, не просто жизнь в обществе, совместно с другими людьми. Она выражается в *делах* человека и, прежде всего, в его *творческой деятельности*. Именно творческая деятельность выражает свободную человеческую связь человека с обществом. Подневольный нетворческий труд не обессмертивает человека, а напротив, укорачивает его жизнь, убивает при жизни, отчуждая от него его человеческую сущность.

С тех пор, как люди осознали важную роль творчества в своем человеческом бытии, они говорили и писали о творчестве как *реальном* “делании” бессмертия. Пушкинское “нет, весь я не умру — душа в заветной лире мой прах переживет и тленья убежит” стало для многих бесспорным выражением реального человеческого бессмертия. Никакая религия и никакая мистика здесь не требуется. Будь творческим человеком и ты

¹ Е. Анджеевский. Ранний вариант романа “Пепел и алмаз”.

² Сенека. Нравственные письма к Луцилию. Письмо ХСIII. Другой перевод: “Один пребывает и после смерти, другой погиб, не успев умереть” — Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 218.

будешь бессмертен. Эту мысль в разных вариантах высказывали много раз. Вот некоторые вариации:

Гете: “Если человек проявил себя гениальным в науке, как Окен и Гумбольдт, или в военных и государственных делах, как Фридрих, Петр Великий или Наполеон... то все это одно и то же и связано только с тем, что дела и мысли не умирают”¹.

Гегель: “Круг жизни крестьянки очерчен ее коровами — Лизой, Чернушкой, Пеструшкой и т. д., сынишкой Мартеном и дочкой Уршелью и т. д. Философу так же интимно близки — бесконечность, познание, движение, чувственные законы и т. д. И что для крестьянки ее покойный брат и дядя, то для философа — Платон, Спиноза и т. д. Одно столь же действительно, как и другое, но у последнего преимущество — вечность”².

Белинский В.Г.: “В какой бы сфере человеческой деятельности ни появился гений, он всегда есть олицетворение творческой силы духа, вестник обновления жизни. Его предназначение — ввести в жизнь новые элементы и через это двинуть ее вперед на высшую ступень. Явления гения — эпоха в жизни народа. Гения уже нет, но народ долго еще живет в формах жизни, им созданной, долго — до нового гения... Тот не гений в истории, чье творение умирает вместе с ним: гений по пути истории пролагает глубокие следы своего существования долго после смерти”³.

Ян Парандовский: “У литературы свое собственное время, — оно не то, которое регулирует обыденную жизнь, и даже не то, которое передвигает стрелки на часах истории. Прошрое, настоящее, будущее в литературе не разграничены между собой простой последовательностью, собственно, у них вообще нет границ, они текут общим и единым потоком... Выражение “Прекрасное никогда не стареет” — не пустая фраза. Между поэмами Гомера и “Паном Тадеушем” Мицкевича лежат двадцать шесть веков. Но разве этот огромный отрезок времени, наполненный столькими переменами, имеет какое-нибудь значение для оценки художественности и даже актуальности этих поэм?” “Слово — сила. Увековеченное в письмо, оно обретает власть над мыслью и мечтой людей, и границ этой власти нельзя измерить и представить. Слово господствует над временем и пространством... плох писатель, если он продолжительность жизни своего творения меряет преходящим мигом, плох, если думает, что мгновение не накладывает на него тех же

¹ Цит. по: Гангнус А. А. Рискованное приключение разума. М., 1982. С. 198.

² Гегель. Работы разных лет. Т. 2, М., 1971. С. 532.

³ Белинский В.Г. Рецензия на сочинения И.И.Лажечникова (1839).

обязательств и той же ответственности, что и столетие. Кто не работает над своим творением, видя его “*aere perennius*” — “более вечным, чем бронза”, кто сам себя разоружает убеждением в ничтожности им создаваемого, не должен брать в руки пера, ибо он — сеятель плевелов”¹.

Весьма интересны рассуждения А. Шопенгауэра о творческом бессмертии. Он пишет:

“На честь может притязать каждый, на славу — лишь люди исключительные; ибо слава достигается только необычайными заслугами, а эти последние опять-таки выражаются либо в делах, либо в творениях, — так что к славе открыто два пути. По пути дел направляет главным образом великое сердце; по пути творений — великий ум. У каждого из этих путей имеются свои особые преимущества и невыгоды. Главная разница между ними та, что дела проходят, творения остаются. Благороднейшее деяние все-таки имеет лишь временное значение; гениальное же произведение продолжает жить и оказывать свое благотворное и возвышающее влияние на все времена. Дела оставляют по себе лишь память, которая становится все более слабой, искаженной и безразличной и даже обречена на постепенное угасание, если ее не подхватит история и не передаст ее в закреплённом состоянии потомству. Творения же сами обладают бессмертием и могут, особенно воплощенные в письменности, пережить все времена. От Александра Великого сохранилось имя и воспоминание; Платон же и Аристотель, Гомер и Гораций продолжают существовать сами, живут и действуют непосредственно. Веды, со своими упанишадами, — перед нами, а обо всех современных им делах до нас не дошло совершенно никакого известия*. Другая невыгода дел — это их зависимость от случая, который сначала должен обусловить их возможность; к этому присоединяется еще, что слава их определяется не одной только внутренней ценностью, но также и обстоятельствами, сообщающими им важность и блеск. К тому же, слава эта, если, как на войне, дела имеют чисто личный характер, зависит от показания многих очевидцев, а последние не всегда найдутся, да и не всегда бывают добросовестны и беспристрастны. Преимущество же дел, напротив, — то, что они, как нечто практическое, доступны суждению всех вообще людей... Обратное бывает с творениями: возникновение их зависит не от случайности, а исключительно от их

¹ Парандовский Ян. Алхимия слова. М., 1972. С. 172-173, 307.

* Примечание А. Шопенгауэра: “Плохой, поэтому, комплимент, если, как это теперь в моде, думают почтить творения тем, что называют их делами. Ибо творения по самому существу своему выше дел.

творца, и пока они остаются тем, что они такое сами по себе. Зато с ними связана трудность оценки тем большая, чем высшего они порядка... Но зато опять-таки о славе творений решает не одна только инстанция, — здесь может быть и апелляция. Ибо если от дел до потомства, как сказано, доходит только память, да и то в таком виде, как передадут ее современники, то творения, напротив, выживают сами, притом так, как они есть, разве только утратятся отдельные части... Скорее даже, часто лишь время постепенно приводит с собою немногих действительно компетентных судей (...): они последовательно подают свой веский голос, и таким образом — иногда, правда, лишь по прошествии столетий — получается вполне правильная оценка, остающаяся уже незыблемой на все будущее время. Настолько прочна, даже прямо непреложна слава творений. (...) Обыкновенно даже, чем продолжительнее будет держаться слава, тем позже она появляется, — ведь все превосходное созревает лишь медленно. Слава, которой суждено перейти в потомство”¹

Бессмертие бессмертию рознь. Бессмертие гения — одно. Бессмертие таланта — другое. Бессмертие просто способного в чем-то человека (вроде крестьянки Гегеля) — третье. Существует разная мера бессмертия, хотя во всех случаях человек стремится к бессмертию, делает его. Бессмертие нельзя понимать как нечто всегда равное себе. Существует большее или меньшее бессмертие. Человек стремится не просто к бессмертию, а к большему бессмертию. Это подобно тому, как человек стремится не просто к знанию, а к большему знанию. Если бы человек стремился просто к бессмертию, то он ограничился бы воспроизведением себе подобных — биологическим бессмертием. Но нет, ему подавай вечность. Он стремится раздвинуть границы жизни дальше и дальше. Если, например, Гораций мечтал о том, чтобы его муза жила до тех пор, пока существует Рим (“Буду я вновь и вновь восхваляем, доколь по Капитолию жрец верховный ведет деву безмолвную”), то А. С. Пушкин уже утверждает, что он будет славен “доколь в подлунном мире жив будет хоть один пиит”. Какой-нибудь поэт через десять веков, сочиняя стихотворение на тему горадиевского

¹ Шопенгауэр А. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. Ч. 1. С. 89-91. (Гл. IV).

“Eхegi monumentum” (Воздвиг я памятник себе — лат.), будет говорить уже не о подлунном мире, а, как минимум, о мире Солнца, а то и о галактическом мире. Именно творчество в многообразных его формах (познание, изобретение, искусство) открывает перед человеком безграничные перспективы “делания” все большего бессмертия, все большего освоения-завоевания времени и пространства. “В человеке и его деятельности, — пишет М.А. Парнюк, — представлена тотальность природы, мир в его бесконечности, универсальной взаимосвязи и целостности. Поскольку это так, постольку человек выступает “мерой всех вещей”, тем самым реализуя свою бесконечность... Человек — это зеркало Вселенной, а мир человека — это мир бесконечности. Свободный творческий труд выступает как процесс преодоления конечного, как созидание нового, как сознательное формирование бесконечности в соответствии с целями и идеалами человека. Свобода как реализация сущностных сил человека, его абсолютности и как творческое преобразование мира по законам красоты и есть бесконечность в своей развитой форме”¹.

7. ПОТЕНЦИАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

Стоит жить, чтоб в землю врезать
След поглубже, позаметней,
Чтоб твое осталось дело
Словно дуб тысячелетний.

Муса Джалиль

До сих пор я говорил о реальном бессмертии в плане различных форм деятельности (любви и творчества). Теперь “развернемся” на 90° и рассмотрим проблему “делания” бессмертия в плане разграничения самой деятельности и ее плодов. Реальное бессмертие в таком случае выступает в двух формах: как *актуальное* и *потенциальное*.

Хотя источник бессмертия один — деятельность человека в широком смысле, — само оно (бессмертие)

¹ См.: “Конечное и бесконечное”. Киев, 1982. С. 147.

расщепляется как бы на два вида соответственно тому, как деятельность “раздваивается” на *процесс* деятельности и *плоды* деятельности. Последние, хотя и являются результатами, следствиями процесса деятельности, живут затем *своей* самостоятельной жизнью, независимо от породившего их субъекта деятельности. Такова диалектика деятельности и она-то служит основой разграничения двух форм бессмертия — актуального и потенциального.

Люди прежде всего заметили, осознали вторую форму — потенциальное бессмертие. И до сих пор больше всего сказано и написано о *потенциальном* бессмертии (как в превращенной форме — в виде религиозных-мистических сказок о потусторонней, загробной жизни, — так и в реалистической форме — в виде представлений о посмертной славе, памяти потомков, об оставленных следах. Еще две с половиной тысячи лет назад Гераклит утверждал: “Лучшие люди одно предпочитают всему: вечную славу — бrenным вещам, а большинство набивает свое брюхо, подобно скоту”¹. Сказано несколько грубо, резко, но верно по существу. Действительно, лучшие люди сознательно стремились через свои дела к жизни в веках. В прошлом веке Анатолий Франс, говоря о реальном бессмертии, имел в виду только “бессмертие души в памяти людей”: “Мы больше не рассчитываем на индивидуальное бессмертие; и чтобы утешиться в гибели этого верования, у нас есть только мечта о другого рода бессмертии, неуловимом, рассеянном, которым можно наслаждаться лишь в предвосхищении и которое к тому же суждено лишь очень немногим из нас: бессмертие души в памяти людей”². Уже в нашем веке Томас Манн писал: “Срок, больший или меньший, пока не стерся наш след, зовут бессмертием”³.

Люди не просто поняли, осознали возможность потенциального бессмертия, но и сделали его объектом

¹ См.: Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1, М., 1989. С. 244 (29 DK).

² Франс А. Собр. соч.. Т. 3, М., 1958. С. 303 (“Сад Эпикура”).

³ Манн Т. Доктор Фаустус (XLIII).

своих сознательных устремлений. Поэты, как никто другой склонные раскрывать свой внутренний мир, интимные мысли и переживания, прямо пишут о своем желании обрести такого рода бессмертие. Выше уже приводилось крылатое выражение *Exegi monumentum*. Этим выражением начинается одна из од древнеримского поэта Горация. В ней высказывается надежда, что весь он не умрет, что лучшая его часть — поэтические творения “меди /бронзы/ нетленнее” — избежит смерти. На русском языке известны две вариации горациевского *Exegi monumentum*. Это стихотворения Державина и Пушкина. Они интересны не только талантливой передачей основных тем оды Горация, но и самим фактом своего существования, тем, что поэты вновь и вновь усматривают смысл своего творчества, своей жизни в “делании” бессмертия.

Почти как поэт сказал К. Ламонт: “От рождения и до смерти мы можем жить нашей жизнью, работать ради того, что мы считаем дорогим, и наслаждаться этим. Мы можем придать нашим действиям значительность и наполнить наши дни на земле смыслом и размахом, которых не сможет уничтожить и наш конец — смерть. Мы можем внести вклад наших единственных в своем роде качеств в прогрессивное развитие нации и человечества; мы можем отдать наши лучшие силы на постоянное утверждение жизни ради большей славы человека”¹.

Связь потенциального бессмертия с деятельностью человека хорошо раскрыта в словах ученого — героя пьесы “Все остается людям” (автор — С. Алешин). В споре со священником, утверждавшим, что у атеистов, отвергающих веру в бессмертие, нет ничего святого в душе, ученый говорит: “Бороться и создавать. Для того и живем. А иначе — зря родился, напрасно существовал и навсегда умер. Человек должен знать — после смерти он живет только тем, что сделал... А того света нет, даже легендарного... Это дурная, дезертирская легенда, ибо обещает безделье за терпение... Чепуха! Человек не должен терпеть. Он должен доби-

¹ Ламонт К. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 285.

ваться справедливости для всех, а значит и для себя. Человеку надо сказать: “Те, кто говорят тебе: “Терпи, а на том свете ты получишь сполна”, обманывают тебя. Помни: все, что удалось тебе совершить на земле, — это вся твоя жизнь”. И это единственно смелый и честный разговор с человеком. Человек тогда начинает думать... Как живу? Не гонюсь ли за символами?.. Там — ничто. Все остается людям. Дурное и хорошее. И в этом оставшемся мое забвение или бессмертие”.

Говоря о потенциальном бессмертии как объекте сознательных устремлений человека нельзя не упомянуть о двух крайностях в подходе, отношении к бессмертию. Одна крайность — это когда стремятся обесмертить свое имя *любой* ценой, идут на какие угодно ухищрения и даже преступления, чтобы прославиться. Известный в истории пример: сожжение Геростратом в 356 г. до н. э. великолепного храма Артемиды Эфесской — одного из семи чудес света. Герострат сжег его с единственной целью — прославиться. Отсюда выражение — геростратова слава. В сущности, геро-стратовой славой обладают такие деятели как Гитлер. Стремление к славе ради самой славы — распространенный порок среди людей. В основе этого стремления лежит гипертрофированное представление о ценности, важности, значимости потенциального бессмертия.

Другая крайность — игнорирование возможности потенциального бессмертия или, попросту говоря, наплевательское отношение к тому, что будет после смерти. Наиболее ярко это отношение выражено в известном высказывании Людовика XV — “После нас — хоть потоп”. В самом деле, некоторых не прельщает перспектива жизни после смерти. Стремление к бессмертию им кажется проявлением пустого тщеславия или даже выражением мистического умонастроения. Эти люди упускают из вида, что потенциальное бессмертие — не просто жизнь после смерти. Правильнее понимать его в более широком смысле — как *эстафету жизни*. Нам дали жизнь, нас воспитали, образовали, мы пользуемся плодами культурной деятельности предшествующих поколений. Поэтому и мы долж-

ны дать жизнь другим, внести свою лепту в сокровищницу человеческой культуры. На нас жизнь не замыкается; она лишь звено в цепи жизни человечества. Прекрасно сказал Бернард Шоу: “Я придерживаюсь мнения, что жизнь моя принадлежит обществу... Я хочу полностью истратить себя к моменту, когда умру, ибо чем больше я работаю, тем больше я живу. Жизнь сама по себе радует меня. Жизнь для меня не тающая свеча. Это что-то вроде чудесного факела, который попал мне в руки на мгновение, и я хочу заставить его пылать как можно ярче, прежде чем передать грядущим поколениям”¹. То, что Б. Шоу сказал о себе, относится ко всем людям. *В эстафете родовой жизни человек должен стремиться к тому, чтобы факел его жизни не угас прежде, чем он передаст огонь другим людям, другим поколениям*².

Жизнь — самоподдерживающийся процесс и, как видим, не только в смысле самосохранения, но и в смысле продолжения рода, сохранения и развития прогресса культуры. Жизнь истинная, — писал Л. Н. Толстой, — есть только та, которая продолжает прошедшую, содействует благу жизни современной и благу жизни будущей”. Как просто и вместе с тем сильно сказано! В другом месте Толстой объясняет, почему именно такую жизнь считает истинной: “Человек может рассматривать себя как животное среди животных, живущих сегодняшним днем, он может рассматривать себя и как члена семьи, и как члена общества, народа, живущего веками, может и даже непременно должен (потому что к этому неудержимо влечет его разум) рассматривать себя как часть всего бесконечного мира, живущего бесконечное время. И потому разумный человек должен был сделать и всегда делал по отношению бесконечно малых жизненных явлений, могущих влиять на его поступки то, что в математике называется интегрированием, т. е. устанавливать, кроме отношения к ближайшим явлениям жизни, свое отношение ко всему бесконечному по времени и простран-

¹ См.: Хьюз Э. Б. Шоу. М., 1966. С. 127.

² См. комментарий ниже, на стр. [264](#).

ству миру, понимая его как одно целое”¹. Все правильно здесь за исключением маленького штриха: Толстой неправильно противопоставляет человека животному как якобы живущему сегодняшним днем. Животные, как я уже говорил, по-своему жаждут бессмертия, “делают” его. Если бы они жили только одним днем, то давно бы сгнули с лица Земли. В противопоставлении человека животным, в его возвеличении перед животными я усматриваю определенную идеалистическую (нереалистическую) тенденцию во взглядах великого писателя².

Потенциальное бессмертие одинаково “смотрит” в будущее и прошлое. В будущее — с точки зрения того, что оставляет после себя человек. Это проблема следа. В прошлое — с точки зрения того, как продолжается жизнь и дело других в нем самом. Это проблема продолжения рода, освоения культуры, “вживления” в культуру подрастающего человечества.

В первом случае потенциальное бессмертие — дело самого субъекта бессмертия. Во втором случае оно переживается и осваивается теми, кто принял от ушедших, уходящих людей-поколений эстафету жизни.

Человек, стремящийся к бессмертию, должен рассматривать себя не просто в плане жизни для будущего, для других, следующих поколений, а как *звено в цепи бессмертия*, т. е. и в том смысле, что в нем самом продолжается жизнь предыдущих поколений. Чтобы иметь право на свое собственное бессмертие, человек должен пережить в себе бессмертие других, живших до него людей. Если этого нет, то можно сказать заранее, что он обречен на бесплодие и забвение.

¹ Толстой Л.Н. Полн.собр.соч.. Т. 35. С. 161.

² Толстой говорил еще в уничижительном смысле о “животной личности” в человеке. Между тем мы не так уж далеки от меньших братьев наших. Миллиарды лет развивалась и совершенствовалась живая природа. Человек со своей духовностью развивается каких-то нескольких сот тысяч лет. Было бы большим сомнением считать, что все, чем обладает человек, он приобрел в эти несколько сот тысяч лет.

Как жизнь предков продолжается в жизни потомков, так и жизнь гениев прошлого продолжается в нас самих, в жизни сегодняшних гениев. Ньютон как-то сказал, обращаясь к Гуку: “То, что сделал Декарт, было шагом вперед. Вы прибавили к этому новые возможности... Если я видел дальше, то потому, что стоял на плечах гигантов”¹. Видите, как считает Ньютон: он стал гигантом мысли потому, что *стоял на плечах гигантов*. Какое удачное выражение! Ясно, что стоять на плечах гигантов — не такая уж простая задача. Нужно ведь на них “вскарabкаться”, соответствовать, быть конгениальным. В другую эпоху и в другой связи Р. Шуман сказал, что понять гения может только гений. И в самом деле, если ты понял, осмыслил, пережил труд и творчество другого, то заслужил этим право нести факел бессмертия. Да дело не только в том, что ты “заслужил”, а в том, что ты *загорелся* и волей-неволей несешь в себе эстафетный факел. На примере музыкального творчества и восприятия музыки это особенно хорошо видно. Когда слушаешь музыку Бетховена, Чайковского, или Рахманинова, то переживаешь их творения, их мысли и чувства, наверное, так же, как переживали они сами. Через музыку они вливают в тебя огонь своей души. Таким образом их жизнь продолжается в тебе. Притом не просто какие-то общие моменты жизни, а весь их неповторимый, индивидуальный облик, запечатленный в их творениях. Разве можно спутать симфонию Бетховена с чем-либо другим? Нет, никогда! Слушаешь, например, его Героическую симфонию и такое ощущение, будто он здесь, рядом, в тебе самом. Невольно заражаешься его энергией, силой духа и хочется быть героем, хочется создать нечто подобное, под стать гению Бетховена. Так продолжается жизнь, жизнь рода и культуры.

Выше приводились разные примеры потенциального бессмертия. Они указывают на то, что потенциальное бессмертие многообразно по своему содержанию, выражается в различных видах и формах. Здесь

¹ Ньютон. Письмо к Гуку. Цит. по: Володин В. И тогда возникла мысль. М., 1980. С. 60.

впору говорить об упорядочивании, классификации видов и форм этого феномена жизни.

Мы видим, по крайней мере, два *параметра* потенциального бессмертия: полноту и глубину (степень).

Полнота потенциального бессмертия — это бессмертие, обусловленное полнотой жизни, наличием в ней основных моментов: любви, приносящей детей, и творчества. Если одного из этих моментов нет, то и жизнь представляется неполной и даже ущербной. В таком случае и потенциальное бессмертие не обладает нужной полнотой.

Глубина (степень) потенциального бессмертия — это то, как далеко вглубь прошедшего проникает взор человека и как долго сохраняется оставленный им след.

Наверное, самое короткое бессмертие — это бессмертие любви, продолжение жизни в детях. Ведь оно ограничено рамками жизни детей после смерти родителей. Внуки лишь отчасти продолжают жизнь дедов, а потомки, родившиеся после смерти предков, имеют с ними еще более отдаленную связь. Однако и это короткое потенциальное бессмертие имеет различную глубину, определяется тем, как к нему относится человек. Если он не только дал жизнь детям, но и воспитал их так, что они в свою очередь продолжают родовую жизнь, воспитывают своих детей в том же духе, то его потенциальное бессмертие глубже, значимее того продолжения жизни в детях, которое не идет дальше детопроизводства. Человек должен быть по-своему дальновиден в любви и в семейной жизни вообще. Ему нужно думать не просто о детях, а о том, чтобы заложить в них уважение к предкам и сознательное стремление к дальнейшему продолжению рода. Ведь не секрет, что родители часто не думают об этой стороне воспитания детей. Они либо стремятся воспитать просто хороших людей (а это утопия: просто хороших людей не бывает), либо думают лишь о профессиональной или творческой судьбе детей. Дети же, помимо всего прочего, должны продолжить род. Воспитание их в духе уважения к детопроизводству, живо-

творчеству — отнюдь не простая задача. Жизнь мстит тем, кто об этом забывает. Сколько уже родов, генеалогий кануло в лету из-за пренебрежительного отношения к животворчеству! Вырождение, вымирание грозит тем человеческим сообществам, которые легкомысленно относятся к ценностям продолжения рода.

Бессмертие дела, творчества тоже может иметь различную глубину. Об этом я говорил выше, в предыдущем разделе. Бессмертие творчества может быть не только долговечнее продолжения жизни в детях, но и, как сказал поэт, “бронзы литой прочней”. Все зависит от человека. Совершенно ясно, например, что бессмертие гения неизмеримо обширнее, долговечнее бессмертия таланта. О. Бальзак говорил: “Великие гении опередили века, некоторые таланты опережают только годы”. Еще раньше М. Монтень говорил: “Людам дюжинным дано зреть плоды своих дел; семена, разбрасываемые гениальными натурами, всходят медленно”.

Конечно, не каждый может стать гением. Но стремиться в творчестве ко все более значительным достижениям — долг каждого творческого человека. В нравственном смысле все более значительные достижения суть не что иное как все более значительные услуги человечеству. Да и *сам* человек получает наибольшее удовлетворение от наиболее высоких результатов своей деятельности. “Самый счастливый человек тот, — говорил Д. Дидро, — кто дает счастье наибольшему числу людей”. Действительно, человек должен заботиться о благе и счастье не только в рамках своего личного “я”, а в масштабе всего общества. Только тогда он будет истинно счастлив, а имя и дело его переживут века.

8. АКТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

Бессмертие не будет и не было, оно *есть*.
*Л. Н. Толстой*¹

Жизнь — это вечность в миниатюре.
Эмерсон

Каждый человек буквально носит всю
вечность в своем собственном бытии
*К. Ламонт*²

Бесконечная сама в себе личность
*И. Т. Фролов*³

Имеется множество свидетельств философов, ученых, деятелей культуры о том, что любовь и творчество раздвигают пределы жизни в глубину, открывают в ней самую настоящую бездну — то, что я называю актуальным бессмертием.

Между тем феномен актуального бессмертия до сих пор мало изучен и осмыслен. Сам термин “актуальное бессмертие” употребляется впервые, что говорит об отсутствии у людей *понятия* об этом феномене. Если о потенциальном бессмертии говорили и писали многие и много, то о существовании *актуального* бессмертия догадывались лишь некоторые. В чем тут дело? Здесь можно указать три причины.

Во-первых, как я уже говорил, люди заметили, осознали прежде всего потенциальное бессмертие. Это связано с тем, что человек больше внимания обращает на конечные результаты, плоды деятельности, а по поводу самой деятельности, того, как она протекает, он не размышляет, а если и размышляет, то во вторую очередь. Потенциальное бессмертие, воплощенное в оставленных следах, кажется более зримым, реальным, чем актуальное бессмертие, переживаемое в процессе самой деятельности.

Во-вторых, религиозная концепция бессмертия ориентировала сознание людей лишь в направлении

¹ Гольденвейзер А. Б. Вблизи Толстого. М., 1959. С. 229.

² Ламонт. Иллюзия бессмертия. М., 1984. С. 278.

³ Фролов И.Т. О жизни, смерти и бессмертии. — Вопросы философии. 1983. № 1. С. 98.

потусторонней, посмертной, загробной жизни, т. е. того, что я называю иллюзорным потенциальным бессмертием. Земную жизнь религия обычно рассматривала как нечто весьма зыбкое, быстропреходящее, временное, лишь в аспекте ее конечности, (малости, ничтожности).

В-третьих, невыясненность проблем актуальной бесконечности в математике и споры математиков по поводу существования/несуществования актуальной бесконечности отрицательно сказывались на разработке проблем актуального бессмертия.

* * *

Понимание бессмертия только как потенциального ущербно. Ведь что получается? Моя смертная жизнь здесь, в настоящем, а моя бессмертная жизнь — там, в будущем, после моей смерти. Это разделение настоящей жизни и посмертного бессмертия мало чем отличается от христианского разделения земной жизни и бессмертной жизни души за гробом. Д. Дидро, имея в виду именно такое понимание бессмертия, писал: “потомство для философов — это потусторонний мир для верующего”. В журнале “Крокодил” по поводу такого понимания бессмертия горькая шутка: “бессмертие плохо тем, что оно приходит посмертно”. Человеку мало бессмертия потом. Ему подавай его сейчас, в этой жизни или вообще не говори о нем, молчи.

* * *

Весьма любопытна история возникновения идеи актуальной бесконечности в математике. Вот как описывает ее М. Клайн:

“Начиная с Аристотеля математики проводили различие между *актуальной бесконечностью* объектов и *потенциальной бесконечностью*. Чтобы пояснить эти понятия, рассмотрим возраст Вселенной. Если предположить, что Вселенная возникла в какой-то момент времени в далеком прошлом и будет существовать вечно, то ее возраст потенциально бесконечен: в любой момент времени возраст Вселенной конечен, но он продолжает возрастать и в конце концов превзойдет любое число лет. Множество (положительных) целых чисел также потенциально бесконечно: оборвав счет, например, на миллионе, мы всегда можем затем прибавить к нему 1, 2, и т. д. Но если Вселенная суще-

ствовала в прошлом *всегда*, то ее возраст в любой момент времени актуально бесконечен. Аналогично множество целых чисел, рассматриваемое в “готовом виде” как существующая совокупность, актуально бесконечно.

Вопрос о том, следует ли считать бесконечные множества актуально или потенциально бесконечными, имеет длинную историю... По мнению Аристотеля, актуальная бесконечность не нужна математике... Последующие дискуссии нередко лишь затемняли существо дела, так как математики говорили о бесконечности как о числе, не давая явного определения понятия бесконечности и не указывая свойства этого понятия. Так Эйлер довольно легкомысленно утверждал в своей “Алгебре” (1770), что $1/0$ — бесконечность, хотя и не счел нужным определить, что такое бесконечность, а лишь ввел для нее обозначение ∞ . Без тени сомнения Эйлер утверждал также, что $2/0$ вдвое больше, чем $1/0$. Еще больше недоразумений возникало в тех случаях, когда речь шла об использовании символа ∞ для записи пределов при n , стремящемся к бесконечности (например, для записи того, что предел $1/n$ при n , стремящемся к ∞ , равен 0). В подобных случаях символ ∞ означает лишь, что n неограниченно возрастает и может принимать сколь угодно большие (но конечные!) значения, при которых разность между 0 и $1/n$ становится сколь угодно малой. Необходимость в обращении к актуальной бесконечности при таких предельных переходах не возникает.

Большинство математиков (Галилей, Лейбниц, Коши, Гаусс и другие) отчетливо понимали различие между потенциально бесконечными и актуально бесконечными множествами и исключали актуально бесконечные множества из рассмотрения. Если им приходилось, например, говорить о множестве всех рациональных чисел, то они отказывались приписывать этому множеству число — его мощность. Декарт утверждал: “Бесконечность распознаваема, но не познаваема”. Гаусс писал в 1831 г. Шумахеру: “В математике бесконечную величину никогда нельзя использовать как окончательное; бесконечность — не более чем *façon de parler* (манера выражаться), означающая предел, к которому стремятся одни величины, когда другие бесконечно убывают”.

Таким образом, введя бесконечные множества, Кантор выступил против традиционных представлений о бесконечности, разделяемых великими математиками прошлого. Свою позицию Кантор пытался аргументировать ссылкой на то, что потенциальная бесконечность в действительности зависит от логически предшествующей ей актуальной бесконечности. Кантор указывал также на то, что десятичные разложения иррациональных чисел, например, числа $\sqrt{2}$, представляют собой актуально бесконечные множества,

поскольку любой конечный отрезок такого разложения дает лишь конечное приближение к иррациональному числу. Сознывая, сколь резко он расходится во взглядах со своими предшественниками, Кантор с горечью признался в 1883 г.: “Я оказался в своего рода оппозиции к общепринятым взглядам на математическую бесконечность и к нередко отстаиваемым суждениям о природе числа”¹.

Интересно отметить, что как при сопоставлении актуального и потенциального бессмертия второе кажется более понятным, распознаваемым, так и при сопоставлении актуальной и потенциальной бесконечности вторая представляется математикам более понятной, интуитивно ясной и, соответственно, более оправданной (отвечающей реальности) формой бесконечности. На это обращает внимание Г. И. Рузавин².

Трудность понимания и признания актуальной бесконечности вполне объяснима с философской точки зрения. В то время как потенциальная бесконечность означает выход за пределы конечного, воспринимается именно как бесконечное, актуальная бесконечность находится как бы *внутри* конечного, в стане своего собственного врага. Ее завершенность воспринимается как оконеченность, т. е. как ее уничтожение. Когда сопоставляют конечное и потенциально бесконечное, то первое рассматривают как нечто внутреннее, самодовлеющее, положительное, а второе — как нечто внешнее, производное, отрицательное. Но в том-то и дело, что конечное не является чем-то внутренним, самодовлеющим. Внешность (внешний характер) является, так сказать, сущностным определением конечного. Когда мы судим о конечности чего-либо, то всегда сопоставляем это что-либо с *другим*, с тем, что находится *вне*, за пределами чего-либо. Конечность не является *самоопределением* нечто. Лишь на границе, в отношении, во взаимодействии нечто с другим (другими) устанавливается, определяется конечность нечто. Напротив, подлинная бесконечность всецело внутренняя, самодовлеющая; она не вне нечто, а внутри.

¹ Клайн М. Математика. Утрата определенности. М., 1984. С. 231-232.

² Рузавин Г.И. О природе математического знания. (Очерки по методологии математики). М., 1963. С. 117-118.

(Наглядный пример: живущему человеку представляется, особенно в молодости, что жизнь бесконечна, нескончаема, длится без конца.) Как только мы совершаем выход за пределы нечего, тут же оконечиваем его, как бы показываем ему его пределы. Отсюда можно видеть, что потенциальная бесконечность, которая тоже означает “выход за пределы”, является по сути переряженным конечным или негативным отпечатком конечного. Правда, в отличие от конечного, в ней акцент делается не на “пределах”, а на “выходе за”.

Как видим, не актуальная бесконечность ближе к конечному, а потенциальная.

За столетие своего развития теоретико-множественная математика пустила прочные корни в науке. Ее давно уже относят к классическому направлению математики. С. Клини, например, писал: “В классической математике бесконечность рассматривается как *актуальная*, или *завершенная*, или *протяженная*, или *экзистенциальная*. Бесконечное множество рассматривается как существующее в виде завершенной совокупности, до и независимо всякого процесса порождения или построения ее человеком, как если бы оно полностью лежало перед нами для нашего обозрения. В интуиционистской математике бесконечность рассматривается только как *потенциальная*, или *становящаяся*, или *конструктивная*”¹. И все же понятие актуальной бесконечности оказалось крепким орешком для многих математиков, ученых и философов. До сих пор идут споры о том, соответствует ли этому понятию что-либо в реальном мире или оно является лишь инструментом познания.

* * *

В связи с обсуждаемой проблемой актуального бессмертия нельзя не упомянуть имя *Гегеля*. В одной из своих работ он со всей ясностью поставил и решил, правда по своему — как идеалист, — вопрос об актуальном бессмертии. Он, во-первых, переосмыслил ре-

¹ Клини С.К. Введение в метаматематику. М., 1957. С. 49.

лигиозную идею бессмертия души как бессмертие разума, мышления, познания, т. е. по существу в реалистическом духе — как творческое бессмертие человека. (“...человек бессмертен благодаря познанию, ибо лишь в качестве мыслящего он есть не смертная, животная душа, а душа чистая, свободная. Познание, мышление — это корень его жизни, его бессмертия, поскольку познание есть тотальность в себе самой”¹). Во-вторых, он подчеркивал, что бессмертие нельзя понимать только как потенциальное, потустороннее: “Когда речь идет о бессмертии души, то не следует представлять, что оно только позднее становится действительным; это качество, присущее ей уже в настоящем; дух вечен, а следовательно, он вечен *теперь*, в настоящем; дух в своей свободе не находится в сфере ограниченности, для него, как мыслящего, как знающего, предметом является всеобщее, и это есть вечность, которая не является простой продолжительностью, как продолжительно существуют горы, но является *знанием*. Вечность духа здесь осознана, она — в этом познании, в самом этом разрыве, который пришел к бесконечности для-себя-бытия”². Эти высказывания Гегеля вполне корреспондируются с его представлениями об истинной бесконечности как замкнутой в себе, всецело наличной, посюсторонней.

Гегель совершенно справедливо отмечал, что мы — как *познающие* существа — актуально бессмертны. В самом деле, разве мы не обнимаем умственным взором временные интервалы, которые практически бесконечно превосходят временной интервал нашей индивидуальной жизни. И с каждым годом, десятилетием человек все больше и больше раздвигает временные границы окружающего мира. Всего двести-триста лет назад ученые исчисляли реальное время мира в каких-то тысячах лет. Теперь они говорят о десятках миллиардов лет (таковы масштабы существования Метагалактики). Философы, свободно обсуждая проблемы бесконечности, бессмертия, этим самым утвер-

¹ Гегель. Философия религии. Т. 2, М., 1977. С. 265.

² Там же. С. 264.

ждают свою причастность и бесконечности, и бессмертию.

* * *

А вот размышления другого философа об актуальном бессмертии. В недавно изданной книге Н. Н. Трубникова “О смысле жизни и смерти” читаем:

“... проблема смерти, проблема страха смерти и страха небытия может быть удовлетворительно разрешена в зависимости от разрешения проблемы наполнения нашего настоящего жизнью, наполнения настоящей жизни настоящей жизнью. Значит, нужно обратиться не к прошлому, не к будущему, а к настоящему. И если нам удастся в нем найти возможность жизни, если мы в нем будем жить не для того, чтобы жить завтра или послезавтра, мы удовлетворительно решим и проблему смерти. Если мы в нем будем жить ради того, чтобы жить сейчас, здесь и теперь, то уже не время будет двигаться вокруг нас, все время оставляя нас где-то на периферии движения жизни, не оно будет идти помимо нас, как пейзаж мимо проходящего поезда или берега мимо плывущего корабля (наша общая очень вредная иллюзия восприятия времени, воспитанная у всех нас привычкой следить за стрелками часов и перелистывать страницы календаря). Нет, мы сами, отнюдь не как поезд, не как сцепленный с паровозом вагон по заранее проложенным железным рельсам и с заранее известными станциями, а как корабль, пусть как одинокая утлая ладья, направим свой путь к заветной цели в океане вечности, имея на борту избранный нами груз знаний и памяти. И тогда нам придется самим избрать, идти ли нам по ветру, куда он дует, куда влечет власть слепой стихии, или круче к ветру, против него, хотя и лавируя, делая галсы влево и вправо, но неуклонно приближаясь к свободно избранной цели.

Это новое времяоощение еще не задает нам цель, но оно помогает взять ответственность за направление движения на себя. Оно не вручает в виде награды рукоятку штурвала и компас, но оно пробуждает потребность в том и другом, оказывается необходимым условием становления ответственности за свою судьбу личности. Оно помогает человеку понять, что можно и не отдаваться на милость ветра и волн, что и в своей ладье он властен не ждать, что с ним будет, не ждать жизни, которая будет или может быть когда-то, но искать и созидать ее. Не ждать, куда бы его привели железные рельсы необходимости, если бы они были, или случайные порывы ветра, но выбирать, куда, с кем и с чем ему двигаться сейчас. И, выбирая путь, созидая свое настоящее, наполняя его, человек сам окажется способным выбирать, наполнять свое будущее, работать на него един-

ственно достойным образом, т. е. созидать его, иметь его”¹.

Да, действительно, человек может созидать-иметь будущее лишь созидая-имея настоящее. Н. Н. Трубников несколько витиевато, но верно по существу описал актуальное бессмертие и его связь с потенциальным бессмертием.

* * *

Часы любви, творчества реально раздвигают границы жизни. Грибоедовское “счастливые часов не наблюдают” очень точно по смыслу. Для любви времени как бы не существует. “В апогее близости, — пишет Ю. Рюриков, — человек испытывает совершенно особое состояние — когда вдруг пропадает время, и все вокруг исчезает, и ничего не остается. Человек выходит тут из всей цепи пространства и времени, из всех своих связей с миром. В нем остается одно только бескрайнее ощущение, одно — но такой слепящей силы, что затмевает миллионы его мыслей, понятий, привычек, чувств, воспоминаний”².

И дело не только в экстатичности любви (как бы исключенности ее из реальных времени-пространства). Сама любовь содержит внутри себя *бездну* переживаний, ощущений, движений. Ю. Рюриков по этому поводу пишет: “Многие, конечно, замечали по себе, что в разные моменты жизни бывают совсем разные ощущения времени. Особенно резко меняет чувство времени любовь. В часы любви время исчезает — исчезает почти буквально, его не ощущаешь, оно перестает быть. Об этом странном чувстве писал Роллан в сцене Кристофа с Адой. *И вместе с тем каждая секунда насыщена такими безднами переживаний, что время как бы останавливается и от одного удара пульса до другого проходит вечность. Время любви как бы состоит из бесконечных внутри себя мгновений — но эти бесконечности мгновенны, вечности молниеносны. И эта вечность*

¹ Трубников Н.Н. О смысле жизни и смерти. М., 1996. С. 75-76.

² Рюриков Ю. Три влечения. Любовь, ее вчера, сегодня и завтра. М., 1968. С. 55-56.

секунды и эта мимолетность часов сливаются друг с другом, превращаются друг в друга и порождают друг друга (курсив мой — Л.Б.)”¹.

* * *

Актуальное бессмертие есть не что иное, как опосредствование конечного бесконечным, преходящего вечным. Если конечное обозначим К, а бесконечное — Б, то формула опосредствования конечного бесконечным будет: К-Б-К. Это — формула актуального бессмертия. (Соответственно формулой потенциального бессмертия будет: Б-К-Б). Актуальное бессмертие может быть большим или меньшим в зависимости от глубины опосредствования. А она зависит от человека. В. Г. Белинский об этом хорошо сказал: “Жить — значит чувствовать и мыслить, страдать и блаженствовать; всякая другая жизнь — смерть. И чем больше содержания объемлет собою наше чувство и мысль, чем сильнее и глубже наша способность страдать и блаженствовать, тем мы больше живем: мгновение такой жизни существеннее ста лет, проведенных в апатической дремоте, в мелких действиях и ничтожных целях”.

Время имеет для человека разную ценность, разную степень глубины. Чем больше человек делает и чем более важные события в его жизни происходят, тем *острее, глубже* ощущение им каждого мгновения жизни, тем *интенсивнее* протекает его жизнь. “Не думай о секундах свысока” — поется в одной известной песне. В самом деле, есть такие секунды в жизни, которые делают ее бессмертной.

О том, что время есть нечто *резиновое*, растягивающееся или сжимающееся, люди знали, догадывались давно. Сенека писал: “Жизнь долга, если она полна... Будем измерять ее поступками, а не временем”.

Об этом же писал Леонардо да Винчи: подлинная величина отпущенного человеку времени определяется тем, как он сумеет его использовать². С ним пере-

¹ Там же. С. 96.

² См.: Р.С.Гутер, Ю.Л.Полунов. Джироламо Кардано. М., 1980. С. 134.

кликается Джироламо Кардано: долгая жизнь коротка, если она проведена в лености и непродуктивном досуге, а с другой стороны, короткая жизнь длинна, если она наполнена прекрасными деяниями, запечатленными в вечном монументе истории; и тот живет мудро, долго и счастливо, кто использует каждый миг для работы над вещами, которые сохранят славу о нем до конца времен¹.

Немецкая поговорка гласит: “трудолюбие из одного дня два делает”. Характерно название одного из разделов книги В. И. Демидова: “Резиновые мгновения”. Вот что говорится в этом разделе:

“Выходит, мы не только ощущаем бег времени, но даже отмеряем его своим внутренним эталоном? Может быть, не только сутки, но и часы, даже минуты? А то и секунды?

“Я не успеваю встать, как снова ложусь. Когда я сажусь за стол, я думаю, что уже конец обеда и нужно вставать. Я иногда удивляюсь, неужели за две-три минуты я успела пообедать. Я часто отказываюсь верить, когда мне говорят, что прошло несколько часов. Неужели время может так быстро идти? Почему это так? Почему оно течет не так, как мне кажется?”

“Замер весь мир. Тоска. Люди движутся чересчур медленно. Все уплывает куда-то. Время остановилось. Оно текло и замерло. Я умерла или никогда не умру. Я знаю, что стрелка движется на ваших часах, но это лишь видимость движения... Вы приходите ко мне из другого времени”.

Это не отрывки из фантастического романа о неведомых пришельцах, научившихся управлять временем. Это говорит человек, пораженный тяжелым недугом — маниакально-депрессивным психозом. В маниакальной стадии — бурное возбуждение, в депрессивной — тяжелая апатия, длящаяся иной раз месяцами. И время то мчится вскачь, то плетется. Возбуждение — апатия... Какое отношение они имеют к ощущению времени? (...)

Да, время человек отсчитывает вовсе не с бесстрашием хронометра. “Как всегда в острых ситуациях, дрогнул, сдвинулся с места и пошел по какому-то странному, “двойному” счету масштаб времени. Каждая секунда обрела волшебную способность неограниченно — сколько требуется — расширяться: так много дел успевает сделать человек в подобных положениях”, — вспоминает летчик-испытатель М. Л. Галлай об одном из многочисленных “случаев”, в которые ему приходилось попадать в воздухе.

¹ См. там же.

(...)

Итак, будет человек возбужден или апатичен, испытает приятные ощущения или неприятные, окажется до предела загружен работой или будет принужден воспринимать обстоятельства “как они есть” — в каждом случае один и тот же отрезок времени окажется психологически разным”¹.

В. Демидов следующим образом объясняет феномен резинового времени:

“Если восприятие длины отрезка времени действительно зависит от того, сколько “опорных точек” сохранилось в памяти, становится понятным и такой парадокс: старики жалуются, что жизнь промелькнула, как миг, а детям все кажется, что годы тянутся слишком медленно (...)” Для ребенка “каждый прожитый час открывает нечто неизведанное, любопытное. Память отмечает новые факты, — вот и ощущение медленного хода времени. А взрослый человек с устоявшимся бытом и привычками, в его жизни дни похожи друг на друга, а значит, нет информационно ценных обстоятельств, зацепок для воспоминаний, так что время субъективно ускоряет свой бег.

Мера информации — это мера неожиданности сообщения. Его нетривиальность”².

Да, именно новизна является тем фактором, благодаря которому интенсифицируется жизнь человека. Она — мера актуального бессмертия. Чем больше новизны в жизни человека, тем больше она длится. Особенно ценна та новизна, которая рождается в актах любви и творчества. Ценна тем, что это не новизна ради новизны. Новизна в любви и творчестве созидательна, ведет к новой новизне, раздвигает границы жизни не только актуально, но и потенциально (порождает как актуальное бессмертие, так и потенциальное).

Нужно жить так, чтобы день ощущался как год, а год как жизнь.

На то, что жизнь внутри себя не равна самой себе, указывают своеобразные черные дыры жизни, такие как пустота жизни, скука, прозябание. Они — частичная смерть, небытие внутри бытия, нежизнь в самой

¹ Демидов В. Время, хранимое как драгоценность. М., 1977. С. 13, 14.

² Там же. С. 17.

жизни. Эмоциональным выражением такой пустоты является скука. А она, по меткому выражению С. Я. Маршака, — “зевонк небытия”.

9. АКТИВНОЕ ДОЛГОЛЕТИЕ

Для глупца старость — бремя, для
невежды — зима, а для человека науки —
золотая осень

Вольтер

Не тот стар, кто далек от колыбели,
а тот, кто близок к могиле.

Из радиоспектакля

Выше я рассмотрел взаимосвязь смертности и бессмертия в общем плане, безотносительно к конкретным срокам индивидуального существования человека. Здесь, однако, есть еще один вопрос, который обычно упускается философами из вида и лишь в последнее время привлек их внимание. Речь идет о проблеме активного долголетия. Осознав, что конечность бытия есть нечто неизбежное, люди стали думать над тем, а нельзя ли расширить границы своего конечного бытия, нельзя ли продлить молодость, жизнь и т. д. Вспомним гётевское: “Остановись, мгновенье, ты прекрасно!” Это, конечно, мечта. Но почему мечту нельзя спустить на землю, оформить в виде конкретной цели, чтобы хоть в какой-то мере она приближала нас к мечте?! Некоторые размышляют так: если мы смертны, рано или поздно умрем, то зачем нам еще заботиться о продлении жизни, о каких-то лишних годах жизни и вообще, какое крохоборство считать годы, стремиться прожить как можно дольше несмотря на дряхлость, немощь и т. д. Таким людям все равно, сколько жить: сорок или восемьдесят лет. Действительно, есть такой тип людей. Это, как правило, короткожители. Они психологически не настроены на долгую жизнь, на то, чтобы специально заботиться о ее длении. Большинство же людей стремится не просто жить, а жить возможно дольше. И это нормально.

Вообще среди реальных противоречий жизни су-

ществует и это: *антитеза коротколетия и долголетия*. Весьма примечателен спор двух выдающихся писателей — 32-летнего Карела Чапека и 65-летнего Бернарда Шоу. Последний написал философскую драму “Назад к Мафусаилу”, про-славлявшую долгожительство. Карел Чапек возразил ему комедией “Средство Макропулоса”. Бернард Шоу дожил до 94-х лет. Карел Чапек — всего до 48-и. Эти писатели своей жизнью продемонстрировали антитезу коротколетия и долголетия.

Проблема долголетия не сводима ни к проблеме продолжения рода, ни к проблеме творческого бессмертия. Не случайно пишущие на тему о смертности и бессмертии, как правило, игнорируют эту проблему и даже выставляют ее в односторонне негативном свете. И на это есть свои причины. В чистом виде стремление к долголетию, к возможно большему длению жизни превращается в пустое стремление прибавить годы к жизни, а не жизнь к годам.

Как есть короткожителю, которым все равно сколько жить, так есть и фанаты-долгожители, которые стремление жить возможно дольше превратили в самоцель. Об этой крайности в поведении людей говорят примеры *долголетнего* прозябания, “дрожания”, такие как описанные в мировой литературе 100-летняя жизнь премудрого пескаря из сказки М. Е. Салтыкова-Щедрина или такая же долгая жизнь Тимоти Форсайта из “Саги о Форсайтах” Д. Голсуорси.

М. Е. Салтыков-Щедрин очень ярко изобразил никчемную жизнь “премудрого” пескаря, отсутствие в ней какого-либо качества и заботу лишь о длении жизни, т. е. о ее количестве. Вот отрывок из его сказки:

“И прожил премудрый пескарь таким родом слишком сто лет. Всё дрожал, всё дрожал. Ни друзей у него, ни родных; ни он к кому, ни к нему кто. В карты не играет, вина не пьет, табаку не курит, за красными девушками не гоняется — только дрожит да одну думу думает: слава богу! кажется, жив! (...)”

Сколько прошло годов после ста лет — неизвестно, только стал премудрый пескарь помирать. Лежит в норе и думает: слава богу, я своею смертью помираю, так же, как

умерли мать и отец. И вспомнились ему тут шучьи слова: вот кабы все так жили, как этот премудрый пескарь живет... А ну-тка, в самом деле, что бы тогда было?

Стал он раскидывать умом, которого у него была палата, и вдруг ему словно кто шепнул: ведь этак, пожалуй, весь пескарый род давно перевелся бы!

Потому что, для продолжения пескарьего рода, прежде всего нужна семья, а у него ее нет. Но этого мало: для того, чтоб пескарья семья укреплялась и процветала, чтоб члены ее были здоровы и бодры, нужно, чтоб они воспитывались в родной стихии, а не в норе, где он почти ослеп от вечных сумерек. Необходимо, чтоб пескари достаточное питание получали, чтоб не чуждались общественности, друг с другом хлеб-соль бы водили и друг от друга добродетелями и другими отличными качествами заимствовались. Ибо только такая жизнь может совершенствоваться пескарью породу и не дозволит ей измельчать и выродиться в сметка.

Неправильно полагают те, кои думают, что лишь те пескари могут считаться достойными гражданами, кои, обезумев от страха, сидят в норах и дрожат. Нет, это не граждане, а по меньшей мере бесполезные пескари. Никому от них ни тепло, ни холодно, никому ни чести, ни бесчестия, ни славы, ни бесславия... живут, даром место занимают да корм едят.

Всё это представилось до того отчетливо и ясно, что вдруг ему страстная охота пришла: вылезу-ка я из норы да гогаем по всей реке проплыву! Но едва он подумал об этом, как опять испугался. И начал, дрожа, помирать. Жил — дрожал, и умирал — дрожал.

Вся жизнь мгновенно перед ним пронеслась. Какие были у него радости? кого он утешил? кому добрый совет подал? кому доброе слово сказал? кого приютил, обогрел, защитил? кто слышал об нем? кто об его существовании вспомнит?

И на все эти вопросы ему пришлось отвечать: никому, никто.

Он жил и дрожал — только и всего. Даже вот теперь: смерть у него на носу, а он всё дрожит, сам не знает, из-за чего. В норе у него темно, тесно, повернуться негде; ни солнечный луч туда не заглянет, ни теплом не пахнет. И он лежит в этой сырой мгле, незрячий, изможденный, никому не нужный, лежит и ждет: когда же, наконец, голодная смерть окончательно освободит его от бесполезного существования?"

Тимоти Форсайт из "Саги о Форсайтах" Д. Голсуорси — поразительный пример бессмысленного существования человека, пожертвовавшего качеством жизни во имя ее количества. Он был, пожалуй, единственным в Англии человеком, который не знал, что началась первая мировая война, а

потом кончилась. В Англии на троне Викторию сменил Эдуард, а его — Георг, менялись правительства, менялись экономические программы и политические лозунги, менялись моды, прически, привычки, а Тимоти ничего этого не знал, он был занят почти до 100 лет одним — берег свою жизнь.

Антитеза коротколетия и долголетия чаще всего выражается именно в этом *противопоставлении качества и количества жизни*. Одни готовы пожертвовать или жертвуют количеством жизни во имя ее качества, а другие, напротив, готовы пожертвовать или жертвуют качеством жизни во имя ее количества. Действительно, порой возникают ситуации “или-или”. Во имя высокого качества жизни человек может обречь себя на короткую, подобную молнии, жизнь. Такой человек — герой. Он рискует или вынужден рисковать в исключительных обстоятельствах. Есть целые профессии — военных, спасателей, испытателей и т. п., — в которых количество жизни приносится в жертву ее качеству. С другой стороны, боясь риска, люди жертвуют качеством жизни во имя ее количества. Их жизнь, хоть и долгая, но пресная, скучная.

Стремление к долголетию, если оно не сопровождается стремлением к достойной жизни, бессмысленно. Долголетие ради долголетия — все равно что страсть к накопительству, к деланию денег ради денег. Не существование ради существования, а *активное*, т. е. богатое чувствами, мыслями, действиями долголетие — вот задача для настоящего человека!

Воистину счастливы те люди, которые умеют соединить качество и количество жизни, для которых не существует ситуации “или-или”: прибавлять жизнь к годам или годы к жизни.

В свете сказанного представляются ошибочными мнения некоторых философов о том, что качество жизни важнее ее количества.

Эти мнения по-своему интересны. Приведу некоторые из них. Вот что пишет, например, Сенека:

“Заботиться нужно не о том, чтобы жить долго, а о том, чтобы прожить довольно. Будешь ли ты жить долго, зависит от рока, будешь ли вдоваль — от твоей души”.

“Молю тебя, мой Луцилий, постарайся, чтобы жизнь наша, подобно драгоценностям, брала не величиной, а весом. Будем мерить ее делами, а не сроком”.

“Человек может быть совершенным и при тшедушном теле — так и жизнь может быть совершенной и при мень-

шем сроке. Возраст принадлежит к числу вещей внешних. Как долго я проживу, зависит не от меня, как долго пробуду — от меня”¹.

“Жизнь — пьеса: не то важно, длинна ли она, а то, хорошо ли сыграна. К делу не относится, тут ли ты оборвешь ее или там. Где хочешь, там и оборви — только бы развязка была хороша”².

А вот мнение Эпиктета: “Жизнь короткую, но честную, всегда предпочитай жизни долгой, но позорной”.

Мишель Монтень: “мера жизни не в ее длительности, а в том, как вы ее использовали”.

Похвально, конечно, стремление этих философов подчеркнуть значение качества жизни, но не ценой же третирувания другой ее составляющей — количества (длительности, продолжительности)! Длительность, продолжительность жизни — как количественно-временная категория — далеко не так безразлична жизни, ее качеству, как это им представляется.

Почему люди стремятся жить как можно дольше и почему надо жить как можно дольше?

Жить нужно как можно дольше, во-первых, потому что человек лишь с годами накапливает опыт, знания, умения и чем больше он живет, тем богаче и продуктивнее его опыт, тем обширнее и глубже его знания и тем совершеннее его умения. Мудрость приходит с годами и чем больше лет, тем мудрее человек.

Во-вторых, нужно жить как можно дольше для того, чтобы решать *большие* задачи — такие, которые выходят за рамки нескольких лет или нескольких десятков лет жизни, которые требуют выхода за пределы обычного срока жизни. Для творческого человека нет предела дерзанию и его, конечно, стесняют рамки конечной жизни.

В-третьих, нужно жить как можно дольше для того, чтобы *живьем* передавать свой опыт младшим поколениям, чтобы предки и потомки (прапра-...дедушки и прапра-...внуки) имели возможность *живого* общения, чтобы была ситуация не смены поколений, а *умноже-*

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 218. (Письмо XCIII).

² Там же. С. 153. (Письмо LXXVII, 20).

ния поколений.

* * *

Противоречие смертности и бессмертия находит, так сказать, свое непосредственное разрешение в борьбе за продление жизни, за активное долголетие. Проблема долголетия — особая проблема, имеющая для человека и человечества относительно самостоятельное значение. Она обнаруживает подвижность, условность границ между конечностью и бесконечностью существования. Благодаря ей люди осознали, что конечное и бесконечное не застывшие, неподвижные противоположности, что между ними есть переходы, промежуточные звенья. Стремление к долголетию означает переход (хотя бы маленький, частичный) *от* конечности *к* бесконечности существования, от смертности к бессмертию, выход за рамки чисто конечного бытия, движение в сторону бесконечного существования. Это стремление реализуется в разных формах и на разных уровнях.

На уровне отдельного человека решается задача так оздоровить жизнь, т. е. так наладить здоровый образ жизни, чтобы продлить ее до максимального предела видовой продолжительности жизни человека как представителя рода “*homo sapiens*”. Этот предел по разным оценкам ученых равен 120-150 годам.

На уровне человечества решается научно-практическая задача раздвинуть рамки видовой продолжительности человека, изменить генетическую программу оконечивания индивидуальной жизни в сторону ее максимально возможного продления. Уже сейчас ученые трудятся над разгадкой генетического механизма, ограничивающего видовую продолжительность жизни человека. Безусловно, они разгадают этот механизм и найдут способы воздействия на него в сторону значительного увеличения видовой продолжительности жизни. Я убежден: недалеко то время, когда люди будут жить полноценной жизнью до 1000 лет и больше. И это самый скромный прогноз.

Почему люди не мирятся с тем сроком жизни, который им отвела природа? Позволительно ответить

вопросом на вопрос: а почему, собственно, люди должны мириться с этим сроком жизни? Разве данное конечное число лет задано природой на все времена? Нет. Первые живые организмы на Земле существовали от деления до деления всего каких-то несколько часов. За три с лишним миллиарда лет становления жизни этот срок жизни отдельного организма возрос с нескольких часов до нескольких десятков лет у высших животных и человека, т. е. примерно в 200 000 раз. Вполне естественно предположить, что природа отнюдь не остановилась на достигнутом сроке жизни и пойдет дальше в пролонгировании жизни. Нет никаких оснований полагать, что 100 лет жизни заказаны человеку на все времена. Если человек — вершина эволюции живой природы на Земле — живет в 200 000 раз больше простейших живых организмов, то значит возможно и такое положение, когда природа в лице человека, *становясь дальше, усложняясь и совершенствуясь*, выйдет на новые рубежи продолжительности жизни — в 200 000 раз против сегодняшних 100 лет.

ЧТО НАДО ДЕЛАТЬ ДЛЯ ТОГО, ЧТОБЫ ЖИТЬ ДОЛГО И СЧАСТЛИВО?

Мы, люди, — живые существа, часть живой природы. С другой стороны, мы не просто продолжаем живую природу, а создали свой особый, *человеческий* мир и живем по *своим* законам, порой наперекор живой природе, вопреки ей. Природа заложила в нас определенный цикл развития — рождение, рост, зрелость, старение, смерть. Мы, конечно, не можем пока изменить этот цикл, устранить из него две стадии — старение и смерть. Но в наших силах отодвинуть наступление старческой немощи и следующей за ней смерти. Раньше ведь как было. Человек большей частью жил как животное и старость принимал как должное. Думал, что старческую немощь не отменить, что если на роду написано с годами стареть, дряхлеть, наживать болезни, тяжелеть, терять силу и т. д., так тому и быть. Иному пожилому человеку говоришь: у Вас лишний вес, — а он в ответ: так положено, это

возрастное. Да, действительно, если жить поживотному (как задано природой), то при переходе от зрелости к старости сытая жизнь неизбежно приводит к избыточному весу, ожирению. Теперь, однако, многие люди думают по-другому. Они рассуждают примерно так: мы — разумные существа, много уже знаем, понимаем и поэтому должны направлять, корректировать естественный ход жизни, сопротивляться в отдельных случаях заданному природой. Если природа заложила в нас постепенное снижение двигательной активности после репродуктивного периода (20-30 лет), постепенное повышение аппетита сверх меры (вследствие понижения чувствительности к пище), то мы должны воспрепятствовать этому: не ослаблять двигательную активность, поддерживать ее на оптимальном уровне, питаться не в соответствии со своим аппетитом, а с учетом расхода калорий. В самом деле, каждый из нас, из тех, кто живет 35 и больше лет, на себе ощутил почти фатальное снижение двигательной активности и, как следствие этого, уменьшение ловкости, гибкости, потяжеление, появление жировых отложений, учащение и усиление различного рода заболеваний. Каждый невольно замечал за собой, что стал больше лениться, больше стремиться к покою, к пассивному отдыху, быстрее уставать и т. д. и т. п. С понижением двигательной активности люди слабеют, а слабея, быстрее устают. Усталость же приводит к желанию отдохнуть, т. е. к еще большему снижению двигательной активности. Возникает порочный круг: снижение двигательной активности — уставание — отдых — еще большее снижение двигательной активности и так до смерти.

Как нам представляется, каждый человек, если он не хочет плыть по течению жизни и быть рабом природы, должен на определенном этапе жизни выработать для себя программу полноценной, активной, долгой жизни. Это действительно должна быть *программа*, потому что от очень многих "вещей" зависит жизнь человека. Если кто-то думает, что может обеспечить активное долголетие с помощью каких-то пилюль или какой-то диеты или даже каких-то физиче-

ских упражнений, тот глубоко ошибается. Нужен комплекс мер, действий, жизненных условий. Это не обязательно только специальные меры и действия по обеспечению долголетия, не обязательно какие-то особые жизненные условия. Если жизнь полноценна, то она при прочих нормальных условиях будет долгой и счастливой.

Автор для себя выработал такую программу гармонического развития и активного долголетия:

1. *Постоянная ориентация на полноценную жизнь, активное долголетие, бодрость духа, оптимизм, жизнелюбие.*

2. *Любимая работа, творческий труд.*

3. *Любовь, семья, дети.*

4. *Духовное совершенствование, постоянный контакт с духовной культурой человечества.*

5. *Физическое совершенствование, регулярная физическая нагрузка, всесторонняя тренировка тела, подвижный образ жизни.*

6. *Рациональное, полноценное, сбалансированное, экологически чистое питание.*

7. *Физическое и психологическое закаливание, повышение сопротивляемости организма к различным возмущающим факторам.*

8. *Контакт с людьми, соблюдение баланса между общением и уединением. Жизнь в соответствии с золотым правилом поведения: "не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе" и "поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой".*

9. *Соблюдение баланса между трудом и отдыхом, между активным и пассивным отдыхом, напряжением и расслаблением.*

10. *Пребывание по возможности в благоприятной окружающей среде.*

Как видим, эта программа учитывает практически все факторы и условия жизни. Тем не менее автор не претендует на то, чтобы данная программа считалась образцовой. Вполне возможны другие варианты программы. Люди весьма различны и по своей генетике, и

по своему воспитанию, и по условиям жизни. Здесь не может быть шаблона.

10. ВИРТУАЛЬНОЕ БЕССМЕРТИЕ

В связи с появлением-развитием компьютерной техники у людей появилась возможность создания виртуальных двойников, которые могут служить им при жизни и, в известном смысле, продолжать их жизнь после физической смерти. В случае прижизненного общения с виртуальным двойником возникает интересная возможность со-совершенствования и со-творчества. В случае же посмертного существования виртуального двойника возникает возможность как бы продолжить жизнь после физической кончины, в виртуальном виде.

Не буду говорить о других, но вот что можно было бы сделать с моей жизнью: все мои тексты (и дневники, и документы, и сочинения), все фотографии, аудиозаписи, видеофильмы поместить в виртуальное пространство и создать программу-сценарий виртуального поведения (путем экстраполяции прижизненного поведения + включения авторских текстов). В результате возникает возможность виртуального общения со мной и после того, как меня не станет. Я в некотором роде мог бы продолжать жить и после смерти. А именно, при сопоставлении-сравнении-столкновении моих текстов (мыслей, идей, взглядов), прижизненного поведения-облика-образа с новой реальностью и новыми проблемами (тех людей, которые виртуально общаются со мной) можно было бы как бы (виртуально) продолжить мое творчество, т. е. создать ситуацию, когда я, теперь уже виртуальный, мог бы продолжать сочинять, выдвигать и обосновывать идеи, давать оценки и предлагать решения. Это вполне возможно, поскольку мои основные философские идеи достаточно общи и могут при сопоставлении с новой и меняющейся реальностью преломляться-конкретизироваться в виде частных идей-мыслей сколь угодно долго.

11. КОНЕЧНОСТЬ И БЕСКОНЕЧНОСТЬ СУЩЕСТВОВАНИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЖИЗНИ

Имеется такое свидетельство об отношении Л. Н. Толстого к смерти. “Высокочитимый граф Лев Николаевич, — писал И. Н. Янжул, — последние годы имел слабость охотно беседовать о смерти... Я заметил ему как бы для утешения (в начале 90-х г.г., на собрании в Московском университете — Л.Б.), с какой стати он так занят этим вопросом о смерти, когда он за свои великие труды уже *бессмертен* при жизни и будет таковым же после смерти. На что он мне ответил: “Да я-то не буду ничего чувствовать и сознавать”¹. В этом свидетельстве зафиксировано мнение творческого человека, который не может примириться с неизбежностью смерти. Борьба за активное долголетие решает только задачу продления жизни до каких-то пределов. Пусть это будут 120, 1000, 200 000 лет, но все же человек рано или поздно оказывается перед ситуацией *смерти*, когда его тело превращается в *труп*, т. е. в ничто.

Ни “делание” бессмертия в указанном выше смысле, ни активное долголетие не решают по-настоящему проблемы смертности и/или бессмертия.

Вопрос в том, можно ли вообще устранить смерть из жизни человека? Я уже говорил, что смерть как эволюционное приобретение жизни возникла на этапе полового размножения многоклеточных организмов. Превращение живого в труп отнюдь не является абсолютной неизбежностью для всякого живого.

Жизнь как таковая не носит в себе зародыш смерти. Она, бесспорно, носит в себе зародыш изменения, преобразования, но не смерти, а тем более не гибели. Смерти нельзя приписывать абсолютное значение оконечивания. Нельзя отождествлять смертность, имеющую *частное* значение, и конечность, имеющую

¹Янжул И.Н. Страх смерти. Разговор с графом Л.Н.Толстым. Спб, 1910. С. 4. — Альманах “Прометей”. Т. 12, 1980. С. 137.

универсально-всеобщее значение. Да, все реально существующее содержит в себе момент окончивания — такова диалектика конечности и бесконечности. Но из этого не следует, что *живое* окончивает себя только через смерть. Последняя — лишь один из “способов” окончивания живого. Одноклеточные организмы, делящиеся миллиарды лет, живут конечный срок (от одного деления до другого). А ведь они не знают смерти. Смерть как полное разрушение многоклеточного организма — до первичных органических и неорганических молекул — возникла на определенном этапе становления живой природы. Вполне возможно, что человек со временем найдет другой способ окончивания своей жизни, не такой разрушительный как смерть. Не исключено, что, изменив соответствующим образом свою генетическую программу, он может покончить со смертью.

Дальнейшее становление живой природы (уже на стадии человеческого общества) *может* привести к ликвидации смерти в смысле превращения живого в труп, к замене полного уничтожения *преобразованием* одного живого в другое наподобие деления одноклеточных организмов, в том смысле, что отдельный человек, прожив определенный срок жизни, как бы переходит в другого человека, сохранив при этом основное содержание своего “я”. Конечность существования остается как момент жизни, но она не будет носить характер смерти в смысле полного уничтожения.

Смерть (как превращение живого в труп) была необходимым моментом на стадии развития многоклеточных организмов и в какой-то мере оправдана на стадии развития человечества до определенного времени. Это связано прежде всего с ограниченностью жизненного пространства и ресурсов.

Действительно, в каждый данный момент и жизненное пространство и ресурсы ограничены. Но кто сказал, что вместе с решением проблемы увеличения продолжительности жизни человечество не решит и проблему увеличения жизненного пространства и ресурсов?! Конечно, если исходить из предположения, что человечество будет жить *только* на Земле, то не-

трудно предвидеть наступление момента, когда в результате размножения и увеличения продолжительности жизни людям станет тесно и ресурсы истощатся. В том-то и дело, что это предположение основывается на прошлом опыте эволюции живого и не учитывает возможности освоения человеком космического пространства. Чаще всего как раз и пытаются доказать естественность, необходимость смерти ссылками на живую природу, в которой гибель организмов и смена поколений обусловлены борьбой за существование и ограниченностью земных ресурсов. Но то, что верно для живой природы, нельзя механически переносить на человеческое общество. Люди, в отличие от животных, находят все новые и новые источники ресурсов и этому процессу нет конца. Наступает время, когда смерть человека перестает быть оправданной с эволюционной точки зрения, как ограничитель увеличения массы живого. С созданием управляемой термоядерной реакции и освоением (обживанием) космического пространства люди практически обеспечат себя безграничными ресурсами и могут увеличивать продолжительность своей жизни и размножаться до каких угодно пределов.

Человечество уже сейчас должно поставить перед собой задачу ликвидации смерти, т. е. замены ее каким-то *преобразовательным* механизмом, который позволил бы более мягко переводить одно “я” в другое “я” без того, чтобы первое “я” переживало ужас полного уничтожения-распада. Следующее за первым я” второе “я” должно наследовать не только генетическую программу первого, но и его разум, самосознание, личность. Это наследование должно быть подобно тому, как наше “я” в зрелости или в старости наследует наше же “я”, бывшее в детстве или юности. Ведь не секрет, что мы *разные* на *разных* этапах жизненного пути. Мы, конечно, сожалеем, что детство прошло, юность прошла, что мы *другие*. Но тем не менее горечь об ушедших годах, о том, что мы другие, не сравнима с переживанием того, что нас когда-то не будет, что наше “я” исчезнет.

Да, абсолютное индивидуальное бессмертие невозможно, но возможно и реализуемо *бесконечное приближение* к идеалу абсолютного бессмертия.

Идея индивидуального бессмертия сродни идее вечного двигателя. В сущности, это идеи-близнецы. Они ложны в своем абсолютном, предельном выражении, но истинны в смысле асимптотического приближения к некоторому пределу. Это можно видеть на примере идеи вечного двигателя. Эта идея основывается на представлении, что энергию можно получить из ничего. Если вместо слова “ничего” поставить выражение “все более энергоемкие источники”, то это представление будет справедливым. В самом деле, история развития энергетики такова, что человечество последовательно решало и продолжает решать задачи получения энергии из все более энергоемких источников. Сначала это были дрова, затем уголь, затем нефть и газ. В настоящее время осваивается ядерная энергия распада. На очереди — овладение термоядерной энергией синтеза, что даст человечеству практически неисчерпаемый источник энергии. Люди почти буквально будут получать энергию из ничего. Это ли не осуществление сказочной мечты о вечном двигателе!

Так и идея индивидуального бессмертия. В качестве религиозной сказки она вздорна, нелепа. А как научно-практическая задача “делания бессмертия” она не то, что вздорна, а необходима и решается.

III. ЧЕЛОВЕЧЕСКОЕ СЧАСТЬЕ

ВЗАИМОСВЯЗЬ СМЫСЛА ЖИЗНИ И СЧАСТЬЯ

Взаимосвязь смысла жизни и счастья обнаруживается в том, что наличие определенного смысла жизни является условием счастья, а с другой стороны, стремление к счастью придает жизни определенный смысл. Бессмысленность существования — величайшее несчастье для человека и, наоборот, человек испытывает счастье, когда его жизнь становится глубоко осмысленной.

1. ЧТО ТАКОЕ СЧАСТЬЕ?

Слово “счастье” одно, а мнений о счастье — великое множество. Еще Ш. Фурье писал: “В Риме во времена Варрона существовало 278 противоречивых мнений об истинном счастье, их числилось гораздо больше в Париже”. Почему существует такое множество мнений о счастье? Причины здесь две:

1. На поверхности явлений счастье отдельного человека выступает как нечто субъективное и случайное, что и вызывает обилие противоречивых мнений о нем.

2. Счастье даже в сущности своей — нечто весьма сложное, многогранное. Люди нередко брали какую-нибудь одну сторону, грань счастья и превозносили ее за счет других. Отсюда возникали такие, например, определения: счастье — в любви; счастье — в труде; счастье в том, чтобы делать людям добро и т. д.

На том основании, что существует множество противоречивых мнений о счастье, некоторые делают вывод, что не может быть единого, общего для всех представления о счастье. Что можно на это сказать? Как и всякое другое явление жизни, счастье каждого человека представляет собой единство общего и особенного. Бесспорно, каждый человек счастлив по-своему, но это не исключает общих моментов, прису-

щих счастьем людей вообще.

Обобщенно говоря, счастье — в полноте жизни, в том, чтобы все ее стороны — физическая, нравственная, духовная, эстетическая — были развиты и гармонизировали между собой. Деятельным же выражением счастья являются любовь и творчество.

Ниже дана диаграмма счастья:

Как видим, счастье многогранно. Его необходимыми условиями, предпосылками являются:

духовные:

- 1) духовное богатство (знания, культура);
- 2) духовное здоровье, совершенство, в частности, нравственная чистота;

материальные:

- 1) материальное благополучие, благосостояние;
- 2) физическое здоровье, совершенство.

Скрепляют все эти элементы-границы **любовь** и **творчество**. Без любви и творчества счастье — только возможность. Они делают его действительным.

2. СЧАСТЬЕ: И РЕЗУЛЬТАТ ВЕЗЕНИЯ, И РЕЗУЛЬТАТ БОРЬБЫ-ТРУДА

Ведите себя так, словно вы уже счастливы, и вы действительно почувствуете себя счастливыми.

Дейл Карнеги

Существуют две крайние позиции в понимании счастья. Одни считают, что счастье — целиком подарок судьбы, результат везения, случайный дар. Другие утверждают, что счастье целиком зависит от человека, от его воли и желания.

В действительности оно — и результат везения, и результат борьбы-труда. “Фортуна, подобно робкой возлюбленной, хотя и любит дарить свою благосклонность, однако заставляет нас бороться за нее” — говорил Боуви. Или: “Счастье и несчастье человека в такой же степени зависят от его нрава, как от судьбы” — Ж. Лабрюйер.

Обычно подчеркивают момент зависимости счастья от самого человека, а именно, что человек — кузнец своего счастья. На этот счет есть масса замечательных высказываний — от самых осторожных до самых сильных:

“Счастье не так слепо, как его себе представляют” — Екатерина II (Мемуары).

“Раз счастье, два счастье — да помилуй бог, надобно и умение” — А.В. Суворов.

“Счастливым надо уметь быть” — А.С. Макаренко.

“Единственное искусство быть счастливым — сознавать, что твое счастье в твоих руках” — Ж.Ж. Руссо.

“Счастье завоевывается и вырабатывается, а не получается в готовом виде из рук благодетеля. И самая трудная часть задачи состоит именно в том, чтобы составить себе понятие о счастье и отыскать себе ту дорожку, которая должна к нему привести”. — Д.И. Писарев.

“Если хочешь быть счастливым — будь им” (неизв. автор).

И это справедливо. Хотя умом мы понимаем, что не всё от нас зависит, тем не менее настраиваем себя на то, что должны пройти свою часть пути к счастью **несмотря ни на что**. Своей деятельностью мы можем компенсировать невезение и даже поспорить с несчастливым жребием.

3. СЧАСТЬЕ — ЕДИНСТВО УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ И НЕУДОВЛЕТВОРЕННОСТИ

Нельзя понимать счастье как полную, абсолютную удовлетворенность жизнью. “Наше счастье, — писал в свое время Г. Лейбниц, — вовсе не состоит и не должно состоять в полном удовлетворении, при котором не оставалось бы ничего больше желать, что способствовало бы только огупению нашего ума. Вечное стремление к новым наслаждениям и новым совершенствам — это и есть счастье.”

Некоторые люди, достигнув кое-каких успехов в жизни, считают, что они уже достаточно счастливы и к большему им не нужно стремиться. Такие люди уподобляются муравьям, которые, если бы они были наделены разумом, думали, что они счастливы, если их муравейник в полном порядке. Человек тем и отличается от животного, что он не останавливается на достигнутом.

Настоящее человеческое счастье противоречиво по своей природе. Оно гармонически соединяет в себе удовлетворенность и неудовлетворенность. Будучи процессом счастье может ощущаться только благодаря постоянной смене удовлетворенности неудовлетворенностью. Если бы жизнь была сплошной цепью удовольствий, абсолютным отсутствием неудовольствий, тогда и само удовольствие не ощущалось бы как удовольствие.

Следует, однако, отметить, что не всякая неудовлетворенность является моментом счастья и гармонирует с удовлетворенностью. Моментом счастья может быть только творческая неудовлетворенность, неудовлетворенность достигнутым, которая не вызывает душевных страданий и не ощущается как несчастье; в такой неудовлетворенности заложен импульс дальнейшего движения вперед. Если же неудовлетворенность является результатом несбывшихся надежд, то это вызывает страдание и ощущается как несчастье.

Говорят иногда: несчастье — хорошая школа жиз-

ни. Да, это может быть в отдельных случаях. Но: счастье — лучшая школа. И вообще-то, права русская поговорка, счастье ума прибавляет, несчастье — последний отнимает.

4. МОЖНО ЛИ СДЕЛАТЬ ЛЮДЕЙ СЧАСТЛИВЫМИ, А ТЕМ БОЛЕЕ ЗАСТАВИТЬ ИХ БЫТЬ СЧАСТЛИВЫМИ?

В проблеме человеческого счастья есть сторона, связанная с межчеловеческими отношениями. Одно дело, когда человек хочет быть счастливым, стремится к счастью, создает условия для этого и т. д. и т. п. Другое дело, когда человек, не думая о своем личном счастье, стремится сделать счастливыми других, осчастливить других и даже всё человечество. Д. Дидро писал: “Самый счастливый человек тот, кто дает счастье наибольшему количеству людей”¹. К. Маркс, повторив Дидро: “... опыт превозносит, как самого счастливого, того, кто принес счастье наибольшему количеству людей” — “развил” мысль: “Если мы избрали профессию, в рамках которой мы больше всего можем трудиться для человечества, то мы не согнемся под ее бременем, потому что это — жертва во имя всех; тогда мы испытываем не жалкую, ограниченную, эгоистическую радость, а наше счастье будет принадлежать миллионам...”² Видите, как Маркс ставит вопрос: “трудиться для человечества”, “жертва во имя всех”. Он не только допускает ситуацию — пожертвовать личным счастьем во имя счастья миллионов — но и просто даже не видит иного, нежертвенного варианта. Очевидно, такого варианта и в самом деле не существует. Кто хочет принести счастье наибольшему количеству людей,

¹ Дидро Д. Собр. соч. в 10-и т. М.-Л., 1935-1947. Т. V. С. 133. То же у Бетховена: “Нет ничего выше и прекраснее, чем давать счастье многим людям”. Но здесь может быть неточен перевод. “Давать счастье” — в некоторых случаях такое выражение допустимо... Если употреблять его в фигуральном смысле или как некоторое художественное преувеличение.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Из ранних произв. М., 1956. С. 5.

тот волей-неволей должен забыть о таком “пустяке” как личное счастье (Маркс уничижительно назвал личное счастье “жалкой, ограниченной, эгоистической радостью”).

Насколько оправдано стремление принести счастье наибольшему количеству людей? Здесь возникает другой вопрос: а хотят ли люди, чтобы их осчастливили? Нет ли тут навязывания своей воли и своего понимания (в частности, своего представления о счастье) другим людям, всему человечеству? Нет ли тут эффекта непрошеного благодетеля, защитника, спасителя? В самом деле, кто просил этих “самоотверженных” делать других счастливыми, приносить другим счастье? Если они сами себя отвергают (самоотверженные ведь!), в частности, готовы пожертвовать своим личным счастьем, то как они могут понять, **что** нужно другим людям, **какое** вообще счастье нужно людям?! Человек, который сам не испытал счастья, — только теоретически представляет счастье. А теоретическое счастье может сильно отличаться от действительного счастья, от того, что на самом деле нужно людям.

Стремление сделать других людей счастливыми — опасная утопия. Никто не может сделать кого-либо счастливым, а тем более принести счастье многим людям. Счастье — категория сугубо индивидуальная. Это значит, что только сам человек может сделать себя счастливым. Он — субъект счастья или несчастья. Человека можно сделать богатым (например, оставив ему наследство), дать ему пищу, кров и т. п., но сделать его счастливым нельзя! Когда матери думают, что могут сделать своих детей счастливыми, то они глубоко ошибаются. Ошибаются мужчины и женщины, думающие, что они осчастливливают тех, с кем живут. Ошибаются политические и иные деятели, думающие, что они могут принести счастье многим людям. К. Поппер справедливо писал: “Любить человека — значит желать сделать его счастливым. (Такое определение любви, кстати говоря, принадлежит Фоме Аквинскому.) Однако из всех политических идеалов те, которыми вдохновляются стремления сделать человека счастливым, пожалуй наиболее опасны. Такие идеалы

неизменно приводят к попытке навязать другим нашу систему “высших” ценностей для того, чтобы они осознали, что с нашей точки зрения имеет чрезвычайную важность для их счастья, для того, чтобы так сказать, спасти их души. Они ведут к утопизму и романтизму. Мы все чувствуем, что любой был бы счастлив в прекрасном и совершенном мире наших грез. Вне сомнения, небеса спустились бы на землю, если бы мы все могли любить друг друга. Но, как я уже сказал (в главе 9), попытка создать рай на земле неизбежно приводит к созданию преисподней. Она вызывает нетерпимость. Она вызывает религиозные войны и спасение душ посредством инквизиции. К тому же она, я уверен, основывается на полном непонимании нашего морального долга. Наш моральный долг состоит в том, чтобы помогать нуждающимся в нашей помощи, однако моральный долг не может заключаться в том, чтобы делать других счастливыми, ведь это от нас не зависит, и к тому же это слишком часто представляет собой не что иное, как вмешательство в частную жизнь тех, к кому мы имеем дружескую склонность.”¹

Чудовищный утопизм В. И. Ленина. Ленин принадлежит к числу людей, которых давно уже окрестили “благородными” разбойниками. Ленин не по злому умыслу погубил много людей, подверг остракизму и устроил террор против части общества. Он совершенно искренне хотел счастья людям и не просто хотел, а был одержим идеей осчастливливания. Преувеличенное стремление к чему-либо обычно приводит к обратному результату. Вспомним лозунг, висевший в 1920-е годы в Соловецком лагере особого назначения: “Железной рукой загоним человечество к счастью”. Эти слова принадлежат Л. Д. Троцкому, ближайшему сподвижнику Ленина. В них — циничная суть “благородного” разбойничества. Совершенно справедливо отмечает А. Г. Латышев: “В отличие от некоторых критиков Ленина, считающих сегодня, что главной целью деятельности Ленина был захват и удержание

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 274.

власти, уверовал, что стремлением всей его жизни было — осчастливить часть населения планеты (рабочих, бедных крестьян), уничтожив для этой цели другую часть (“богачей”, священнослужителей, свободомыслящую интеллигенцию и т. д.). А подобный “стратагид” ничем не лучше нацистского геноцида.”¹

IV. О ЛЮБВИ

“О любви не говори” — поется в одной старой песне. Некоторые и в самом деле так думают: о любви не нужно говорить, а просто любить (т. е. не рассуждать, не теоретизировать по ее поводу). Или еще утверждают: о любви нечего говорить, потому что о ней всё сказано. Настоящее эссе не для этих людей. Оно для жаждущих узнать о любви как можно больше, для тех, кто привык не только чувствовать, переживать любовь, но и размышлять о любви, чтобы она стала лучше, богаче, сильнее.

1. ЛЮБОВЬ-ЧУВСТВО И ЛЮБОВЬ-ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Любовь не только и даже не столько чувство. В главном своем значении она есть деятельность — *деятельность ума, души и тела*. К любви следует относиться как к особой форме человеческой деятельности. Как чувство, противоположное ненависти, она проявляет себя во всех видах человеческой деятельности и общения, но как *специальная деятельность* она осуществляется только в половом общении мужчины и женщины.

К сожалению, до сих пор нет целостной философской или научной теории любви. Как объект исследования она отдана на откуп медикам, психологам, специалистам по этике. А они рассматривают любовь

¹ См.: А.Г. Латышев. Рассекреченный Ленин. М., 1996. С. 9.

каждый “со своей колокольни”. Медики — в аспекте отклонений от нормального полового поведения, сексопатологии, психологи — как эмоционально-психологическое отношение, специалисты по этике — как нравственную категорию. Недавно появилась новая научная дисциплина — сексология. Но и она рассматривает любовь преимущественно с физической стороны, как секс. Имеется также масса высказываний писателей, деятелей культуры, философов, ученых, религиозных проповедников, которые в силу своей разрозненности отнюдь не способствуют целостному пониманию любви. Отсутствие полноценной теории любви приводит к тому, что о ней формируются односторонние, искаженные представления. Среди этих представлений наиболее распространенным является представление о любви как чувстве, желании, влечении, т. е. как эмоционально-психологическом отношении субъекта к объекту любви. О любви как чувстве-страсти писали, наверное, почти все писатели прошлого. Да и современные писатели недалеко ушли от них. Данное представление настолько въелось в сознание философов и ученых, что они отдают ему дань в специальных книгах о любви, в словарных, терминологических определениях, призванных быть стандартами научного понимания любви¹.

Большая путаница проистекает от того, что одним и тем же словом обозначают человеческое чувство, противоположное ненависти, и человеческую деятельность, лежащую в основе отношений мужчины и женщины. Путаница эта, правда, исторически объяснима: раньше понятия людей были недостаточно дифференцированы друг от друга, недостаточно определены в своем содержании, расплывчаты. Так и любовью называли, продолжают называть все, сходное с самым сильным чувством, рождающимся в отношениях мужчины и женщины. Это в какой-то мере оправдано. Ведь в основе любви-чувства и любви-

¹ См., например: Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С. 328 (С.С. Аверинцев); Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 251.

деятельности лежит одно и то же стремление — к гармонии, единству, красоте (прекрасному). Любовь является конкретным (эмоциональным и/или деятельностным) выражением гармонического противоречия¹ и в качестве такового соответственна такому ряду понятий-категорий: тождеству, внутреннему, связи, единству, гармонии, органическому целому, всеобщему, однородному, подобию, бесконечному, равенству, покою, сохранению, симметрии, обратимости, необходимости, закону, порядку (и, напротив, несоответственна такому ряду понятий-категорий: различию, противоположности, внешнему, столкновению, борьбе, дисгармонии, специфическому, разнородному, неподобию, неравенству, конечному, перемещению, изменению, необратимости, случайности, явлению, беспорядку)².

Любовь-деятельность есть не просто эмоциональное переживание стремления к гармонии, единству, красоте, а само это **делание-воспроизводство** гармонии, единства, красоты. Именно таковы отношения мужчины и женщины.

Почему я подчеркиваю различие между любовью-чувством и любовью-деятельностью? Такое разграничение необходимо для уяснения сути любви как одного из важнейших средств, факторов “делания” бессмертия. В качестве чувства любовь есть лишь неко-

¹ В любви мужчина и женщина выступают как гармонические противоположности: только благодаря своим противоположным половым качествам они любят друг друга. Их любовные взаимоотношения, духовные и физические, весьма сложны. Если они заканчиваются, то не победой или поражением одной из сторон, а общим делом их любви — рождением и воспитанием детей.

Могут сказать, а как же гомосексуальные отношения? Ответ прост. Во-первых, гомосексуальные отношения не так уж часты; они — исключение из правила, которое лишь подтверждает правило. Во-вторых, и в гомосексуальных отношениях образуются так или иначе своеобразные, квази- противоположности, именуемые “активом” и “пассивом”.

² О соответствиях между категориями см.: Балашов Л.Е. Соответствия и несоответствия между категориями. М., 1998.

торое психологическое состояние и ее связь с продолжением человеческого рода, т. е. с реальным “деланием” бессмертия кажется проблематичной или весьма отдаленной. В качестве же специальной деятельности она непосредственно “участвует” в “делании” бессмертия.

Разграничивая любовь-чувство и любовь-деятельность, нужно еще отметить, что последняя не всегда связана с высоким накалом чувств, любовных переживаний, т. е. с тем, что обычно поэты и писатели-романтики только и называют любовью. Любовь-деятельность не есть что-то исключительное, встречающееся лишь изредка. Диапазон форм любви-деятельности весьма широк: от непосредственного полового импульса и контакта до высочайших форм любви, в которых половое влечение и общение “одеты” в самые нарядные, эстетизированные, духовно осмысленные “одежды” чувств и поведения любящих.

По мнению романтически настроенных людей не всякое половое общение есть любовь. Я утверждаю, что если половое общение происходит между нормальными людьми, то оно заслуживает того, чтобы его именовали любовью — так ведь в простом народе половое общение и называют “любовной связью”, “любовной жизнью”; еще говорят: “заняться любовью”, т. е. вступить в половое общение. Конечно, есть любовь и любовь. Есть любовь примитивная, ущербная, неполная и есть любовь высокая, полная, настоящая. Вообще любовь такова, каков человек. И если мы всякого человека, каким бы он ни был, называем человеком, то и его половые отношения, какими бы они ни были, мы должны называть любовью.

2. ЛЮБОВЬ—СЕКС

Проблема любви и половых отношений приобрела в последнее время заостренную форму: как проблема любви и секса. Любовь и секс порой резко разделяют и

даже противопоставляют¹. Конечно, если под любовью понимать только чувство, то, безусловно, любовь и секс — разные вещи. Если же любовь понимать как деятельность (в аспекте полового общения мужчины и женщины), то становится очевидным, что такая любовь необходимо предполагает секс. (Любовь без секса — просто чувство). Ведь что такое секс, как ни поведение, связанное с удовлетворением половой потребности². А разве половая любовь возможна без полового влечения и действий, направленных на его удовлетворение? Нет, конечно.

Некоторые утверждают еще, что секс возможен без любви, что удовлетворение половой потребности не всегда можно назвать любовью. Да, действительно, бывает так, что вступающие в половой контакт не называют свои отношения любовью и даже стыдятся называть их любовью. Но от этого любовь не перестает быть любовью. Миллионы людей любят и при этом никогда не употребляют слово “любовь”. (Это примерно так же, как все говорят прозой, но лишь немногие знают об этом.) Если половое поведение исходит от человека и направлено на человека же (на противоположный пол), то оно всегда не просто секс, не просто физические действия, манипуляции, а любовь, человечески осмысленная, в той или иной степени оду-

¹ Не самые умные “умники” придумали такую горьковскую формулу: “никто никого не любит, но все со всеми живут”.

² Половая потребность — очень сложная категория. В своей основе она является органической подобно потребности в пище. Именно в этом качестве она вызывает поллюции у людей, воздерживающихся от половой жизни. И именно это ее качество заставляет многих людей в отсутствии полового партнера заниматься (осознанно или неосознанно) мастурбацией, т. е. самоудовлетворением.

У человека половая потребность помимо этой органической основы имеет много других составляющих. Она духовно осмыслена, эмоционально насыщена, эстетизирована, встроена в культуру общения, в физическую культуру и т. д.

Соответственно, удовлетворение половой потребности — весьма сложный процесс, далекий от простой органики, с той или иной степенью изощрения.

хотворенная, окрашенная человеческими чувствами сексуальность. Еще В.Г. Белинский говорил: “человек не зверь и не ангел; должен любить не животное и не платонически, а человечески”¹. Я скажу больше: человек не просто *должен* любить человечески, а не может не любить человечески, т. е. *может любить только человечески*. Чисто по животному человек не может любить, как бы он этого ни хотел; он не может отрицать от себя свою человеческую природу. Всякий секс человек² и потому заслуживает названия человеческой любви. Даже половое поведение насильника можно назвать любовью, пусть ущербной, изуродованной, односторонней, но все же любовью. Ведь насильником является не животное, а человек, который при всем своем желании не может перестать быть человеком.

Неправы те, которые под сексом понимают чистую физику половых отношений. Человек целостен в своих жизненных проявлениях и поступает всегда не только как животное, биологическое существо, но и как существо духовное, нравственное, социальное. Да, секс — физика, но не как нечто самодовлеющее, а как часть любовных, человечески любовных отношений мужчины и женщины, как *физическая сторона* их любви. Бывают, конечно, случаи, когда любовь и секс рассматривают в аспекте известного противопоставления любви настоящей, полноценной, духовно богатой и любви ущербной, духовно бедной, приближающейся к чисто животным отношениям. Мир любви так же велик и многообразен, как и мир человека, и существует столько же видов любви, сколько людей.

Известная героиня эротического романа Э. Арсан Эммануэль совершенно справедливо иронизирует над теми, кто противопоставляет любовь и секс (половые

¹ Белинский В.Г. Полн. собр. соч. Т. 10, М., 1958. С. 336.

² О сексе у животных можно говорить лишь с известной долей условности. У них удовлетворение половой потребности неотделимо от инстинкта продолжения рода. Секс же у людей в подавляющем большинстве случаев имеет целью удовлетворение полового желания, т. е. половое общение само по себе, как самоценность, но никак не деторождение.

отношения). “Любовь без объятий, объятия без любви, — говорит она, — вот уже две тысячи лет ханжи кружат вокруг этого вопроса, как мошки вокруг лампы. Ничего страшного, если они повредятся чуть-чуть в уме, но они ведь хотят, чтобы тронулась вся планета! Они нацепляют на статуи фиговые листки, придумывают для таитянок ситцевые платья. Они хотят заставить нас бояться собственного тела...

— Но есть ведь и другие ценности, кроме телесных.

— Опять за свое! Телесных! Да моя душа воспарит гораздо выше, чем у каких-нибудь вечно молящихся святош.”(См.: Эммануэль Арсан. Эммануэль. Ч. 2, “Возраст мудрости”).

В сексе есть своя поэзия, своя эстетика и даже своя духовность! Сам по себе секс не виноват в том, что он бывает груб, примитивен, неэстетичен, бездуховен. Именно от людей зависит его качество. Грубые, примитивные натуры и секс делают таким. Напротив, умные, духовно развитые люди, ценящие физику отношений, и секс делают интеллектуально насыщенным, эмоционально богатым, изощренным, настоящим праздником-пиршеством жизни.

3. ЛЮБОВЬ — СОЛНЦЕ ЖИЗНИ

Далее, следует сказать, что любовь включает в себя не только чувства, не только половое поведение. Как деятельность она охватывает собой и половое общение мужчины и женщины, и вообще их отношения, и их отношения к родителям, детям, к другим, к окружающему миру. Иначе говоря, любовь мужчины и женщины не ограничивается рамками их полового общения, а как бы расходится кругами, охватывая другие их отношения, отношения к родителям, детям, родным, близким и т. д. Прекрасно сказал в свое время В.Г. Белинский: “*Любовь — поэзия и солнце жизни*”. Да, любовь — солнце жизни. Ее лучи расходятся во все стороны жизни, освещают все, даже самые отдаленные уголки человеческой жизни. И это касается прежде всего отношений с родителями и детьми. Лю-

бовь к родителям подготавливает половую любовь, а любовь к детям завершает, венчает ее.

Любовь как великий фактор продолжения человеческого рода реализуется в полном смысле лишь в этом триединстве: как любовь к родителям, как любовная связь и как любовь к детям. Конечно, любовь к родителям и любовь к детям не носят характера специальной деятельности. Тем не менее, это не просто чувства симпатии, приязни, противоположные ненависти. Вместе с любовной связью они находятся на одной линии продолжения рода, являются выражениями могучего инстинкта продолжения рода. Напомним, что по этому поводу писал Платон: животные “пребывают в любовной горячке сначала во время спаривания, а потом — когда кормят детенышей, ради которых они готовы и бороться с самыми сильными, как бы ни были слабы сами, и умереть, и голодать, только чтобы их выкормить, и вообще сносить все, что угодно”¹. Это, конечно, верно и по отношению к человеческой любви. Как деторождение, так и воспитание детей невозможны без любви. Полноценный человек может родиться и вырасти только в условиях любви, в ее лучах.

4. ЦЕННОСТЬ ЛЮБВИ ДЛЯ ЖИЗНИ

Существуют две крайности в оценке любви как фактора жизни.

Есть люди, которые пренебрежительно относятся к ней или считают ее необязательной для жизни. Их можно только пожалеть. Они лишают себя существенной части жизни. Большинство этих людей так или иначе влюбляются, увлекаются и занимаются сексом. Но всё равно, они не дорожат любовью и поддаются ее чарам как бы нехотя, удовлетворяют свои любовные желания в самом простом, примитивном варианте. Между тем любовь — мощнейший двигатель фактор жизни, благодаря которому и другие ее сторо-

¹ Платон. Собр.соч. в 4-х томах. Т. 2, М., 1993. С. 138. (Пир 207b).

ны и сама она в целом, обретают смысл-значение, обогащаются, расцвечиваются тысячами красок. Под лучами любви всё представляется в самом лучшем свете, сама жизнь не только обретает смысл, но и становится постоянным источником радости-наслаждения. Любящий человек предрасположен к добру, к гармоничным отношениям с другими людьми, вообще со всем миром. Любящий человек, безусловно, любит природу, животных, растения. Любящий человек любит себя, свое тело и душу, свою любовь, хочет соответствовать ей, ее чарующей красоте-гармонии, хочет быть лучше, учиться, совершенствоваться до бесконечности, творить, созидать, дерзать, быть достойным предмета любви (любимой или любимого).

Любовь имеет величайшую ценность благодаря тому, что она является одним из самых сильных источников положительных эмоций, наслаждения и радости. А значение положительных эмоций трудно переоценить. Они ободряют, мобилизуют и, с другой стороны, смягчают действие разных стрессоров. Если положительных эмоций мало, то жизнь постепенно превращается сначала в прозябание, пустое существование, а затем в самый настоящий ад.

Без любви, без любовных утех человек лишается значительной части положительных эмоций. Он может стать из-за этого мизантропом, психопатом, быстро увядать, дряхлеть, стареть и т. д.

По большому счету, **любовь всегда присутствует в жизни**, разлита в ней как некоторый всепроникающий эфир, независимо от того, влюблен человек конкретно или нет. Безлюбное состояние, ощущение отсутствия любви — скорее факт сознания, чем факт жизни. В глубине естества своего человек всегда любит.

А. С. Пушкин написал чудные строки:

Унынья моего
Ничто не мучит, не тревожит,
И сердце вновь горит и любит — оттого,
Что не любить оно не может.
(На холмах Грузии лежит ночная мгла)

Действительно, сердце человеческое не любить не может. Другой разговор, что *этой* любви (как всепроникающего эфира) ему мало. Он хочет *гореть* от любви. Лучшее — враг хорошего. Так бывает и в делах любви.

Если любовь служит злу, то это для нее привходящее обстоятельство. Сама по себе любовь не является ни вампом, ни убийцей... В большинстве случаев она *нормальна*, т. е. такая, какой она *должна быть* или *имеет место* у большинства мужчин и женщин.

Сейчас в моде всякие парадоксальные высказывания. Среди них встречается и негативная оценка любви как таковой. Ее порой изображают как нечто чудовищное, опасное для жизни, как патологию. Так, на телеканале «Культура» в рекламе ток-шоу «Черный квадрат» (сентябрь 2003 г.) среди других слов из уст одного «деятеля» прозвучала такая фраза: «Любовь — это клиническая форма». Насколько надо быть сбитым с толку, чтобы делать подобные заявления! Меня удивляет, что такое заявление делается в рекламе и притом на телеканале «Культура». Ладно, сказал кто-то глупость, но зачем же ее тиражировать и в буквальном смысле рекламировать?! И это на телеканале, который должен нести свет-культуру людям, должен показывать образцы хорошего-лучшего, того, что составляет цвет-основу жизни. Ведь смотрят эту рекламу миллионы молодых людей и что они должны думать? Что любовь — болезнь? Значит, долой любовь?! Это невообразимо! Сбитые таким образом с толку молодые люди будут вести себя в делах любви настороженно-подозрительно или даже цинично, издеваясь над своими чувствами и/или чувствами любящего их. А некоторые из них будут избегать любви или бороться с ней, если она случилась. Сколько драм и трагедий может породить это нелепое утверждение «деятеля», подкрепленное авторитетом телевидения и, особенно, телеканала «Культура»!

Сама любовь внутри себя — целый мир, восхитительный и прекрасный!

Другая крайность в оценке любви: ее абсолютизация. Эта абсолютизация может носить разный характер. Для молодых любовь может быть равна жизни и они порой ставят вопрос ребром: если нет любви, то не стоит жить (без любви нет жизни). Сколько из-за

этого драм и трагедий! Сколько самоубийств, искалеченных жизней! Художественная литература переполнена подобными сюжетами. Вспомним хотя бы знаменитую трагедию Шекспира “Ромео и Джульетта” или “Страдания юного Вертера” Гете. Любовь стоит того, чтобы ради нее жить, но она не стоит того, чтобы из-за нее умирать.

Еще одна абсолютизация любви: когда ради любви человек жертвует не жизнью, а другими существенными ее сторонами, например, любимым делом, творчеством... Погружение в любовь порой затмевает всё остальное. Человек становится рабом любви, превращается в сексуальную машину, в тряпку, растрчивает свою жизнь на любовные похождения или становится подлецом, нравственным уродом, преступником, убийцей.

Своеобразной абсолютизацией любви является также проповедь всеобщей любви, когда ее ставят в центр индивидуальной и общественной жизни. Выше я критиковал такую абсолютизацию любви в творчестве Толстого. Повторяем, кроме любви к “другим” есть еще и борьба с “другими”. Это не обязательно война на уничтожение. Это может быть честное соревнование, здоровая конкуренция. Это может быть борьба нового со старым, передового с отживающим. Это, наконец, может быть борьба со злом, с носителями зла. Такая борьба с “другими” не менее значима для жизни, чем любовь к “другим”. Любовь — лишь один полюс жизни. Другой ее полюс — борьба.

Итак, кто слишком много внимания уделяет любви, тот, как правило, становится ее жертвой. Погружение в любовь также опасно, как и бегство от любви. Вообще очень важно, с одной стороны, сознавать жизненную важность любви, а с другой, не переоценивать ее значение.

ЛЮБОВЬ КАК САМОЦЕННОСТЬ

Любовь относительно независима как от любящего, так и любимого, т. е. от субъекта и объекта любви.

Ее относительная независимость от любящего про-

является в том, что она может застать его врасплох или возникнуть даже вопреки его воле и разуму.

Ее независимость от объекта любви проявляется в том, что конкретный объект может быть не самым лучшим вариантом и, более того, как в поговорке “любовь зла, полюбишь и козла”, объект может быть просто ничтожным или опасным для любящего.

Чтобы любовь не застала человека врасплох и не диктовала ему своих условий, он должен готовиться к ней, набираться опыта, учиться распознавать возможную любовную лихорадку и тех “любимых”, от которых ему надо держаться подальше.

5. ЛЮБОВЬ: НОРМА, ОТКЛОНЕНИЯ, ПАТОЛОГИЯ

Любовь как род деятельности в своей основе нормальна и в то же время допускает различные отклонения от нормы вплоть до патологии.

Есть определенная трудность в оценке того, что является нормальным в любви, а что ненормальным.

По всей видимости, нормальная любовь — это половая любовь (между мужчиной и женщиной), которая поддерживает, гармонизирует, совершенствует настоящую их жизнь и воспроизводит новую. Короче: нормальная любовь — взаимная, разделенная любовь между мужчиной и женщиной.

Не следует думать, что нормальная любовь одинакова для всех, что она — образец идеальной любви, которой должна соответствовать реальная любовь.

Нормальная любовь едина и многообразна, типична и индивидуальна, серийна и уникальна. А должного в ней не больше, чем сущего. Она нормальна как нормален здоровый человек. Если здоровье для нас — непререкаемая ценность, то и нормальная любовь — такая же ценность.

Норма в любви — это мера, середина между крайностями, единство и динамическое равновесие противоположностей. Так — в общем и целом. Конкретно же норма флуктуирует в ту или иную сторону. Она по своей сути статистична. Поскольку нет идеальной се-

редины, идеального равновесия, постольку нет и идеальной любви. Реальная любовь всегда чуточку отличается от того, что мы представляем как идеальное. И она разная у разных людей.

Нормальным является не только равенство полов, но и некоторое доминирование одной из сторон. Первую скрипку может играть мужчина, а может и женщина...

Нормально не только равновесие духовного и физического, но и некоторое преобладание того или другого. У одних может быть более выражено эстетическое (дистантное) начало любви, у других — чувственно-осознательное (контактное).

Нормально различие спокойной и страстной любви. Она может быть как равнинная река, а может быть как горный поток.

Вполне допустимо-терпимо различие любви с эгоцентрическим уклоном (когда человек любит больше себя, чем другого) и любви с альтруистическим уклоном (когда человек больше любит другого, чем себя).

И т. д., и т. п.

Ненормальная любовь — это всякая иная любовь.

Ненормальна безответная, неразделенная любовь, поскольку в ней жажда гармонии и счастья не реализуется.

Ненормальна любовь наедине. Это то, что называют самоудовлетворением. Последнее может протекать в двух формах: в виде самопроизвольного удовлетворения полового желания, поллюции, либо в виде мастурбации, осознанных действий по самоудовлетворению.

Ненормально изнасилование.

Ненормальна однополая любовь (гомосексуализм).

Ненормально удовлетворение полового желания с помощью животных, мертвых и т. п.

Ненормальна виртуальная любовь (по интернету).

Напомним, суть половой любви в том, что она представляет собой *гармоническое противоречие* и как таковая основана на *противоположности* полов. Без этого противоположения нет настоящей, нормальной любви. Самоудовлетворение, однополая “любовь”

(гомосексуализм), изнасилование, удовлетворение полового желания с помощью животных, виртуальная любовь и т. д. — лишь тени, бледные копии, суррогаты любви. Они ненормальны именно потому, что представляют собой деформацию любви как гармонического противоречия. Например, сколько бы ни лелеяли, ни восхваляли гомосексуалисты свою “любовь”, она всегда будет оставаться деланной, искусственной, основанной лишь на некотором подобии половой противоположности. Вследствие этого она всегда будет “любовью” сексуальных меньшинств, т. е. исключением из правила. Преувеличенное внимание к этой любви в современном обществе — временное явление, своеобразные издержки сексуальной революции.

Или виртуальная любовь (по интернету). Она может быть хороша, если является прелюдией или дополнением к живой любви. И она, безусловно, ненормальна, если замещает последнюю.

Чисто духовная любовь к противоположному полу (неразделенная или виртуальная), безусловно, лучше, чем безлюбное состояние (пустота чувств). Более того, она может быть полезна в общем контексте жизни, как своеобразный любовный тренинг и как стимул к творчеству, к самосовершенствованию. Тем не менее, человек должен сознавать недостаточность такой любви, не заикливаясь на ней, стремиться к полноценным любовным отношениям.

То же можно сказать о самоудовлетворении (мастурбации и т. п.). Самоудовлетворение лучше, чем ничего, но хуже нормальных половых отношений.

Ненормальная любовь — не обязательно патология. Она становится таковой лишь при определенных условиях, а именно: либо в результате психического заболевания, либо как следствие преступных действий.

6. ЗАМЕТКИ О ЛЮБВИ

ЛИРИКА И ЭРОТИКА

Лирика и эротика — два типа любовных пережива-

ний.

Лирика основывается на чувствах, рожденных зрительными и/или слуховыми образами. Это — дистантная любовь.

Эротика основывается преимущественно на осязательных чувствах и действиях. Это — контактная любовь.

В лирике преобладает духовно-эмоциональная, созерцательная составляющая любви. В эротике — физическая, телесная, осязательно-действующая составляющая.

Между лирикой и эротикой может быть гармония, а может быть антагонизм. Гармония лирики и эротики — это то, к чему обычно стремятся люди, что называют полноценной любовью. В рамках любовной гармонии лирика и эротика дополняют и опосредуют друг друга.

В случае ненормального течения любви лирика может подавлять эротические чувства, а эротика — лирические. (Именно в этих случаях противопоставляют любовь и секс). Антагонизм лирики и эротики обычно возникает в ситуации противопоставления духа и тела, когда духовное считается чем-то возвышенным, благородным, а телесное — чем-то низменным, животным, скотоподобным.

ЛЮБОВЬ И БРАК.

Совет да любовь!

(Пожелание новобрачным)

Половая любовь — основа брака. Тем не менее нельзя категорично утверждать, что брак по любви во всех случаях лучше брака по расчету. Любовь — необходимое условие брака, но не единственное. Для брака нужны и другие условия: жилищные, финансовые, единый подход к детопроизводству, человеческое взаимопонимание... Поэтому не должно быть противопоставления брака по любви и брака по расчету. Он должен быть и по любви, и по расчету! Совет да любовь!

Бывают случаи, когда девушка-женщина выходит

замуж не по любви, вынужденно (по расчету или по принуждению). Здесь возможны два сценария развития событий:

1) лучший — когда супруги могут постепенно прийти к взаимной любви, и

2) худший — когда брак превращается в пытку. В этом случае не следует испытывать судьбу, а нужно без промедления разойтись.

Следует иметь в виду, что современный брак принципиально отличается от того, который был еще сто лет назад. Особенно это касается супружеской жизни в больших городах.

Во-первых, появился так называемый *пробный брак* (когда молодые в течение достаточно длительного времени живут как муж и жена без оформления брачных отношений).

Во-вторых, широкое распространение получил так называемый *гражданский брак* (когда мужчина и женщина живут вместе как сожители, опять же без юридического оформления брачных отношений).

В-третьих, меняется характер супружеских (внутрибрачных) отношений. На смену строгому единобрачию (с отдельными, более или менее случайными супружескими изменами) приходит полулегальная форма брака «с прицепом» (брак+внебрачные любовные отношения). Все больше жена для мужа перестает быть единственной женщиной, т. е. переходит в разряд главной, но не единственной женщины. Постепенно и муж для жены перестает быть единственным мужчиной, а приобретает статус главного (но не единственного) мужчины. В строгом смысле моногамия (единобрачие) канула в лету.

В-четвертых, скорее правилом, чем исключением становится череда-цепь браков в течение жизни (брак-развод-брак...). Иными словами, если рассматривать брак во времени, то он фактически стал полигамным.

Все эти изменения института брака, как мне представляется, не являются результатом падения нравов. Идет глубинный процесс либерализации правил жизни, расширяется сфера свободы человека, в том числе и сфера свободы любовных, сексуальных отношений.

Институт брака лишь приспособливается к этому изменению любовных отношений.

ПОЛОВАЯ МОРАЛЬ

Половая мораль проста и сложна. Она проста как правила дорожного движения и сложна как сама жизнь. Половая мораль регулирует половые отношения людей, либо побуждает-направляет, разрешает, либо ограничивает, запрещает. Все эти побуждения, разрешения, ограничения и запрещения основаны на понятиях добра и зла, которые в свою очередь вытекают из золотого правила поведения (“не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе” и “поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой”).

Прежде всего половая мораль побуждает взрослых людей к половым отношениям и запрещает половые отношения между родителями и детьми, братьями и сестрами. Это — полюсы отношения половой морали к половой жизни. Между ними — весьма широкий спектр разрешений и ограничений.

Половая мораль побуждает людей к половым отношениям, поскольку видит в этих отношениях добро и счастье. Она ограничивает и запрещает половые отношения в тех случаях, когда они могут привести или ведут к злу.

Нельзя понимать половую мораль лишь как нечто ограничивающее и запрещающее. Иначе мы будем иметь дело с репрессивной моралью.

«АЛЕШКИНА ЛЮБОВЬ»

Был такой фильм — «Алешкина любовь». В главной роли — Леонид Быков. **Это один из лучших фильмов о любви.** Абсолютная естественность тона, ни одной фальшивой нотки, ни одной белой нитки. Любовь изображается — не высокая и не низкая, не небесная и не земная, а такая, которая обычно бывает или должна быть между молодыми, светлая и чистая, земная и небесная.

Сюжет простой: юноша по имени Алеша решил поступать в геологоразведочный институт, но поначалу он устроился на работу в геологоразведочную партию на буровую установку. Работа на буровой не ладилась и он подумывал уйти с нее. Но тут он встретил девушку Зину и влюбился в нее. Она жила и работала с отцом на железнодорожном переезде, который отстоял от буровой на много километров. И вот Алеша стал совершать многокилометровые походы на переезд, чтобы только увидеть ее. Наконец, он с помощью отца девушки познакомился с ней и стал встречаться. Девушка заинтересовалась нашим героем; она была приятно удивлена тем, что Алеша ради того, чтобы только увидеть ее, совершал многокилометровые походы. Отношения были целомудренными, как это бывает в пору первой любви. Тут, однако, вмешался один из бурильщиков, товарищ по работе. Он решил «приударить» за Зиной. Алеша застал его пытающимся обнять и поцеловать девушку. Она отчаянно сопротивлялась. Алеша, конечно, вступился за девушку. Тот отступил, но при этом оскорбил Зину плохим словом. Наш герой потребовал, чтобы он извинился перед ней. Последовал отказ. Алеша назвал этого «героя» подлецом, негодяем и ударил по щеке. В итоге Алеша был побит, поскольку он был физически слабее его. Между тем, уже темнело, Алеша не возвращался на ночлег. Товарищи его всполошились. Они узнали от вернувшегося «героя», что случилось между ним и Алешей. Начались поиски Алеши. Наконец, нашли его. Алеша продолжал требовать, чтобы обидчик пошел и извинился перед Зиной. Моральное давление на обидчика со стороны своих товарищей было таково, что он не выдержал и пошел извиниться перед Зиной. Она была потрясена силой духа Алеши, тем, что он заставил его извиниться. Буровики на следующий день сменили место бурения, уехав от переезда на большое расстояние. В течение двух недель они работали без выходных и Алеша не мог навестить Зину. Наконец, он договорился с товарищем о подмене и решил на следующий день отправиться в дальний путь, к девушке на переезд. Но тут она, преодолев много километров, са-

ма пришла к нему на буровую. Все были поражены. Вот она «Алешкина любовь»!

Этот фильм, как камертон, показывает, какой бывает или должна быть нормальная человеческая любовь, и, как лакмусовая бумажка, проявляет-обнаруживает фальшь, неискренность, деланность многих других фильмов, художественных произведений, посвященных отношениям мужчины и женщины.

Могу назвать еще несколько отечественных фильмов, в которых изображается нормальная любовь нормальных людей. Это «Алые паруса», «Весна на Заречной улице», «Неоконченная повесть», «Повесть о первой любви», «Золушка»... Упомянутые фильмы совершенны в своем роде. Сам факт их существования доказывает, что вполне возможно яркое и сильное изображение любви, ее перипетий без этих довесков: всякой грязи, житейских дрызг, криминала, насилия, убийства, самоубийства и т. п.

О КНИГЕ В. НАБОКОВА «ЛОЛИТА»

С трудом прочитал эту книгу. Откровенно говоря, не нравится мне ее дух. Главный герой выглядит как сексуальный маньяк с весьма ограниченным набором мыслей и чувств. Все вертится вокруг болезненной страсти его к девочке-подростку. Для него нет ни мира культуры, ни мира нормальных человеческих отношений, ни, самое главное, любимой работы, делатворчества. Какая-то односторонняя книга. Я вполне допускаю любовь сорокалетнего мужчины к девочке-подростку, но не в такой морально ущербной атмосфере, когда эта любовь имеет болезненно-маниакальный и криминальный оттенок. Можно, конечно, обвинять слишком суровую официальную мораль в драматизации и даже трагедизации любви героя (герой волей-неволей чувствует себя моральным изгоем-преступником). Но есть в этой любви что-то действительно дурное. Ведь девочка Лолита отдалась своему отчиму как бы играя, из любопытства и затем уже быстро охладела к нему, тяготилась его любовью. То

есть почти сразу после начала любовных отношений отчим обращался с ней не на основе взаимности чувств, не как с личностью-субъектом, а как с объектом своих вожделений, как с куклой-вещью. Он задабривал ее как ребенка-несмышленища (буквально покупал ее благосклонность) и, конечно, запугивал... Секс носил явно односторонний характер. А это против всякой морали.

Секс только тогда морально оправдан, когда основан на взаимности, т. е. на самом себе, на внутренних для него, *сексуальных* побуждениях обеих сторон. Ненормально, если хотя бы одна из сторон в сексе принуждается к нему внешними обстоятельствами и не получает от него удовлетворения.

7. О КУЛЬТУРЕ ЛЮБВИ-СЕКСА

Культура — возделывание, обрабатывание, воспитание, развитие, почитание.

Из толкового словаря

Сношение ради удовлетворения полового желания отличается от любовного наслаждения, как завтрак бедняка от трапезы магараджи

Ветви персика

...занятие любовью — это совместное творчество, старание двух людей в сотворении радости и красоты, наслаждение, одинаковое для обоих, в которое оба вносят одинаковый вклад.

Рут Диксон

1. Прежде всего к любви нужно относиться самым серьезным образом, не понимать ее только как чувство, как “вздохи при луне”, в чисто романтическом ореоле. Любовь в самом полном и глубоком смысле есть **деятельность ума, души и тела**. К ней нужно относиться как к роду человеческой деятельности и, следовательно, готовиться, учиться и добиваться ее, а не ждать как подарка судьбы.

(В самом деле, почему непременно надо дожидаться любви как подарка судьбы? Почему надо мириться с ее случайностями и капризами? И почему для любви нужен обязательно единственный во всей Вселенной?

Еще раз повторяем: любовь — род человеческой деятельности и поэтому к ней надо готовиться как к любому другому роду деятельности, ее нужно добиваться, поддерживать, развивать. Д. И. Писарев говорил о счастье, что оно завоевывается и вырабатывается, а не получается в готовом виде из рук благодетеля. То же можно сказать и о любви.)

2. Отвергая гипертрофированное представление о чувстве любви как важнейшем факторе половой любви я утверждаю, что в основе половой любви лежит не только чувство, но и все другие составляющие человеческой психофизиологии.

Когда юные создания осваивают мир любви в полном объеме, руководствуясь только своими чувствами, то они обречены делать ошибки и терпеть неудачи. Чувства — компас в любовных отношениях и только компас. Для нормальной половой близости этого компаса недостаточно. Требуются знания и умения, а для этого нужен прежде всего ум, рассудок.

3. Любовь есть гармония двух гармоний: физической и духовной. Она — деятельность ума, души и тела, т. е. все три элемента одинаково важны для нее.

Обычно, когда говорят о любви, то имеют в виду только два элемента: физическую и душевную близость. Для полноценной любви этого мало. Ум, рассудок, разум обязательно должны присутствовать в ней и как верные ее стражи, хранители и как ее помощники. Любовный расчет и любовная интуиция также важны, как и любовное чувство. Разум должен заниматься, во-первых, поиском путей устранения всего, что мешает любви, что подвергает ее тяжким испытаниям, и, во-вторых, заботиться о ее развитии, совершенствовании, обогащении, расцвете. Любовный расчет, в частности, очень важен в совершенствовании техники любовных отношений (правил-приемов ухаживания, техники секса, правил-приемов послесексуального поведения).

4. Есть тьма умников, которые противопоставляют любовь и секс. Секс — необходимая составная часть любви, ее физическая сторона. То, что в любви порой выпячивают то одну ее сторону, то другую, то секс, то

духовную близость, говорит лишь о недостаточном знании людьми законов любви, того, что она носит *целостный* характер, и противопоставлять одно другому в ней — это пример извращенного понимания любви.

5. Говорят, что любовь индивидуальна. На этом основании утверждают, что любви нельзя учиться, что каждый переживает ее по-своему и что хорошо одному, может быть плохо другому. Такая абсолютизация индивидуального в любви крайне опасна. Она приводит к тому, что люди не учатся любви, подходят к ней по-дикому, начиная всё с нуля; каждый открывает все Америки заново; как слепые котята тыкаются в сложных перипетиях любви и путем проб и ошибок чему-то научаются, а чаще в течение всей жизни используют лишь ничтожную долю того, что может дать любовь.

Да, любовь несет на себе печать индивидуальности тех, кто любит. Но она имеет и общее, что свойственно многим или всем людям. Более того, она имеет свои законы, правила, которые так или иначе пробируют себе дорогу в индивидуальных половых отношениях.

6. Нужно преодолеть еще одно заблуждение: в делах любви нельзя ориентироваться только на настроение, на эмоциональную предрасположенность. В частности, если нет расположения к любовной игре, а другая сторона жаждет, то нужно постараться разными путями переломить свое настроение, подготовить себя...

В половом общении не всегда чувство должно предварять действие. Вполне допустима обратная ситуация: сначала действие, а потом чувство, т. е. действием можно вызвать чувство. В этой обратной ситуации на первое место выходит ум.

(В любви как в творчестве: человек может идти от вдохновения, а может попытаться решить творческую задачу независимо от того, есть у него вдохновение или нет. Творческие люди обычно не ждут вдохновения, а настраивают себя, приводят себя к этому состоянию.)

Современная половая любовь — культурная лю-

бовь, и она основана не только на культуре чувства, но и на культуре действия. Культура же действия (любовных, сексуальных действий) дается лишь опытом, т. е. познанием, исследованием, пробами и ошибками, экспериментированием, дерзанием.

7. Для полноценной физической любви крайне необходимы регулярные занятия физической культурой и спортом, полноценное сбалансированное питание, поддержание тела в идеальной физической форме (ни слишком худое, ни слишком полное). Нужно добиваться, чтобы тело было красивым как в смысле форм (фигуры), так и в смысле движений (их легкости, грации).

Как я уже говорил, любовь — гармония мужчины и женщины как половых партнеров и она предполагает наличие двух гармоний — физической и духовной. Физическая гармония в любви — это гармония двух красивых, гармонично развитых тел. Таким образом, гармоничное развитие тела — необходимое условие любви. Если кто-то добивается любви, но при этом являет собой зрелище некрасивое, дисгармоническое, не может рассчитывать на взаимность. Одни душевные качества здесь не помогут.

8. Необходимой прелюдией к любви (как таковой) и/или дополнением к ней должны быть другие взаимные гармонические движения — *танцы*. Танцы, танцевальная культура — мощнейшее средство, помогающее любви (ее обнаружению, поддержанию и развитию). Кто специально учился танцам и любит танцевать, тот знает, как сильно влияют они на взаимное познание, на притирку и гармонизацию отношений мужчины и женщины как полов. Речь идет прежде всего о парных танцах. Парный танец — это своеобразный двойник любви, испытательный полигон любви, экспериментальная модель любви. В парном танце мужчина и женщина вырабатывают и отрабатывают общие элементы своего полового поведения. Мужчина перестает бояться женщины, а женщина — мужчины. Они познают характер друг друга, познают индивидуальные и половые особенности поведения и благодаря этому могут сознательно делать любовный выбор, не

только по велению сердца. К сожалению, в нашей стране (да и во многих других странах) еще очень плохо понимают значение танцев для любви и для жизни в целом. В противном случае танцам учили бы как обязательному предмету во всех учебных заведениях и танцы были бы обязательным элементом культурного времяпрепровождения людей с детских лет и до глубокой старости. Насколько красивее и гармоничнее была бы человеческая жизнь и сколько бы драм и трагедий удалось избежать людям на почве половых отношений, если бы они постоянно танцевали!

9. В делах любви партнеры не всегда одинаково настроены, готовы, опытны и т. д. и т. п. Половое соответствие — это динамическое равновесие, что-то вроде качаний маятника. Оно предполагает некоторые отклонения в сторону несоответствия. В сущности лишь иногда желания партнеров, их готовность к любовной игре совпадают. Чаще бывает, когда одна из сторон меньше желает или даже не хочет. Этого бояться не нужно. Такое несоответствие находится в пределах устойчивого динамического равновесия — половой любви.

В ситуациях несоответствия можно действовать двумя путями:

1) если несоответствие сильно выражено (например, в случае болезни одного из партнеров), то следует воздержаться от любовной игры (должен уступить тот, кто желает);

2) если несоответствие не очень сильно выражено, то уступить должен тот, кто меньше желает (или даже не хочет), т. е. переломить свое настроение, подготовить себя к любовной игре.

10. *Против предрассудка о естественности пассивного поведения женщины в любовной игре.*

Активность должна быть обоюдной, взаимной, попеременной. В конечном счете мужчина ведет себя более активно, но это лишь *в конечном счете*.

Пассивность необходима (не только женщине, но и мужчине) для отдыха, расслабления, предохранения от чрезмерного напряжения, опустошающей усталости.

Активность необходима (не только мужчине, но и

женщине) для достаточного возбуждения и получения оргазма. (В любви наибольшее наслаждение и удовлетворение человек получает от собственных действий-движений. Женщины, которые ведут себя пассивно, не ищут поз, в которых они были бы максимально активны, обрекают себя на пониженную чувствительность, на замедленный темп возбуждения и даже на неудовлетворение [т.е. они чаще не достигают оргазма или даже не знают, что это такое].)

Активность или пассивность партнеров зависит главным образом от позиций. Наиболее распространенная позиция до недавнего времени — “мужчина сверху”. Она считалась основной, а для многих пар фактически была единственной. Эта позиция диктует вполне определенное поведение: мужчина максимально активен, а женщина по-преимуществу пассивна. В итоге женщина не получала настоящего удовлетворения от любовной игры.

Нужно отказаться от взгляда на позицию “мужчина сверху” как на основную. Партнеры должны попеременно бывать в разных позициях, чтобы они могли быть по очереди активными. Для женщины, как я уже говорили, наиболее пассивная позиция — это когда она лежит, а мужчина на ней. Наиболее активная позиция для нее — это когда она верхом сидит на нем (поза всадницы). Эту позицию любят опытные женщины. В самом деле, по законам динамического равновесия “поза всадницы” должна применяться не реже, чем позиция “мужчина сверху”.

Почему женщина должна быть активной в любви? Потому что физиологически человек устроен так, что наибольшее наслаждение в любви он получает от своих собственных движений, от своей активности. “Поза всадницы” позволяет женщине проявить максимум активности и выдумки, а, следовательно, наиболее сильные наслаждения она получает именно от этой позы. Пассивность женщины в любовной игре ведет к тому, что она не испытывает всей полноты наслаждения вплоть до того, что не может кончить, испытать оргазм. Отсюда у нее развивается неудовлетворенность от любви. Одни женщины, те, у кого изначально не

было большого желания, становятся в половом отношении холодными, фригидными. Другие женщины, у которых вначале было сильное желание, переживают психологический стресс, вследствие чего они становятся истеричными или стараются сменить партнера.

11. *О стыде и стыдливости в любви.*

Стыдливость — сущностное качество человека и речь может идти не о преодолении стыдливости как таковой, а лишь о большей или меньшей стыдливости в разных ситуациях.

Стыдливости может быть много или мало. Когда ее мало, то говорят о бесстыдстве. Это понятно. Бывают, однако, и другие ситуации, когда стыдливости слишком много и она мешает естественному проявлению чувств. Такие ситуации нередки в отношениях между мужчиной и женщиной.

XX век коренным образом изменил отношение людей к различного рода обнажениям. Покрой одежды к концу столетия стал таким, что допускает значительное обнажение женщин и мужчин. На пляжах и в бассейнах мужчины и женщины видят друг друга почти голыми. В других общественных местах допускается полуобнажение женщин (вплоть до обнажения или полуобнажения груди, живота, бедер) и почти столь же вольное обнажение мужчин.

С другой стороны, в XX веке произошла сексуальная революция, которая привела к полной раскованности и непринужденности половых партнеров в сексуальных вопросах.

Благодаря этим двум обстоятельствам значительно понизился порог стыдливости у большинства людей и она приобрела другой характер. В ней меньше стало инстинктивной боязни, боязливости, всяких страхов, слепого следования традициям и больше — разумного понимания, расчета и индивидуальной вариативности.

И все же остается немало людей, особенно среднего и пожилого возраста, которые продолжают стыдиться в любовных отношениях так, как будто они живут в прошлом веке. Стыдятся обнаженности, стыдятся заниматься любовью при дневном свете, стыдятся ласкать половые органы руками и ртом, стыдятся

смотреть вместе сексуальные, эротические фильмы, картинки, стыдятся говорить на сексуальные темы, обсуждать сексуальные проблемы, стыдятся проявить ту или иную сексуальную инициативу и т. д. и т. п. Такая стыдливость, безусловно, мешает любви, ее развитию и совершенствованию.

(Людям среднего и пожилого возраста в большинстве случаев трудно переделать себя и, вероятно, не нужно требовать от них изменения сексуального поведения. В то же время эти люди живут рядом с молодыми (с детьми, племянниками и племянницами, просто с соседями и соседками). Их старые представления в духе репрессивной сексуальной морали могут вредно влиять на их взаимоотношения с молодыми: либо отчуждать молодых от себя, либо воспитывать себе подобных — молодых стариков и старушек. Самое лучшее, если люди среднего и пожилого возраста научатся быть терпимыми, постараются понять молодых и не будут мешать им устраивать свою сексуальную жизнь.)

Стыдливость, мешающую любви, нужно решительно преодолевать. Правда, делать это надо тактично, деликатно, без принуждения, а тем более, насилия.

Если у партнеров достаточно времени для сексуального общения, то они должны внимательно изучить тело друг друга, всё осмотреть, потрогать, пощупать, понюхать, произвести своеобразную сенсуальную¹ разведку (какие наиболее чувствительные в эротическом плане места).

12. *Главное в любовном общении — взаимность наслаждения.* Эта взаимность по принципу положительной обратной связи необыкновенно усиливает наслаждение обоих партнеров. Если мужчина видит, что женщина возбуждается и переживает оргазм, то он сам гораздо сильнее возбуждается и сильнее испытывает все наслаждения любви, чем в том случае, когда женщина ведет себя спокойно-равнодушно. И наоборот.

13. *Нужно помнить, что в любви все средства хо-*

¹ От лат. *sensus* чувство, ощущение.

роши, если они не неприятны партнерам.

14. *Закон любви — разнообразие во всем.* Однообразие убивает любовь. Феномен “медового месяца” ясно указывает на этот закон. После начального периода сильных любовных переживаний начинается спад и если партнеры неизобретательны, то постепенно их любовь сходит на нет, превращается, в лучшем случае, в привязанность.

Должно быть разнообразие в ухаживании, в прелюдии, в позициях, в движениях, в дополнительных средствах возбуждения (руки, рот, искусственные средства, фотографии, видеофильмы, музыка), в обстановке (при свете и без света, в постели и не в постели, дома и на природе и т. д.), в полном и неполном обнажении, в чередовании активности и пассивности, напряжения и расслабления.

Одним словом, половая любовь требует такого же серьезного отношения к себе, как и профессиональная творческая деятельность.

И учиться, и совершенствоваться, и неустанно искать, дерзать — всё это надо делать в любви.

V. ТВОРЧЕСТВО

Как уже говорилось, смысл жизни человека — в любви и творчестве. В любви человек воспроизводит себя как *живое* существо. В творчестве он воспроизводит себя как *культурное* животное. Как таковое он не только потребляет культуру, но и создает, творит ее. Производство культуры, создание духовных или материальных благ и есть то, что обычно называют творчеством. Ученые вырабатывают знания, художники создают произведения искусства, новую эстетическую реальность, изобретатели создают новые предметы, которые увеличивают сумму материальных и духовных благ в обществе. Во всех трех случаях люди ощущают себя не только потребляющими, но и творящими. Не случайно во многих религиях идея Бога-творца является основной. Слово **творец** имеет величайшую ценность для человека. Творчество в целом обеспечивает прогресс жизни, делает человека более свободным, независимым. Человеческое стремление к бессмертию, вечности, бесконечности реализуется в творчестве. Вот почему любовь и творчество составляют сущность человека.

КАКУЮ ПРОФЕССИЮ ВЫБРАТЬ?

Во-первых, зачем надо осваивать какую-либо профессию?

В современном обществе в результате исторически сложившегося разделения деятельности существует множество профессий: от самых простых до самых сложных. Если человек хочет чего-либо достичь, он должен освоить ту или иную профессию. И чем большего он хочет достичь, тем больше он должен затратить сил на освоение профессии. Отсутствие профессии у взрослого человека означает, что он либо паразит (живет за счет своих родственников), либо способен только к простейшей работе (чернорабочего, уборщика, грузчика, носильщика и т. п.). В том и дру-

гом случае человек ничтожен, в буквальном смысле, находится на дне жизни.

Во-вторых, чем надо руководствоваться при выборе профессии? Советом близких, знакомых, интуицией, произвольным решением (случайным предпочтением), исследованием и размышлением?

Некоторые руководствуются советом близких (отца, матери и т. д.). В этом случае есть опасность необретения/потери своего «я». Ведь важнейшее качество взрослого человека — самостоятельность. Чаще всего выбор профессии по чьему-либо совету — это несамостоятельный, инфантильный выбор. Пользоваться советом других можно лишь при условии, если человек сам много размышлял, исследовал и колеблется в выборе. При равенстве альтернатив совет других может склонить чашу весов в пользу одной из альтернатив. В таком случае совет играет примерно ту же роль, что и случайное предпочтение (как при бросании жребия).

При исследовании и размышлении нужно подумать вот над чем:

1. Что такое я, что такое жизнь, для чего я живу, в чем смысл жизни? Зачем вообще нужно выбирать? Нужно ли ставить цель жизни?

2. От чего зависит выбор профессии? *Слагаемые выбора:* субъективные и объективные факторы, опыт предшествующей жизни.

Субъективные факторы: особенности психики, телесной организации, характера, мышления. Человек должен себя знать, какой он, чем отличается от других людей и в чем сходство с ними, в чем его сходство и различие с людьми разных профессий.

Объективные факторы: жизнь в данное время, в данной стране, в данном месте (городе, селе, поселке, районе, улице, доме). Человек должен иметь как можно больше информации о разных профессиях и тенденциях в развитии общества.

Опыт жизни: детские впечатления, увлечения и занятия, например, впечатления о работе врача или занятия музыкой, жизнь в семье музыкантов, творческие династии (как в цирке).

3. Как попробовать профессию, побывать хотя бы немного «в шкуре» профессионала?

VI. ЧЕЛОВЕК СРЕДИ ЛЮДЕЙ. (КАК ВЕСТИ СЕБЯ В ОБЩЕСТВЕ?)

В этом разделе освещаются основные вопросы этики, морали, человеческого общежития — через призму исследования золотого правила поведения (*“не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе”* и *“поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой”*).

1. ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

О человеке говорят и пишут многие: писатели, ученые разных специальностей, религиозные деятели, философы... Писатели-художники изображают человека исключительно с субъективной стороны. Ученые исследуют его как объект. Они — объективисты. Религиозные деятели говорят и пишут о человеке лишь в связи со своей верой в сверхъестественное; для них человек — деятель-субъект постольку, поскольку воплощает, реализует потустороннее, надчеловеческое начало. Это всё односторонние точки зрения. Лишь философу по плечу всеохватный взгляд на человека. Для него человек — и субъект, и объект, и един, и не-един, и “я”, и “мы”, и индивид, и человеческий род. Такой взгляд на человека обусловлен спецификой философа как универсального мыслителя.

Конечно, и философы могут специализироваться и быть ограниченными в своих предпочтениях. Тем не менее по сравнению с другими “человековедами” они в большей степени ориентированы на универсализм во взгляде на человека. По крайней мере, именно среди них встречаются мыслители, которые стремятся к этому универсализму.

Человек — субъект, в единстве двух значений: разделительном и собирательном. В разделительном смысле человек — индивидуум, личность, живое существо. В собирательном смысле человек — человечество, человеческий род, человеческое общество.

Между тем и другим “человеком” существует определенная дистанция, которая в практике словоупотребления обозначается как противоположность “человек—общество” (или: “личность—общество”, “индивид—род”, “я — мы” и т. п.). Слово “человек” чаще всего употребляется в разделительном смысле. В собирательном же смысле обычно употребляется слово “общество”.

Человек-общество — двойной субъект, в котором определяющую роль играет человек. Человек — первичный субъект, общество — вторичный. Человек “светит” своим светом, общество — отраженным. С другой стороны, эти два субъекта, как два магдебургских полушария, неразделимы. Человек для себя — субъект во всех отношениях. Общество не является субъектом для себя и тем более субъектом во всех отношениях. Для человека общество — отчасти объективная реальность, отчасти часть его самого. По отношению к природе общество — субъект; оно действует, преобразует природу, но по отношению к человеку оно и объективно, и суть нечто зависимое, являющееся, как я уже говорил, частью человека. Например, наука, часть общества, не может существовать без отдельных ученых. Последние делают науку наукой!

Наибольшая реальность — не в отдельном человеке и не в обществе, а в чем-то среднем между тем и другим: в человеке-обществе или в обществе-человеке. Человек-общество — это человек, живущий в обществе; общество-человек — это общество, реализующее себя в отдельном человеке, живущее благодаря человеку.

Итак, человек по сути — индивид, индивидуальность, личность и в то же время представитель ро-

да **homo sapiens**, член общества. С одной стороны, он хочет быть как все, а, с другой, не быть похожим на других, чем-нибудь выделяться. Это — вечное противоречие жизни. Человек — не коллективист и не индивидуалист, а то и другое вместе. Отсюда все проблемы...

“НАШЕ ВРЕМЯ” И ЛОЖНЫЙ ОБЪЕКТИВИЗМ

Когда б не солнечен был глаз, он солнца б не увидел
И. Гете

То, что мы видим, зависит от того, куда мы смотрим.
Леонид Леонов, писатель

Сейчас стало чуть ли не правилом хорошего тона ругать наше время, говорить о его тяжестях и т. д. и т. п.¹ В основном ругают те, кому за 50-60 лет. Здесь мы сталкиваемся с феноменом ложного объективизма. Этот феномен возникает в ситуации, когда человек, ориентируясь на объект, объективную реальность, старается вытравить из своего сознания всё субъективное, как бы вычесть себя из реальности. Такая позиция приводит к тому, что человек перестает учитывать свою особенность-субъективность при рассмотрении объекта и это приводит к ситуации самообмана, ложного объективизма. Ему кажется, что он объективно оценивает вещи. А на поверку сплошь и рядом незаметно для себя вносит в эту оценку свои субъективные черты, пристрастия, поскольку не учитывает их и, соответственно, не корректирует свою оценку. В итоге вместо настоящего объективизма мы видим субъекти-

¹ Вот некоторые примеры:

«В наш век цинизма, фальши и лжи...» (23.02.05 — Николай Расторгуев, художественный руководитель группы «Любэ»)

«В наше прозаическое время...» (14.01.05 — Святослав Бэлза, музыковед, из рекламы телеканала «Культура»).

«...сложная, неудобная, неуютная действительность...» (24.02.05 — Оксана Буланова, писательница, канал «Культура», «Апокриф»).

визм, рядящийся в тогу объективизма, ложный, мнимый объективизм.

Возьмем такой весьма распространенный и где-то даже обыденный пример ложного объективизма: брюзжание стариков по поводу испорченности нынешней молодежи, по поводу плохого нынешнего времени и, напротив, восхваление ими времени своей молодости. При этом они часто уверяют себя и других в том, что объективно оценивают то и другое время. Старики обычно забывают, что в молодости они были полны энергии, положительных эмоций, всё им казалось лучше и что в их старческом состоянии нет уже бьющей через край энергии, чувства большей частью притупились, остыли и господствуют болезненные ощущения, вызванные естественным ходом инволюции, одряхления. Отсюда старики склонны преувеличивать хорошесть времени их молодости и плохость настоящего времени¹. Поскольку инволюция (обратное развитие) начинается где-то после 25-и лет, в ситуации стариков могут оказаться и 40-летние и 50-летние...

Теперь возьмем пример исследователя, оценивающего наше время. Исследователь, в отличие от брюзжащего старика, старается быть *максимально* объективным, анализирует массу фактов, взвешивает всё “за” и “против” и только тогда делает выводы, оценивает. Если, однако, он не учитывает своей субъективности, то при оценке сложных явлений, таких как “наше время”, он сплошь и рядом будет тенденциозно анализировать и оценивать факты. Если этому исследователю за 40 или 50 лет, то он будет свои негативные эмоции проецировать на нынешнее время и это время у него будет таким же безрадостным, как его собственная теперешняя жизнь. Если бы этот исследователь взял на себя труд опросить 20-и — 30-летних молодых людей, то он большей частью встретил бы положительную или спокойную реакцию на нынешнее

¹ Киноактер А. Адабашьян как-то остроумно заметил: «Конечно, лучше жить в 20 лет (молодым) в коммуналке, чем в 70 лет (стариком) в отдельной квартире.

время. И в самом деле, как иначе молодым людям оценивать **свое** время! Они же **в другом** не жили. Исследователь, кстати, если он не хочет оказаться в ситуации ложного объективизма, должен учитывать не только свою субъективность, но и субъективность, субъективные ощущения **этих** молодых людей и вообще других, по возможности, **многих** людей.

Как мне представляется, исследователь, анализирующий и оценивающий “наше время”, не может делать какие-либо *научные* выводы, претендующие на *однозначную* истинность. Ведь феномен “нашего времени” настолько сложен, что любой научный метод-пусть будет давать лишь упрощенную и потому одностороннюю картину происходящего в нём. Возможна лишь *философская* оценка нашего времени. А она по определению не претендует на безусловную истинность и безусловную объективность, беспристрастность. Да, конечно, “не надо мерить температуру общества, ставив градусник себе под мышки”. Но не надо забывать и о том, что “человек — мера всех вещей”. И других мер не существует.

В принципе, всегда находятся люди, которые ругают свое время, современную им эпоху, цивилизацию. Сколько было всяких уничтожающих характеристик, данных известными людьми своему времени (и в древности, и в новое время, и в XX веке)! Шекспир устами Гамлета говорил: «распалась связь времен». Наш А. С. Пушкин характеризовал свое время как «жестокий век» (стихотворение «Памятник»). Кинорежиссер Андрей Тарковский утверждал: «современная цивилизация зашла в тупик» (из фильма об этом кинорежиссере). И т. д., и т. п. Можно привести сотни-тысячи подобных высказываний. О чем это говорит? О том, что, как правило, не время плохое, а люди, настроенные пессимистически по разным обстоятельствам, думают и высказываются о своем времени плохо, т. е. спешат с негативными обобщениями, буквально совершают логическую ошибку поспешного обобщения.

Мне лично больше по душе слова русского фило-

софа И.А. Ильина: «**Никогда не жалуйся на время, ибо для того ты и родился, чтобы сделать его лучше**».

Можно привести еще слова Б. Паскаля: «**Существует достаточно света для тех, кто хочет видеть, и достаточно мрака для тех, кто не хочет**».

2. ФОРМЫ ОБЩЕСТВЕННОЙ ВОЛИ

Воля вообще есть способность человека управлять своим поведением.

Общественная воля есть соединенная, совокупная, коллективная воля людей, означающая их способность управлять совместной жизнью, человеческим общежитием, жизнью в обществе себе подобных.

Наряду с моралью формами общественной воли являются право и политика. Все они регулируют отношения между людьми.

Мораль регулирует отношения людей путем *убеждения*: внутреннего — через совесть, и внешнего — через мнение других, общественное мнение.

Право регулирует отношения людей путем *принуждения* — внешнего — со стороны государства, и внутреннего — через законопослушание.

Политика регулирует отношения людей и путем убеждения, и путем принуждения. Путем убеждения — через пропагандистскую деятельность политических партий, через их участие в государственном управлении, в предвыборных кампаниях и т. п. мероприятиях. Путем принуждения — через партийную дисциплину или через применение силы в социальных, военных конфликтах (например, через “принуждение к миру” — так было с враждующими сторонами в боснийском конфликте, когда международное сообщество и блок НАТО принудили эти стороны к соглашению).

Государство — политико-правовой институт, устанавливающий и поддерживающий общий порядок жизни в стране. Оно отвечает за управление обществом в целом на определенной территории.

Государство — инструмент компромисса и согласования интересов отдельных людей и их групп, средство гармонизации межчеловеческих отношений. Без государства люди постоянно конфликтовали бы, убивали бы друг друга, воевали бы между собой.

Государство играет консолидирующую роль в объединении людей как этноса, как нации и в отдельных случаях — в объединении этносов.

Государство — это власть + граждане (или подданные, в случае монархического государства). Ясно, что государство без власти существовать не может. (Это состояние общества называют анархией). Но и без законопослушных граждан оно не может существовать. Власть так или иначе должна кем-то управлять. А управлять можно только теми, кто управляем. Гражданское общество это как раз общество, состоящее в основном из законопослушных граждан.

Кант говорил об автономии нравственности. С моей точки зрения, нравственность не может быть всецело автономна. Она же ведь часть жизни человека, часть его жизни в обществе. Жизнь шире и нравственности, и права, и политики, и разума, поскольку она их объемлет.

3. МОРАЛЬ И ПРАВО

Мораль и право — это те же правила дорожного движения, только применительно к человеческому общежитию и к жизни в целом.

Между моралью и правом имеется как сходство, так и различие. Общее между ними то, что они регулируют отношения между людьми, имеют дело с нормами и правилами человеческого общежития.

Различие между правом и моралью в следующем.

Право регулирует отношения между людьми с помощью законов и опирается на силу государства (полиция, армия, суд, тюрьма). Мораль же регулирует отношения людей путем убеждения, действия на их сознание, на их разум. Она опирается на силу обще-

ственного мнения, на силу порицания или одобрения людей и полагается на совесть человека.

Нормы права, установленные государством, выражаются в законах и являются обязательными для граждан государства. Государство обязывает соблюдать эти нормы, принуждая к такому соблюдению всей мощью своего аппарата. Право — ничто без аппарата, способного заставлять людей соблюдать нормы права.

Подобное различие морали и права можно выразить в такой игре слов. Если право в своем регулировании взаимоотношения людей опирается на **авторитет силы**, каковой является сила государства, то мораль опирается на **силу авторитета**, будь то отдельное мнение уважаемого человека, уважаемое общественное мнение или же внутренний авторитет, самоуважение, чувство собственного достоинства.

Далее, если право есть регулирование межчеловеческих отношений сверху, исходящее от воли государства, то мораль есть регулирование межчеловеческих отношений снизу, исходящее от воли и сознания отдельных людей или групп людей, создающих общественное мнение.

Право — связь людей, имеющая характер черепной коробки, скелета, панциря, жесткого каркаса.

Нравственность — духовная связь, единение, общность людей. Она охватывает область тонких, гибких, интимных взаимоотношений людей.

4. ЗНАЧЕНИЕ НРАВСТВЕННОСТИ

Без нравственности невозможны такие формы взаимоотношения людей как любовь, дружба, товарищество, сотрудничество, кооперация и т. п. Без нравственности невозможна даже война. На войне тоже есть свои правила, свой кодекс чести. Иными словами, нравственность — часть человека как общественного существа. И в качестве таковой она играет существенную роль в жизни человека, служит средством ее внутренней и внешней гармонизации. В той мере, в какой человек лишен нравственности, нравственных принципов-чутья, он лишен внутренней гармонии,

гармонии души и находится в конфликтных отношениях с собой и с людьми, обществом, со всем миром. «Если ты не в ладах со всеми, значит ты не в ладах с самим собой» — говорил замечательный киноактер Борис Андреев.

*Человек, осознавший значение нравственности для своей жизни, будет неустанно работать над собой, чтобы быть добрее и лучше. Просто нравственный человек делает добро по мере своих сил и избегает делать зло. Человек же нравственно развитый идет дальше: он не ограничивается выбором в пользу добра, а стремится принести людям как можно больше пользы. Почему это так? Потому что «развитой человек по мере расширения своего развития должен оплатить и более значительную цену, израсходованную человечеством на это развитие».*¹

ИММОРАЛИЗМ И АМОРАЛИЗМ

Имморализмом называют позицию непризнания значимости морали в тех или иных сферах деятельности или в отдельных делах. Некоторые, например, утверждают, что «политика вне морали», «бизнес (предпринимательство), экономика вне морали», «искусство вне морали», «наука вне морали». Список подобных утверждений можно продолжить. «Королем» имморалистов, несомненно, является Ф. Ницше. Он открыто называл себя "имморалистом". Его имморализм носит не специальный характер (применительно к какой-нибудь одной области деятельности), а общий, по отношению к человеку и его жизни вообще.

К сожалению, довольно-таки много известных деятелей высказывалось в духе имморализма. Вот некоторые примеры:

Н. Макиавелли: «Князю, желающему удержаться, необходимо научиться умению быть не добродетель-

¹ Лавров П. Л. Социальная революция и задачи нравственности. — Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1, М., 1965. С. 417.

ным и пользоваться или не пользоваться этим, смотря по необходимости» (Соч., «Academia», 1933. С. 277).

М. Вебер: «Власть означает всякую возможность внутри данных социальных отношений навязать свою волю вопреки сопротивлению, безотносительно к тому, на чем такая возможность покоится» (См. «Иностранная литература», 1966, № 11, с. 212.)

Ж. Сорель: «В политике нет места совести, как ей нет места в скачке...» («Размышления о насилии»).

В духе имморализма рассуждал журналист Узелков в отечественном фильме «Жестокость» (1959 г.):

« — Да, Вениамин (Малышев — Л.Б.), испортил ты мне всю работу... Я уже об этом Егорове очерк написал.

— (Малышев) А ты считаешь, что он виноват?

— А разве в этом дело? Иногда по политическим соображениям надо одного сурово наказать, чтобы на его примере научить тысячи. Ты читал тезисы об антирелигиозной пропаганде?

— Да ничего я не читал. Но я знаю, что надо доверять людям, понял, доверять!

— **Я морали сейчас не касаюсь. Мы сейчас говорим с тобой о более серьезных вещах** (выделено мной — Л.Б.). Ты пойми, этот Егоров — не какая-то особенная фигура. Его в пределах большого государства, даже одной губернии не очень-то заметишь как какой-то гвоздик. А вот на его примере мы могли бы научить многих.

— Вон ты какой. А с виду тихий... А что если сейчас тебя выгнать из комсомола и вообще отовсюду, а потом на твоём примере учить остальных?!

— А я на крестинах не был, Малышев!»

Примером имморализма является чисто юридическое понимание свободы. Его в свое время сформулировал Ш. Монтескье: «Свобода — это право делать всё, что не запрещено законом». В последнее время я часто слышу эту фразу, в частности из уст журналистов. В этой формуле-фразе фактически нет места морали. Все вопросы свободы решаются без учета моральных факторов человеческого поведения (совести и

моральных оценок со стороны других, общественного мнения).

С моей точки зрения, **иммoralизм — фиговый листок аморализма.**

Иммoralизм, любой иммoralизм по сути своей аморален. Когда человек не принимает в расчет (игнорирует) моральную сторону жизни, дела, поступка — он так или иначе действует против морали, потому что мораль — коренное свойство человеческой природы (изначально и по сути). Отвлечься от морали в человеческих делах в принципе невозможно, иначе мы рискуем навредить морали, т. е. поступить аморально. Например, когда говорят, что политика или экономика должны быть вне морали, то это, как правило, служит оправданием, прикрытием, дымовой завесой для аморальных и/или преступных действий.

5. ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО ПОВЕДЕНИЯ

В основе взаимоотношений человека с другими людьми, с обществом в целом лежит золотое правило поведения: "не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе" (отрицательная формулировка) и "поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой" (положительная формулировка). Нарушающий золотое правило поведения не может рассчитывать на доброе отношение к себе. В лучшем случае его не будут замечать; в худшем — будут обращаться с ним по принципу "око за око, зуб за зуб".

НЕМНОГО ИСТОРИИ

Оже ти себе не любо,
то того и другу не твори

Дьяк Иоанн. Изборник 1073 г.

Древние о золотом правиле

Золотое правило известно людям с незапамятных времен. Оно упоминается в одном из древнейших памятников письменности древневавилонском сказании об Акихаре. Престарелый визирь обращается к своему племяннику с наставлением: "Сын, что тебе кажется плохим, ты не должен также делать своим товарищам"¹.

Золотое правило приписывается двум из семи греческих мудрецов, — Питтаку и Фалесу (VII–VI в.в. до н. э.). Питтак: "Что возмущает тебя в ближнем, того не делай сам"². На вопрос: "Каким образом нам прожить наилучше и наисправедливее?" Фалес ответил: "Если мы сами не будем делать того, что порицаем в дру-

¹ См.: Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1982. С.126. Цит. по: Vetter P. Das Buch Tobias und die Achikar Sage. — "Teologische Quartalschrift", Bd. 86, H. 3. Tübingen, 1904, S. 343.

² Фрагменты ранних греческих философов. М., 1989. С. 93.

гих"¹. Известно и такое изречение Фалеса: "Какие услуги окажешь родителям, такие и сам ожидай в старости от детей"². (Сравн. с знаменитой библейской заповедью: "Почитай отца твоего и мать твою, чтобы продлились дни твои на земле" — Исход, 20,12).

У Конфуция (VI-V в.в. до н. э.) золотое правило — основа поведения. Разъясняя ученику смысл человечности ("жэнь"), он говорит: "Не делай человеку того, чего не желаешь себе" (Луньей, 12, 2)³.

Примерно в это же время Будда сказал: "Не причиняй другому боли способом, который для тебя будет болезненным".

В древнеиндийской "Махабхарате" (V в. до н. э.) легендарный мудрец Бхишма дает перед смертью наставления:

"Те поступки других, которых человек для себя не желает, что самому неприятно, пусть не делает другим людям.

Кто спутался с чужой женой, что может сказать другому? Но то, что он тогда сделал другому, для себя не захотел бы, кто для себя хочет жизни, как может убить другого? Надо позаботиться для других о том, что для себя желают"⁴.

У мудреца Бхишмы золотое правило предстает как норма норм. (Так называемые библейские заповеди не убий, не кради, не прелюбодействуй и т. д. оказываются не чем иным как частными и усеченными выражениями золотого правила.

Золотое правило можно встретить в "Одиссее" Гомера, в "Истории" Геродота, у Аристотеля, Сенеки, в Библии...

На вопрос, как вести себя с друзьями, Аристотель сказал:

"Так, как хотелось бы, чтобы они вели себя с

¹ См.: Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1982. С. 115.

² Фрагменты ранних греческих философов. Ч.1, М., 1989. С. 93.

³ Переломов Л.С. Слово Конфуция. М., 1992. С. 74.

⁴ Махабхарата, кн. XII, гл. 260. Ашхабад, 1961. С. 354.

нами”¹.

Древнеримский философ-моралист Сенека сформулировал золотое правило в таком виде: “...вот общая суть моих советов: обходись со стоящими ниже так, как ты хотел бы, чтобы с тобою обращались стоящие выше”².

В Библии золотое правило упоминается, по крайней мере, трижды: в книге Товита (4, 15), в Евангелии от Луки (6, 31) и в Евангелии от Матфея (7, 12: “Итак, во всем как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними, ибо в этом закон и пророки”).

Библейская заповедь “возлюби ближнего твоего, как самого себя” (Левит 19; 18. Евангелие от Матфея 22; 39) тоже опирается на золотое правило. В Евангелиях она признается наибольшей заповедью в “законе” после заповеди “возлюби Господа Бога твоего”. Моральное значение этой заповеди раскрывается в следующем фрагменте Евангелия от Луки:

“И вот, один законник встал и, искушая Его, сказал: Учитель! что мне делать, чтобы наследовать жизнь вечную?”

Он же сказал ему: в законе что написано? как читаешь? Он сказал в ответ: возлюби Господа Бога твоего всем сердцем твоим, и всею душою твоею, и всею крепостию твоею, и всем разумением твоим, и ближнего твоего как самого себя.

Иисус сказал ему: правильно ты отвечал; так поступай и будешь жить.

Но он, желая оправдать себя, сказал Иисусу: а кто мой ближний?

На это сказал Иисус: некоторый человек шел из Иерусалима в Иерихон и попался разбойникам, которые сняли с него одежду, изранили его и ушли, оставивши его едва живым. По случаю один священник шел тою дорогою и, увидев его, прошел мимо. Также и левит, быв на том месте, подошел, посмотрел и про-

¹ Диоген Лаэртский. Кн. 5, 21 — стр. 194. Диоген привел это высказывание Аристотеля в ряду других, снабдив таким замечанием: “Таковы известные его изречения”.

² Сенека. Нравственные письма к Луцилию. М., 1977. С. 78 (Письмо XLVII).

шел мимо. Самарянин же некто, проезжая, нашел на него и, увидев его, сжалился. И подошед перевязал ему раны, возливая масло и вино; и посадив его на своего осла, привез его в гостиницу и позаботился о нем (...) Кто из этих троих, думаешь, ты, был ближний попавшемуся разбойникам?

Он сказал: оказавший ему милость. Тогда Иисус сказал ему: иди, и ты поступай так же" (Евангелие от Луки 10; 25-37).

А вот еще из Библии: "Не судите, да не судимы будете, ибо каким судом судите, *таким* будете судимы; и какою мерою мерите, *такою* и вам будут мерить" (Евангелие от Матфея 7, 1-2). "Не судите, и не будете судимы; не осуждайте, и не будете осуждены; прощайте, и прощены будете; давайте, и дастся вам: мерою доброю, утрясенною, нагнетенною и переполненною отсыплют вам в лоно ваше; ибо, какою мерою мерите, *такою* же отмерится и вам" (Евангелие от Луки 6, 37-38). Это все частные выражения золотого правила.

Следует также отметить, что еще в античную эпоху золотое правило вошло в число крылатых латинских выражений: *Quod tibi fieri non vis, alteri ne feceris* (Не делай другому того, чего сам себе не желаешь). В частности, оно было излюбленным выражением римского императора Александра Севера (222-235 н. э.)¹.

По мнению А.А. Гусейнова, с *Августина Блаженного* (IV-V в.в. н. э.) "начинается традиция рассмотрения золотого правила как основополагающего принципа естественного права и нравственности, которой в течение столетий следовали многие теологи и философы средневековья и которую в известной мере наследовали философы Нового времени"².

Т. Гоббс и Д. Локк о золотом правиле

Если говорить о философах Нового времени, то

¹ См.: Сомов В. По-латыни между прочим. Словарь латинских выражений. М., 1992. С. 110.

² Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1982. С. 117.

нужно прежде всего указать на Т. Гоббса и Д. Локка. Для Гоббса золотое правило — "закон всех людей", "закон, объемлющий все прочие законы"¹, правило, с помощью которого "можно понять, противоречит или нет закону природы чье-либо намерение"², правило, в котором "резюмированы" естественные законы³.

Он, в частности, пишет: "Справедливость, названная нами девятым законом природы, в силу которого каждому предписывается признавать за другими те же права, которые он хочет для самого себя, закон объемлющий собой все прочие законы, является именно тем, который устанавливает и Моисей (Лев. 19, 18): *Возлюби ближнего своего, как самого себя*. И Спаситель наш говорит, что это высший моральный закон. Матф. 22, 36-40 (...) *Возлюбить же ближнего своего, как самого себя, есть не что иное, как позволить ему все то, что мы хотим, чтобы было позволено нам самим*"⁴. Или: "*человек должен... довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе* (...) Именно таков закон Евангелия: *поступай по отношению к другим так, как ты желал бы, чтобы другие поступали по отношению к тебе*. И это закон всех людей: *quod tibi non vis, alteri ne feceris* (не делай другому того, чего сам себе не желаешь — излюбленное выражение римского императора Александра Севера /222-235 в.в./ — Л.Б.)"⁵. Или: "Правило, облегчающее рассмотрение естественных законов. (...) для того чтобы никто из людей не мог оправдываться незнанием этих законов, они были резюмированы в одном легком правиле, доступном пониманию и самого неспособного человека. И это правило гласит: *не делай другому того, чего ты не желал бы, чтобы было сделано по отношению к тебе*. Это правило говорит и самому неспособному человеку, что в отношении естественных законов ему следует знать одно, а именно что, если, при взвешивании действий других людей и собственных, первые окажутся слишком тяжелыми, он должен положить их на другую чашу весов, а собственные действия — на их место, с тем чтобы его собственные страсти и самолюбие ничего не могли прибавить к весу действий других людей. Усвоив се-

¹ Гоббс Т. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1991. С. 99.

Там же. Т. 1, М., 1989. С. 323.

² Там же. Т. 2. М., 1991. С. 99.

Там же. Т. 1, М., 1989. С. 326.

³ Там же. Т. 2. М., 1991. С. 122.

⁴ Там же. Т. 2. М., 1991. С. 99.

Там же. Т. 1, М., 1989. С. 323-324.

⁵ Там же. Т. 2. М., 1991. С. 99.

бе это правило, он убедится в разумности всех естественных законов"¹.

В концепции Гоббса отмечу два момента.

Во-первых, Гоббс рассматривает золотое правило не только как основу морали, а более широко — как основу морали и права, основу *здоровья* общества, *нормальной* жизни людей в обществе. В ряде случаев он дает правовые по своей сути формулировки золотого правила. Эти формулировки, безусловно, расширяют смысл и значение правила.

Во-вторых, говоря о взвешивании своих и чужих действий на одних весах, Гоббс отмечает этим *мерный* характер золотого правила, что оно обладает качеством *меры*. (Сравн. с цитированными выше фрагментами из Евангелий от Матфея — 7,1-2 и от Луки — 6, 37-38).

По Локку золотое правило — "самое непоколебимое нравственное правило и основа всякой общественной добродетели"², "великий принцип нравственности — "поступать с другими так, как хочешь, чтобы другие поступали с тобою""³. Он, как и Гоббс, считает это правило *естественным* продолжением *нормального* отношения человека к самому себе. Нарушение правила, пишет он, "было бы безумием и противно интересу, которым люди жертвуют, когда они сами поступают вопреки этому /правилу/"⁴. Или в другом месте: "Каждый из нас, поскольку он *обязан сохранять себя* и не оставлять самовольно свой пост (на этой земле — Л.Б.), обязан по той же причине, когда его жизни не угрожает опасность, насколько может, *сохранять остальную часть человечества* и не должен, кроме как творя правосудие по отношению к преступнику, ни лишать жизни, ни посягать на нее, равно как и все, что способствует сохранению жизни, свободы, здоровья, членов тела или собственности другого"⁵.

¹ Там же. С. 121-122.

² Локк Д. Соч. в 3-х томах. Т. 1, М., 1985. С. 117.

³ Там же. С. 119.

⁴ Там же.

⁵ Локк Д. Соч. в 3-х томах. Т. 2, М., 1988. С. 265.

Предпосылкой золотого правила выступают согласно Локку природные, изначальные равенство и независимость людей: "поскольку все люди равны и независимы, постольку ни один из них не должен наносить ущерб жизни, здоровью, свободе или собственности другого"¹. Или:

"Это природное равенство людей рассудительный Гукер считает самоочевидным и неоспоримым настолько, что делает его основанием того долга взаимной любви меж людьми, на котором он строит наши обязанности по отношению друг к другу и откуда он производит великие принципы *справедливости* и *милосердия*. Вот что он говорит: "Точно такое же естественное побуждение привело людей к осознанию того, что их долгом в не меньшей степени является и любить ближних, как самих себя; ибо, для того чтобы постигнуть вещи, которые являются равными, необходимо всем обладать одной мерой; ведь если я не могу не желать, чтобы каждый человек относился ко мне в той же мере хорошо, как он хотел бы этого для самого себя, то как же могу я рассчитывать хотя бы в какой-то степени удовлетворить это свое желание, если я сам не буду стараться удовлетворить подобное же желание, которое возникает, несомненно, у других людей, поскольку природа всех людей одинакова? Если им будет предложено что-либо противоречащее этому желанию, то это, несомненно, во всех отношениях огорчит их так же, как и меня; таким образом, если я творю зло, то я должен приготовиться к страданиям, поскольку нет никакого основания, чтобы другие люди проявили в отношении меня большую любовь, нежели я в отношении их; следовательно, мое желание любви настолько возможно более сильной со стороны равных мне по природе налагает на меня естественную обязанность питать в отношении их подобное же по силе чувство; из этого отношения равенства между нами и нам подобными естественный разум вывел для направления жизни несколько правил и заповедей, известных каждому человеку" (Церковн. полит., кн. 1)"².

Тщательному анализу подвергается золотое правило в работах родоначальника немецкого просвещения Х. Томасиуса (1655-1728). Им проводится мысль, что золотое правило только в единстве позитивной и негативной формулировок может быть рассматриваемо как основа нравственности. Эту же мысль проводит дру-

¹ Там же.

² Локк Д. Соч. в 3-х томах. Т. 3, М., 1988. С. 264.

гой немецкий просветитель — *И.Г. Гердер*. Он считает что моральному человеку присущ "единственный главный закон: чего хочешь, чтобы другие тебе делали, делай то и другим"¹. В этом законе согласно Гердеру сконцентрирована нравственная сущность человека, и он запечатлен в сердце каждого человека².

Нельзя не упомянуть здесь и *Вольтера*. Его гуманистический призыв звучит так: "Обращайся с другими так, как ты хотел бы, чтобы обращались с тобой".

Золотое правило и категорический императив Иммануила Канта

У *Канта* золотое правило фигурирует под именем *категорического императива*³. Он, с одной стороны, возвысил его (хотя и в превращенной форме) до значения главного принципа поведения людей, а с другой, унизил, назвав его традиционные, общепринятые формулировки тривиальными и ограниченными.

Говоря о превращенной форме я имел в виду категорический императив. Ведь он и есть преобразованное в духе ригоризма и деонтологизма (этики долга) золотое правило: "поступай так, чтобы максима твоего поступка могла стать всеобщим законом"⁴. Кант не понял всей глубины золотого правила. Переформулировав правило в виде категорического императива он в значительной степени лишил его силы, того, что делает его *золотым*, а именно, индивидуальной составляющей, нарушив этим меру, т. е. склонив чашу весов в

¹ Гердер И.Г. Мысли, относящиеся к философической истории человечества, кн. IV. СПб., 1829. С. 232.

² См.: Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1982. С. 118.

³ А.Гулыга пишет по этому поводу: «Категорический императив Канта в окончательной формулировке звучит следующим образом: *поступай так, чтобы правило твоей воли могло всегда стать принципом всеобщего законодательства*. По сути дела, это парафраз древней истины: *веди себя в отношении другого так, как ты хотел бы, чтобы он вел себя в отношении тебя. Делай то, что должны делать все.*» — А.Гулыга. Кант. М., 1977. С. 157.

⁴ Кант И. Соч. Т. 4. Ч. 2., М., 1965. С. 323.

пользу *над*индивидуального, общего, всеобщего¹. Н. Гартман говорит по этому поводу ("Ethik", 1935): "Поскольку упомянуто, что действительно критерий всегдашней "максимы" поведения состоит в том, может ли она быть в то же время всеобщим законом или нет, то в ней, очевидно, заключено нечто такое, чего человек как личность принципиально не может хотеть. Он скорее должен хотеть, чтобы сверх всякой всеобщей значимости в его поступках было еще нечто собственное, что на его месте никто другой не мог бы или не должен был бы делать. Если он отказывается от этого, то он является просто одним из множества номеров, который можно заменить любым другим; его личное существование ненужно, бессмысленно"². Н. Гартман сказал, может быть, слишком резко. Ведь категорический императив оставляет за человеком право думать так, как он хочет или считает нужным думать и поступать в соответствии с этим своим правом. Кант попытался избавиться от субъективного момента, но не учел того обстоятельства, что каждый человек принимает решения и действует в меру *своего* понимания, разума. Это, наверное, самая жесткая, суровая формула категорического императива.

Справедливости ради следует сказать, что у Канта есть более мягкие и более близкие по смыслу к золотому правилу формулировки категорического императива:

1) *"Поступай только согласно такой максиме, руководствуясь которой ты в то же время можешь пожелать, чтобы она стала всеобщим законом, так как будто бы максима твоего действия по твоей воле должна сделаться всеобщим законом природы"*³.

¹ Само название воистину устрашающее: императив да еще категорический! Императив — повеление, требование, долженствование, приказ, закон! Одна только железная необходимость и ни капли случайности. Одно только долженствование и ни капли хотения.

Необходимость соответственна всеобщему: всё единичное, случайное, отдельное, индивидуальное она отменяет.

² См.: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 174.

³ Кант И. Соч. в 6-и томах. Т. 4. Ч. 1. С. 260.

2) *"Поступай так, чтобы ты всегда относился к человечеству и в своем лице, и в лице всякого другого так же, как к цели, и никогда не относился бы к нему только как к средству"*.

Поверхностность понимания Кантом золотого правила проявляется, в частности, в том, что он не увидел в нем *основание* долга, утверждая что оно якобы не формулирует обязанностей по отношению к другим. Разве золотое правило не указывает, например, на долг перед родителями? Разве оно не говорит о том, что если ты хочешь, чтобы твои дети относились к тебе подобающим образом, то ты сам *должен* таким же подобающим образом относиться к своим родителям? Или: если ты хочешь, чтобы родители относились к тебе хорошо, то ты сам *должен* относиться к ним хорошо. И т. д. Такое понимание Кантом золотого правила обусловлено его ориентацией на надындивидуальное. В его категорическом императиве основание долга — во всеобщем законе. Этим Кант ставит общество выше личности. Золотое же правило указывает на конкретного человека как на основание долга. И это справедливо, потому что *нет крепче основания чем сам человек для себя*. Долг предполагает знание себя и других. А кого человек знает лучше: себя или других? Конечно, себя. Долг предполагает уважение и заботу. А кого человек уважает больше и о ком заботится больше: о себе или о других? Конечно о себе. Это естественно. Основание долга находится не в каких-то заоблачных высотах, а в конкретном живом человеке со всеми его достоинствами и недостатками. Сам Кант, солидаризируясь с библейской заповедью любить ближнего своего как самого себя, подчеркивал при этом, что человек, не любящий себя, не может любить другого, т.к. такой человек свою ненависть к другому может фарисейски оправдывать своей самоотреченностью.

Одним словом, своим категорическим императивом Кант хотел, по-видимому, улучшить золотое правило, а вышло наоборот: получилось что-то нежизненное, деревянное.

Золотое правило в "Оправдании добра" В.С. Соловьева

В русской философии о проблемах, связанных с золотым правилом, писал *В.С. Соловьев*. Если отбросить крайние моменты в его учении о нравственности (своеобразный абиотизм, антиживотность и морально-религиозный абсолютизм), то остается содержание, составляющее предмет золотого правила. Приведу ряд фрагментов из "Оправдания добра":

"Тот факт, что отдельное существо может чувствовать как бы за пределами своей индивидуальности, болезненно отзываясь на чужое страдание, т. е. ощущая его как свое собственное, этот несомненный и столь распространенный факт может казаться на иной взгляд чем-то загадочным и таинственным. Именно таким признает его тот философ, который в сострадании полагает единственную основу всей нравственности.

"Как возможно, — спрашивает он, — чтобы страдание, которое не есть мое, поражает не меня, сделалось, однако, столь же непосредственно, как в других случаях только мое собственное, мотивом для меня и побуждало бы меня к действию?" "Это предполагает, — говорит он далее, — что я с другим в некоторой мере отождествился и что, следовательно, граница между *я* и *не-я* на этот раз снята: только тогда положение другого, его потребность, его нужда, его страдание непосредственно (?) становятся моими; тогда я уже более не вижу его таким, каким он все-таки дается в эмпирическом представлении — как нечто мне чуждое, для меня безразличное (?), совершенно (?) от меня отдельное; но здесь, напротив (т.е. при сострадании), в нем (этом чужом существе) страдаю и я, несмотря на то, что его кожа не покрывает моих нервов. Только чрез такое отождествление может *его* страдание, *его* нужда стать мотивом для *меня*, каковым помимо этого может быть только мое собственное страдание. Это явление в высшей степени таинственно, — это настоящее таинство этики, ибо это есть нечто такое, о чем разум не может дать прямого отчета (?!), и основания этого явления не могут быть найдены путем опыта. И между тем это есть нечто повседневное. Каждый испытал это на себе и видел в других. Это таинство совершается каждый день на наших глазах в частных случаях, — каждый раз, когда по непосредственному влечению, без дальних рассуждений человек помогает другому и защищает его, подвергая иногда очевидной опасности свою жизнь ради человека, которого он видел в первый раз, и не думая при этом ничего, кроме того именно, что он видит великую нужду и опасность другого; обнаруживается это таинство и

в широких размерах, когда целый народ жертвует своим достоянием и кровью для защиты или освобождения другого угнетенного народа. И всегда необходимым условием для того, чтобы подобные действия заслуживали безусловного нравственного одобрения, является именно присутствие этого таинственного акта сострадания, или внутреннего отождествления себя с другим безо всяких иных мотивов" (Schopenhauer. Die beiden Grundprobleme der Ethik, 2-е изд. Лейпциг, 1860. Стр. 230).

Это рассуждение о таинственном характере сострадания отличается более литературным красноречием, нежели философской правдивостью. Таинственность здесь не заключается в самом факте, а происходит из неверного его описания, в котором крайние термины выставляются с непомерно преувеличенной яркостью и резкостью, а действительные переходы и отношения между ними совершенно скрадываются, как будто бы их вовсе не было. В своей области Шопенгауэр так же злоупотребляет риторическим приемом контраста, или антитезы, как Виктор Гюго в своей. Дело представляется так, будто данное существо, *безусловно отдельное* от другого, вдруг *непосредственно* с ним *отождествляется* в чувстве сострадания. Это было бы, конечно, таинственно в высшей степени. Но в действительности ни той совершенной отдельности, ни того непосредственного отождествления, о которых говорит Шопенгауэр, вовсе не существует (...) Все существующее вообще, а в особенности все живые существа связаны между собою совместностью бытия и единством происхождения, все суть части и порождения одной общей матери — природы, нигде и ни в чем нет той "совершенной отдельности", о которой говорит философ. Естественная, органическая связь всех существ, как частей одного целого, есть данное опыта, а не умозрительная идея только а потому и психологическое выражение этой связи — внутреннее участие одного существа в страдании других, сострадание, или жалость, — есть нечто понятное и с эмпирической точки зрения, как выражение естественной и очевидной *солидарности* всего существующего (...)

Но если между существами нет и не может быть совершенной отдельности (которая лишь утверждается, но не осуществляется эгоизмом), то, с другой стороны, взаимная их связь, психологически выражающаяся в сострадании, или жалости, вовсе не есть то "непосредственное отождествление", о котором говорит философ "Воли и представления". Когда я жалею моего друга, у которого болит голова, то обыкновенно это чувство сострадания не переходит в головную боль; не только я сам не отождествляюсь непосредственно с ним, но и состояния наши остаются *не тождественными*, и я отчетливо различаю свою здоровую голову от его больной. Точно так же, насколько мне известно,

никогда еще не бывало такого случая, чтобы сострадательный человек, бросающийся в воду для спасения утопающего, принимал при этом его за себя или себя за него (...)

Снятие границ между я и не-я, или непосредственное отождествление, — это только риторическая фигура, а не выражение действительного факта. Как одинаковая вибрация созвучных струн, так и сочувственная связь живых существ есть не простое тождество, а согласие однородного...

Чувство жалости, как и следует для нравственной основы, не имеет внешних границ своего применения. От тесного круга материнской любви, столь сильной уже у высших животных, оно может (у человека), все более и более расширяясь, от семьи переходить на род и племя, на гражданскую общину, на целый народ, на все человечество, обхватывать, наконец, собою объем всего живущего во вселенной. Что в отдельных случаях, при виде конкретного страдания или нужды, мы можем деятельно жалеть не только всякого человека — будь он иноплеменник или иноверец, — но и всякое животное — это не подлежит сомнению и есть дело обыкновенное. Менее обычна, но все-таки встречается такая широта сострадательного сердца, которая без всякого видимого повода зараз обнимает напряженным чувством жалости все множество живых существ целого мира. Трудно заподозрить в искусственной риторике или напускном пафосе следующее наивное описание *вселенской жалости как действительного состояния*, очень мало похожего на так называемую "мировую скорбь" (Weltschmerz): "И был спрошен, что такое сердце милующее? И отвечал: возгорание сердца у человека о всем творении, о человеках, о птицах, о животных, о демонах и о всякой твари. При воспоминании о них и при воззрении на них очи у человека источают слезы. От великой и сильной жалости, объемлющей сердце, и от великого страдания сжимается сердце его, и не может оно вынести, или слышать, или видеть какого-либо вреда или малой печали, претерпеваемых тварью. А посему и о бессловесных, и о врагах истины, и о делающих ему вред ежечасно со слезами приносит молитву, чтобы сохранились они и были помилованы, а также и о естестве пресмыкающихся молится с великою жалостью, какая без меры возбуждается в сердце его до уподобления в сем Богу" ("Иже во святых Отца нашего аввы Исаака Сириянина, подвижника и отшельника, бывшего епископом христолюбивого града Ниневии, *Слова Подвижнические*". Москва, 1858. С. 299)". (С. 158-162).

"Истинная сущность жалости, или сострадания, вовсе не есть непосредственное отождествление себя с другим, а признание за другим собственного (ему принадлежащего) значения права на существование и возможное благополучие. Когда я жалею другого человека или животное, я вовсе не смешиваю себя с ним, не принимаю его за себя и себя за

него, а только вижу в нем сродное или однородное со мною, подобное мне существо, одушевленное, как и я, желающее, как и я, жить и наслаждаться благами жизни. Признавая за самим собою право на исполнение такого желания, я признаю его и за другим; болезненно отзываясь на всякое нарушение этого права относительно меня, на всякую обиду, мне наносимую, я подобным же образом отзываюсь и на нарушение чужого права, на чужую обиду, — жалея себя, жалею и другого. Видя страдающее существо я вовсе не отождествляю, не смешиваю его с собою, а только становлюсь в воображении *на его место* и, признавая его однородность с собою, приравниваю его состояния к своим собственным, как говорится — "вхожу в его положение". Это *уравнение* (а не отождествление) между другим и собою сразу и безотчетно совершаемое в чувстве жалости, возводится разумом на степень ясной и раздельной мысли.

Таким образом, мыслимое содержание (идеи) жалости, или сострадания, взятая в своей всеобщности и независимо от субъективных душевных состояний, в которых она проявляется (т.е. взятая логически, а не психологически), есть правда и справедливость. Правда, что другие существа подобны мне, и справедливо, чтобы я относился к ним так же, как к себе. Это положение, ясное само по себе, становится еще яснее при отрицательной проверке. Когда я отношусь безжалостно или равнодушно к другим существам, считаю позволительным их обижать и не обязательным — помогать им, когда смотрю на них только как на средства для своих целей, то они являются для меня не тем, что они суть в действительности. Существо является только вещью, живое — мертвым, одушевленное — бездушным, сродное мне — чужим, подобное мне — безусловно различным. Такое отношение, в котором известный предмет берется не за то, что он есть на самом деле, есть прямое отрицание правды; вытекающие отсюда поступки будут несправедливы, а следовательно, противоположное отношение, которое субъективно проявляется во внутреннем чувстве участия, жалости, или сострадания, объективно говоря, *выражает правду*, а действия, из него происходящие, будут *справедливы*. Мерить различною мерою всеми признается как элементарное выражение несправедливости, но когда я безжалостен к другим, т. е. обращаюсь с ними как с бездушными и бесправными вещами, а себя, напротив, утверждаю как одушевленное и полноправное лицо, то я, очевидно, меряю различными мерами и грубо противоречу правде и справедливости; и наоборот, когда я жалею других, как и себя, я меряю одною мерой и, следовательно, поступаю согласно правде и справедливости (...) Из этой правды, о которой внутренне в душе каждому свидетельствует чувство жалости, возбуждаемое другими существами, как сродными и подобными ему, разум выводит принцип или правило от-

ношения ко всем другим существам: *поступай с другими так, как хочешь, чтобы они поступали с тобою самим*.

Общее правило или принцип альтруизма естественно расчленяется на два частных. Начало этого расчленения можно видеть уже в основном альтруистическом чувстве жалости. Если я кого-нибудь действительно жалею, то я, во-первых, не стану сам причинять ему страдание или вред, не буду *обижать* его, и, во-вторых, когда он независимо от меня подвергается страданию или обиде, я буду *помогать* ему. Отсюда два правила альтруизма — отрицательное и положительное: 1) *не делай другому ничего такого, чего себе не хочешь от других*, и 2) *делай другому все то, чего сам хотел бы от других*. Короче и проще: эти два правила, соединяемые обыкновенно вместе, выражаются так: *никого не обижай и всем, насколько можешь, помогай* (*Neminem laede, imo omnes, quantum potes, juva*).

Первое, отрицательное, правило называется, в частности, правилом *справедливости*, второе — *милосердия*. Но такое различие не совсем точно. И в основе второго правила лежит также справедливость: если я желаю, чтобы другие помогали мне в нужде, то справедливо, чтобы и я им помогал. С другой стороны, если я не хочу никого обижать, то ведь это потому, что я в других признаю такие же живущие и страдающие существа, как я сам; но в таком случае я, конечно, буду стараться по возможности избавлять эти существа от страдания: я их не обижаю, потому что их жалею, но если я их жалею, то я буду и помогать им. Милосердие предполагает справедливость, а справедливость требует милосердия, это только различные стороны, различные способы проявления одного и того же... Эта *нераздельность* двух альтруистических правил (при всем их различии) очень важна как основание для внутренней связи права и нравственности, политики и духовной жизни общества" (С. 165-169)¹.

Весьма интересна полемика В.С. Соловьева с Шопенгауэром по вопросу о психологической подоплеке золотого правила. Прав, конечно, В.С. Соловьев. Он очень точно схватил *основу* морального отношения человека к человеку: не отождествление, а *уподобление* и *приравнивание*, что как раз и утверждает золотое правило.

В.С. Соловьев вслед за Шопенгауэром убедительно показал на примере чувства сострадания значение эмоций, психики как индивидуально-интимной основы золотого правила. Если люди руководствуются

¹ Соловьев В.С. Соч. Т. 1, М., 1990.

данным правилом безотчетно, то это в значительной мере благодаря чувствам совести и сострадания. *Совесть* отвечает преимущественно за реализацию отрицательной составляющей золотого правила. *Сострадание* — положительной составляющей. Совесть говорит: не делай другим того, чего не желаешь себе, т. е. не делай зла. Сострадание велит оказывать помощь страждущим, поступать с ними так, как хочешь, чтобы поступали с тобой в аналогичной ситуации.

Интимно-психологические "механизмы", реализующие золотое правило, указывают на то, что оно отнюдь не является абстрактной бездушной формальной нормой, что оно глубоко индивидуализировано, психологично, имеет не только "*антенну*" в виде традиции, *общепринятого* правила поведения, но и "*заземлено*", уходит корнями в самые глубины человеческого естества.

(Большей частью золотое правило поведения действует полубессознательно. Напрямую люди не вспоминают о нем и не озвучивают, но действуют, как правило, в соответствии с ним. Вот пример. Очень часто дети, молодые люди, да и взрослые говорят друг другу: а тебе приятно будет, если я тебе сделаю (скажу) так же (то же)? Такой вопрос — всего навсего иная формулировка золотого правила ("не делай другому того, чего не хочешь, чтобы делали тебе").)

Два замечания.

Первое. В.С. Соловьев, как и А. Шопенгауэр, слишком "увлекся" страдательной стороной золотого правила. Последнее опирается не только на чувства жалости, сострадания, но и на чувства любви, наслаждения и просто на любопытство, на интерес (одного человека к другому).

Второе. В.С. Соловьев называет золотое правило правилом или принципом *альтруизма* и это, как мне представляется, не совсем верно. Слово "альтруизм" происходит от *alter*, *другой* и в обозначаемом им принципе акцент, естественно, сделан на *другом*, *других*. Альтруизм — это самопожертвование, самоотверженность. В золотом же правиле акцент делается

на его, на данном человеке. Ведь от него, как от печки, "танцует" золотое правило¹. Последнее "не отворачивается" от **я** в сторону *другого*, а "пытается" согласовать позиции **я** и *другого*, найти общий знаменатель, общую меру между ними. Золотое правило потому и является мерой, нормой, что оно устанавливает определенный баланс интересов.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО — ГЛАВНЫЙ ПРИНЦИП ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ОБЩЕЖИТИЯ

Итак, подведу итоги. В положительной форме правило гласит:

поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой.

В отрицательной:

не делай другим того, чего не хотел бы, чтобы делали тебе.

Золотое правило дает целостное и концентрированное представление о нравственности, схватывает главное в ней: *отношение к другому как к самому себе*². Оно устанавливает, фиксирует, определяет меру человеческого в человеке, морально *уравнивает* людей и *уподобляет* их друг другу. По мнению А.А. Гусейнова, когда мы говорим о моральном равенстве, речь идет только об одном — о том, что каждый человеческий индивид достоин иметь право на счастье и что "взаимное признание этого права является условием морального общения". Золотое правило требует "от индивида ставить себя каждый раз на место другого и вести себя по отношению к другим так, как если бы на их месте был он сам". "Механизм золотого правила можно определить как уподобление, как требование мысленно, в воображении ставить себя на место

¹ См. о любви к себе ниже, стр.

² "Если область нравственности обусловлена взаимоотношениями интересов личностей вообще, то собственно нравственным является такое взаимоотношение, когда человек относится к другому как к самому себе" — Бандзеладзе Г. Опыт изложения системы марксистской этики. Тбилиси, 1963. С. 29.

другого"¹.

Моральное уравнивание — *количественная* процедура, моральное уподобление — *качественная* процедура. Вместе мы имеем *мерный* процесс: золотое правило предлагает человеку *соизмерять* свои поступки с поступками других, мерить своей меркой поступки других и, наоборот, мерить чужой меркой свои поступки; одним словом, оно предлагает находить *общую меру* своих и чужих поступков и действовать в соответствии с этой общей мерой.

В своей отрицательной форме золотое правило устанавливает *минимально низкую* планку или границу морального отношения человека к другим людям, *запрещает делать зло*, иными словами, устанавливает *минимум* нравственных требований к поведению человека.

В своей положительной форме оно устанавливает *максимально высокую* планку морального отношения человека к другим людям, *побуждает к добру*, добродеянию, иными словами, определяет *максимум* нравственных требований к поведению человека.

Таким образом, золотое правило охватывает весь диапазон нравственных поступков и служит основой для различения и определения моральных категорий *добра и зла*.²

Такую же функцию оно выполняет в отношении категории *долга*. Для этого взглянем на правило со другой стороны, а именно, как оно *соизмеряет* свои и чужие поступки. В *фундаменте* этого соизмерения, т. е. *изначально* лежит следующее. Люди, общество дали мне жизнь, сделали меня человеком (кормили, одевали, обували, воспитывали, дали образование и т. д.), т. е. они поступили со мной более или менее хорошо, так, как я *хотел бы*, чтобы со мной поступали

¹ Гусейнов А.А. Золотое правило нравственности. М., 1982. С. 134.

² “Я часто думал о том, что значит “быть добрым”. Мне кажется, добрый человек — это такой человек, который обладает воображением и понимает, каково другому, умеет почувствовать, что другой чувствует”. — Я. Корчак. Как любить детей, М., “Знание”, 1968.

другие. Соответственно я поступаю или *должен* поступать с ними (родителями, людьми, обществом), в частном случае, *должен* отплатить им тем же, т. е. своим поведением я *не должен* ухудшать-уменьшать качество-количество жизни (данной мне и другим), более того, насколько возможно *должен* заботиться об улучшении-увеличении качества-количества жизни (моей и других, общества в целом)¹. Это — общее понимание долга. Оно, естественно, разделяется на частные виды в зависимости от того, кого мы имеем в виду под "другими". Если "другие" — родители, то это долг перед родителями. Если "другие" — народ, нация, то это долг перед Родиной, если "другие" — все человечество, то это долг перед человечеством.

Долг есть *нормальное отклонение* от нормы-оптимума подобно *потребности*. Последняя — отклонение от нормы-оптимума применительно к жизни-здоровью отдельного человека. Долг — отклонение от нормы-оптимума применительно к жизни-здоровью общества. Выполнение долга конкретными людьми для здоровья общества имеет такое же значение, какое удовлетворение потребности имеет для здоровья отдельного человека. В юности человек накапливает долг, поскольку он еще только берет от других, но практически еще ничего не дает им. В зрелом возрасте человек и *отдает* долг, и *дает* "в долг".

Если *мораль (нравственность)* регулирует отношения людей, обеспечивает здоровье общества в рамках нормы-оптимума и ближайших отклонений от нее (сознание долга и выполнение его), то *право* регулирует отношения людей, обеспечивает здоровье общества в более широком смысле — недопущения, профилактики или лечения *патологических* отклонений от нормы-здоровья, именуемых правонарушениями и/или преступлениями. Чем для жизни-здоровья отдельного

¹ Хорошо сказал П.Л. Лавров: "Развитой человек по мере расширения своего развития должен оплатить и более значительную цену, израсходованную человечеством на это развитие". — Лавров П.Л. Социальная революция и задачи нравственности. (Избранные произведения в 2-х томах. Т. 1, М., 1965. С. 417.)

человека являются *болезни*, тем для жизни-здоровья общества являются *правонарушения* и *преступления*. Когда правонарушений и преступлений в обществе много, то это — больное общество в юридическом смысле. О здоровье общества в нравственном смысле говорить приходится еще меньше.

Золотое правило устанавливает связь-соответствие между жизнью-здоровьем отдельного человека и жизнью-здоровьем общества. Оно утверждает, что жизнь и здоровье общества базируются на жизни и здоровье людей, что *нравственность* не самоценна, а имеет корень в жизни-здоровье конкретного человека, является, так сказать, **естественным продолжением** этой жизни-здоровья. Нравственное здоровье, с одной стороны, является частью здоровья общества или отдельной совокупности людей (нации, коллектива и т. д.), а с другой, входит составной частью в индивидуальное здоровье человека. *Право* тоже не самоценно. Оно является *естественным продолжением* нравственности. Оно, в сущности, как и нравственность, основывается на золотом правиле. Вспомним, что писал Гоббс: "человек должен довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе" (см. текст выше). Примерно об этом же говорит давнее политико-юридическое правило: "Каждый обязан подчиняться лишь такому закону, на который он сам дал согласие"¹. Это правило, может быть, несколько категорично, но верно по существу, поскольку опирается на золотое правило. Или такое правило: "Не нарушая чужих прав, ты охраняешь собственные" (из фильма Жака Ив Кусто 1984 г.). Этому правилу следуют тысячи старателей на золотых приисках Амазонки. Там практически не знают воровства. Правило, если вдуматься, является частным выражением золотого правила в его отрицательной формулировке. Итак, в самом глубоком смысле **право — это взаимодопущение и взаимограничение свободы**. Из взаимодопущения свободы

¹ См.: Соловьев Э.Ю. Личность и право. — Вопросы философии. 1989, № 8. С. 82.

вытекают разнообразные *права человека*. Из взаимограничения свободы вытекают не менее разнообразные *обязанности человека*.

Золотое правило обладает еще тем свойством, что оно **САМОДОСТАТОЧНО, закольцовано, имеет основание в самом себе**. Оно, в частности, соединяет "хочу" и "надо", случайность "хочу" и необходимость "надо". Это соединение дает в итоге то, что мы называем *свободой*. Золотое правило — **формула свободы**. Соединяясь в золотом правиле, "хочу" и "надо" взаимно допускают и ограничивают друг друга, устанавливают меру, умеряют друг друга.

Соединяя "хочу" и "надо", золотое правило снимает также дилемму *этики счастья* и *этики долга*. Оно *требует* от человека только то, что он сам *хочет* по отношению к себе. Недаром правило называется *золотым*.

Своеобразным негативным слепком золотого правила является "правило", которое выражается в известных словах "око, за око; зуб за зуб", "мне отмщение и аз воздам", в пословицах типа "как аукнется, так и откликнется" и т. п. Смысл этого "правила" в том, что если тебе сделали плохо, то ты имеешь право или должен отплатить той же монетой. Данное "правило" внешне похоже на золотое правило, но по сути своей является его антиподом. Оно действует тогда, когда *не* действует (нарушается) золотое правило. Насколько разрушительно оно для человеческих отношений, можно видеть на примере *мести* (если ты мне сделал плохо, то и я тебе сделаю плохо). Особенно разрушительна *кровная* месть, приводившая порой к уничтожению целых родов.

Могут спросить: если золотое правило такое хорошее, то почему люди нарушают его, почему они делают зло, не выполняют долга? Ситуация здесь примерно такая же как в случае со здоровьем и болезнями. Последние отнюдь не обесценивают здоровье. Напротив, заболевший человек стремится опять стать здоровым. Так и с золотым правилом. Нарушения золотого правила не обесценивают его. В общем балансе чело-

веческих поступков поступки, основанные на золотом правиле, безусловно перевешивают поступки, нарушающие его. Иначе мы имели бы дело с больным, гибнущим обществом.

Царь Берендей в весенней сказке А.Н.Островского "Снегурочка" совершенно справедливо говорит:

Чем же свет стоит?

— Правдой и совестью только и держится.

ЗОЛОТОЕ ПРАВИЛО ДАЛЕКО НЕ ТАК ЭЛЕМЕНТАРНО-ОЧЕВИДНО

как это может показаться на первый взгляд. Для того, чтобы оно действовало, нужно выполнение, по крайней мере, двух условий:

1. Человек сам должен быть нормальным, здоровым или, если он нездоров и в чем-то аномален, то должен учитывать это нездоровье, аномальность при определении своего отношения к другому человеку (другим людям). Отношение к другому (другим) — это продолжение отношения к самому себе. Если курильщик, алкоголик, наркоман губит себя, губит свое здоровье, то ему противопоказано действовать в соответствии с золотым правилом (не вообще, конечно, а в определенном отношении: курения, приема алкоголя, наркотиков). Причем, если для алкоголиков и наркоманов такое противопоказание абсолютно, безусловно, то для курильщика есть возможность корректировки своего поведения в отношении других. Курильщик может сознавать вред курения и в соответствии с этим своим сознанием минимизировать наносимый им вред окружающим (например, стараться не курить в присутствии других — хотя в густонаселенном городе это практически невозможно).

2. Человек должен уметь мысленно ставить себя на место других и таким образом корректировать свое поведение. Это непростая процедура. Очень часто люди вредят другим не по злему умыслу, а из-за своего недомыслия, в частности, из-за неумения мысленно ставить себя на место других в конкретной ситуации. Например, курильщик, зная о том, что курить

вредно, всё-таки курит, не жалея не только себя, но и окружающих его людей. Почему так происходит? Потому что для курильщика удовольствие от курения перевешивает сознание вреда от этого курения. Куря в присутствии некурящих, он не думает (или гонит от себя мысль) о том, что некурящие отнюдь не испытывают удовольствия от его курения, а, напротив, страдают¹. Курящий не поставил себя на место других (некурящих). Иначе он испытывал бы вместо удовольствия одно страдание. Могут сказать, что данная ситуация с курильщиком говорит скорее не о его недомыслии, а о его черствости, бессовестности, его нежелании ставить себя на место другого. Безусловно, все эти внемыслительные моменты могут присутствовать. Но ведь для того и голова на плечах, чтобы продумать до конца последствия своей черствости-бессовестности. Если бы курильщик в полной мере обдумал, т. е. домыслил до конца свое поведение, то он увидел бы, что полученное им удовольствие от курения ни в какое сравнение не идет с тем вредом, который он наносит уже не своему здоровью, а себе как личности, как человеку. Допустим, он курит в присутствии некурящей возлюбленной, суженой. Этим он показывает свое пренебрежение к ней, несмотря на всю любовь, на желание жениться на ней. Обычно девушка-женщина хорошо чувствует такое пренебрежение и рано или поздно отказывает ему в своей благосклонности. Такая же ситуация возникает в случае, если курильщик позволяет себе курить в присутствии друга, близкого, нужного человека и т. п. Гораздо менее очевиден вред, который курящий человек наносит себе в случаях, когда он курит в общественном месте, в присутствии незнакомых людей. (Как часто автор этих строк, сам

¹ Вот свидетельство специалиста: "... если курильщик желает окружающим добра, то ему (ей) следует дымить в отдельном помещении. Как ни затягивайся, только 40% ядовитых веществ, выделяющихся из тлеющего табака в сигарете или папиросе, остаются в организме курильщика. Остальные представляют реальную угрозу невинным людям, к несчастью, оказавшимся поблизости" (Дм. Жарников, "Гудок" 31.5.2000.)

некурящий, чертыхался по поводу того, что впереди идущий по улице человек дымит сигаретой и не понимает, что он своим курением заставляет идущих за ним пассивно курить). В таких случаях курящий, как правило, не получает прямого отпора, т. е. непосредственный бумеранг тут не действует. Тем не менее он и здесь налицо. Когда человек пренебрегает интересами незнакомых ему людей, проявляет неуважение к ним, то он не вправе ожидать от них уважительного к себе отношения. Хамство курящего человека соединяется, как правило, с хамством сквернословящего, дурно пахнущего, плюющего и т. д., и т. п. Одно хамство попустительствует другому. Возникает порочный круг хамства. В итоге увеличивается сумма зла, сумма взаимной озлобленности людей. В этой атмосфере неуважения друг к другу и наш курящий вполне может оказаться жертвой вольного или невольного хамства со стороны незнакомых людей. Здесь получается опосредованный бумеранг. Вывод: если бы курящий человек хорошенько подумал о последствиях своего поведения, т. е. всякий раз ставил бы себя на место других, некурящих людей, то он, безусловно, отказался бы от курения. Курящие люди, живущие в современном городе, так или иначе нарушают золотое правило. А это значит, что они поступают не нравственно, не порядочно. Не случайно во всем цивилизованном мире усиливается кампания за отказ от курения. Золотое правило не может нарушаться длительное время. Люди это чувствуют и стараются решить проблему.

Золотое правило и убийство. Хотелось бы особо отметить: золотое правило запрещает убийство *в любой форме*. В самом деле, любой нормальный человек не хочет смерти, а тем более того, чтобы кто-то его убил. Если ты не желаешь, чтобы тебя убили, то, значит, ты не можешь желать или делать это по отношению к другим. Таким образом, и убийство по злому умыслу, и убийство по неосторожности, халатности, и убийство на войне, и смертная казнь по приговору — всё это противоречит золотому правилу. (Подробнее об убийстве и убийцах см. ниже ПРИЛОЖЕНИЕ.)

Как видим, при всей внешней мягкости золотое правило поведения весьма и весьма сурово по сути. В некоторых важных вопросах человеческого общежития его требования остаются пока нереализованными, что свидетельствует о том, что оно обладает значительным потенциалом, в частности, указывает на необходимость совершенствования межчеловеческих отношений, морали, права.

6. ДОБРО И ЗЛО

*В своей отрицательной форме золотое правило устанавливает минимально низкую планку или границу морального отношения человека к другим людям, **запрещает делать зло.***

*В своей положительной форме оно устанавливает максимально высокую планку морального отношения человека к другим людям, **побуждает к добру, добродетели.***

*Таким образом, золотое правило охватывает весь диапазон нравственных поступков и служит основой **для различения и определения моральных категорий добра и зла.***

ОТЛИЧИЕ МОРАЛЬНЫХ ПОНЯТИЙ ДОБРА И ЗЛА ОТ ОБЩИХ ПОНЯТИЙ БЛАГА И ЗЛА

Благо и зло — наиболее общие понятия, употребляемые для обозначения положительной или отрицательной ценности предметов и явлений окружающего мира. Благо — положительно оцененное явление, положительная ценность (то, что приносит людям пользу). Зло — отрицательно оцененное явление, отрицательная ценность (то, что приносит вред людям).

Человек взаимодействует с другими людьми и с природой, поэтому положительную или отрицательную значимость имеют для него не только действия людей, но и природные явления, вещи (в т. ч. элементы второй природы, созданной трудом человека). Бывает так, что одни и те же природные явления в одних случаях — благо для людей, а в других случаях — зло. Например, дождь: в пору восхождения семян благо, а во время уборки урожая — зло.

Насколько абсолютно/относительно различие между благом и злом? Может ли благо быть злом, а зло благом? Одно и то же явление-действие может быть в одном отношении благом, а в другом — злом. Однако, если мы оценили что-то как благо, то в качестве блага это что-то не может быть злом, и наоборот, если мы оценили что-то как зло, то в качестве такового это что-то не может быть благом. В этом смысле различие между благом и злом абсолютно. Благом является всё, что «служит сохранению и развитию жизни»¹. Злом — всё, что разрушает жизнь и препятствует ее развитию. (Под жизнью здесь имеется в виду прежде всего жизнь человека и человечества, и, далее, жизнь как таковая, в частности, жизнь на Земле.)

Моральные добро и зло — это благо и зло в отношениях между людьми; это действия одних людей, имеющие положительную или отрицательную значимость для других. Если субъектом-носителем природного блага или зла является то или иное природное явление, то субъектом-носителем морального добра или зла всегда является человек как обладающее разумом, сознательно действующее, выбирающее существо.

Отношение человека к природе, к тем или иным природным явлениям может быть оценено как нравственное или безнравственное в том случае, если это отношение косвенным образом затрагивает интересы других людей, общества в целом.

ЧТО ТАКОЕ ДОБРО?

Общее определение морального понятия добра складывается из “внешнего” и “внутреннего”.

“Внешнее” определение морального добра отвечает на вопрос: какова функция (или назначение) добра в жизни людей? Для чего нужно людям делать добро друг другу?

¹ Так характеризовал добро А. Швейцер. См.: А.Швейцер. Культура и этика. М., 1973.

“Внутреннее” определение отвечает на вопрос: что такое добро и какое деяние человека следует считать добродеем?

“Внешнее” определение: *добро есть такая форма отношения между людьми, которая осуществляет нравственную связь, духовное единение между ними.*

Зло, будучи антидоброем, препятствует возникновению духовной связи или разрывает уже существующую.

Такие виды нравственной связи, как дружба, товарищество, братство были бы невозможны, если бы люди не делали друг другу добро.

“Внутреннее” определение: *добро — сознательная установка на служение жизни и само это служение жизни, понимаемой не только как личная жизнь, но и жизнь других, жизнь человечества и жизнь вообще. Конкретно добро выступает в виде бескорыстного благодеяния, за которое человек не ожидает вознаграждения.*

Это определение добра вытекает из положительной формулировки золотого правила поведения. В самом деле, пожелание *поступать так, как ты хотел бы, чтобы поступали с тобой*, относится исключительно к тем случаям, когда возникают условия-предпосылки для бескорыстного благодеяния. Все остальные формы благодеяния не требуют соблюдения этого правила.

Зло в моральном смысле — это неспровоцированное нанесение вреда, ущерба кому-либо вплоть до убийства.

Характеристика добра состоит из двух частей: 1) бескорыстное и 2) благодеяние.

Смысл первой части ясен. Попробуем объяснить, что такое благодеяние. В самом общем виде благодеяние — любая деятельность, направленная на достижение блага. Это может быть и отдельный поступок, и ряд поступков, и сложная форма деятельности, такая например, как творчество. Благодеяние может быть **чисто бескорыстным**, например, бескорыстная помощь кому-чему-либо. Оно может быть и **частично бескорыстным**, например, творческий труд, за кото-

рый человек ожидает получить некоторое вознаграждение.

Одной из форм благодеяния является помощь. Она весьма многообразна. В словарях русского языка значение слова “помощь” раскрывается различными поясняющими словами:

1. Содействие в чем-либо, в какой-либо деятельности.

2. Поддержка в чем-либо.

3. Защита, выручка, спасение.

Из этих пояснений видно, что помощь имеет различную степень значимости для тех, кому она предназначена.

Наиболее значимой является **помощь-спасение**. Такая помощь предотвращает трагический исход. Как правило, она совершенно необходима спасаемому и без нее он не смог бы предотвратить трагический исход. Элементарный пример помощи-спасения: помощь утопающему.

(О спасении и спасителях см. ниже, стр. [“Гуманизм — философия человечности, тезис 27]).

ДОБРО И ЗЛО В АСПЕКТЕ СООТНОШЕНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ И ВОЗМОЖНОСТИ

Весьма опасно порой рассматривать конкретные проблемы лишь в аспекте действительности, существования, сосуществования. В качестве примера можно привести то, как трактуют некоторые моралисты и ученые извечную проблему *добра* и *зла*. Утверждая неустранимость морального зла из жизни людей, общества, они аргументируют, как правило, по схеме: “добро существует лишь постольку, поскольку существует и зло”.

Приведу несколько характерных высказываний:

Августин Блаженный: “Из совокупности добра и зла состоит удивительная красота вселенной. Даже и то, что называется скверным, находится в известном порядке, стоит на своем месте и помогает лучше выделяться добру.

Добро больше нравится и представляется более похвальным, если его можно сравнить со злом"¹.

Я. Беме: "Зло — необходимый момент в жизни и необходимо необходимый... Без зла все было бы так бесцветно, как бесцветен был бы человек, лишенный страстей; страсть, становясь самобытной, — зло, но она же — источник энергии, огненный двигатель... доброта, не имеющая в себе зла, эгоистического начала, — пустая, сонная доброта. Зло враг самого себя, начало беспокойства, непрерывно стремящееся к успокоению, т. е. к снятию самого себя"².

Мандевиль: "...то, что мы называем в этом мире злом, как моральным, так и физическим, является тем великим принципом, который делает нас социальными существами, является прочной основой, животворящей силой и опорой всех профессий и занятий без исключения; здесь должны мы искать истинный источник всех искусств и наук; и в тот самый момент, когда зло перестало бы существовать, общество должно было бы прийти в упадок, если не разрушиться совсем"³.

Гете: "все, что мы зовем злом, есть лишь обратная сторона добра, которая также необходима для его существования, как и то, что *Zona torrida* должна пылать, а Лапландия покрываться льдами, дабы существовал умеренный климат"⁴.

О.Г. Дробницкий: "все то, что представляется нам безусловным благом, оказывается имеет смысл лишь постольку, поскольку существует еще и зло"⁵.

Ю.М. Лотман: «Добро без зла не существует. Если мы полностью уничтожим зло, то уничтожим и добро⁶».

¹ См.: Я. Шпренгер и Г. Инститорис. Молот ведьм. М., 1932. С. 146. Это мнение Августина сыграло свою зловещую роль. Оно эхом разнеслось по истории вплоть до нашего времени. Профессор теологии говорит в романе Томаса Манна "Доктор Фаустус": "Но чем стало бы добро без зла? Оно потеряло бы критерий для сравнения своего качества. Зло становится еще злее, если есть добро, а добро еще добрее, если есть зло. Вот почему Августин говорит, что функция зла заключена в том, чтобы сильнее оттенить добро. Святость, господства, не мыслима без искушения." Сентенция профессора запала в душу молодого Адриана Леверкюна и послужила для него своеобразной индульгенцией.

² См.: Герцен А.И. Собр.соч. в 30 т.т. Т. III. С. 240.

³ Мандевиль. Басня о пчелах. М., 1974. С. 329.

⁴ Гете. Ко дню Шекспира.

⁵ О.Г. Дробницкий. Мир оживших предметов. М., 1966. С. 38.

⁶ Лотман Ю.М. Беседы о русской культуре.

Е. Ясин: «Если Вы убиваете зло, то Вы одновременно убиваете добро»¹.

Что и говорить, позиция этих авторов кажется убедительной и даже неоспоримой. Они, действительно, по своему правы. В самом деле, добро и зло могут выступать как полюсы моральной действительности. Однако, можно ли на этом основании считать, что добро имеет смысл лишь постольку, поскольку существует еще и зло (см. высказывание О.Г. Дробницкого)?! Нет, нет и еще раз нет! Да, добро и зло соотносительные категории. Но соотносительность их можно понимать по-разному, как соотносительность действительно, в равной мере существующих полярных начал подобно соотносительности северного и южного полюсов, и как соотносительность действительного и возможного подобно соотносительности здоровья и болезни (человек может быть действительно здоровым и лишь потенциально больным, и наоборот, если он действительно болен, то лишь потенциально здоров). Бывают, конечно, эпохи, периоды в истории и просто ситуации, когда добро и зло в равной мере существуют и противоборствуют, когда трудно оценить, что сильнее: добро или зло. В таких случаях можно говорить об этих категориях как полярных началах моральной действительности. Но можно ли на этом основании утверждать, что существование зла всегда, во всех случаях необходимо для существования добра, что добро только тогда является положительной моральной ценно-

¹ Вот рассуждение Е. Ясина полностью: «После 68 года я уже был экономистом... Я работал в Центральном экономико-математическом институте и мы пришли к выводу... там как бы стало ясно: та экономическая система которая была создана Сталиным, в Советском Союзе, нежизнеспособна и что она рано или поздно придет к кризису и что возвращение к рыночной экономике неизбежно. Коммунизм — это было такое направление мысли, которое хотело уничтожить зло, чтобы осталось только одно добро, чтобы была только справедливость. Но если читать внимательно Достоевского, то Вы поймете, что это невозможно, что если Вы убиваете зло, то Вы одновременно убиваете и добро И вот это мы видели на экономической теории... Это стало понятным, я стал либералом.» (телеканал «Культура», программа «Тем временем», 28.02.06)

стью, т. е. добром, когда оно противостоит реально существующему злу. Безусловно, зло может оттенять добро и "способствовать" его возвеличиванию, но отсутствие или исчезновение зла из реальных отношений между людьми отнюдь не влечет за собой исчезновение добра, нравственности. Подобно тому, как люди предупреждают наступление болезни, голода, принимая различные меры, они научатся и будут предупреждать появление зла, не позволяя ему перейти из сферы возможности в сферу действительности. Следует иметь в виду, что добро является отрицанием зла не только в том смысле, что оно преодолевает существующее зло или противоборствует ему, но и в том смысле, что оно может выступать как профилактическая мера, как **предупреждение возможного зла**.

А. Ф. Шишкин справедливо пишет: "положение, что человеческая природа содержит некое врожденное зло, можно — в различных формах и для различных выводов — найти и в Библии, и в политических теориях Макиавелли и Гоббса, и в философских теориях Шопенгауэра и Ницше, не говоря уже о многочисленных современных философских, социологических и этических теориях. Если бы это положение было верным, тогда пришлось бы отказаться от задачи воспитания человека и воздействовать на него только средствами принуждения"¹.

Все утверждающие, что добро без зла не существует, уподобляются Воланду, герою романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита». По Булгакову Воланд — дьявол в человеческом обличье. Не случайно именно в его уста писатель вложил эти сакраментальные слова: «Что бы делало ваше добро, если бы не было зла?...». В сущности, все те, кто думает подобным образом — дьяволы-черты в человеческом обличье, сатанисты или, мягко говоря, циничные и не вполне умные люди.

Бетховен создал свои гениальные симфонии. Этим он оказал великую услугу человечеству. Разве это его добродейство имеет смысл лишь потому, что существу-

¹ См.: Вопросы философии, 1965, № 1. С. 11.

ет еще и зло? Какая нелепость! Добро имеет самостоятельную ценность и не нуждается в том, чтобы зло его оттеняло и возвеличивало. Мы вдохновляемся музыкой Бетховена независимо от того, существует зло или нет. Она зовет нас на борьбу, но это не обязательно должна быть борьба с моральным злом. Есть много на свете проблем и дел, где нужна человеческая энергия, страсть, воля к победе и где моральное зло только мешает.

Нацисты во время второй мировой войны в одном только лагере смерти — Освенциме — уничтожили полтора миллиона человек. Разве мы можем хоть в какой-то мере оправдывать это преступление против человечества ссылками на то, что злодеяния необходимы для придания смысла добру, для его оттенения и возвеличивания?!

Итак, ясно, что добро и зло нельзя рассматривать только в плане *сосуществования*; их следует рассматривать в более широком плане, а именно, в плане *возможности и действительности*, действительного и возможного существования. Они могут сосуществовать и противоборствовать как полюсы моральной действительности, а могут соотноситься как действительное и возможное (в частном случае, как норма и патология). Ф. М. Достоевский, всегда очень чуткий к моральным проблемам, отказывался верить в то, что зло нельзя победить. "Люди, — писал он, — могут быть прекрасны и счастливы, не потеряв способности жить на земле. Я не хочу и не могу верить, чтобы зло было нормальным состоянием людей".

Итак, на примере добра и зла мы видим, как важно в методологическом плане не абсолютизировать категорию действительности. Такая абсолютизация может наделать много бед, либо ориентировать людей на пассивность, либо, еще того хуже, толкать их на совершение морального зла.

ЧЕЛОВЕК ПО СВОЕЙ ПРИРОДЕ ДОБР. ДОБРО И ЗЛО ОТНОСЯТСЯ ДРУГ К ДРУГУ КАК НОРМА И ПАТОЛОГИЯ

Чем человек умнее и добрее,
тем больше он замечает добра в
людях.

Б. Паскаль

Существуют разные мнения относительно того, добр или зол человек по своей природе. Одни считают, что человек по природе добр, другие, что он зол, третьи — что он не добр и не зол.

Ф. Ницше, например, характеризовал человека как злое животное¹.

А Руссо в “Рассуждении о неравенстве” [1754] утверждал, что “человек по натуре своей добр и только общество делает его плохим” — антитеза доктрине первородного греха и спасения в церкви.

Своеобразную по позицию в этом вопросе занимал И. Кант. Вот что пишет А. Гулыга: “Кант начинает с размышлений о нравственной природе человека. Одни мудрецы убеждены, что человек безнадежно погряз во зле. Иные видят его по природе добрым, а злым лишь под влиянием обстоятельств. И те и другие — ригористы, категоричные в своих суждениях. Им противостоят индифферентисты, которые полагают, что человек по своей природе нейтрален — ни добр, ни зол, — и синкретисты, считающие его одновременно и добрым и злым. Кант в делах морали ригорист, но одновременно он... диалектик. Он и здесь пытается совместить, более того — столкнуть противоположности.

Человек, утверждает Кант, по природе зол. В нем заключена неизбывная склонность творить зло, которая выглядит как приобретенная, будучи, однако, изначально ему присущей. Вместе с тем человек обладает первоначальными задатками добра. Моральное воспитание в том и состоит, чтобы восстановить в правах

¹ См.: Ф.Ницше. Соч. в 2-х т.т. Т. 2, М., 1990. С. 421 (К генеалогии морали).

добрые задатки, чтобы они одержали победу в борьбе с человеческой склонностью к злу."¹

Еще одно распространенное мнение, повторенное совсем недавно в Вестнике Российского философского общества: "Человек по своей природе не добр и не зол"².

С моей точки зрения, *человек по своей природе — т. е. изначально, сущностно — добр. Злой человек — это аномалия, исключение из правила, нравственно больной человек*. Добро и зло относятся друг к другу как норма и патология, здоровье и болезнь. Добрый человек — нравственно здоровый. Злой человек — нравственно больной, нравственный урод, инвалид.

В правовой практике есть принцип, который опирается на указанное представление — это презумпция невиновности. Согласно презумпции человек считается невиновным до тех пор, пока его вина не доказана в законном порядке. Иными словами, согласно презумпции все граждане изначально, по определению считаются *добропорядочными*, т. е. соблюдающими определенный (добрый) порядок жизни и вследствие этого не нарушающими права, законов. Человек может быть признан виновным лишь по решению суда. Если бы человек по своей природе был зол или не зол и не добр, то презумпция невиновности не имела бы никакого морального оправдания.

Еще одно косвенное подтверждение того, что человек по своей природе добр, — это понятие и стоящее за ним явление «*добросовестность*». Никто не станет отрицать, что добросовестность — необходимое условие всякой профессиональной-творческой деятельности и вообще всякой жизнедеятельности, связанной с выполнением обязанностей-обязательств. Всё, что создано людьми на Земле, и они сами — результат их добросовестности. Теперь зададимся вопросом: добро в составе добросовестности — это просто для красного словца или нечто существенное для

¹ А.Гулыга. Кант. М., 1977. С. 208.

² Е.Лаврухина. — Вестник РФО, 1999, № 4. С. 94.

понятия и явления «добросовестность»? Ответ однозначен: без внутренней направленности на добро, на благо не может быть совестности, честности, честного выполнения обязанностей и обязательств. Люди добросовестны не из за страха наказания-осуждения, а из за внутреннего сознания-понимания того, что от их деятельности зависит жизнь и судьба других людей, общества в целом. Конечно, в сознании необходимости выполнять обязательства-обязанности могут присутствовать и скорее всего присутствуют другие моменты-мотивы: желание заработать, получить моральное-материальное вознаграждение или боязнь наказания-осуждения. Это, однако, не отменяет того, что люди учатся, работают, растят детей потому, что они более или менее добросовестны. Представим себе на минуту недобросовестного учащегося-студента, недобросовестного работника, недобросовестного родителя: мы увидим плохо выучившегося человека, халтурную работу, несчастных детей. Часто ли мы наблюдаем таких недобросовестных людей? Нет, конечно. Представьте себе, например, плохо выучившегося водителя автомобиля, машиниста поезда, капитана корабля, летчика. Жизнь была бы просто невозможна, если хотя бы люди таких профессий были плохими специалистами. Вывод: большинство людей добросовестны, а следовательно добры по своей сущности.

Можно и по-другому рассуждать. Добро — это бескорыстная помощь. Имеет ли место бескорыстие в добросовестной деятельности? Я убежден: элементы бескорыстия всегда присутствуют в такой деятельности. Подавляющее большинство людей работают, выполняют свои обязанности-обязательства не за страх, а за совесть. Они вкладывают в дело частичку своей души, своего сердца и это вкладывание ничем нельзя измерить и, соответственно, нельзя компенсировать никаким вознаграждением, ни материальным, ни моральным. Особенно это относится к творческим людям. Разве можно измерить то добро, которое делают ученые, изобретатели, инженеры, менеджеры, художники? Создатель современной автомобильной про-

мышленности Генри Форд стал миллиардером благодаря своей деятельности изобретателя и менеджера. Но разве можно измерить долларами сделанное им? Нет, конечно. Он принес человечеству неисчислимые блага. Благодаря ему и таким как он растет благосостояние человечества, оно поднимается выше духовно и материально, становится более свободным. Тот же автомобиль совершенно изменил ситуацию со свободой передвижения, поднял ее на качественно более высокую ступень. А что такое свобода передвижения — все знают. Это одно из величайших благ.

Некоторые судят о доброте капиталистов по их благотворительной деятельности. Чушь! Настоящая доброта капиталистов — в их основной деятельности, хозяйственной, коммерческой, управленческой. Я привел пример с Генри Фордом. Таких как Форд — тысячи и тысячи.

То же я мог бы сказать о родителях, о матерях и отцах. Они по определению добрые люди. Во всяком случае — подавляющее большинство их. Когда они заботятся о детях, то не потому только, что любят их. Любовь к детям и испытываемые в связи с ней положительные эмоции отнюдь не покрывают, не компенсируют всех родительских трудов. Да и надежды родителей на помощь детей в старости никак нельзя рассматривать как расчет по принципу «ты мне — я тебе» («ты мне в будущем — я тебе в настоящем»). Ведь надежда лишь указывает на возможность компенсации родительских трудов в будущем. Она не может служить реальным эквивалентом этой компенсации.

И со стороны мотивов родители вполне сознательно ведут себя как моральные, добрые существа. Утверждать, что они действуют исключительно в соответствии со своим родительским инстинктом, по животному, автоматически — это значит утверждать, что как *родители* они абсолютно инстинктивные существа, животные, автоматы, роботы. Конечно, это не так.

Иным трудно представить себе обычных, нормальных людей добрыми. У них — **идеализированное** представление о добре, доброте как о весьма редких

поступках, качествах, связанных исключительно с актами самопожертвования, с героическим поведением, с подвигом. Глубокое заблуждение — так представлять добро, доброту.

Я вполне согласен с поэтом К. Н. Батюшковым, который в статье “О лучших свойствах сердца” убежденно говорил о том, что естественным для человека является добро, зло же — “насильственное состояние”.

Нравственность родилась вместе с человеком, неотделима от него. А она не может быть без доброты, без добрых поступков. Утверждать, что человек по своей природе не добр (и не зол) — все равно, что утверждать, что человек по своей природе не нравственен, не является нравственным существом.

Наличие зла и злых людей в мире вовсе не подрывает основы человеческого добронравия. Если люди болеют, то это не значит, что они не здоровы по своей природе.

Кстати, нравственность человека появилась не на пустом месте. Она, безусловно, имеет биологические корни. Американский биолог Э. Уотсон считает, что поведение всех живых существ от бактерии до человека основывается на одних и тех же принципах, что в жизни человека и животных множество схожих ритуалов, этических норм... В самом деле, у высших животных есть то, что можно было бы назвать пранравственностью. Ведь что такое нравственность по жизни? Это порядок в межчеловеческих отношениях, выражающийся, в частности, в правилах человеческого общежития, поведения человека в обществе. Подобный порядок жизни есть и у животных.

Попробуем порассуждать на тему: что может следовать из каждого тезиса («человек по своей природе добр, зол или не добр и не зол»)?

1. Если мы придерживаемся мнения, что *человек по своей природе зол*, то из этого могут следовать два варианта поведения, соответственные преступному и несчастному сознанию. Если я считаю, что человек по своей природе зол, то, следовательно, меня окружают в основном, в большинстве своем злые люди, т. е. лю-

ди, от которых следует ждать всяких неприятностей. Как я должен к ним относиться? Настороженно-бдительно, всё время ожидая от них какой-нибудь гадости, подлости. Налицо конфликтное сознание и конфликтное поведение. В этом случае вырабатывается преувеличенная реакция отстранения/отторжения/агрессии на поведение людей (как в случае аллергии, т. е. чрезмерной реакции иммунной системы на тот или иной внешний или внутренний раздражитель). Такую реакцию часто можно наблюдать в современных фильмах — прежде всего, триллерах, боевиках и т. п.

Если ты относишь себя к злему большинству, то у тебя вырабатывается аморальное сознание вплоть до агрессивного и преступного.

Если ты относишь себя к незлему (доброму) меньшинству, то у тебя вырабатывается сознание жертвы, несчастное сознание. Здесь могут быть разные варианты поведения: изоляционистское (человек бежит от людей, общества, на природу, в пустынь, в леса, в монастырь, в книги, в свой узкий семейный мир и т. п.), ноюще-раздражительное, вечно брюзжащее-недовольное жизнью, людьми, порядками в обществе и т. д., и т. п.

В том и другом случае человек настроен на волну конфликта, конфронтации, изоляционизма, постоянного недовольства или агрессии. У такого человека нет в душе гармонии или она искусственная, страусиная, вызванная уходом-бегством от людей, общества (как у страуса: прятанием головы в песок).

Известный артист Донатас Банионис на вопрос «что же такой человек — порождение добра или зла?» ответил:

— «Живые живут только потому, что пожирают друг друга. Это парадокс. И только потому возможна наша жизнь. Человек тоже пожирает другого человека. Зачем так сделано? Загадка! Но это закон эволюции». (Журнал «Огонек», 43/2003. С. 44).

Что на это можно возразить? Жалко Баниониса. Нет у него гармонии в душе. Иначе он подумал бы о такой простой вещи: если бы взаимное пожирание было основным отношением между людьми, то они давно сгинули бы с ли-

ца Земли. Он не подумал также о таком фундаментальном явлении, как воспроизводство жизни из нее самой, порождение одних людей другими. Одни люди появляются на свет благодаря другим людям (родителям, воспитателям, педагогам). Где же тут пожирание одних другими?!

«Мир жалок лишь для жалкого человека, мир пуст лишь для пустого человека» — говорил Л. Фейербах. ***Всякий человек должен иметь в виду: как он представляет мир, таков и он сам. Если он представляет мир полным зла, то он либо сам таков, либо близок к такому состоянию, либо пребывает в состоянии постоянной душевной дисгармонии (тревоги, беспокойства, недовольства)***¹.

2. Если мы придерживаемся мнения, что человек по природе своей не добр, не зол, то рано или поздно вырабатывается «скользящий» подход к людям, обществу: вроде бы с ними надо общаться, дружить, сотрудничать, иметь дела, но при этом «держат ухо востро», быть бдительным и т. д., и т. п. (по поговорке «доверяй, но проверяй»).

Из указанного подхода следует такое статистическое рассуждение: если ты считаешь, что человек по своей природе не добр и не зол, то, следовательно, встречающиеся на твоём пути люди равновероятно могут быть добрыми или злыми, т. е. баш на баш, половина на половину. Как ты должен относиться к лю-

¹ Всегда находились люди, которые таким образом представляли мир. Ещё древнеримский писатель Гай Петроний вывел в своём романе «Сатирикон» подобных им «героев»: «Мир они заранее принимают, как никуда не годный. Пессимизм насквозь проникает мировоззрение Энколпия. Когда ему везет, он говорит, что Судьба, это исчадие Ада, от него отвернулась. Фортуна играет нами как хочет; человек — ничтожен; дружба — лишь иллюзия; справедливости на земле не существует; все судьи — мздоимцы и лицемеры; нравственный человек есть аномалия и все его ненавидят; искусство — в презрении; все на свете — продажно. Возмущаться тут, стало быть, незачем, а надо стараться утраиваться, как можно лучше». — Так характеризует действующих лиц «Сатирикона» Б. Н. Ярхо, редактор перевода романа Петрония «Сатирикон» на русский язык (издание 1924 г.).

дям, если ты считаешь, что, как минимум, от половины из них можно ожидать чего-то дурного? Больше недоверчиво, чем доверчиво; больше подозрительно, чем благодушно.

«Скользкое» поведение характерно своей неустойчивостью, непредсказуемостью, чревато срывами в сторону добра или зла, любви или агрессии. С человеком, обладающим «скользким» сознанием, трудно общаться, иметь дело. Сегодня он добрый, настроен благодушно, а завтра зол, недоверчив-подозрителен, агрессивен. Иными словами, такой человек постоянно балансирует на грани несчастного или аморального-преступного сознания. Он фактически лишен нравственного стержня, нравственных убеждений. А без убеждений человек подобен флюгеру: куда ветер подует туда и он.

3. Если мы будем придерживаться мнения, что *человек по своей природе добр*, то, соответственно, будем считать, что большинство людей — нормальные, добрые, порядочные и будем настроены на волну общения, сотрудничества, любви и приязни. Соответственно, будем относиться к людям (изначально, по определению) по-доброму, благожелательно и добро-сердечно. С таким отношением к людям в душе укрепляется-усиливается гармония, процветает гармоническое ощущение жизни, вырабатывается гуманистическое убеждение, которое можно выразить афоризмом: будем лучше думать о людях и они на самом деле станут лучше.

Когда ты встречаешь человека где-нибудь на улице, в незнакомом месте, общаешься с ним в связи с тем или иным делом, то заранее настроен на то, что перед тобой нормальный, порядочный, добрый человек, такой же как ты. В итоге создается непринужденная атмосфера доверия, взаимопонимания, согласия. Конечно, при таком подходе есть вероятность, что ты можешь нарваться на злого, дурного человека и обмануться в своей доверии, добром благорасположении. Но это лучше, чем если ты заранее будешь предполагать в партнере по общению злого-дурного человека и относиться к нему настороженно-подозрительно. По-

тому что наша жизнь протекает и дела делаются, как правило, в контакте-сотрудничестве с другими людьми и вечное недоверие-подозрительность только мешают нормальной жизни и делам. Вот почему в человеческом общении лучше ошибиться в сторону доверия, чем недоверия.

Когда ты убежден, что человек по своей природе добр, то и себя однозначно оцениваешь как доброго человека, т. е. относишь себя к доброму большинству человечества. Отсюда и стиль поведения: постоянная готовность делать добро, оказывать помощь людям, открытый и доброжелательный характер, искренность и честность, деликатность и такт.

Я не могу согласиться с Л. Толстым, который считал, что человек не должен считать себя хорошим, если он хочет быть лучше¹. Считать себя хорошим — это значит жить в согласии-гармонии с самим собой, в ладу со своей совестью, жить гармоничной жизнью. А если считаешь себя плохим, то это уже дисгармония, душевный разлад, раздвоенность сознания.

Считать себя хорошим и стремиться быть лучше — одно не исключает другое, как не исключают друг друга хорошая и отличная оценки в учебе. Ты хорошо учишься, но это не значит, что ты не можешь учиться еще лучше. На этот счет есть мудрая поговорка «лучшее — враг хорошего».

Когда пытаются *доказать необходимость морального зла*, то нередко рассуждают о том, что это зло отменяет добро, что добро без зла как свет без тьмы — уже и не добро. Эти рассуждения фальшивы насквозь. Моральное добро имеет ценность само по себе и вовсе не нуждается в оттенении злом. Людям нет необходимости творить зло, делать зло друг другу, чтобы жить интересной, яркой, нескучной жизнью. На свете много интересных и полезных дел, которые требуют сов-

¹ «Главное дело жизни всякого человека, это то, чтобы становиться добрее и лучше. А как же можно становиться лучше, когда считаешь себя хорошим.» — Л.Н. Толстой. Смирение. М., 1911.

местных усилий, дерзания, проявления творческой индивидуальности и которым, напротив, мешает злоумыслие отдельных людей.

Сопоставление добра и зла как света и тьмы или порядка и хаоса — ложное сопоставление. Здесь есть определенное лукавство. Это тот случай, когда сравнение хромает. Да, благодаря взаимодействию света и тьмы (света и тени, черного и белого) мы можем видеть. В чистом свете и в чистой тьме ничего нельзя увидеть. То же с порядком и хаосом. Мы живем в мире, в котором порядок и хаос, упорядоченность и неупорядоченность находятся в сложном переплетении. Чистый порядок — порядок твердого тела — неживой, мертвый. И чистый хаос, беспорядок — как инертный газ — безжизнен, мертв. Если же говорить о добре и зле, то трудно представить доброго человека, который для того, чтобы быть полноценным человеком, должен совершать и злые поступки. Тем более трудно представить творческого человека, который для того, чтобы достигнуть результатов в своей деятельности, непременно должен сделать что-то дурное.

Мотив оттенения добра злом — известный мотив. Он звучит еще при сопоставлении жизни и смерти (см. об этом выше, стр. [59](#)), здоровья и болезни (см. выше, стр. [61](#)), богатства и бедности (см. выше, стр. [62](#)).

КАК БОРОТЬСЯ СО ЗЛОМ И НАДО ЛИ С НИМ БОРОТЬСЯ?

Правилен ли толстовский тезис о непротивлении злу насилием или прав И. А. Ильин со своим антитезисом — о сопротивлении злу силою? И нужно ли вообще бороться со злом?

Л. Н. Толстой прав вообще, в общем контексте жизни. Жизнь в большинстве случаев нормальна, т. е. люди, как правило, не делают друг другу ничего плохого по злему умыслу. Поэтому заикленность чело-

века на теме борьбы со злом не вполне нормальна. Человек, тратящий все свои силы на борьбу со злом, живет негативной, отрицательной жизнью, вынужден отказываться от простых человеческих радостей, от любви, творчества, вообще лишает себя нормальной жизни. Он живет как бы со знаком минус. Такая жизнь может быть оправдана только в очень немногих случаях, например, если она продиктована профессией (уголовный розыск, обвинение в суде...) или конкретными обстоятельствами борьбы с вопиющей несправедливостью.

Лучший способ борьбы с болезнями — не лечиться от них, а предотвращать, не допускать их, вести здоровый образ жизни. Лучший способ борьбы со злом — не допускать его в принципе, предотвращать его. Толстовское "непротивление злу насилием" основано на убеждении, что человек по своей природе добр и если совершает зло, то большей частью не по злему умыслу.

Ясно теперь, что если И. А. Ильин и прав со своим антитезисом (о сопротивлении злу силой), то лишь в отдельных случаях. Что говорить, ведь злодеи все-таки есть и с ними как-то надо бороться.

Человек, делающий зло другим, прежде всего наносит вред себе, точнее, себе как человеку вообще, как общественному существу, причастному к жизни человеческого общества. Всякие оправдывающие аргументы, вроде "другие делают зло и я буду" ("если другие делают зло, то почему я не могу делать зло?"), "мне плохо и пусть страдают другие", "мне наплевать на других" и т. п., при внимательном рассмотрении не выдерживают критики. Ведь они основаны на том, что нет человеческого общества, что люди — это шайка грызущихся друг с другом, воюющих друг с другом (по известному древнеримскому "человек человеку волк" или по гоббсовской формуле "война всех против всех"). Вся история человечества свидетельствует против такого взгляда на отношения людей.

Во-первых, рост народонаселения. Люди плодятся и размножаются.

По данным науки в начале верхнего палеолита (пол-миллиона лет назад) было максимум 100 тыс. человек; в начале неолита — 1 млн человек; в начале новой эры — 200 млн человек; к 1200 г. — 400 млн человек; в начале 17 века — 500 млн человек; в 1800 г. — 600 млн человек; в середине 19 века — 1 млрд человек; в 1890 г. — 1,6 млрд человек; в 1999 г. (ноябрь) — 6 млрд человек. Прогноз на середину XXI века — 15 млрд человек. (С.П.Капица).

Если бы люди постоянно враждовали, убивали друг друга, то их численность должна была уменьшаться. (Это, кстати, и происходит в отдельных случаях, когда вражда-война преобладают, одерживают верх в отношениях между людьми, народами, странами).

Во-вторых, рост продолжительности жизни. Первобытный человек жил в среднем не более 30-и лет. Сейчас продолжительность жизни во всем мире выше 50-и лет, а в наиболее развитых странах выше 70-80-и лет. Рост средней продолжительности жизни свидетельствует о том, что люди направляют усилия не на уничтожение друг друга, а на взаимную поддержку.

В-третьих, прогресс материальной и духовной культуры. Вражда и война всегда сопровождаются разрушениями, уничтожением культурных ценностей. Разрушения могут быть весьма значительными и даже превышать созидательные усилия людей. А что мы видим в общем и целом? — **Безусловное преобладание созидания над разрушением.** Люди строят, производят сельскохозяйственные и промышленные продукты, изобретают, открывают новое, творят искусство. И делают они это в большинстве случаев совместно, сотрудничая и кооперируясь, оказывая друг другу поддержку-помощь. Даже если они соревнуются-конкурируют (в экономике, в спорте, на выборах и т. д.) — это не вражда-война, а борьба, ведущая к более высоким достижениям, способствующая развитию-прогрессу жизни.

Зло означает разрушение. Не случайно то, что литературные образы-символы зла — гётевский Мефистофель и лермонтовский Демон — несли с собой

смерть и разрушение. В частности, Мефистофель погубил Маргариту, а Демон — Тамару.

Если созидание преобладает над разрушением, то, следовательно, добро побеждает зло, добра больше, а зла меньше.

Как соотносятся гений и злодейство, могут ли гении быть злыми? Вслед за А. С. Пушкиным я утверждаю, что гений и злодейство — «две вещи несовместные». В самом деле, что такое гений? Это творческая, а, значит, созидательная, конструктивная способность. Злодейство же, любое злодейство — это, безусловно, разрушительное, деструктивное деяние. Гений не разрушает, а созидает. Зло не созидает, а разрушает.

Если гений и злодейство порой и соединяются в одном человеке, то это говорит не об их совместимости, а о *раздвоенности* данного человека как личности.

7. ГУМАНИЗМ — ФИЛОСОФИЯ ЧЕЛОВЕЧНОСТИ (ТЕЗИСЫ О ГУМАНИЗМЕ)

[1.](#)¹ Гуманизм — вот истинная философия человека! Он должен быть знаменем всех устремлений человеческого духа, всех общественных и политических движений.

1. Гуманистическая философия — умонастроение *мыслящих* людей, *осознанная установка на человечность без границ*.

2. Человечность — безотчетный, непосредственный, стихийный гуманизм. Гуманизм — осознанная, осмысленная человечность.

[3.](#) Гуманизм исходит из того, что Человек рожден Природой и Обществом, но как Особая реальность, а не как природное и/или социальное существо.

4. С точки зрения гуманизма человек для человека

¹ Подчеркнутые номера тезисов — это гиперссылки, указывающие на комментарий к соответствующему тезису ниже, в п. «Комментарии к тезисам».

— высшая ценность. Эта ценность приоритетна по отношению ко всем другим ценностям: материальным или духовным, природным или социальным.

5. Кто унижает достоинство других, тот сам обладает невысокими достоинствами.

6. Для гуманиста человек ценен сам по себе, как таковой, уже в силу своего рождения. Гуманист изначально положительно относится к человеку, каким бы этот человек ни был, законопослушным или преступником, мужчиной или женщиной, соплеменником или другой национальности, верующим или неверующим.

7. Будем лучше думать о людях и они на самом деле станут лучше. Как мы думаем, так и живем.

8. В человеческом общении лучше ошибиться в сторону доверия, чем недоверия.

9. Гуманист осмысляет свое я в масштабах всего человечества. Гуманизм — своего рода лифт, соединяющий человека и человечество, поднимающий человека от его “я” до “мы” всех людей.

10. Гуманизм признает многообразие и единство человечества как равноценные данности. Признавая многообразие человечества, гуманизм выступает против попыток уменьшить это многообразие путем насилия или принуждения. Признавая же единство человечества, гуманизм выступает против попыток разорвать это единство, изолировать какую-то часть людей от остального человечества.

11. В споре индивидуализма с коллективизмом гуманизм занимает позицию третьей стороны. Он выступает как против крайнего коллективизма, ущемляющего индивидуальную свободу человека, так и против крайнего индивидуализма, игнорирующего или ущемляющего свободу других (всеобщую свободу).

12. Одно дело — коллективизм как естественное стремление людей к объединению, как добровольное их объединение для умножения сил. Другое дело — коллективизм как принцип официальной морали, как

всеобщий принцип поведения людей. В этом случае коллективизм теряет естественность, добровольность и приобретает характер императива, принудительной нормы-меры, “удушения посредством обаятий”. Абсолютизация *коллективистского* начала человеческой природы фактически ведет к отрицанию человечности, к антигуманизму. Ведь человеческая природа и генетически, и поведенчески *многообразна*. Она представляет собой статистический разброс коллективистских, индивидуалистических и смешанных типов.

13. Нам не нужно единства во чтобы то ни стало, любой ценой. Когда индивидуализм распространен так же, как коллективизм, всеобщее оболванивание невозможно. Невозможны культ вождя, деспотизм, массовый террор и репрессии.

14. Приверженец гуманизма осмысляет человечность как фундаментальную ценность, независимо от своей сословной или иной групповой принадлежности. Гуманизм ориентируется на конкретного, “вот этого” человека, на индивидуума, на человека как *уникальное* явление. В самом деле, как только мы думаем о человеке по принадлежности, как представителе той или иной социальной группы, общности, тут же испаряется индивидуальная составляющая человека, исчезает его уникальность, а это уже неполный, частичный, обобщенный, унифицированный человек. Гуманизм напрочь отвергает такое представление. В этом его коренное отличие от национализма, коммунизма, религиозного фундаментализма...

15. Коммунизм, долгое время рядившийся в тогу гуманизма, по своей сути антигуманен. Его можно квалифицировать как стыдливый антигуманизм. *Идеология классового подхода преступна, антигуманна* как антигуманны расизм, шовинизм, религиозный фанатизм и тому подобные идеологии, умонастроения, оценивающие людей по признаку их принадлежности к той или иной социальной группе, общности.

16. Ученые-социологи исследуют человека как

представителя той или иной социальной группы. Они абстрагируются от всей полноты человека для лучшего его анатомирования. Политики ориентируются в своих предпочтениях на те или иные группы людей. В том и другом случае человек рассматривается по принадлежности, не как субъект, а как предикат-объект. Известны и другие случаи (например, в медицине), когда человек рассматривается подобным же образом. Все эти случаи частичного рассмотрения-оценки человека оправданы и оправданы в той мере, в какой они не противоречат гуманизму. Гуманизм — тот узел, который связывает всех людей как людей, а не как представителей той или иной социальной группы. Гуманизм как бы говорит социологам: анатомируйте, препарируйте человека, но помните: вы имеете дело с неполным человеком; ваши исследования имеют только частичное значение. То же он говорит политикам, государственным служащим, экономистам, медицинским, социальным работникам: ваша деятельность важна для человека, но она все же имеет лишь частичное значение для него.

17. С точки зрения гуманизма человек как явление земной жизни **самодостаточен**. Если он и зависит от чего-либо, то не от каких-то потусторонних, сверхъестественных, надчеловеческих сил, а от среды обитания.

18. Естественным продолжением гуманизма применительно к природе является *экогуманизм*. В основе экогуманизма лежит бережно-любовное отношение к среде обитания. Это и любовно-уважительное отношение к нашим меньшим братьям, животным, и охрана окружающей среды, и посильное воссоздание утраченных элементов природы, и совершенствование культурной среды, второй природы, созданной трудом человека.

19. Если говорить о мире в целом, то он, безусловно, не является только средой обитания человека. Мир необъятен и как таковой не подчиняется человеку.

Гуманизм имеет свои границы; он не претендует

на вселенство, на антропоцентризм, на то, чтобы человек рассматривался как центр Вселенной; он лишь указывает, что человек для человека — высшая ценность.

Утверждая достоинство человека, гуманизм в то же время выступает против возвеличивания, обожествления человека. Гуманизм и высокомерие несовместимы.

20. В споре науки и религии, мистики, паранауки гуманизм берет сторону науки. Наука дает знания, без которых человек слеп и беспомощен.

21. Гуманизм не может быть светским или религиозным. Он один — для верующих и неверующих.

Гуманизм верующего ограничен, поскольку его человечность очерчена рамками религиозного поклонения надчеловеческому (божественному, в частном случае). Во имя этого надчеловеческого верующий может совершать бесчеловечные поступки.

Гуманизм неверующего также может быть ограничен, если его человечность приносится в жертву надчеловеческому же: коллективному, групповому (нации, расе, коммунизму и т. п.).

В той мере, в какой человек поступает человечно по отношению к другим людям и осмысляет эту свою человечность без ограничений, без оглядок на надчеловеческое, он — гуманист.

22. Если человек называет себя верующим, то это вовсе не значит, что он — единственный носитель-хранитель веры. Нет человека, который не верил бы ни во что. Разуверившийся решительно во всём, как правило, кончает жизнь самоубийством. Верующий — это человек, который абсолютизирует веру, ставит ее выше знания, разума, морали и т. д. Религиозная вера — это преувеличенная, гипертрофированная вера. Она значительно ограничивает, если не заглушает, критическую составляющую человеческого мышления.

23. Сомнение — необходимый элемент во всех делах, где есть неопределенность, присутствует риск. А таких дел большинство! Человек несомневающийся,

лишенный сомнения — обречен. Такой человек крайне негибок, хрупок как хрупко очень твердое тело. Либо он должен избегать малейшего риска, малейшей неопределенности в делах, либо он рискует быстро “сломать шею”. Сомнение — это ответ на объективную неопределенность ситуации, на необходимость постоянного выбора между различными вариантами, различными путями-дорогами. Человек, в сущности, всегда — этакий витязь на распутье. Перед ним море вариантов, он может поступать так или эдак. Здоровый скепсис всегда на вооружении у разума. Это защищает его от скоропалительных решений, а человека от необдуманных действий.

24. Гуманизм не приемлет крайностей рационализма и иррационализма.

Рационализм склонен абсолютизировать порядок; для него порядок может быть выше человека. Иррационализм, напротив, — в форме мистики, полумистики, любви к паранормальному и аномальному — склонен к анархии, пренебрежительно относится к порядку, и, в конечном счете, к ценностям нормальной человеческой жизни.

И пренебрежение разумом, и ориентация только на разум нечеловечны, а то и бесчеловечны.

25. Человеколюбие — это любовь к человеку как таковому, как живому существу. Оно предполагает и любовь к себе, и любовь к ближним и дальним, т. е. к подобным себе, ко всему человечеству.

Човеколюбие не исключает в отдельных случаях неприязненного отношения к конкретному человеку. Но в любом случае человеколюбивый человек не знает ненависти, презрения, пренебрежения к людям. Для него дурно поступающий человек скорее достоин жалости, чем ненависти, презрения.

26. Главное в гуманизме — не забота о человеке, не любовь к человеку, а уважение к человеку. Забота — это уже другое... Заботятся родители о детях, здоровые о больных, сильные о слабых. Забота может быть оскорбительна и даже вредна.

27. Слишком болеть за других людей также вредно, как и относиться бесстрастно-равнодушно-цинично к их болям-несчастьям. Во всем нужна мера, в том числе и в этом сострадании. Неумеренное сострадание к одним людям обычно сопровождается неумеренной ненавистью-враждой к другим, живущим относительно благополучной жизнью. К чему приводит такое отношение к людям — мы знаем.

Кроме того, тревожно настроенные, мнительные люди, алармисты одержимы порой идеей-манией спасения — себя и других, всего человечества.

Преувеличенное отношение к спасению ничего кроме вреда принести не может. Ведь оборотной стороной идеи спасения является представление о чрезвычайщине, о том, что люди якобы живут ненормально, подвергают себя смертельной или иной губительной опасности. Конечно, чрезвычайные [ненормальные] обстоятельства порой случаются в жизни людей. Но они достаточно редки. Об этом свидетельствует весь опыт человечества. Века и тысячелетия проходят, время от времени появляются разного рода спасители, а люди живут — и живут более или менее нормально. Более того, они развиваются, плодятся, размножаются, улучшают свою жизнь, сами совершенствуются. Так кого же спасают спасители?! Нормальные люди, увлекаемые порой этими спасителями, не могут жить в постоянном напряжении-ожидании чуда спасения. Только некоторые из них, фанатики спасения, время от времени будоражат общество своим кликушеством. Широкий путь жизни несовместим с узкой идеей спасения.

По моему мнению, никого не надо спасать. Правильно сказал один умный человек: **пока нас спасают — будем погибать.** Спасители человечества — самые опасные люди.

Если кого-то действительно надо спасать, то это очень плохо. Это значит, что спасаемый попал в чрезвычайные обстоятельства и сам уже не способен вырваться из их лап.

28. Нельзя осчастливить человека, если он сам это-

го не хочет. Стремление сделать других людей счастливыми — опасная утопия.

29. Для гуманиста ориентиром морального и, соответственно, правового поведения является **золотое правило**. Это правило поведения — главный принцип человеческого общежития, основа человечности, основа морали и права.

30. Существуют две крайности в понимании природы человеческих отношений.

Одни философы абсолютизируют изначально враждебный характер межчеловеческих отношений. Эта точка зрения представлена в известном древнеримском выражении “человек человеку — волк” и в не менее известном выражении Т. Гоббса “война всех против всех”(см. [комментарий к тезису 30](#)). (Еще: “либо ты ешь, либо тебя едят” или “либо властвуешь, либо подчиняешься” — философствование бригадира сплавщиков, преступника из к/ф “Хозяин тайги”)

Другие философы абсолютизируют взаимную любовь-приязнь людей. Эта абсолютизация проявляется прежде всего в проповеди всеобщей любви. Наиболее ярко подобная точка зрения отражена в библейской заповеди “возлюби ближнего своего как самого себя”. Далее, она проявляется в идее всеобщего братства (вспомним лозунг французской революции: “свобода, равенство, братство!”). Немецкий философ Л. Фейербах и русский писатель Л. Толстой проповедовали всеобщую любовь.

Представители первой точки зрения — это циники-прагматики, которые считают неравенство людей естественным условием их совместной жизни, оправдывают его, защищают и даже освящают.

Представители второй точки зрения — это мечтатели-романтики-утописты, которые считают неравенство людей безусловным злом и выдвигают, поддерживают, освящают лозунг равенства.

В действительности ни то, ни другое в абсолютном варианте не существует и нереализуемо. В человеческом обществе одинаково представлены элементы того и другого типа межчеловеческих отношений: и

дружба и вражда, и любовь и ненависть, и равенство и неравенство.

Всеобщее равенство, если и возможно, то только как равенство в бедности.

31. Для гуманиста неприемлемо какое-то одно понимание справедливости. Есть справедливость, порождаемая различием людей (по происхождению, условиям жизни и способностям-делам). И есть справедливость, порождаемая сходством людей (природным равенством, равенством как представителей рода *homo sapiens*, как граждан государства, как сынов отечества и т. п.). Абсолютизация одного из этих видов справедливости приводит к общей несправедливости.

Одна форма справедливости выражается в древнеримском изречении: “каждому свое”. Другая форма справедливости выражается в идее равенства.

32. Будем откровенны: гуманизм противоречив в своей основе. С одной стороны, он выступает за равенство всех, т. е. с его точки зрения все люди — **человеки**. С другой, он предоставляет каждому право быть лучшим, быть **Человеком** с большой буквы.

33. Закон жизни: если хочешь *жить* лучше, то должен и *быть* лучше.

34. Идеал выражает стремление человека к совершенству и совершенному. Поскольку совершенствование беспредельно, постольку и идеал кажется недостижимым. Тем не менее человек, не останавливающийся на достигнутом, всегда стремится к идеалу.

35. Человек только тогда достигает чего либо, когда он оказывается сильнее обстоятельств.

36. Жизнь человека священна. Всякий покушающийся на неё должен знать: убивающий других людей — убивает себя.

37. Идущий на убийство не просчитывает все последствия своего шага. Он поступает глупо, недальновидно, поскольку обрекает себя на постоянный психологический-моральный дискомфорт до конца жизни. Он должен понимать, что он не только индивидуум, но

и представитель рода человеческого. В нем общечеловеческого не меньше, чем сугубо личностного, индивидуального. Убивая другого человека, он убивает в себе Человека. Каждый человек — это целый мир. Лишая жизни кого-либо убийца обедняет человеческий мир, в том числе и себя. Пусть он подумает над тем, что если он убивает мужчину, то, возможно, убивает отца своего будущего зятя, деда своих внуков и т. д. и т. п. Если он убивает женщину, то убивает еще не родившихся детей...

38. Решая свои проблемы с помощью убийства человек поступает не просто глупо, а *примитивно*, не как разумное существо, а как бездушная разрушительная стихия, которая не ведает, что творит. Давайте взвесим на чашах весов весь жизненный путь убиваемого (от утробы матери через рождение, кормление, воспитание, обучение, образование к весьма сложной — взрослой, профессиональной, творческой — жизни) и моментальное уничтожение вместе с его способностями, талантами, умениями, любовью близких и т. д., и т. п. Несоизмеримы эти две чаши весов. На одной чаше: длительное восхождение к вершинам жизни. На другой: почти мгновенное исчезновение. Как трудно вырастить человека и как легко его убить! Об этом потенциальные заказчики убийств и убийцы должны помнить. Не мы дали человеку жизнь и не нам ее забирать у него!

39. Смертная казнь несовместима с принципами гуманизма. Она должна быть отменена раз и навсегда! Казнь по приговору суда — убийство, какими бы словами о правосудии она ни прикрывалось.

40. В эстафете родовой жизни человек должен стремиться к тому, чтобы факел его жизни не угас прежде, чем он передаст огонь другим людям, другим поколениям.

41. Смысл человеческой жизни — в любви и творчестве. Любовь делает жизнь гармоничной. Творчество обеспечивает прогресс жизни.

42. Приверженец гуманистической философии не

называет себя гуманистом. Он — *филогуманист*, т. е. человек, который *стремится* быть гуманистом, для которого гуманизм — жизненная позиция, а не звание или моральное качество.

КОММЕНТАРИИ К ТЕЗИСАМ

К тезису 1

Я выступаю за гуманизм и считаю, что именно под его флагом можно двигаться вперед, к высотам человеческого духа и жизни как таковой.

Вообще-то я не люблю пафосных слов и, тем более, всяких призывов. Хорошо помню слова Александра Галича:

Не бойтесь пекла и ада,
А бойтесь только того,
Кто скажет Вам как надо.

Я не учу жизни и постарался не просто утверждать, а аргументировать.

К тезису 3

С точки зрения современной науки человек — представитель рода *homo sapiens*, занимает высшую ступень в эволюционной лестнице живой природы. Биологи рассматривают человека как живое существо, наиболее высокоорганизованное и развитое среди живых существ на Земле.

В самом деле, человек — животное и ничего плохого в этом нет. Надо нам, наконец, перестать третировать животность в себе и не подавлять ее, а разумно управлять ею и даже развивать, культивировать. Философия антиживотности — античеловеческая, антигуманная философия.

К сожалению, в нашей русской культуре эта философия антиживотности длительное время распространялась как зараза. Ею были поражены виднейшие представители русской культуры, такие как Л.Н. Толстой, В.С. Соловьев. В противопоставлении человека животным, в его возвеличивании перед животными я усматриваю определенную идеалистическую (нереалистическую) тенденцию. Толстой говорил, например,

в уничижительном смысле о “животной личности” в человеке. Между тем мы не так уж далеки от наших братьев меньших. Миллиарды лет развивалась и совершенствовалась живая природа. Человек со своей духовностью развивается каких-то нескольких сот тысяч лет. Было бы большим самомнением считать, что все, чем обладает человек, он приобрел в эти несколько сот тысяч лет.

Конечно, человек — не только животное. За время своего становления он нарастил в себе гигантский культурный слой. В этом смысле его можно охарактеризовать как **культурное животное**. Культура — это, с одной стороны, то, чем отличается человек от животных, а, с другой, то, что является продолжением-усовершенствованием живого-животного в человеке. Т. е. человек и отталкивается от животных, и продолжает их. Такова его сущность.

Знаменательно, что одни философы, писатели призывали “Назад к природе!”, а другие звали “Вперед, к высотам Духа!”. Истина, как всегда, где-то посередине. Эти взаимоисключающие призывы отражают противоположные тенденции в становлении человека.

К тезису 5

Унижать достоинство других можно по-разному. Философы и писатели порой это делают почти бессознательно, не отдавая себе в этом отчет. Вот пример: Михаил Веллер в книге “Всё о жизни” пишет: «В принципе любая церковь и любая религия существуют для стада, толпы, не способной к самостоятельному мышлению и самостоятельной вере. Потребность в вере есть, а оформить самостоятельно её трудно, осознать самостоятельно что к чему — мозгов не хватает. А вот тебе, милоч, и готовые объяснения и предписания на все случаи жизни. Да? Отлично! Дух подкреплён, ответы на вопросы о мироустройстве получены, потребность в несогласии со многими моментами этого мира удовлетворена, и за всем этим вдобавок стоят авторитетные люди и вековые святыни. Ведите меня к крещению, причастию, молитве, обрезанию, будем читать Тору, Евангелие, Упанишады, Лао Цзы — короче,

приспособьте меня в какую-нибудь ладью, а то я болтаюсь под ветрами мира, как цветок в проруби, и как-то мне ненадежно, одиноко и беспокойно. Мир тебе, брат во миру.»

Вот так, немногими словами М. Веллер оскорбил унизил *большую* часть человечества. Ведь большинство людей на Земле — верующие (в Иисуса, Аллаха, Будду и т. д.). Они, это большинство, значит, — стадо, толпа, не способная к самостоятельному мышлению и самостоятельной вере.

См. также комментарий к тезисам [25](#) и [26](#).

К тезису 7

Этот тезис не нов. Нечто подобное говорили и раньше, например, М. Горький. Вот смысл одного из его высказываний: "Говорите человеку о том хорошем, что в нем есть, и он станет лучше".

Подобную мысль высказывал немецкий философ Шеллинг: «Дайте человеку сознание того, каков он *есть*, и он быстро станет таким, каким он *должен* быть; внушите ему в *теории* уважение к самому себе, и оно быстро осуществится на *практике*.» (см.: А. Гулыга. Шеллинг. М., 1984. С. 24).

Известный педагогический принцип гласит: «Дайте собаке хорошее имя и она постарается оправдать его».

Хорошим комментарием к тезису является глава "Создавайте людям хорошую репутацию" в книге Д. Карнеги "Как завоевать друзей и оказывать влияние на людей". Вот что в ней говорится: "...если вы хотите изменить человека в некотором отношении, действуйте так, словно данная черта характера уже является одной из его выдающихся особенностей. Шекспир сказал: "Делайте вид, что у вас есть добродетель, если ее у вас нет". И было бы полезно считать и открыто утверждать, что другой человек фактически обладает тем качеством, какое вы хотели бы в нем видеть. Создайте ему хорошую репутацию, которую он стремился бы оправдать, и он предпримет огромные усилия, чтобы только не разочаровать вас.

В своей книге "Воспоминания: моя жизнь с Метерлинком" Жоржет Леблан описывает поразительное преображение скромной бельгийской Золушки.

"Служанка из близлежащего отеля приносила мне еду, — пишет она. — Ее прозвали "Мари-судомойка", потому что она

начала свою работу на кухне в качестве судомойки. Она была почти уродом: косоглазой, кривоногой, худой и всегда находилась в подавленном состоянии.

Однажды, когда она держала в своих красных руках тарелку с макаронами, я решительно заявила ей: “Мари, вы не знаете, какие сокровища скрыты внутри вас”.

Привыкшая сдерживать свои эмоции, Мари выждала несколько мгновений, не отваживаясь шелохнуться из боязни катастрофы. Затем она поставила тарелку на стол, вздохнула и простодушно промолвила: “Мадам, я никогда не поверила бы этому”. Она не выразила сомнения, не задавала вопросов. Она просто вернулась на кухню и повторила там то, что я сказала, и сделала это с такой убежденностью, что никто не посмел ее высмеять. С того дня ей стали даже выказывать некоторое уважение. Однако наиболее удивительная перемена произошла в самой скромнице Мари. Уверовав в то, что она является носителем невидимых сокровищ, Мари начала ухаживать за своим лицом и телом столь тщательно, что, казалось, ее увядшая молодость снова расцвела и деликатно скрыла от глаз ее невзрачную внешность.

Два месяца спустя, когда я уезжала, она объявила, что выходит замуж за племянника главного повара. “Я собираюсь стать дамой”, — сообщила она и поблагодарила меня. Незначительная фраза изменила всю ее жизнь”.

Жоржет Леблан создала Мари-посудомойке репутацию, которую та поставила себе целью оправдать и которая преобразила ее...

Почти каждый — богач, бедняк, нищий, вор — прилагает все усилия к тому, чтобы поддержать ту репутацию честного человека, какой его удостаивают.

«Если вам приходится иметь дело с мошенником, — говорит начальник тюрьмы Синг-Синг Лоуэс (а кому, как не ему, знать предмет, о котором он говорит), — то существует только один возможный путь исправить его, а именно: обращаться с ним так, словно он является почтенным джентельменом. Считайте само собой разумеющимся, что он честный человек. Он будет настолько польщен таким обращением, что откликнется на него и будет гордиться тем, что ему кто-то верит». (...)

Итак, если вы хотите воздействовать на людей, не оскорбляя их и не вызывая у них чувства обиды, соблюдайте правило седьмое:

Создавайте людям хорошую репутацию, которую они будут стараться оправдать.»

К тезису 8

Этот тезис основан на убеждении, что большин-

ство людей, подавляющее большинство — люди добрые, честные, порядочные, ответственные.

Откуда это убеждение? Оно основано на анализе различных точек зрения на природу человека. См. об этом выше пункт «Человек по своей природе добр», стр. [208](#).

К тезису 10

В первом случае имеются в виду, в частности, попытки представителей одних стран и народов навязать свои стандарты культуры-жизни другим странам и народам (американизация, христианизация, исламизация и т. п.).

Во втором случае имеются в виду преступные сообщества (шайки, банды, мафия и т.п.), ультранационалистические, шовинистические, расистские организации, религиозные секты и сообщества религиозных ортодоксов-фанатиков-фундаменталистов.

К тезисам 14, 15

Виды антигуманизма: националистический, расистский, религиозный, коммунистический.

Немецкий национал-социализм откровенно антигуманистичен. В Германии воинствующий антигуманизм зрел давно. Об этом писал К. Поппер:

“...самое смелое утверждение было высказано Ф. Ленцом, который в своей книге “Раса как принцип ценности” ставит риторический вопрос: “Однако если гуманность должна быть целью морали, то не присоединились ли *мы* в конце концов не к той стороне?” и тут же, конечно, развеивает это абсурдное предположение, отвечая: “Мы далеки от того, что гуманность должна осуждать войну: нет, это война осуждает гуманность”. Эта идея связывается Э. Юнгом с историцизмом, который замечает: “Гуманистичность или идея человечества... не является регулятивом истории”. Однако первым изобретателем антигуманистического аргумента являлся Иоганн Готлиб Фихте, предшественник Гегеля... Говоря о слове “гуманность”, Фихте писал: “Если бы на немецком языке романскому слову “гуманность” (“*humanless*”) давали его правильный перевод, а именно — “человечество” (“*manhood*”), то... тогда говорили бы: “В конце концов это не так уж много быть человеком, а не животным!” Действительно, немцы говорили бы именно таким образом, что было бы совершенно невозможно для ро-

манских народов. Дело в том, что в немецком языке “человечество” осталось феноменальным понятием; оно никогда не было сверхноминальной идеей, как оно стало среди романских народов. Тот, кто попытался бы коварно, контрабандой протащить этот чуждый романский символ” (именно — слово “гуманность”) “в язык немцев, тем самым явно ниспроверг бы их нравственные нормы...”. Доктрину Фихте повторил О. Шпенглер, который писал: “У “человечества” нет... никакой идеи... так же как... у вида бабочек или орхидей. “Человечество” — пустое слово”, а также А. Розенберг, утверждавший: “Внутренняя жизнь людей портится, когда чуждые мотивы типа спасения души, гуманистичности и человеческой культуры проникают в их умы...” (См.: К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т 2, М., 1992, с. 85-86).

Гитлер в январе 1943 г., после пленения фельдмаршала Паулюса заявил, что он слабак (что не закончил с собой). При этом фюрер произнес такие слова: «Что есть жизнь? Жизнь есть нация. Жизнь отдельного индивидуума не имеет значения.»

В отличие от национал-социализма коммунизм — стыдливый антигуманизм (на словах за гуманизм, а на деле — антигуманизм).

В знаменитом средневековом трактате диакона Лотаря (позднее папы Иннокентия III) "О презрении к миру и ничтожестве человека" говорится: "Цветы и деревья порождают ароматы и плоды, а человек — отбросы и нечистоты". Папа Иннокентий III объявил себя наместником бога и ввел инквизицию в 1321 г.

Христианство с одной стороны считает человека богоподобным (согласно Библии Бог создал человека по своему образу и подобию), а с другой, изначально греховным существом (первые люди — Адам и Ева — за свои прегрешения были выгнаны из рая и весь род людской несет на себе печать первого грехопадения).

К тезису 18

1. Почему экогуманизм? Не может быть чисто экологической проблематики без человека. Экология и гуманизм неразделимы — как два магдебургских полшария. Вспомним: **эко** в переводе на русский язык — дом. Спрашивается, дом кого? Человека!

2.. Подчеркиваю, экологическая проблематика —

не только:

1) охрана окружающей среды (это в сущности какая-то негативная, в духе запретительства или запретительного импульса, работа), **но и:**

2) любовно-уважительное отношение к животным и растениям, вообще к живой природе,

3) посильное воссоздание утраченных элементов природы,

4) улучшение-совершенствование культурной среды, второй природы, созданной трудом человека.

В последнем случае воистину кричащей является проблема жизни-проживания в многоэтажных домах. Человечество в XX веке избрало отнюдь не лучший вариант решения жилищной проблемы, построив многоэтажные города. Многоэтажный город — это воистину черная дыра человечества как биологического вида. Сокращение рождаемости, депопуляция в значительной мере обусловлены проживанием людей в многоэтажных домах. Квартира в многоэтажном доме подобна клетке для зверей в зоопарке; она отнюдь не способствует воспроизводству человека как живого существа. В таких квартирах мы удаляемся от матери-природы физически, биологически, умственно и теряем силу как Антей, оторванный от Земли.

Отчего мы так загрязняем окружающую среду? Оттого, что у нас нет культуры положительного общения с природой. Первую природу мы видим большей частью через призму второй природы (через асфальт, стены домов, плохой воздух и т.п.). А последняя — часто — весьма бедная, убогая, примитивная. Получая негативный заряд от общения со второй природой, неуважительно обращаясь с ней, мы переносим этот негативный заряд, неуважительное отношение и на первую природу. Мы бросаем окурки в подъезде, на асфальт тротуара и начинаем то же самое делать в лесу, в поле. Мы миримся с тем, что вокруг нашей квартиры грязь, убогость и начинаем гадить везде, в том числе на природе.

3. Выступая за охрану окружающей среды, за зеленый мир, я в то же время выступаю против крайностей экологизма, когда забота об Эко (Доме) затмевает или

отодвигает на задний план заботу о Человеке, о его развитии и совершенствовании. К сожалению, такие люди (их все чаще называют экологическими алармистами и экстремистами) появились. Защита ими Природы выливается в стремление остановить Прогресс и даже в стремление вернуться "Назад к природе", жить примитивной жизнью первобытного человека.

К тезису 19

Когда путают гуманизм с антропоцентризмом, то возникает ситуация, подобная той, которую описывает Пол Куртц: "Ныне многие защитники животных осуждают гуманизм, подозревая его в исключительном пристрастии к человеческому роду, тогда как, по их убеждению, такое же право на существование следует признавать за всеми формами жизни на планете" (см.: П.Куртц. Мужество стать: Добродетели гуманизма. Пер. с англ. — М., 2000, с. 138).

К вопросу о том, что *"гуманизм имеет свои границы"*.

В отличие от гуманизма религия менее скромна. Как это ни удивительно, она, с одной стороны, принижает человека, а, с другой, возвеличивает его. Согласно библейским представлениям человек создан по образу и подобию Бога, является предметом его забот, а место обитания человека — Земля — рассматривается как центр Вселенной. Это, в сущности, детский взгляд на вещи. Ребенок чувствует-сознает свою слабость, беспомощность и в то же время воспринимает весь окружающий мир как свой дом, где хозяевами [самыми могущественными существами] являются его родители, старшие родственники.

Справедливы слова Шеллинга: «Наивно думать, как человечество полагало раньше, что вся вселенная, все бесчисленные, удаленные от нашей маленькой Земли и независимые от нее светила созданы для пользы и блага человека, так же наивно считать, как это было в позднее время, которому открылся более широкий взгляд на космическое целое, что все в нем выглядит как наша Земля, повсюду обитают человекоподобные существа, являющиеся последней целью».

К тезису 20

Религия не просто ненаучна, вненаучна, а антинаучна, агрессивно настроена против научного знания, мракобесна по сути. Например, Библия рассказывает о всяких чудесах, нарушающих законы природы. Иисус Навин якобы остановил солнце (“И остановилось солнце, и луна стояла...” — Навин, 10; 13). Иисус Христос превратил “5 хлебов и 2 рыбы” в многие тысячи хлебов и рыб, накормив ими “5 тысяч мужей” и наполнив ими еще “двенадцать коробов”(Марк, 6; 41-44), ходил по воде “аки по суху”(Марк, 6; 48-51), в одно мгновение превратил воду в вино, оживил умершего Лазаря, труп которого разложился и смердил. Это всё чудеса, противоречащие элементарным научным представлениям.

А что стоит история с сотворением мира и человека богом?! Ученые на протяжении столетий по крупинам собирают факты, информацию об эволюции нашей части Вселенной, о происхождении жизни на Земле, о становлении живой природы, о происхождении человека. Научкой установлено множество бесспорных фактов, которые камня на камню не оставляют от библейских сказок о происхождении мира и человека. И что же? Проповедники религии продолжают повторять эти сказки так, будто они вовсе не сказки, а были, истина. Какое смятение в головы людей они вносят этими якобы былями! Ведь современный человек уже в школе получает минимум научных знаний о себе и о мире. Как он может совместить эти библейские легенды с научными представлениями?! Остается ему либо не доверять науке, либо плюнуть на логику и принять обе противоречащие версии происхождения мира и человека. И тот и другой вариант губителен. ***Недоверие к науке ведет к обскурантизму, к диким, невежественным представлениям.*** Принятие же обеих версий означает скорую или медленную смерть логического мышления. ***Алогизм в практическом плане ведет к тому, что можно говорить и делать всё, что угодно. Это либо сумасшествие, либо легкомыслие и безответственность.***

Рассказывая о чудесах и тому подобных явлениях сторонники религии этим прививают неискушенным людям неуважение к науке, научному знанию. А от неуважения к ненависти и мракобесию один шаг.

В прошлом ученых служители религии сажали в тюрьмы, сжигали на кострах, подвергали разным гонениям. Сейчас этого нет. Открытая агрессия против науки, ученых сменилась неявной или завуалированной агрессией: в виде борьбы с абортами, выступлений против экспериментов по клонированию человека, распространения антинаучных представлений в системе образования, через средства массовой информации, шельмования всех, кто не верит в бога и доверяет только науке.

По поводу абортов. Католическая и православная церкви выступают категорически против аборт

ов, приравнивая их к убийству человека. Сейчас в метро и других общественных местах можно видеть плакаты с осуждением аборта как убийства ребенка. Приравнивание абортов к убийству — чудовищная логическая диверсия¹. Бесчеловечность аборта пытаются доказать ссылкой на бесчеловечность убийства. Бедная женщина, которая идет на аборт по разным негативным обстоятельствам, подвергается со стороны религиозных деятелей дополнительному моральному шельмованию. Ей и так плохо-тяжело, а тут еще фактическое обвинение в убийстве, которое наносит ей еще одну моральную травму...

По всем канонам науки и здравого смысла жизнь человека начинается не с его зачатия, а с его рождения, т. е. с появления на свет. Рождение и смерть знаменуют собой начало и конец человеческой жизни.

¹ Логическая диверсия — разновидность подмены тезиса. Чувствуя невозможность доказать или оправдать выдвинутое положение, выступающий пытается переключить внимание слушателя на обсуждение другого, возможно и важного для слушателей утверждения, но не имеющего прямой связи с первоначальным тезисом. Вопрос об истинности тезиса остается при этом открытым, ибо обсуждение искусственно переключается на другую тему. (См.: Кириллов В.И., Старченко А.А. Логика. М., 1999. С. 215).

Путь от зачатия до рождения — это путь от небытия к бытию. Здесь еще нельзя вполне определенно говорить о том, что человек **есть**. А если нельзя говорить об этом определенно, то нельзя и аборт оценивать однозначно как убийство. Убить можно только то, что **есть, живет**. Нельзя убить то, что еще не существует. Пока ребенок не вышел из утробы матери на белый свет, он — **часть** организма женщины и его жизнь до последних месяцев беременности **неотделима** от жизни женщины. Неотделима до такой степени, что если все-таки эту "жизнь" искусственно отделить, то ребенка, т. е. человека не получается. Вот почему такой аборт всеми нормальными людьми расценивается не как убийство, а как хирургическая операция.

Чем-то приближающимся к убийству можно расценивать только искусственно вызванный выкидыш мертвого ребенка, который в иной ситуации (но в то же самое время) мог появиться на свет живым. И опять же однозначно оценивать искусственно вызванный выкидыш мертвого ребенка как убийство нельзя. Это весьма сложный вопрос. Выкидышу может предшествовать провоцирующая его ситуация, например: женщина может испытывать сильнейший стресс или даже быть не вполне вменяема. Другие люди, общество не могут знать **всех** обстоятельств поведения, жизни женщины в последние месяцы ее беременности и поэтому они не могут, **не имеют права** однозначно квалифицировать выкидыш мертвого ребенка как убийство. Здесь, как и в других подобных случаях, должен действовать принцип презумпции невиновности.

Вот почему только женщина — как субъект, как личность, как человек — только она одна может оценить, что с ней происходит и произошло, только она — распорядитель возможной жизни-нежизни своего ребенка. **Никто другой!**

Заранее обвинять женщину в убийстве того, чего еще нет и может не быть, — тяжкий моральный грех.

По поводу клонирования человека. В США под давлением религиозных организаций принят закон, по которому запрещено государственное финансирование

опытов по клонированию человека, его клеток, тканей и органов. Это самый настоящий обскурантизм.

В ноябре 2001 г. одна частная американская фирма произвела успешные опыты по клонированию некоторых клеток человеческого эмбриона. Это большой прорыв в познании механизма роста и размножения клеток человеческих тканей и органов. Открывается путь к использованию этого механизма в медицинских целях, т. е. к выращиванию в искусственных условиях аналогов заболевших органов и тканей человеческого организма. И что же? Сразу же религиозные деятели подняли крик. С заявлениями осуждающего характера выступили руководители двух самых крупных христианских конфессий — папа римский Иоанн-Павел II и патриарх Алексей. Один наш священник, выступивший по телевидению с комментариями по поводу этих опытов, поставил их на одну доску с бесчеловечными опытами фашистских врачей над пленными в Освенциме. В самих США эти опыты осудил президент Д. Буш и, более того, в связи с этим поставлен вопрос о законодательном запрещении клонирования человека и человеческих клеток в принципе. Между тем, правильно сказал один ученый: запретить клонирование человека — то же самое, что остановить восход солнца. К опытам по клонированию человека у религиозных деятелей — как сверхконсервативных людей — какое-то пугливое отношение. Вместо того, чтобы разобраться с этими опытами объективно, непредвзято, рассудительно — судорожная эмоциональная реакция отторжения. А ведь клонирование — не выдумка человека и тем более не плод его изощренного ума. Оно имеет место в природе. Однойцовые близнецы — не что иное как результат естественного клонирования оплодотворенной яйцеклетки. Клоны человека живут среди нас и в них нет ничего монстроподобного!

Религия спекулирует на незнании. Чем меньше мы знаем, тем больше испытываем тревогу, страх, неуверенность в себе, тем легче верим во всякие небывлицы и вымыслы. “Кто ничего не знает, тот вынужден всему верить” — говорил Эбнер-Эшенбах.

В Новом завете читаем: “Смотрите, (братия,) чтобы кто не увлек вас философиєю и пустым обольщением, по преданию человеческому, по стихиям мира, а не по Христу” (К колоссянам, 2; 8). Я услышал этот совет апостола Павла “не увлекаться философиєю” 7 января 1999 г. от двух девушек, которые на рынке возле станции метро распространяли очередной номер журнала Свидетелей Иеговы “Пробудись!” Разговорился с ними и одна из них, узнав, что я философ, открыла Библию и зачитала указанный отрывок из послания апостола Павла. Этим она продемонстрировала как верующие относятся (или должны относиться) к философии. Мне было грустно слышать от девушек такие слова в адрес философии. Ничего не поделаешь, Библия продолжает и сейчас делать свое черное дело. Конечно, девушки — начетчицы и вряд ли по-настоящему понимают то, что цитируют. Ведь по большому счету они и подобные им верующие отвергают с легкостью необыкновенной право на существование целой отрасли культуры, приравнивая ее к болтовне, к пустословию или, как они выражаются, к пустому обольщению.

Апостол Павел точен: он указывает на два источника философствования: предание человеческое и стихии мира. Под преданием человеческим он скорее всего имел в виду книги античных (дохристианских) философов и свидетельства о них различных доксографов. Под стихиями мира он имел в виду чувственный опыт как основу научных изысканий и философских размышлений. В сущности в указанном фрагменте послания апостол Павел говорит не только о философии, но и о науке, поскольку именно наука непосредственно занимается исследованием стихий мира. Вот вам завет одного из столпов религиозной веры: сторонитесь философии и науки, поскольку они не “по Христу”, вне христового учения.

Интересен аргумент, к которому прибегает апостол Павел. Он считает, что именно в Христе “сокрыты все сокровища премудрости и ведения” (Там же. 2; 3). Вся премудрость и всё ведение, т. е. вся философия и вся

наука, — в Христе. А вне Христа они лишь “пустое обольщение”, имеющее “вид мудрости” (Там же. 2; 23).

К чему приводит такое пренебрежение философией и наукой, можно видеть на примере “умников”, о которых с горькой иронией писал М. В. Ломоносов: “Оным умникам... легко быть философами, выучась наизусть три слова: *бог так сотворил*, и сие давая в ответ вместо всех причин.” (М.В.Ломоносов. Избр. филос. произв. М., 1950. С. 397). **Ведь в сущности религия выступает против фундаментальных человеческих качеств — любознательности и любопытства, против естественной человека тяги к установлению истины, к знанию.** “Нам после Христа не нужна никакая любознательность; после Евангелия не нужно никакое исследование” — заявлял Тертуллиан, один из отцов христианской церкви.

Вот еще пример. Калиф Омар после захвата Александрии приказал сжечь Александрийскую библиотеку — богатейшее хранилище книг и свитков в тогдaшнем мире. Обосновывая свой приказ, он привел следующий довод: “Книги этой библиотеки согласуются с Кораном или нет; если они согласуются с Кораном, они излишни и их следует сжечь; если же они не согласуются с Кораном, они вредны и их следует сжечь. Таким образом, в любом случае библиотеку следует сжечь”.

* * *

Сейчас, в ситуации религиозного бума, переживаемого Россией, некоторые философы и ученые пытаются навести мосты между религией и наукой, возрождают теорию двойственной истины, говорят о многознании (разном знании об одном и том же). Появился даже журнал под таким названием (“Полигнозис”). Что на это можно сказать? ***Если всё истинно, то истинна и ложь, т. е. всё ложно.*** Об этом говорил Аристотель еще 2300 лет назад: “Кто объявляет все истинным, тем самым делает истинным и утверждение, противоположное его собственному”. Не может быть двух разных истин об одном и том же и не может быть двух разных знаний об одном и том же. В совре-

менном обществе именно наука олицетворяет познавательную мощь человечества. Все остальные формы общественного сознания занимаются чем угодно, но только не производством знания. Поскольку религиозные деятели и всякие мистики претендуют на владение истиной (отличной от научной), они тем самым вступают в конфликт с наукой, что бы там они не говорили.

Этот бум прошла в свое время Европа. Вот что писал по этому поводу американский ученый Олвин Тоффлер в книге «Столкновение с будущим»: «мы видим бурное возрождение мистицизма. Вдруг началось повальное увлечение астрологией. В моду вошли дзен-буддизм, йога, спиритические сеансы и колдовство, создаются культы вокруг поисков дионисийских радостей, способов внеязыковой и даже вне пространственной коммуникации»...

К тезису 21

У религии очень сложные отношения с гуманизмом. Гуманность, человечность отдельных религиозных заповедей и поведения отдельных верующих, священнослужителей отнюдь не исключает того факта, что *религия как таковая несовместима с гуманизмом, гуманистической философией.*

1. Религия, любая религия делит людей на своих приверженцев (православных, правоверных и т. д.) и неверных (иноверцев, неверующих) и этим так или иначе выступает против человечности, т. е. против признания за любым человеком его достоинства как человека. Неверные с точки зрения верующих так или иначе ущербны, в лучшем случае достойны жалости, а в худшем — презрения и даже ненависти. Общение с неверным для верующего ортодокса — это осквернение и он обычно старается после этого общения "очиститься", т. е. освободиться от "скверны" (христианин-ортодокс, например, крестится, мысленно-словесно прогоняя от себя скверну).

А ведь если вдуматься, для приверженцев любой религии неверные — это *большая* часть человечества. Даже мировые религии (христианство, ислам, буд-

дизм) имеют в качестве своих приверженцев-адептов ничтожную часть человечества (из 6-и миллиардов людей христиан насчитывают где-то полтора миллиарда, мусульман — немногим более одного миллиарда, буддистов — в пределах 800 миллионов). Представьте себе, *большая* часть людей для верующего — это как бы недолюди. О какой человечности, гуманности можно здесь говорить! И тем более, о гуманизме!

Таким образом, для верующего, если он действительно верующий, гуманизм — опасная философия, а человечность, гуманность — слова, не имеющие смысла, или даже вредные. (Мне доподлинно известно, что некоторые наши православные деятели крайне негативно относятся к философии гуманизма, а слова "человек", "люди" стараются не произносить, заменяя их словами "христианин", "крещеный", "православный" и т. п. В последние годы стало популярным ужасно нелепое слово "воцерковленный". Согласно понятию "воцерковленный" ты должен быть не только крещеным, но и воцерковленным, т. е. прикрепленным к какой-либо церковной общине и/или исполняющим положенные таинства. Если ты не воцерковленный, то на тебя смотрят косо, как на отщепенца.)

Гуманизм не признает деления людей, образно говоря, на чистых и нечистых, на людей первого и второго сорта. Для гуманиста человек ценен сам по себе, как таковой, уже в силу своего рождения.

Приверженец гуманизма осмысляет человечность как фундаментальную ценность, независимо от своей сословной или иной групповой принадлежности. В этом его коренное отличие от разных групповых идеологий, в том числе от религиозного фундаментализма...

2. Религия несовместима с гуманизмом не только потому, что *большую* часть людей (неверных) рассматривает как людей второго сорта. *Она вообще унижает человека, как такового (перед лицом бога, богов, сверхъестественных существ-сил)*, ставит его в зависимость от надчеловеческого. На практике это означает либо самоуничтожение, либо уничтожение со стороны других, прежде всего тех, кто взял на себя

роль священников, посредников между богом/богами/сверхъестественными силами и людьми. Священники утверждают свое духовное лидерство, превосходство над всеми остальными людьми, так или иначе **учат, наставляют, командуют**. В христианстве священнослужителей обычно именуют (святыми) отцами (отец Михаил, батюшка, владыка и т. п.) — по аналогии с отцом небесным, богом. А кто такой отец, как ни руководитель-начальник, которого надо слушаться. (Религия, кстати, проникнута духом патернализма. Отношения людей как родителей и детей хороши, когда дети малы и беспомощны. Когда же дети вырастают, эти отношения превращаются в оковы; поэтому умные родители относятся к взрослым детям как к равным.)

* * *

Иногда сами приверженцы тех или иных религий употребляют выражения "религиозный гуманизм", "христианский, исламский и т. п. гуманизм". Это недоразумение или элементарное непонимание значения слов. Гуманизм по своей сути не может быть светским или религиозным. Он один — для верующих и неверующих.

К тезисам 25, 26

Некоторые считающие себя приверженцами гуманизма пренебрежительно или свысока отзываются о большинстве людей.

Мне представляется, что человек, думающий плохо о большинстве людей, об их уме, умонастроениях, не имеет права называть себя гуманистом и вообще не имеет морального права говорить позитивно о гуманизме. Гуманизм как раз и предполагает убеждение, что все, или, по крайней мере, большинство людей вполне разумны, с нормальным умонастроением и вообще нормальны как люди, человеки. Тот, кто стоит на позиции, что большинство людей плохо думают (имеют плохое умонастроение) или даже "недолюди, варвары", в сущности — мизантроп, человеконенавистник.

См. также комментарий к [тезису 5](#).

К тезису 26

Какое наслаждение — уважать людей!

А. П. Чехов

Когда я говорю о том, что главное в гуманизме — не забота о человеке, не любовь к человеку, а *уважение* к человеку, то я имею в виду, что уважительное отношение к любому человеку для гуманиста не знает исключений, в то время как любовь к человеку, а тем более забота о человеке, не всегда могут иметь место. Невозможно, чтобы человек заботился о всех людях без исключения. И невозможно, чтобы человек любил всех людей без исключения. Уважение к человеку **безусловно** и в собирательном, и в разделительном смысле (ко всем людям вместе, и к каждому в отдельности). Любовь к человеку безусловна в собирательном-общем смысле, но не безусловна в разделительном (можно и нужно любить всё человечество, человека как живое существо, человеческое в человеке, но нельзя требовать от человека, чтобы он любил всех и каждого без разбора. Например, разве можно любить Гитлера, Сталина, Чикатило или какого-нибудь знакомого неприятного человека?! То же можно сказать о заботе. Забота о всем человечестве, человеческом роде — это нормально. Она проявляется в труде-творчестве. Свободный труд, творческая деятельность служат общему делу **по определению**. Забота же о каждом человеке в отдельности просто невозможна. Невозможна даже забота только о тех, кого знаешь лично. Ведь этих людей могут быть десятки, сотни, тысячи.

Забота не является абсолютной ценностью гуманизма еще и потому, что она может быть с отрицательным знаком, т. е. либо вредна, либо оскорбительна. Про такую "заботу" говорят: "медвежья услуга", "услужливый дурак опаснее врага", "благими намерениями дорога в ад вымощена"...

Очень хорошо написал об уважении как ключевом факторе гуманитарной цивилизации Ю. Бокань: "В свете великих принципов первенства духовной, внутренней жизни личности понятие "уважение" предстает

как ключевой фактор гуманитарной цивилизации. Этого слова нет в философских энциклопедиях, да и толковые словари скупы на его расшифровку: чувство, основанное на признании чьих-либо достоинств, заслуг, качеств; почтение. А между тем, суть гуманитарной цивилизации — общество человекоуважения. С другой стороны, суть гуманитарной идеи — человекоуважение. И, наконец, гуманизм — философия, идеология и практика человекоуважения...

Несмотря на кажущуюся в обиходе простоту, понятие “уважение” — сложный социально-духовный феномен, включающий в себя широкую палитру общественных явлений...

В основе гуманитарного мировоззрения человекоуважение, включающее самоуважение, взаимоуважение и мироуважение.” (Бокань Ю. К идеалам гуманитарной цивилизации. М., 1997. С. 116.)

К тезису 28

См. выше пункт «Можно ли сделать людей счастливыми, а тем более заставить их быть счастливыми?», стр. [144](#).

К тезису 30

Т. Гоббс утверждал буквально следующее: «пока люди живут без общей власти, держащей всех их в страхе, они находятся в том состоянии, которое называется войной, а именно в состоянии войны всех против всех» (Гоббс Т. Избр. произв. Т. 2. М., 1964. С. 152.) Это утверждение просто чудовищно.

Во-первых, почему общая власть непременно держит всех в страхе? Это какая-то теория анархизма (для тех, кто ненавидит власть и видит в ней лишь источник насилия, издевательств и, соответственно, страха) или теория господства (для тех, кто желает властвовать путем нагнетания страха). Нормальные люди никогда не терпели и не потерпят того, чтобы страх все время довлел над ними. В жизни страх занимает достаточно скромное место, в ряду многих других эмоциональных состояний (надежды, любви, веры, наслаждения, радости и т. д., и т. п.). Сводить власть к это-

му состоянию — большой примитив и большое заблуждение. Власть — это чрезвычайно сложная форма управления одними людьми других. Она имеет много разновидностей. Даже самая жестокая, деспотическая, власть не основывается только на страхе. Она использует многотысячелетние традиции управления и подчинения, паразитирует на этих традициях.

Люди как разумные существа прекрасно понимают, что большие сообщества людей невозможны без известной организации, которая предполагает управление одних другими и, соответственно, подчинение одних другим. Именно в этом смысле люди признают власть, а не из-за страха. В подавляющем большинстве случаев одни люди подчиняются другим не из-за страха, а из понимания того, что иначе будет хаос и разрушение. Представим себе, что люди перестали бы подчиняться правилам дорожного движения и, соответственно, требованиям инспекторов ГАИ. Дорожное движение было бы просто невозможно. Люди соблюдают правила дорожного движения и подчиняются требованиям инспекторов ГАИ не из-за страха, а потому что знают, что если они все вдруг будут нарушать эти правила и игнорировать требования инспекторов ГАИ, то наступит дезорганизация дорожного движения. И так во всех видах человеческой деятельности, в которых люди как-то соприкасаются друг с другом, взаимодействуют.

Во-вторых, почему естественное состояние — «война всех против всех»? Откуда Гоббс сделал такой вывод? Он что, видел вокруг себя только ублюдков, которые готовы сломать хребет друг другу? А где же родительская, сыновья и дочерняя любовь, где же любовь мужа и жены, где дружба людей, где их товарищество, братство, где просто чувства взаимной симпатии, приязни, человеколюбия? Или эти отношения и чувства людей тоже основаны на ненависти, порождающей войну всех против всех?

К тезису 34

Один мой коллега-философ считает, что этот тезис — банальность и, вообще, не имеет прямого отноше-

ния к гуманизму. Так ли это на самом деле? Разве самосовершенствование (стремление человека к совершенству) не имеет отношения к гуманизму?!

Гуманизм утверждает достоинство человека. Значит, он и за идеал. "Жалок тот, кто живет без идеала!" — восклицал И.С. Тургенев. (Сравн.: "С тем, кто отрицает идеал, может легко случиться, что он пошлое примет за прекрасное" — Гете).

Стремление к идеалу, к совершенству — в природе человека.

"По своей природе человек таков, что ищет большего, чем безопасное статическое существование. Основная тенденция состоит в том, чтобы реализовать наивысший потенциал, даже перед лицом внутренних проблем и внешних сопротивлений." — Дж. Кори (G. Corey).

Еще более категорично говорил Л.Н. Толстой: "Идеал — это путеводная звезда. Без нее нет твердого направления, а нет направления, нет и жизни".

А вот что у Д.И. Писарева: "Никто не думает говорить, что всякий развитой человек честнее и умнее всякого неразвитого. Я говорю только, что ум и честность развитого человека приносят обществу и самому обладателю этих качеств гораздо больше пользы и наслаждений, чем ум и честность человека неразвитого".

К тезису 39

Я знаю: большинство людей, даже в цивилизованных странах, против отмены смертной казни. И тем не менее я выступаю **за** отмену. Это моя позиция. Вообще, трудно представить гуманистически ориентированного человека, который бы выступал за сохранение смертной казни.

1. Я считаю, что государство (в лице органов правосудия) не имеет право убивать своих граждан. Государство-общество не должно уподобляться убийце. Убивают либо по злоумыслию, либо по неосторожности, либо по халатности, либо в пределах необходимой самообороны. Смертная казнь — убийство по приговору суда. Какие мотивы такого убийства? Только

один: кровь за кровь, смерть за смерть. Давно кануло в лету такое примитивное-первобытное возмездие.

2. Неискушенные люди думают, что отмена смертной казни означает отмену наказания или значительное его облегчение. Считается также, что смертная казнь — самое сильное (страшное) наказание. Очень часто ее характеризуют как высшую меру наказания. Это на самом деле не так и даже совсем наоборот: нет худшего наказания, чем долгое наказание, чем лишение свободы на всю оставшуюся жизнь (пожизненное заключение). Вот что говорит главный герой романа А. Дюма “Граф Монте-Кристо”:

“Пуля в сердце — разве это наказание? Настоящее наказание должно быть долгим.”

Кстати, находятся такие приговоренные к смертной казни, которые считают, что лучше бы их казнили, чем обрели на пожизненное заключение.

Приговаривая к смертной казни преступника, мы больше наказываем не самого преступника, а его близких и друзей. Для них его смерть — неутешное горе. В чем они-то виноваты?! Почему они должны нести такой крест?!

По большому счету, смертная казнь по приговору за преступление вообще не является наказанием. Наказывают ведь только живого, чувствующего и сознающего. А что может чувствовать-сознавать мертвый преступник? Ничего.

3. Еще одно распространенное заблуждение: “применение смертной казни способно реально уменьшить количество тяжких преступлений в стране” (так считает относительно большинство в телестудии НТВ “Глас народа”).

На самом деле смертная казнь не влияет на количество убийств. Это — мнение криминологов во всем мире. Главное, по мнению специалистов, не ужесточение наказания, а неотвратимость наказания. “Нет никакой связи между смертной казнью и уровнем преступности. И это криминологи доказали” — так утверждает член Конституционного суда РФ.

Влияет ли страх смертной казни на возможность совершения тяжкого преступления? — “Нет, не влия-

ет. Это знают все криминологи во всем мире, в том числе в нашей стране.” (С.Е. Вицин, генерал милиции, в телепередаче, посвященной теме отмены смертной казни).

4. Еще один аргумент за отмену смертной казни — возможность судебной ошибки, т. е. казни невиновного.

5. Золотое правило поведения в его отрицательной формулировке ("не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали тебе") запрещает убийство *в любой форме*, в т. ч. по приговору суда. Ведь приговаривают к лишению жизни люди, выполняющие обязанности судей. Они же не хотят, чтобы с ними поступили также, т. е. чтобы кто-то приговорил их к лишению жизни.

Справедливо сказал приговоренный к смертной казни: "нельзя убивать людей вообще. Это аморально."

К тезису 40

Внешне этот тезис не имеет отношения к гуманизму. Но только внешне. Гуманизм нужно рассматривать не только в пространстве, но и во времени, не только к человеку-человечеству, т. е. к ныне живущему поколению людей, но и ко всем поколениям, которые были и будут. Благодаря рассмотрению во времени — понятия человечности, человекоуважения, человеколюбия превращаются из плоских в объемные, из чисто пространственных в пространственно-временные. Если человек — гуманист, то он должен думать не только о настоящем, но и о прошлом и будущем. О прошлом — если он не хочет быть "Иваном, не помнящим родства". О будущем — если он не хочет жить по принципу "После меня — хоть потоп". Человек — звено не только в ныне существующей цепи "я—мы", "человек—человечество", но и в цепи поколений.

Человечность — не только по отношению к живущим людям, но и к ушедшим (мертвым), и к будущим (еще не родившимся) людям-поколениям.

К тезису 41

Этот тезис адресован молодым, юным. Он предла-

гает общее решение вопроса о смысле жизни и может служить ориентиром в поисках индивидуального смысла жизни.

8. О ЛЮБВИ К СЕБЕ И ДРУГИМ. ЭГОИЗМ, АЛЬТРУИЗМ И НОРМАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ.

Возможная корректировка моральных представлений

Моралисты выступают, как правило, против эгоизма и за альтруизм. Насколько это правильно и правильно ли вообще? Все зависит от того, что мы понимаем под эгоизмом и альтруизмом. Мне представляется, в этом вопросе много путаницы. Под эгоизмом нередко понимается большая забота о себе и большая любовь к себе по сравнению с заботой и любовью к другим людям. А под альтруизмом просто заботу (“думание”) о других людях. В том и другом случае имеется смещение акцентов, которое искажает нравственную оценку эгоизма и альтруизма.

Возьмем **эгоизм**. Как мне представляется, нельзя понимать его как **большую** заботу и любовь к себе по сравнению с заботой и любовью к другим. Иначе мы объявим эгоистами всех без исключения людей. Ведь абсолютно естественна преимущественная забота и любовь к себе по сравнению с заботой и любовью к другим. Давайте подсчитаем, сколько времени мы тратим на себя и сколько на других. И выясним, что практически во всех случаях тратим время больше на себя, чем на других. Это и сон, и питание, и туалет, и уход за телом, и одевание-раздевание, и устройство своего жилья, и учение, и отдых, и хобби. Давайте не будем кривить душой и честно признаем: мы думаем больше о себе, чем о других; любим больше себя, чем других; заботимся больше о себе, чем о других. И хватит упрекать в эгоизме себя и других только за то, что ты или кто-то другой позаботился о себе, потратил время на себя.

В подтверждение сказанного приведу проникно-

венные слова известного психолога В. Л. Леви о любви к себе и отличии ее от себялюбия-самодовольства:

“Возлюби себя как ближнего своего. Поэт призывал к этому иронически, философ — всерьез, но любовь к себе — это действительно первая обязанность человека. Никто, конечно, не любит самодовольных, а многие прекрасные люди страдают от недовольства собой. Но человек, себя совсем не любящий — страшен. Только тот, кто уверенно, без ломаний любит себя, способен любить других — посмотрите на самых обаятельных, добрых и открытых людей и вы убедитесь, что это так: они любят себя так спокойно, что им не приходится поддерживать эту любовь никаким самоутверждением, им не надо слишком уж скрывать недостатки и бояться насмешек и осуждения. Эта любовь естественна, а потому незаметна, в ней нет ничего вымученного. Такие люди, всегда любимцы, и показывают, что любовь к себе ничего не имеет общего с самодовольством и совсем не то, что называют себялюбием, эгоцентризмом.

Ближе всего это к тому, как вы относитесь к себе совсем ребенком: это мудрое и бесстрашное достоинство живого существа, инстинктивное ощущение своей ценности без всякого посягательства на ценность других. Вы тогда еще неосознанно любили в себе весь мир и неповторимую самобытность уника, которым в действительности являетесь. Этот узор генов, эта библиотека памяти, это живое, чувствующее, странное, знакомое, изменяющееся — такого, именно такого существа никогда раньше не было и больше не будет — и это вы. Каждое ваше свойство и качество может быть и можно найти по отдельности у кого-то, или что-то близкое, но сочетание их — только одно среди мыслимой жизни.” (“Искусство быть собой”)

Не менее замечательные слова сказала Луиза Хей: “Итак, что вы хотите услышать от меня? Знаю, что бесконечно повторяю эти слова, но не боюсь надоест: *“Любовь к самому себе — самое важное, что вы можете сделать, ибо если вы любите себя, вы не причините зла ни себе, ни другому”*. Это — рецепт мира во всем мире.

Если я не могу причинить зла ни себе, ни другим, как может начаться война? Чем больше людей придут к этой мысли, тем лучше станет жить на нашей планете.” (Полная энциклопедия здоровья Луизы Хей. М., 2001. С. 72.)

Эгоизм — это когда человек заботится о себе **в ущерб, во вред** другим, **за счет** других, когда в кон-

фликтной ситуации “или-или” (столкновения личных интересов и интересов других: *или* то *или* другое, третьего не дано) человек делает выбор в свою пользу и **во вред** другим.

К сожалению, весьма распространенным является другое понимание эгоизма — как *большой* заботы о себе, чем о других. Аристотель, например, писал:

“Помимо всего прочего трудно выразить словами, сколько наслаждения в сознании того, что нечто принадлежит тебе, ведь свойственное каждому чувство любви к самому себе не случайно, но внедрено в нас самой природой. Правда, эгоизм справедливо порицается, но он заключается не в любви к самому себе, а в *большой*, чем должно, степени этой любви; то же приложимо и к корыстолюбию; тому и другому чувству подвержены, так сказать, все люди.” (“Политика” (1263 a-b))

Смотрите, как он сказал: эгоизм “заключается не в любви к самому себе, а в *большой*, чем должно, степени этой любви”. Это слишком широкая и неопределенная формулировка, позволяющая трактовать эгоизм как *всякую* любовь к себе. В самом деле, что такое выражение “в *большой* любви к себе, чем должно”? Каждый может трактовать ее как хочет. Ведь под должным некоторые могут понимать и жизнь для других, самоотречение. Аристотель не дает здесь критерия для определения должного¹. Напротив, указание на эгоизм как на “*большую* любовь к себе” кажется понятным и убедительным.

На поверку негативная оценка “*большой* любви к себе” (как эгоизма) означает, по закону противопоставления, моральный запрет на любовь к себе вооб-

¹ Справедливости ради следует сказать, что если повнимательнее читать Аристотеля, то можно найти у него высказывания, которые можно трактовать как ограничение негативной оценки «*большой* любви к себе». В той же «Политике» немного раньше он выставляет как аргумент против общей собственности тезис о том, что «**люди заботятся всего более о том, что принадлежит лично им; менее заботятся о том, что является общим**, или заботятся в той мере, в какой это касается каждого» (1261 a33).

ще, поскольку не определен *должный* размер любви к себе и любое, в том числе обманчивое, ощущение якобы *большей* любви к себе могут истолковать как эгоизм, т. е. как нечто дурное.

По большому счету, моральный запрет на *большую* любовь к себе противоестественен. Он означает, что человек не может совершенствовать это чувство к себе, развивать его, культивировать, усиливать и т. д. и т. п. Ему остается только постоянно сдерживать себя в этом чувстве или лицемерить. Любовь, любая любовь — это такая “вещь”, которая внутри себя имеет пружину расширения, усиления, развития, совершенствования и постоянное сдерживание ее может привести к самоуничтожению или к взрыву поведения, к непредсказуемым хаотическим действиям.

Неразумие философов в вопросе о так называемом разумном эгоизме. Философы вносят порой путаницу и смятение в человеческие умы. Вот, например, они придумали теорию разумного эгоизма.

По всем канонам естественного языка и мышления эгоизм — отрицательная нравственная характеристика поведения тех или иных людей. Да и философы в большинстве случаев не спорят с таким пониманием эгоизма. Так, еще Аристотель говорил об эгоизме в отрицательном смысле («эгоизм справедливо порицается»: см. Политика, 1263 б). Теория же разумного эгоизма допускает существование эгоизма со знаком плюс, так называемого *разумного* эгоизма, т. е. эгоизма, согласного с разумом, опирающегося на разум. Более того, находятся такие философы, которые утверждают, что разумный эгоизм не только не исключает самопожертвования и самоотверженности, но даже предполагает их. Н. Г. Чернышевский, сторонник теории разумного эгоизма, вывел в романе “Что делать?” образ Лопухова. Этот герой, совершая жертвы ради других, говорит: “Не такой я человек, чтобы приносить жертвы. Да их и не бывает, никто их не приносит, это фальшивое понятие: жертва — сапоги всмятку. Как приятнее, так и поступаешь”. Вот так: жертва оказывается уже и не жертва, а нечто приятное. Действительно, сапоги всмятку! Когда человек жертвует собой (в крайнем варианте — своей жизнью) ради других, то

это всегда драма и трагедия. Человек, жертвующий собой ради других, действует **против** себя, своего «я», «эго» по латински. Да, конечно, он может быть нравственно удовлетворен своим самоотверженным поступком. Но нравственное удовлетворение не равносильно удовлетворению жизнью в целом.

Теория разумного эгоизма неявно опирается на идею отождествления «я» и «мы», точнее, *растворения* «я» в «мы», «я» в «другом (других)». Это никуда не годная идея. В ней эгоизм, ячество фактически отождествляется с альтруизмом, самоотверженностью — сапоги всмятку! На самом деле, «я» ни при каких обстоятельствах не сводится к «мы» или между «я» и «мы», «я» и «другим» нет и не может быть полного тождества. Единство — да, возможно и большей частью бывает. Но единство — не тождество. Единство всегда предполагает различие и даже противоположность. Например, единство мужчины и женщины, выражающееся в любви, браке, семье, основано на их половой противоположности и разных социальных ролях.

Альтруизм, самопожертвование, самоотверженность. Я утверждаю, что альтруизм также плох, как и эгоизм. Слово "альтруизм" происходит от латинского слова "alter" — другой. В мягком варианте альтруизм означает *большую* заботу о других, чем о себе. В жестком варианте он может означать заботу о других *в ущерб* себе, вплоть до самоуничтожения. В этом жестком варианте он именуется по-русски самоотверженностью, самопожертвованием, самоотречением. И в мягком, и в жестком варианте альтруизм как норма поведения несостоятелен и губителен — как для самого альтруиста, так и для других.

Умные люди давно уже подметили губительность альтруизма для тех, на кого он направлен. Оскар Уайльд в "Идеальном муже" устами героя пьесы говорит: "Самопожертвование следовало бы запретить законом, так как оно развращает тех, кому приносится жертва". О том же писал наш А. С. Макаренко в "Книге для родителей". Он рассказал о конкретном случае

материнского самопожертвования и отрицательных последствиях этого самопожертвования. Им было наглядно показано, что *альтруизм одних почти неизбежно приводит к эгоизму других*.

Мало того, альтруизм может иметь разрушительные, катастрофические последствия для тех, на кого он направлен. Чрезмерная забота о других обычно приводит к тому, что эти другие почти буквально перестают заботиться о себе, становятся иждивенцами, паразитами, духовными и даже физическими инвалидами.

Если же говорить об идеологии самопожертвования, о жертвенности, то здесь могут быть и другие губительные последствия. Всякая жертвенность ведет обычно к тому, что жертвуют не только собой, но и другими. Если человеку не дороги собственные жизнь и счастье, то как могут быть ему дороги жизнь и счастье других?!

Выше было сказано, что альтруизм губителен как *норма поведения*. В принципе, эта оговорка насчет «нормы поведения» не нужна. Альтруизм *по определению* утверждает самопожертвование-самоотверженность как норму поведения. Иначе он не был бы «измом».

К сожалению, для некоторой части людей альтруизм, самопожертвование стали сознательно принятыми установками и принципами поведения. Этому, в частности, способствовала христианская религия. Главное действующее лицо религии, отправленный на Голгофу Иисус Христос воспевается в ней как человек, пожертвовавший собой ради других.

В полном соответствии с этой установкой христианства Ф. М. Достоевский писал: "Разве в безличности спасение? Напротив, напротив, говорю я, не только не надо быть безличностью, но именно надо стать личностью, даже в гораздо высочайшей степени, чем та, которая определилась на Западе. Поймите меня: самовольное, совершенно сознательное и никем не принужденное самопожертвование всего себя в пользу всех есть, по-моему, признак высочайшего развития личности, высочайшего ее могущества, высочайшего

самообладания, высочайшей свободы собственной воли. Добровольно положить собственный живот за всех, пойти за всех на крест, на костер, можно только сделать при самом сильном развитии личности. Сильно развитая личность, вполне уверенная в своем праве быть личностью, уже не имеющая за себя никакого страха, ничего и не может сделать другого из своей личности, то есть никакого более употребления, как отдать ее всю всем, чтоб и другие были точно такими же самоправными и счастливыми личностями" (цит. по: А.Гулыга. Кант, с. 288-289. А.Гулыга приписывает и Канту такой взгляд: "Взгляды Канта нам известны: свобода есть следование долгу, а формула долга — счастье других." Там же, с. 288).

Ф. М. Достоевский критиковал социалистов, революционеров, нечаевщину, написал роман "Бесы", в котором осудил их поведение. И что же? Во многом он говорил то же. И он и они — коллективисты. Для него и для них личность только тогда личность, когда она жертвует собой ради других.

Такой же упрек можно сделать В. С. Соловьеву. Он писал, например: «Личное самоотвержение, победа над эгоизмом не есть уничтожение самого его, самой личности, а напротив, есть возведение этого его на высшую ступень бытия»¹.

Героизм. Отвергая альтруизм как повседневное, обычное, нормальное поведение человека, я в то же время не отвергаю положительное значение отдельных актов самопожертвования-самоотверженности, когда человек оказывается в исключительных обстоятельствах, т. е. в ситуации "или-или" (или он заботится о себе, жертвуя другими, нанося вред другим, или он заботится о других, жертвуя собой). В этих обстоятельствах, делая выбор в пользу других, человек поступает как **герой**. Героизм в чрезвычайных ситуациях, на пожаре, на войне и т. п. вполне оправдан и обычен, если позволительно говорить о нем как нормальном явлении. Да, героизм — нормальное поведение в ненормальных (исключительных) обстоятельствах! И

¹ Соловьев В. С. Нравственность и политика // В. С. Соловьев. Соч. в 2-х т., т. 1, М., 1989. С. 270.

он же... — ненормальное поведение в нормальных обстоятельствах, в нормальной жизни.

Нормальное поведение. В большинстве случаев человек не эгоист, не альтруист и не герой, в меру заботится о себе и других. Потому что большинство случаев — это ситуации, когда забота о себе, любовь к себе и забота о других, любовь к другим неразделимы, суть одно. Возьмем любовь мужчины и женщины. Она тем больше любовь, чем больше в ней взаимности. Любя женщину, мужчина любит себя, свои чувства, свою душу и тело. И женщина любит мужчину в значительной мере благодаря тому, что она любит себя и любит, когда ее любят.

Любое общение — а мы купаемся в общении, — это улица с двусторонним движением. Оно необходимо предполагает *взаимный* интерес, приязнь, заботу. Там, где общение односторонне, оно быстро затухает или еле тлеет...

Теперь возьмем творчество. Наряду с любовью оно является важнейшим элементом жизни. Творчество — это и воспитание, и обучение, и образование, и познание, и искусство, и философия, и управление, и изобретение, техническое творчество. И что же? Практически любой акт творчества — одновременно акт для себя и для других. Иными словами, как и любовь, творчество не разделяет “для себя” — “для других”. Творя, человек испытывает высшую радость жизни и в то же время работает на всех людей, служит прогрессу жизни.

Если бы я был поэтом, то сочинил бы оду, поэму, гимн нормальному поведению, нормальной жизни человека. В нормальности есть всё для того, чтобы дерзать, чтобы любить жизнь и радоваться ей!

Об аномальном и о том, что нормального в жизни гораздо больше аномального см. ниже, стр. [352](#).

9. КОЛЛЕКТИВИЗМ И/ИЛИ ИНДИВИДУАЛИЗМ

Своеволие и закон, лицо и общество и их *нескончаемая* борьба с бесчисленными усложнениями и вариациями составляют всю эпопею, всю драму истории. Лицо, которое только и может разумно освободиться в обществе, бунтует против него. Общество, не существующее без лиц, умиряет бунтующую личность.

Лицо ставит себя целью.

Общество — себя.

Этого рода антиномии (нам часто приходилось говорить о них) составляют полюсы всего живого; они неразрешимы потому, что, собственно, их разрешение — безразличие смерти, равновесие покоя, а жизнь — только *движение*. Полной победой лица или общества история окончилась бы хищными людьми или мирно пасущимся стадом.

*А.И. Герцен*¹

КОЛЛЕКТИВИЗМ: ЗА И ПРОТИВ

Длительное время спор между коллективизмом и индивидуализмом в нашей стране однозначно решался в пользу первого. Считалось, что коллективизм совместим с гуманизмом, а индивидуализм нет. Однако, как мне представляется, с точки зрения подлинного, недекларируемого гуманизма коллективизм также неприемлем в качестве всеобщей нормы поведения людей, как и индивидуализм. Возведенный во всеобщую норму коллективизм разрушает в человеке личность, индивидуальность, навязывает ему конформистское поведение (овцы в стаде), превращает его в винтик общественного механизма. Ч. Айтматов, советский писатель перестроечной поры, вынужден был констатировать: “Все время думаю о парадоксе: создавая социализм, отдавая предпочтение всему, что идет от коллектива, от коллективизма, мы много утратили из того, что касается индивидуальности, личности, если можно так выразиться, самости, человека. Надо исходить из того, что если есть сам, то все остальное есть мир. Как сказывается сегодня эта утрата! На мно-

¹ Герцен А.И. Соч. в 30-и т.т. Т. XIX. С. 184.

гом, во многом. На качестве труда, на отношениях человека к человеку. На оценке его творческой потенции. Ценность самой личности у нас не выверена, не определена... И мы игнорируем эти проблемы... Хватит догматов, заранее представленных формул. Много их уже было, догматов и формул, тормозящих движение вперед, и мы должны уйти от нивелирования, обезличивания, стандарта. Всеобщая стандартизация во имя коллектива убийственна". (1987 г.)

Как можно видеть из сказанного, я не против коллективизма вообще, а против его возведения во всеобщую норму морали, против однозначной интерпретации человеческой морали как коллективистской.

В связи с этим я предлагаю проводить различие между просто коллективизмом и гиперколлективизмом. Просто коллективизм — это естественное стремление людей к объединению, добровольное объединение сил для их умножения. Гиперколлективизм — это попытка одних людей навязать свою волю другим, используя для этого естественное стремление людей к объединению, к единству, когда добровольность объединения фактически заменяется принудительностью. Гиперколлективизм — это попытка сделать коллективизм всеобщей нормой поведения, попытка людей с коллективистским сознанием и поведением навязать свою волю всем остальным людям.

Пример нормального коллективизма: патриотизм.

Пример гиперколлективизма: национализм (шовинизм).

ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ СИЛА КОЛЛЕКТИВИЗМА

Если говорить о коллективизме как одной из форм поведения, то, безусловно, он может иметь положительное значение. Еще Сенека дал хороший образ коллективизма. Он писал: «Запомним: мы родились, чтобы жить вместе. И сообщество наше подобно своду, который потому и держится, что камни не дают друг другу упасть»¹. Древнеиндийская мудрость гласит: «Травинки, сплетенные в канат, могут слона связать».

¹ Сенека. Нравственные письма к Луцилию, XCV.

Еще одна мудрость, идущая из глубины веков: “Веника не сломишь, а прутья по одному все переломишь”. Уже в наше время Булат Окуджава сочинил песню, которая начинается словами: “Возьмемся за руки друзья, чтобы не пропасть поодиночке”. Эта песня стала знаменитой, а приведенные слова — знаменем сопротивления тоталитарному режиму. Нельзя отрицать, что коллективизм может умножать силы людей и помогать в решении задач, которые не в силах решить отдельные, не связанные друг с другом люди.

Гёте за месяц до смерти говорил в беседе с Фридрихом Якобом Сорэ: «— Ведь, в сущности, все мы коллективные существа, что бы мы о себе ни воображали. В самом деле: как незначительно то, что мы в подлинном смысле слова могли бы назвать своей собственностью! Мы должны заимствовать и учиться у тех, которые жили до нас, так и у тех, которые живут с нами. Даже величайший гений не далеко бы ушел, если бы он захотел производить все из самого себя. Но этого не понимают очень многие добрые люди и полжизни бродят ощупью во мраке, грезя об оригинальности.» (И.-П. Эккерман. Разговоры с Гёте. М.-Л., 1934. С. 844-845). Как иллюстрация к этим словам Гёте звучат слова Ньютона, которые он сказал, обращаясь к Гуку: “То, что сделал Декарт, было шагом вперед. Вы прибавили к этому новые возможности... Если я видел дальше, то потому, что стоял на плечах гигантов”¹.

Пример положительной силы коллективизма: коллективная игра в хоккей. Сами хоккеисты говорят, что индивидуализм в хоккее губителен, а победа может быть одержана только совместными усилиями хоккеистов или, как они говорят, коллективной игрой.

Еще один пример коллективной силы: выход человека в космос состоялся благодаря таким большим странам как СССР и США. Небольшим странам это было не под силу. Только объединение сил сотен миллионов людей плюс новейшие достижения науки и

¹ Ньютон. Письмо к Гуку. Цит. по: Володин В. И тогда возникла мысль. М., 1980. С. 60.

техники позволили русским и американцам осуществить такие дорогостоящие и дерзкие проекты. Обращая внимание на «и дерзкие проекты». Чем больше людей участвуют в осуществлении дерзновенных планов, тем увереннее они себя чувствуют в этом дерзании и тем вероятнее, что эти планы будут осуществлены.

Коллективизм питает героизм. Не случайно говорят: «на миру и смерть красна». Самопожертвование осмыслено-разумно, если оно служит жизни как таковой, целям сохранения человеческого сообщества.

Кроме того, нередко коллективные усилия просто необходимы. Многие человеческие дела невозможны без объединения сил. На этот счет существует поговорка: «один в поле не воин».

А шиллеровско-бетховенский призыв «Обнимитесь миллионы» в Девятой симфонии Бетховена?! Это — необыкновенной вдохновляющей силы музыкальный образ человеческого единения.

МИНУСЫ КОЛЛЕКТИВИСТСКОГО ПРИНЦИПА "ОДИН ЗА ВСЕХ И ВСЕ ЗА ОДНОГО"

Зададимся, однако, вопросом: всегда ли, во всех случаях коллективизм хорош? При внимательном и непредвзятом рассмотрении этого вопроса оказывается, что коллективизм не всегда хорош, а в ряде случаев вреден и даже губителен.

Всегда ли цели той или иной группы людей согласуются с интересами отдельных людей и/или всего человеческого общества? Нет, не всегда. Назовем к примеру такие негативные явления, как групповщина, кампанейщина, кумовство, местничество, ведомственность, национализм, шовинизм, расизм, терроризм. А круговая порука? В свое время она была бичом крестьянских общин. Круговая порука — это в сущности другое название, так сказать, негативный слепок коллективистского принципа “один за всех и все за одного”. Да, будем откровенны: столь уважаемый и почитаемый коллективистский принцип отнюдь не всегда

служит нравственным целям. И не только взятый в целом, но и по частям.

Возьмем первую часть принципа. Существует немало ситуаций, когда лучше не “один за всех”, а “один против всех” (см. ниже о положительном значении индивидуализма).

Если возьмем вторую часть коллективистского принципа — “все за одного”, — то его, мягко говоря, невсеобщность видна невооруженным глазом. Отрицательные примеры? Пожалуйста: кровная или родовая месть, культ руководителя-вождя.

Коллективизм может быть так же разрушителен, как строевой шаг солдат, идущих по непрочному мосту.

Нам не нужно единства во чтобы то ни стало, любой ценой. Когда говорят о положительном значении единства, то нередко вспоминают притчу о старике-отце и венике или принцип властителей “разделяй и властвуй”. При этом забывают, что единство любой ценой так же плохо, как и отсутствие единства. Недаром стало популярным такое выражение: “удушение посредством объятий”.

РАЗРУШИТЕЛЬНЫЙ ИЛИ УРОДЛИВЫЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ (ГИПЕРКОЛЛЕКТИВИЗМ)

Коллективизм может быть так же разрушителен, как строевой шаг солдат, идущих по непрочному мосту.

Формы разрушительного или уродливого коллективизма:

- 1). Терроризм
- 2). Заложничество
- 3). Камикадзе
- 4). Бандитизм
- 5). Мафиозность
- 6). Организованная преступность
- 7). Кровная или родовая месть.

Терроризм — это стремление одних наказать, проучить, что-то доказать другим путем уничтожения или

нанесения ущерба третьим. Третьи рассматриваются террористами, по существу, как безличные существа, как вещи, как разменная монета в политической и иной игре. Террористы рассматривают жертв террора не как личностей, индивидуальностей, уникалов, а как людей *по принадлежности*, как представителей того сообщества, к которому относятся эти другие, враги террористов.

Заложничество. Один (одни) берет другого (других) в заложники для решения своих проблем. Заложник рассматривается-используется этим одним опять же по принадлежности, как *связанный* с другим (другими) какими-то *узами* (родственными, групповыми, сословными, классовыми, этническими...)

К формам гиперколлективизма относятся также этатизм, государственничество, тоталитаризм.

Положительное значение индивидуализма

Уж лучше будь один
Чем вместе с кем попало.

Омар Хайям

Я не против коллективизма вообще, а против его возведения во всеобщую норму поведения, против однозначной интерпретации человеческой морали как коллективистской.

Когда индивидуализм распространен так же, как коллективизм, всеобщее обольванивание невозможно. Невозможны культ вождя, деспотизм, массовый террор и репрессии.

Индивидуалистов можно сравнить с графитовыми стержнями в атомном реакторе. Наличие определенного количества и качества графитовых стержней в массе ядерного вещества не дает возможности цепной реакции распада перейти в неуправляемую фазу ядерного взрыва. Если индивидуалистов мало, то коллективистски настроенные люди могут погубить сами себя и общество, в котором они живут. Коллективисты склонны к единству действий настолько, что они готовы (как стадо овец) увлечь себя каким-нибудь политическим безумцем в пропасть самоуничтожения или

тупикового пути развития. Индивидуалисты при любой политической ситуации не дают себя увлечь теми или иными лидерами. Их настроения и интересы разновекторны и поэтому общество, в котором они занимают такие же сильные позиции, как и коллективисты, эволюционирует не так быстро, но зато с оглядкой и осмотрительно. Разновекторные устремления индивидуалистов не позволяют обществу стать монолитом, который мог бы сорваться подобно камню в пропасть.

Еще один положительный пример индивидуализма, выраженный в гераклитовском высказывании *«Один для меня — десять тысяч, если он — наилучший»*... На могиле И. Ньютона совершенно справедливо было начертано: *«Своим разумом превзошел род человеческий»*.

Когда коллективизм хуже индивидуализма. Возьмем первую часть коллективистского девиза «один за всех и все за одного». Существует немало ситуаций, когда лучше не “один за всех”, а “один против всех”. Например, если ученый сделал открытие, установил истину, то он вправе выступать в защиту своего открытия, истины, даже если ему приходится идти против “всех”, большинства, многих... Вспомним Коперника и Галилея, выступивших против всеобщего заблуждения. Знаменитое галилеевское *«А всё таки она вертится!»* — прекрасный образчик мужественного отстаивания человеком своей правоты перед лицом давления неправой коллективной воли, воплощенной в католической церкви. Не случайно говорят, что истины не устанавливаются голосованием. Вообще вопрос о голосовании, о подчинении меньшинства большинству очень непрост. Мы знаем, например, что в отдельных случаях применяется право вето, когда один может заблокировать решение многих. А интересы национальных меньшинств? Далеко не всегда они соответствуют интересам большинства.

Половина человеческой морали, как минимум, — вне компетенции коллективизма, коллективности. Я имею в виду совесть. «В вопросах совести, — говорил

Мохандас Ганди, — закон большинства не действует». Совесть — глубоко индивидуальная категория.

УДУШЕНИЕ ПОСРЕДСТВОМ ОБЪЯТИЙ (КОММУНИСТИЧЕСКИЙ КОЛЛЕКТИВИЗМ)

Одно дело — коллективизм как естественное стремление людей к объединению, как добровольное их объединение для умножения сил. Другое дело — коллективизм как принцип официальной морали, как всеобщий принцип поведения людей. В этом случае коллективизм теряет естественность, добровольность и приобретает характер императива, принудительной нормы-меры, “удушения посредством объятий”.

Вполне в соответствии со своей доктриной уничтожения частной собственности коммунисты абсолютизируют *коллективистское* начало человеческой природы. Эта абсолютизация фактически ведет к отрицанию человечности, к антигуманизму. Ведь человеческая природа и генетически, и поведенчески *многообразна*. Она представляет собой статистический разброс коллективистских, индивидуалистических и смешанных типов. Делая упор на коллективизме, коммунисты этим вольно или невольно *шельмуют, подвергают остракизму* большую часть человеческого сообщества (индивидуалистические и смешанные типы). Практика коммунистического строительства в XX столетии наглядно это показала.

Гримасы коллективизма и индивидуализма

<i>Гримасы коллективизма:</i>	<i>Гримасы индивидуализма:</i>
Круговая порука	Моя хата с краю, ничего не знаю
Высочка	После нас хоть потоп (Людовик XV, король Франции)
Белая ворона	Одинокий волк ("человек человеку — волк")
Один в поле не воин (одно из значений)	Война всех против всех
Не высовывайся (закон	Закон джунглей (либо ты...,

суслика)	либо тебя...)
Живи как все	Белокурый бестия (Ф.Ницше)
Что мне, больше всех надо?!	Каждый за себя — один бог за всех

Как и коллективизм, индивидуализм может быть «в меру», а может быть гипериндивидуализмом, крайним индивидуализмом, индивидуализмом без меры.

ВЗАИМООПОСРЕДСТВОВАНИЕ КОЛЛЕКТИВИЗМА И ИНДИВИДУАЛИЗМА

Нормальные коллективизм и индивидуализм опосредуют друг друга по *формулам* (**К—И—К**) и [**И—К—И**].

Формула (К—И—К). И в стаде обязательно есть вожак, и в человеческом коллективе есть лидер: индивидуум опосредует коллектив.

Даже в ситуации гиперколлективизма индивидуальность некоторых людей не только не подавляется, а, напротив, подчеркивается, выставляется как образец, эталон. В эпоху сталинского коммунизма, когда гиперколлективизм господствовал, разные вожди и лидеры не боялись брать на себя ответственность, действовали как самые настоящие индивидуалисты. Два примера: Сталин и Г.М.Жуков. Это были, безусловно, яркие личности-индивидуальности. Кроме них было множество менее крупных сталиных и жуковых. Вообще, человеческая индивидуальность неистребима. Она может временно подавляться и даже уничтожаться в отдельных случаях, но исчезнуть как таковая **не может в принципе**.

Формула [И—К—И]. В ситуации нормального индивидуализма человек действует не в абсолютном одиночестве, не в изоляции от общества, а имея в виду, что результаты его деятельности так или иначе получат признание других людей, общества в целом. А. Эйнштейн мечтал об уединенной работе на маяке для максимального сосредоточения. Ученые иногда используют образ «башни из слоновой кости» для объяснения важности научного отшельничества. Но, с другой стороны, ученые, и вообще люди, стремятся к

результатам не для себя только, а для других людей, для того или иного сообщества, для общества в целом. Человек связан тысячами нитей с другими людьми, с обществом в целом. И эта связь либо явная, непосредственная, либо подразумевается, опосредованная. Ученые, какими бы индивидуалистами они ни были, работают в рамках научного сообщества, в атмосфере и на благо науки в целом. А наука — *коллективное* познание.

ДРУЖБА — КОМПРОМИСС-СИМБИОЗ ИНДИВИДУАЛИЗМА И КОЛЛЕКТИВИЗМА

Дружба — глубоко индивидуальная связь людей как людей (не как родственников, соседей, любовников, знакомых, соплеменников...). В ней индивидуальное начало соединяется с потребностью в постоянном общении-связи, в единении с кем-либо.

Крайний индивидуализм исключает дружбу. Крайний индивидуалист ведет себя как одинокий волк (вспомним рассказ Д. Лондона «Морской волк». В этом рассказе капитан шхуны представлен как крайний индивидуалист, начисто лишенный способности быть другом).

И крайний коллективизм исключает дружбу. В жестком коллективе дружба отдельных членов не допускается, подавляется или растворяется в товариществе.

Дружба во многом подобна любви. Это фактически бесполовая любовь между людьми. В исключительных обстоятельствах дружба выдерживает любые испытания. Известен такой пример дружбы:

«Дамон и Финтий! — пишет *Г. Серебрякова* — Вот безупречный образец дружбы равных. Два уроженца Сиракуз, не терпящие насилия, гордые, знатные пифагорейцы. Финтий был схвачен деспотом Дионисием II, заподозрившим его в покушении на свою жизнь, и приговорен к смерти. Дамон, зная, что его друг жаждет проститься с семьей и уладить дела, предложил себя в заложники. Финтия отпустили домой на строго отсчитанное время. Оно, однако, миновало, а

он не вернулся в указанный срок. Дамона отвели на площадь, и палач уже поднял секиру, когда, задыхаясь от бега, к плахе примчался осужденный. Народ, собравшийся к лобному месту, потребовал прощения смертнику и Дионисий II не только помиловал его, но и попросил столь верных друг другу людей стать его друзьями. Финтий и Дамон отказались. «Дружба — дар богов», — считали древние.» (Г. Серебрякова «Предшество»).

ТОВАРИЩЕСТВО

Товарищество — единение людей в рамках того или иного коллектива-сообщества. В товариществе индивидуальная составляющая выражена менее, чем в дружбе. Если дружба индивидуалистична, то товарищество коллективистично. Товарищество — форма коллективизма. В товариществе на первом месте коллективное начало, то, что называют «чувством локтя».

Товарищество может быть со знаком плюс, а может быть и со знаком минус. Во втором случае — это товарищество людей в рамках тех или иных аморальных или преступных сообществ (разбойники, бандиты, члены шайки, мафиози и т.д.).

Товарищество — нечто среднее между дружбой и братством. Например, «товарищами по оружию» как правило называют однополчан, а «братья по оружию» — далеко не обязательно однополчане. «Братями по оружию» могут назвать даже представителей воюющих сторон, воинов-противников. «Воинское братство» в принципе не знает границ (в пределах, конечно, воинства как такового). Все «товарищи по оружию» — «братья по оружию», но не все «братья по оружию» являются «товарищами по оружию».

БРАТСТВО

«Братство» означает почти то же, что и товарищество. Братство — единение людей в рамках больших человеческих коллективов-сообществ. Например «братство по оружию», «братство по вере», «братство по разуму» («братья по разуму») и т. д.

О животных — меньшие наши братья. Здесь мы имеем пример братства-единения живых существ.

Лозунг «Все люди — братья» утопичен. Он может иметь реальный смысл лишь в одном случае: если вдруг земное человечество подвергнется нападению со стороны представителей внеземной цивилизации.

Утопичен также и лозунг французской революции «Свобода, равенство, братство!» в части братства.

ЧЕЛОВЕЧНОСТЬ

Братство допускает противопоставление одних людей другим, одних человеческих сообществ другим. Человечность не допускает такого противопоставления. Она имеет абсолютно всеобщий характер, не знает исключений. Не случайно говорят о «преступлениях против человечности» и «преступлениях против человечества» как о выражениях-синонимах.

Отличие человечности от братства не только в этой всеобщности. Братство — форма коллективизма (коллективности), а человечность одинаково относится к индивидуализму и коллективизму и даже умеряет их, т.е. не дает возобладать индивидуализму над коллективизмом или коллективизму над индивидуализмом.

ПАТРИОТИЗМ, НАЦИОНАЛИЗМ, ШОВИНИЗМ

Патриотизм — любовь к Родине, нормальное, естественное отношение к своему отечеству (как к самому себе).

Патриотизм — одна из форм братства.

Существуют разные формы патриотизма: любовь к малой и к большой Родине.

Национализм — гипертрофированный патриотизм, патриотизм, сопровождаемый ксенофобией, чувством неприятия или даже ненависти к другим нациям-этносам.

Шовинизм — крайний национализм, выражающийся в представлении о превосходстве своей нации над всеми другими.

У нас вновь и вновь повторяют такие строки поэта Тютчева:

Умом Россию не понять
Аршином общим не измерить
У ней особенная стать
В Россию можно только верить

Эти слова Тютчева — настоящий поэтический шовинизм. В них утверждается идея исключительности России. Вот что пишут по этому поводу Т.А.Кулакова и Ю.Н.Солонин:

«Обратим внимание на два комплекса национального самосознания, в которых видны истоки наших национальных предрассудков, восторженно возбуждаемых к жизни, вместо того чтобы дать им спокойно умереть. Один из них назовем «чаадаевщиной», отнюдь не посягая на достоинство и значение великого культурного деятеля П.Я.Чаадаева...

Второй комплекс обозначим не менее освященным именем: «тютчевщина». От отчаяния безнадежности мы бросаемся к судорожному переделыванию мира и с восторгом твердим как заклинание слова Ф.И.Тютчева: «Умом Россию не понять...» А собственно, почему? И дали ли себе труд те, кто сжился с этой формулой, вдуматься в ее по сути оскорбительный смысл, оскорбительный для нас и для других. Все подходит под общую мерку, а мы — нет. По какой причине? Нигде и никогда мы не найдем ясного ответа на этот вопрос. Подразумевается наша исключительность, но это — самолюбование, национальный нарциссизм, якобы возвышающий нас. Вот и на Западе с этим ныне согласны, но в смысле обратном — унижающем нас. Для нашей мегаломании оснований нет, для их уничижительного суждения — все.

И что же в нас непонятого? Вероятно, понятого в нас не менее, а может быть, и более, чем в других нациях.»¹

Выражением гипертрофированного патриотизма являются слова песни, часто звучавшей у нас в 70-80-е годы XX века: «Раньше думать о Родине, а потом о себе». Или: «Думать об интересах страны, а не о собственных» (эти слова произнес известный кинорежиссер Григорий Чухрай 23 мая 2001, в день своего 80-летия).

О так называемой «русской идее». В последнее время у нас много говорят о русской идее, о необхо-

¹ См.: «Новая Россия: духовность, гражданственность, возрождение. Материалы Всероссийской научной конференции». Краснодар, 2000. С. 15.

димости иметь такую идею. Я лично против идеи “русской идеи”

Во-первых. Идея “русской идеи” — это всё та же негодная попытка монополизировать сознание российского общества, навязать ему какое-то одно понимание национального духа, один вариант национального самоосознания.

Вспомним, автор “русской идеи” В.С. Соловьев, полагал, что она заключается в сознании триединства церкви, государства и общества. “Восстановить на земле этот верный образ божественной Троицы, — писал он, — вот в чем русская идея”¹. Сколько претенциозности в этом высказывании! Так запросто он говорит за **всех** русских, уверенный в своей правоте. Мало этого, он хочет, чтобы **весь** мир жил в соответствии с этим сознанием. Тут тебе и мессианизм не хуже католического и империализм почище британского.

Во-вторых. Это не просто попытка монополизировать какое-то одно понимание национального самосознания, а вообще никуда не годная попытка свести всё бесконечное многообразие проявлений русского духа к одной мысли-идее. Ведь мысль-идея, как правило, выражается в немногих словах, в одном или нескольких предложениях. Представляете, гигантское духовное богатство такой большой нации, как русская, сводится к какой-то одной мысли-идее, к нескольким словам!

Нация не является целостностью, подобно организму. Она есть *целокупность*, *статистический* ансамбль людей, живущих в одном государстве, говорящих на одном языке, имеющих одну культуру. Единство нации держится не на какой-то умственной рефлексии, не на каких-то словах, произнесенных одним из национальных авторитетов, а на сложном взаимодействии-общении людей, живущих в одном государстве и говорящих на одном языке.

В-третьих, представление нации в виде идеи есть попытка заставить людей следовать этому представле-

¹ См.: В.С. Соловьев. Русская идея. — В: Соловьев В.С. Соч. в 2 т. Т. 2. С. 246.

нию (раз идея, то, значит, ее надо реализовать, осуществить, воплотить, ради нее можно идти на смерть или убивать). Русская идея, раз принятая в одной формулировке, становится — как идея коммунизма или идея фашизма — императивом-регулятивом поведения, подчиняющим себе всех говорящих на русском языке. Это самый настоящий русский нацизм.

10. ДОЛГ

Моральное и, шире, человеческое оправдание долга вытекает из золотого правила поведения. См. об этом выше, стр. [205](#).

Отрицательная форма долга (человек не должен делать то-то и то-то) есть не что иное, как усеченное выражение отрицательной формулировки золотого правила («не делай другим того, чего не хочешь, чтобы делали себе»).

Положительная форма долга (человек должен делать то-то и то-то) есть усеченное выражение положительной формулировки золотого правила («поступай с другими так, как хотел бы, чтобы поступали с тобой»).

Это — общее понимание долга. Оно, естественно, разделяется на частные виды в зависимости от того, кого мы имеем в виду под "другими":

1. Долг перед теми, кто рядом (близкими — родителями, детьми, супругами, родными; друзьями, товарищами, коллегами, знакомыми).

2. Долг перед посторонними (соседями, на улице, в общественных местах, на природе).

3. Долг, вытекающий из обязанностей в учебной или профессиональной деятельности (учебный, служебный, воинский и т. д.).

4. Долг перед той или иной общностью: коллективом, родом, племенем, народом, родиной, страной проживания, культурной общностью, выходящей за пределы одной страны, цивилизацией, расой.

5. Долг перед человечеством.

6. Долг перед живой природой, жизнью как таковой.

Любой долг позиционируется не только в пространстве (перед близкими и далекими), но и во времени (перед прошлым и будущим). Если, например, взять долг перед родителями, то речь идет не только о долге перед живыми родителями, но и перед умершими (хранить память о них, ухаживать за местами погребения и т. д.). Если взять долг перед детьми, то речь идет не только о родившихся детях, но и о неродившихся. Подрастающий человек должен осознать, что его святая обязанность на Земле — оставить после себя потомство. Поэтому он должен следить за своим здоровьем, укреплять его и не попадать в ситуации, которые грозят болезнями и бесплодием. Девочка-девушка должна готовить себя к роли матери во всех отношениях (и в смысле укрепления своего здоровья, и в смысле получения соответствующих знаний-умений, и в смысле осторожности в знакомствах и контактах). То же касается по большому счету и мальчиков-юношей.

Ясно также, что все указанные виды долга не должны противоречить друг другу и по возможности сочетаться, гармонизировать. Например, родительский долг (перед детьми) не должен вступать в конфликт с долгом перед другими людьми, перед человечеством, наконец. И, наоборот, долг перед человечеством не должен исключать долга перед отдельными людьми и общностями людей.

Когда такая коллизия долженствования все же возникает, — это всегда драма.

Долг и склонность по Канту

Кант резко противопоставлял любовь, склонности, желание человека его долгу. «Долг! — восклицает он, — Ты возвышенное, великое слово, так как в тебе нет ничего, угодливого, что льстило бы людям... только из него возникают необходимые условия того достоинства, которое и люди могут дать самим себе. Это именно то великое, что возвышает человека над самим собою (как частью чувственного мира)...» Из теории Канта вытекает, что человек поступает нравственно,

когда поступает по долгу и не нравственно — по склонностям. Любовь, с точки зрения Канта, не нравственна. Эту точку зрения высмеял Шиллер в своем стихотворении:

Сомнение совести.

Ближним охотно служу, но — увя! — имею к ним склонность.

Вот и гложет вопрос: вправду ли нравственен я?

Решение.

Нет тут другого пути: стараясь питать к ним презренье
И с отвращеньем в душе, делай, что требует долг!

Долг — нравственная необходимость, но только как момент свободы. В противном случае он превращается в духовные цепи рабства, холопства. Долг вне доброй воли исполняющего долг, долг ради долга по самой своей сути исключает какое-либо опосредствование случайностью, а следовательно не может быть моментом свободы. Идея долга в таком смысле нередко использовалась и используется власть имущими как средство заставить людей быть послушными, покорно нести тяготы и лишения, не восставать против существующего порядка вещей (будь то диктаторский политический режим или палочная дисциплина на предприятии, в армии). Долг как безусловная преданность, как непререкаемое подчинение власти отца, правителя, феодала, императора, как господство традиции был одним из величайших устоев восточного деспотизма. "Долг вообще" или, как мы говорили, "долг ради долга" является в значительной мере формальным понятием, нравственной абстракцией. Только в соединении с противоположным ему понятием, а именно со *склонностью*, долг может рассматриваться как *нравственная* необходимость, как момент свободы. Как видим, очень важно не отрывать долг от свободы, не противопоставлять его склонности. В противном случае долг приобретает характер чистой необходимости или необходимости, присущей неорганическим системам. А эта необходимость чужда человеку как *живому* существу. В любом случае человек как живое, свободно действующее существо стремится избавиться от такой необходимости. Вот почему на протяжении всей исто-

рии люди неизменно выступали против тех, кто провозглашал долг ради долга и противопоставлял долг склонностям.

11. СОВЕСТЬ: ВНУТРЕННИЙ РЕГУЛЯТОР МОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Если судить самого себя, то всегда будешь судить с пристрастием или больше в сторону вины, или в сторону оправдания. И вот это неизбежное колебание в ту или другую сторону называется совестью.

М. М. Пришвин

Выше было определено, что мораль регулирует отношения людей путем *убеждения*: внутреннего — через совесть, и внешнего — через мнение других, общественное мнение. Рассмотрим сначала внутренний регулятор морального поведения: совесть человека.

Совесть — фундаментальная нравственная категория, определяющая поведение человека практически во всех жизненных ситуациях. Невозможно представить нормальную жизнь человека без совести. Человек, поступающий противно совести, ставит себя, как правило, вне общества — и в моральном, и в физическом, и в юридическом смысле (диапазон этого "вне общества" велик: от потери нормальных человеческих отношений с окружающими до бойкота и, далее, к тюремной изоляции и даже физической гибели). Если количество людей, поступающих противно совести, превысит некоторую критическую массу, то жди великих бед и несчастий в виде войн, геноцида, терроризма, эпидемии наркомании, снижения рождаемости и повышения смертности...

Выше говорилось, что совесть играет регулирующую роль в отношениях между людьми. Эта регуляция двоякого рода. Совесть может одобрять поступки человека, а может не одобрять. В одних случаях говорят «чистая, спокойная совесть». В других — «нечистая совесть», «муки, угрызения совести».

«Чистая совесть, — писал *Л. Фейербах*, — есть не что иное, как радость по поводу радости, причиненной другому человеку; нечистая совесть есть не что иное, как страдание и боль по поводу страданий, причиненных другому человеку».

Философ И. А. Ильин говорил: «Человек, подавивший в себе совесть, не отличит добра от зла: ибо совесть есть верный орган, верный акт для восприятия этих предметов». В самом деле, совесть помогает человеку отличить добро от зла и, более того, смею утверждать, что она помогает ему сделать выбор в пользу добра.

Нет людей, которые бы не имели совести. Факты отдельных аморальных поступков указывают лишь на то, что совесть человеческая подвергается испытанию и что человек может быть *нравственно болен*, как это с ним бывает в физическом и психическом плане.

Муки совести могут быть так велики, что превышают силы человека и приводят его к саморазрушению. Наш великий поэт А. С. Пушкин гениально передал это в образе Бориса Годунова:

Ах, чувствую: ничто не может нас
Среди мирских печалей успокоить;
Ничто, ничто... едина разве совесть!
Так, здравая, она восторжествует
Над злобою, над темной клеветою;
Но если в ней единое пятно,
Единое случайно завелось,
Тогда беда: как язвой моровой
Душа сгорит, нальется сердце ядом,
Как молотком, стучит в ушах упреком
И все тошнит, и голова кружится,
И мальчики кровавые в глазах...
И рад бежать, да некуда... ужасно!..
Да, жалок тот, в ком совесть нечиста!

В последние полтора столетия появились «деятели», которые пренебрежительно стали относиться к морали и совести. Идеологом этого бессовестного движения стал немецкий философ Ф. Ницше. Его философия пронизана нигилизмом. Он призывал к переоценке всех ценностей, постарался разрушить все, что

было наработано человеческой культурой. Мораль добра – хлам, совесть – чепуха.

Вот как, например, он характеризовал мораль (замечу: весьма односторонне!): "Взгляните с этой точки зрения на любую мораль, и вы увидите, что ее "природа" в том и заключается, чтобы учить ненавидеть *laisser aller* (нерадение, распушенность [фр.] – ред.), ненавидеть слишком большую свободу и насаждать в нас потребность в ограниченных горизонтах, в ближайших задачах; она учит *сужению перспективы*, а стало быть, в известном смысле, глупости, как условию жизни и роста."¹ (Подробнее о Ф. Ницше см. ниже, стр. [407](#) и далее).

Гитлер наверняка был вдохновлен Ницше, когда напыщенно провозглашал, обращаясь к солдатам: **"Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью"**² (вариант: «Я освобождаю вас от грязной и разлагающей химеры, именуемой совестью и моралью»). Сравн. Ницше: "Испытывал ли я когда-нибудь угрызение совести? Память моя хранит на этот счет молчание." (Т. 1. С. 722, "Злая мудрость", 10). Или: Угрызение совести — такая же глупость, как попытка собаки разгрызть камень" (Там же. С. 817, "Странник и его тень", 38).

Верный соратник Гитлера Йозеф Геббельс говорил в том же духе. Как министр пропаганды он без зазрения совести рекомендовал обманывать свой народ и всё человечество: «Врите наглее. Чем чудовищнее ложь, тем легче люди в нее верят»; «Тысячекратно повторенная ложь становится правдой».

Аморализм гитлеризма (немецкого нацизма), замешанный на ницшеанском отношении к совести и морали, всем известен. Цена этого аморализма: в развязанной им второй мировой войне погибло свыше 55-

¹ По ту сторону добра и зла, 188. – Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 309.

² Основной постулат Гитлера в программном обращении к армии перед *Drang nach Osten* звучит так: «Солдаты, я освобождаю вас от древней химеры, именуемой совестью во славу Великого Рейха!»

и миллионов людей. Советский Союз заплатил за этот аморализм 27 миллионов жизней.

Гитлеризм канул в лету. А вот попытки покончить с совестью не прекращались. Энрико Ферми, итальянский физик, участвовавший в атомном проекте США, в разгар дискуссий о правомерности предстоящей атомной бомбардировки двух японских городов (в августе 1945 г.) бросил фразу вполне в духе Ницше: "Не надоедайте мне с вашими угрызениями совести"¹. Цена этого "не надоедайте" — более 150 тысяч погибших в Хиросиме и Нагасаки (140 тысяч погибших и раненых в Хиросиме, 75 тысяч погибших и раненых в Нагасаки)².

Дух Ницше стал даже проникать в массовое сознание. Наглядная иллюстрация: в знаменитом американском фильме "Годзилла" молодая журналистка обманула доверие своего старого друга, украв и обнародовав принадлежавший ему секретный видеоматериал; в результате он потерял работу. Жена молодого человека, коллеги этой журналистки, упрекнула его: **"Ты убедил ее (журналистку — Л.Б.), что иметь совесть немодно"**. Если уж в фильм попала такая фраза, то это значит, что, действительно, в молодежной среде, в некоторых кругах активно проводится эта чудовищная и нелепая идея "иметь совесть немодно"³. Если эта идея овладеет сознанием большого количества людей, то жди беды: либо гитлеризма в новом обличье, либо чего еще похуже.

Совестливость — хорошее русское слово, которое, к сожалению, редко звучит. А зря. Совестливость

¹ Эта фраза Э.Ферми взята из документального фильма о И.В.Курчатове "Цепная реакция", показанного по телеканалу "РТР" 12 января 2003 г. в 10.15.

² В Хиросиме во время взрыва атомной бомбы сразу погибло 70 тысяч человек, затем от лучевой болезни и ожогов в течение полугода умерло еще 70 тысяч; всего же умерло в результате атомной атаки на Хиросиму 240 тысяч людей.

³ Аналогичную фразу я услышал в отечественном фильме «Наша дача» (1990 г.) из уст матери взрослого сына: «Совесть нынче не в моде». Какой негодяй первым произнес подобное? И как заразительны бывают порой такие подлые, бессовестные речи!

— весьма ценное качество человека, означающее обостренное чувство совести. Это не робость и не застенчивость, а чувство-желание гармонии с другими-всеми людьми, нормальных человеческих отношений.

Совестливый человек, как правило, отдает себе отчет в своих действиях, соизмеряя их с интересами и чувствами других-всех людей.

Совестливый человек, что бы ни делал, всегда думает о других людях, о жизни, о том, насколько его поведение вплетается в ткань жизни вообще и человеческой, в частности.

Совестливый человек как врач руководствуется принципом «не навреди». Он не будет мусорить, где бы он ни находился, не будет сквернословить, злословить, не будет где попало разговаривать по мобильнику и т. д., и т. п.

Совестливый человек и наедине с самим собой будет стараться выполнить свой человеческий долг.

12. ВНЕШНИЕ РЕГУЛЯТОРЫ МОРАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ: ОБЩЕСТВЕННАЯ МОРАЛЬ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, МНЕНИЕ ДРУГИХ

Внешние регуляторы морального поведения не являются в полном смысле внешними. Чтобы они действовали, нужны воля и разум человека. Иными словами, внешние регуляторы являются внешними лишь по своему источнику. Действуют же они, как и совесть, через **убеждение**, путем **убеждения**. Человек может прислушаться к общественному мнению, мнению других, а может не прислушаться, может принять во внимание установленные-общепринятые правила и оценки других, а может проигнорировать их.

С другой стороны, у внешних регуляторов есть свои способы воздействия на человека: это положительная или отрицательная оценки его поведения, т. е. **одобрение, признание, похвала** или **порицание, осуждение**. Указанные оценки могут быть разной степени. Положительные: от простого слова одобрения-похвалы до награждения медалью, орденом, присвое-

ния звания почетного гражданина, героя и т. п. Отрицательные: от простого слова порицания до разрыва отношений, объявления бойкота и публичного осуждения (товарищеского суда или суда чести, на собрании, в коллективе, в средствах массовой информации). К числу коллективных моральных оценок относятся слава, честь, доброе имя, репутация, престиж, реноме...

Слава может быть разного масштаба: всемирно-историческая, всемирная, национальная, региональная, местная. Она, как правило, со знаком плюс, но может быть и со знаком минус (дурная, геростратова и т. д.). Слава — это восхищение одних людей совершённым другими людьми (какими-либо выдающимися поступками или достижениями).

Слава посещает только некоторых, а честь присуща (или должна быть присуща) каждому. Не имеющий чести или потерявший ее — изгой, маргинал, презираемый человек со всеми вытекающими последствиями.

Честь — доброе имя человека, его положительная самооценка, признаваемая другими людьми, обществом. Честь, говорил *А. Шопенгауэр*, — внешняя совесть, а совесть — внутренняя честь.

Береги платье с нову, а честь с молоду.

Далее, я не случайно говорю о внешних регуляторах во множественном числе. Их, действительно, много. Более того, они представляют собой некоторую **иерархию уровней**.

Самый верхний уровень — это общественная мораль, общественное мнение, выраженные в традициях и обычаях. Это мнение и ныне живущих, и умерших поколений людей, взятое как бы во временном (историческом) разрезе.

Ниже располагается уровень, отражающий общественную мораль, общественное мнение ныне живущих, современников. Этот уровень в свою очередь распадается на ряд подуровней: общественная мораль, общее мнение всего человечества, мировое общественное мнение, общественное мнение европейцев, общественная мораль, общественное мнение россиян,

общественная мораль отдельных народов и народностей, проживающих на территории России.

Выражения «общественная мораль», «общественная нравственность» как нельзя лучше характеризуют верхние уровни внешних моральных регуляторов. Нормы и правила общественной морали могут быть юридически оформлены в виде документов международных организаций (например, в виде Всеобщей декларации прав человека, принятой и провозглашенной Генеральной Ассамблеей ООН), в виде законов, указов и постановлений правительства того или иного государства (государственного образования).

Еще ниже располагается уровень, отражающий общее мнение жителей одной местности (города, деревни)...

И, наконец, самый нижний уровень: «мнение других, немногих или отдельных людей». Он тоже распадается на ряд подуровней: мнение соседей, знакомых, близких, родных, мнение отдельного человека (близкого, родного, друга, товарища или чужого, постороннего).

13. БЛАГОРОДСТВО

Благородство — высокая степень самоуважения, сочетающаяся с такой же высокой степенью уважения других, всех людей, развитое чувство человеческого достоинства, достоинства себя и других. Благородство — это великодушие к поверженным, сочувствие к слабым, униженным и оскорбленным.

Благородный человек — не просто порядочный, а высокопорядочный, высоконравственный человек, с развитым умом, совестью и честью. Он органически не способен совершать злые поступки, злорадствовать, быть циничным.

Противоположность благородства — низость. Низкий человек способен на всякую гадость и подлость.

14. ЧЕСТНОСТЬ

Честность — способность решать проблемы, не прибегая к обману за исключением тех случаев, когда обман служит добру или является средством борьбы с противником.

Иногда можно слышать рассуждения типа "честный — глупый, а умный тот, кто умеет обманывать". Злодей Яго из трагедии Шекспира "Отелло" говорит: "Я предпочту быть умным. Честность — дура. И губит тех, кто с ней" (см. отечественный кинофильм "Отелло"). Почти то же говорит бальзаковский папаша Гобсек: «Этот граф глуп как всякий честный человек».

Действительно, честность имеет ограниченный смысл. Честность глупца может быть вредной, а честность негодяя преступной. Она только тогда оправдана, когда сопрягается с умом и с высшими моральными ценностями, с гуманизмом.

Можно сказать по-другому: честность — низшая моральная добродетель; она необходима, но недостаточна для того, чтобы быть порядочным или, как говорили в старину, добродетельным человеком.

Честность не допускает обмана. А мы знаем, что обман иногда морально оправдан, например, ложь во спасение...

15. СКОМНОСТЬ, ГОРДОСТЬ, САМОУНИЧИЖЕНИЕ, ВЫСОКОМЕРИЕ

Скромность и гордость одинаково важны; они дополняют и обуславливают друг друга.

Скромность без гордости — самоуничижение; гордость без скромности — гордыня, высокомерие.

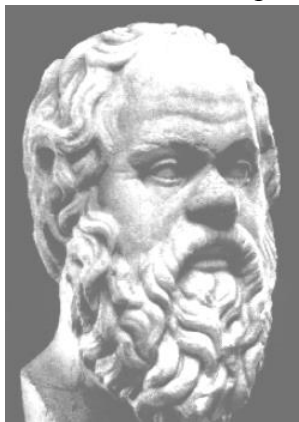
Скромность должна быть в меру и к месту. О ней много говорят те, кто не имеет иных достоинств. Некоторые авторы высказывают даже сомнение в положительной нравственной ценности скромности. Артур Конан-Дойл сказал устами Шерлока Холмса: «Я не согласен с теми, кто причисляет скромность к добродетели. Логик обязан видеть вещи в точности такими, каковы они есть, а недооценивать себя — такое же отклонение от истины, как преувеличивать свои способ-

ности». Д.И.Менделеев говорил еще более резко: «Скромность — мать всех пороков». Думается, А.Конан-Дойл и Д.И.Менделеев имели в виду не скромность как таковую, а ее абсолютизации. Это и самоуничижение, и забитость, и чрезмерная робость, застенчивость, и то, что выражается в известных фразах: "Мне что, больше всех надо?..", "А я что? я — человек маленький...", «Вот такое я ничтожество...».

Японская пословица справедливо утверждает: «Кто не уважает себя сам, того не будут уважать и другие».

С другой стороны, значение скромности трудно переоценить.

Возьмем, например, философию. Пифагор в свое время сказал: мы можем быть только любителями мудрости, а не мудрецами (такowymi могут быть только боги). Отсюда термин «философия» (буквально «любовь к мудрости»)¹. Таким отношением к мудрости философы как бы оставляли «открытую дверь» для творчества нового (для познания и изобретения). Как видим, в самом термине «философия» заключен прин-

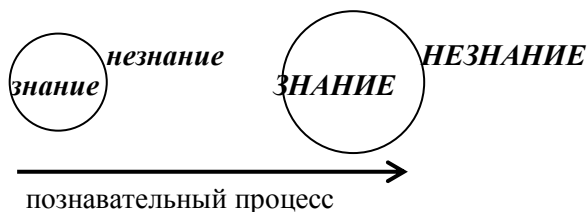
цип интеллектуальной скромности.

Позже Сократ заострил вопрос в виде парадоксального высказывания: «Я знаю, что ничего не знаю». По форме это логически противоречивое утверждение (если человек **ничего** не знает, то не может знать и о том, что он не знает). По содержанию же это своеобразная попытка сформулиро-

¹ “Пифагор называл свое учение любомудрием (φιλοσοφία), а не мудростью (σοφία), Упрекая семерых мудрецов (как их прозвали до него), он говорил, что никто не мудр, ибо человек по слабости своей природы часто не в силах достичь всего, а тот, кто стремится к нраву и образу жизни мудрого существа, может быть подобающе назван любомудром (философом)” Фрагменты ранних греческих философов. Ч. 1, М., 1989. С. 148. — Диодор Сицилийский, X, 10, 1.

вать **принцип познавательной скромности**. (Сравните: *Олкотт*: «Пребывать в неведении относительно собственной невежественности — такова болезнь невежд». Или *Дж. Бруно*: «Тот вдвойне слеп, кто не видит своей слепоты; в этом и состоит отличие прозорливо-прилежных людей от невежественных ленивцев»).

Сократовский парадокс указывает на такую особенность познавательного процесса: чем больше мы узнаем, тем больше соприкасаемся со сферой незнаемого, т. е., грубо говоря, чем больше мы знаем, тем больше знаем, что не знаем. Физик *Р. Милликен* говорил: «Полнота познания всегда означает некоторое понимание глубины нашего неведения». Такое противоречие можно наглядно представить следующим образом:

С познанием, т. е. увеличением круга знания увеличивается сфера соприкосновения с миром незнания. Вот что писал по этому поводу Д. Данин:

«Вполне логично говорить, что научное открытие уменьшает область неизвестного. Но не менее логично утверждать, что она при этом увеличивается. По вине самого открытия и увеличивается. Когда человек идет в гору, перед ним все раздвигается горизонт, но и все протяженной становятся земли, лежащие за горизонтом. Об этом давно замеченном свойстве научного прогресса прекрасно сказал однажды Луи де Бройль:

«В большой аудитории Сорбонны на отличной фреске, созданной Пюви де Шаванном, изображены на обширной поляне фигуры, несколько стилизованные, согласно обычной манере этого художника; они символизируют человечество, наслаждающееся самыми возвышенными духовными радостями: литературой, наукой и искусством; но эту

светлую поляну окружает темный лес, который символически указывает нам, что, несмотря на блестящие завоевания мысли, тайны вещей продолжают окружать нас со всех сторон.

Да, мы находимся в центре огромного темного леса. Понемногу мы освобождаем вокруг себя небольшой участок земли и создаем маленькую поляну. И теперь, благодаря успехам науки, мы непрерывно и во все возрастающем темпе раздвигаем ее границы. Однако все время перед нами пребывает эта таинственная опушка леса — непроницаемого и безграничного леса Неведомого».

...То, что так велеречиво высказал ученый, сухоовато выразил писатель:

«Наука всегда оказывается неправой. Она никогда не решит вопроса, не поставив при этом десятки новых».

Узнается почерк Бернарда Шоу: раз общепризнанно, что на стороне науки всегда есть доказанная правота, ему нужно было убедить нас в обратном — она всегда не права.

Он подумал о науке в момент ее торжества — в момент открытия, когда она и вправду безоружна перед лицом новых «почему», обращенных ею же самой к чуть поредевшему лесу Неведомого. Нет у нее покуда ответов на эти новые «почему», которых никто и не задавал бы до состоявшегося открытия. И она в очередной раз «оказывается неправой» именно на гребне успеха. И чем масштабней открытие, тем более «неправой» оказывается она: тем больше вопросов приводит оно с собой»¹.

Сократовский парадокс Энтони де Мелло выразил таким образом:

«Мастеру нравилось, когда люди признавали свое невежество. — Мудрость растет прямо пропорционально осознанию собственного невежества, — заявлял он.

Когда его просили объяснить, он говорил так: — Если вы обнаружили, что не так умны сегодня, как вам казалось вчера, значит, сегодня вы стали мудрее».

Скромность человеку нужна во всех сферах жизни, при всех обстоятельствах.

Можно выделить два типа скромности: внутреннюю и внешнюю.

Внутренняя скромность касается отношения человека к самому себе. Она говорит человеку: не думай, что ты всё умеешь и знаешь, что достиг всего, забрал-

¹ Д. Данин. С. Вероятностный мир. М., 1981. 90-91.

ся на все вершины. Внутренняя скромность учит человека самокритичности, учит его быть недовольным собой даже в ситуации успеха, не успокаиваться на достигнутом.

Внешняя скромность касается отношений человека с другими людьми; она говорит человеку: не заносись, будь осторожен в демонстрировании своей значимости перед людьми. Они не любят нескромных-заносчивых-высокомерных.

Гордость — самоуважение, чувство собственного достоинства. Она только тогда в меру, нормальна, когда сопрягается со скромностью. Иными словами, гордость — зеркальное отражение скромности. Мало гордости — значит слишком много скромности вплоть до самоуничужения. Много гордости — значит мало скромности. Это гордыня, самомнение, высокомерие, надменность, тщеславие, кичливость.

Гордыня — непомерная гордость, высокомерие.

«Самомнение есть удовольствие, возникшее вследствие того, что человек ставит себя выше других, чем следует» (Б. Спиноза).

Высокомерие — высокое мнение о себе и низкое о других. И. Кант писал: «Высокомерие, в отличие от гордости, не есть притязание на оценку собственного достоинства наравне с другими, но притязание на более высокую оценку собственных достоинств и более низкую — достоинств других».

Надменность — гордость, унижающая и презирующая других.

Кичливость — стремление подчеркнуть свою значимость перед окружающими, горделивость, заносчивость, спесь, чванство.

Иногда путают гордость, вполне положительное нравственное качество, с гордыней, высокомерием, надменностью. Так порой поступают христианские проповедники и сторонники христианской версии морали¹. Я считаю совершенно недопустимым смеши-

¹ Эта путаница с гордостью и гордыней проявляется в устоявшемся христианском представлении о семи смертных грехах. На русском языке в христианской литературе и

вать или отождествлять гордость с гордыней, тщесла-
вием, высокомерием.

16. НЕСЧАСТНОЕ И ПРЕСТУПНОЕ СОЗНАНИЕ

Люди с таким сознанием исходят из того, что "мир полон зла", что все или большинство людей погрязли в грехе, порочны, эгоисты, сволочи и т. д. и т. п. *Несчастное сознание — это сознание жертвы, а преступное сознание — сознание злодея.*

Человек с несчастным сознанием пассивно относится к злу, как жертва, запуган, жалуется, кричит, вопит, но сам ничего не делает.

Человек с преступным сознанием, считая всех или большинство людей злодеями, и себя считает таким же. Такой человек рассуждает: раз люди плохие, то нечего с ними церемониться, а можно и нужно обращаться с ними, как они того заслуживают, т. е. жестоко, безжалостно.

Некоторые философы вольно или невольно подыгрывают людям с преступным сознанием, объявляя, в частности, человека злым животным (Ф. Ницше), ошибкой, халтурой природы, самым мерзким существом на Земле и т. д.

христианских проповедях не проводится различие между гордостью и гордыней. См. разные словари и энциклопедии, отражающие христианскую позицию. Например, в «Онлайн Энциклопедии КРУГОСВЕТ» читаем: « СЕМЬ СМЕРТНЫХ ГРЕХОВ, один из перечней грехов в сочинениях христианских теологов и духовных писателей: гордость, алчность, похоть, гнев, чревоугодие, зависть и лень (или уныние)...» Как видим, гордость причисляется к семи смертным грехам и, более того, ставится на первое место как самый смертный грех. В статье Википедии (см. Интернет) «Смертный грех» грех гордыни именуется в разных контекстах тщеславием, высокомерием, гордостью. В одном случае говорится о гордыне (Высокомерии) (Superbia), в другом — о гордости. В последнем случае утверждается буквально следующее: «Православная святоотеческая традиция включает в список смертных грехов 8 греховных страстей: чревоугодие, прелюбодеяние, сребролюбие, гнев, печаль, уныние, тщеславие, гордость».

Проявления несчастного и/или преступного сознания:

Некоторые женщины считают мужчин эгоистами, животными и т. п. (Героиня телесериала "Марш Турецкого", поставленного по одноименной книге Фридриха Незнанского, говорит: "Да мужиков нет нормальных, Саш").

Некоторые мужчины считают женщин потаскушками, глупыми созданиями. Они даже придумали поговорку "шерше ля фам" ("ищите женщину"). Главный герой польского фильма "Знахарь" Антоний Касиба прямо заявляет: "От баб всё зло на свете".

Представители одной национальности (рода, племени, расы) считают порой других низшими существами, грязными, подлыми, дикими.

Представители одной религиозной конфессии считают порой представителей других религиозных конфессий или неверующих неверными, т. е. ущербными, неполноценными и даже врагами.

Прокурор Вильфор из "Графа Монте-Кристо" А. Дюма говорит: "Все люди — вымогатели, милая моя". Эти слова он говорит своей бывшей любовнице, жене барона Данглара в оправдание своего жестокосердия по отношению к взрослому сыну, которого он не хочет знать. Очень часто такие или подобные слова можно слышать из уст людей, совершивших то или иное преступление. См. протоколы бесед с преступниками или интервью с ними. Вот пример: бывший директор КРАЗа (Красноярского алюминиевого завода), обвиненный в организации ряда убийств, — говорил в беседе, записанной на видеопленку: "Я знал его (своего бывшего "друга") как нормального человека, но **Москва всех портит и губит**". Вот так, ни больше ни меньше. Этот бывший директор без тени сомнения, категорично всю Москву (читай: всех ее жителей, москвичей) обвинил в том, что она всех портит и губит. Он не задумался над тем, что с легкостью необыкновенной охаял, опорочил 10 миллионов москвичей. Конечно, с таким сознанием легко стать на путь преступлений.

Преступники в оправдание своих преступных действий, как правило, ссылаются на всеобщую испорченность, порочность или глупость людей.

Преступное сознание — это сознание человека, оправдывающего свои преступные действия (мошеничество, воровство, насилие, убийство) ссылкой на

то, что все или большинство людей — такие сякие (мошенники, воры, вымогатели, насильники, одним словом, сволочи, подонки).

Еще одна особенность несчастного и преступного сознания: абсолютизация конфликтных отношений между людьми, деление всех людей на победителей и побежденных, на господ и рабов и т. п.

Вот как порой рассуждают люди с преступным сознанием: Родион Раскольников в «Преступлении и наказании» Ф. М. Достоевского: «Могу ли я преступить или не могу? Тварь я дрожащая или имею право?»; «или всех грызи или лежи в грязи» (так поучает юного Фому его дядя, наживший состояние преступным путем. См. "Фома Гордеев" М. Горького); «не хочешь быть бараном, которого стригут, так стриги сам» (так цинично говорит преступник Растегаев в к/ф «Дело пестрых»); "либо ты ешь, либо тебя съедят", «люди делятся на две категории: которые властвуют, а которые подчиняются» (эти "либо" называет "законом тайги" в кинофильме "Хозяин тайги" бригадир сплавщиков, совершивший преступление); бандиты в фильме «Бумер» говорят в свое оправдание: «не мы такие — жизнь такая», т. е. жизнь злая, бандитская.

Совершивший преступление, — в сущности, несчастный человек. В одном фильме состоялся такой диалог между прокурором и преступником. Преступник в бессильной ярости бросил: «ненавижу Вас, ненавижу!» Прокурор ответила: «Ненавидите? А мне Вас жаль. Потому что у таких как Вы нет будущего» («Следствием установлено», в главных ролях Вия Артмане и Гунар Цилинский).

Особым типом аномального сознания является сознание **террориста**. Оно представляет собой **гремучую смесь преступного и несчастного сознания**. Террорист относит себя к хорошему меньшинству или к хорошей, доброй части общества и в этом его сознание похоже на несчастное сознание. Но в отличие от людей с несчастным сознанием террорист настроен на непримиримую борьбу с плохим большинством (с

плохой частью общества). Он готов убивать абсолютно всех (в том числе детей, женщин, стариков), кого он относит к плохому большинству.

Характерный пример. Один из членов террористической группы, захватившей в заложники детей и взрослых в школе Беслана (Северная Осетия, Россия, 1–3 сентября 2004 г.), заявил в разговоре с заложницей, в ответ на ее упрек в жестоком отношении к захваченным детям, что нечего жалеть этих детей, поскольку как и их родители они станут «наркоманами и проститутками». Вот так. Террористы оправдывают свои бесчеловечные поступки тем, что они борются против нелюдей, тех, кто, по их мнению, морально разложился, обесчеловечился («наркоманы и проститутки») и кого уже не стоит жалеть, а только уничтожать, уничтожать, уничтожать... (В итоге от рук террористов в Беслане погибло 335 человек, в том числе 156 детей, ранено свыше 700 человек).

Почти такую же гремучую смесь несчастного и преступного сознания представляет собой сознание так называемого благородного разбойника.

17. О КУЛЬТУРЕ ПОВЕДЕНИЯ

Культура человека складывается из двух частей: внутренней и внешней.

Внутренняя культура — это знания, чувства и умения, лежащие в основе жизни человека (образованность, развитый интеллект, добродетельность-нравственность, профессиональная подготовка).

Внешняя культура — это культура поведения, культура непосредственного контакта, общения с людьми, с окружающей средой. Внешняя культура рождается на стыке внутренней культуры человека с окружающей средой.

Внешняя культура в отдельных случаях может быть не связана с внутренней культурой или даже противоречить ей. Культурный и дельный человек может быть элементарно невоспитан. И, напротив, внешне воспитанный человек может быть пустой, безнравственный, без глубокой внутренней культуры.

Внешняя культура относительно независима от внутренней. Вольтер говорил: «Этикет — это разум для тех, кто его не имеет». И он во многом прав. Ты можешь хорошо знать правила этикета и соблюдать их, но при этом не обладать соответствующей внутренней культурой, в том числе развитым интеллектом.

Внешнюю культуру называют по-разному: культурой поведения, этикетом, хорошими манерами, правилами хорошего тона, благовоспитанностью, культурностью... Это говорит о том, что в зависимости от конкретной задачи люди акцентируют внимание на какой-то одной стороне внешней культуры: чаще всего либо на знании правил поведения и их соблюдении либо на степени вкуса, такта, мастерства в овладении внешней культурой.

Внешняя культура состоит из двух «частей»: того, что идет от общественного мнения (разных общепринятых правил, этикета) и того, что идет от совести человека (деликатность, такт, вкус, манеры).

Существуют правила поведения разного уровня:

1) уровень общечеловеческих правил, принятых в современном обществе;

2) уровень национальных правил или правил, принятых в данной стране;

3) уровень правил, принятых в данной местности (в селе, городе, Москве);

4) уровень правил, принятых в том или ином общественном слое (в среде рабочих, в среде интеллигенции, в высшем обществе и т. п.).

5) уровень правил, принятых в том или ином профессиональном сообществе или общественной организации (медицинских работников, юристов, милиционеров, военных, государственных служащих, членов той или иной партии...)

6) уровень правил, принятых в том или ином учреждении (образовательном, медицинском, государственном, коммерческом...)

Если говорить о том, что идет от совести человека, то здесь тоже можно наблюдать большое разнообразие типов поведения: и деликатность и хамство, и хорошие и дурные манеры, и хороший и плохой вкус.

Человек может не знать тех или иных правил поведения, принятых в данном сообществе. Но если он обладает развитым интеллектом и развитой совестью, то может в какой-то мере компенсировать это незнание чутьем, интуицией, основанными на прирожденных или приобретенных деликатности, такте, вкусе.

Между правилами и внутренними регуляторами поведения имеют место очень сложные отношения. Они противоположны как внутреннее и внешнее, типичное и индивидуальное и в то же время «работают» в одном направлении.

НОРМАЛЬНЫЕ ВЗАИМООТНОШЕНИЯ ЛЮДЕЙ — ТОНКАЯ МАТЕРИЯ

Она легко рвется, если люди грубо обращаются друг с другом.

1). Надо стараться избегать резких слов. Мы говорим, например, нередко другому человеку: “не ори”, “не кричи”, а он всего-навсего громко говорит (от волнения, от возбуждения) или даже не повышал голос, но нам кажется, что он “орет”. Или, если человек сказал с нашей точки зрения несуразность, мы сразу “осаживаем” грубыми словами “не говори глупость, чушь”, “не болтай”.

2). Мы любим злословить. Женщину, чем-то нам не понравившуюся, называем “кошелкой”, “дурой”, «стервой», а мужчину — “козлом”, “лохом”, «придурком».

3). Человеку, с которым мы не согласны в чем-то, говорим: “ты врешь, лжешь”, “ты заблуждаешься”, “ты ничего не понимаешь”.

4). Мы любим крепкие выражения, грубые слова-паразиты (“блин”, “с...” и т. д.), сквернословим. Некоторые думают, что сквернословие, крепкие выражения “украшают” их. Да, в ненормальных отношениях это может быть так. Вспомним, однако, что говорил еще Аристотель: “из привычки сквернословить развивается склонность к совершению дурных поступков” (Политика, 1336 b).

Сообщаю/напоминаю всем, кто постоянно употребляет выражение «блин» или попустительствует употреблению этого выражения на людях, в кино, на телевидении, в печати и т. д. Это выражение — эвфемизм (заменитель, мягкий вариант) грубого матерного слова, оскорбляющего достоинство человека и, прежде всего, женщины. Всякий употребляющий его или слышащий без осуждения понижает этим самым уровень своих отношений с людьми до грубых, низких, подлых, площадных.

Вам хочется грубых, развязных, циничных, подлых отношений с людьми? — так ругайтесь. Но тогда не ждите от людей вежливого-уважительного отношения к себе.

5). Мы любим обобщать, легко делаем из мухи слона. Человек допустил оплошность, что-то не так сказал, сделал, а мы сразу вешаем ярлык: "глупый", "эгоист", "хам", «подлец» и т. п.

б). "Это твои (ваши) проблемы" — невежливое и неуважительное отстранение от проблем другого человека. То же самое можно сказать по-другому: "я, к сожалению, не могу тебе (вам) здесь помочь".

"Это твои (ваши) проблемы" может быть просто хамским, оскорбительным, если говорящий несет отчасти ответственность за возникновение этих проблем.

Не нужно показывать-демонстрировать другому человеку, что он остался наедине со своими проблемами, что он одинок, что он не очень умен, не очень умелый, знающий. Если ты не можешь помочь другому человеку, то должен хотя бы не лишать его надежды на помощь и не лишать его самоуважения.

Ты хочешь совершенствоваться, быть лучше, быть достойным любви, добра, хочешь, чтобы тебя уважали? Так следи за собой, за своими словами-действиями, чисть себя, не давай себе в этом покоя!

О ВОСПИТАННОСТИ И БЛАГОВОСПИТАННОСТИ

Человек может быть воспитан по-разному, плохо или хорошо. Хорошее воспитание называют благовоспитанностью или просто воспитанностью.

По А. П. Чехову, воспитанные люди...

«1) уважают человеческую личность, а потому всегда снисходительны, мягки, вежливы, уступчивы... Они не бунтуют из-за молотка или пропавшей резинки; живя с кем-нибудь, они не делают из этого одолжения, а уходя не говорят: с вами жить нельзя!

2) Они сострадательны не к одним только нищим и кошкам. Они болеют душой и от того, чего не увидишь простым глазом...

4) Они чистосердечны и боятся лжи, как огня. Не лгут они даже в пустяках... Они не рисуются, держат себя на улице так же, как дома, не пускают пыли в глаза меньшей братии... Они не болтливы и не лезут с откровенностями, когда их не спрашивают...

5) Они не уничтожают себя с той целью, чтобы вызывать в другом сочувствие...

6) Они не суетны. их не занимают такие фальшивые бриллианты, как знакомство с знаменитостями...

7) Если они имеют в себе талант, то уважают его. Они жертвуют для него покоем, женщинами, вином, суетой... Они горды своим талантом.

8) Они воспитывают в себе эстетику. Они не могут уснуть в одежде, видеть на стене щели с клопами, дышать дрянным воздухом, шагать по оплеванному полу...

Чтобы воспитаться и не стоять ниже уровня среды, в которую попал, недостаточно прочесть только Пиквика и вызвать монолог из Фауста... Тут нужны непрерывный дневной и ночной труд, вечное чтение, штудировка, воля...»

О ВЕЖЛИВОСТИ

Вежливость — внешнее выражение уважительного отношения к человеку. Противоположность вежливости: грубость, хамство. Они — внешние выражения

неуважительного, т. е. пренебрежительного или уничижительного отношения к человеку.

Вежливость не обязательно означает действительно уважительное отношение к человеку, так же как грубость не обязательно означает действительно неуважительное отношение к человеку. Человек может быть грубым в силу того, что он вращался в грубой среде, не видел иных образцов поведения.

Хамство — явное или скрытое выражение неуважительного отношения к человеку. Явное хамство выступает в форме грубости, грубого обращения с человеком. Скрытое хамство — внешне уважительное отношение, а по сути — неуважение к человеку.

ВОЛШЕБНЫЕ СЛОВА

Три волшебных слова: пожалуйста, спасибо, извините (простите).

Всякая просьба должна сопровождаться словом «*пожалуйста*».

За всякую услугу или помощь нужно *благодарить*, говорить «*спасибо*».

За всякую неприятность, причиняемую другому, нужно *извиняться* или просить *прощения*.

Эти волшебные слова нужно научиться говорить не задумываясь, автоматически. Отсутствие этих слов в соответствующих ситуациях или их неавтоматическое, неестественное употребление означает либо невежливость, хамство, либо объявление-демонстрацию вражды.

ЭТИКА ТЕЛЕФОННОГО РАЗГОВОРА

1). *Всегда надо представляться, когда Вы звоните, если не знакомы/малознакомы с адресатом или если Вы редко звоните этому адресату. Надо также учитывать, что телефонная связь может быть плохой, т. е. Ваш голос еле слышен или искажен и поэтому даже хороший знакомый может сразу не разобраться, с кем он говорит.*

2). *Почти всегда надо спрашивать, занят человек или нет и сколько у него времени на телефонный раз-*

говор. Бесцеремонным является поведение звонящего, который сразу без необходимых уточнений границ разговора начинает вести этот разговор.

3). *Если Вам звонят, а Вы очень заняты и не можете разговаривать, то, как правило, бремя повторного звонка лежит не на том, кто звонил, а на Вас.* Исключений здесь может быть два: 1) если у звонящего нет телефона; 2) если по каким-либо причинам затруднительно звонить тому, кто позвонил Вам.

Невежливо заставлять звонящего перезванивать Вам вновь из-за Вашей занятости. Когда Вы так делаете, то невольно даете понять, что цените-уважаете его меньше, чем себя.

4). *Когда звонят по телефону и спрашивают не Вас, а другого человека, то невежливо спрашивать «кто это?» или «кто говорит?».* Во-первых, неприлично отвечать на вопрос вопросом. Во-вторых, своим вопросом Вы можете поставить в неудобное положение того, кто спрашивает. Спрашивающий не всегда расположен представляться постороннему, взявшему телефонную трубку. Его право — оставаться инкогнито для посторонних. Спрашивающий «кто говорит?» вольно или невольно «лезет в душу» позвонившему. С другой стороны, спрашивающий «кто говорит?» вольно или невольно «лезет в душу» и тому, кому непосредственно звонят, поскольку адресат может быть тоже хотел сохранить тайну своих отношений со звонящим. (Так родители поступают порой в своем стремлении контролировать каждый шаг своих взрослых детей, чем ограничивают их право на личную жизнь. Излишний контроль и излишняя опека со стороны родителей приводят к тому, что взрослые дети или остаются инфантильными, несамостоятельными или отчуждаются от родителей.)

В случае отсутствия адресата нужно спрашивать не «кто говорит?», а «что передать адресату?»

5). *В телефонном разговоре должен преобладать, за редким исключением, деловой или телеграфный стиль.* Разговоры вокруг да около неуместны. Нужно по возможности сразу же формулировать вопросы, из-за которых Вы звоните, и не стесняться просить об

этом же собеседника, если он «увлекся» разговором на посторонние темы. Просить собеседника о переходе к предмету телефонного разговора нужно тактично, без грубого прерывания его речи.

В принципе, допустимы и неделовые разговоры по телефону, но лишь после того, как выясняется, что обе стороны располагают желанием и временем вести такие разговоры.

6). Нужно иметь в виду, что телефонное общение не такое полное как общение «лицом к лицу». Поэтому требования к разговору в целом более жесткие, т. е. нужно вести себя более осторожно, осмотрительно. Слово, сказанное по телефону, и слово, сказанное лицом к лицу, может быть оценено по разному и даже противоположным образом.

В телефонном разговоре нужно говорить менее эмоционально, шутить осмотрительнее, стараться избегать резких слов и выражений.

ОБЯЗАТЕЛЬНОСТЬ, ТОЧНОСТЬ

Необязательный человек очень неудобен для окружающих, хотя он может быть милым, обходительным и т. п. На такого человека нельзя положиться, нельзя рассчитывать. Пусть он не обижается, если его перестают уважать и избегают общения с ним. «Точность — вежливость королей» — утверждает поговорка. Не король тот, кто необязателен, кто ведет себя небрежно по отношению к своему же собственному обязательству.

VII. ЛИБЕРАЛИЗМ И СВОБОДА

1. ЛИБЕРАЛИЗМ

В последние века идея прогресса в деле свободы как *политическая* идея стала знаменем мощного течения общественной мысли — *либерализма*. Последний можно охарактеризовать как духовное течение, провозглашающее свободу высшей ценностью жизни, а движение к большей свободе — насущной задачей государственных и иных институтов.

Понятие либерализма нужно очистить от наслоений, порожденных ограниченными мнениями о свободе и мнениями, не относящимися собственно к либерализму как идеологии свободного человека.

Либерализм нельзя связывать ни с мягкотелостью-бесхарактерностью, ни с попустительством-вседозволенностью. В самоназвании либерализма нет ничего, что указывало бы на эти человеческие качества и действия. Свобода, как я покажу ниже, отнюдь не исключает твердости характера и ответственного поведения. Напротив, она предполагает их.

Тот, кто ругает либерализм, либо не дает себе труда разобраться в значении термина, либо — противник человеческой свободы. Отношение к либерализму — лакмусовая бумага прогрессивности или реакционности воззрений того или иного политического деятеля.

Либерализм предполагает развитое и дифференцированное представление о свободе. Каждой сфере деятельности соответствует определенный вид свободы:

свободомыслие или свобода мышления

свобода убеждений

свобода совести

— свобода вероисповедания

свобода воли

социальная свобода

политическая свобода

— свобода слова, информации

— свобода собраний

- свобода объединений
- свобода передвижения
- свобода местожительства
- экономическая свобода
- свобода предпринимательства
- свобода собственности
- свобода торговли
- свобода конкуренции
- творческая свобода
- художественная свобода
- свобода научного творчества, исследования
- философская свобода
- свобода любви
- сексуальная свобода.

Из этого далеко не полного перечня свобод можно видеть, что либерализм не является сугубо политическим движением. Он — движение всех тех, кто стремится к большей свободе.

Конечно, не все виды свободы охватываются понятием либерализма. Либерализм касается прежде всего и главным образом *межчеловеческих* отношений, жизни человека *в обществе, среди людей*. Но он положительно относится ко всем другим свободам, выходящим за рамки чисто межчеловеческих отношений (технических свобод или свобод по отношению к природным объектам: свободы полета, свободы выхода в космос и т. д.). Кроме того, есть такие виды свободы, которые предполагают не только свободу межчеловеческих отношений, но и вообще свободу человека (по отношению к природе, миру). Возьмем, например, свободу передвижения. Ее компонентами может быть и политическая возможность передвижения, и экономическая, и техническая возможности передвижения. Экономическая и техническая возможности передвижения зависят не столько от межчеловеческих отношений, сколько от уровня технического развития средств передвижения и от общего уровня благосостояния людей. Из указанных к собственно либерализму относится лишь политическая составляющая свободы передвижения. Однако, либерализму не безразличны и другие составляющие этой свободы, поскольку политическая свобода передвижения — пустой звук, если

отсутствуют экономическая и техническая возможности передвижения. Вообще либерализму небезразличен научно-технический, материальный прогресс, расширяющий пределы материальной, творческой свободы и тем самым служащий основой расширения свободы межчеловеческих отношений.

В марксистской философии либерализм как течение общественной мысли однозначно связывался с классом буржуазии. В Филос. энцикл. словаре (М., 1983) читаем: “Либерализм, идейно-политическое движение, объединяющее сторонников буржуазно-парламентского строя и буржуазных “свобод” в экономич., политич. и др. сферах”. Такое понимание либерализма по крайней мере дважды ошибочно. Во-первых, из-за весьма упрощенной модели социальной стратификации, выражающейся в теории классов, в частности, теории деления общества на класс буржуазии и класс пролетариата. Эта теория “укладывает” либерализм и иные общественно-политические движения в прокрустово ложе одного “класса”. Во-вторых, в самоназвании либерализма нет ничего специфически буржуазного. Можно говорить об ограниченности какого-либо вида либерализма, но оценивать весь либерализм как буржуазный — грубая логическая ошибка.

Либерализм нельзя также изображать как “убеждение, стремящееся избавиться от традиций, обычаев, догм и т. д.” (см. Краткую филос. энц. М., 1994. С. 241).

Во-первых, либерализм не является негативным течением, которое только и стремится от чего-либо избавиться.

Во-вторых, нельзя традиции, обычаи, умственные стереотипы огульно зачислять в разряд того, от чего должен избавиться свободный человек. Сами по себе обычаи, традиции, стереотипы мышления и поведения как формы регулирования человеческих отношений, ни плохи, ни хороши. Более того, они занимают важное место в этом регулировании. Речь может идти лишь о *некоторых* обычаях, традициях, стереотипах, а именно о тех, которые устарели и мешают человеку в

его движении к большей свободе. Либералу не к лицу отказываться от старого потому только, что оно старое, и поддерживать новое потому, что оно новое.

В своем естественном виде, по самоназванию, изначально либерализм вполне согласуется с *гуманизмом*. Более того, либерализм и гуманизм *соразмерны* друг другу. Не может быть либерализма без гуманизма, а гуманизма без либерализма. Гуманизм — это либерализм, взятый в аспекте человечности, либерализм — это гуманизм, взятый в аспекте свободы. Если называющий себя либералом выступает с негуманных или антигуманных позиций, то это не либерал в подлинном смысле. Если называющий себя гуманистом ругает либерализм, то он либо не понимает сути либерализма, либо не является по-настоящему гуманистом.

В самом деле, для либерала свобода — высшая ценность. И он уважает ее не только в себе и для себя, но и в других и для других. Если, допустим, человек признает свободу лишь для себя или для немногих, то этим он фактически отрицает её, поскольку свобода “в себе и для себя” носит весьма ограниченный (частный, не всеобщий) характер. Быть свободным среди рабов, в окружении рабов — нонсенс. Один умный человек сказал: «Если Вы наденете цепь на шею раба, другой ее конец захлестнет Вашу собственную». Давно подмечено, что тюремщик, охраняющий заключенного, во многом тот же заключенный. По-настоящему свободным можно быть только среди свободных. Поэтому истинный либерал ценит не только свою свободу, но и свободу других. Следовательно, он по определению человечен, гуманен.

Либералу, безусловно, близка формула, которую вывел в свое время Т. Гоббс: *"человек должен... довольствоваться такой степенью свободы по отношению к другим людям, которую он допустил бы у других людей по отношению к себе"*¹. Эта формула — парафраз золотого правила поведения, и она прекрасно иллюстрирует связь свободы с человечностью, либерализма с гуманизмом.

¹ Т. Гоббс. Соч. в 2-х томах. Т. 2. М., 1991. С. 99.

Либералу не чужд и другой парафраз золотого правила: “Не нарушая чужих прав, ты охраняешь собственные”¹. Этому правилу следуют старатели на Амазонке. В их среде практически отсутствует воровство.

В либералы порой записывались те, кто по сути был *недолибералом*, кто весьма ограниченно представлял свободу (как независимость от обычаев, традиций, как индивидуальную свободу). Эти *недолибералы* породили мнение, что либерал — законченный индивидуалист, стремящийся к замкнутости, самоизоляции. Что можно здесь сказать? Безусловно, это мнение ошибочно. Свобода по самой своей сути открыта, ничего общего не имеет с замкнутостью и изоляционизмом. Свободное общество — открытое общество. Свободный человек — открытый человек (для общения, взаимодействия, сотрудничества с другими). Трудно представить либерально настроенного человека таким бирюком, мизантропом, сторонящимся других людей или живущим по принципу “моя хата с краю, ничего не знаю”.

В споре индивидуализма с коллективизмом либерализм занимает позицию третьей стороны. Он выступает как против крайнего коллективизма, ущемляющего индивидуальную свободу человека, так и против крайнего индивидуализма, игнорирующего или ущемляющего свободу других (всеобщую свободу).

Особенность либерализма как общественного явления состоит в том, что он выступает не просто за свободу и не просто за свободу всех, а за *большую* свободу, за *прогресс* в деле свободы. Поэтому в конкретной ситуации либерализм может вызывать неприятие и даже отторжение со стороны консерваторов, всех тех, кто боится свободы, большей самостоятельности и независимости.

Поскольку прогресс в деле свободы предполагает изменения, либерал изначально, по определению настроен на реформирование, преобразование обще-

¹ Из фильма Жака Ив Кусто 1984 г. о золотых приисках в бассейне Амазонки.

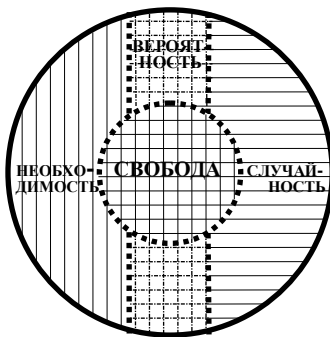
ства, порядков в сторону большей свободы.

Либерал может быть и консерватором, если на завоеванные свободы, на достигнутый уровень свободы покушаются, добиваются изменений не в пользу, а во вред свободе. Либерал не только провозвестник, делатель свободы, но и ее защитник, хранитель. Как провозвестник, делатель свободы он — прогрессист, реформатор и даже революционер. Как хранитель, защитник свободы он — консерватор.

Поскольку в основе идеологии либерализма лежит понятие свободы, именно от трактовки этого понятия в значительной степени зависит понимание сути либерализма.

2. СВОБОДА

С моей точки зрения свобода есть категория возможности, представляющая собой органическое единство (взаимоопосредствование) случайности и необходимости. — См. ниже диаграмму категории “возможность”:

Если случайность определяет многообразие возможностей, а необходимость — их единообразие, то свобода есть единство возможностей в их многообразии или многообразие возможностей в их единстве.

ПРОТИВОПОЛОЖНЫЕ ВЗГЛЯДЫ НА СВОБОДУ

В истории философии можно наблюдать две взаимоисключающие точки зрения на понятие свободы.

В истории философии можно наблюдать две взаимоисключающие точки зрения на понятие свободы.

Одни философы (например, Спиноза, Гольбах, Кант, Шеллинг, Гегель) сближают понятие свободы с понятием необходимости; они либо отрицают наличие в свободе элемента случайности, либо преуменьшают его значение. Вот как характеризовал свободу Б. Спиноза: «Свободой называется такая вещь, которая существует по одной только необходимости собственной природы и определяется к действию только сама собой...» От Спинозы исходит знаменитая формула: «Свобода есть познание необходимости» (у него она звучит так: свобода есть познание «с некоторой вечной необходимостью себя самого, Бога и вещи» [Этика, Т. 42]). Гегель по-своему осмыслил эту формулу. Потом в марксизме она была основной в определении понятия свободы.

Свое крайнее выражение такая точка зрения получила у Гольбаха. "Для человека, — писал он, — свобода есть не что иное, как заключенная в нем самом необходимость"¹. Более того, Гольбах считал, что человек не может быть в подлинном смысле свободен, так как он подчинен действию законов и, следовательно, находится во власти неумолимой необходимости. Чувство свободы, писал он, — это "иллюзия, которую можно сравнить с иллюзией мухи из басни, вообразившей, сидя на дышле тяжелой повозки, что она управляет движением мировой машины, на самом же деле именно эта машина вовлекает в круг своего движения человека без его ведома"².

Кант в «Критике чистого разума» выдвинул антиномию: есть свобода в человеке, нет никакой свободы. В мире явлений, по Канту, господствует необходимость, в мире вещей самих по себе человек свободен. Но что такое, по Канту, свобода? — задает вопрос А.А.Гулыга. И отвечает по-кантовски: «Это следование нравственному долгу, то есть опять-таки подчине-

¹ Гольбах. Избранные произведения в 2-х т.т. Т. 1, 1963. С. 237.

² Гольбах. Система природы. М., 1940. С. 105.

ние человека необходимости. Задача состоит в том, чтобы выбрать правильную необходимость»¹. В книге, посвященной Канту, А.А.Гулыга следующим образом объясняет его позицию: «Свобода с точки зрения этики не произвол. Не просто логическая конструкция, при которой из данной причины могут на равных правах проистекать различные действия. Хочу — поступлю так, а хочу — совсем наоборот. Нравственная свобода личности состоит в осознании и выполнении долга. Перед самим собой и другими людьми «свободная воля и воля, подчиненная нравственным законам, — это одно и то же»»².

Позиция Шеллинга во многом похожа на позицию Канта. «Человек зол или добр, — пишет А.А.Гулыга, излагая позицию Шеллинга, — не случайно, его свободная воля предопределена. Иуда предал Христа добровольно, но он не мог поступить иначе. Человек ведет себя в соответствии со своим характером, а характер не выбирают. От судьбы не уйдешь! Учение о свободе выбора Шеллинг называет «чумой для морали». Мораль не может покоиться на таком шатком основании, как личное хотение или решение. Основа морали — осознание неизбежности определенного поведения. «На том стою и не могу иначе». В словах Лютера, осознавшего себя носителем судьбы, образец морального сознания. Истинная свобода состоит в согласии с необходимостью. Свобода и необходимость существуют одна в другой.»³ В другом месте А.А.Гулыга так излагает позицию Шеллинга: «Процесс творения — самоограничение бога. («В уменье себя ограничить проявляется мастер», — цитирует Шеллинг Гете) Происходит это по свободной воле бога. Значит ли это, что мир возник случайно? Нет, не значит: абсолютная свобода представляет собой абсолютную необходимость, ни о каком выборе при свободном волеизъявлении речи быть не может. Проблема выбора встает там, где имеет место сомнение, где

¹ См.: Гулыга А. Шеллинг. М., 1984. С. 182.

² Гулыга А. Кант. М., 1977. С. 162.

³ Гулыга А. Шеллинг. М., 1984. С. 182.

воля не прояснена, а следовательно, не свободна. Кто знает, что ему нужно, действует, не выбирая.»¹ В «Системе трансцендентального идеализма» Шеллинг, рассуждая о движении общества к всемирно-гражданскому устройству, говорил о взаимопереплетении свободной деятельности людей с исторической необходимостью (как потом говорили и Гегель, и К.Маркс с Ф.Энгельсом): «Человек хотя и свободен в отношении непосредственно своих поступков, но итог, к которому они приводят в пределах обозримости, зависит от необходимости, стоящей над действующим и соучаствующей даже в разворачивании самой его свободы». А.Гулыга комментирует: «Мы действуем совершенно свободно, с полным сознанием, но в результате в форме бессознательного возникает нечто такое, чего в помыслах наших никогда не было. Гегель назовет подобную комбинацию «хитростью разума»»². В книге «О методе университетского образования» Шеллинг говорит о значении необходимости в истории: «В истории, как и в драме, события вытекают с необходимостью из предыдущего и постигаются не эмпирически, а благодаря высшему порядку вещей. Эмпирические причины удовлетворяют рассудок, для разума же история существует только тогда, когда в ней проявляются инструменты и средства высшей необходимости.» Он утверждал также, что в совершенном государстве необходимость сливается со свободой.

А вот мнение Гегеля о свободе и необходимости:

«...но истинное, дух — конкретен, и его определениями являются и свобода, и необходимость. Таким образом, высшее понимание состоит в том, что дух свободен в своей необходимости и лишь в ней находит свою свободу, равно как и, обратно, его необходимость зиждется лишь на его свободе. Только здесь нам труднее полагать единство, чем в предметах природы. Но свобода может быть также абстрактной свободой без необходимости; эта ложная свобода есть произвол,

¹ Гулыга А. Шеллинг. М., 1984. С. 190.

² Там же. С. 90.

и она есть именно поэтому противоположность себе самой, бессознательная связанность, пустое мнение о свободе, формальная свобода»¹.

Другие философы, напротив, противопоставляют понятие свободы понятию необходимости и тем самым сближают его с понятием случайности, произвола.

Американский философ Герберт Дж. Мюллер пишет, например: "Говоря просто, человек свободен постольку, поскольку он может по собственному желанию братья за дело или отказываться от него, принимать собственные решения, отвечать "да" или "нет" на любой вопрос или приказ и, руководствуясь собственным разумением, определять понятия долга и достойной цели. Он не свободен постольку, поскольку он лишен возможности следовать своим склонностям, а в силу прямого принуждения или из боязни последствий обязан поступать вопреки собственным желаниям, причем не играет роли, идут эти желания ему на пользу или во вред"².

Подобное понимание свободы (по принципу "что хочу, то и делаю") мы находим и в немецком философском словаре³, и в "Краткой философской энциклопедии"⁴. Гегель по этому поводу справедливо заметил: "Когда мы слышим, что свобода состоит в возможности делать все, чего хотят, мы можем признать такое представление полным отсутствием культуры мысли"⁵.

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая. СПб., 1993. С. 90.

² Г. Дж. Мюллер. О свободе. — Журн. "Америка", № 89. С. 24

³ См.: Философский словарь (Г. Шмидт. Штутгарт, 1957). Пер. с нем., М., 1961. С. 523.

⁴ **"Свобода** — возможность поступать так, как хочется". — Это скорее определение не свободы, а своеволия. *Тацит* по этому поводу хлестко сказал: "Лишь глупцы называют своеволие свободой". Ср. *Хейз*: "Возможность делать все, что нам угодно — не вольность и не свобода, скорее это оскорбительное злоупотребление истинной свободой" (См.: Афоризмы. (По иностр. источникам. М., 1966. С. 61).

⁵ Гегель. Соч. Т. 1. С. 44. См. также ниже, п. "О так называемом парадоксе свободы".

А вот остроумное замечание из сборника тюремных афоризмов: делай, что хочешь, но так, чтобы не лишиться этой возможности в будущем.

Очень непросто, конечно, осознать присутствие в свободе обоих моментов: случайности и необходимости. Рассудочная мысль бьется в тисках "или". В марксистской философии несмотря на то, что все считали себя диалектиками, существовала какая-то *случайнобоязнь* при оценке и характеристике свободы. Вот что писал, например, И. В. Бычко:

““Существование случайности..., — утверждает один из ведущих представителей американского натурализма К. Ламонт, — порождает свободу выбора, хотя и не гарантирует, что она действительно осуществится” (С. Lamont. Freedom of Choice Affirmed. N.Y. 1967, p. 62). Отождествив (или по крайней мере чрезмерно сблизив) свободу со случайностью, Ламонт на этом основании — совершенно в духе материализма XVIII в. — противопоставляет свободу детерминизму”¹.

Приведенная цитата из сочинения К. Ламонта не содержит того, что приписывает ей И. В. Бычко. Заключенная в ней мысль вполне справедлива. Как это ни парадоксально, но свобода необходимо предполагает случайность, невозможна без нее. Еще Аристотель отметил, что отрицание реального существования случайности влечет за собой отрицание возможности выбора в практической деятельности, что абсурдно. “Уничтожение случая, — писал он, — влечет за собой нелепые последствия... Если в явлениях нет случая, а все существует и возникает по необходимости, тогда не пришлось бы ни совещаться, ни действовать для того, чтобы, если поступать так, было одно, а если иначе, то не было этого”².

Некоторые наши философы буквально “зациклились” на формуле “свобода есть познанная необходимость”. Между тем сам Гегель, если брать в совокупности все его высказывания о свободе, не понимал так упрощенно эту категорию. Он в сущности признавал, что *свобода* содержит в снятом виде оба момента: слу-

¹ И. В. Бычко. В лабиринтах свободы. М., 1976. С. 85.

² См.: Материалисты Древней Греции. М., 1955. С. 70.

чайность и необходимость, а не только одну необходимость. Так в Малой логике (§ 145) он говорит о го-лом произволе как воле в форме случайности. С дру-гой стороны, он не отрицает, что истинно свободная воля в снятом виде содержит в себе произвол (воля "содержит в себе случайное в форме произвола, но со-держит его в себе лишь как снятый момент"). В дру-гом месте Малой логики (§ 182) он писал, что "истин-ное и разумное понятие свободы содержит в самом се-бе необходимость как снятую". Таким образом, при-писываемый Гегелю взгляд, что свобода есть познан-ная необходимость есть всего лишь полуправда, кото-рая искажает сложное и многогранное представление немецкого мыслителя о свободе.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ ПАРАДОКСЕ СВОБОДЫ

К. Поппер следующим образом описывает этот па-радокс: "Так называемый *парадокс свободы* показыва-ет, что свобода в смысле отсутствия какого бы то ни было ограничивающего ее контроля должна привести к значительному ее ограничению, так как дает воз-можность задире поработить кротких. Эту идею очень ясно выразил Платон, хотя несколько иначе и совер-шенно с иными целями."¹

В другом месте К. Поппер пишет: "Этот парадокс

¹ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 1, М., 1992. С. 328. Примечание К. Поппера: "См. "Государство", 562 b-565 с. В тексте я подразумеваю, главным образом, 562 с: "...такое ненасытное стремление к одному" (к свободе) "и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подго-товляет нужду в тирании". См. далее 562d-e: "А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с зако-нами — писаными или неписаными — чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над нами власти... Именно из этого правления... и вырастет, как мне кажется, тирания"... У Платона имеются и другие замечания о *парадоксах сво-боды и демократии* ("Государство", 564 а): "Ведь чрезмер-ная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства обращается не во что иное, как в чрезмер-ное рабство... Так вот тирания возникает, конечно, не из ка-кого иного строя, как из демократии: иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство". См. также "Государство", 565 с-d: ...)"

(свободы — Л.Б.) может быть сформулирован следующим образом: неограниченная свобода ведет к своей противоположности, поскольку без защиты и ограничения со стороны закона свобода необходимо приводит к тирании сильных над слабыми. Этот парадокс, в смутной форме восстановленный Руссо, был разрешен Кантом, который потребовал, чтобы свобода каждого человека была ограничена, но не далее тех пределов, которые необходимы для обеспечения равной свободы для всех.”¹

Как видим, К. Поппер следует И. Канту в понимании парадокса свободы. Между тем уже Гегель подверг критике указанный кантовский тезис. Он писал: “... нет ничего более распространенного, чем представления, что каждый должен *ограничивать* свою свободу в отношении свободы других, что *государство* есть состояние этого взаимного ограничения и законы суть сами эти ограничения. В таких представлениях, — продолжает он критику, — свобода понимается только как случайная прихоть и произвол.”² В самом деле, если свободу понимать только в негативном смысле, как то, что надо ограничивать, она неизбежно сближается с прихотью-произволом.

Именно такое понимание свободы присутствует в известной французской легенде. В ней рассказывается о суде над человеком, который, размахивая руками, нечаянно разбил нос другому человеку. Обвиняемый оправдывался тем, что его никто не может лишить свободы размахивать своими собственными руками. Судебное решение по этому поводу гласило: обвиняемый виновен, так как свобода размахивать

¹ К. Поппер. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 56. См. также: “...то, что в предшествующей главе мы назвали *парадоксом свободы*. Свобода сама себя упраздняет, если она не ограничена. Неограниченная свобода означает, что сильный человек свободен запугать того, кто слабее, и лишить его свободы. Именно поэтому мы требуем такого ограничения свободы государством, при котором свобода каждого человека защищена законом. Никто не должен жить за счет милосердия других, все должны иметь право на защиту со стороны государства.” — Там же. С. 145.

² Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 3, М., 1977. С. 353-354 [§ 539].

руками одного человека кончается там, где начинается нос другого человека.

Насколько распространено это понимание — можно судить по такому факту: Н.Ю.Сенкевич при вступлении в должность генерального директора телеканала НТВ заявил на прессконференции 25 января 2003 г.: "Лично гарантирую, что никаких ограничений свободы слова на канале НТВ не будет". Это популистское и утопическое заявление.

Свободы, любой свободы не бывает без ограничений. Поэтому с самого начала несостоятелен и просто бессмысленен вопрос о том, ограничивать свободу или не ограничивать. Правильнее ставить вопрос о качестве и количестве ограничений, как они влияют на свободу и в каком отношении они находятся к прямо противоположным действиям — допущениям разного рода. Ведь свобода каждого из нас не только ограничивается в обществе, но и *допускается*. Иными словами, имеет место не только взаимоограничение свободы, но и ее взаимодопущение. В этом суть правопорядка. И в этом также регулирующая роль государства. Выше я уже говорил: из взаимоограничения свободы вытекают многообразные *обязанности человека*; из взаимодопущения свободы вытекают не менее многообразные *права человека*. Гегель, споря с Кантом, выступает против представления о неограниченности свободы (что она может быть неограниченной). Он справедливо полагает, что имеются ограничения, внутренне присущие свободе. Свобода без внутренних ограничений — не свобода, а произвол.

Итак, **на самом деле** нет никакого парадокса свободы. Ведь неограниченной, абсолютной свободы не бывает (своеволие, произвол — не свобода; да и они имеют свои границы). Реальная свобода всегда ограничена и извне, и изнутри (извне: внешней необходимостью, обстоятельствами; изнутри: потребностями и долгом). А то, что в результате свободных выборов к власти может прийти тиран-диктатор (как это было в 1933 году в Германии), говорит лишь о том, что свобода сама по себе не дает абсолютных гарантий самозащиты. Свобода всегда заключает в себе риск, в том числе крайний риск уничтожения самой себя. Свобода — это возможность, а возможность может содержать в

себе и отрицание.

(По поводу же абсолютных гарантий чего-либо можно сказать: их не бывает **в принципе!** Касается ли это свободы, безопасности, успеха, выигрыша, долгой жизни и т. д.)

СВОБОДА КАК ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫБОРА

Весьма распространенным является представление о свободе как *возможности выбора*. И это вполне справедливо. В этом понятии свободы отчетливо можно видеть наличие обоих противоположных моментов — случайности и необходимости. Рассмотрим это на конкретном примере. Выбор профессии — жизненно важная проблема практически для всех людей. Он содержит оба момента. Необходимый момент — человек, становясь взрослым, *должен* определиться в выборе профессии, чтобы реализовать себя — здесь нет выбора.

Случайный момент — выбор именно этой, а не какой-нибудь другой профессии, специальности в зависимости от *случайных обстоятельств* (места, времени и т. д.) или от *случайности хотения*.

Органическое соединение необходимого и случайного при выборе профессии происходит тогда, когда этот выбор осуществляется *по призванию*.

Далее, можно видеть, что *необходимый* момент выбора находит свое выражение в двух категориях — категории *потребности* и категории *долга* (моральной ответственности). Категория потребности выражает *лично необходимый* момент выбора (человек нуждается, испытывает настоятельную потребность в каком-либо роде деятельности или в каком-либо предмете, который он может "добыть" только с помощью труда). Категория долга (ответственности) выражает *общественно необходимый* момент выбора (человек обязан, должен работать, трудиться, чтобы не быть тунеядцем, иждивенцем, паразитом). И потребность, и долг *внутренне* необходимы для человека. Только потребность идет от биологических механизмов регуляции поведения, а долг — от социальных

механизмов.

(*Кстати о свободе и ответственности.* Во-первых, нельзя все вопросы взаимоотношения свободы и необходимости сводить к проблеме взаимоотношения свободы и ответственности. Последняя — лишь одно из выражений необходимости. Во-вторых, не во всех случаях свобода органически связана с ответственностью, так сказать, дружит с ней. Бывают такие формы ответственности, которые делают человека не-свободным. Например, ответственность за преступление-злодеяние, ответственность раба, крепостного, заключенного. Таким образом, есть ответственность, которую свобода предполагает, и есть ответственность, которая отрицает свободу в том или ином отношении.)

Выбор профессии по призванию как раз объединяет оба необходимых момента — лично значимый и общественно значимый.

Этим необходимым моментам выбора соответствуют два случайных момента: субъективный — случайность хотения, и объективный — случайность обстановки, обстоятельств, и т. п. (например, случайность рождения, стечение обстоятельств).

Под случайностью хотения¹ я понимаю определенную дозу произвола, которая всегда присутствует в стремлениях и действиях человека. Например, человек выбрал профессию по призванию — стал музыкантом. Это — свободный выбор. И тем не менее, при определении конкретного рода музыкального исполнительства, а еще чаще, при определении конкретного места работы человек может руководствоваться случайными, не связанными с профессией, предпочтениями, в частности симпатиями или антипатиями к возможным сотрудникам, товарищам по работе, к начальству и т. п. Эти симпатии и антипатии могут быть совершенно случайны по отношению к избранному роду деятельности.

В свободе как возможности выбора отчетливо про-

¹ Выражение “случайность хотения” встречается у Гегеля (см. его “Энциклопедию философских наук”, т. 1, § 145). Так он определял содержание понятия “произвол”.

смаатриваются *субъективный* и *объективный* моменты.

С *объективной* стороны возможность выбора означает, что есть что-то, из чего можно выбирать. Объективные возможности выбора весьма многообразны.

В древние времена свобода противопоставлялась рабству. Тот является свободным, кто не раб — говорится в Евангелии от Иоанна (8; 33). Видимо, этим же пониманием свободы руководствовался Аристотель, когда писал: “свободным называем того человека, который живет ради самого себя, а не для другого”¹. Любопытно, что почти также характеризует свободу Гегель: “свобода состоит именно в том, что мне не противостоит никакое абсолютно другое, но я завишу от содержания, которое есть я сам”².

А вот какие мысли высказал *заклученный* по поводу жизни на воле: “Люди на воле и не подозревают, что значит — ходить по земле, куда и как тебе самому заблагорассудится, не ожидая команд и не прислушиваясь к ним.

Люди на воле не ценят еще одного великого права — права выбора, которого начисто лишен раб, узник; из словаря свободных людей не исчезло слово “или”, их поступки не подчинены чужой и злой воле”³. Человек выходит из тюрьмы на свободу. Это значит, что перед ним открывается масса возможностей жить нормально, по-человечески. Обычно перед человеком открыты *широкие* возможности проявить себя, поступать в соответствии со своими желаниями и потребностями.

Способность выбора

С *субъективной* стороны возможность выбора означает *способность* выбора. Человек, несмотря на огромные возможности, которыми он располагает, может оказаться неспособным выбирать. Это происходит либо по незнанию, либо по слабости ума, воли, либо вследствие неумения.

¹ Аристотель. Соч. Т. 1, М., 1976. С. 69 (Метаф. 982b 25).

² Гегель. Энцикл. филос. наук. Т. 1, М., 1974. С. 153 (§ 138).

³ См.: Е.З.Воробьев. Земля, до востребования.

Люди обладают разной степенью и разными видами способности выбора. Вероятно, *общая* способность выбора выражается в понятии "*самостоятельность*". Чем большей способностью выбора (в количественном и качественном отношении) обладает человек, тем он более самостоятелен (при прочих равных условиях).

Способностью выбора обладают не только люди, но и животные и вообще живые организмы. Правда, для простейших живых организмов — одноклеточных — эта способность является минимальной. Они могут только осуществлять выбор между пищей и тем, что не является пищей. По мере усложнения и совершенствования организмов возрастает и их способность выбирать. Простейшие организмы и растения¹, например, не могут выбирать среду обитания, а животные могут. Животные ведут, как правило, активный поиск благоприятной среды.

Неспособны выбирать неорганические тела (кристаллы, камни, планеты и т. п.). Это и понятно. Они не осуществляют никакой деятельности. Их "поведение" целиком обусловлено либо необходимостью (например, движение планет вокруг Солнца), либо случайностью (например, движение пылинок в воздухе), либо вероятностью — промежуточным состоянием между необходимостью и случайностью.

Способность выбора определена выше как субъективный момент свободы. В свою очередь она распадается на два момента: *сознательный* и *волевой* (речь идет, конечно, о человеческой способности выбора).

Сознательный момент способности выбора означает, что человек *способен* обдумывать, "отмеривать", рассчитывать прежде, чем принять решение по какому-либо варианту действия, т. е. способен действовать "со знанием дела". Здесь действует правило: "семь раз отмерь, один отрежь". Лейбниц писал: "уже Аристотель удачно заметил, что свободными действиями мы называем не просто те, которые спонтанны, но те, ко-

¹ Имеются сведения о том, что растения в ограниченном смысле обладают способностью выбирать среду.

торые вдобавок обдуманно"¹. Лейбниц имел в виду то место в "Никомаховой этике", где Аристотель подробно рассматривает вопрос о том, что такое сознательный выбор. Сравн. немецкую пословицу: "Кому выбирать, тому и голову ломать" ("Wer die Wahl hat, hat die Qual"). Уместно привести здесь и знаменитое изречение из Евангелия от Иоанна (гл. 8, ст. 32): "Познайте истину и истина сделает вас свободными". (У меня тоже есть подобное высказывание: "чем объективнее взгляд человека на вещи, тем он более независим от них"). Конечно, эти высказывания односторонни, но они заостряют мысль и тем заставляют думать.

Интересно рассуждение В. Э. Шляпентоха о связи свободы и знания (информации): "Свобода действия и возможность принятия решений появляются только тогда, когда существует возможность выбора различных вариантов поведения. При этом понятие "свобода" в принципе может быть квантифицировано: свобода тем "больше", чем больше существует вариантов выбора... Знание возможных вариантов поведения является неперменным условием существования "свободы" для индивида или группы. В противном случае имеет место "свобода в себе". Действительно, чем больше информирован школьник о существующих профессиях, покупатель — о наличных в торговле товарах и т. д., тем большей степенью свободы в своих действиях они обладают. Отсюда такая связь понятия свободы с категорией информации, хотя очевидно, что информация является необходимым, но отнюдь не достаточным условием свободы. Если индивидуум точно осведомлен о том, что во всех кинотеатрах города демонстрируется только один фильм, то свобода выбора тем не менее благодаря этой информации у него не увеличилась"².

Волевой момент способности выбора означает, что человек *способен* принять решение по какому-либо варианту действия несмотря на недостаточность зна-

¹ Лейбниц. Соч. в 4-х т.т. Т. 2, М., 1983. С. 175.

² См.: "Количественные методы в социологии", М., 1966. С.40.

ний, опыта или времени на обдумывание. Способность к волевому выбору, решению позволяет также избежать ситуации буриданова осла. В философской притче, приписываемой Буридану, осел сдох из-за того, что так и не решился выбрать одну из двух равных охапок сена. Он не мог решить задачу предпочтения одной из двух равных возможностей.

В реальной жизни у людей сознательный и волевой моменты способности выбора не всегда одинаково выражены или развиты. У одних людей может быть более выражен сознательный момент способности выбора. Они хорошо и много обдумывают, "отмеривают", рассчитывают, но порой бывают нерешительны в окончательном выборе или облекают свои выводы, решения в осторожные, не всегда ясные, четкие формулировки. У других людей может быть более выражен волевой момент способности выбора. Тщательному обдумыванию, взвешиванию они явно предпочитают волевой подход, уповают на счастливый случай и даже на "авось".

В основе волевых, волюнтаристских решений лежит *случайность выбора*, когда чаша "волевого усилия" явно перевешивает чашу обдумывания, "отмеривания". Обдумывание и "отмеривание" основываются на познании и учете всех аспектов действительности и возможности, т. е. не только случайности, неупорядоченности, но и необходимости, закономерности, упорядоченности. Человек же, осуществляющий волевое решение, осознанно или неосознанно, абсолютизирует момент случайности, неупорядоченности и недооценивает момент необходимости, законосообразности. Вот откуда, кстати, связь философии волюнтаризма с иррационализмом. В познании существенную роль играет поиск и открытие закономерностей, управляющих событиями. Иррационализм — враг такого познания. Здесь волюнтаризм и иррационализм сходятся. Оба они абсолютизируют одну способность мышления — интуицию — и недооценивают или отрицают другую, прямо противоположную способность мышления — логику, рассудок. Эта последняя способность в большей степени, чем первая, направлена на осмысле-

ние и познание объективной необходимости, закономерности, упорядоченности. Интуиция же направлена главным образом на учет и использование объективной случайности, неупорядоченности бытия.

Вот что пишет В. А. Абчук о важности уравновешенного подхода к сознательному и волевому аспектам свободного выбора:

“в схеме управления переработка информации сопряжена с выбором определенного образа действий. Этот-то выбор образа действия на основе переработки информации и есть решение. Решение является основой управления, его сердцевиной...

Принимая решение, современный судоводитель, инженер, хозяйственник наряду с количественными результатами вычислений должен учитывать великое множество обстоятельств и соображений качественного характера, не сводящихся к однозначным ответам. И, как правило, получается, что в сходных условиях можно действовать так, можно и иначе. А жизнь заставляет на чем-то остановиться, прийти к вполне определенному, единственному решению. Тут не обойтись без выбора, который, помимо умения считать, требует еще и волевых качеств.

...Жан Буридан сочинил забавную притчу об осле, который подох с голода, так как не смог выбрать одну из двух одинаковых охапок сена, оставленных ему хозяином. Печальная история буриданова осла — лучшая иллюстрация того, что может приключиться, если у принимающего решение отсутствует воля. В этом свете становится понятным странный на первый взгляд афоризм "Лучше одно плохое решение, чем два хороших"...

Необходимость и важность волевого начала решения несомненна. Но руководителя-"волевика" подстерегает другая опасность, не менее страшная, чем та, что погубила бедного осла, — опасность свести решение исключительно к волевому акту, лишить свой выбор мудрой обоснованности. Подобного рода действия имеют даже специальное научное название — "волонтаризм"...

Итак, в слове "решил", наряду с академическим "представляется возможным", должны четко прослушиваться и металлические нотки "быть по сему". Все дело в правильной пропорции "академизма" и "металла". Каким же должно быть это важное соотношение? Пополам? Один к двум?...

Ответа на этот вопрос вы не найдете ни в одном учебнике — для каждого решения пропорция должна быть своя. Впрочем, некую общую закономерность можно все же уяснить, "Семь раз отмерь, один отрежь" (7:1), не наоборот. Расчетному началу решения, "отмерить", отдается явное

предпочтение. Так ли, однако, поступаем мы с вами, уважаемый читатель, когда жизнь заставляет нас решать. Стараемся ли мы сдерживать неукротимое желание "отрезать" сразу, без каких-либо расчетов, исходя из так называемого здравого смысла или решая просто "на глаз".

Волевое действие предполагает предварительное осознание цели и средств действия, мысленное обсуждение оснований, говорящих "за" или "против" его выполнения.

Решение не есть доказательство математической теоремы или получение ответа математической задачи, ибо здесь нет волевого момента — ответ однозначен — в этом смысле выражение "решить арифметическую задачу" не точно). С другой стороны, решение не есть и чистый волевой акт: волевое усилие завершает обоснованный выбор, расчет.

Как правило, решение предполагает выбор с участием воли одного из нескольких возможных вариантов действий"¹.

ФОРМУЛА СВОБОДЫ

По определению свобода есть взаимоотношение случайности и необходимости. Ее можно выразить формулой:

$$Св^1 = (Н - [С - Н] - С)$$

где (Н-С-Н) — опосредствование необходимости случайностью;

[С-Н-С] — опосредствование случайности необходимостью;

Св¹ — свобода первой степени (не путать с понятием "степень свободы", используемым в механике, физике и некоторых других науках!).

Свобода 1-ой степени присуща простейшим живым организмам (одноклеточным), способным к самостоятельному существованию.

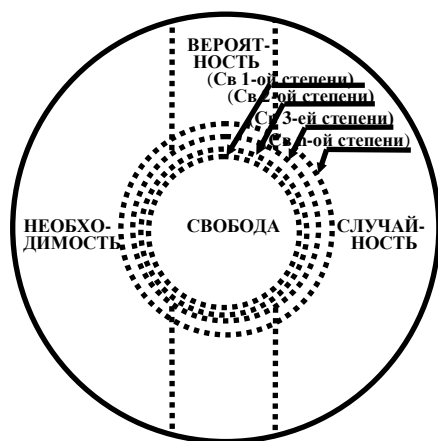
По мере усложнения и совершенствования живых организмов становится сложнее, шире и глубже свобода их поведения, т. е. повышается степень их свободы. (В эмпирическом плане это выражается, в частности, в увеличении степеней свободы². Самый сложный

¹ В. А. Абчук. Теория риска в морской практике. Л., 1983. С. 7-9.

² Степени свободы объекта — независимые характеристики, необходимые для однозначного определения положения объекта. В ньютоновской механике для описания состояния материальной точки имеем три степени свободы: простран-

и совершенный организм — человеческий — имеет 600 мышц и, по меньшей мере, 250 степеней свободы!). В категориально-логическом плане повышение степени свободы выражается в *углублении* взаимоотношествования необходимости и случайности. Это углубление можно представить *скачками* или *лестницей*. Свободе 1-ой, 2-ой, 3-ей и т. д. степеней соответствуют различные дискретные уровни взаимоотношествования. Ниже см. диаграмму “Уровни (глубина) взаимоотношествования необходимости и случайности”. Чем выше степень свободы, тем более глубокие слои необходимости и случайности она “захватывает” в результате взаимоотношествования этих противоположностей.

Свобода в человеческом обществе носит весьма сложный характер. Какой она степени — об этом трудно судить. Нужны исследования.

Если руководствоваться самыми общими соображениями, то можно предположить, что человек обладает свободой не ниже 7-ой степени или еще выше. В самом деле, если предположить, что простейшие живые организмы (одноклеточные) обладают свободой 1-ой степени, многоклеточные

растительные организмы — свободой 2-ой степени, животные — свободой 3—6-ой степени (беспозвоночные, позвоночные холоднокровные, позвоночные теплокровные яйценосящие, млекопитающие или живородящие), то тогда человек должен обладать свободой не ниже 7-ой степени.

ственные координаты X, Y, Z. См.: А. Л. Симанов. Понятие "состояние" как философская категория. Новосибирск. 1982. С. 12.

Таким образом, *становление* живой природы и человеческого общества можно представить как *прогресс в деле свободы*, т. е. как последовательное восхождение от свободы одной степени к свободе другой, более высокой степени.

Как понимать взаимоотношение необходимости и случайности? Попробуем пояснить это на близких для нас примерах, т. е. на примерах, взятых из жизни человека. Нужно только учесть, что эти опосредствования не будут такими однозначными, как на уровне свободы 1-ой степени. Ведь если в последнем случае взаимоотношение необходимости и случайности является как бы непосредственным (либо [Н - С - Н], либо (С - Н - С)), то в рамках свободы, которой обладает человек, это взаимоотношение будет не непосредственным, а *многократно опосредованным*, как бы взаимоотношением в кубе или в четвертой-пятой степени.

Поэтому в связи с большой сложностью взаимоотношения необходимости и случайности в человеческом обществе я намеренно буду представлять его по упрощенной схеме: (Н-С-Н) или [С-Н-С].

Рассмотрим первый вариант: [С-Н-С] — опосредствование случайности необходимостью. Возьмем такой пример. В науке известны так называемые случайные открытия, когда ученый искал одно, а находит совершенно другое. Такова история открытия явления радиоактивности Анри Беккерелем. Хотя это открытие и случайно, однако оно не состоялось бы, если бы не было опосредствовано необходимостью, а именно всеми знаниями, логикой мысли и направленностью интересов французского ученого. Как раз перед этим открытием было открыто рентгеновское излучение. Анри Беккерель все время думал об этом открытии, как свидетельствуют биографы, и это "думание" создавало особую атмосферу поисков. На фоне "думания" и было сделано открытие радиоактивного излучения солей урана. Вот как описывает это открытие Ева Кюри:

"После открытия Рентгеном X-лучей Анри Пуан-

каре решил исследовать, не подобны ли X-лучам Рентгена, и те лучи, какие исходят от флуоресцирующих тел под влиянием света. Увлеченный такой же задачей, Анри Беккерель исследовал соли урана. Но вместо ожидаемого явления он обнаружил другое, совершенно отличное и необъяснимое: соли урана самопроизвольно без предварительного воздействия на них света испускали лучи неизвестного происхождения. Содержащее уран вещество, положенное на фотографическую пластинку, обернутую в черную бумагу, воздействовало на пластинку и сквозь бумагу. Подобно X-лучам и "урановые" лучи разряжали электроскоп, превращая окружающий воздух в проводник.

Анри Беккерель убедился, что эти свойства не зависели от предварительного облучения, а неизменно появлялись и тогда, когда содержащее уран вещество выдерживали долго в темноте. Он открыл то самое явление, которое впоследствии получит от Мари Кюри наименование "радиоактивность"¹.

Подобные открытия, даже самые случайные, не являются на самом деле чисто случайными. Они всегда опосредованы теми или иными необходимыми моментами. Случай помогает только подготовленному уму, говорил Луи Пастер. Или: случай улыбается тем, кто умеет им пользоваться².

Рассмотрим теперь второй вариант: [Н-С-Н] — опосредствование необходимости случайностью. Для примера возьмем ситуацию выбора профессии. С самого начала задано как необходимое условие взрослой жизни — работать, трудиться, выбрать ту или иную профессию. Однако эта необходимость выбора опосредуется случайными предпочтениями или обстоятельствами. То же можно сказать о выборе любимого, суженого. Он изначально задан как необходимое условие взрослой жизни. С другой стороны этот выбор потому и является выбором, что он обусловлен, опосредован массой случайностей. В делах любви большую роль играет Его Величество Случай и не только в от-

¹ Е. Кюри. Мария Кюри. М., 1974. С. 140.

² См.: В. Ученлова. Беседы о журналистике. М., 1985. С. 84.

рицательном, но и в положительном смысле. Случайность является своего рода повивальной бабкой, помогающей рождению любви. Такую же роль случайность играет и в искусстве. Вот что писал, например Александр Грин: "Есть безукоризненная чистота характерных мгновений, какие можно целиком обратить в строки или в рисунок. Это и есть то в жизни, что кладет начало искусству. Подлинный случай, закованный в безмятежную простоту естественно верного тона, какого ждем мы на каждом шагу всем сердцем, всегда полон очарования. Так немного, но так полно звучит тогда впечатление" ("Крысолов").

С точки зрения анализа проблемы опосредствования интересна такая форма поведения — *намек*. В этой форме поведения сознательно используется элемент случайности. Намек может быть понят, а может быть и не понят. Следовательно, он может остаться без ответа. Тот, кто делает намек, хотел бы, чтобы он был понят другим или другими. Но, с другой стороны, он допускает, что намек может быть не понят и, следовательно, то что он хочет, может не осуществиться. Например, девушка намекает юноше о своих чувствах и желаниях. В основе этого ее поведения лежит потребность, т. е. необходимость. А по форме ее поведение носит характер *игры*, одним из проявлений которой является намек, специально подстроенная случайность.

ЗАВИСИМОСТЬ И НЕЗАВИСИМОСТЬ

Выше я говорил о становлении живой природы и человеческого общества как последовательном восхождении от свободы одной степени к свободе другой, более высокой степени. Но прогресс в деле свободы можно представить и как движение от зависимости к независимости, от большей зависимости к меньшей зависимости. Человек как живое существо, безусловно, более независим от окружающей среды, чем животные. Современный человек более независим от нее, чем первобытные люди. Выйдя в космос и осваивая его, он даже стал преодолевать земное тяготение.

(Кстати, фактом выхода в космос человечество решило задачу, превосходящую всё, что могла сделать живая природа на Земле.)

Зависимость и независимость — это еще две диалектически взаимосвязанные противоположные стороны свободы.

Так, ребенок в раннем возрасте максимально зависим от родителей. В зрелом возрасте человек минимально зависим и, соответственно, максимально независим от родителей.

Наверное нельзя однозначно связывать зависимость с необходимостью, а независимость — со случайностью. Зависимость ребенка от родителей содержит в себе как элемент необходимости (создание благоприятных условий для жизни и развития), так и элемент случайности (например, зависимость от прихотей, ошибок, просчетов родителей, их незнания и неумения). Или другой пример. Человек тысячами нитей связан с обществом, в полном смысле слова "живет в обществе". И зависимость человека от общества — это не только его зависимость от многоликой социальной необходимости в моральном, правовом, экономическом, политическом смысле, но и зависимость от случайностей социальных изменений, конфликтов, потрясений, от случайности рождения и воспитания в данном обществе в данную историческую эпоху.

Так же и независимость может быть следствием не только субъективной или объективной случайности, но и субъективной или объективной необходимости. Тот же выход человека в космос, преодоление им земного тяготения — результат действия многих факторов, в том числе и такого как *логика* научно-технического прогресса. Или поведение человека в исключительно опасных для его жизни обстоятельствах. Такая субъективная необходимость как жажда жизни здесь всегда к услугам.

Соотношение *зависимость-независимость* выражает степени свободы (и, соответственно, несвободы) субъекта по отношению к другому, к объекту.

Человек, пока жив, всегда свободен, является свободным существом. Он изначально обладает каким-то

минимумом свободы просто как живое существо. Но в то же время в человеке заложено стремление к большей свободе, причем безграничное стремление. Отсюда все проблемы.

Когда говорят о несвободе, рабстве, гнете, то не надо это понимать в смысле полного отсутствия свободы. Даже в самых стесненных обстоятельствах человек обладает определенным минимумом свободы, прежде всего, *способностью выбирать*. Это как раз и позволяет ему бороться за освобождение, за расширение свободы.

* * *

Как видим, понятие свободы весьма сложно, многогранно; с одной стороны, чрезвычайно широко, а с другой, вполне конкретно. Соответственно и либерализм — весьма сложное, исторически развивающееся течение общественной мысли. То, что имеют в виду под либерализмом его сторонники или противники порой весьма далеко от его действительного значения. Нужно постоянно сверять свой субъективный взгляд на либерализм с естественным понятием свободы и производить корректировку этого взгляда.

Безусловно, либерализм, однажды возникнув, развивается по мере того, как расширяются пределы социальной и иной свободы, как люди решают задачи прогресса в деле свободы.

VIII. КРИТИКА ИДЕЙ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА

Ниже приводится материал, написанный в основном еще в советское время. В нем содержится заочный ответ всем сторонникам идей социализма и коммунизма, утверждающим, что теория хороша, а исполнители были плохие. Я, напротив, убежден, что исполнители, прежде всего В.И. Ленин и его соратники, были незаурядными людьми. У них было достаточно сил и времени (1/6 часть суши и 73 года), чтобы провести свою теорию в жизнь. Кроме того нельзя забывать, что этот социальный эксперимент был повторен в разных вариантах в целой дюжине стран почти на всех континентах. И везде практически один результат — крах социализма-коммунизма.

К сожалению, приводимый материал не потерял свою актуальность. Один высокопоставленный чиновник в телепередаче сказал буквально следующее: “коммунистическая идея — самая перспективная, самая человеческая... она все равно будет осуществлена... пусть через 200, через 500 лет...” “Ошибались, напутали много, построили не тот социализм, о котором писали классики, а казарменный социализм...” Как часто приходится слышать такие разговоры! Неужели жизнь ничему не научила упёртых?!

Критиковать идеи социализма и коммунизма не просто. Авторы и сторонники этих идей исходят, как правило, из благих намерений — помочь человечеству избавиться от язв жизни. Казалось бы, что может быть предосудительного, античеловеческого в благих намерениях? Да, конечно, сами по себе благие намерения — вещь хорошая, и осуждать их может только злой человек. Однако в реальной жизни благие намерения, цели всегда соединяются с теми или иными средствами. И вот тут нередко возникает ситуация медвежьей услуги: мотивы, намерения, цели деятельности хорошие, благие, а результаты, последствия плохие, вред-

ные. Совсем не случайно существует поговорка: “благими намерениями дорога в ад вымощена”. Так вот, сколько бы сторонники идей социализма и коммунизма ни клялись в любви к человечеству, сколько бы ни работали для блага человечества, они неизбежно получают прямо противоположное тому, чего они хотели. В чем же здесь дело? А дело в том, что идеи социализма и коммунизма, как бы широко их ни трактовали, изначально содержат в себе концепцию средств, применение которых приводит к результату, обратному, противоположному цели. Эта концепция средств базируется на определенной концепции человека и общества. В идее социализма базовым понятием является понятие общества (“социализм” происходит от латинского слова “socialis”, “socium” — общественный, общество). В идее коммунизма базовым является понятие общего (“коммунизм” происходит от латинского слова “communis” — общий). Таким образом, в идее социализма так или иначе акцент падает на общество и все общественное, социальное (общественные интересы, общественная собственность, общественные отношения, общественный строй) и, напротив, отодвигается на второй план отдельный человек, индивидуум, личность. В идее коммунизма акцент падает на общее (общие интересы, общая собственность, общий, совместный, коллективный труд и т. п.).

Совершенно очевидна связь между идеями социализма и коммунизма. Это идеи-сестры или даже идеиблизнецы. В том и другом случае акцент падает на надличное, наиндивидуальное, будь-то общество, коллектив, класс, социальная группа или общее — общие интересы, общая собственность, общий труд, общее дело. Это смещение акцентов (с личного, индивидуального на надличное, наиндивидуальное) не так безобидно, как может показаться на первый взгляд или неискушенному уму. В случае последовательного проведения идеи социализма (не говоря уже об идее коммунизма) оно ведет к трем нежелательным следствиям:

1. К абсолютизации общественного целого, группового, коллективного, государственного, одним сло-

вом, на индивидуального, и недооценке человеческой личности, индивидуальности. Эта абсолютизация проявляется, в частности, в известном моральном требовании ставить общественные интересы выше личных или, того хуже, подчинения личных интересов общественным. Она проявляется также в оценке коллективизма как безусловно положительной нравственной ценности, а индивидуализма как безусловно отрицательной ценности; также в положительной оценке альтруизма, самопожертвования, самоотверженности и осуждении эгоизма. Эта абсолютизация ведет в конечном счете к антигуманизму (в “Оптимистической трагедии” Вс. Вишневского капитан корабля задает риторический вопрос: “стоит ли внимания человек, когда речь идет о человечестве?!” Этим он саркастически оценивает мышление и поведение коммунистов-большевиков).

2. К абсолютизации общественного, социального в человеке и недооценке природного, живого, биологического начала в нем (в частности, к недооценке физической стороны жизни: материальных удобств, физического развития, физической любви, физической культуры). Отсюда крен в сторону полуаскетического, спартанского существования, пуританизм, ханжество.

3. К переоценке значения общественных отношений, общественных порядков, общественного строя в жизни и судьбе отдельных людей; вера в решающее значение социального реформаторства для улучшения жизни людей; вера во всемогущество социальных идей, т. е. идей, направленных на преобразование, переустройство общества.

* * *

Социализм так или иначе связан с переоценкой значения обстоятельств в жизни людей и, соответственно, с недооценкой влияния людей на обстоятельства. Показательно такое высказывание К. Маркса: “Если характер человека создается обстоятельствами, то надо, стало быть, обстоятельства сделать человеческими”.

(Относительно первой части высказывания можно заметить, что К. Маркс, к сожалению, был не одинок в

подобной оценке человека. В его время это было почти всеобщее убеждение. Достаточно указать на И. Г. Песталоцци, знаменитого педагога, основоположника теории начального обучения. Последний утверждал: “Человека образуют обстоятельства”. Теперь-то мы знаем, что всё не так просто. Влияние обстоятельств, безусловно, имеет место. Но и человек оказывает не меньшее влияние на обстоятельства. Более того, нередко он действует *вопреки* тем или иным обстоятельствам).

Социализм принижает или даже игнорирует известный жизненный принцип “человек, помоги себе сам”. Этот принцип выступал раньше как антитеза ожидания помощи от бога (“бог-помощь”, “спаси бог”). Социалисты на место бога поставили общество. Указанный жизненный принцип исходит из той очевидной посылки, что человек — личность, субъект, что он активное существо, что именно он в конечном счете ответствен за свою жизнь, деятельность и никто другой: ни мать, ни отец, ни воспитатель, ни начальник, ни коллектив, ни общество. Конечно, полностью ответственность с других не снимается. Но все же основная доля ответственности лежит на отдельном человеке, на индивидууме. Он — личность, субъект, от него исходит активность. Зрелость, взрослость человека определяется тем, насколько он самостоятелен-ответствен. “Самостоянье человека — залог величия его” провозглашал А. С. Пушкин.

Для социалистов характерна вера в разумно организованное общество, иными словами, вера в организацию, во всемогущество организации. Они фактически оказались в ситуации героев крыловской басни “Квартет”. Они думали, что достаточно переустроить, реорганизовать общество, изменить общественный строй, и всё наладится, все люди станут хорошими и будут хорошо жить. В действительности же с изменением общественного строя люди не становятся автоматически лучше и не становится лучше их жизнь. Каким чудовищным самообманом было убеждение большевиков, выраженное в известном высказывании В. И. Ленина: “дайте нам организацию революционеров — и мы пе-

ревернем Россию!”¹ Да, Россию они перевернули. А она как Ванька-встанька снова встала на ноги! И это понятно. Одной только реорганизацией ничего нельзя добиться.

Чтобы улучшить свою жизнь, человек должен действовать во всех направлениях: и в плане совершенствования межчеловеческих отношений, и в плане гармонизации своих отношений с природой, и в плане работы над собой, самосовершенствования. Последнее, кстати, коммунисты и социалисты всех мастей всегда недооценивали или даже игнорировали. Для них человек не столько субъект деятельности, сколько объект воздействий, манипуляций.

Из абсолютизации общественных отношений вытекает преувеличенно негативная оценка частной собственности. Хрестоматийным в этом плане является высказывание Р. Оуэна: “Частная собственность отчуждает человеческие умы друг от друга, служит постоянной причиной возникновения вражды в обществе, неизменным источником обмана и мошенничества среди людей... Она служила причиной войн во все предшествующие эпохи известной нам истории человечества и побуждала к убийствам.”² В самом деле, все смертные грехи человечества социалисты и коммунисты готовы спихнуть на частную собственность, т. е. опять-таки на известное общественное отношение. И здесь отчетливо проглядывает переоценка роли общественных отношений в жизни людей. Как будто недостатки и пороки людей, их вражда и соперничество исчезнут сами собой, если будет уничтожено одно из общественных отношений — частная собственность. К. Маркс и Ф. Энгельс, кстати, так и говорили: “коммунисты могут выразить свою теорию одним положением: уничтожение частной собственности” (см. Манифест Коммунистической партии). Уже в наше время член Политбюро ЦК КПСС Е. К. Лигачев в речи

¹ В.И. Ленин. Что делать? — Полн.собр.соч. Т. 6, М., 1959. С. 127.

² См.: Утопический социализм. Хрестоматия. М., 1982. С. 330.

на последнем съезде КПСС (1990 г.) повторил старые аргументы социалистов: “общественная собственность объединяет, а частная собственность разъединяет интересы людей и, несомненно, социально расслаивает общество”.

Ясно, однако, что разность интересов людей, их пороки и вражда порождаются не только и не столько системой частной собственности. Тому доказательство — практика реальной жизни в условиях социализма, уничтожившего эту систему. Отсутствие частной собственности отнюдь не спасает человечество от межнациональной розни и вражды, не спасает отдельных людей от разных пороков. Причины человеческой розни и вражды гораздо глубже — они коренятся в биологической природе человека, в многообразных условиях его жизни. Если взять хотя бы биологическую природу человека, то мы знаем, что люди изначально, генетически весьма различны и даже противоположны. Различие их индивидуальностей порождает различие их интересов. А различие интересов порождает столкновения между людьми, их взаимную борьбу.

Попытки искоренить столкновения, конфликты, конфронтацию, борьбу между людьми заранее обречены на неудачу. Они утопичны в своей основе. Самое большее, чего могут добиться гуманистически ориентированные политики, это чтобы столкновения и борьба между людьми принимали цивилизованные формы, т. е. такие формы, при которых не унижалось бы человеческое достоинство, не уничтожался человек.

К счастью, люди давно придумали подобные формы. Это борьба на выборах, в парламентах, это экономическая конкуренция, спортивные состязания, творческие, профессиональные конкурсы и т. д. и т. п. Важно, чтобы указанные формы полностью вытеснили из человеческих отношений нецивилизованные, антигуманные формы конфронтации.

Очень хорошо сказал в свое время А. И. Герцен:

“Своеволие и закон, лицо и общество и их нескончаемая борьба с бесчисленными усложнениями и ва-

риациями составляют всю эпопею, всю драму истории. Лицо, которое только и может разумно освободиться в обществе, бунтует против него. Общество, не существующее без лиц, умиряет бунтующую личность.

Лицо ставит себя целью.

Общество — себя.

Этого рода антиномии (нам часто приходилось говорить о них) составляют полюсы всего живого; они неразрешимы потому, что, собственно, их разрешение — безразличие смерти, равновесие покоя, а жизнь — только движение. Полной победой лица или общества история окончилась бы хищными людьми или мирно пасущимся стадом”¹

МЕХАНИСТИЧЕСКИЙ ТОТАЛИТАРИЗМ

Механистический тоталитаризм — это представление общества как некой машины, механизма. Человек в таком обществе находится в системе жестко-детерминированных, однозначных связей и рассматривается, по существу, как винтик общественного механизма.

В. И. Ленин и последующие коммунистические лидеры представляли устройство общества на манер устройства машины-механизма, вполне в духе механистического тоталитаризма.

Так в программном произведении “Очередные задачи Советской власти” (март 1918 г.) В. И. Ленин прямо сравнивал народное хозяйство с часовым механизмом. Он писал: “Ни железные дороги, ни транспорт, ни крупные машины и предприятия вообще не могут функционировать правильно, если нет единства воли, связывающего всю наличность трудящихся в один хозяйственный орган, работающий с правильностью часового механизма. Социализм порожден крупной машинной индустрией. И если трудящиеся массы, вводящие социализм, не сумеют приспособить своих учреждений так, как должна работать крупная машинная индустрия, тогда о введении социализма не может

¹ А. И. Герцен. Соч. в 30-и т.т. Т. XIX. С. 184.

быть и речи” (с. 105).

На протяжении десятилетий это произведение Ленина изучали студенты вузов и техникумов, миллионы и миллионы людей, практически все представители умственного труда — управленческая, научная, инженерно-техническая, художественная интеллигенция.

Соответственно многие руководители, ученые и деятели культуры были заражены идеологией механистического тоталитаризма.

В управлении страной — засилье инженерно-технических кадров, которое не преодолено до сих пор.

Фразеология руководителей всех уровней была насыщена механицизмами — словами и оборотами из языка механиков. Профсоюзы и комсомол (молодежная организация) рассматривались вполне официально как приводные ремни партии. Эта фразеология проникла и в песни. В авиационном марше “Мы рождены, чтоб сказку сделать былью” были такие слова: “а вместо сердца — пламенный мотор!”. Сталин в своей знаменитой речи на приеме в Кремле в честь участников Парада Победы не постеснялся назвать простых людей “винтиками”, “которые держат в состоянии активности наш великий государственный механизм во всех отраслях науки, хозяйства и военного дела”. Само имя “Сталин” весьма символично. В нем стальной смысл. Не случайно человек с этим именем стал преемником Ленина и правил страной 30 лет.

Весь общественный строй, особенно при Ленине и Сталине, носил полувойенный характер. А мы знаем, что военная организация в значительной мере машиноподобна.

IX. НЕГАТИВ ЖИЗНИ: АНТИКУЛЬТУРА И АНТИФИЛОСОФИЯ

АНТИКУЛЬТУРА

АНТИКУЛЬТУРА — БОЛЕЗНЬ ЦИВИЛИЗАЦИИ

В последние 80-100 лет пышным цветом "расцвела" антикультура¹. Сначала она поразила Запад, а после известных событий 1987-1991 годов (когда пали идеологические барьеры и рухнул железный занавес) активно внедряется в нашу российскую действительность². Черты антикультуры:

1) постоянная обращенность к теме смерти, некрофилия: бесконечные романы и фильмы ужасов, катастроф, триллеры, боевики и т.п., информационная некрофилия в средствах массовой информации [СМИ].

2) проповедь-пропаганда аномального в разных его видах: театр абсурда; философия абсурдизма; психоделическая философия; наркотическая антикультура; романтизация преступника [когда антигерои-преступники изображаются как герои], чрезмерное внимание к отклонениям в сексуальном поведении [садизму, мазохизму, гомосексуализму]; пристрастие к

¹ Не следует путать этот термин с термином "контркультура". Контркультура — это протестная культура; в ней могут быть как положительные моменты для культуры, так и отрицательные.

² Эта фраза может создать впечатление, что я ругаю Запад и хвалю Советский Союз. Это не так. Того феномена антикультуры, черты которого я перечисляю ниже, у нас не было. У нас были свои извращения культуры или **своя** антикультура. О них (извращениях) я пишу в книге «Критика марксизма и коммунизма» (1997 г., 2-я редакция — 2006 г.). Нет какого-то целостного явления антикультуры. Она многолика, как многолики болезни. Ведь антикультура — болезнь культуры. И потом. Разве у Запада нет недостатков, всё там хорошо?! Из того, что Советский Союз был плох по многим параметрам, отнюдь не следует, что Запад однозначно хорош и на его светлом лице нет ни пятнышка. — Примечание 2006 г.

изображению психопатологии, болезненных проявлений человеческой психики, Достоевщина.

3) нигилизм по отношению к старой культуре, разрыв с ней или попытки ее "осовременивания" до неузнаваемости, одним словом, нарушение баланса между традициями и новаторством в пользу последнего; новаторство ради новаторства, соревнование за то, чтобы своим "новаторством" сильнее удивить, поразить воображение зрителя, читателя, слушателя.

4) воинствующий иррационализм: от постмодернистских изысков и вывихов до восхваления мистицизма.

К сожалению, деятели культуры всё больше превращаются в оборотней — деятелей **антикультуры**.

Во-первых, вместо того, чтобы "чувства добрые" "лирой пробуждать" (А. С. Пушкин), "сеять разумное, доброе, вечное" (Н. А. Некрасов), они пустились во все тяжкие: в изображение картин и сцен, демонстрирующих насилие, убийство, преступное поведение в целом, грубость, хамство, цинизм, всякие кривлянья, ёрничанья, издёвки.

Во-вторых, красота, прекрасное у нынешних деятелей культуры не в моде: чем уродливее-безобразнее изображаемое, тем лучше (примеры: "Жизнь с идиотом" Виктора Ерофеева, "Лебединое озеро" в постановке Мориса Бежара, "Бесы" Достоевского в телестановке и т. п.).

В-третьих, истина не приветствуется. Характерный пример: в телевизионной рекламе (телеканал ОРТ от 15.01.99-12.30) прозвучало: "Реальные факты менее интересны, чем фантазии и заблуждения". Эта реклама многократно передавалась по телевидению. Вдумайтесь только, что внушается людям: мир иллюзий, ирреальный мир более интересен, чем реальная жизнь?! Да здравствуют маниловщина, мюнхгаузеновщина, кастанедовщина, всякого рода дурманы, духовные и материальные! — Это почти прямой призыв к безумствованию, к уходу из реальной жизни вплоть до наркотической бредомании.

Одним словом, **добро, красота, истина** — фундаментальные человеческие ценности, на которых осно-

ываается жизнь, — деятелей антикультуры почти не интересуют, а если и интересуют, то только в обертке-окружении аномального (отклоняющегося или патологического).

Антикультура — это чрезмерное развитие определенных теневых сторон культуры, раковая опухоль на ее теле. Опасность антикультуры не только в прямом действии на сознание и поведение людей. Она мимикрирует, маскируется под культуру. Люди нередко обманываются, ловятся на удочку антикультуры, принимая ее за культуру, за достижения культуры. **Антикультура — болезнь современного общества. Она разрушает культуру, разрушает человеческое в человеке, самого человека как такового. Она страшнее любой атомной бомбы, любого Усамы бен Ладена, потому что она поражает человека изнутри, его дух, сознание, тело.**

Русский философ В. С. Соловьев писал: «Что же такое, в самом деле культура? Это все, решительно все, производимое человечеством. Тут — мирная Га-агская конференция, но тут и удушающие газы; тут Красный Крест, но тут и обдавание друг друга струями горячей жидкости, тут Символ Веры, но тут и Геккель с «Мировыми загадками». К сожалению, этот взгляд В. С. Соловьева на культуру разделяют многие, понимают под ней нечто аморфное и безбрежное, включают в ее состав вещи, несовместимые с нормальной человечностью. Я решительно не согласен с таким пониманием культуры. Мне ближе такие высказывания философов: «Культура — это сгустки накопленных ценностей» (Г. Федотов); «Культура — это среда, растящая и питающая личность» (П. Флоренский). Или такое высказывание Л. Н. Толстого: «... мы имеем право называть наукой и искусством только такую деятельность, которая будет иметь эту цель и будет достигать ее (благо общества и всего человечества). А потому, как бы ни называли себя ученые, придумывающие теории уголовного, государственного и международного прав, придумывающие новые пушки и взрывчатые вещества, и художники, сочиняющие похабные оперы и оперетки или такие же по-

хабные романы, мы не имеем права называть всю эту деятельность наукой и искусством, потому что деятельность эта не имеет целью благо общества или человечества, а, наоборот, направлена ко вреду людей»¹. (Из записных книжек Л.Н.Толстого).

К культуре относится только то, что служит сохранению, развитию и прогрессу жизни. Точнее, культура — это совокупность знаний и умений, направленных на самосохранение, воспроизводство, совершенствование человека² и воплощенных отчасти в нормах жизни (обычаях, традициях, канонах, стандартах языка, образования и т. п.), отчасти в предметах материальной и духовной культуры. Всё, что выходит за рамки этих знаний и умений, что разрушает человека или препятствует его совершенствованию, — не имеет отношения к человеческой культуре и служит только одному богу: богу антикультуры.

ПРОПАГАНДА АНОРМАЛЬНОГО В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ

Когда ты, наконец, поймешь,
что нормальность не есть добродетель,
а отсутствие мужества.

*Из американского кинофильма
«Практическая магия»*

Современное общество, его атмосфера в целом заражены бактериями аномального (аморального, преступного сознания). Кино и телевидение переполнены сценами насилия, убийства, всякими ужастиками, монстрами, показами катастроф, гибели людей. Преступники и убийцы нередко выставляются героями. Наглядные примеры: часто демонстрируемый по теле-

¹ Л.Н.Толстой здесь несколько перегибал палку (и в отношении юристов и в отношении изобретателей взрывчатых веществ). Но пафос его я вполне разделяю. Не всё, что имеет вид науки или искусства, культуры, на самом деле является таковыми.

² Под **человеком** здесь я имею в виду и отдельного человека, и разные общности людей, и человечество в целом.

видению отечественный кинофильм "Гений", где в главной роли известный киноактер Александр Абдулов; или недавний сериал «Бригада».

Евгений Петросян 30 июня 2003 г. в телепередаче «Смехопанорама» (ОРТ, 18.20) по поводу телесериала «Бригада» печально заметил: «раньше мальчик смотрел «Небесный тихоход» и говорил — хочу быть летчиком; сейчас он смотрит «Бригаду» и что он говорит? — хочу быть бандитом»¹. Главную роль в телесериале играет известный актер Безруков. В интервью (в фильме, показанном по телеканалу «Московия» 21 сентября 2003 г. в 9.40 утра) он оправдывает этот телесериал, объявляет даже глупцами тех, кто не понимает положительного значения телесериала. Каков же сюжет «Бригады»? А он таков, что главный герой — бандит, который выходит победителем из всех схваток с подобными себе и с милицией. Сериал завершается тем, что этот лидер преступной группировки баллотировался в Государственную Думу РФ и выигрывает выборы. Уже есть подражатели телесериала. Некий Виталий Дёмочко ставит в Уссурийске на Дальнем Востоке телесериал «Спец». Этот В. Дёмочко только пять лет, как вышел на свободу. А до этого сидел в тюрьме. Как он сам говорил о себе, он был у истоков организованной преступности на Дальнем Востоке, был организатором преступных сообществ, банд. И вот этот «бывший» бандит ставит телесериал, во многом автобиографичный. Он и продюсер, и главный режиссер, и исполнитель главной роли в телесериале. Большинство ролей в телесериале играют его «братки». Милиционеров и жертв никто из этих «братков» играть не захотел; пришлось ему приглашать на роли милиционеров и жертв артистов местных театров. Первая серия телесери-

¹ Давно известная истина: подрастающее поколение воспитывается большей частью на примерах. Если молодые люди видят дурные примеры, то они невольно заряжаются энергией этих дурных примеров. И наоборот. Вот что писал Сенека почти две тысячи лет назад: «Хочешь освободиться от пороков, — сторонись порочных примеров. Скупец, развратитель, жестокий, коварный, — все, что повредили бы тебе, будь они близко, — в тебе самом. Уйди от них к лучшему, живи с Катонами, с Лелием, с Тубероном, а если тебе по душе греки — побудь с Сократом, с Зеноном. (...) Живи с Хрисиппом, с Посидонием. Они передадут тебе знание божественного и человеческого, они прикажут тебе быть деятельным и не только красно говорить, сыпля словами для удовольствия слушателей, но и закалять душу и быть твердым против угроз.» — Сенека. Нравственные письма к Луцилию, 104, 21-22.

ала «Спец» уже была показана на местном телевидении (сентябрь 2003 г.). Телезрителям понравилась первая серия и они захотели увидеть продолжение. Вот пример «успешного» бандита, который осмелился даже не то что баллотироваться в ГосДуму, а поставить телесериал о своей жизни, т. е. как бы увековечить себя. Он сам об этом говорил. Весь вид этого «продюсера» говорит о том, что он ничуть не раскаялся в содеянном и продолжает свои бандитские дела (кстати, он сам в интервью довольно-таки прозрачно намекнул на это, сказав, что занявшись легальным продюсерским-режиссерским бизнесом оставит, возможно, все свои прежние дела). Не случайно он презрительно отозвался о правоохранительных органах, что те они не способны подавить организованную преступность.

Мы наблюдаем бесконечное смакование подробностей-деталей насилия, преступлений, убийства, грубого/жестоккого обращения с людьми. Язык и поведение литературных и киногероев, как правило, лишены нормальной человечности, деликатности, такта. Сплошное хамство, грубое обращение, грубый площадный язык вплоть до мата. Всё это дети, подростки, молодые люди видят, впитывают в себя как губка, заряжаются этой негативной энергией, начинают подражать. Им начинает казаться, что всё в этом обществе возможно, допустимо, приемлемо. ***Отрицательная энергия преступного сознания, разлитая в современной культуре, в фильмах, книгах, в средствах массовой информации, проникает в неокрепшие умы молодых людей.***

Да что говорить о молодых людях?! И взрослые, зрелые люди порой не выдерживают этого давления криминализированной культуры. В октябре 2001 г. по каналу телевидения НТВ был показан сюжет с поимкой серийного убийцы, врача скорой помощи Максима Сергеева из Санкт-Петербурга. Уже в тридцатилетнем возрасте этот **большой любитель детективов** (как он сам о себе сказал на одном из вопросов) встал на преступный путь сначала ограблений, а потом и убийств. На его совести 10 убийств! Когда в литературе, в кинематографе, на телевидении — бесконечные боевики, детективы, то это неизбежно ведет к криминализации общества, к тому, что люди, вольно или невольно отравляясь всеми этими миазмами преступного созна-

ния, всё в большем количестве становятся на путь преступлений.

(Мне на память приходит один сюжет из фильма Михаила Ромма "Обыкновенный фашизм". На предвыборный митинг в небольшой итальянский город должен был приехать Муссолини, лидер вновь образованной фашистской партии. Жителям городка он был малоизвестен. За несколько дней до приезда Муссолини главная площадь городка была обклеена плакатами с его изображением и характерным фашистским приветствием. Когда Муссолини появился на митинге и поднял руку в фашистском приветствии, то все собравшиеся на митинге жители городка как один подняли руку в этом же характерном приветствии... Вот сила многократного демонстрирования одного и того же в печати, в кино, в средствах массовой информации.)

Бесчисленные сцены с показом преступного поведения ведут лишь к увеличению преступности, воспитывают и плодят всё новых и новых преступников.

Вот несколько свежих примеров. Кинорежиссер Алексей Герман был избит вместе с сыном в доме творчества «Репино» (декабрь 2001 г.). Писатель-сатирик М.Жванецкий подвергся разбойному нападению с целью ограбления: был избит и у него отнят только-что купленный джип, стоивший писателю несколько десятков тысяч долларов (январь 2002 г.). Убит в своем подъезде директор Института психологии РАН, известный психолог Андрей Владимирович Брушлинский. Зверски убита вместе со своим другом дочь декана социологического факультета МГУ В.И.Добренькова (январь 2002 г.). Один из убийц — наркоман. Декан В.И.Добреньков в открытом письме президенту России потребовал отмены моратория на смертную казнь. К этому требованию присоединились более ста преподавателей МГУ. Да разве дело в моратории на смертную казнь?! Дело в общественной атмосфере. Почти открытая пропаганда аморального поведения в СМИ, отрицательная энергия преступного сознания, поддерживаемая культивируемая современной антикультурой, — вот причина всех этих драм и трагедий.

Деятели кино-телевидения, писатели порой оправдывают свое пристрастие к детективному жанру тем, что криминальные сюжеты их фильмов, телепередач,

книг отражают жизнь, что якобы такова жизнь¹. Я с полной ответственностью заявляю: они клеветают на жизнь, на людей, на Россию, на человечество! *В подавляющем большинстве своем люди живут нормальной жизнью, рожают, воспитывают, учат детей, строят, лечат, производят материальные и духовные блага. Преступность и борьба с нею — это лишь ничтожная часть жизни людей, России, человечества.* Преступники, подобно болезнетворным микробам, могут лишь паразитировать на теле общества. Не этим живет общество! Основная жизнь людей — это либо любовь, рождение и воспитание детей, воспроизводство новой жизни, либо производство материальных и духовных благ, жизнь в культуре, материальный-духовный прогресс. Всё остальное находится на периферии жизни. Преступность — это периферийная, маргинальная² жизнь. Соответственно и показывать ее нужно в этой пропорции. Не 50-70 процентов экранного времени, а каких-то 5-10 процентов. Художники, писатели, телевизионщики не должны идти на поводу у маргиналов и тех, кто готов смотреть жизнь этих маргиналов. Кстати, первые используют порой такую аргументацию для обоснования своей позиции: людям нужно показывать интересное, занимательное; боевики, детективы, как правило, интересны, занимательны; значит, людям нужно их показывать. — Это логически ошибочная аргументация. Боевики и детективы — лишь малая часть интересного, занимательного. Объем понятия "интересное, занимательное" неизмеримо больше объема понятия "боевик-детектив". Людям интересна любовь, перипетии любви, интересна борьба в разных ее некриминальных ви-

¹ Оправдываясь, они порой аргументируют в духе поговорки «Неча на зеркало пенять, коли рожа крива». Однако, есть другая поговорка, более подходящая для них: «В кривом глазу и прямое криво». Об этом см. ниже.

² Маргинальный — находящийся на краю, на периферии, на обочине, в стороне; маргинал — человек с маргинальным сознанием и поведением. К маргиналам относятся преступники, политические и религиозные экстремисты, люди с девиантным (отклоняющимся) поведением.

дах (в спорте, в поисках неизведанного, непознанного, в творчестве, в науке, в политике, в экономике), в том числе соревновательные формы борьбы, конкурентная борьба. Занимательны путешествия, приключения, исторические события, жизнь животных, растений, юмор, сатира, комедия и т. д. и т. п. Ссылаются также на спрос, что де детективы пользуются повышенным спросом. **На самом деле это артефакт, искусственно вызванный феномен (когда предлагают на рынке в качестве интересного-занимательного преимущественно что-то одно, то и получают соответствующую реакцию в виде повышенного спроса на это одно).** Если бы писатели, кинематографисты, телевизионщики создавали больше интересной продукции недетективного характера, то и структура спроса изменилась бы в пользу этой продукции.

Кроме того, в таких ситуациях всегда есть **опасность пойти на поводу у дурных вкусов или искушение потакать им.** Народ не всегда прав. Он может увлечься антигероями, такими как Муссолини, Гитлер, в том числе всякими анти- в сфере искусства.

Вот пример: некий Владимир Сорокин стал модным писателем благодаря своим по большей части скандальным произведениям (см., например, роман «Голубое сало», 1999 г.). В телепередаче «Накануне» (НТВ, телеведущий Парфенов) 30 июня 2002 г. воспроизводится видеоролик, в котором В. Сорокин пророческим тоном произносит слова: «Я чувствую как Россия замораживается. Она впадает в спячку... Традиционно... Это медведь». Сам на вид холеный, откормленный, с фигурной бородкой (явно за собой следит) и такое глупое самомнение, такие гадкие слова про Россию. Всё убожество-ничтожество В. Сорокина в этих словах! Его произведения издает издательство «Ad marginem» (директор — Александр Иванов), которое издает также Александра Проханова (ярого националиста) и политического экстремиста Эдуарда Лимонова, придумавшего национал-большевизм. Хороша компания!

Люди бывают падки до сенсаций, до всего необычного, дерзкого, крикливого. Еще две тысячи с лишним лет родилась поучительная легенда о Диогене из Синопа: «Однажды он рассуждал о важных предметах,

но никто его не слушал; тогда он принялся верещать по-птичье; собрались люди, и он пристыдил их за то, что ради пустяков они сбегаются, а ради важных вещей не пошевелиются». Люди вот такие. Не всегда глас народа — глас божий.

В XX веке приобрел большую известность испанский художник Сальвадор Дали. Это художник — настоящий апостол аномального. Практически все его творчество сплошной эпатаж. Он не чурается даже злых и подлых выходок. На одной из своих выставок им была сделана такая надпись: «Иногда ради удовольствия я плюю на портрет своей матери». Узнав об этой выходке сына, отец проклял его.

К сожалению, многие деятели культуры заражены этим духом негативного. Они убеждены в том, что **интересна только теневая сторона жизни, а хорошие люди неинтересны**. Такое мнение высказал, в частности, известный киноактер Макдауэлл. Он снимался в роли Калигулы в одноименном фильме, в фильме «Цареубийца». Это свое мнение он высказал в телепередаче, посвященной ему и его кинопроекту о Чикатило (сентябрь 2003 г.). Подобное мнение я услышал в программе телеканала «Культура», которую ведет Максимов (в первом часу ночи 17.09.03). Телеведущий Максимов и Виталий Вульф согласились с мнением Пьера Кардена, который сказал примерно следующее: люди интересуются безобразным больше, чем красотой.

В мире, в том числе в человечестве, много всяких энтропийных, разрушительных элементов-процессов. Культура всегда противодействовала им. Она **негаэнтропийна** по своей сути.

В кривом глазу и прямое криво

По большому счету принятое в нашей стране название массовых средств передачи сообщений, масс-медиа — «средства массовой информации», сокращенно СМИ, — не соответствует действительности. Массовые средства передачи сообщений передают как информацию, так и дезинформацию, как соответству-

ющее действительности (истину), так и не соответствующее действительности (ложь, фантазии). Утверждать однозначно, что они информируют нас о действительности — это значит вводить в заблуждение общественность.

Возьмем хотя бы новостные программы. Они передают преимущественно негатив жизни (катастрофы, аварии, стихийные бедствия, убийства, террор, другие преступления). Представители масс-медиа, кстати, сами признаются в этом. Вот одно такое признание: «журналисты любят плохие новости». Эту фразу я услышал по Евроньюс 1 сентября 2003 г. в 9.16 утра. Вдумайтесь только: журналисты сосредотачивают внимание на негативе жизни («плохих новостях»), сознают это и тем не менее продолжают врать общественности, что их сообщения — зеркало жизни. Я часто слышу из их уст (в оправдание преимущественного показа негатива) знаменитую поговорку «неча на зеркало пенять, коли рожа крива».

В саморекламе НТВ (сентябрь 2003 г.) в ответ на высказывание тележурналиста Владимира Соловьева о том, что «мир несумасшедший» телеведущий информационной программы «Сегодня» Осокин сказал буквально следующее: «А я каждый день говорю, что мир сумасшедший». Показательное саморазоблачение! Телеканал НТВ как унтер-офицерская вдова сам себя высек. Мир несумасшедший, т. е. нормальный, а они, тележурналисты, изображают его как сумасшедший. Получается, не рожа крива, а зеркало криво.

Саморазоблачительная фраза «журналисты любят плохие новости» и этот встроенный в рекламу диалог Владимира Соловьева с Осокиным на НТВ подтверждают мой тезис о том, что масс-медиа искажают действительность, по существу, дезинформируют общественность о происходящем в мире. Да, в каждом отдельном случае сообщение о том или ином негативном явлении-событии может быть достаточно правдиво. Но в целом, по совокупности сообщения со знаком минус преобладают в новостных программах и создается впечатление, что всё в жизни плохо. Руководители масс-медиа должны коренным образом изменить

политику новостных сообщений, т. е. если они хотят показывать жизнь такой какой она есть, они должны строить свои новостные программы таким образом, чтобы пропорция сообщений о позитиве и негативе жизни соответствовала реальной пропорции позитива и негатива жизни. Иными словами, они всё время должны помнить об этом пристрастии журналистов (их «любви» к плохим новостям) и чистить себя, поправлять журналистов, требовать от них интересных сообщений о позитивных событиях. Кстати, большая ложь — представлять дело таким образом, что сообщения о негативных событиях интересны, а сообщения о позитивных событиях неинтересны. Я часто встречал подобное мнение. Оно не просто ошибочно, а вредно и опасно. (Такое мнение навеяно довольно-таки распространенным старым представлением о том, что образ положительного героя скучен, а образ отрицательного героя интересен).

Помимо новостных программ многие масс-медиа демонстрируют и другие образцы дезинформации: передают астрологические прогнозы (в науке давно установлено, что астрология — лженаука), рекламируют всяких знахарей, ясновидящих, так называемых «народных целителей», без всякой критики-анализа сообщают о разных квази-, псевдонаучных теориях и т. д., и т. п. Могу даже сказать: в последние годы в наших масс-медиа нарастает градус мракобесия. Т. е. во все увеличивающихся масштабах передается не просто ложь-дезинформация, а замалчиваются и/или третируются правда-истина, научно обоснованные теории, концепции. Пример: общепризнанная в науке дарвиновская теория происхождения человека всё чаще упоминается со знаком минус.

Или: всё чаще логика, логическое мышление, рассудок подаются в негативном свете и, наоборот, в позитивном свете подается парадоксальное мышление. В частности, оценка идей, взглядов как парадоксальных нередко фигурирует как позитивная. Вот один характерный пример: по телеканалу «Культура» в рекламе образовательного проекта нового сезона «Плоды просвещения» (сентябрь 2003 г.) среди других рекламных

фраз звучит и такая: «Каждый раз это парадоксальный взгляд на историю, общество...». Слово «парадоксальный» звучит в контексте этой рекламы не просто как нечто позитивное, а как нечто завлекательное.

Вообще сейчас в моде всякие парадоксальные высказывания. В рекламе НТВ телепрограммы «Личный вклад» звучала парадоксальная фраза, которую затем постоянно повторяет (как рефрен) в самой телепрограмме ведущий Герасимов: «Если вы всё понимаете, это значит, что вам не всё говорят» (сентябрь-октябрь 2003 г.). Парадокс-противоречие: если я всё понимаю, то, естественно, обладаю достаточной информацией; а если мне не всё говорят, значит, я не обладаю достаточной информацией и не могу всё понимать. Как хочешь, так и понимай эту фразу. Морочат голову телезрителю. Неужели телевизионщики думают, что они таким образом привлекут внимание телезрителей к данной телепрограмме?!

Среди парадоксальных высказываний встречается и негативная оценка любви как таковой. Ее порой изображают как нечто чудовищное, опасное для жизни, как патологию. Так, на телеканале «Культура» в рекламе ток-шоу «Черный квадрат» (сентябрь 2003 г.) среди других слов из уст одного «деятеля» прозвучала такая фраза: «Любовь — это клиническая форма». Насколько надо быть сбитым с толку, чтобы делать подобные заявления! Меня удивляет, что такое заявление делается в рекламе и притом на телеканале «Культура». Ладно, сказал кто-то глупость, но зачем же ее тиражировать и в буквальном смысле рекламировать?! И это на телеканале, который должен нести свет-культуру людям, должен показывать образцы хорошего-лучшего, того, что составляет цвет-основу жизни. Ведь смотрят эту рекламу миллионы молодых людей и что они должны думать? Что любовь — болезнь? Значит, долой любовь?! Это невообразимо! Сбитые таким образом с толку молодые люди будут вести себя в делах любви настороженно-подозрительно или даже цинично, издеваясь над своими чувствами и/или чувствами любящего их. А некоторые из них будут избегать любви или бороться с

ней, если она случилась. Сколько драм и трагедий может породить это нелепое утверждение «деятеля», подкрепленное авторитетом телевидения и, особенно, телеканала «Культура»!

Или в рекламе порошка Кнорр (вот уже больше года) звучит фраза: «Правила существуют, чтобы их нарушать» (об этой фразе подробнее см. ниже, [стр. 372](#)).

О ВЛИЯНИИ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ, КИНО НА ПОВЕДЕНИЕ ЛЮДЕЙ, ОБЩЕСТВА В ЦЕЛОМ

Это влияние огромно и с каждым десятилетием, веком увеличивается чуть ли не в геометрической прогрессии.

После публикации в конце XVIII века романа Гете «Страдания юного Вертера», который завершается самоубийством главного героя, по Европе прокатилась волна аналогичных самоубийств молодых людей из-за неразделенной любви.

Известен эффект от показа ночью кабельным телевидением эротических фильмов в одном из подмосковных городов (кажется, в Клину). В течение короткого времени в этом городе резко увеличилась рождаемость.

1

В наше время негативное влияние книг, средств массовой информации (СМИ) на общество стало воистину угрожающим. Характерные примеры:

1. В США в конце марта 1998 г. два школьника устроили бойню в школе. Они устроили засаду напротив входа в школу. Один из них нажал кнопку пожарной сигнализации. Из школы стали выбегать учащиеся и преподаватели. В этот момент малолетние преступники открыли огонь по выбегавшим. В результате несколько школьников и одна преподавательница были убиты. Об этом расстреле с подробностями сообщили все информационные агентства. В течение нескольких дней СМИ вновь и вновь муссировали эту тему. И что же в итоге? Через некоторое время в другом амери-

канском городе школьник убил учительницу. Прошло еще некоторое время и опять школьник стрелял. Это уже волна преступлений в детских учреждениях. Дело дошло до курьеза. 8 мая 1998 г. СМИ сообщили, что дошкольник 5-и лет (!) попытался застрелить из пистолета свою воспитательницу за то, что она поставила его в угол. К счастью, в стволе не было патрона. Он был вынут незадолго до этого приятелем маленького преступника. 5-летний преступник задержан за ношение оружия.

22 мая 1998 — сообщение информационных агентств: в США, в городе Спрингфилд 15-летний школьник в кафе школы устроил беспорядочную пальбу. В итоге 1 убитый, 16 раненых, из них 8 в тяжелом состоянии. Дома у этого школьника обнаружили два трупа. Предполагают, что это его родители. Сообщается также, что на прошлой неделе в США зафиксировано два подобных случая. Говорят об эпидемии подростковой преступности.

26 апреля 2002 г. произошла ужасная трагедия в Эрфурте (Германия). Бывший школьник, 19-летний Роберт Штайнхойзер ворвался в гимназию имени Гутенберга, застрелил 13 учителей, 2-х школьников, женщину-полицейского и затем застрелился. Всего погибло 16 человек, а вместе с ним — 17. Гимназия лишилась четверти преподавательского состава. Штайнхойзер стрелял из пистолета. С собой у него было также помповое оружие. Он мстил за исключение из гимназии. А исключили его в декабре 2001 г. за подделку документов и за неуспеваемость. Штайнхойзер был хорошим стрелком, состоял в клубе стрелков. Он не ладил с матерью. Примечательная деталь из его биографии: он любил слушать песню, в которой были слова «убей учительницу». В Германии был объявлен двухдневный траур.

Не прошло и недели, как в другом конце Европы, в городке Власеница (Босния) старшеклассник Петкович убил учителя истории и стрелял в учительницу, ранив ее в шею, и затем покончил с собой. Это случилось 28 апреля. Полиция связывает эту трагедию с недавним

убийством в Эрфурте бывшим школьником 16-и человек.

2. В последние годы в нашей стране отмечается целая серия трагических инцидентов в армии, когда военнослужащие применяют огнестрельное оружие против сослуживцев. Это самая настоящая информационная эпидемия. СМИ растиражировали информацию об этих инцидентах и в итоге возник эффект домино. Расстиражированная информация об одном инциденте подготавливает в умах некоторых военнослужащих почву для совершения подобных действий.

3. То же самое с заказными убийствами. Эпидемия таких убийств в последние годы в нашей стране вызвана в значительной мере распространением информации об этих убийствах. Потенциальные заказчики убийств и сами платные убийцы психологически подготавливаются к подобным преступлениям, получают информацию по технологии и обстоятельствам преступлений. СМИ нередко смакууют детали этих убийств, подробно рассказывают об их технологии, обстоятельствах, многократно, до навязчивости воспроизводят все перипетии убийств в информационных программах и специализированных передачах (типа «криминальной хроники», «дорожного патруля», «Петровки 38»).

4. Список преступлений, самоубийств, инициированных СМИ можно продолжать и продолжать. К их числу можно отнести распространение наркомании, некоторые виды самоубийств наркоманов (совсем недавно рассказывалось о самоубийстве молодой пары наркоманов, прыгнувшей с крыши многоэтажного дома, и тут же через несколько дней произошел аналогичный случай — молодой наркоман выбросился из окна и убится на смерть), захват заложников, телефонный терроризм.

5. В отдельных случаях некоторые авиакатастрофы, автокатастрофы и подобные катастрофы могут провоцироваться СМИ. Когда о них подробно рассказывается в СМИ, смакуются детали, то некоторые психологически неустойчивые летчики, автомобилисты под воздействием этой информации могут сильно

тревожиться и даже запаниковать. А от этого один шаг к ошибкам в управлении транспортным средством и катастрофе.

6. Давно известен криминальный эффект детективной литературы и детективных фильмов. Фантазия писателей и кинематографистов порой реализуется один к одному преступниками. Последние, используя детективы как руководства, как учебные пособия, насыщаются информацией по технологии преступлений, психологически настраиваются на совершение преступлений.

Романтизация преступника в искусстве и литературе (например в фильмах «Крестный отец», «Однажды в Америке», «Лицо со шрамом», «Отпетые мошенники», «Гений», «Бригада») — один из факторов, способствующих совершению преступлений.

7. Еще один негативный эффект распространения информации: сообщения о беспорядках, забастовках и голодовках вызывают цепную реакцию новых беспорядков, забастовок и голодовок.

Я убежден: если бы не было этих сообщений в СМИ, то не было бы этих эпидемий. Надо, наконец, понять обществу, что информационные сообщения оказывают мощное психологическое воздействие на массы людей. Если эти сообщения со знаком минус, то они вызывают всплеск в обществе разных фобий и агрессий¹.

В последнее время журналисты и руководители СМИ все чаще поступают как малые дети, играющие с огнем на территории нефтебазы. Вот два примера с видеоклипами, показанными по РТР и музыкальному телеканалу Муз-ТВ в конце декабря 2001 г.: в первом случае поющая девушка разбивает тяжелым предметом витрину магазина и забирает куклу (медвежонка); во втором случае (группа «Тату») девушка поет, сидя на унитазах и подготавливая адское устройство к взры-

¹ Фобия – навязчивое переживание страха, развивающееся при некоторых психозах. Агрессия – неспровоцированное нападение с нанесением вреда-ущерба или угроза такого нападения.

ву (девушка вполне профессионально вставляет в тротил взрыватели), в конце песни это устройство взрывается; она убивает то ли себя, то ли своего недруга. Эти видеоклипы — какое-то **негодяйство**. Другого слова не подберу.

Видеоклипы указывают еще на одну серьезную проблему: неважное состояние дел в молодежной субкультуре. В ней сплошь и рядом демонстрируется пропагандируется аморальное-преступное поведение. Видеоклипы — лишь маленький кусок этой демонстрации-пропаганды. Посмотрите, как называют себя поп-музыканты. Они прямо-таки соревнуются в изобретении названий **похлеще-покруче-пострашней** («Ногу свело», «Руки вверх», «Авария», «Отпетые мошенники», «Акула», «Ночные снайперы», «Строительный ряд авантюристов», «Дискотека Динамит» и т. д.). По поводу названия группы «Отпетые мошенники» я имел неприятный разговор с 17-летней дочерью. Я выразил недоумение и возмущение этим названием, а она сказала, что ничего страшного в нем нет, при этом ссылаясь на авторитет первоисточника, откуда взято название (какой-то американский фильм). Мне пришлось возразить: нет ничего более абсурдного, чем называть музыкальную группу, исполняющую красивые лирические песни (самая известная: «любви меня, любви») именем, весьма далеким от прекрасного и просто даже противоречащим ему. Вдумайтесь только: мошенники, да еще отпетые! Какие-то рецидивисты... Разве может быть красивым преступление, а красота преступной?! Разве можно есть торт, намазанный горчицей или, еще хуже, калом?! Мне говорят: название «отпетые мошенники» — всего лишь шутка, прикол, желание привлечь внимание. На это отвечаю: есть шутки и шутки. Есть такие шутки, за которые бьют по физиономии. И вообще, разве можно шутить с преступным сознанием?! Одни пошутят, а другие всерьез воспримут.

Удивляемся разгулу преступности, ругаем милицию за плохую работу, требуем ужесточения наказаний и не видим того, что сами мы, нормальные люди,

вот такими своими заигрываниями с преступным сознанием толкаем людей в объятия преступности.

Здесь еще есть один поворот проблемы. Когда юные *не видят ничего страшного* в аномальном, когда люди *привыкают* к антикультуре аномального, то возникает ситуация «переоценки ценностей», перевертывания вверх дном. Нормальное становится редким, а, следовательно, ненормальным. Ненормальное же становится обыденным, привычным, почти нормальным¹. (Петр Вайль 29 сентября 2003 г. в программе «Тем временем» телеканала «Культура» проговорился: «чем истеричнее, чем визгливее, тем нормальнее» — это он сказал о современном искусстве). Честное, советливое, доброе, нравственное поведение всё больше не в чести, а отклоняющееся поведение (со всякими вывихами, динамитами, ночными снайперами, отпетыми мошенниками) воспринимается как нормальное.

(Вот пример. Известный поэт Дмитрий Пригов договорился до того, что дважды назвал человека подлецом в телепрограмме «Деликатесы» по ТВЦ 23 марта 2003 г. Второй раз он сказал так: «Человек по своей натуре все равно подлец». Что можно на это сказать? Эпатаж, безответственность, клевета на человека или потеря ориентиров, растерянность. Пригова можно только пожалеть. Настолько он отравлен ядом антикультуры и антигуманизма... Видно, он мало видел в жизни любви, доброты, сердечности, благородства, совестливых, порядочных, достойных людей.

[К сведению: слово «подлец» в русском языке означает «подлый, низкий, бесчестный человек, него-

¹ В американском фильме «Практическая магия», показанном по НТВ в воскресенье 5 октября 2003 г., тетя говорит своей племяннице: «Когда ты, наконец, поймешь, что нормальность не есть добродетель, а отсутствие мужества». Нечто подобное я слышу почти каждый день. Нищешанство в чистом виде! Определенная часть художественной общест-венности просто помешалась на Ницше.

дядь, мерзавец», а слово «подло» — в высшей степени бесчестно, т. е. низко, гнусно^{1]}

Тот, кто утверждает, что человек по своей натуре подлец, сам в сущности является таковым. «Всякий негодяй, — говорил В. В. Стасов, — всегда подозревает других людей в какой-нибудь низости»^{2]}. (Сравн.: «если человек сам стал хуже, то все ему хуже кажется» — М. Ю. Лермонтов). О том же говорит грузинская мудрость: «злой человек полагает, что все люди подобны ему». У Шекспира есть такие строки:

И видит он в любом из ближних ложь,
Поскольку ближний на него похож.

(Сонет № 121)

Дурной человек дурно думает о других. В. В. Путин, председатель правительства России, как-то привел цитату из своего детства: "Я воспитывался на ленинградской улице, где у нас в таких случаях говорили: "Кто как обзывается, тот так и называется" (15.06.2009).

И, напротив, «чем порядочнее человек, тем труднее ему подозревать других в бесчестии» (Цицерон).

Утверждающий, что человек по своей натуре подлец, не просто непорядочный, а идейно-сознательно непорядочный, делающий философию из своей непорядочности. Либо свою личную непорядочность он возводит в непорядочность всех людей, либо всех кроме себя считает подлецами... В том и другом случае человек демонстрирует прямо или косвенно свою непорядочность.)

2

Что делать обществу во всех этих случаях? Пассивно созерцать и ждать очередного преступления, катастрофы, беспорядков или же принять меры по ограничению распространения информации о преступлениях, катастрофах, беспорядках? Защитники свободы слова, конечно, против каких-либо ограничений в рас-

¹ См.: С.И.Ожегов. Словарь русского языка; Словарь синонимов. Л., 1975.

² См.: К. Чуковский. Современники. М., 1962. С. 683.

пространении подобной информации. Конечно, они не правы. **Свобода как таковая имеет ограничения внутри себя. Иначе это не свобода, а своеволие, произвол¹.**

Мне представляется, что ***СМИ должны руководствоваться определенным кодексом поведения, сами себя ограничивать в распространении информации.*** Ведь не показывает же телевидение, скажем, половой акт в подробностях. Почему же оно показывает в подробностях сцены насилия, убийства, следы насилия, смакует показ жертв убийства, без меры и без конца демонстрирует всякие разрушения, катастрофы?

Нормального в жизни гораздо больше аномально-го. Люди любят друг друга, рожают, воспитывают детей, учатся, занимаются творчеством, делают открытия, изобретают, отдыхают, развлекаются, путешествуют, имеют разные хобби и т.д., и т.п. Это всё нормальные формы деятельности. Чем же переполнено информационное пространство кино-, теле-, видео-, печатной продукции? Показом аномального: преступлений, насилия, катастроф, беспорядков, наркомании, алкоголизма, самоубийств. В итоге в обществе создается гнетущая психологическая атмосфера. Люди больше, чем это необходимо, тревожатся, боятся. Предрасположенные к болезненным реакциям (фобиям) и к разным эксам (агрессиям) чаще совершают безумные поступки и преступления. Возникает порочный круг: СМИ показывают-смакуют аномальное; этот показ вызывает вторичный эффект, более широкую волну аномального. СМИ в расширенном варианте демонстрируют аномальное, что вызывает следующий, еще более мощный вал аномального, и так до коллапса.

Безусловно, аномальное в определенных размерах нужно показывать — для выработки иммунитета, для знания того, что с человеком может случиться и к че-

¹ Прошу понять меня правильно: я не выступаю против свободы; напротив, мне близки идеалы либерализма. См. об этом: Л.Е.Балашов. Либерализм и свобода. М., ACADEMIA, 1999.

му он должен быть готов. Но *показывать аномальное ради самого аномального, чтобы пощекотать нервы и просто занять умы чем-то острым — аморально!*

Говорят еще: нормальное неинтересно, а аномальное интересно¹. Это какое-то извращенное мнение. Как могут любовь, творчество, творческие искания и достижения, хобби, развлечения, путешествия и приключения неинтересны?! И как могут быть интересны убийство, насилие, злокозненное поведение преступника, вывихи маньяка?! К сожалению, нормальное в жизни воспринимают иногда как что-то обыденное, ординарное и потому скучное, неинтересное. Да, в ней есть и это: обыденное, ординарное, рутинное. Однако, как я уже говорил, нормальная жизнь не сводится к этим вещам. Нормальны ведь и любовная страсть, и творческий порыв, и многое, многое другое.

ЧЕМУ УЧИТ НЫНЕШНЯЯ РЕКЛАМА?

А что творит реклама? Она становится всё более циничной, дерзкой, наглой, вызывающей; она почти напрямую пропагандирует аморальное и преступное поведение. Вот реклама последних дней (октябрь 2001 г.): девушка криком разрушает витринное стекло магазина и добывает из магазинного холодильника прохладительный напиток Пепси. Сцена сопровождается весьма вольной надписью: "Бери от жизни всё". По форме — прикол, занимательная картинка, а по сути дела — демонстрация преступления в юридическом смысле и поощрение-призыв к нему в виде указанной надписи поступать подобным образом. Совершенно очевидно, что здесь имеет место разбойное нападение на магазин, покушение на частную собственность. Неважно, что девичьим криком на самом деле нельзя вызвать разрушение витринного стекла. Важно другое: реклама указывает путь к достижению цели, **преступный** путь. В реальной жизни молодые люди, подражая этой рекламе, могут просто взять и

¹ Я уже приводил пример с телерекламой: см. стр. 3.

разбить витринное стекло ногой, кулаком, каким-либо тяжелым предметом. И будут оценивать свои действия как прикол.

Или в рекламе пива, начинающейся словами "Хочешь, я угадаю, как тебя зовут...", молодой человек брызгает в лицо девушки этим набранным полный рот пивом. Опять вроде бы смешно, прикольно. А что должна чувствовать девушка, когда ей в лицо с близкого расстояния брызгают целым фонтаном липковатой жидкости изо рта вместе с вонючими слюнями и остатками пищи? Какой-то черный юмор. **Фактически реклама-пропаганда хамства.** Многомиллионная аудитория телезрителей вынуждена терпеть это не получающее отпора, многократно повторяемое телевизионное хамство. Родители, педагоги учат детей, молодых людей уважительному отношению к людям, правилам приличия, хорошего тона, чтобы они не были хамами, а тут телевидение открыто, беззастенчиво пропагандирует хамство (не демонстрирует, а именно пропагандирует: ведь молодой человек не просит извинения и ему не оказывается должный отпор)¹...

(Немного о **черном юморе**. Сейчас он вошел в моду. Деятели искусства, представители средств массовой информации прямо-таки соревнуются в демонстрации-пропаганде черного юмора. А что такое он по сути? — **Злорадство в чистом виде**, т. е. радость, переживание приятных эмоций при виде неприятностей и страданий других людей. Черный юмор — это куль-

¹ К сожалению, рекламные сюжеты с черным юмором множатся как тараканы. Появилась (декабрь 2001 г. — январь 2002 г.) реклама чипсов Лэйс, в которой жадный внук подкладывает деду вместо пакета с чипсами мышеловку: дед тянет руку к пакету, а попадает в мышеловку. Или реклама шоколадки, начинающаяся с трехкратного мощного крика группы подростков во дворе большого дома в ночное время и заканчивающаяся словами о том, что это круто.

Еще один рекламный сюжет (февраль 2002 г.), в котором рекламируется фрутелла. В супермаркете маленькая девочка, лет 5-и, бьет дядю-продавца ногой по колену, тот скрючивается от боли, а девочка, довольная, убегает в другой конец торгового зала, ворует эту фрутеллу и сразу впикивает в рот, наслаждаясь ее вкусом.

тивирование злорадства и, в конечном счете, садизма, садистических чувств. Черный юмор фактически означает моделирование, реабилитацию и пропаганду зла, злых чувств и действий. Отсюда один шаг к преступности. **Мы гоним преступность в дверь, а она лезет к нам в окно.)**

Вот уже больше года (с мая 2002 г.) по отечественному телевидению идет реклама бульонного порошка Knorr, которая сопровождается такими словами: «...но правила существуют, чтобы их нарушать». Я никогда не думал, что публично (по государственному телеканалу РТР, по ОРТ, НТВ и др.!) могут фактически пропагандировать пренебрежение правилами как таковыми, практический хаотизм. Понятно, конечно, что субъективно, с позиции рекламщиков и руководителей телеканала, эти слова — не более, чем полушутливый эпатаж, цель которого привлечь внимание телезрителей к предмету рекламы. Объективно же этот эпатаж ничем нельзя оправдать. Юные телезрители, да и многие неискушенные в подобных шутках взрослые воспринимают подобные слова всерьез, вплоть до того, чтобы квалифицировать их как руководство к действию. Представьте себе ситуации с моральным поведением (нарушение основных принципов морали, правил поведения в обществе), с политическим поведением (нарушение правил-законов демократического общества, политический экстремизм, терроризм), с поведением на дорогах (нарушение правил дорожного поведения), с жизнезначимыми поступками вообще (нарушение фундаментальных правил жизни, охраняющих человека от смерти, болезней и настраивающих его на конструктивную деятельность — детопроизводство, творчество). Все эти ситуации можно охарактеризовать двумя словами: **разрушение жизни**. Сколько потенциальных убийц, грабителей, мошенников, наркоманов, террористов, виновников автомобильных аварий и т. д. и т. п. всерьез руководствуются этой сентенцией!

В радиорекламе одного кинофильма (по радио России или Маяку, точно не помню, сентябрь 2001 г.) говорится о главном герое фильма как обаятельном

убийце. Разве может быть убийца обаятельным?! Человек — может, а убийца — никогда! Обаяние и убийство в принципе несовместимы. "Обаятельный убийца" — двусмысленное, скользкое выражение. Речь вроде бы идет о человеке, а ведь можно понять и так, что человек именно в этом своем качестве убийцы является обаятельным, т.е. от самого убийства исходит обаяние.

Еще я видел рекламу фильма "Идеальное убийство". Кинематографисты и рекламщики **пачкают** хорошее, благородное слово "идеальное", соединяя его с мерзким-отвратительным словом "убийство". И вообще, как может быть убийство идеальным?! Какое-то извращенное сознание...

В одной телерекламе зарубежного фильма присутствуют такие слова: «самое талантливое преступление» (сентябрь 2003 г.). Опять соединение несоединимого. Талант — творческая способность, т. е. такая способность, с помощью которой человек творит, создает. Преступление — не создает, а разрушает. Как может быть преступление талантливым? Полный абсурд. Тот же абсурд присутствует в названии известного фильма «Криминальный талант».

Сейчас по НТВ (октябрь 2001г.) идет реклама новой телепередачи под названием "Алчность". Вдумайтесь только: **алчность**! Игровую телепередачу с позитивным содержанием назвали словом, которое в большинстве случаев используется для усиленной характеристики негативных моральных качеств — жадности-корыстолюбия. Алчность — это жадность, корыстолюбие в квадрате или даже в более высокой степени. Да, конечно, слово "алчность", "алчный" используется в некоторых случаях не в негативном моральном смысле, а для характеристики вообще "страстного желания чего-либо" (см. Словарь С.И.Ожегова). Однако, называть телепередачу таким именем — это значит встать на скользкий путь заигрывания с аморальным, преступным сознанием¹. Ведь *как ни верти* алчность

¹ Примечание 19 февраля 2002 г. Телепередача «Алчность» идет уже несколько месяцев. Мало того, что в названии те-

в большинстве случаев обозначает негативное моральное качество. (Слава Богу, телепрограмма с таким названием просуществовала не больше полугода; телевизионщики, по всей видимости, опомнились — примечание 21.05.2003).

В рекламе боксерских поединков Майка Тайсона, экс-чемпиона мира среди профессионалов, он именуется железным, непобедимым и жестоким («Железный Майк, непобедимый и жестокий... Лучшие бои Майка Тайсона...» — 1-й телеканал, начало сентября 2003 г.). Слово «жестокий» в этой рекламе употребляется со знаком плюс. Называя Майка Тайсона жестоким, как бы восхищаются им, этой его жестокостью. Крыша поехала у рекламщиков и тех, кто показывает эту рекламу. Ведь рекламируется, пропагандируется не только Майк Тайсон, но и жестокость. Быть жестоким, оказывается, хорошо!

Все чаще я слышу слово «агрессивный» в положительном смысле (например «агрессивный бизнес», «агрессивный секс»). А недавно слово «циничный» было употреблено (на одном из телеканалов) в контексте положительной характеристики человека.

Эта вольность в обращении со словами, понятиями (идеальное, обаятельный, талантливый, алчность, циничное, жестокое, агрессивное — список можно продолжить) говорит не только о низкой культуре нынешних кинематографистов, работников радио, телевидения, но и об их невысоких моральных качествах, их безответственности, попросту говоря, об их **низости** и **подлости**. Какое смятение в души миллионов они вносят таким легкомысленно-циничным отношением к нормам языка!

А посмотрите, какой язык у рекламы: примитивный, как у Элочки-людоедки, и обамериканенный.

лепередачи сохраняется это постыдное слово «алчность». Идеология телепередачи заряжена на воспитание, развитие и пропаганду алчности. Телеведущий постоянно призывает игроков «быть алчными», упрекает их в недостаточной алчности или хвалит за алчность. Оборзели совсем. Хоть бы посоветовались с филологами и специалистами по этике.

Эти без конца повторяемые слова,: супер, вау, ес, круто, клёво, класс и т. д.

Вопрос не только в наполнении рекламы, а и в том, как она демонстрируется, навязывается зрителям, аудитории. Когда на самом интересном месте реклама прерывает художественный фильм или подобную целостную программу, возникает ситуация, в которой у многих людей может развиваться и развивается невроз. Представьте себе, когда вы занимаетесь любовью и в самый кульминационный момент вам предлагают прерваться и посмотреть рекламу. Нечто подобное каждый день и каждый час нам предлагают телевидение и радио. В итоге нервный срыв, невроз и т. п. Куда смотрят психиатры, психиатрическая ассоциация?! Такая реклама всё общество делает невротическим, психически больным. Показ рекламы во время демонстрации художественных фильмов и подобных программ должен быть запрещен, как это сделано в отношении 25-го кадра.

Одним словом, сейчас мы переживаем вакханалию рекламной анархии, рекламного аморализма и бесстыдства.

НЕКРОФИЛИЯ АНТИКУЛЬТУРЫ

Выше говорилось об отдельных фактах некрофилии антикультуры. Теперь хотелось бы поговорить о ней как социальном явлении. Ведь и некоторые философы активно поддерживают эту некрофилию. Говорят о смысле смерти, о ее положительном значении для жизни, о бытии перед лицом смерти и т. д. и т. п.

Абсолютизация смерти как феномен культуры. Апология смерти и “метафизика ужаса” (Ю.Н. Давыдов) занимали видное место в культуре XX века. Это связано прежде всего с такими трагическими событиями как первая и вторая мировые войны. Возведение смерти в Абсолют выросло до масштабов гигантского социального явления, стало феноменом массовой культуры. Взять хотя бы эти фильмы ужасов. Да и не только они. Вспоминается французский фильм “Дива”. Обыкновенный фильм, не относящийся к раз-

ряду фильмов ужаса. И что же? На протяжении полутора часов в нем совершается множество убийств и притом с легкостью необыкновенной. Такое впечатление, будто не людей убивают, а семечки щелкают или консервные банки вскрывают. Жутко становится на душе. Неужели жизнь человека и в самом деле — копейка? Демонстрируемые в фильмах многочисленные сцены насилия и убийства вольно или невольно воспитывают зрителя в духе философии “бытие перед лицом смерти”, т. е. *постоянной обращенности сознания к смерти*.

Дело не только в фильмах. Современная культура заражена трупным ядом абсолютизации смерти, смертной природы человека. В ней весьма значительны апокалипсические, человекоубийственные настроения. Если в XIX веке философы провозглашали “бог умер”, то в XX столетии некоторые кликушествуют: “человек умер”. Ю.Н. Давыдов в книге “Этика любви и метафизика своеволия” подверг тщательному анализу этот феномен современной культуры, показал его истоки и всю его опасность. В главе с характерным названием “Метафизика ужаса” он пишет:

“Феномен страха нельзя считать ни локальным или периферийным, ни поверхностным или мимолетным явлением культуры... Об этом говорит уже простой факт глубокой укорененности в ней целой отрасли “духовного производства”, специализирующейся на извлечении “эстетического” и всякого иного эффекта из демонстрации ужасного и чудовищного”¹.

Ю.Н. Давыдов убедительно показывает, что в нагнетании атмосферы страха повинны и философы, те, кто стремится “представить Смерть единственным абсолютом”, а “беспредельный Страх перед нею — истинно человеческим отношением к бытию”. Возник заколдованный круг: “”метафизика ужаса” ссылается на “ужасную жизнь”, последняя же снова отправляет нас к “метафизике ужаса””².

¹ Давыдов Ю.Н. Этика любви и метафизика своеволия: Проблемы нравственной философии. М., 1982. С. 10.

² Там же. С. 16, 15.

Далее Ю.Н. Давыдов справедливо отмечает, что нормальные люди, не зараженные бациллами философии “бытия перед лицом смерти”, всегда относились к смерти как подчиненному моменту жизни, отодвигали ее с “авансцены жизни” в “сумрачный угол жизни, подальше от яркого солнечного света”¹.

Ю.Н. Давыдов очень хорошо показывает также, что возведение смерти в абсолют стало возможным благодаря абсолютизации в человеке “вот этого”, принадлежащего только ему как индивиду, изолированному, противопоставленному другим людям, обществу в целом.

Другим результатом абсолютизации “вот этого” в человеке является разрыв связей с другими людьми, с обществом, т. е. уничтожение того, что продуцирует и обеспечивает реальное бессмертие человека.

“Человек этот, — пишет Ю.Н. Давыдов, — должен сознавать и чувствовать себя абсолютно одиноким в мире, он уже не может ощущать свои природно-социальные связи, свои душевные привязанности, свои духовно-культурные определения как нечто неотъемлемое от него, непосредственно достоверное, имеющее внутреннее отношение к подлинности и аутентичности его существования. Его кровно-родственные узы — отношение к родителям и дальним родственникам, его семейные привязанности — отношение к жене, детям, внукам, его душевно-духовные связи — отношение к друзьям, к своему поколению, к современникам вообще, наконец, его традиционно-культурные зависимости — отношение к более отдаленным предкам и потомкам, — все это утрачивает для него свое живое содержание, свое поистине одухотворяющее значение: формализуется, принимает форму чего-то совершенно необязательного, внешним образом навязанного, если не чуждого и враждебного...

Стоит ли повторять, что перед лицом смерти такой человек не может предположить, что его переживет нечто существенное, устойчивое, заслуживающее серьезного отношения. Все свое он унесет с собою в пустоту небытия, а то, что не было им самим, тождественным его “самости”, не представляется ему ни ценным, ни истинным, ни субстанциональным. Но тем более ужасающим будет сознание, с которым он встретит свою кончину: сознание того, что воистину “все кончено” — эти слова приобретают здесь совершенно буквальный смысл абсолютной катастрофы, ме-

¹ Там же. С. 19-20.

тафизической аннигиляции бытия... Все те житейские страхи, волнения и тревоги, что сберег этот “метафизический” эгоист, боясь растратить свою индивидуальность на окружающих его солюдей, он слагает теперь к костлявым ступням последнего своего божества — своей смерти, принявшей в его глазах вид Абсолюта: конечной инстанции, через отношение к которой обретает смысл (вернее — бессмысленность, ибо это ведь негативный абсолют, все превращающий в буквальную противоположность) и человеческое существование, и сама жизнь”¹.

Здесь нелишним будет упомянуть два имени, сослуживших своим **духовным труположеством** дурную службу философии. Это *М. Хайдеггер* и *К. Ясперс*.

Ироничный К. Поппер пишет о них: “Хайдеггер изобретательно применяет гегелевскую теорию ничто к практической философии жизни, или “существования”. Жизнь, существование могут быть поняты только благодаря пониманию ничто. В своей книге “Что такое метафизика?” Хайдеггер говорит: “Исследованию подлежит только сущее и больше — ничто,... единственно сущее и сверх того — *ничто*”. Возможность исследования ничто (“Где нам искать Ничто?”) Как нам найти Ничто?”) обеспечивается тем фактом, что “мы знаем Ничто”; мы знаем его через страх: “Ужас приоткрывает Ничто”.

“Страх”, “страх ничто”, “ужас смерти” — таковы основные категории хайдеггеровской философии существования, т. е. такой жизни, истинным значением которой является “заброшенность в существование, направленное к смерти”. Человеческое существование следует интерпретировать как “железный штurm”: “определенное существование” человека является “самостью, страстно желающей свободно умереть... в полном самосознании и страхе”...

К. Ясперс декларирует свои нигилистические тенденции даже яснее (если это вообще возможно), чем М. Хайдеггер. Только когда вы сталкиваетесь с ничто, с аннигиляцией, учит Ясперс, вы оказываетесь способным испытать и оценить существование. Чтобы жить по существу, вы должны жить в состоянии кризиса. Чтобы распробовать жизнь, следует не только рисковать, но и терять! — опрометчиво доводит Ясперс историцистскую идею изменения и судьбы до ее наиболее мрачной крайности. Все вещи должны исчезнуть, все заканчивается поражением. Именно таким образом его лишенный иллюзий интеллект понимает настоящий историцистский закон развития. Столкнитесь с разрушением — и вы постигнете захватывающий пик ва-

¹ Там же. С. 23-26.

шей жизни! Мы в действительности живем только в “пограничных ситуациях”, на грани между существованием и ничто. Блаженство жизни всегда совпадает с окончанием ее разумности, особенно с крайними ситуациями жизни тела, прежде всего с телесной опасностью. Вы не можете распробовать жизнь, если не вкусите поражения. Наслаждайтесь собственным уничтожением!

Можно назвать это философией игрока или гангстера. Нетрудно догадаться, что эта демоническая “религия страстей и страха, триумфатора и загнанного зверя” (О. Колнаи), этот действительно абсолютный нигилизм имеют немного почитателей. Это — вероисповедание группы утонченных интеллектуалов, отказавшихся от своего разума и вместе с ним и от своего человеческого достоинства”¹.

Всё справедливо в оценках К. Поппера, кроме одного: что этот нигилизм имеет “немного почитателей”. Прошло несколько десятилетий с того времени, как Хайдеггер и Ясперс выступили со своими ядовитыми учениями, а их вольные или невольные “почитатели” множатся и множатся, и конца им пока не видно. Об этом я говорил выше.

После известных событий 1985-1991 г.г., когда идеологические барьеры пали, и в России стало модным говорить-писать на тему смерти. В искусстве это стало каким-то наваждением. Российские кинематографисты в последние 10-12 лет ставили фильмы почти исключительно в жанре триллеров, боевиков, детективов... И в философии появились «специалисты»-танатологи. Недавно в возрасте 42-х лет умер философ А.В.Демичев. Практически всю свою короткую жизнь он разрабатывал тему смерти. Его докторская диссертация называлась «Философские и культурологические основания современной танатологии» (1997). Он был поэтом, теоретиком художественного направления «некрореализма», организовал Ассоциацию танатологов Санкт-Петербурга, был одним из инициаторов двух международных конференций под названием «Тема смерти в духовном опыте человечества» (1993, 1995), а также круглых столов «Смерть в новой архайке» (1990), «Смерть как проблема междисциплинар-

¹ Поппер К. Открытое общество и его враги. Т. 2, М., 1992. С. 92-94.

ных исследований» (1992), «Смерть Ивана Ильича: стратегия чтения» (1992), «Смерть накануне XXI века» (1994), «Кладбище в жизни города» (1995). Был ответственным редактором пяти выпусков философского альманаха «Фигуры Танатоса»: «Символы смерти в культуре». СПб, 1991; «Философские размышления на тему смерти». СПб., 1992; «Тема смерти в духовном опыте человечества». СПб., 1993; СПб., 1995; «Искусство умирания». СПб., 1998.¹ Как видим, свою жизнь он буквально положил на алтарь смерти.

На недавно состоявшемся 3-м Российском философском конгрессе в Ростове на Дону (сентябрь 2002 г.) можно было видеть это присутствие моды на смерть. Так, на секции «Философская антропология» тон дискуссии был задан выступлением профессора В.Д.Губина на тему «Смерть человека и предмет философской антропологии» (см. тезисы в 3-м томе материалов конгресса). Вот некоторые утверждения профессора: «Человек — постоянное умирание, исчезновение», «Человеческая жизнь — это всегда цепь неудач. По большому счету у нас ничего не получается», «Мы становимся живыми, когда умираем», «Большинство людей живет так, что в их существовании нет никакой необходимости». Комментарии, как говорится, излишни.

К сожалению, апология смерти в философии и культуре не так невинна; смыкаясь с антигуманизмом она подготавливает почву для развязывания авантюр, грозящих гибелью всему человечеству. В современном мире всё взаимосвязано и действия отдельных людей могут привести к неисчислимым бедствиям (например, биологический, ядерный терроризм). “Болтовня” философов по поводу бытия перед лицом смерти льет воду на мельницу опасных авантюристов, готовых пойти на риск уничтожения всего человечества, приучает людей к мысли о возможной гибели человечества.

¹ Сведения о жизни А.В.Демичева взяты из энцикл. словаря «Философы России...», стр. 282.

О ТАК НАЗЫВАЕМОМ «ПРАВЕ НА СМЕРТЬ»

Писатель и философ А. В. Кацура, выступая на итоговом заседании российских участников Всемирного философского конгресса в Стамбуле (август 2003 г.) сказал буквально следующее: «Некто из философов заявил о праве на смерть: «дайте мне право умереть»». И.В.Вишев справедливо возразил ему: «важнее право на жизнь, а на смерть мы и без права все обречены».

«Право на смерть», в самом деле, нелепое выражение. Жизнь тем и отличается от смерти, что она может прерваться в любой момент не по воле и желанию человека. Смерть же наступит рано или поздно **в любом случае**, хочет этого человек или нет. Право на что-то — это положительное понятие, означающее ту или иную форму свободы. «Право на смерть» такое же нелепое понятие, как и право на убийство, на насилие, право на преступление, право на аморальный поступок. Есть такие возможности или такие желания, которые выходят или находятся за пределами прав человека. Права человека ничего не значат без обязанностей. Ведь любое право одного человека не должно вступать в конфликт с правами другого человека. Право матери — желать своему ребенку жить, жить и жить. Она дала ему жизнь и, естественно, желает чтобы он в полной мере воспользовался этим даром жизни. Поэтому, долг подросткового ребенка, сознающего свою ответственность перед матерью, — жить и делать всё для того, чтобы не допустить своей преждевременной кончины. А уж о праве на смерть он и помыслить не должен, если, конечно, он хороший сын или хорошая дочь. Да, бывают случаи, когда человек жертвует своей жизнью, например, на войне. Однако, эти случаи — исключения, которые лишь подтверждают правило. Жертвы могут быть оправданы, если они ради жизни на Земле. В фильме «Чапаев» есть один характерный диалог мальчика с военным поваром: «Дядь, а дядь, за что люди на смерть идут? — За что?.. гм, ясно за что, за жи-и-з-н-ь, каждому хорошей жизни хочется». Если люди идут на смерть, то не потому, что они решили воспользоваться своим «правом на смерть». Просто к этому их **вынуждают** обстоятельства, внутренние (например, невыносимые стра-

дания) или внешние (например, участие в военных действиях).

Вообще «право на смерть» — лукавое выражение. Что имеется в виду под смертью? Своя или чужая смерть? Если своя, то это право нужно именовать правом на самоубийство. Если чужая, то это право нужно именовать правом на убийство. Ясно, что никакого права на убийство у человека нет. Следовательно, о праве на смерть как общем праве, объединяющем и право на самоубийство, и право на убийство, говорить нельзя. То есть «право на смерть» — настолько неопределенное выражение, что оно может быть истолковано и как право на убийство и вообще как право на уничтожение жизни как таковой. Остается первое значение: право на самоубийство. Именно его обычно имеют в виду, когда говорят о праве на смерть. В последнее время такое «право» нередко связывают с понятием и феноменом эвтаназии (см. ниже, стр. [59](#)). В моральном и гуманистическом смысле права на смерть нет и быть не может. В тех немногих случаях, когда человек жертвует своей жизнью во имя жизни других или когда он смертельно болен и из-за невероятных страданий хочет уйти из жизни, речь на самом деле идет не об осуществлении права на самоубийство, а о **вынужденном** шаге, т. е. чем-то прямо противоположном осуществлению права. **То или иное право человека — это возможность поступать определенным образом, допускаемая принятыми в данном обществе (или общепринятыми) нормами морали и права.** Разве мораль и право разрешают самоубийство и убийство? Нет. Человек, конечно, может покончить жизнь самоубийством или убить кого-нибудь. Да, он имеет такую возможность. Но он **не имеет права** это делать. То есть мораль и право как таковые не разрешают человеку осуществлять такую возможность, осуждают стремление осуществить самоубийство или убийство. Могут спросить, а как быть со смертной казнью? Ведь получается, некоторые люди (судьи и палачи) имеют право кого-то убивать. Да, такое «право» есть, но это не вообще право на убийство, а весьма

ограниченное «право» (регулируемое законом) принимать решение о смертной казни и исполнять это решение. Кстати, правильнее говорить не о праве некоторых людей на смертную казнь, а о печальной, тяжелой **обязанности** этих людей (судей и палачей) принимать решение о смертной казни конкретного человека и исполнять это решение. В современном обществе и эта весьма ограниченная возможность лишать жизни кого-то по приговору суда всё больше исключается из правовой практики государств. В передовых странах мира, как мы знаем, смертная казнь отменена. Это значит, что современные мораль и право выступают против допущения убийства по приговору суда, т. е. против права на убийство.

Если проанализировать выражение «право на смерть» с точки зрения логики, то можно сказать, что те, кто употребляют это выражение как безотносительное (к себе, к другим), совершают логическую ошибку подмены понятий. Понятие убийства подменяется понятием смерти. А это принципиально разные понятия. Когда говорят о праве на что-то, то имеют в виду право **делать** что-то. Смерть — это не делание чего-то (по желанию хотению), а **результат** каких-то объективных процессов (смертельной болезни, аварии, катастрофы, несчастного случая и т. п.) или действий человека, когда он пытается лишить себя жизни (самоубийство) или жизни других (убийство). Если уж рассуждать на тему о праве лишать кого-то жизни, то нужно говорить не о праве на смерть, а о праве на убийство (в частном случае, на самоубийство), т. е. о **праве совершать действия**, ведущие к смерти. Говорящие о праве на смерть **вольно или невольно камуфлируют** свое желание иметь право на убийство (самоубийство). Употребляя выражение «право на смерть» вместо более правильного, точного выражения «право на убийство (самоубийство)», они как бы делают более нейтральным, облагороженным и, соответственно, более приемлемым это право на убийство (самоубийство). «Право на смерть» — звучит красиво, патетично. А вот выражения «право на убийство» и «право на самоубийство» практически не употребля-

ют, поскольку обнажают аморальную, бесчеловечную суть этих «прав». Вот и получается, что говорящие о «праве на смерть» обманывают себя и/или обманывают других.

(Вспомним, что те, кто убивает (по приговору суда или по личным мотивам), стараются избегать слова «убийство». Говорят о смертной казни, о высшей мере наказания (в случае приговора) или о ликвидации, мокром деле, употребляют также выражения «убрать», «прикончить», «замочить» и т. п. О чем это говорит? Это говорит о том, что **глубинная человеческая мораль осуждает любое покушение на жизнь**, но поскольку в отдельных случаях такое покушение на жизнь имеет место (со стороны государственных органов или по личным мотивам), то пытаются успокоить свою совесть или не тревожить ее откровенным словом «убийство», а выбирают более нейтральные, менее эмоционально окрашенные слова типа «высшая мера наказания» или «прикончить», «замочить», «ликвидировать».)

ФИЛОСОФИЯ УБИЙСТВА

Апология смерти в философии и культуре воспитывает некоторых людей с преступными наклонностями в духе философии убийства.

Первый пример. В феврале-марте 2003 г. по ТВС был показан двухсерийный документальный фильм о петербургской банде убийц, в основном студентов, которые убивали по двум мотивам: ницшеанским и чтобы иметь деньги. Руководителем этой банды был студент Сергей Репников. Этот студент начитался Ницше и был пропитан духом ницшеанства (он чувствовал себя сверхчеловеком, что он может, сильный, а другие, большинство — недочеловеки, мусор). Всё началось с просмотра им, Алексеем Дядькиным и Ксенией Ковалевой по видеоманитофону фильма кинорежиссера Альфреда Хичкока «Веревка», в котором рассказывалось о том, как два друга задушили веревкой третьего, спрятали его в сундуке, но были разоблачены из-за того, что не догадались спрятать шляпу убитого. Во

время просмотра развернулась дискуссия. Репников и Дядькин не обсуждали моральную сторону убийства, а обвинили этих двух друзей в глупости, в том, что они попались на ерунде. Репников вспомнил при этом Раскольникова из «Преступления и наказания» Достоевского, которого он тоже обвинил в слабости. У Репникова и Дядькина возникла мысль переплунуть этих героев, сделать поступок, т. е. убить кого-нибудь и так, чтобы не попасться. Случай представился. Эта компания пришла на квартиру к знакомому Репникова студенту Плоткину. Репников обрушился с кулаками на Плоткина, когда тот напомнил ему о долге в 200 долларов. Дядькин ударил жертву специально изготовленной металлической дубинкой. Друзья заставили и Ковалеву поучаствовать в убийстве: она воткнула спицу в ухо несчастного. Чтобы замести свои следы, «компаньоны» ограбили квартиру Плоткина. Репников забрал большую сумму денег. На следующее убийство эти «друзья» пошли уже вполне осознанно, опьяненные своей безнаказанностью и желая еще поживиться. Присоединившийся к ним четвертый участник банды Семенов сказал, что у студента Пацкевича есть деньги и что этот студент — никчемный человек. В убийстве участвовали те же и Семенов. У Репникова и К° разгорелся «аппетит». Понадобились еще деньги. Прибкнувший к ним пятый член банды Некривда сказал, что его приятель, курсант военного училища Степан Пасько копит деньги на машину и хранит в квартире 1000-у долларов. Курсант был убит аналогичным образом. Таким же образом по наводке Некривды был убит его одноклассник, бизнесмен Искандеров. У него бандиты нашли 10 тысяч долларов. И, наконец, они убили бизнесмена Алексея Скороделова, бывшего возлюбленного Ковалевой, по тем же мотивам. Ковалева не хотела этого убийства и вынуждена была скрываться от своих «компаньонов». Узнав об убийстве Скороделова, она явилась с повинной в милицию, так как опасалась за свою жизнь. Репников после второго убийства расхваливал Ковалеву за то, что она своя, знает Заратустру, «Волю к власти» и вообще всё знает. После ареста Репникова на его письменном сто-

ле обнаружили книгу Ницше с подчеркнутыми словами «Нет ничего истинного; всё позволено». Знаменательно, что во всех случаях убийства бандиты оставляли на месте преступления знак фашистской свастики. Ницше был кровью скрещен с Гитлером.

Второй пример. Недавно в Рязани судили двух серийных убийц — Чурасова и Шурманова. Эти убийцы жестоко расправлялись со своими жертвами, убивали их топором, молотком, удавкой, затем расчленяли трупы и сжигали в печи. Головы некоторых жертв путем обработки становились предметами домашнего обихода. Из черепа девушки Ани Половинкиной Чурасов сделал вазу и постоянно любовался ею, испытывал наслаждение от ее созерцания. Он же развил целую философию убийства. Для него "жизнь и смерть стояли на одной грани" (со слов следователя по его делу), т. е. были равнозначными категориями. Ему было интересно "познать" эту грань, лишая жизни кого-либо, созерцая и переживая этот переход от жизни к смерти. Благодаря убийствам Игорь Викторович Чурасов ощущал себя сверхчеловеком, который вершит суд над людьми, в частности, очищает общество от мусора, от ненужных людей. Иными словами, убийства давали ему ощущение власти над людьми. В этой чурасовской "философии убийства" легко увидеть **ницшеанские** мотивы¹. И кончил Чурасов также, как Ф. Ницше — в психиатрической больнице.

Можно привести много подобных примеров. Когда в смерти видят смысл, когда признают ее равнозначной жизни или даже оценивают выше жизни², то переход к философии убийства (или самоубийства) совершается легко и просто, а от философии убийства (самоубийства) один шаг к реальным убийству-самоубийству.

В случае **самоубийства** поучительны два примера.

¹ См. о философии Ф. Ницше ниже, [стр. 407](#).

² Тот же Ницше утверждал, что смерть является более значительным моментом, чем жизнь.

1. В древней Греции жил философ Гегесий (ок. 320-280). Он получил прозвище Пейситанатос, что означает «проповедник самоубийства» или «учитель смерти». Гегель писал:

«Гегезий последовательно держался принципа киренской школы. Это всеобщее выражено в афоризме, который он довольно часто повторял: “Нет полного счастья. Тело мучимо многообразными страданиями, и душа страдает вместе с ним; поэтому безразлично, выберем ли мы жизнь или смерть. Само по себе ничто ни приятно, ни неприятно”, т. е. всеобщность удалена из критерия приятного и неприятного; поэтому сам этот критерий сделался совершенно неопределенным; а раз он в самом себе не имеет никакой объективной определенности, то он превратился в пустое слово. Пред лицом всеобщего, фиксируемого таким образом, исчезает, как несущественное, сумма всех неопределенностей, единичность сознания, как таковая, и следовательно, исчезает вообще даже сама жизнь. “Редкость, новизна или пресыщение удовольствием вызывает у одних удовольствие, а у других неудовольствие. Бедность и богатство не имеют никакого значения в отношении приятного, ибо мы видим, что богачи имеют не больше радостей, чем бедные. Точно так же рабство и свобода, аристократическое и неаристократическое происхождение, известность и отсутствие известности безразличны в отношении приятного. Лишь для глупцов может поэтому иметь значение жизнь; мудрецу же безразлично жить или не жить”, и он, следовательно, независим. (...) [*Diog. Laërt.*, II, 93 — 95.]. Всеобщность, вытекавшую для Гегезия из принципа свободы индивидуального сознания, он формулировал как отличающее мудреца состояние *полного безразличия*; это безразличие ко всему, представляющее собою отказ от всякой действительности, полнейший уход жизни в себя, является конечным выводом всех философских систем подобного рода. Легенда рассказывает, что царствовавший тогда Птолемей запретил Гегезию, жившему в Александрии, чтение лекций, потому что он вызывал во многих своих слушателях такое равнодушие к жизни, такое пресыщение ею, что они кончали самоубийством [*Cic.*, *Tusc. Quaest.*, I, 34; *Val. Max.*, VIII, 9.]»¹

«По мнению Гегеция, — резюмирует Ю.В.Согомонов, — жить стоит лишь тогда, когда заранее известно, что сумма ожидаемых от жизни наслаждений будет превышать сумму приносимых ею страданий. Но стоит только заняться моральной арифметикой, как непредубежденный, по Гегецию, человек, немедленно придет к неутешительному выводу:

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Книга первая.

фактически жизнь дает больше страданий, чем наслаждений. Простой расчет убеждает, как только баланс составлен, что жить не имеет смысла и необходимо, пока еще не поздно, уйти из жизни. Согласно преданию, рассказанному Цицероном, лекции Гегегия в Александрии были запрещены, так как способствовали частым самоубийствам.»¹.

Диоген Лаэртский отмечал, что гегесианцы фактически стирали грань между жизнью и смертью. Для них, писал он, «предпочтительны как жизнь, так и смерть», «сама жизнь для человека неразумного удобна, а для разумного безразлична»².

2. Пример с сыном К. Э. Циолковского Игнатием. Он был очень способным юношей, но начитался Шопенгауэра, Ницше, наслушался разговоров на модную тему о тепловой смерти Вселенной и не выдержал давления этой умственной некрофилии — покончил с собой. Вот как передает эту трагедию жизни К. Э. Циолковского К. Алтайский:

«Старшая сестра Люба записывает в дневнике:

«Игнатий все мрачнее и задумчивей. Спросишь — не слышит».

Игнатий с отцом в калужском загородном парке. (...) Он уже не только понимающий собеседник отца, но и его оппонент.

«Родной мой! Какое это счастье спорить с тобой!» — думает Циолковский, но тут же пугается. Сознание сына леденит стужа пессимизма. Он все чаще и чаще с непонятым упорством цитирует Ницше и Шопенгауэра. Отец напоминает ему, что есть такие светлые умы, как Белинский, Чернышевский.

— Я согласен с Белинским, который говорил, что действительность открыла нам глаза, — подхватывает Игнатий. — Но для чего? Лучше бы она их закрыла...

Есть тема, которая не оставляет равнодушными ни отца, ни сына. Тема эта — тепловая смерть. В научных кругах тех лет на все лады говорили о тепловой смерти Вселенной. Шло боренье Света и Тьмы, Науки и Религии, Материализма и Идеализма. Это был беспощадный идейный бой. Сын говорил отцу.

¹ Согомонов Ю.В. Добро и зло. М., 1965. С. 7

² Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 121 (Кн. II, 94, 95).

— В природе идет невидимый глазу процесс рассеяния энергии. Солнце безвозвратно отдает свою энергию окружающей среде, энергия рассеивается, пропадает бесследно, в мироздании неслышными шагами шествует тепловая смерть. Солнце гаснет, а вместе с Солнцем и даже ранее его погаснет жизнь на всех планетах Солнечной системы. Тепловая смерть удел не только нашей, но и других Галактик. Ты, отец, предлагаешь человечеству управляемый дирижабль, аэроплан, наконец, летательный прибор, способный прорваться в межпланетное пространство. Но ведь это не выход, не спасение. Даже реактивный прибор — назовем его ракетопланом, — о котором я читал в твоей пока еще не опубликованной работе, — это снаряд, способный летать от могилы к могиле. Лететь от обреченной на смерть Земли к приговоренной Венере, к осужденному на гибель Марсу. Это же бессмысленность! Мужественнее признать смерть единственной закономерностью Вселенной.

Циолковский слушает сына и не узнает его: неужели это его сын, жизнерадостный, умный, одаренный и отважный? Откуда в нем эта мрачная философия неизбежности всеобщего распада? Всего страшнее, что в цепи его рассуждений есть бесспорно верные звенья. Да, Солнце обречено на угасание, как до него угасли уже миллиарды солнц. Да, со смертью Солнца обречены на гибель и Земля, и Марс, и Венера. Да, когда-нибудь перестанет существовать Млечный Путь, эта гигантская чечевица из миллиардов солнц. Человеческое сознание подавлено картиной смерти: принципиально неважно, что мотылек живет один день, однолетнее растение — несколько месяцев, животное — годы, человек — десятилетие, а Солнце — миллиарды лет. Важно, что все имеет конец и концом является смерть. Впрочем, и самое время сторонники тепловой смерти берут под сомнение. Игнатий повторяет чужие слова, что время и пространство не имеют реального объективного существования. Являются не сутью вещей, а лишь нашим представлением. Значит, одна секунда и миллиард лет разнятся только в том, как мы их воспринимаем. И только смерть абсолютно реальна и безусловна.

Говоря это, Игнатий смотрит на отца выжидающе, словно надеется, что отец найдет серьезные, убедительные возражения. Ведь мудр и проницателен его отец.

Вот тут бы и заговорить полным голосом Циолковскому старшему, убедить сына, что он на ложном пути. Ведь если признать, что тепловая смерть абсолютный закон, тогда триллионы лет существующая Вселенная давным-давно погибла бы. Не вернее ли предположить, что во Вселенной идет никогда не прекращающийся грандиозный процесс: одни солнца остывают, гаснут, а другие в это же время возгораются. Во Вселенной идет вечная игра сил, одна энергия

переходит в другую, и потому Вселенная вечно юна и цветуща(...)

Циолковский не сомневается, что Игнатий незаурядный математик и естествовед, гордость Московского университета, настоящий его наследник и преемник. Только как вернуть ему жизнерадостность, как вдохнуть в него оптимизм? Зашли недавно калужские друзья в Москву к Игнатию и услышали его сегодняшнее кредо: «Самое лучшее для человека — смерть!»

И еще слышали запах водки. Водка и пессимизм — это плохая примета (...)

Бессвязно, отрывочно передают молодые люди в студенческих тужурках зловещие подробности:

— Ходил из угла в угол мрачный, взъерошенный и вдруг сказал: «Ничто не может изменить опостылевшую жизнь».

— Ни танцы, ни театр, ни концерты не посещал. Отмахивался с невеселой улыбкой. Твердил: «Все это игра в прятки со смертью».

— Сидел на лавочке на бульваре. Падали мягкие хлопья снега. Побелела голова, плечи, а он не замечал. Говорил в раздумье: «Снег — забвение всего. Уход в Ничто. Все бело. Вся Вселенная в белом саване. Некоторые народы белый цвет считают траурным.»

— Оставил ли предсмертную записку?

Нет. Впрочем, может быть, записка и была, но ее изъяло университетское начальство. Все-таки самоубийство — тень на университет. Оправился цианистым калием.»¹

Близка к философии самоубийства и философия **терроризма**. И самоубийца, и террорист в равной степени не дорожат жизнью. Разница лишь в том, что в сознании террориста совмещена психология убийцы и самоубийцы. На это указывал А. Камю. Восхищаясь эсерами периода первой русской революции за их готовность ценой собственной жизни воссоздать общество справедливости, он писал в «Бунтующем человеке»: «Эта сплоченная горстка людей, затерявшихся среди русской толпы, избрала себе ремесло палачей, к которому их ничто не располагало. Они были воплощением парадокса, объединявшего в себе уважение к человеческой жизни и презрение к собственной жизни, доходившее до страсти к самопожертвованию.

¹ Алтайский К. Циолковский рассказывает... М., 1974. С. 236-240.

Дору Бриллиант вовсе не интересовали тонкости программы. В ее глазах террористическое движение оправдывалось прежде всего жертвой, которую приносят ему его участники... Каляев тоже готов был в любой миг пожертвовать жизнью. «Более того, он страстно желал этой жертвы». Во время подготовки к покушению на Плеве он предлагал броситься под копыта лошадей и погибнуть вместе с министром. А Войнаровского стремление к самопожертвованию сочеталось с тягой к смерти. После ареста он писал родителям: «Сколько раз в юности мне приходило в голову лишить себя жизни...»¹

Альфред Хичкок и другие

Одним из наиболее известных деятелей антикультуры был англо-американский кинорежиссер Алфред Хичкок (1901-1980).

Вот что рассказывает о нем телеведущий Иннокентий Иванов в программе «Сферы» на канале «Культура» (4 и 5 мая 2003 г.):

«...Его любимцем был Энтони Перкинс, звезда хичковской классики, психоза и типичный психопат, который в конце концов покончил с собой. Общаясь с такими людьми Хичкок вполне мог бы стать неуравновешенным типом, но его спасла буржуазная натура добродушного толстяка. По фильмам и не скажешь... 167 килограмм жира, уродства и комплексов. Такое жуткое зрелище являл собой Алфред Хичкок в конце славной жизни. Когда в Америке праздновали 80-летие страшного режиссера, его коллеги видели глыбу, пораженную артритом, пропитанную алкоголем и облаченную в неизменный темный костюм. Таких одинаковых костюмов у Хичкока за всю карьеру было 12 штук. Все они были сшиты сразу и одним портным, который каждый костюм-близнец делал на размер больше, предугадывая постепенное и неминуемое увеличение веса клиента. Мастер страха всегда был толстым и неуклюжим. Даже в детстве, когда воспитатели-иезуиты наказывали малыша за провинности резиновой палкой. В лондонском колледже Святого Игнатия, куда в 1906-м попал 7-летний Хичкок, царила демократическая традиция: тот, кого ожидала порка, имел право отложить наказание, но не больше, чем на одну неделю. Ученики, конечно, пользовались отсрочкой, а потом семь дней по ночам тряслись от безумного страха. Хичкок

¹ Камю А. Бунтующий человек. М., 1990. С. 248.

тоже трясся: его пугала не сама порка, а ожидание ее. Это нагнетание страха, получившее потом название саспинг, и стало режиссерским методом Хичкока. Мастер понимал, что сам момент убийства, хоть страшен и непонятен, но из-за очевидности не может довести до умопомешательства. Ожидание и предвкушение убийства, показанные художественно, могут. Главное: рассчитать их время и силу.

Комментарий Кирилла Разлогова, киноведа:

«...Ужас вызывает вид двери, ручка которой медленно поворачивается, потому что не знаешь, что за дверью и что тебе угрожает. А режиссерское мастерство — это найти точную скорость поворота ручки, потому что если она будет поворачиваться слишком быстро, страх не дойдет до апогея, а если она будет поворачиваться слишком медленно, зритель заскушает.»

Если какие комплексы человека нужно искать в детстве, Хичкок не исключение: его всегда считали толстым уродом. В детстве с ним не играли, в отрочестве с ним не дружили, в юности его не мечтали затащить в постель. Хичкок комплексовал и хорошо учился сперва в иезуитском колледже, потом в инженерно-навигационной школе и университете Лондона. Образованный и умный юноша был изгоем для сверстников и женщин, но не для боссов: им нужен был не секс-символ, а специалист. С работой Хичкок никогда не знал проблем. Сначала его взяли в телеграфную кампанию электриком, а затем он узнал о вакансии на киностудии. Толстяк проявил и первым оказался на собеседовании. Сначала ему доверили рисовать титры, а в 1925-м приказали снять фильм. Киностудии нужны были новые ленты, а режиссеров не хватало. Хичкоку, влюбленному в кино, выпал шанс, но он его испугался. Уверенность в него вселила сценаристка и ассистент режиссера рыжая и энергичная Альма Ревиль. Сначала она лишила 25-летнего Хичкока девственности, а потом женила на себе. Альма помогла снять будущему метру первый фильм и до своей смерти была тенью режиссера на съемочной площадке. Хичкок всегда боялся съемок: он не умел ничего организовать, с трудом общался с актерами, стеснялся давать указания. Но Хичкок точно знал, чего он хочет добиться от кино: ему нравилось создавать напряжение, пускать с экрана страшные импульсы. В душе режиссер навеки остался ребенком, которого страх гипнотизирует и влечет.

Комментарий Андрея Бильжо, психиатра и художника:

«Любой из телезрителей помнит, когда он был маленький, как привлекали страхи. Все сказки довольно страшные: волки съедают или там или сами волки погибают или их уничтожают добрые Красные шапочки, охотники и прочие. Кровь льется просто рекой. Я уж не говорю о том, что дети друг друга пугают, когда они собираются в маленькие компании: они рассказывают страшные вещи про кладби-

ща, про мертвецов, про черную, черную комнату, в которой черный, черный человек и так далее. Значит, это чем-то привлекает, значит этот инстинкт сидит в каждом из нас. Мы боимся, но он нас тянет в этот страшный мир.»

Напряжение и страх Хичкока чисто английские, воспитанные на романах Конан Дойля и Агаты Кристи, хотя все свои шедевры он снял в Голливуде. Американцы вовремя перекупили будущего гения. Хичкок везде экранизирует свои комплексы. Невнимание слабого пола режиссер запомнил навсегда. За это женщин он ненавидел и мстил им в кино. Любую блондинку Хичкок был готов убить, но при этом занимался мазохизмом. Он снимал лишь дам с копной светлых волос, алым ртом и пышным бюстом. Хичкок изображал их в соответствии со своими тайными желаниями. Он заковывал их в наручники и тащил в полицию и склевывал их хищными клювами птиц, убивал и калечил. Для режиссера это было художественной и внутренней потребностью. При этом он привлекал своих звезд-блондинок, но делал это странно. Его любимицей считали Типпи Хедрен, мать актрисы Мэлони Гриффит. Когда Мэлони было всего 5 лет, режиссер вручил ей подарок: куклу с лицом Хедрен, лежащей в гробу. Дети вызывали у Хичкока страх и ненависть. Они никогда не дружили с пузатым Альфредом. Не питал он любви и к дочери Патрисии. Однажды он заставил ее залезть на самый верх колеса обозрения. Ребенок до смерти боялся высоты, а Хичкоку нужно было увидеть реальную, а не выдуманную реакцию страха.

Комментарий Кирилла Разлогова:

«Если мы посмотрим на фильмы Хичкока, то все эти фильмы с рациональным сюжетом: они вызывают страх, они вызывают трепет, они вызывают напряжение, но всегда разгадка носит вполне рациональный характер. Преступник обладает всеми признаками обычного, нормального человека, не оборотня, не женщин-змей, не опять-таки вот того самого чужого, на котором были /построены/, наверное, блестящие картины про пришельцев из космоса.»

Собственно фильмов ужаса в классическом понимании Хичкок снял только два: «Психоз» и «Птицы». Всё остальное — детективы и шпионские ленты, ставшие предтечей небыллиц о похождениях Джеймса Бонда. Самого Хичкока считали куда ужаснее его персонажей. Так, голова режиссера была забита ненужной информацией: он запоминал абсолютно всё, что попадало ему на глаза. От Хичкока уставали, он заставлял говорить обо всем, выжимая визави как лимон. Отделаться от режиссера было невозможно. Существовал лишь один способ: Хичкока нужно было напоить. Тогда режиссер на время терял контроль над собой, а потом начинал храпеть. Но первые минуты пьяного бешенства Альфреда были ужасны. Однажды в полубреду он озвучил одно из своих несуществующих сексуальных

желаний: он уверял, что его хотела соблазнить Ингрид Бергман, суперзвезда Голливуда. Это была выдумка, но фантазия Хичкока разыгралась не на шутку. Он даже описал, как актриса бросалась к нему на кровать и умоляла о плотской любви. Воображению и убедительности трезвого режиссера многие завидовали. Хичкок воссоздавал точные портреты внутренних человеческих состояний. Его коньком был реализм страхов, тайн и душевных демонов.

Комментарий Андрея Бильжо:

«Хичкок никого ничего не заставлял делать. Он не заставлял бояться, не заставлял совершать суициды. Художник вообще никого ничего не заставляет делать. Он просто делает то, что считает нужным, то, что ему нравится, решает какие-то свои задачи художника: будь-то кино, живопись, театр и т. д.»

Ужасы Хичкока были столь реальны, что благочестивые граждане обвиняли режиссера в тлетворном влиянии. В ответ британец зло шутил: на звонок возмущенного отца, сказавшего, что его дочь после сцены убийства — сильный психоз: боится лезть в ванну, — режиссер посоветовал сдать девочку в химчистку, а про себя порадовался, что снятая им сцена так удалась. Хичкоку нравилось: оно /убийство/ как и весь фильм было снято быстро и малобюджетно. Роль крови исполнила даже не традиционная кинознаменитость, а шоколадный соус из соседнего супермаркета. Даже в «Психозе» есть место смеху. Хичкок знал, что пугать надо дозированно: так страшнее.

Комментарий Кирилла Разлогова:

«В его фильмах очень много комических эпизодов: очкастые секретарши с несложившейся личной жизнью, комические интермедии и после этих комических интермедий следует что-то уж совсем страшное. Без комических интермедий многие зрители, даже любящие жанр фильмов ужасов, (...) в этот момент наступает перенасыщение и это перенасыщение способствует тому, что зритель перестает воспринимать, перестает перенапрягаться.»

Хичкок, несмотря на славу, чувствовал себя обиженным. Пять раз его фильмы выдвигали на Оскара и не дали ни одного. Тщеславному толстяку казалось, что его притесняют как в детстве. Коллегам Хичкок мстил злыми розыгрышами: гостей он обязательно сажал на подушки, которые издавали недвусмысленный звук больного желудка. Одной актрисе, которая ненавидела запах рыбы, он прислал в подарок четыреста копченых селедок. Коллегам из маленьких квартир он дарил огромные шкафы, которые нельзя было даже внести в дом. Тем же, кто жил в особняках с центральным отоплением, Хичкок регулярно преподносил две тонны ненужного угля. Вся его карьера и успех были местью за прошлые притеснения и попыткой избавиться от маний, которых у Хичкока было предостаточно. Он боялся

грязи и трат: после каждого умывания мастер протирал смеситель тремя полотенцами, а в магазинах миллионер спорил за каждый цент. Режиссер сильно /любил Альму/. Его жена — ангел-хранитель и помощник. Между ними не было сильной страсти, но был союз личностей, которым всегда было интересно вместе. После смерти верной Альмы Хичкок испугался не на шутку: он понял, что снимать фильмы ему больше не суждено. Он начал пить и толстеть уже не по годам, а по месяцам. Смерть для него была меньшим кошмаром, чем жизнь, а потому перед кончиной в конце апреля 1980-го режиссер сказал, что скоро сможет выспаться и отдохнуть. 80 лет жизни для Хичкока были тяжёлым испытанием. Все эти годы он преодолевал страх. Это вечное преодоление и сделало его фильмы шедеврами, страшными и реальными, как и сама жизнь Альфреда Хичкока.»

Как-то А. Хичкок произнес в своем стиле страшную фразу: «Одна из главных заслуг телевидения в том, что оно вернуло убийство в дом». В этой фразе весь он — подлый, гадкий, омерзительный. Других слов не подбираю.

Из того, что человек был популярен, известен, не следует, что он талант-гений. Герострата тоже многие знают. И Гитлера, и В. В. Жириновского знают. Это всё к тому: совместимы ли гений и злодейство. Хичкок спекулировал на теме страха, на отрицательных эмоциях, на теме насилия и убийства. Если Ф. Ницше — Гитлер философии, то А. Хичкок — Гитлер кинематографа. Сколько душ он растлил и загубил своими зловредными и зловонными фильмами! В телепередаче «Сферы» Хичкок изображается как мастер, который знал меру в показе ужасного. Да, действительно, чувство художественной меры является одним из несомненных признаков художественного дарования. Можно ли, однако, Хичкока считать настоящим художником? Я отвечаю однозначно: нет, нет и нет! Человек может быть в частных вопросах искусным, ловким, умелым, набившим руку и т. д., но в целом бесталанным, глупым и ничтожным. Возьмем того же Гитлера. Как он сумел завоевать голоса избирателей на выборах 33-го года! Как он затем всю Германию заставил плясать под свою дудку! Сколько у него было последователей, поклонников, настоящих фанатов! И

что же? Лопнул как мыльный пузырь. Человек со знаком минус, античеловек, которого проклинают практически все на Земле. Так и Хичкок. На каком-то этапе он заморозил кинематографическую общественность. А в конечном счете он — антихудожник, сослужил дурную службу человечеству. Да может ли человек, который способен издеваться над родной дочерью, который способен на мелкую месть-пакость, быть хоть в какой-то мере талантом-художником, а тем более гением?! Его «кино» направлено не на сохранение, поддержание, развитие и совершенствование жизни, а на ее разрушение. Поэтому он самый настоящий деятель антикультуры, антигений.

Как мелки и ничтожны Кирилл Разлогов и Андрей Бильжо в своей попытке оправдать Хичкока и даже представить его метром-мастером! Отвратителен А.Бильжо в своей клевете на детские сказки, будто все они «довольно страшные», будто в них «кровь льется просто рекой». Да он либо по настоящему не знает детские сказки, либо преувеличивает страшное в них как психиатр, т. е. как человек, который много имел дела с психопатами и всё видит в искаженном свете патологии.

Хичкок породил целое поколение кинематографистов, которое изощряется в показе всего ужасного, уродливого, смерти, насилия. «Челюсти», «Кошмар на улице вязов», «Молчание ягнят», «Криминальное чтиво», «Имитатор» и т. д. и т. п. Десятки, сотни фильмов.

Последний пример: фильм Квентина Тарантино «Убить Билла» (октябрь 2003 г.). Кровавый фильм, переполнен сценами жестокости и насилия. Режиссер даже похвастается этой кровавостью своего фильма. В одном интервью он заявил: требовать от него меньше показывать кровь, жестокость, насилие — это все равно, что требовать от группы «Металлик» уменьшить громкость звука. (3 октября 2003 г. в новостной программе НТВ был показан сюжет в связи с лондонской премьерой этого фильма. Фактически реклама фильма, гнусная и подлая. До каких пор это будет продолжаться?! До каких пор наши телевизионщики будут пропа-

гандировать, рекламировать жестокость, кровь насилие, убийство?!).

И еще. Был такой весьма известный кинорежиссер Ингмар Бергман. В 1957 г. он поставил фильм «Седьмая печать». По телеканалу «Культура» 26 октября 2003 г. я смотрел передачу о нем и об этом фильме (вел ее Дмитрий Менделеев). Что меня насторожило? Фильм не относится к разряду фильмов ужасов, боевиков, триллеров. Но какова идеология фильма?! Какими сюжетами, мыслями, идеями он напичкан?! Главный герой играет со Смертью в шахматы. Он ищет смысл жизни. И на этом фоне разворачиваются события. Вот церковь. Художник расписывает стены. На них — изображение смерти. Главный герой спрашивает: зачем он это делает? Художник оправдывается и, в частности, произносит знаменательную фразу «череп он интереснее, чем голая девка». И такие сцены, в которых смерть так или иначе присутствует, заполняют весь фильм. Наконец, главный герой нашел смысл жизни. Оказывается, он, этот смысл жизни, находится... **за пределами жизни**. Тут тебе и парадокс, и любимая тема многих интеллектуалов XX века — жизни перед лицом смерти. Фильм заканчивается сценой: Смерть, танцуя, уводит своих странников.

Стали появляться и у нас в России свои Хичкоки и Тарантины. Некий Сергей Епифанцев приобрел известность как театральный режиссер и актер тем, что с маниакальным упорством пытается внедрить на нашей почве все эти вывихи названных режиссеров и подобных им деятелей. Для Епифанцева чем больше на сцене насилия, жестокости, страхов-ужасов, всякого абсурда, уродства, тем лучше. По НТВ в новостной программе «Сегодня» (16.01.2004 г.) показали о нем сюжет, в котором он все время демонстрировал себя в майке с черепом и скрещенными костями. И смешно и грустно.

БУМ МИСТИЦИЗМА

Мы видим бурное возрождение мистицизма. Вдруг началось повальное увлечение астрологией. В моду вошли дзен-буддизм, йога, спиритические сеансы и колдовство. Создаются культы во круг поисков дионисийских радостей, способов внеязыковой и даже внепространственной коммуникации.

О. Тоффлер («Столкновение с будущим», 1972 г.)

Выше, на стр. [349](#) я говорил о воинствующем иррационализме как черте антикультуры. Всё одно к одному: и страсть к аномальному, и некрофилия, и наркотическая антикультура и это заигрывание с мистицизмом и даже его восхваление...

Могут спросить: что плохого в мистике? Резонный вопрос. Артисты, музыканты, художники, писатели и представители некоторых других профессий употребляют порой слова "мистика", "мистический" в положительном смысле (как слова "наваждение", "экстаз", "вдохновение"...). Их можно понять. Они **играют**, в том числе словами. Эта игра не вполне серьезна и часто напоминает детскую забаву или хулиганские выходы подростков. К настоящей жизни она имеет лишь косвенное отношение, расположена как бы по касательной. (Все прекрасно понимают, что в искусстве всё понарошку, в отличие от жизни, где всё взаправду. Искусство есть искусство, а жизнь есть жизнь.)

Однако то, что для художника имеет лишь значение игры, для мистически настроенного имеет вполне реальный смысл (грозный, чудесный, роковой, фатальный и т. п.).

Мистика как *мистическое умонастроение*, как *мистицизм* — это уже серьезно, это род умственной болезни. В таком виде она не забава и не предмет игры, а нечто **противоречащее разуму и разумному**.

Спрашивается, откуда возникает мистическое умонастроение? Всякая болезнь есть результат отклонения

от нормы, некоторого нарушения меры. Мистическое умонастроение возникает как результат нарушения баланса между логикой и интуицией в сторону переоценки (преувеличения роли, абсолютизации) интуиции, интуитивного мышления (см. об этом выше, стр. 286: «Интуиция — великая вещь» и далее).

Мистика (от греч. mystikos — таинственный) — стремление к таинственному или боязнь таинственного, страх перед таинственным. Таинственное, таинственность, таинство — все эти слова происходят от слова “тайна”. Они так или иначе абсолютизируют тайну. Последняя — то, что мы не знаем, но предполагаем, что оно может оказывать влияние на нас.

Сама по себе тайна не содержит в себе ничего мистического. Очень много тайн люди хранят друг от друга. Известны такие виды тайн как военная, государственная, коммерческая, тайна вкладов, тайна исповеди, любовная тайна. В принципе, у каждого человека есть свои тайны, которые он хранит от других.

Вот как поэтически писал о тайнах Е. Евтушенко:

...Были тайнами — Тони, Тани,
даже с цыпками на ногах.
Были тайнами звезды, звери,
под осинами стайки опят,
и скрипели таинственно двери —
только в детстве так двери скрипят...
Мы таинственно что-то шептали
на таинственном льду катка,
и пугливо, как тайна к тайне,
прикасалась к руке рука...
Но пришла неожиданно взрослость...
Нетайнственно мы грустим.
Нетайнственны нам другие,
да и мы нетайнственны им.
Ну, а если рука случайно
прикасается, глядя слегка, это только рука, а не
тайна,
понимаете — только рука!..

Тайна существует только в отношениях между людьми. Для нее нужны как минимум два субъекта. Один хранит тайну, а другой хотел бы раскрыть ее. Для тайны нужно, чтобы кто-то ее хранил и не просто

хранил, но и охранял от кого-то. У природы нет тайн, так как она не субъект; она ничего не прячет и не охраняет. Приписывание тайны неодушевленным предметам или чему-то нечеловеческому — это уже мистика, мистическое умонастроение. Это приписывание является как раз результатом абсолютизации тайны, преувеличения ее роли в жизни человека. Преувеличенная тайна превращается в нечто таинственное, т. е. в такое, что нельзя раскрыть обычным, нормальным путем.

В основе мистического умонастроения — страх перед неизвестным или, напротив, желание чуда или надежда на него.

Своеобразную патографию мистического мышления дают авторы книги “Экспедиция в гениальность”. Вот что они пишут: “Известно, что особенность мистического мышления заключается в недостатке внимания. Между тем именно внимание вносит порядок в хаос явлений и группирует их так, что они уясняют нам мысль, преобладающую в уме наблюдателя. когда внимание отсутствует, мировая картина представляется наблюдателю однообразным сцеплением загадочных явлений, то возникающих, то исчезающих, ничего не говоря ни уму, ни сознанию. Необходимо постоянно иметь в виду этот основной факт душевной жизни. Возбуждаемость, достигающая патологического уровня, заставляет мистически ориентированного субъекта также делать выбор между явлениями, но руководствуется он при этом не сознательным вниманием, а влечениями бессознательной возбуждаемости. Он воспринимает только то, что согласуется с его настроением; наоборот, то, что не согласуется с его настроением, для него вовсе не существует. (С. 265)

...мистическое мышление, мышление легко возбуждаемых натур, лишенных способности быть внимательными, позволяет им иногда схватить очень ясно тот или другой образ, находящийся в связи с их возбуждением, но не позволяет им уяснить себе разумную связь между отдельными образами именно потому, что необходимое для этого внимание у них отсутствует. (С. 296)” (Г.П. Колупаев и др. Экспедиция в

гениальность. М., 1999).

Мистика и политика. Передо мной листовка баркашовской организации "Русское национальное единство (РНЕ)", попавшая ко мне через почтовый ящик в подъезде дома. Эта листовка имеет заголовок "ИНН — ПЕЧАТЬ АНТИХРИСТА". Речь идет о вводимом сейчас в России идентификационном номере налогоплательщика (ИНН). По мнению авторов листовки любой штрих-код ИНН содержит число 666. "...суть дела — "число зверя—антихриста. О нем говорит Иоанн Богослов в Апокалипсисе: "Здесь мудрость. Кто имеет ум, тот сочти число зверя, ибо это число человеческое, число это шестьсот шестьдесят шесть" (Откровение Святого Иоанна Богослова, 13)." В сущности, в политических целях используется так называемая мистика чисел, да притом с ссылкой на Священное писание — Новый Завет. Во-первых, с большой натяжкой штрих-коду ИНН можно приписать число 666. Это надо иметь хорошее воображение и очень-очень избирательные память-внимание. Ведь между тремя двойными полосами, интерпретируемыми как три шестерки, всегда имеются другие цифры, в том числе шестерки. Реально показаны только цифры между тремя двойными полосками, которые в данном случае выполняют роль разделителей. Как можно полоски-разделители интерпретировать как число 666?! Во-вторых, допустим даже, что в штрих-коде просматривается число 666. И что из того? Как можно одно из миллионов-миллиардов разных чисел наделять каким-то качественным-содержательным смыслом?! Нет никакого разумного основания это делать. Да, действительно, некоторые числа, привязанные к каким-то качественным отношениям, могут иметь индивидуальную характеристику. Например, число π (пи — 3,14...) соответственно отношению окружности к диаметру круга. Или число, обозначающее атомный заряд химического элемента. Например, числу 66 соответствует атомный заряд химического элемента диспрозия. В этих и им подобных случаях числа получают путем научных

изысканий: через измерения, эксперименты, наблюдения, теоретические расчеты, основывающиеся на открытых или вновь открываемых законах природы. Приписывание числу 666 свойств зверя-антихриста не основано ни на каких научных наблюдениях, экспериментах и теоретических расчетах. Это означает, что мы должны принимать на веру сказанное об этом числе древним автором Апокалипсиса (почти две тысячи лет тому назад!). Кроме суеверного страха перед указанным числом такая слепая вера ничего не может породить.

Об использовании понятия "энергия" вне физической науки и ее практических приложений в технике. Основное значение слова "энергия" определяется его функционированием в физических формулах и законах. Его популярность обусловлена именно этим — достижениями физики и ее практических приложений в технике. Недобросовестные и/или наивные люди используют столь уважаемое физическое понятие энергии в разных других сферах: в медицине, в психологии, вообще во всем, что касается жизни человека. Они вольно или невольно эксплуатируют авторитет науки (в данном случае физики) для достижения своих целей. Они не понимают или не хотят понять, что использование слова или понятия "энергия" вне физики и ее практических приложений в технике автоматически меняет смысл этого слова-понятия, просто обесценивает его. Из точного научного термина "энергия" превращается в метафору, в слово, употребляемое в переносном значении. А употребляемое в метафорическом или переносном значении, оно становится расплывчатым, неопределенным. Им можно крутить-вертеть как угодно, наделять какими угодно дополнительными значениями... И сохранять при этом его легенду как научного понятия, как фундаментальной физической величины.

Основной порок всех употреблений слова "энергия" вне физики и техники (точнее, вне процедур измерения физической величины энергии) состоит в *редукционизме, в сведении высшего к низшему, сложного*

к простому, а именно в том, что вольно или невольно все сложные, высшие явления жизни, психики, духовной сферы пытаются напрямую, непосредственно объяснить через понятие-явление неорганической природы, т. е. через нечто относительно простое, свойственное всей неорганической природе. Человек, жизнь, дух низводятся до явлений физического мира. Ведь с точки зрения физического понятия энергии человек не отличается от камня, луны, молекулы, атома, элементарной частицы...

Конечно, и живое в определенном смысле не чурается энергетических понятий. Есть биомеханика (механика движений и усилий живого), есть приход и расход калорий в обмене веществ, есть весьма сложная биотехнология выработки-утилизации химической, тепловой и механической энергии. Это всё так. Однако во всех этих случаях энергия вполне физична, измеряема, вычисляема.

А что же нам предлагают, когда говорят об энергетике, энергетическом вампиризме, психической энергии, биоэнергии... и при этом забывают об измерениях-вычислениях? Ведь без последних понятие энергии теряет всякий научный смысл, превращается в игрушку, в объект манипуляций для всяких шарлатанов и проходимцев.

Сейчас очень модно говорить об энергетическом вампиризме. Журналы и газеты пестрят сообщениями-рассказами об этом. На самом деле нет никакого энергетического вампиризма. Есть люди нормальные, порядочные, добрые — их подавляющее большинство. И есть люди злые, подлые, с отклонениями и разной патологией — их незначительное меньшинство. Сейчас нередко этих людей называют энергетическими вампирами. Обычную подлость и злобу мистифицируют. Наделяют некоторых злых или просто неприятных людей какими-то сверхъестественными качествами. Будто бы эти люди не по своей воле и сознанию действуют, а потому что они энергетические вампиры. Получается, с них снимают всякую ответственность за недобрые поступки. Они-де не вольны в своих воздействиях на окружающий мир.

Отсюда, кстати, и необычные способы борьбы с такими людьми: снятие порчи, сглаза и т. д. и т. п.

Суеверия. Своеобразным бытовым мистицизмом являются различного рода суеверия.

Суеверие — суетная, пустяковая, маленькая вера, верчушка, ближайшими причинами которой являются страх, надежда, невежество, глупость.

Страх и невежество вкупе с глупостью порождают суеверия, связанные с ожиданием дурного, худшего (дурные предчувствия, приметы, сны, предзнаменования).

Надежда, невежество и глупость, наоборот, порождают суеверия, связанные с ожиданием хорошего, лучшего (счастливые приметы, хорошие сны, гадания).

Суевериям больше подвержены женщины. Почему? Потому что они в целом более боязливы или, напротив, более восторженны по сравнению с мужчинами.

Суеверных людей много среди моряков, летчиков и артистов. Почему это так? Потому что представители этих профессий работают в условиях, связанных с большим риском. Чтобы как-то смягчить, нейтрализовать тревожные чувства они ищут опору в магических действиях (перекреститься, поплевать через левое плечо, постучать по твердому предмету и т. п.), предметам (талисманах и амулетах).

О вере в судьбу. Слово "судьба" имеет два основных значения. Первое значение: жизнь в целом, прожитая жизнь, состоявшаяся жизнь, непростая (сложная, трудная) жизнь (см. кинофильм "Судьба человека"). Когда "*верят* в судьбу", то под словом "судьба" имеют в виду нечто иное, употребляют его в другом — втором — значении.

Второе значение: мифологический, полумифологический или просто суеверный образ будущего, возможности, в котором слиты наивные представления об объективном характере случайности и необходимости. В одних случаях люди подчеркивают аспект необхо-

димости, неизбежности, говоря: "От судьбы не уйдешь", "чему быть — того не миновать", "что на роду написано, так тому и быть". В других случаях они выделяют аспект случайности, причем в двух вариантах: благоприятном (подарок судьбы) и неблагоприятном (удары судьбы). "Человек надеется и заботится потому, — пишет *В.Н. Шердаков*, — что его жизнь, с одной стороны, зависит от него самого, от его усилий, а с другой стороны, складывается в зависимости от обстоятельств, помимо его воли. Слово "судьба" и обозначало зависимость, предопределенность жизни от неподвластных человеку факторов — эпохи, природных, наследственных данных, воспитания, случая и т. д. Это понятие чаще всего имело мистический смысл, однако не следует забывать и о его реальном основании. Не случайно слово "судьба", уже лишенное религиозного смысла, удерживается в обиходной речи"¹.

Сейчас в большой моде **астрология**. На страницах газет и журналов, в теле- и радиопередачах мы видим бесчисленные гороскопы и выступающих астрологов. По сравнению с религией астрология, так сказать, менее серьезна. Часто ее воспринимают как игру. И соответственно относятся к ее оценкам, советам, предсказаниям. Тем не менее и астрология делает свое черное дело, запутывает человека, пугает-запугивает его или тешит напрасными ожиданиями.

(Со мной еще в советское время произошел трагикомический случай, связанный с астрологией. Одна женщина хотела познакомиться. Я позвонил ей и мы почти договорились о встрече. Но когда она поинтересовалась — под каким знаком зодиака я родился, — то тут же отказалась от встречи, мотивируя отказ нашей несовместимостью по гороскопу. Я думаю, сейчас в условиях повального увлечения астрологией и ее пропаганды в СМИ подобные случаи далеко не редкость.)

Астрология — *научнообразная форма мистицизма*. Сами астрологи заявляют, что астрология — наука.

¹ Шердаков В.Н. Иллюзия добра. М., 1982. С. 210-211.

Эти претензии на науку, научность ни на чем не основаны. Нет научного инструментария, нет научной методологии, нет открытых астрологами, строго установленных законов или явлений. В чем же тогда дело? А дело в том, что некоторые мистически настроенные люди и шарлатаны пытаются использовать авторитет науки. В современном обществе этот авторитет достаточно сильный и многие люди, настроенные на волну веры-мистицизма, не очень доверяя традиционным формам религии или даже относясь к ним скептически как к архаике, тяготеют к наукообразным или осовремененным формам веры-мистицизма, таким как астрология, сайентология, уфология и т. п.

Астрологи утверждают, что звезды и их взаимное расположение на небе влияют на жизнь и судьбу человека. На основе этих утверждений составляются гороскопы. Им возражают астрономы. Валентин Есипов, зав. отделом радиоастрономии Астрономического института им. Штернберга, привел такой наглядный пример. Если представить Солнце в виде шара диаметром десять сантиметров, то ближайшая к нему звезда будет находиться где-то в районе Парижа. О каком тут влиянии можно говорить!

* * *

Антикультура разрушает здоровый дух, в т. ч. здоровое отношение человека к жизни, к людям, к человечеству, способствует тому, что растет число людей с несчастным и преступным сознанием.

АНТИФИЛОСОФИЯ (ГЕРОСТРАТЫ ФИЛОСОФИИ)

Время от времени появляются, к стыду человечества, «философы», для которых высшие ценности жизни — добро, красота, истина — пустой звук и которые свой ум-язык используют для проповеди гнусных идей.

В древней Греции был философ Гегесий, прозванный учителем смерти или проповедником самоубийства. О нем я рассказал выше, на стр. [387](#).

Ф. НИЦШЕ — ФЮРЕР АНТИКУЛЬТУРЫ

Ницше — *просто сумасшедший*
Куно Фишер

Черного кобеля не отмоешь до бела
Поговорка

Сейчас Ницше снова, как и в начале
XX в., становится идиолом для духовно-
го обывателя, любителя острых, но бес-
плодных интеллектуальных ощущений
А.Л.Симанов

Заранее прошу извинить за резкость. Накипело! Фридрих Ницше снова «в моде». Без конца переиздаются его сочинения, делаются попытки обелить, представить хорошим, студенты с охотой пишут о нем рефераты. Даже орган Российского гуманистического общества, журнал "Здравый смысл", не выдержал, опубликовал в 19-м номере (2001 г.) ряд материалов, фактически реабилитирующих Ницше... Это с одной стороны. С другой, в обществе растут настроения, сходные с немецким национал-социализмом (РНЕ, скинхеды, национал-большевики Эдуарда Лимонова, В.В.Жириновский, А.Г.Дугин и т. д.). Всё это очень тревожит.

Кто такой Ф.Ницше на самом деле? Не как человек, не как философ, а как Явление. Я думаю, он — Гитлер философии и обращаться с ним нужно соответственно.

Философский юродивый, этакий философский
Хлестаков—Жириновский

Я — авантюрист духа, я блуждаю за своею мыслью и иду за манящей меня идеей

Ф. Ницше

Главная книга Ф.Ницше «Так говорил Заратустра» имеет подзаголовок: «Книга для всех и ни для кого». Непредубежденный читатель скажет: у человека не все в порядке с головой. И в самом деле, Ницше в большинстве случаев говорил абсолютно аномальные ве-

щи, как юродивый. Здесь он напоминает В.В.Жириновского. Ницше — певец аномального, всего, что отклоняется от нормы-середины вплоть до патологии.

Ницше — удивительно легковесный философ. Он с вдохновением, абсолютно раскованно-цинично, без зазрения совести (философской, человеческой) лепит фразы, как ему заблагорассудится. Лишь бы было складно. Этакий философский Хлестаков.

Тексты Ницше — сладкий яд, как сладкоголосое пение Сирен, губивших мореходов.

У меня эти тексты вызывают большей частью чувство омерзения. Это непрерывное хвастовство-ёрничанье, этот пророческий, поучающий тон, это злопахательство и осмеяние-очернение всего, что дорого нормальному человеку, эти бесконечные попытки всё перевернуть, поставить с ног на голову.

Ницше — **Гитлер философии**. Так я к нему отношусь. Пусть в отдельных случаях он говорил умные, путные вещи — я всё же не могу относиться к нему позитивно даже в малой мере, в частности, цитировать эти умные вещи в подтверждение каких-то своих мыслей. Ведь и Гитлер в каких-то случаях вел себя вполне порядочно и говорил умные вещи. Но из-за того, что он совершил многочисленные преступления против человечества, я не могу хоть как-то относиться к нему позитивно. Он для меня — негодяй, людоед и т. п. Ницше никого не убил, но он подготовил-взрыхлил духовную почву для преступников типа Гитлера, для преступлений против человечества. Он совершил многочисленные философские "преступления", попытался реабилитировать зло, "злую мудрость", "ложь", истину смешал-отождествил с ложью¹, постоянно высмеивал позитивные человеческие ценности (добро, милосердие...).

¹ «Что же такое в конце концов человеческие истины? — упор спрашивает Ницше и без колебания отвечает: — Это — *неопровержимые* человеческие заблуждения» — «Веселая наука» (Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 1. М., 1990. С. 622). См. комментарий в: Кучевский В.Б. Философия нигилизма Фридриха Ницше. М., 1996. С. 65-67).

Да, Ницше — человек, представитель рода человеческого и как таковой он достоин уважения. И я его уважаю, как уважаю того же Гитлера. Если бы последний попался мне в руки, я не стал бы над ним издеваться, не стал бы его унижать, топтать его человеческое достоинство. Я просто отдал бы его в руки правосудия. То же и с Ницше. Я не буду употреблять площадных слов в его адрес, не буду ёрничать и издеваться над ним как философом. Я просто передаю его на суд философов как философского преступника.

Ницше скорее не философ, а просто умник. Он умничает, а не философствует. Он использует свой ум не по назначению, не для того, чтобы стремиться к мудрости¹ и решать проблемы на основе мудрости. Он вообще ничего не ищет. Он сразу лепит всё, что приходит на ум и непременно шокирующее, бьющее на внешний эффект. Он не аргументирует, не утруждает себя аргументами, а утверждает-изрекает как мистик-пророк. Он отвергает почти всё, что выработала философская мысль до него. Объявляя волю к власти основным стремлением человека, он поступает как антифилософ, как человек, который использует свой интеллект для объявления неинтеллектуальной способности (воли) главной человеческой способностью, т. е. для утверждения и обоснования антиинтеллектуализма (неразумия, безумия — говоря по-русски).

Вот пример ницшеанской антифилософии: одно из сочинений Ницше называется "Злая мудрость". Вдумайтесь в это название. Оно чудовищно-нелепо как круглый квадрат или горячий снег. Мудрость в принципе не может быть злой. Она средоточие-объединение трех фундаментальных ценностей жизни — добра, красоты, истины. От такого соединения их сила многократно увеличивается. К мудрости как нельзя лучше подходит новомодное слово "синергизм". Она не является в отдельности, ни истиной, ни добром, ни красотой. Она то, что ведет или может

¹ Ведь "философия" означает буквально "любовь к мудрости".

привести к истине, добру и красоте, что является предпосылкой или условием истины, добра и красоты.

Мудрость тем больше мудрость, чем лучше она ведет к добру и лучше защищает от зла, поскольку зло — антидобро.

Антигуманист без всяких оговорок

Недавно журнал "Здравый смысл", орган Российского гуманистического общества, опубликовал (в 19-м номере, 2001 г.) ряд материалов, фактически обеляющих Ницше, этого воинствующего антигуманиста, антигуманиста без всяких оговорок. Что это? Неразборчивость редактора или его уступка нынешней моде на Ницше, заигрывание с теми, кто увлечен этой модой?

Ницше целиком на стороне выдуманного им сверхчеловека (господина, белокурого бестии...) и, соответственно, с презрением-пренебрежением говорит о "человеке" (и производном от человека: человечности, гуманности, гуманизме). Вот две цитаты:

1) "В основе всех этих благородных рас просматривается хищный зверь, роскошная, похотливо блуждающая в поисках добычи и победы белокурая бестия; этой скрытой основе время от времени потребна разрядка, зверь должен наново выходить наружу, наново возвращаться в заросли — римская, арабская, германская, японская знать, гомеровские герои, скандинавские викинги — в этой потребности все они схожи друг с другом. Благородные расы, именно они всюду, где только ни ступала их нога, оставили за собою следы понятия "варвар"; еще и на высших ступенях их культуры обнаруживается сознание этого и даже надмевание (...) Эта "смелость" благородных рас, безумная, абсурдная, внезапная в своих проявлениях, сама непредвиденность и неправдоподобность их предприятий... — их равнодушие и презрение к безопасности, телу, жизни, удобствам; их ужасная веселость и глубина радости, испытываемой при всяческих разрушениях, всяческих сладострастиях победы и жестокости, — все это сливалось для тех, кто страдал от этого, в образ "варвара", "злого врага", скажем "гота", "вандала". Глубокое ледяное недоверие, еще и теперь возбуждаемое немцем, стоит только ему прийти к власти, — является все еще неким рецидивом того неизгладимого ужаса, с которым Европа на протяжении столетий

взирала на свирепства белокурой германской бестии..."¹

2) "Может быть, совершенно правы те, кто не перестает страшиться белокурой бестии, таящейся в глубинах всех благородных рас, и держит перед нею ухо остро, — но кто бы не предпочел стократный страх, при условии, что здесь в то же время есть чем восхищаться, просто *отсутствию* страха, окупаемому невозможностью избавиться от гадливого лицемерия всего неудачливого, измельченного, чахлого, отравленного? И разве это не *наша* напасть? Чем нынче подстрекается *наше* отвращение к "человеку"? — ибо мы *страдаем* человеком, в этом нет сомнения. — Не страхом; скорее тем, что нам нечего больше страшиться в человеке: что пресмыкающееся "человек" занимает авансцену и кишмя кишит на ней..."²

Под этими словами с большой радостью подписался бы любой фашист-нацист. (Именно благодаря всем подобным мыслям-идеям Ницше его главный труд "Так говорил Заратустра" оказался в ранце фашистского солдата наряду с Библией и "Майн кампф" Гитлера).

Вот еще:

"Проблема заключается в том, чтобы возможно больше утилизировать человека и чтобы по мере возможности приблизить его к машине, которая, как известно, никогда не ошибается; для этого его надо вооружить добродетелями машины, его надо научить переносить огорчения, находить в тоске какое-то высшее обаяние; надо, чтобы *приятные* чувства ушли на задний план. Машинальная форма существования, рассматриваемая как наиболее благородная, наиболее возвышенная, должна обожать сама себя... Единственной целью еще очень на много лет должны быть *умаление человека*, так как сначала надо построить широкое основание, на котором могло бы возвыситься сильное человечество. Умаление европейского человека — это великий процесс, которого нельзя остановить, но который надо еще ускорить..."³ Эти слова еще в большей степени отвечают идеологии национал-

¹ "К генеалогии морали". См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 428.

² Там же. С. 429.

³ Цит по: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 198.

социализма.

И еще: "Властная раса может иметь только ужасное и жестокое происхождение"¹. Сразу вспоминается мечта Гитлера и К° о тысячелетнем рейхе. Гитлер ведь хотел господствовать над миром, создать властную расу. И, естественно, в своем стремлении установить диктаторский режим в Германии и в своих завоевательных походах он опирался на эти слова Ницше: тысячелетнему рейху фатально уготовано это "ужасное и жестокое происхождение". Ницше, таким образом, как бы выдал (заочно) Гитлеру духовную индульгенцию: Ты, Великий вождь, не должен думать о морали, милосердии, гуманизме. Если ты хочешь создать тысячелетний рейх, то должен знать, что властную расу ждет "ужасное и жестокое происхождение". Не бойся ничего, лей реки крови, потому что так надо, так неизбежно, если хочешь господствовать на Земле.

Чтобы обеспечить победу властной расы Ницше предлагает, в частности, такие средства:

"обязательная *военная служба*, с настоящими войнами, которые прекратили бы всякие шутки"

"Поддержка *военного государства*, это последнее средство, которое нам осталось или для поддержания великих традиций, или для создания высшего типа человека, сильного типа. Все обстоятельства, которые поддерживают неприязнь, расстояние между государствами, находит себе таким образом оправдание..."².

В этих последних цитатах Ницше не только идейный вдохновитель гитлеризма, но и консультант, дающий конкретные советы всяким гитлерам.

От Ницше пошло выражение "падающего подтолкни"³. Если человек в чем-то слаб, то не надо ему помогать — пусть сам выкарабкивается или гибнет. Нет, наверное, более циничного высказывания в устах философа!

¹ Цит по: там же. С. 200.

² Цит по: там же. С. 201.

³ «что падает, то нужно еще толкнуть!» — «Так говорил Заратустра». ч. 3 (Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 151).

Величайший философский террорист

Ницше — величайший философский террорист всех времен и народов. Видманн, швейцарский критик, написал этюд о "По ту сторону добра и зла" и увидел в этой книге только руководство по анархизму: "Книга пахнет динамитом", — сказал он. Сам Ницше, отвечая этому критику, написал "К генеалогии морали", в которой были в частности такие слова: "Я хотел, — пишет он через несколько месяцев по поводу этой маленькой книги, — я хотел произвести пушечный выстрел более гремучим порохом"¹. Видите: Ницше даже динамита мало!

Философский терроризм Ницше даже не в этом. Это всё внешнее, поскольку лежит на поверхности. Ницше по своей сути духовный-моральный террорист. *Он попытался растоптать все, что дорого людям, философам, всё, на чем держится человеческая мораль и, соответственно, человеческое общежитие, человеческое общество вообще.* Ницше своим словом, своими идеями развязывает руки всем потенциальным убийцам, преступникам, террористам, диктаторам-тиранам. Он как бы подталкивает их к нарушению всех норм жизни, теоретически обосновывает поведение таких (маленьких или больших) преступников, как Федор Раскольников или Адольф Гитлер.

Ницше — фактически духовный отец всех, кто совершает преступления против человечества (человечности). Почему? Потому что о большинстве людей он говорит презрительно-ненавидяще как о быдле, стаде, толпе, навозе. Восхваляя тип воинственного-злого человека (господина, сверхчеловека, белокурого бестии), он этим восхваляет войны, т. е. в конечном счете — массовое истребление людей. Если большинство людей — навоз, то нечего с этим большинством церемониться. Оно призвано к тому, чтобы унавоживать почву для сверхчеловека.

¹ Там же. С. 194.

Презрительно-пренебрежительное отношение к женщине

"Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" —
Так говорил Заратустра.

Это не случайно оброненная фраза. Она произнесена в таком контексте:

"А теперь в благодарность прими маленькую истину! Я достаточно стара для нее!

Заверни ее хорошенько и зажми ей рот: иначе она будет кричать во все горло, эта маленькая истина".

Дай мне, женщина, твою маленькую истину! — сказал я. И так говорила старушка:

"Ты идешь к женщинам? Не забудь плетку!" —
Так говорил Заратустра."¹.

Это — фрагмент главного труда Ницше ("Так говорил Заратустра"). А посмотрите, какое название главы: "О старых и молодых бабенках". Ницше не стесняется в выражениях. Он груб, развязен, циничен. Цинизм его вдвойне усиливается тем, что эти уничижительные для женщины слова он вкладывает в уста женщины же!

Ницше — маскулинист, ненавистник женщин.

Посмотрите, как он характеризует "женское":

"Все женское, рабское, и особенно вся чернь: *это* хочет теперь стать господином всей человеческой судьбы — о отвращение! отвращение! отвращение!" (— "Так говорил Заратустра". Глава "О высшем человеке"²). Женское у него синоним рабского, черни. Уничижительно говорит о нем как "*этом*". Кроме того, он явно против эмансипации женщин. И три раза это "отвращение" с восклицанием, звучащее как проклятие по отношению к женскому началу жизни. Короткий текст, но сколько злобы, презрения, отвращения к женщинам!

Нисколько не смущаясь, Ницше приписывает философам отрицательное отношение к супружеской жизни: "...философ чурается *супружеской жизни* и всего, что могло бы совратить к ней, — супружеской

¹ Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 48.

² Там же. С. 206.

жизни, как препятствия и роковой напасти на его путях к оптимуму... Женатый философ уместен в *комедии*, таков мой канон" (— "К генеалогии морали"¹). Он явно выдает желаемое за действительное. (Велико самомнение Ницше: очень часто он выдает свой субъективный специфический взгляд за общепринятое мнение).

Расист, восхвалитель арийской расы как расы господ

Утверждают, что он не был протофашистом, духовным отцом гитлеризма. Разговоры о "крови", о расах, о расе господ, об арийской (в отдельных случаях, германской) расе — разве это не протонацизм?! Да, конечно, Ницше не был националистом в узком смысле слова, более того, он (нещадно) критиковал немцев за "национальную узость"².

Зато он был расистом, идеологом арийской расы как благородной расы или расы господ.

Говорят, что он не был антисемитом. Ложь! Да, он не был примитивным, грубым антисемитом. Но он был ненавистником евреев как расы рабов. "Все, что было содеяно на земле, — писал Ницше, — против "знатных", "могущественных", "господ", не идет ни в малейшее сравнение с тем, что содеяли против них *евреи*."³. — Этой фразы Ницше достаточно, чтобы его полюбили нацисты. На евреев он возлагал главную вину за всё, что было содеяно на земле против расы "господ".

Его высказывания о евреях лили воду на мельницу антисемитизма. (Достаточно сравнить всю сумму высказываний Ницше о евреях с тем, что говорил о евреях наш великий философ В.С.Соловьев. Разительный контраст! В.С.Соловьев — вот был истинный противник антисемитизма. Потому что он выступал против него с позиций гуманизма. Позиция же Ницше в от-

¹ Там же. С. 480.

² См.: Галеви Д. Жизнь Фридриха Ницше. Новосибирск, 1992. С. 201.

³ См.: Ницше Ф. Соч. В 2-х т. Т. 2. М., 1990. С. 422.

ношении евреев двусмысленна, так как у этой позиции не было этой твердой и светлой человеческой основы [гуманизма].)

Известны англофобские высказывания Ницше. Это тоже "дрова", которые разжигали костер гитлеризма.

Кстати, кто сказал, что философия Ницше — индивидуалистическая?! Его расизм, англофобия, антиеврейство, валовой подход к людям — разве не свидетельствуют об определенном, пусть неявном, коллективизме Ницше? Похоже, Ницше использовал двойной стандарт в отношении коллективизма. Когда ему выгодно было порочить коллективизм (в виде стадности) он делал это с энтузиазмом. Когда же ему был выгоден валовой подход к людям, не как к индивидуумам, а как представителям разных социальных групп, к некоторым общностям (раса господ и раса рабов, критика евреев, англичан, немцев...), то он с таким же энтузиазмом выступал с коллективистских позиций. Ницше причудливо сочетал индивидуализм с коллективизмом.

Философия Ницше — это философия конфликта, агрессии, воинственности

Стиль Ницше — напряженный, пророчески-безапелляционный или едкий-иронический. Он всё время воюет (на словах, конечно).

Философия Ницше в целом очень напряженная. Он постоянно говорит сильные фразы, патетические или язвительно-ироничные, которые показывают, что человек — хищное, злое животное, что человек должен быть сверхчеловеком. Он абсолютизировал отношения антагонизма, конфликта, враждебности и напряженности. Либо ты победитель, либо ты побежденный (либо пан, либо пропал). Ницше утверждал, что общество — стая хищных волков. По Ницше человек реализует себя и всегда стремится утвердить себя как существо, которое стремится к власти. Он делил людей на победителей и побежденных, на героев и толпу, на сверх-

человеков и всех остальных¹. Это логически вытекает из его теории воли к власти. Тот, кто не стремится к власти — ничтожество.

Нигилизм Ницше

Философия Ницше пронизана нигилизмом. Он призывал к переоценке всех ценностей, постарался разрушить все, что было наработано человеческой культурой. Мораль добра — хлам, совесть — чепуха.

Гитлер наверняка был вдохновлен Ницше, когда напыщенно провозглашал в "Майн кампф", обращаясь к немцам: "Я освобождаю вас от химеры, именуемой совестью". Ср. Ницше: "Испытывал ли я когда-нибудь угрызение совести? Память моя хранит на этот счет молчание." (Т. 1. С. 722, "Злая мудрость", 10). Или: Угрызение совести — такая же глупость, как попытка собаки разгрызть камень" (Там же. С. 817, "Странник и его тень", 38).

Мартин Лютер Кинг говорил: «Принимающий зло без сопротивления — становится его пособником». Ф.Ницше — это воплощенное философское зло. ***Кто принимает Ф.Ницше — пособник зла.***

* * *

¹ Такое деление людей весьма живуче. Вот что пишет А.Г.Дугин в своей «Консервативной революции» (М.: Арктогея, 1994): «Все люди делятся на две категории: на Чело-веко-Богов, Божественных Субъектов, Сверхлюдей (элита, духовная аристократия, высшие люди, «Зонненменшен», сыны света и т. д.) и на бессубъектных человеко-животных (плебс, низшие люди, недочеловеки, «Тиерменшен», «Сыны Тьмы»). Отсюда кастовая, расовая или интеллектуальная дифференциация...» (с. 89). Этот Дугин откровенно называет своим предшественником «германский национал-социализм в XX веке». Им опубликована недавно в газете «Лимонка» (№ 56, янв. 97) статья под характерным названием «С томиком Ницше на фронт культуры». В настоящее время Дугин — председатель движения «Евразия».

ПСИХОДЕЛИЧЕСКИЙ МИСТИЦИЗМ КАРЛОСА КАСТАНЕДЫ

(мысли, навеянные чтением его
«Учения Дона Хуана» и других сочинений)

В последние 10 лет у нас в стране в моду вошел философ Карлос Кастанеда. Показателем этой моды является то, что его книги издаются большими тиражами... Жуткая мода. Она тоже подливает масло в огонь наркотического безумия и вообще антикультуры.

Наши философы-преподаватели как-то беззубо-бесстрастно рассказывают о Кастанеде и даже похваливают его. Вот пример. В учебном пособии Л.З.Немировской «Философия» читаем:

«Книги Кастанеды посвящены урокам магии, которые он якобы берет у индейца дона Хуана, хранителя эзотерического знания из племени яки. Кастанеда уподобляет образ дона Хуана образу Иисуса Христа (только живущего в Мексике). Существенным отличием дона Хуана было то, что тот пользовался в обучении особым методом: обучающийся должен находиться в состоянии, вызываемом приемом психотропных растений (состояние «отдельной реальности»).

К.Кастанеда исследует новый способ познания, мало кем до сих пор изученный, — с помощью интуиции, интуитивный. При этом он представляет этот путь познания как специфический путь знакомства с миром древнего мексиканского племени яки. А по существу, речь идет об одном из способов приобретения эзотерического (тайного, скрытого от обычного человека) миропонимания. Этот способ — употребление некоторых растений, обладающих наркотическим эффектом, вызывающих галлюцинации. (С. 175)...»

Рассказ о Кастанеде завершается словами: «Таковы произведения современного мыслителя-мистика, привлекающие нас духом искания, авантюризма и бесстрашия. В то же время мы видим в книгах современных мистиков проявление преемственности человеческой мысли, в них оживает мудрость веков...» (С. 178). Вот так, ни больше, ни меньше. Это учебное пособие издано тиражом 10 тысяч экземпляров!

Философия Кастанеды — результат использования психотропных средств, точнее психоделиков. Это, по

существо, психоделическая философия, философия измененного сознания, искусственно вызываемой психопатологии.

Кастанеда продолжает традицию мистических, т. е. крайне иррационалистических учений. Он практически отрицает весь мир культуры и восстанавливает, по существу, мироощущение первобытного человека. Ее, пожалуй, можно назвать философией первобытного человека, голого человека, который ничего не имеет кроме своего тела, ничего не знает кроме своих непосредственных ощущений-восприятий, ничего не хочет и не умеет делать кроме элементарных поведенческих действий (ходить, есть, пить, одеваться, умываться и т. п.), да изготовления и приема психоделических средств.

Современный человек — это восприимчивый всей духовной и материальной культуры человечества, ее многотысячелетней истории. Для Кастанеды же ничего не значат ни Бетховен, ни Рахманинов, ни Аристотель, ни Гегель, ни Рафаэль, ни Рембрандт, ни Шекспир, ни Толстой, ни Эйнштейн, ни Дарвин, ни Петр I, ни Франклин Рузвельт, ни Эдисон, ни Форд или Королев. Кастанеде не нужна наука, не нужно знание, полученное учеными, не нужны открытые ими законы природы, не нужны изобретения человеческого гения, улучшающие и совершенствующие человеческую жизнь, не нужны ни серьезная, ни легкая, ни классическая, ни современная музыка, не нужна восточная культура единоборств-тела, не нужна индийская йога, не нужно освоение космоса, не нужны компьютеры, не нужно книгопечатание, не нужны радио, телевидение, не нужны автомобили, самолеты и т. п.

Мир кастанедовского человека — весьма упрощенный, примитивизированный, бедный — сосредоточен на чисто природных взаимоотношениях человека и среды. Пожалуй, он даже проще мира первобытного человека. Ведь последний по-своему много знал и умел: как добывать и поддерживать огонь, охотиться за животными, ловить рыбу, изготавливать орудия труда, рожать и воспитывать детей. Кастанедовский человек и в подметки не годится охотнику Дерсу Уза-

ла (см. повесть известного путешественника Арсеньева "Дерзу Узала").

Кастанеда на новом витке исторической спирали повторяет древнегреческих киников с их стремлением к опрощению, назад к природе, к животному состоянию.

Философию Кастанеды можно еще охарактеризовать как психоделический мистицизм. Мир для Кастанеды — тайна, а всё, что делает человек — «бесконечная глупость» (стр. 395: «воин относится к миру как к бесконечной тайне, а к тому, что делают люди, — как к бесконечной глупости»).

Кастанеда на новом витке исторической спирали повторяет древнегреческих киников с их стремлением к опрощению, назад к природе, к животному состоянию. Фактически его философия несет в себе дух нового варварства.

Укол Кастанеды

Под этим названием опубликован материал в книге писателя Сергея Баймухаметова «Сны золотые. Поведени наркоманов» М.: Изд-во ИКАР, 1998. Материал интересен тем, что в нем отражено мнение человека, неискушенного в философии, но знающего о наркомании-наркоманах не понаслышке. Мы, философы, варимся порой в собственном соку и не ведаем, что думают о нас и как откликается философия в душах-поведении других людей. Материал С.Баймухаметова — это взгляд со стороны и поэтому весьма поучителен.

«В последнее время, — пишет он, — имя американского философа и писателя Карлоса Кастанеды становится довольно популярным под нашими родными осинами, чинарами и даже на ягельных пространствах тундры. Я бы сказал — модным. Его книги, в основном «Учение дона Хуана: путь знания индейцев яки», выходят в различных издательствах Москвы. И сюда, в столицу, просьбы купить их и переслать летят отовсюду, от Бишкека до Оймякона.

Кто захочет — тот прочитает, вникнет в суть. А я изложу только сюжет.

Герой книги, студент Калифорнийского университета, знакомится с индейцем по имени Хуан — знахарем, колду-

ном, магом. Становится его учеником, которому индеец открывает тайны мистического знания. Делается это так: герой под руководством учителя принимает те или иные экзотические наркотики, возносится, перемещается во времени и пространстве, живет и действует в «необычной реальности», а затем подробно пересказывает свои видения и переживания. А дон Хуан уже ему все объясняет, открывает глубинную суть и связь явлений.

Другими словами, герой книги поставил эксперимент на самом себе. Что ж, это его право.

Точно так же безусловно право толкователей, авторов предисловий и послесловий рассуждать о том, что образ дона Хуана является «самым значительным персонажем человеческой фантазии после Христа», об «откровениях» и «немыслимых озарениях», о том, что «овладев эзотерическим знанием, человек достигает просветления духа».

К подобным пассажам вообще трудно относиться без некоторой неловкости, которую я прикрываю иронией. Пышные слова тут говорят сами за себя. Но нашенские толкователи Кастанеды переходят к тому, что имеет под собой более или менее твердую почву.

«Каждый человек приговорен к конкретной земной участи. Это немножко безрадостно... Так хочется преодолеть свое «я». С одной стороны, человек изо всех сил старается закрепиться в собственной психологической нише, обжить ее. А с другой — сам ее взрывает, — пишет один из наших толкователей в предисловии к книге Кастанеды. — И наше столетие, — продолжает толкователь, наглядно демонстрирует эту потребность. Молодые радикалы 60-х годов во многих западных странах представляли индивидуальную жизнь как смену карнавальных масок. Хватит быть клерком, поеду в индейскую резервацию. И наркотики пришли к времени...»

Стоп! Это в каких эмпиреях надо витать, чтобы вот так походя говорить о... пользе наркотиков?! Святая простота, никак не меньше. И это не обмолвка. Для основателя учения и для его истолкователей «галлюциногены... только средство приобретения знания...» Именно так и формулируется: только средство.

Тут, наверно, можно поговорить о том, что ясно для всех, в том числе и для философов: «средство» никогда не бывает «только», средство и цель всегда связаны. Но вспомним, что я зарекся «судить не выше сапога».

А мой «сапог» — наркотики. Апокалиптическая болезнь. Люди, ей подверженные, живут на грани: на грани сознания и умопомешательства, тюрьмы и воли, жизни и смерти. И уж конечно — за гранью закона, за гранью человеческого существования вообще.

Предвижу, что кто-то и возмутится: запрещенный прием, вульгаризаторский подход! А проще говоря: мол, какая

может быть связь между нашими подлыми, жалкими, грязными наркоманами и — «озарениями духа», «эзотерическим мироощущением»?!

Осмелюсь сказать: прямая. В подвалах и на чердаках, конечно, об «эзотерическом знании» не рассуждают, но если «откровения» и «озарения» толкователей Кастанеды перевести на язык притонов, то получится — «кайф». В общем и целом. А если детально, то — «приход», «тяга». То есть разные стадии наступления все того же «кайфа».

И уж совсем один к одному подходят к судьбам заурядных наркоманов верные философские заключения о том, что «человек старается выскочить из самого себя», «преодолеть свое «я». Да, стремление к изменению своего состояния вообще свойственно натуре человеческой. Причем тут биологическое начало тесно переплетается с социальным. Это очень мощный импульс. Но из этого вовсе не следует, что можно с олимпийским спокойствием полагать: «И наркотики пришли к времени...» Не дай Бог, если такое случится с любым человеком, если этот мощный импульс соединится с наркотиком, найдет в нем утление и упоение.

Наверно, одних только «исповедей наркоманов», приведенных здесь, вполне достаточно, чтобы убедиться: любое упоминание о наркотике как безобидном, тем более как лишь «средстве приобретения знания» — это все равно что пропаганда истребления детей. Пусть и невольная, по недомыслию.

Да, почти никто не знает о подлинной, внутренней жизни наркоманов, об их быте. О мерзости их существования, о той зловонной жиже, в которой барахтаются эти несчастные. Об отчаянии и безысходности. О деградации физической, умственной, духовной и говорить не приходится.

Но ведь если нормальные люди не знают эту жизнь в деталях, в подробностях, то могут хотя бы догадываться, предполагать. Это несложно. Догадываться — и не обольщаться на сей счет. Однако же нет, откуда-то возникают мифы о «снах золотых», «эйфорическом тумане». А уж когда они подкрепляются философскими трактатами и рассуждениями истолкователей, то добра не жди...

А секрет, наверно, еще и в том, что незнание, полужнание всегда порождает мифы. Притягательные. Яркие окрашенные. Бездумный запрет тоталитарного режима на реально существующий мистический компонент культуры развил у многих стойкую приверженность ко всему «запредельному» без разбора. Причем, уходя в широкие слои, всякие полужапретные веяния тотчас становятся модными в определенных кругах людей, которые, по выражению Чехова, «стараются казаться выше среднего уровня и играть роль, для чего нацепляют на лоб ярлыки». Этакая, знаете ли, претензия на кастовость, чуть ли не духовный аристократизм.

А ведь все сосуды в обществе сообщаются. Только в далекие шестидесятые годы курение анаши среди подростков безоговорочно считалось признаком придури. Над малолетними анашистами смеялись, жалели, держали за дурачков. А сейчас не только в подвалах и на чердаках, но уже и в университетских коридорах причастность к наркоманским тусовкам выдается за некий знак избранности, аристократизм. Там уже на алкоголь смотрят с презрением, называют его «грязным кайфом», «бычьей тягой».

Есть над чем задуматься.

И последнее. Сказав кое-что о «средствах приобретения знания» по Кастанеде, не могу не сказать и о самом методе.

Помню, один из моих однокурсников где-то услышал, будто бы на свете есть восемь книг, прочитав которые человек сразу станет образованным, духовно богатым и прочее. И все приставал к преподавателям, чтобы они дали ему тот заветный список. Ведь всего восемь (!) книг! Прочел — и готово, за неделю все науки превзошел.

Это не анекдот. И даже больше чем быть.

Это великий миф массового человека, который очень хочет «приобщиться», стать «духовным», но только побыстрее и попроще.

Лишь на первый взгляд представляется, что Кастанеда и его последователи очень далеки от «массового сознания», что они «элитарны». На самом же деле, по моему разумению, сам метод здесь что ни на есть пошло-упрошенческий, «массовый»: побыстрее, подешевле, без этих ваших умствований и сложностей... Ведь в действительности любые истины, в том числе и философские, открываются каждому человеку на долгом пути. Он учится, работает, читает книги, узнает, сомневается, спорит, познает себя и людей, разочаровывается, обретает... То есть добывает истину в постоянном труде ума и души.

А здесь, если снять все наслоения и оголить сюжет, то все куда как легко и даже приятно: поел грибы, попил сока экзотического растения, покурил зелья — и вот они, видения и даже «откровения», которые к тому же растолкует всезнающий учитель.

Этот путь и метод далеко не новы. Они существуют столько же, сколько существует человечество вообще. Ибо всегда существовал и существует соблазн легкого приобретения чего бы то ни было: богатства, знаний, секретов ремесла. Но к счастью, никто еще не осмеливается утверждать, что ремеслом сапожника можно овладеть, не прикладывая рук, ничему не учась, а выкурив лишь сто граммов анаши. Никто. А это все-таки внушает некоторые надежды на незыблемость здравого смысла.» (С. 146-153).

Х. ОБ ОПАСНОСТИ НАРКОТИКОВ И ПРЕЛЕСТЯХ ЖИЗНИ БЕЗ НИХ

Опасность — возможность, угроза чего-н. очень плохого, какого-н. несчастья.

Наркотики [греч. *narkotikos* приводящий в оцепенение, одурманивающий] — сильнодействующие вещества (растительного происхождения и получаемые химически), вызывающие возбужденное состояние и парализующие центральную нервную систему, злоупотребление которыми приводит к наркомании.

Наркомания — болезнь, характеризующаяся непреодолимым влечением к наркотикам, приводящая к тяжелым нарушениям физических и психических функций.

Из словарей

1. О ТОМ, КАК ИЗБЕЖАТЬ УПОТРЕБЛЕНИЯ НАРКОТИКОВ

ПОЧЕМУ ЛЮДИ УПОТРЕБЛЯЮТ НАРКОТИКИ?

Распространение наркотической антикультуры
как заразы в современной России

Желание молодых попробовать наркотики возникает на фоне и под влиянием распространения в обществе наркотической антикультуры, духовной и материальной. *Духовная наркотическая антикультура* — это лукавая общественная атмосфера: формально общество, большинство людей против наркотиков, а фактически очень многие сейчас либо равнодушно относятся к этому бедствию, либо эпатируют общественное мнение своим двусмысленно-игривым отношением к наркотикам (музыканты, певцы, артисты, писатели, кинематографисты) или даже благосклонно относятся к приему мягких наркотиков и пропагандируют их. *Материальная наркотическая антикультура* — это развитый наркотический рынок, наркобизнес,

т. е. возможность для потенциальных потребителей легко приобрести наркотики (на дискотеках, возле школ или даже в школах и т. п.)

Государство до самого последнего времени очень вяло реагировало на распространение наркотической антикультуры (эпидемии наркомании). Только на днях президент России провел специальное заседание Совета безопасности, посвященное этой беде. Было признано, что наркотическая зараза стала угрожать национальной безопасности России. Сейчас в стране — три миллиона наркоманов (по оценкам экспертов). Такую цифру привел министр внутренних дел Б.Грызлов, выступая 17 октября 2001 г. на заседании Государственной Думы.

Молодым нужно знать, что невесть откуда возникающее желание попробовать наркотики — это в значительной мере влияние (давление) наркотической антикультуры. Молодые люди порой не осознают это. Они думают, что желание попробовать наркотики — исключительно их личное желание, личный выбор. Еще 20 лет назад в нашем обществе наркотиков практически не было. И у молодых не было никакой материальной возможности и никакого желания употреблять наркотики. Сейчас ситуация круто изменилась. Возникла мощная наркотическая антикультура. Она — следствие того, что наше российское общество стало (после 1985-1991 гг) **открытым** и еще не успело приобрести иммунитет против экспансии внешней, зарубежной наркотической антикультуры, поразившей некоторые страны мира.

(Насколько общественная атмосфера влияет на поведение людей, можно судить по такому факту: изменение отношения молодых к призыву в армию. Сейчас многие молодые отрицательно относятся к службе в армии и под всякими предлогами пытаются уклониться от нее. Вузы переполнены такими молодыми людьми (учеба в вузах дает отсрочку от службы в армии). А более 60-и лет назад, перед нападением Германии на нашу страну, был настоящий бум призыва в армию, молодые стремились попасть в нее. Даже не вполне здоровые шли на всякие ухищрения, чтобы обмануть

медицинскую комиссию и служить в армии¹. А что сейчас? Ситуация круто изменилась — медицинскую комиссию пытаются обмануть для того чтобы "откосить" от армии.)

Я вынужден констатировать: в современном обществе для распространения наркотической антикультуры создана благоприятная почва.

Мораль: нынешние молодые люди, думающие, что они свободно и самостоятельно принимают решение относительно потребления наркотиков, на самом деле находятся под сильнейшим давлением наркотической антикультуры и уступают ее тлетворному влиянию, т. е. по-настоящему несвободны и несамостоятельны. Пусть они на этот счет не обманывают себя. Если они хотят быть взрослыми и действительно свободными-самостоятельными, то должны, напротив, противостоять натиску наркотической антикультуры. (Ведь в большинстве случаев наркотики начинают потреблять не взрослые, кому за 30, а юные-молодые и наркотическая эпидемия поражает не поколение взрослых людей, а поколение юных, не окрепших в своем иммунитете против дурных влияний.)

Откуда конкретно возникает желание попробовать наркотики и как с ним бороться?

1

У молодого человека это желание порой возникает из-за неосознанного или осознанного стремления стать быстрее взрослым, быть хозяином своей жизни, освободиться от разных опеك (родительской, школьной и т. д.).

Такое стремление порой дает о себе знать в виде принципа **"всё попробовать"**. ("Принцип" неявно исходит из представления о свободе как возможности поступать так, как хочется). Юные-молодые нередко

¹ Совсем недавно об этом рассказал в интервью по телевидению академик И. Спасский, руководитель НПО "Рубин".

ловятся на удочку этого принципа. Они еще не вполне отдают себе отчет в том, что "всё попробовать" — ложный, губительный принцип. Да, попробовать можно многое и не только можно, а и нужно! Юные осваивают мир и любознательность-любопытство — естественные их помощники в этом деле. Однако, для того и голова на плечах, чтобы различать: что можно пробовать, а что нельзя. Одурманенные наркотиками иногда прыгают с высокого этажа большого дома в надежде, что они полетят. Они "пробуют", а итог этой пробы плачевен. Пробующие наркотики уподобляются этим наркоманам-самоубийцам.

Принцип "всё попробовать" не знает исключений — поэтому он дурной, детский, глупый. Молодые люди, дожившие до взрослого состояния, больше уже не следуют этому принципу. Взрослые прекрасно отдают себе отчет в том, что далеко не все "пробы" допустимы и оправданы, что свобода выбора имеет ограничения внутри себя.

2

1). Молодой человек часто уступает своим друзьям-приятелям под давлением вопроса **"А слабо тебе это сделать?"**. Это слово **"слабо"** для юных созданий обладает поистине магической силой. Они не хотят выглядеть слабыми и поэтому готовы совершить необдуманый и опасный поступок, на который они никогда не пошли бы в ситуации "без свидетелей" (например, прыгнуть с большой высоты в воду, закурить, выпить вина, водки, самогона, нахамить, своровать, изнасиловать, избить кого-либо и т. п.)

(Мой опыт защиты от **"слабо"**: в юности, когда вокруг меня начинали курить мои сверстники или мужчины постарше, то я слышал от них предложение закурить, сопровождающееся сакраментальной фразой: **"ты же мужчина!"** (или: **"ты должен быть мужчиной!"**). На это я отвечал: да, мужчина тот, кто начинает курить — это, безусловно, один из признаков взрослого человека — **но**: мужчина вдвойне тот, кто зная об этом, всё же не начинает курить. Удержаться от искушения закурить — это проявление силы, а не слабости-боязни.)

2). Второй способ защиты от "слабо": я старался избегать знакомства с такими людьми, которые могут задать подобные вопросы или решительно порывал с ними. (Я рано усвоил жизненный смысл поговорки: "с кем поведешься — от того и наберешься".) Не надо бояться расставаться с теми друзьями, знакомыми, которые дурно влияют на вас. Я это делал не раз — и в итоге жив, невредим, преуспеваю. С другой стороны, мне известно много случаев, когда молодые люди пострадали в результате общения с дурными людьми. Вы, кстати, знаете, что у героинового наркомана нет никаких тормозов: он может убить за 5 рублей. И не по злему умыслу, а просто для того, чтобы достать деньги для покупки очередной дозы наркотика. Из-за синдрома абстиненции (так называемой ломки) наркоман испытывает страшные мучения, рассудок его мутится и он готов в таком состоянии любыми путями, даже через убийство добыть деньги или дозу.

Я лично знаю несколько случаев гибели или убийства молодых людей в связи с наркотиками. Вот некоторые из них:

16-летняя дочь моего знакомого, известного философа, профессора МГУ была убита два года назад у себя на квартире наркоманами — ее приятельницей и другом этой приятельницы (они требовали от дочери денег на покупку наркотиков; она отказалась дать их и в результате они убили ее).

20-летний сосед по дому умер от наркотиков. Я не знаю конкретных обстоятельств его гибели, знаю только, что он умер от передозировки наркотика, которая вызвала остановку сердца. Я лично его знал. Он жил в неблагоприятных условиях: без отца, мать у него властная и грубая женщина, сам он водился со всякими подозрительными личностями, принимал наркотики и даже торговал ими, грязно ругался, через слово — грубый мат.

16-летний мальчик (в деревне Талалаевка под Нежином, Украина, где я отдыхал в 1997 году) умер в результате первого же укола героином: банальная передозировка. Парень не хотел колоться, но дружки уговорили-принудили.

Все эти случаи гибели или убийства имеют то общее, что жертвами оказались совсем молодые люди и они общались-дружили с наркоманами. Вывод здесь один — держаться подальше от наркоманов, а если вы узнали, что ваш знакомый или друг принимает наркотики, то решительно и немедленно рвать с ним. **Мое мнение: от наркоманов надо бежать как от чумы!** Особенно это касается молодых людей. Помочь своим друзьям-наркоманам они вряд ли смогут, а вот влипнуть в "историю", оказаться жертвами наркоманов могут вполне.

Молодые наркоманы (еще не вполне конченные и желающие жить нормальной жизнью) могут задать вопрос: а как быть им, если от них будут отворачиваться нормальные люди? Жить в вакууме, общаться только с себе подобными? Таким я скажу: признайтесь в том, что вы больные люди (наркоманы!), что вы можете заражать (вовлекать в наркоманию) других и поэтому не имеете морального права общаться с кем бы то ни было, кроме медицинского персонала. У вас только один выход — лечиться! Наркоман, ищущий общения с нормальными людьми, также для них опасен как прокаженный, больной тифом, чумой...

3). В общении важно не только избегать знакомства с дурными людьми, но и искать знакомства с добрыми-сильными людьми. (Опять же по поговорке "с кем поведешься — от того и наберешься"). Есть такое жизненное правило-условие, основанное на опыте: **общайся больше с сильными-добрыми людьми и ты сам станешь сильнее-добрее.** А. В. Суворов в своей "Науке побеждать" сформулировал с гениальной простотой очень важный принцип самосовершенствования: **"Возьми себе в образец героя, наблюдай его, иди за ним вслед; поравняйся, обгони, слава тебе".**

4). Бывают, конечно, случаи, когда человек, с которым вы общаетесь, может быть сразу и хорошим и дурным, и сильным и слабым. Тут уже надо много думать, взвешивать на весах: чего больше в этом человеке — дурного или хорошего, — и в какую сторону он больше влияет на вас: в дурную или хорошую.

Особый случай — наши кумиры. Ведь и среди них

встречаются наркоманы. Наверное, наиболее яркий пример: Владимир Высоцкий. Правда, он стал принимать наркотики не по своей воле, а по медицинским показаниям, лечась от другой болезни, и пристрастился к ним где-то за пять лет до смерти. Он умер, как известно, от "острой сердечной недостаточности, которая развилась на фоне абстинентного синдрома" (диагноз врачей). Некоторые из вас или ваших знакомых-наркоманов могут сослаться на известных деятелей-наркоманов и говорить: вот видите: даже такие большие люди, а чего уж нам...

Здесь не учитывается одно "маленькое" обстоятельство: известные люди-наркоманы стали употреблять наркотики уже в зрелом возрасте, когда они достигли пика творческой формы, т. е. стали известными талантами еще до употребления наркотиков. Если бы Высоцкий начал употреблять наркотики в 15-17 лет, то он никогда не стал бы тем, кем он стал.

Нужно помнить: **наркотики всегда губят** — губят юных, не давая им развиваться до талантов-гениев, губят таланты в пору расцвета, как это случилось с Владимиром Высоцким. (Отдельные случаи избавления от наркотической зависимости не в счет. Они так редки, что надеяться-рассчитывать на них может только глупец).

3

Начинают употреблять наркотики часто от скуки, от серости обыденной жизни. Молодым людям хочется ярких, сильных впечатлений и они ищут их. Если не находят нормальным путем, то идут на всякие ухищрения вплоть до приема наркотиков.

4

Когда мало кайфа (наслаждений, радости) в нормальной жизни, то ищут этот кайф за пределами нормального. Надо постоянно думать, искать наслаждения, радости в нормальной жизни. Поверьте, нормальных радости и наслаждений существует гораздо больше, чем ненормальных. На этот счет у меня есть давно выношенная сентенция:

"Наслаждений жизни много, так много, что одному человеку не хватит и тысячи лет, чтобы испы-

тать все их. Поэтому тот, кто хочет разумно жить, должен выбирать из всех массы наслаждений такие, которые полезны для него, для жизни в целом."

Вот один рецепт: **любите больше, не стесняйтесь, не стыдитесь любви, идите к ней навстречу!** Любовь — солнце жизни, мощнейший двигатель-фактор жизни, благодаря которому и другие ее стороны и сама она в целом, обретают смысл-значение, обогащаются, расцветаются тысячами красок.

Без любви, без любовных утех человек лишается значительной части положительных эмоций. Он может стать из-за этого мизантропом, психопатом, быстро увядать, дряхлеть, стареть и т. д.

Недостаток любви — это не только недостаток положительных эмоций. Свято место пусто не бывает. Положительные эмоции замещаются отрицательными. Последние порождают либо депрессию, угнетенное состояние, скуку (пустоту жизни), либо раздражительность, озлобленность, агрессию. Много, очень много проблем возникает от недостатка любви. Человек часто и не подозревает об этом. Например, большая часть конфликтов с людьми вызвана отсутствием или недостатком любви в жизни человека. Человек нелюбящий или малолюбящий в лучшем случае холоден-равнодушен к людям, а в худшем — раздражителен-злобен. Или проблемы со здоровьем. Недостаток любви — ненормальность. А ненормальность дурно влияет на состояние здоровья.

В жизни должна быть определенная **сумма любви**. Она равна примерно половине жизни. Человек должен быть постоянно настроен на волну любви, по-хорошему озабочен ею, стремиться к ней, делать всё для того, чтобы она была, продолжалась, совершенствовалась. Ни один день жизни не должен быть потерян для любви.

Любовь — естественный защитник от наркотиков. Если она служит злу, то это для нее привходящее обстоятельство. В большинстве случаев она *нормальная*, т. е. такая, какой она *должна быть* или *имеет место* у большинства мужчин и женщин. Сама любовь внутри себя — целый мир, восхитительный и прекрасный!

Когда много страданий, мучений (плохо в школе, в семье, неважно со здоровьем, питанием, плохие друзья, знакомые, соседи).

Одним словом, человек часто начинает употреблять наркотики, когда у него накапливается много проблем — он разрешает свои проблемы, как бы разрубая гордиев узел, одним ударом: уходом в наркотический кайф.

Чтобы страдания не брали человека за горло, он должен заранее либо устранить-минимизировать их причины, либо закалить себя, заняться, в частности, каким-нибудь видом спорта, физической культуры, т. е. **научиться страдать**, идти навстречу страданиям, не бояться их. Научиться быть немного мазохистом — это неплохо. (Я давно занимаюсь бегом на длинные дистанции, бегаю как минимум 10 км зараз. Каждый раз это испытание, страдание. Испытывая управляемое не очень сильное страдание, я, таким образом, как бы делаю себе прививку против разрушительного воздействия сильных страданий).

Нередкой причиной начала употребления наркотиков бывает неблагополучие в семье, в частности, отчуждение от родителей. Юный человек порой "на зло" отцу, матери начинает употреблять наркотики.

Бывает, семья внешне благополучная, имеющая достаток и тем не менее юное создание начинает употреблять наркотики. Отчего это происходит?

Здесь может быть много разных причин. Две основные, базовые: деспотизм отца-матери, либо, напротив, их попустительство. Либо ребенок вырастает озлобленным, действующим "на зло" своим родителям, либо избалованным, привыкшим удовлетворять любую свою прихоть.

В отношениях с детьми нужно сочетать требовательность и чуткость. Это — альфа и омега воспитания.

Еще одна базовая причина: занятость родителей, отстраненность их от дел и проблем своих детей. ***Родителям нужно стараться как можно больше со-***

здавать ситуаций, в которых они общаются со своими детьми в связи с каким-нибудь делом (посещение выставок, концертов, театров, походы на природу, туризм, спорт, дачные дела, поделки по дому, хобби и т. п.). Важно при этом, чтобы общение родителей с детьми в этих ситуациях было обоюдно приятным, непринужденным, естественным, а не по долгу, не для галочки.

Нужно иметь в виду, что в современном обществе роль родителей в воспитании и обучении детей относительно уменьшилась. Сильно стали влиять школа, улица, друзья, средства массовой информации, компьютер, книги... Поэтому родители должны максимально использовать те немногие возможности, которые у них остались. Я имею в виду прежде всего совместную жизнь дома, те духовно-телесные отношения, которые существуют изначально в семье. К сожалению, постепенно с возрастом эти духовно-телесные отношения почти сходят на нет. Родители и дети начинают стыдиться друг друга и скрывать друг от друга свои проблемы-утехи-дела. В итоге растет их отчуждение.

Родители должны учить детей тому, чему не могут научить их школа и вуз: здоровому образу жизни, любви, умению преодолевать трудности, самостоятельности. Для этого они должны установить с детьми **предельно искренние и откровенные отношения**, как это возможно между самыми близкими людьми. Родители должны быть-стать поверенными во всех делах-проблемах своих детей.

Взять хотя бы сферу отношений мужчины и женщины. Родители, как нарочно, уходят от этой темы и в итоге оставляют своих детей наедине со своими проблемами. Дети хотят любить и быть любимыми; у них уже играют гормоны (порой с раннего возраста); их раздражает чувственность. А родители как бы не при чем. Более того, в этот период повышенного интереса детей к теме любви и любовных отношений она становится практически запретной в семье. Это нонсенс. Кто как не родители, наиболее близкие детям люди в духовном и телесном плане, должны (деликатно, так-

тично) участвовать в любовном опыте детей: не заниматься напрямую с ними сексом — это запрещает мораль, — но обсуждать откровенно все вопросы полового поведения и быть телесно близкими, телесно взаимодействовать: мыться вместе, иногда спать вместе, делать массаж, шутливо бороться, ласкаться, обнажаться, заниматься физической культурой, спортом?!

7

Молодые люди после 15-и лет — уже достаточно взрослые, чтобы беседовать на равных с родителями. Если у них неблагополучно в семье, то им нужно тщательно продумать стратегию поведения с родителями, постараться не рубить с плеча, но и не затягивать объяснение с ними.

Очень важно научиться рассуждать, вести интересную беседу, беседовать размышляя, рассуждая вслух.

Нужно научиться говорить связно, без слов-паразитов и по существу вопроса.

Искусству устной беседы очень хорошо помогает чтение стихов поэтов-классиков, хорошей прозы вслух, ведение дневника, разные записи мыслей, стихов, конспектирование книг и т. п., обсуждение со своими друзьями, знакомыми, близкими разных тем: просмотренных фильмов, прочитанных книг, услышанных песен, музыкальных произведений, разных событий в мире... Иными словами, как можно больше говорить и слушать, слушать и говорить, задавать вопросы (себе и другим), пытаться отвечать на вопросы других. Обратит внимание на свою дикцию, интонацию, прислушиваться к хорошей речи, учиться у хороших ораторов, говорящих гладко и дельно.

Одним словом, надо развивать речь и мышление. Когда вы научитесь хорошо говорить, то **половина ваших проблем будет решена**. В любой разговор, даже самый неприятный, вы будете вступать, не боясь показаться глупыми или смешными.

Я вспоминаю свои беседы в юности со своими братьями и сестрами, с друзьями и приятелями. Нередко я испытывал наслаждение от этих бесед и наслаждение-удовлетворение от своей собственной речи. Эта любовь к беседам в юности привела в конце концов к то-

му, что сейчас я с удовольствием читаю лекции студентам, пишу книги (издал уже 20 книг!), одним словом, нашел себя, свой смысл жизни.

8

Молодой человек порой начинает употреблять наркотики не потому, что он испытывает желание попробовать их, а потому, что поддается на предложение-уговоры друзей, знакомых, т. е. проявляет элементную слабость воли.

Что такое воля? — ***Воля есть способность человека управлять своим поведением.***

Как укреплять свою волю? — Я занимаюсь бегом на длинные дистанции и давно пришел к выводу, который звучит как афоризм: чем длиннее дистанция, тем сильнее воля. Воля воспитывается терпением и настойчивостью, терпением переносить трудности-страдания и настойчивостью в достижении цели. Но: "Основное правило воспитания воли: нельзя воспитывать волю взрывами. Это ежедневный процесс. Поставил себе цель — нужно постоянно «бить в точку». Разве покончишь, например, с сутулостью, если сегодня за своей осанкой следишь, а завтра согнулся за уроками в три погибели. Воспитать волю нелегко. Но чем больше на твоём счету выполненных собственных приказов, тем легче управлять собой. (Б.С. Алякринский).

Я давно выработал для себя формулы поведения, которыми стараюсь руководствоваться в жизни:

"Отсутствие самодисциплины ведет к тому, что даже маленькие препятствия преодолеваются с большим трудом".

"Слабые духом склонны все усложнять, сильные, напротив, упрощать".

"Склонность слабых людей — винить других в своих несчастьях".

2. ПРЕОДОЛЕНИЕ РАЗРУШИТЕЛЬНОЙ ЗАВИСИМОСТИ

Помимо наркотической существуют, по крайней мере, еще две разрушительные зависимости: алко-

гольная зависимость и игромания (рулетка и т. п.). Наркотическая, безусловно, — самая опасная и губительная зависимость.

Избавиться от этих разрушительных зависимостей можно двумя путями (или одним из них).

Первый путь: укрепление воли с помощью специальных форм деятельности (например, бега на длинные дистанции, регулярных занятий физическими упражнениями, спортом, медитации, внушения и самовнушения).

Второй путь: поиск и освоение жизненных конструктивных форм деятельности. Ведь разрушительная зависимость обычно возникает на фоне депрессии или (временного/постоянного) отсутствия серьезных жизненных занятий, в результате возникновения того, что называют скукой, пустотой жизни. Противопоставить нездоровому азарту-увлечению здоровое увлечение-азарт — вот назначение второго пути (по поговорке: клин вышибается клином).

Второй путь возможен лишь при условии, если человек обладает достаточно сильной волей. В противном случае, он должен сначала (или сначала-параллельно) идти по второму пути (укрепления воли).

ОБ УПОТРЕБЛЕНИИ ТАК НАЗЫВАЕМЫХ СЛАБЫХ (МЯГКИХ) НАРКОТИКОВ

Некоторые люди убеждены, что слабый наркотик, как и алкоголь в умеренных дозах, не вреден или не опасен. Действительно, есть целые страны, в которых употребление слабых наркотических веществ является чуть ли не национальной традицией. Люди всю жизнь потребляют слабые наркотики и вроде бы ничего плохого не происходит. Что можно на это сказать? Ну, прежде всего, то, что приемлемо для одних, может быть неприемлемо для других. При одном строении жизни потребление слабого наркотика неопасно, а при другом строении жизни опасно. Например, человек, живущий примитивно, может спокойно принимать слабые наркотики. А для человека, высокообразованного, высокоинтеллектуального, решающего сложные творче-

ские задачи, потребление даже слабого наркотика может быть губительным. Представьте себе летчика-наркомана или машиниста поезда, находящегося под кайфом. Невозможно представить. Таких профессий, видов деятельности, в которых употребление наркотиков исключено, достаточно много. Современное общество — это общество больших рисков и ясная неодурманенная голова в нем нужна как никогда и нигде. Человек, балующийся слабыми наркотиками, во-первых, отсекает от себя возможность освоения многих профессий и видов деятельности, в которых в силу их специфики употребление наркотиков исключено, и, во-вторых, создает серьезные опасности для себя и других. Опасности двоякого рода: непосредственные (угроза здоровью, нормальной жизнедеятельности, жизни в целом) и опосредованные (усиление наркотической зависимости, переход к сильнодействующим наркотикам, ослабление потенций [любовной, творческой и т. д.], деградация личности в целом). Кроме того, известно, что некоторые слабые наркотики (такие как кокаин) разрушают интеллект, способствуют развитию слабоумия.

А главное заключается в следующем. Если человек начал употреблять наркотики, пусть и слабые, то это сигнал к тому, что он уже неспособен делать свою жизнь интересной, яркой, насыщенной без химических "костылей", т. е. без того, чтобы воздействовать на свой мозг непосредственно с помощью химических веществ. Употребляющий наркотики — в сущности, духовный инвалид.

Некоторые сравнивают употребление слабых наркотиков с употреблением алкоголя и на этом основании утверждают, что как нет ничего страшного в употреблении алкоголя, так нет ничего страшного и в употреблении слабых наркотиков. С моей точки зрения, уподобление последних алкоголю не выдерживает критики. Употребление алкоголя (слабоалкогольных напитков, вина, крепких напитков в небольших дозах) встроено в культуру питания и служит не только целям опьянения, но и целям обогащения разных ощущений (зрительных, вкусовых, обонятельных).

Другими словами, алкоголь — часть еды, часть культуры питания и вообще часть культуры¹. Наркотики таковой не являются. И в этом их принципиальная разница. Конечно, злоупотребление алкоголем может привести к таким же печальным последствиям, как и употребление наркотиков. Но посмотрите: в контексте жизни употребление алкоголя неизмеримо больше по объему, чем злоупотребление им, а употребление наркотиков чаще всего является их злоупотреблением. Алкоголь нельзя однозначно называть злом. Наркотики же почти всегда оцениваются как зло (за исключением случаев использования в медицинских целях).

СПРАВКА НАРКОЛОГА. В некоторых странах отдельные политические деятели выступают за легализацию каннабиса (конопли), точнее его производных — гашиша и марихуаны. Эти деятели утверждают, что производные конопли — мягкие наркотики, вызывающие лишь умеренное опьянение.

Концепция "мягких" наркотиков не признается ни медициной, ни международными законами. В 1961 году каннабис был включен в Единую конвенцию ООН по наркотическим веществам, согласно которой любое немедицинское использование перечисленных в ней веществ запрещено. Эта конвенция ратифицирована 148 странами. Из того факта, что каннабис вызывает иной тип опьянения, чем, например, героин или амфетамин, вовсе не следует, что он менее вреден, — скорее он вреден по-иному. Каннабис поражает не столько тело, сколько душу. Это особенно губительно для молодых людей. Естественный процесс пубертатного созревания (взросления — Л.Б.) приостанавливается или тормозится, так что 25-30-летние потребители каннабиса (из тех, что курят регулярно) ведут себя подобно детям-подросткам, когда дело касается ответственности за свое собственное будущее, выполнения учебных заданий, пунктуальности, работы или выполнения родительских обязанностей. Отдельные случаи нормального поведения курильщиков гашиша и марихуаны не в счет. Ведь бывают и алкоголики, которые каждый день ходят на работу, и заядлые курильщики табака, которые доживают до глубокой старости. **В случае с каннабисом проблема, однако, состоит в том, что умственные способности наркомана**

¹ К этому можно добавить следующее. Алкоголь вырабатывается самим организмом человека и не в качестве отходов, а для нужд организма; т. е. в небольших дозах алкоголь не только не вреден, но даже полезен человеческому организму.

непрерывно ухудшаются. Он попросту становится всё глупее и глупее. И от этого никто не застрахован.

Курение каннабиса повреждает также сердце и легкие, систему иммунной защиты, репродуктивную систему (детородные органы) и нарушает развитие плода.

Некоторые курильщики переживает драматическое состояние, именуемое "каннабисным психозом". Этот психоз сопровождается общим смятением, тревогой и искажением восприятия действительности. Большая часть тех, кто переносит этот острый психоз, никогда не выздоравливает. Опьяняющее вещество каннабиса, ТГК (дельта-9-тетрагидроканнабинол), лучше растворяется в жирах, чем в воде (в отличие от других наркотиков), и поэтому намного дольше сохраняется в организме. Достаточно курить лишь раз в неделю, чтобы постоянно иметь немного этого яда в своем организме.

Как и все наркотики, каннабис вызывает зависимость, и способен легко (а может быть и неминуемо) приводить к злоупотреблению другими веществами. В Германии более чем половина из тех, кто обращается за помощью по поводу зависимости от каннабиса, злоупотребляют также алкоголем. Более чем 60 процентов из них принимают также героин, и около 40 процентов — кокаин.

Курильщики каннабиса могут быть весьма агрессивными по отношению и к себе и к другим. Изучение 658 связанных с наркотиками смертных случаев в Стокгольме в 1986-1993 годах показало, что у 52 умерших в организме не было никаких других наркотиков, кроме ТГК. Обстоятельства смерти в этой группе носили выраженно драматический характер: убийства, самоубийства (в нескольких случаях — прыжок с большой высоты во время психоза) и дорожно-транспортные происшествия. Было доказано, что некоторые из убийств были совершены именно в то время, когда преступники находились под влиянием каннабиса.

XI. КАК МЫ ДУМАЕМ?

Побеждай сперва мыслью, а потом делом.

А. В. Суворов. Наука побеждать.

...думать — это значит ставить вопросы
и пытаться находить ответы на них.

В. Рубцов

Думать о том, *как мы думаем* — привилегия *Разума*, *высшей* способности мышления. Кто желает повысить свои умственные способности, не просто мыслить, а мыслить *разумно*, тот должен постоянно отдавать себе отчет в том, *как* он думает и, соответственно, больше знать о процессе мышления как таковом. Мышление о мышлении имеет также важное практическое значение. Знаменитый физик Кельвин, возражая сторонникам узкой специализации студентов, заметил: “Из-за незнания логики погибло больше кораблей, чем из-за незнания навигации”.

Прежде всего, *что такое мышление?* В самом общем виде это — *постановка и решение задач* на идеальном, психическом уровне. Задачи могут быть самые разные. Нет ни одного вида деятельности, который не предполагал бы решение задач. Даже во сне человек думает и, следовательно, решает задачи.

Как видно из схемы “Виды (стороны) человеческой деятельности” (см. след. стр.), мышление объединяет на идеальном, психическом уровне три формы деятельности: познавательную, художественную и управлюще-преобразовательную. Оно, следовательно, не сводится ни к одной из этих форм деятельности. Между тем среди философов и ученых довольно распространено понимание мышления как познавательной деятельности. С моей точки зрения, это односторонняя и потому неверная трактовка мышления. Между мышлением и познанием есть существенное различие и не только в том, что познание включает в себя также чувственные формы отражения. Мышление в равной степени “участвует” как в познавательной, так и в управлюще-преобразовательной деятельности, т. е.

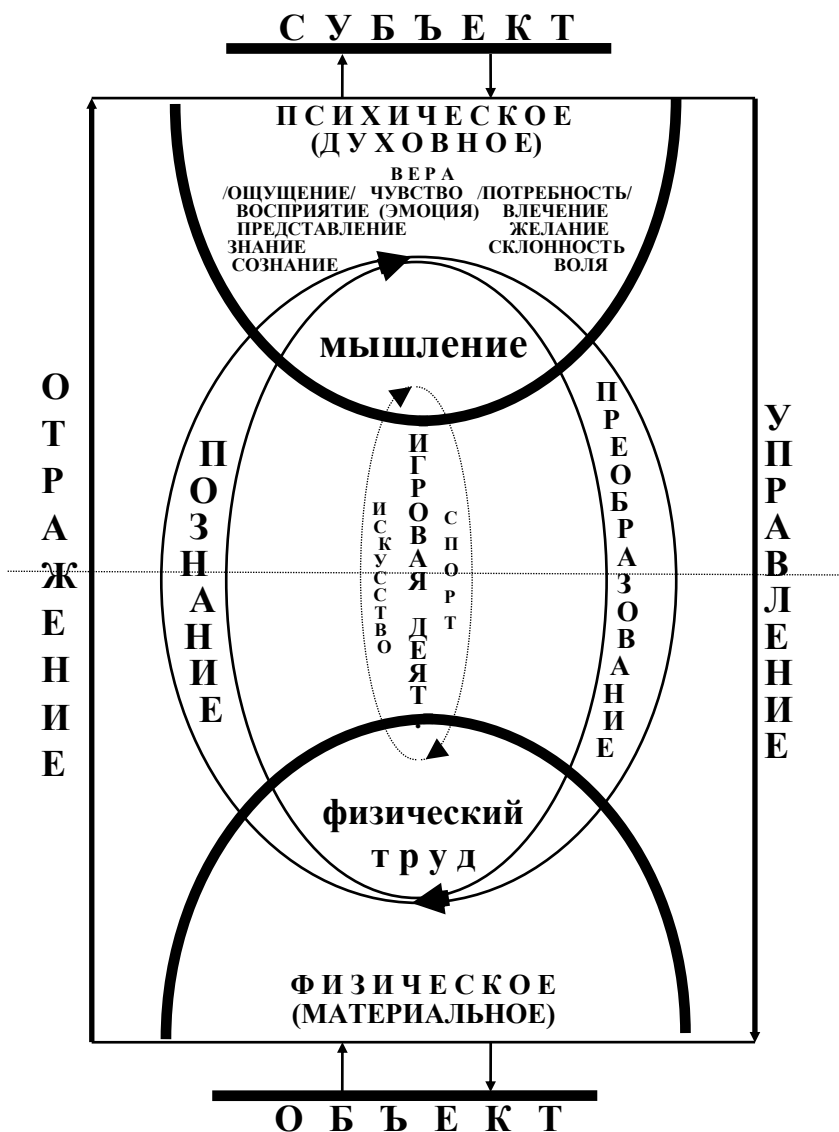

Рис. Схема “Виды человеческой деятельности”

является идеальным орудием познания и управления-преобразования. Последние противоположны по своей направленности. Познание — это преимущественно отражательная деятельность, осуществляю-

щая перевод материального в идеальный план (распредмечивание). В познании субъект стремится разделять то, что разделено в объекте, и соединять то, что соединено в объекте. Напротив, управляюще-преобразовательная деятельность осуществляет “перевод” идеального в материальный план (опредмечивание). В этой деятельности субъект стремится разделять то, что соединено, и соединять то, что разделено.

Мышление же осуществляет на идеальном, психическом уровне взаимодействие (взаимопереход, взаимоопосредствование) этих противоположно направленных форм деятельности.

(В скобках замечу. Если познание и практика — *противоположно* направленные формы связи субъекта с объектом, то художественная деятельность — *промежуточная* форма связи. Не являясь по-настоящему ни познавательной, ни практической деятельностью, она включает в себя элементы той и другой. В сфере субъекта ей соответствует чувство (эмоция), занимающее промежуточное положение между знанием и потребностью.)

Итак, как процесс решения задач мышление предполагает использование тех или иных средств.

Мыслительные средства условно можно разделить на два класса:

способности мышления — собственно мыслительные средства (ум, разум, рассудок);

категории мышления — мыслительные средства, отображающие структуру мира, выражающие связь мышления со всем, что находится за его пределами.

Кроме того, мышление как форма деятельности нормативно по своей сути, т. е. имеет нормативное ядро в виде **здравомыслия, здравого смысла**.

Рассмотрим сначала способности мышления.

1. УМ, РАЗУМ, РАССУДОК

К способностям мышления относятся *ум, разум, рассудок*. Этим способностям соответствуют три вида мыслей:

интуитивная мысль (догадка) — произведение УМА;

логическая мысль (вывод, заключение) — произведение РАССУДКА;

идея — мысль РАЗУМА.

1

Ум и рассудок — противоположные способности мышления.

В естественном языке между ними, как правило, проводится разграничение и порой весьма существенное. К слову “ум” присоединяются эпитеты: “живой”, “яркий”, “острый”, “блестящий”, “пытливый”, “оригинальный”, “необыкновенный”, “парадоксальный”. К слову “рассудок” такие эпитеты неприменимы. Деятельность рассудка понимается как нечто сухое, схематичное, неживое.

Весьма точно передает характер ума, его отличие от рассудка следующий фрагмент стихотворения А. Ф. Лосева:

Ум не рассудок, не скелет
Сознания, духа и природы.
Ум — средоточие свободы,
Сердечных таинств ясный свет.
Ум — вечно юная весна.
Он — утро новых откровений,
Игра бессменных удивлений.
Ум не стареет никогда.¹

О важном значении дистинкции ума и рассудка говорил наш замечательный философ П. Я. Чаадаев. Он называл “воображение и рассудок” двумя “великими началами духовной природы”.

Если Ум способен вырабатывать, генерировать новые мысли из немислительного материала, то Рассудок способен организовывать мысли, выводить одни мысли из других. Ум отвергает готовые, устоявшиеся мыслительные штампы. Он — поклонник вечно меняющегося живого опыта общения с реальной действительностью. Он черпает мысли из этого опыта, а не высасывает их из пальца и не заботится при этом об

¹ Цит. по: А.Ф. Лосев. Бытие—имя—космос. М.: Мысль, 1993. С. 30.

их соответствии прежним мыслям. Рассудок же подобно пауку тклет паутину мыслей из самого себя. Он консервативен, сам себе ставит границы и не пытается выйти за их пределы. Рассудочное мышление не рождает новых мыслей. Оно только перерабатывает, организует имеющиеся в наличии. В противоположность рассудку ум переменчив и даже анархичен. Он — низвергатель всех канонов, правил, традиций. В своем крайнем выражении живой ум алогичен и парадоксален.

2

Ум и Рассудок — односторонние и потому низшие способности мышления. Разум включает в себя то, что присуще уму и рассудку, и потому лишен их односторонности. Он — высшая способность мышления. Разум с одинаковым успехом умеет вырабатывать новые мысли и организовывать их.

Если Рассудок — консервативное мышление, а Ум — импульсивное, скачкообразное мышление, то Разум

— развивающееся мышление.

Выше дана *диаграмма (структурная схема) мышления*. На диаграмме в наглядно-логической форме представлено соотношение трех различных способностей мышления. Между рассудком и умом расположено промежуточное “пространство” мышления, отделенное от них вертикальными линиями. В этом “пространстве”, которое справедливо назвать *вероятностным мышлением*, рассудок и ум плавно переходят, перетекают друг в друга. В центральном круге, залегающем на “территории” рассудка и ума, расположен Разум. Он осуществляет органический синтез, взаимопосредствование Рассудка и Ума. Чем шире круг охватывает “территории” Рассудка и Ума, тем величественнее и глубже сам Разум.

3

Вероятностное мышление или промежуточное “пространство”, способность мышления. Если рассудок уподобить твердому кристаллу, а ум — газу, то вероятностное мышление — это как бы жидкое состояние мышления.

(Разум в таком случае можно уподобить живому организму, в котором присутствуют все три агрегатные состояния вещества).

Промежуточная способность — это то, чем занимаются индуктивная, многозначная, вероятностная логики. Умозакключения, основанные на таких логиках, являются вероятностными, не носят категорического характера (как дедуктивные умозакключения) и в то же время они, в отличие от чисто интуитивных мыслей, строятся по определенным правилам, т. е. в известном смысле логичны.

4

Ум есть способность мышления извлекать многое из немного. (“Особенностью живого ума является то, что ему нужно лишь немного увидеть и услышать для того, чтобы он мог потом долго размышлять и многое понять”¹).

Напротив, рассудок есть способность мышления

¹ Дж. Бруно. Диалоги. М., 1949. С. 448.

извлекать немногое из многого (из всей массы материала быстро находить то, что нужно). Это можно сравнить с таким бытовым примером. Если в жилой комнате много разных вещей и все они лежат в беспорядке, то очень трудно отыскать нужную вещь. И, наоборот, если вещи лежат в определенном порядке, то нужную вещь найти значительно легче. Так обстоит дело и с мышлением. Поскольку рассудок организует мыслительный материал, то благодаря ему из многого можно быстро извлечь то, что нужно в данный момент.

Если благодаря уму человек может довольствоваться малым, тем, что есть, — то благодаря рассудку он умело ориентируется в океане знания, мыслительного материала.

Известный афоризм Гераклита гласит: многознание уму не научает. Если сопоставить афоризм с тем, что было сказано об уме и рассудке, то можно увидеть, что в нем неявно проводится разграничение этих двух способов мышления. Рассудок зиждется на многознании. Умом же человек может обладать вопреки многознанию, эрудиции. Особенность ума и состоит в том, что он проявляет свою силу наиболее полно как раз в тех случаях, когда мало знаний, не хватает информации.

Умным мы называем не того, кто много знает, а того, кто до всего (или, во всяком случае, до многого) доходит своим умом¹. Рассудок же необходимо предполагает эрудицию, многознание. Без этого он не может командовать мыслями, сдерживать их своевольное течение. Если знаний мало, то они свободно плавают в океане мышления, не поддаваясь, так сказать, кристаллизации, упорядочиванию. Если же знаний много, то им становится тесно; сталкиваясь, взаимодействуя, они постепенно образуют кристаллическую решетку мышления.

Рассудок и ум опираются на разные психические способности. Рассудок — на память; ум — на вообра-

¹ Всякий своим умом живет. “Чужим умом жить — добра не нажить” — говорит пословица.

жение. Это подметил еще Р. Декарт. Сопоставляя рассудок и ум как дедукцию и интуицию, он писал: дедукция — ум памяти; интуиция — ум воображения.

5

Орудием деятельности ума является *интуиция*. Орудием деятельности рассудка — (*дедуктивная*) *логика*. А. Пуанкаре писал: “Одни прежде всего заняты логикой; читая их работы, думаешь, что они продвигались вперед шаг за шагом с методичностью Вобана, который готовит штурм крепости, ничего не оставляя на волю случая. Другие руководствуются интуицией и с первого удара добиваются побед, но иногда ненадежных, так же, как отчаянные кавалеристы авангарда”¹.

Если механизм интуиции лежит, по выражению А. Я. Пономарева, в сфере “интимно психологического”², то механизм логики лежит в сфере родового, общечеловеческого, исторического. Ум и рассудок, интуиция и логика так относятся друг к другу как неповторимое, индивидуальное и общее, родовое, повторяющееся, как случайное и необходимое, явление и закон.

Логическое рассуждение игнорирует случайности психического процесса. Более того, они — его враги. Напротив, интуитивная мысль возникает именно на гребне таких случайностей, аномалий. Нельзя, конечно, сказать, что интуитивная мысль всецело случайна, но ей все же присущ элемент случайности, чего не скажешь о логической мысли, необходимо (однозначно) вытекающей по строго определенным правилам из исходных посылок. Логическое мышление — мышление по правилам³. Интуитивное мышление — мышление без правил.

Ум — это гибкость мышления, своевольная игра мыслей. Рассудок — это жесткость мышления, упоря-

¹ Цит. по: Ж. Адамар. Исследование психологического процесса изобретения в области математики. М., 1970, С. 101.

² См.: сб. “Научное творчество”, М., 1969. С. 310.

³ Основными правилами логического мышления являются так называемые законы логики: тождества, запрета противоречия, исключенного третьего, достаточного основания.

доченность мыслей, их строго направленное течение. В этом плане ум и рассудок, интуицию и логику можно рассматривать как *случайностный* и *необходимостный* “механизмы” мышления. Поскольку разум соединяет то и другое, он — *свободное* мышление.

6

В рассудочной деятельности мышления заложена тенденция к *догматическому* пониманию действительности, к абсолютизации определенности, устойчивости, неизменности, к абсолютизации законосообразности, порядка. Напротив, в интуитивной деятельности мышления заложена возможность *релятивистского* понимания действительности, абсолютизации неопределенности, изменчивости, случайности, беспорядка.

Если интуиция и логика — совместимые противоположности, то рассудочность и алогизм — несовместимые противоположности, крайности. Рассудочность — абсолютизация логики; алогизм — абсолютизация интуиции.

Существуют различные типы человеческого мышления в зависимости от того, какая способность преобладает. Если преобладает рассудок, то это рассудочное, дискурсивное мышление. Если преобладает ум, то это — афористическое, фрагментарное, интуитивистское мышление¹. Если в мышлении одинаково сильны

¹ Разновидностью такого мышления является мистическое мышление (умонастроение). Своеобразную патографию последнего дают авторы книги “Экспедиция в гениальность”. Вот что они пишут: “Известно, что особенность мистического мышления заключается в недостатке внимания. Между тем именно внимание вносит порядок в хаос явлений и группирует их так, что они уясняют нам мысль, преобладающую в уме наблюдателя. когда внимание отсутствует, мировая картина представляется наблюдателю однообразным сцеплением загадочных явлений, то возникающих, то исчезающих, ничего не говоря ни уму, ни сознанию. Необходимо постоянно иметь в виду этот основной факт душевной жизни. Возбуждаемость, достигающая патологического уровня, заставляет мистически ориентированного субъекта также делать выбор между явлениями, но руководствуется он при этом не сознательным вниманием, а влечениями бессознательной возбуждаемости. Он воспринимает только

позиции ума и рассудка, то это — разумное, диалектическое мышление. Если в мышлении одинаково слабы позиции ума и рассудка, то это — эмпирическое, вероятностное мышление.

Можно привести примеры философов, для которых характерен какой-то один тип мышления. Например, в мышлении Спинозы, Лейбница, Х. Вольфа явно преобладала рассудочность, для Л. Фейербаха, Ф. Ницше или нашего Н. А. Бердяева характерно живое, интуитивно-афористическое мышление. Философами-эмпириками рационалистического толка были Гоббс, Локк. Философами-эмпириками иррационалистического толка — Беркли, Юм.

7

Рационализм и иррационализм — это рассудочность и алогизм, возведенные в ранг философской концепции или сознательно принятые в качестве методологических установок, парадигм.

Эмпиризм — абсолютизация промежуточной способности мышления, вероятностного подхода¹.

то, что согласуется с его настроением; наоборот, то, что не согласуется с его настроением, для него вовсе не существует.

...мистическое мышление, мышление легко возбуждаемых натур, лишенных способности быть внимательными, позволяет им иногда схватить очень ясно тот или другой образ, находящийся в связи с их возбуждением, но не позволяет им уяснить себе разумную связь между отдельными образами именно потому, что необходимое для этого внимание у них отсутствует.” (Г.П. Колупаев и др. Экспедиция в гениальность. М., 1999. С. 265, 296).

¹ Вот как говорит об этой абсолютизации Б. Рассел: “Эти две части (юмовской — Л.Б.) доктрины можно изложить следующим образом: 1) в причинности нет неопределяемого отношения, за исключением совпадения или последовательности; 2) индукция через перечисление не является действенной формой доказательства. Эмпиристы в общем принимали первый из этих тезисов и отвергали второй. Когда я говорю, что они отвергали второй, я имею в виду, что они верили, что при достаточно большом количестве примеров совпадений вероятность обнаружения совпадения в следующем примере будет больше половины, или если они не придерживались в точности этого, то выдвигали какую-

Рационалисты склонны к порядку, любят его и абсолютизируют его. Соответственно они абсолютизируют знание, всё непознанное пытаются истолковать с позиций познанного, наличного знания.

Иррационалисты, наоборот, не любят обычный порядок вещей, склонны к беспорядку, готовы допустить все, что угодно. Иррационалисты — это любители парадоксов, загадок, мистики, и т. п. Они абсолютизируют незнание, сферу неизведанного, непознанного, тайну.

Различие между рационализмом и иррационализмом не только в их отношении к порядку и беспорядку. Слово “рационализм” происходит от французского “rationalisme”, которое в свою очередь происходит от латинского “rationalis”, а последнее от латинского же “ratio”. Одно из основных значений слова “ratio” — разум. Соответственно рационализм часто понимают как концепцию, утверждающую верховенство разума, мышления в жизни человека. А иррационализм методом от противного рассматривается как концепция, отвергающая верховенство разума-мышления в жизни человека. Кто же прав?

Кажется очевидным авторитет разума¹ и, напротив, странным, почему люди, философы вновь и вновь атакуют разум, отвергают его притязания на верховенство и т. д. и т. п.

В том, что разум управляет человеком, его поведением, есть *противоречие*. С одной стороны понятно, что в разуме сосредоточены основные нити управления человеческим поведением. Но, с другой, как может “часть” (а разум лишь “часть” человека, пусть главная, но всё же “часть”) управлять, “вертеть” целым?

Да, действительно, разум лишь “часть”, но такая, которая делает целое целым. Разум — интегральное “свойство” человека, делающее его целым, т. е. он в

то теорию, имеющую те же следствия.” — Б. Рассел. История западной философии. Т. 2, Новосибирск, 1994. С. 166.

¹ Здесь и далее в п. 6 слово “разум” употребляется в значении “мышление вообще”.

известном смысле и часть, и целое, является связующим звеном между “частями” человека и человеком как целым.

Рационалисты любят декартовское “я мыслю, следовательно, существую”. Иррационалистам ближе шекспировские слова: “есть много, друг Гораций, на свете такого, что и не снилось нашим мудрецам”.

Рационалисты акцентируют внимание на верховенстве разума, а иррационалисты — на его ограниченности, на том, что разум меньше самого человека, меньше жизни, и поэтому не может быть верховным руководителем жизни. И те и другие правы по-своему. Истина, как всегда, где-то посередине. Человек, с одной стороны, старается руководствоваться в своем поведении доводами разума, а, с другой, ведет себя порой как существо *вне*разумное, лишенное разума, а то и просто безумное, как чувствующее¹, наслаждающееся или страдающее, как волящее или безвольное и т. д.

Теперь об *эмпиризме*. Почему он занимает промежуточное положение между рационализмом и иррационализмом? Это видно из следующего.

Первое. Ясно, что между рационализмом и иррационализмом более глубокое различие, чем между рационализмом и эмпиризмом. И если располагать указанные философские-методологические позиции-установки в один ряд, то рационализм и иррационализм будут крайними членами этого ряда, а эмпиризм — средним членом.

Второе. На промежуточный характер эмпиризма указывает и то, что он может тяготеть к рационализму, быть, так сказать, рационалистическим и к иррационализму, быть иррационалистическим.

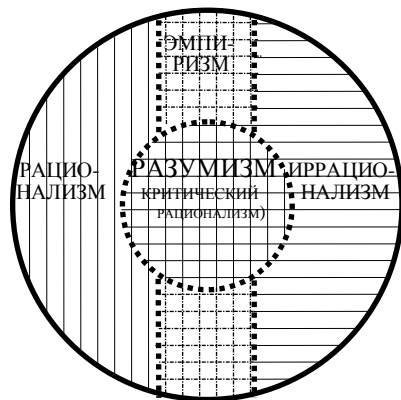
Третье. Эмпирики отвергают крайности рационализма и иррационализма. Они достаточно скромно оценивают и рассудочную, дедуктивную логику, и интуицию, фантазию. Вспомним, как Ф. Бэкон, эмпири-

¹ Некоторые люди на полном серьезе утверждают, что они живут чувствами, а не разумом. Так порой говорят женщины.

чески ориентированный философ, выступал против дедуктивной логики Аристотеля. Органону Аристотеля он противопоставил свой “Новый Органон”, в котором пытался обосновать универсальное значение индукции как научного метода. С другой стороны, эмпирики не жалуют интуицию (догадку, фантазию, воображение). В частности, они выступают против мистицизма.

Вообще эмпирики слишком скромно оценивают человеческое мышление и разум, в частности. Они отдают предпочтение чувственному опыту. Их наиболее яркий представитель — Д. Локк — утверждал: “Нет ничего в разуме, чего прежде не было бы в чувствах”. Вдумайтесь в эти слова: какое, в сущности, уничижение разума! (Зачем тогда разум, если в нем нет ничего, чего не было бы в чувствах?)

Такая скромная оценка мышления и разума вполне корреспондируется с вероятностным характером эмпирического мышления. Ведь на основе опыта можно получить только вероятные выводы. В этом случае нет места ни дедукции, ни интуиции. А где нет дедукции и интуиции, там нет и Разума как высшей способности мышления, объединяющей то и другое. Да и о мышлении в целом приходится говорить как о некоторой условности, как о каком-то непонятном довеске к чувственности. В самом деле, что такое мышление без Разума, т. е. без Силы и Глубины?! Да и вообще,

возможно ли мышление без взаимодействия (в широком смысле) логики и интуиции?!

Рядом приводится схема соотношения рационализма, эмпиризма, иррационализма и “разумизма”. Как видим, она аналогична структурной схеме

мышления. Это позволяет не просто говорить о

различии или противоположности указанных подходов, а классифицировать их, уточнить их место и роль в человеческой культуре. Из схемы можно видеть, что наиболее сбалансированная позиция — это позиция “разумизма”. Она охватывает все типы мышления (логику, интуицию, вероятностное мышление) и избегает крайностей-односторонностей рационализма, иррационализма, эмпиризма. Я вынужден придумать для обозначения этой сбалансированной позиции новый термин — “разумизм”, поскольку не нашел ничего подходящего в существующем арсенале терминов. Термин “рационализм” не подходит для обозначения указанной позиции, так как по-русски он может пониматься и как “разумизм”, и как “рассудизм”. Эта неопределенность в понимании термина создает постоянную опасность истолкования его в одностороннем смысле (как “рассудизм”). Это — во-первых. Во-вторых, односторонность рационализма как бы продуцируется-задается фактом существования противоположной позиции — иррационализма. Спор между рационализмом и иррационализмом — это, в сущности, ситуация позиционного конфликта, как в суде: между обвинением и защитой. Соответственно, как и в суде, должен быть верховный арбитр между рационализмом и иррационализмом. Им не может быть рационализм, поскольку он сам — одна из спорящих сторон.

8

В пользу того, что *разум соединяет противоположные способности мышления*, говорит такой факт. Различные философы, в зависимости от склонности к тому или иному типу мышления, то сближают разум с рассудком (благо, есть термин, который одинаково применим к тому и другому: ratio, рациональное, рационализм), логицируют его и противопоставляют интуиции, эмоциям, то сближают разум с интуитивным способом мышления и противопоставляют логическому, рассудочному, дискурсивному мышлению.

9

Различие между Рассудком и Разумом проявляется в их отношении к чувствам, эмоциям. Если рассудок “спорит” с чувствами, действует помимо их и даже

подавляет их, то разум стремится к гармонии, согласию с чувствами. Разум не подавляет чувства, а включает их в себя, управляет ими. Рассудку чувства не нужны, они даже мешают ему. Разум же опирается на чувства. Ведь существенным элементом разумного мышления является интуиция, а она невозможна без эмоций, без определенного эмоционального настроя. Разумное мышление — это творческое мышление и в качестве такого оно не может творить без вдохновения.

Об отношении ума, рассудка и разума к чувствам можно сказать еще так. Ум ближе других способностей мышления “стоит” к чувствам. Он “опаляется” их огнем. И хотя по сравнению с чувствами ум холоден и трезв, по сравнению с рассудком он выглядит живым, пламенным. Рассудок наиболее удален от чувств и поэтому кажется ледяным, мертвым, сухим. Разум и близок к чувствам, и далек от них.

10

Положительные качества человеческого мышления распределяются неодинаково между различными способностями. Ум сообщает мышлению живость, свежесть, остроту, яркость, оригинальность. Рассудок сообщает мышлению ясность, прозрачность, определенность. Глубокомыслие — черта Разума.

УМ ЯРОК, РАССУДОК ЯСЕН, РАЗУМ ГЛУБОК.

Ум воспитывает остроумие и проницательность. Рассудок — отец благоразумия, рассудительности. Разум рождает мудрость.

То же можно сказать о распределении *отрицательных качеств человеческого мышления*. Рассудочность, косность, догматизм, консерватизм свойственны тем, у кого преобладает рассудочная способность мышления. Напротив, безрассудство, парадоксальность, импульсивность, склонность к мистицизму свойственны тем, у кого преобладает интуитивная способность мышления.

11

Рассудок и ум — простые, нерефлектирующие способности мышления. Они непосредственно направле-

ны на предмет мышления, находящийся вне его. *Разум же — это рефлектирующая способность мышления.* Он в известном смысле, является мышлением о мышлении, метамышлением. Одним словом, разум направлен не только на предмет вне мышления, но и на само мышление.

Способность рефлексирования дает разуму большие преимущества перед умом и рассудком. Благодаря ей разум может отдавать себе отчет в том, что он делает, контролировать себя выбирать и проверять эффективность тех или иных мыслительных средств.

Разум — совесть мышления, судья в собственном стане. Он оценивает, какое средство использовать в той или иной ситуации, искать ли помощь у интуиции, довериться ей, или же руководствоваться логикой, расчетом.

В отличие от разума ум и рассудок безотчетны. Человек, живущий умом или рассудком, может думать о себе, давать отчет в своих действиях, но при этом он не задумывается над тем, *как* он думает, не анализирует ход своего мышления и т. д. и т. п.

Если ум и рассудок — непосредственные способности мышления, то разум — опосредованное мышление, т. е. его направленность на объект опосредуется направленностью на само мышление. Разум осмысляет весь ход размышления, как бы освещает его изнутри, высвечивает.

12

Ум, разум, рассудок по-разному относятся к связи *общего* и *частного*. Если в *рассудке* мы видим диктат общего над частным, а в *уме* — диктат частного над общим, то в *разуме* одинаково сильны позиции общего и частного. Прав был И. Кант, утверждавший: “разум есть способность видеть связь общего с частным”. Рассудок выводит частное из общего, подгоняет, подводит частное под общее. Ум ищет общее в частном, основывает общее на частном. В рассудке частное опосредует общее:

(О — Ч — О)

В уме общее опосредует частное: [Ч — О — Ч]

В разуме имеет место взаимопосредствование

частного и общего: $(O — [Ч — O] — Ч) .$

13

Человек, который обладает Разумом, т. е. может мыслить разумно, не всегда пользуется этой способностью. Он может пользоваться только рассудком или только умом, если, конечно, это оправдано ситуацией. Например, при решении простой вычислительной или логической задачи нет необходимости привлекать силы Разума; здесь вполне можно обойтись логикой, расчетом. С другой стороны, когда требуется незамедлительное решение умственной задачи, некогда раздумывать, рассчитывать и разум не может проявить себя в должной мере, на помощь приходит интуиция, ум проявляет свою находчивость. Разум не отменяет другие способности мышления. Он является, образно говоря, тяжелой артиллерией мышления, с помощью которой сокрушают лишь наиболее мощные преграды.

14

С точки зрения рассмотренной структуры мышления эволюцию мышления отдельного человека можно представить следующим образом.

В детском возрасте гибкость мышления не знает границ; это скорее не гибкость, а разорванность, фрагментарность, почти полная бесформенность, неопределенность, ненаправленность, хаотичность. В этом возрасте встречаются лишь отдельные островки направленного мышления. Чем ближе к зрелому возрасту, тем мышление человека все больше определяется, становится направленным, упорядоченным. Это происходит благодаря естественному развитию, накоплению информации, знаний и умений.

В зрелом возрасте мышление человека приобретает достаточную определенность, жесткость, но вместе с тем оно не утрачивает и своей гибкости. В этом возрасте гибкость и жесткость, ум и рассудок идут рядом, помогая друг другу, дополняя друг друга. Вот почему именно в этом возрасте мышление человека наиболее могуче и продуктивно.

Ближе к старости, к концу жизни мышление становится менее гибким, нарушается равновесие между

гибкостью и жесткостью в сторону преобладания жесткости. Старик силен своим рассудком, многознанием, благоразумием, но он не способен вырабатывать новые идеи. Мышление старика — все более окостеняющее мышление.

КАЧЕСТВА МЫШЛЕНИЯ

ХИТРОСТЬ

Гегель говорил: “хитрость — слабость ума”. Это утверждение верно лишь отчасти. Человек порой вынужден хитрить, поскольку не знает иных способов решить проблему. Конечно, стремление везде и всюду хитрить, обманывать отнюдь не свидетельствует о большом уме хитрящего. Но в иных ситуациях применение хитрости существенно облегчает решение проблемы или даже является единственным способом ее решения. Военная хитрость — необходимая вещь. Она свидетельствует отнюдь не о слабости ума военачальников, а, напротив, об их уме-мудрости. В хоккее спортсмены применяют много разных хитростей. Например, используют финт — обманное движение. То же в конкурентной борьбе... Одним словом, человек применяет хитрость там, где ему нужно кого-нибудь обмануть.

Хитрость — вполне положительное качество мышления. Слабостью ума она становится в тех случаях, когда используется как единственная способность мышления.

Хитрость обычно применяют в тех случаях, когда один ум сталкивается с другим умом, человеческим или животным. Хитрость — это смекалка в конфронтационных отношениях с людьми и животными, смекалка, применяемая в ситуации обмана.

Когда человек постоянно хитрит в отношениях с другими людьми, это значит, что он находится с ними в состоянии конфронтации, противоборства, конфликта, вражды, войны. Здесь могут быть два объяснения: 1) человек вынуждается обстоятельствами к такому поведению (например, дитя по отношению к взрослым

или женщина по отношению к мужчине или слабый человек по отношению к сильным и недобрым людям); 2) человек, настроенный на волну конфронтации с другими людьми либо из-за болезненной мнительности, либо из-за патологической злобности.

МУДРОСТЬ

“Разумность, — писал Николай Кузанский, — есть знание истины, чувство красоты и желание блага”. И в самом деле, в мудрости добро, красота и истина соединяются как в фокусе. От такого соединения их сила многократно увеличивается. К мудрости как нельзя лучше подходит новомодное слово “синергизм”. Она не является в отдельности, ни истиной, ни добром, ни красотой. Она то, что ведет или может привести к истине, добру и красоте, что является предпосылкой или условием истины, добра и красоты.

Для того, чтобы быть мудрым, нужно две вещи: опыт и труд мысли.

Мудрый человек — здравомыслящий; он избегает крайностей. (П. Буаст: “Чтобы стать циником, нужно быть умным, чтобы хватило ума не стать им, нужно быть мудрым”)

Мудрый человек способен решать и решает большие задачи. (“Сильный телом одолеет одного, сильный мудростью одолеет многих”)

Мудрый человек впитывает в себя мудрость многих. (Вудберри: “Знанием может владеть ум ученого, но мудрость — это дыхание народа”)

Мудрый человек становится таковым лишь благодаря себе. (М. Монтень: “Если можно быть учеными чужой ученостью, то мудрыми мы можем быть лишь собственной мудростью”. Л. Н. Толстой: “Для того, чтобы человеку принять чужую мудрость, ему нужно прежде самому думать”).

Мудрость — сплав личного опыта и коллективного разума людей.

Мудрый человек по хорошему всеяден, любознателен и пытлив, извлекает пользу из всего. (Индийская мудрость: “Мудр человек, умеющий всюду найти до-

стойное изучения и из каждой незначительной вещи извлечь полезный для себя урок”. Д. Рёскин: “Мудрый находит себе помощь во всем, потому, что его дар состоит в том, чтобы извлекать добро из всего”).

Мудрый человек — дальновидный, прозорливый. (Китайская мудрость: “мудрый человек не лечит болезни, а предотвращает их”).

Мудрость — воплощение глубины разума, притом бездонной. Правильно сказал Олджер: “Ученый человек — сосуд, мудрец — источник”.

Мудрость — соединение знания с благом (Эсхил: “Мудр не тот, кто знает много, а тот, чьи знания полезны”. “Мудр — кто знает нужное, а не многое”).

Мудрость рождается в союзе знания и умения. Она не в том, чтобы владеть истиной, а в том, чтобы уметь находить истину. И не в том, чтобы уметь, а в том, чтобы знать, как научиться умению.

Мудрость не в знании самом по себе, а в том, чтобы уметь применять знание на деле, и не в умении самом по себе, а в том, чтобы принимать решения со знанием дела.

2. РАССУДОК (ДЕДУКТИВНАЯ ЛОГИКА)

РАССУДОК И ЛОГИКА

Слово “рассудок” в естественном языке употребляется и в значении “дедуктивное мышление”, и в значении “вероятностное мышление”. В обоих случаях люди *рассуждают*, а поэтому мыслят *рассудком*. Я предлагаю под деятельностью рассудка понимать только дедуктивное мышление, дедуктивную логику, поскольку именно дедукция является в наибольшей степени мышлением по правилам, *правильным* мышлением. А правильное, строго логическое мышление — идеал ясного рассудка, недвусмысленного, четкого рассуждения.

То же можно сказать о логике. Под ней понимают любое упорядоченное мышление (а в отдельных случаях и объективный порядок — когда говорят о логике вещей). Мыслительный же порядок бывает разный:

больший или меньший, подобный порядку в кристаллическом теле или в жидкости, порядку в живом организме или в сообществе организмов. Соответственно, и логики строят разные: формальную и неформальную, дедуктивную и индуктивную или вероятностную, двузначную и многозначную, символическую или математическую и диалектическую, категориальную, органическую и т. д. Если использовать критерий “больше порядка, больше логики”, то названия логики заслуживает именно дедуктивное (силлогистическое) рассуждение. Мышление же индуктивное, вероятностное лишь отчасти является логичным и поэтому по-настоящему не заслуживает того, чтобы его именовали логическим.

ДЕДУКЦИЯ, РАССУЖДЕНИЕ

Роль, которую играет в науке дедукция, гораздо значительнее, чем предполагал Бэкон. Часто, когда нужно проверить гипотезу, происходит длительный дедуктивный процесс от гипотезы к некоторым последствиям, которые могут быть проверены наблюдениями. Обычно дедукция является математической, и в этом отношении Бэкон недооценивал важность математики в научных исследованиях.

Б. Рассел

Как я уже говорил, логика — это прежде всего дедукция (выведение, по-русски).

Дедукция сама по себе есть нечто формальное и пустое; она имеет смысл лишь в общем контексте мышления и человеческой деятельности вообще.

Логическое мышление, деятельность рассудка, рассуждение — это, образно говоря, раскладывание по полочкам и пользование полочками. Хорошей иллюстрацией такого раскладывания и пользования является открытие и утверждение периодического закона. Вот что писал об этом Д. И. Менделеев: “Утверждение закона возможно только при помощи вывода из него следствий, без него невозможных и не ожидаемых, и оправдания тех следствий в опытной проверке. По-

этому-то, увидев периодический закон, я со своей стороны (1869-1871) вывел из него такие логические следствия, которые могли показать — верен или нет... Без такого способа испытания не может утвердиться ни один закон природы. Ни Шанкартуа, которому французы приписывают право на открытие периодического закона, ни Ньюлэндс, которого выставляют англичане, ни Л. Майер, которого цитировали как основателя периодического закона, не рисковали предугадывать свойства неоткрытых элементов, изменять “принятые веса атомов” и вообще считать периодический закон новым, строго поставленным законом природы, могущим охватывать еще доселе необобщенные факты, как это сделано мною с самого начала.”¹

Сфера применения дедукции:

1) все формы деятельности, в которых используются правила, нормы, каноны и т. п. Яркий пример: нормотворческая (законодательная) и нормоприменительная деятельность в юридической практике;

2) все формы деятельности, в которых используется математика и производятся математические расчеты;

3) все формы деятельности, в которых производятся измерения.

Уже из этого неполного перечня форм деятельности можно сделать вывод, что дедукция используется практически во всех формах деятельности. Иными словами, никакая человеческая деятельность невозможна без дедуктивного мышления.

Одной из самых характерных сфер жизни, в которой дедуктивная логика действует по максимуму, является юриспруденция. Когда закон принят, то его соблюдение основывается прежде всего на дедукции. (Например: “За такое-то воровство по закону полагается такое-то наказание. Иванов совершил это воровское деяние. Следовательно, ему полагается такое-то наказание”). Не случайно поэтому будущие юристы во всем мире изучают логику в *обязательном* порядке. Не случайна также популярность выражения: *Fiat*

¹ Д. И. Менделеев. Основы химии. Т. 2, М., 1947. С. 389.

justitia et pereat mundus (“Да свершится правосудие и да погибнет мир” или “Пусть свершится правосудие, хотя бы погиб мир”). Этот девиз принадлежит германскому императору Фердинанду I (1556-1564). Его истолковывают двояко: в положительном и критическо-ироническом смыслах. В первом случае мы имеем дело с абсолютизацией дедуктивной логики (шире: порядка вообще). Во втором — с нормальной реакцией здравомыслящих людей, понимающих ограниченность дедуктивной логики применительно к человеческой жизни. Различие между буквой и духом закона основано как раз на различии этих двух подходов к дедукции.

Итак, логическое мышление протекает в форме *рассуждения, деятельности Рассудка*. Положительная форма рассуждения — доказательство, обоснование тезиса. Отрицательная форма — критика, опровержение.

Рассуждение — это цепь умозаключений. Умозаключение — элементарная клеточка рассуждения.

Умозаключение, в свою очередь, состоит из суждений, а суждения — из понятий. Суждения и понятия могут полноценно “работать” как формы мысли лишь в составе умозаключения. Суждение вне умозаключения — всего лишь мнение. Понятие вне суждения — всего лишь представление.

Таким образом, в основе рассуждения лежат три логические формы мышления: понятие, суждение, умозаключение.

ПРЕДЕЛЫ ДЕДУКТИВНОЙ ЛОГИКИ

Дедукция — наиболее точный способ мышления и в то же время (по принципу “крайности сходятся”) наиболее уязвимый, шаткий. Отправным пунктом дедукции является общее утверждение, которое либо является формулировкой твердо установленного закона природы, либо принимается на веру, либо условно допускается. В двух случаях из трех оно может быть ошибочным!

3. ВЕРОЯТНОСТНОЕ МЫШЛЕНИЕ

Человеческое мышление носит большей частью вероятностный характер. Вероятностное мышление занимает промежуточное положение между (дедуктивной) логикой и интуицией. Одним своим “концом” оно перетекает в дедуктивное мышление, другим — в интуитивное мышление.

Вероятностное мышление выражается, по крайней мере в трех формах: умозаключений (неполной) индукции, умозаключений по аналогии и выводов от утверждения следствий.

Главным действующим “лицом” вероятностного мышления является предположительная мысль или, короче, предположение. Последнее играет в вероятностном мышлении такую же роль, какую расчет или силлогизм — в дедуктивной логике, догадка — в интуитивном мышлении, идея — в разумном мышлении.

ПРЕДПОЛОЖЕНИЕ

Имеется определенная путаница в использовании слов “предположение” и “догадка”. Даже в толковых словарях их взаимоотношения определяют: догадку как предположение, а предположение как догадку. Действительно, и то и другое нуждается в проверке-подтверждении. Но: в правильности догадки человек уверен, не сомневается, а в правильности предположения он изначально неуверен.

Когда человек *делает предположение*, то он заранее (!) исходит из того, что предположение — только один из вариантов ответа-решения, что это *может быть*, может быть так, а может быть иначе. Когда же человек *догадывается*, то он поначалу воодушевлен, не сомневается в правильности догадки, считает, что найден правильный ответ, правильное решение, что это *так и не иначе*.

Сама конструкция слова “предположение” указывает на вероятностный характер суждения: предположение, т. е. то, что еще не полагается безусловно, однозначно, а выставляется как *могущее быть* поло-

жением (полагаться).

В догадке нечто утверждается или отрицается категорически, безусловно. Догадка для самого догадывающегося — не предположение, а нечто состоявшееся, найденное.

Предположение предвосхищает положение с той или иной степенью вероятности, а догадка предвосхищает результат как что-то уже найденное, категорически, без сомнения. Вспомним категорическое-радостное восклицание Архимеда “Эврика!” (“Нашел!”).

В догадке человек либо прав, либо неправ (ошибается), либо пан, либо пропал (третьего не дано!). Одним словом: “либо-либо”.

В предположении нет этого строгого “либо-либо”. Человек как бы вычисляет степень своей правоты, допускает, что прав лишь в какой-то степени, иными словами, допускает возможность ошибки. В предположении граница между правильностью и ошибочностью размыта, подвижна.

Еще одно существенное различие между предположением и догадкой: их отношение к эмоциям-чувствам. Предположение бесстрастно, безразлично к ним. Догадка же рождается, как правило, на гребне эмоционального возбуждения-подъема и затем создает положительный эмоциональный фон для последующих действий по ее реализации-утверждению. Догадка порой настолько воодушевляет человека, что на время он может стать невменяемым (тот же Архимед, по легенде, выскочил из ванны голым и с криком “Нашел!” побежал по улице своего города).

4. УМ (ИНТУИЦИЯ)

ЧУТЬЕ, НАИТИЕ, УМОНАСТРОЕНИЕ, ДОГАДКА

Чутье в одном из основных значений — способность угадывать, догадываться. В сущности, чутье — русский эквивалент интуиции.

Наитие — почти тоже, что и чутье, состояние вдохновенной мысли, умственного вдохновения. —

По наитию — рождение мысли в результате вдохновения ума.

Умонастроение — своеобразный сплав мысли и чувства, буквально: ума и настроения. Настрой ума — некоторая предрасположенность ума к тому или иному направлению-течению мыслей.

Догадка — интуитивная мысль, иными словами, мысль, рожденная интуицией. Догадка относится к чутью (интуиции) так же, как отдельная мысль к мышлению в целом или акт, действие к способности, действительное к возможному.

ЧТО НУЖНО ДЛЯ РАЗВИТИЯ ЧУТЬЯ, ИНТУИЦИИ?

1. Набираться опыта как можно больше: жизненно-го — для развития интуиции вообще, и специального (в частной, избранной деятельности) — для развития специальной (профессиональной и иной специфической) интуиции.

2. Быть по возможности всеядным, интересоваться всем. Богатство опыта, жизненных наблюдений и впечатлений — основа хорошей интуиции.

В самом деле, в интуиции важен момент связывания самых различных предметов, кажущихся на первый взгляд совершенно чуждыми друг другу. Это связывание тем более вероятно, чем *многообразнее, богаче* опыт человека.

3. Развивать в себе эмоциональное начало (через любовь, искусство, спортивные и иные игры).

Хороший эмоциональный фон (неравнодушие, страстность) служит питательной средой или играет провоцирующую роль в возникновении *вдохновения*. А без вдохновения невозможно рождение интуитивной мысли. С. В. Рахманинов, например, говорил, что на его творчество влияет “любовь — никогда не ослабевающий источник вдохновения. Она вдохновляет как ничто другое. Любовь становится стимулом для расцвета интеллектуальной энергии”¹.

4. Развивать невербальное, картинное, образное

¹ См.: С. В. Рахманинов. Литературное наследие. Т. 1, М., 1978. С. 94-95.

мышление. Картины и образы позволяют охватить одним разом (единым взором) много разных вещей. Это охватывание-схватывание — хорошая питательная среда интуиции.

5. Развивать воображение, способность к фантазии. Декарт говорил: “интуиция — ум воображения”. Точно сказано! Без развитого воображения не может быть развитой интуиции.

6. Развивать способность мечтать, строить планы. Бескрылый человек не способен творить, открывать или созидать новое.

Мечта задает вектор поиска, подталкивает к поиску, подогревает вновь возникшую мысль, в целом создает положительный эмоциональный фон для возникновения мысли и ее последующего утверждения. Д. И. Писарев отмечал: “Если бы человек был совершенно лишен способности мечтать, если бы он не мог изредка забегать вперед и созерцать воображением своим в цельной и законченной картине то самое творение, которое только что начинает складываться под его руководством, — тогда я решительно не могу представить, какая побудительная причина заставляла бы человека предпринимать и доводить до конца обширные и утомительные работы в области искусства, науки и практической жизни...”¹

7. Развивать дерзость (в хорошем смысле слова), не бояться идти на риск. Дерзание, смелость — необходимое условие интуиции. Человек, боящийся вступить в область неизведанного, не может рассчитывать на развитую интуицию.

ОГРАНИЧЕННОСТЬ И АБСОЛЮТИЗАЦИЯ ИНТУИЦИИ

Интуиция — великая вещь, но без союза с логикой она беспомощна и даже вредна, превращается в легкомыслие и/или мистицизм.

В известной степени абсолютизацией интуиции является характерное для многих философов прошлого понимание ее как способности непосредственного по-

¹ Д. И. Писарев. Избр. соч. Т. 2, М., 1955. С. 124-125.

стижения истины без предварительного логического рассуждения¹. На самом деле интуиция не может дать готовое знание или готовую идею. Она в лучшем случае *ведет* к знанию или к идее, но не более. Дело в том, что интуиция не имеет доказательной силы и, кроме того, далеко не всегда “попадает в точку”. Мысли, возникшие интуитивным путем, могут быть как истинными, так и ложными, как ценными, так и бесполезными. Поэтому, чтобы узнать, какие из них истинные (ценные), а какие ложные (бесполезные), нужно выйти за пределы интуитивного мышления и подвергнуть их логическому или эмпирическому/практическому испытанию или тому и другому вместе.

Интуицию можно принимать лишь постольку, поскольку она является источником новых мыслей; большего от нее ждать нельзя. Очень убедительно об этом сказал М. Бунге².

От понимания интуиции как способности непосредственного постижения истины один шаг к мистическому умонастроению. Питательная почва последнего — это когда человек полагается только на интуицию, т. е. на воображение и чувство и не считается ни с какими доводами рассудка или разума. (О мистике см. ниже, стр. 7353).

5. РАЗУМ (ДИАЛЕКТИЧЕСКОЕ МЫШЛЕНИЕ)

ИДЕЯ — МЫСЛЬ РАЗУМА

Идея является самой богатой, самой содержательной “формой” мышления и в качестве таковой играет важную роль в теоретическом и практическом освоении мира. В ней наиболее ярко выражены творческие потенции человеческого Разума. Не случайно видней-

¹См.: “Интуиция — “способность постижения истины путем прямого ее усмотрения без обоснования с помощью доказательства” — Философский энциклопедический словарь. М., 1983. С.216.

²См.: М. Бунге. Интуиция и наука. М., 1967. Раздел “Интуиция — недостоверный зачаток мысли”.

шие представители идеалистической философии прошлого — Платон и Гегель — отводили ей главное место в своих учениях.

Рассмотрим подробнее вопрос об идее как мысли Разума.

Благодаря идее мышление *развивается* и *становится*, находится в процессе развития и становления. Этот факт не означает, конечно, что связь мышления с действительностью (являющейся для него внешним фактором) не играет никакой роли в его развитии и становлении. Мышление развивается и становится под влиянием самых различных факторов (в том числе внешних), однако все они объединены и центр объединения находится в мышлении. Эти центром является идея. Она интегрирует все его внутренние и внешние связи.

Диалектика идеи

Идея, будучи сложным, многогранным феноменом мышления, включает в себе множество разных противоречий¹, которые вместе и обуславливают ее специфичность. К числу наиболее характерных противоречий, присущих идее, можно отнести противоречия задачи и ее решения, субъективного и объективного, логики и интуиции.

Идея с точки зрения соотношения задачи и ее решения. Идеи возникают не сами по себе, а лишь в ответ на возникновение проблем. Когда проблема становится объектом целеполагающей деятельности человека, она приобретает качество задачи и уже в таком качестве (поставленной задачи) ведутся поиски ее решения. Появление какой-нибудь идеи означает, что найден ключ к решению проблемы-задачи. Но ключ к решению — это еще не само решение; поэтому идея, не будучи *уже* проблемой-задачей, не является *еще* решением. Она занимает промежуточное положение между ними, соединяет их.

¹ Здесь и далее слово “противоречие” употребляется не в формальнологическом смысле, а в значении “диалектическое противоречие”.

Таким образом, идея, с одной стороны, содержит в себе предварительное решение задачи, а, с другой, является руководящим принципом для поисков окончательного решения задачи. Она как бы подытоживает некоторые результаты поисков и в то же время руководит дальнейшими поисками.

Назначение идеи как раз в том, что она осуществляет переход от постановки задачи к ее решению. На языке противоречия это означает, что идея, осуществляя переход от возникновения и обострения противоречия (постановки задачи и поисков ее решения) к его разрешению и соединяя, таким образом, противоположные (восходящую и нисходящую) ступени проблемно-задачного противоречия, является самым ответственным моментом, кульминацией, ядром этого противоречия, как бы противоречием в противоречии.

Идея с точки зрения соотношения субъективного и объективного. В идее находит свое отражение не только то, что получено человеком от созерцания и познания, но также интересы и цели человека. Субъективность идеи выражается в том, что она является результатом страстной заинтересованности человека и сама, в свою очередь, вдохновляет и мобилизует его.

Таким образом, идея органически объединяет в себе субъективные устремления автора (эмоционально-волевой момент) и объективное содержание чувственных и мыслительных образов (восприятий, представлений, понятий, знаний). Она связывает отражательную функцию человеческой психики с регулятивной, является точкой соприкосновения, взаимопереплетения сознания и воли, соединяет пассивность восприятия-памяти и активность воли, объективность знания и субъективность цели. Она, с одной стороны, — понятие (представление) о чем-либо, с другой, — принцип деятельности. Будучи отображением находящегося вне мышления объекта (действительного, мнимого или возможного), идея в то же время является руководящим и организующим началом деятельности.

Идея с точки зрения соотношения логики и интуиции. Идея не является в отдельности ни логической, ни интуитивной мыслью. Она — продукт совместной

“работы” интуитивного и логического мышления.

По мнению П. В. Копнина идея “не может быть чисто логически с необходимостью выведена из той совокупности знаний, на которой основывается постановка проблемы”¹. И, действительно, поскольку содержанием идеи является новое, небывалое, которое прежде отсутствовало в наличном мыслительном опыте человека, постольку она не может логически следовать из тех мыслей, которые основываются на этом опыте. Сама по себе логика раскрывает лишь то, что в неявном виде содержится в исходных посылках. М. Бунге в этой связи справедливо отмечает, что “одна логика никого не способна привести к новым идеям, как одна грамматика никого не способна вдохновить на создание поэмы и теория гармонии — на создание симфонии”².

Но идея не может быть и порождением одной только интуиции. Это видно из следующего. Всякая интуитивная мысль является мыслью лишь постольку, поскольку она *осознана*. Осознание же интуитивной мысли не является простой фиксацией (регистрацией) ее в сознании. Оно носит активный характер. Вновь родившуюся мысль человек сразу же подвергает рациональной обработке, применяет к ней те или иные критерии, определяет ее соответствие наличным знаниям, убеждениям, интересам (подробнее см. об этом ниже). В результате первоначальная интуитивная мысль приобретает черты *логически выверенной* мысли или же отбрасывается.

Таким образом, идея объединяет в себе черты интуитивной и логической мысли. В истоках своих (по происхождению) она — интуитивная мысль; в определении же, оформлении своем она — логическая (или, точнее, логически выверенная) мысль.

О логике и интуиции кратко было сказано выше, (см. стр. ?). Здесь добавлю следующее.

В философской и научной литературе стал обще-

¹ П. В. Копнин. Диалектическая логика и научное исследование. — журнал “Вопросы философии”, 1962, № 10. С. 5

² М. Бунге. Интуиция и наука. М., 1967. С. 109.

признанным взгляд на соотношение логики и интуиции как единство двух противоположных способов мышления. Этот взгляд отвергает как сведение интуиции к логике, так и их абсолютное противопоставление.

Некоторые исследователи полагали, например, что интуитивное мышление отличается от последовательного логического рассуждения лишь своим быстрым действием или же исключением средних звеньев из цепи рассуждения.

Действительно, наряду с творческой интуицией существует бессознательное логическое мышление. Рассуждение, вычисление или расчет могут происходить без участия сознания. На его поверхности выступают лишь исходные данные и результат. Бессознательный логический процесс возможен благодаря тому, что после многократного повторения одних и тех же логических операций, решения однотипных логических задач вырабатывается устойчивый стереотип, автоматизм мышления. Психолог А. Я. Пономарев по этому поводу пишет: “Случай, который Павлов связал с интуицией — это случай с исключением средних звеньев в цепи логических рассуждений. В подобных явлениях действительно нет творческого эффекта, хотя по механизму они очень близки к творческой интуиции... В этих случаях решение задачи формируется вначале на уровне высшей формы психического взаимодействия. Оно оказывается осознанным, логически обоснованным, представленным функциональной системой означенных моделей. Когда аналогичные задачи решаются многократно, между соответствующими этим системам элементами первичных моделей, очевидно, устанавливается сквозная связь — прямой путь к петле событий, прежде поднимавшихся на верхние этажи... Таким образом возникает новая система, работающая с большой скоростью. Будучи однажды организованной, она нуждается в постоянном направлении сверху. Если новые условия соответствуют условиям ее формирования, система элементарного уровня работает точно.

Аналогичным образом формируются многие навы-

ки. Можно думать, что интуиция такого вида встречается очень часто. Именно ее имеют в виду шахматисты, когда говорят о непосредственном видении позиции, о правильных ходах, выбранных в цейтноте, без необходимого предварительного обдумывания. В принципе на такой же интуиции опирается в большинстве случаев работа опытного водителя автомобиля и т. д. Без такой интуиции, видимо, не способен нормально работать и жить ни один человек. От творческой интуиции она отличается именно тем, что в ней нет поиска решения, наоборот, это решение всегда уже готово”¹.

Появление быстроедействующих вычислительных машин, компьютеров опровергло вышеуказанную точку зрения на интуицию (как на особый логический процесс). Оказалось, что компьютер, считающий с невероятной скоростью, все-таки во многом уступает человеческому мозгу. Человек может мыслить и при неполной информации, машина же, как сказал один из кибернетиков, “до омерзения логична”, она этого сделать не в состоянии. “Вопрос о психологической природе интуиции, — отмечает А. Я. Пономарев, — есть вопрос о механизме решения задачи, которое не может быть получено путем логического вывода. Это тот случай, когда для необходимого преобразования ситуации у субъекта не хватает знаний”².

И дело не только в нехватке знаний, информации. Современные компьютеры могут вырабатывать вероятные выводы-решения и при неполной информации. Человек принимает решения, решает задачи как *живое* существо, как *личность*, на основе *эмоционально-волевого* поведения. И. В. Бычко, говоря о тщетности многочисленных попыток сведения интуиции к логике, проводит, на наш взгляд, правильную аналогию между интуицией и живым организмом. “Подобно тому, — пишет он, — как анатомическое рассечение живого организма, убивая его, не может в силу этого

¹ А. Я. Пономарев. Психика и интуиция. М., 1967. С. 251-253.

² А. Я. Пономарев. Психика и интуиция. М., 1967. С. 231.

вскрыть сущность жизни (хотя и дает нам весьма ценную информацию о некоторых важных моментах жизненного процесса), так и логический анализ интуиции способен дать нам лишь статическую совокупность элементов, единство которых и составляет интуицию, но само это единство (интуиция) при “логическом расчленении” не может быть воспроизведено в форме “живого”, “целостного” процесса”¹.

Возникновение интуитивной мысли — акт уникальный. Она — плод неповторимой ситуации и неповторимой индивидуальности человека. Совсем иное дело — логический вывод, который можно повторить сколько угодно. Он удобен как раз тем, что его могут воспроизвести, повторить другие люди и даже компьютеры.

Интуитивная мысль — произведение живое живого человека, она рождена всем его существом, является результатом синтеза всех его качеств, способностей. Для выведения же логической мысли не требуется всего комплекса психических способностей и особенностей человека. Достаточно сказать, что она безразлична к чувствам, эмоциям, которые в отдельных случаях даже мешают ей.

Творчество — конкретная деятельность конкретного человека. Поэтому оно необходимо включает в себя как момент общего, родового, так и момент индивидуального, неповторимого. Логика представляет в мышлении общее, родовое, а интуиция — индивидуальное, неповторимое. Без их взаимодействия невозможен творческий процесс.

Как идея развивает мышление

Теперь о том, как мышление *развивается* и *становится* благодаря идее.

Любая мысль является специфическим противоречием мышления, но лишь идея развивает его, поднимает на более высокий уровень.

Рассмотрим мышление в плоскости постановки за-

¹ И. В. Бычко. Познание и свобода. М., 1969. С. 195-196.

дачи и ее решения. Сами по себе поиски решения, если они безрезультатны, не развивают мышление. Когда задача поставлена, то она, бесспорно, требует своего разрешения, толкает мысль человека к поискам и в этом смысле она является импульсом, побуждающим мысль двигаться, не стоять на месте. Но этим и ограничивается ее значение как двигателя мыслительного процесса. Движение мысли в поисковом направлении не есть еще ее развитие. Тем более нет развития в том случае, когда решение найдено и вопрос исчерпан. Поэтому ни задача сама по себе, ни ее решение не развивают мышление. Для того, чтобы оно развивалось, необходимо соединение задачи и решения, неопределенности, незавершенности задачи и определенности, завершенности решения. И такое соединение дает идею.

Теперь о мышлении в плане соотношения субъективного и объективного. Ясно, что мышление развивается, становится по мере того (соответственно тому), как назревают и разрешаются противоречия между субъектом деятельности — человеком — и объектом деятельности — окружающей реальностью. В процессе познания субъект стремится преодолеть отчужденность объекта, подчинить себя его власти, сделать его содержание содержанием своего сознания. В практической деятельности субъект, напротив, стремится подчинить объект своей власти, превратить его в орудие удовлетворения своих потребностей, сделать содержание своего сознания (проекты, замыслы) содержанием объекта.

В том и другом случае идеи играют роль посредствующих звеньев — в движении от объекта к субъекту (распредмечивании) или от субъекта к объекту (опредмечивании). Поэтому они необходимо участвуют в развитии мышления, помогая ему “наполниться” новым содержанием или материализоваться (объективизироваться).

И, наконец, о мышлении в плане соотношения логического и интуитивного. Как уже было показано выше, идея образуется на стыке этих двух способов мышления. Последние по-разному характеризуют *те-*

чение мыслительного процесса. Интуиция сообщает мышлению импульсивность, скачкообразность, прерывность. Логика же обуславливает плавность, непрерывность, постепенность мыслительного процесса, последовательное выведение одной мысли из другой. Поскольку идея объединяет интуицию и логику, постольку она обуславливает синтез прерывного и непрерывного в мышлении и тем самым “делает” его развивающимся, становящимся процессом.

В самом деле, развивающийся мыслительный процесс не есть простое накопление мыслей. На каком-то этапе он прерывается, происходит скачок, возникает идея. Для такого процесса неприемлем тезис: чем больше мыслей, тем лучше.

Идея является своеобразным водоразделом между двумя стадиями накопления мыслей. Первая стадия накопления интуитивно возникающих мыслей завершается заменой их одной мыслью — идеей. Она прерывает процесс накопления мыслей. Множество малозначительных, непрочных, случайных мыслей заменяется одной большой мыслью. Происходит скачок. Без преувеличения можно сказать, что *возникновение идеи — это революция в мышлении, маленькая или большая в зависимости от того, какие глубины его она затрагивает*. Именно благодаря идее мыслительный процесс не является чисто эволюционным процессом накопления мыслей.

После того, как идея утвердилась в мышлении, она вызывает лавинообразное возникновение множества новых, подчиненных ей мыслей. Здесь идет обратный процесс: размножение — одна большая мысль (идея) делится на множество маленьких мыслей (следствий идеи).

Идея развивает мышление также в том плане, что она и связанное с ней движение мысли придает всему мыслительному процессу *спиралевидную* форму. Схематически это можно представить следующим образом.

Исходный пункт — возникновение мысли (первая догадка, предполагающая решение задачи). В самом начале она представляется как нечто цельное, нерас-

члененное, непосредственное. Мысль только-только рождена интуицией и поэтому она — всецело интуитивная мысль. Человек принимает ее к последующей обработке, считает ее заслуживающей внимания, считает ее мыслью. Это тезис, начало витка.

Сразу же после возникновения следует период сомнения, критической оценки, обработки новой мысли. Она подвергается испытанию, проверке, апробируется с помощью наличных мыслительных средств (знаний, логики, убеждений). Это — антитезис, критика, испытание на прочность первоначальной мысли. Такая критика не ведет к полному уничтожению мысли. Она носит характер методологического сомнения, является проверкой ее жизнеспособности. Если в процессе этой проверки мысль выдерживает тяжесть критики, сомнения, то она получает права гражданства в мышлении, т. е. становится идеей, приобретает статус идеи, оформляется в идею. Это — конец витка спирали, синтез двух предыдущих этапов, возврат якобы к исходному, первоначальному, к интуитивно возникшей мысли. Человек больше не сомневается в серьезности, невздорности, ценности этой мысли-идеи. Он готов предпринять реальные шаги по ее осуществлению. С этой точки зрения идея — такая мысль, в правильности, серьезности, важности которой человек убежден, во всяком случае убежден настолько, что готов предпринять ради ее проверки-осуществления конкретные практические шаги, готов затратить на нее не только усилия ума, но также физическую силу и время. Оформлением мысли в идею заканчивается первый виток спирали.

Начало второго витка спирали совпадает с концом первого витка. Будучи синтезом-итогом в предыдущем цикле идея в то же время является исходным пунктом последующего цикла развития. Теперь мысль (в лице идеи) приобрела такую крепость и заряд энергии, которые позволяют ей двигаться дальше и выйти, наконец, за пределы собственно мышления в мир реального действия.

Итак, в начале второго цикла имеется идея, которая может привести к новому знанию, эстетической ре-

альности или же к новому овладению силами природы (общества). Она, с одной стороны, содержит в себе возможность нового открытия или изобретения, создания нового, а, с другой, играет роль руководящего принципа в дальнейшей творческой деятельности. Начальный пункт второго цикла (утверждение, тезис) — это не просто идея (как отправная точка, как некое статическое состояние), а развертывающаяся в систему мыслей (гипотезу, замысел, проект), активно утверждающая себя, “переживающая триумф”, “победоносно шагающая по мышлению” идея. Прежде чем перейти в стадию проверки/испытания, она развертывается в целую мыслительную систему (научную гипотезу, художественный замысел или же практический проект).

На второй стадии (антитезис) идет всестороннее испытание, проверка идеи путем обращения к опыту, наблюдению-эксперименту, к практическим действиям. Ученый проводит наблюдения, ставит эксперименты. Художник воплощает идею в реальность образа. Изобретатель создает новый предмет искусственной природы, который увеличивает власть человека над природой. И т. д. Эта стадия в какой-то мере напоминает вторую стадию предыдущего цикла. Только в отличие от последней она не является чисто мыслительной стадией; центр тяжести этой стадии постепенно перемещается из сферы идеального (умственных действий) в сферу реального (реальных действий). Здесь нет абсолютного повторения предыдущего цикла развития.

Последняя, завершающая стадия этого цикла возвращает нас к исходному пункту. Идея, выдержав испытание наблюдением, экспериментом, практикой, получила подтверждение, права гражданства, но теперь уже не только в мышлении человека, а во всей его жизни и шире: в жизни людей вообще. Достигнув завершающей стадии творческого процесса, она перестает быть идеей, переходит в новое состояние: либо в новое знание, либо в новую реальность, либо в новое произведение искусства.

МЕСТО ИДЕИ В ТВОРЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ

До сих пор предметом рассмотрения была диалектика идеи и ее роль в развитии-становлении мышления. Теперь рассмотрим, *как преломляется* эта диалектика в творческом процессе.

По нашему мнению, *идея является такой мыслью, которая дает ключ к пониманию творческого процесса*. Благодаря идее творческий процесс совершается не как стихийный, неуправляемый, аморфный процесс, в котором к результату приходят путем проб и ошибок, а как управляемый, осмысленный, разумно организованный процесс.

Значение идеи для творческого процесса состоит в том, что она осуществляет переход от постановки творческой задачи к ее решению. Как нельзя обойти момент перехода от поисков к решению, так нельзя перешагнуть через идею, пройти мимо нее. Именно идея содержит в себе *заряд нового* — то, ради чего совершается творческий процесс. Ее возникновение и последующая реализация — непреложный закон творчества. Все коллизии творческих поисков и находок сходятся в идее, как в фокусе. Она — “душа” творческого процесса, его самодвижущий принцип.

Идея “делит” творческий процесс на три этапа.

Первый этап — этап постановки задачи и поисков ее решения — выполняет, главным образом, отрицательную работу: человек последовательно все больше убеждается в том, что прежние знания и умения, старые способы решения не годятся для решения данной задачи.

На втором этапе совершается переход от постановки задачи к ее решению, возникает идея. Этот этап является ключевым для творческого процесса, так как от него зависит, будет ли творческий процесс подобен процессу искания методом проб и ошибок или же он почти с самого начала будет разумно ориентированным процессом. Чем ответственнее подходит человек к выдвижению и формулированию идеи решения, тем вероятнее правильность идеи и тем менее вероятен бесплодный путь проверки-реализации ошибочной

идеи.

Переход от поисков к решению не является моментным процессом. Неправы те, кто представляет идею внезапно возникшей мыслью, которая будто бы вышла готовой из недр подсознания и озарила ум. В этом представлении идея изображается как порождение чистой интуиции, подсознательной, неконтролируемой работы мысли. На самом деле идея возникает не сразу, не вдруг. Между зарождением идеи как интуитивной мысли и ее оформлением существует определенная дистанция — этап сознательной работы мысли. Эта дистанция может быть едва заметной, малоосознаваемой и тем не менее она обязательно существует¹.

Ранее уже говорилось о том, что интуитивная мысль прежде, чем стать идеей, подвергается проверке, испытанию, апробируется с помощью наличных мыслительных средств (знаний, логики, убеждений). Эти процедуры осуществляются или должны осуществляться по определенным параметрам, критериям. Отсутствие последних может привести к двум нежелательным крайностям в оценке идеи: когда обыкновенную рядовую мысль принимают за идею. В этом случае имеет место переоценка мысли, некритический подход, который нередко приводит к излишней трате сил и времени по реализации такой “идеи”. Подобную ошибку чаще всего совершают сами авторы этих псевдоидей. И, наоборот, когда недооценивают идею, при-

¹“Решение относительно адекватности любой идеи, даже условное решение, — отмечает М. Бунге, — требует предварительной аналитической разработки, а эта процедура — исключительно рациональная” (с. 149). “Вообразите-ка себе, — остроумно замечает он, — как бы реагировал руководитель коллектива физиков-экспериментаторов на просьбу проверить сон, привидевшийся вам минувшей ночью” (с. 116). — М.Бунге. Интуиция и наука. М., 1967.

А вот что писал Гете в письме к Шиллеру о вынашивании идеи: “Плодотворность или бесплодность неожиданно родившейся мысли открывается с течением времени. Вы ее вынашиваете, рассматриваете и испытываете со всех сторон, воображение и критика оформляют ее и ваяют до тех пор, пока внутренняя готовность не начнет подталкивать к работе”. — И.Гете. Собр.соч.. Т. XIII. С. 89.

нимают ее за рядовую мысль, вследствие чего не предпринимаются шаги по ее реализации. Такая ошибка допускается обычно при передаче идей от одних людей к другим: мысль автора идеи не осмысливается другими как идея. Поэтому, чтобы не было переоценки или недооценки значимости той или иной мысли, необходимо следовать правилам, критериям, по которым можно было бы определить идею.

Критерии нужны не только для минимизации, устранения произвола в оценке идеи. Они важны сами по себе, как условия выдвижения, состоятельности идеи¹. Особенно они нужны, если идее предшествует не одна интуитивная мысль, а несколько, некоторое множество конкурирующих мыслей. В этом случае возникает задача отбора, а критерии определения идеи приобретают характер критериев отбора. Вообще скорее исключением, чем правилом, является формирование идеи из одной интуитивной мысли. Идеи часто можно уподобить граммам радия, добываемым из тонн руды или крупичам золота в золотоносном песке.

Итак, каковы критерии определения идеи? Любая интуитивная мысль становится познавательной или практической идеей, если она испытана, апробирована с помощью двух основных критериев: критерия возможной истинности и критерия возможной полезно-

¹ О таких условиях-критериях говорят обычно по отношению к научной гипотезе. Вот что пишет, например, В.А. Штофф: “Прежде чем перейти к практической проверке гипотезы, ее обычно подвергают обсуждению или предварительному рассмотрению и тщательному анализу, чтобы выяснить, допустима ли она вообще в качестве научного утверждения. В методологии научного познания, опираясь на научную практику и гносеологические принципы теории отражения, можно сформулировать ряд условий, которым должно удовлетворять любое предложение, чтобы получить статус *научной гипотезы*. Выполнение этих условий позволяет отсеять множество предположений уже до их проверки и сосредоточить усилия на разработке и проверке действительно ценных, перспективных научных предположений”. — В.А.Штофф. Введение в методологию научного познания. Л., 1972. С. 153).

сти¹.

Критерий возможной истинности определяет: противоречит или не противоречит вновь возникшая мысль имеющимся знаниям о предмете мысли. Этот критерий устанавливает *логическую совместимость* новой идеи с прежними знаниями (имеются в виду проверенные в опыте, на практике знания). Он позволяет *мысленным* путем установить вероятную (возможную) истинность (= правдоподобность) новой мысли или же ее явную ложность, ошибочность. В этом критерии отмечен момент *возможности*, так как нельзя вполне утверждать, что отобранные с его помощью мысли являются *действительно* правильными, истинными. (Последнее слово здесь принадлежит опыту, практике). Среди отобранных мыслей могут оказаться и ложные, которые не обнаружены вследствие недостаточности наличных знаний автора идей.

Критерий возможной истинности тем точнее и определеннее, чем полнее знания человека о предмете мысли. Его точность и эффективность зависит также от того, насколько человек сумел в своем сознании отделить зерна от плевел, знания от субъективных мнений, верований, предрассудков. Если граница между знанием и тем, что заменяет знание, расплывчата, неопределенна и человек не знает по-настоящему, что является действительным знанием, а что недоказанным мнением, то критерий возможной истинности будет тогда выдавать ложные мысли за истинные или, наоборот, отсеивать вместе с ложными такие мысли, которые на проверку могут оказаться истинными. В первом случае авторы ложных идей напрасно тратят силы и время на их реализацию. Во втором случае отвергаются ценные в познавательном отношении идеи, что тормозит прогресс.

Зависимость критерия возможной истинности от индивидуального сознания говорит о его субъективности. У разных людей имеется разный уровень знаний и

¹ Названия этих критериев предложены автором. В настоящей работе впервые ставится вопрос о необходимости исследования критериев определения (оформления) идеи.

культуры; поэтому они по-разному будут оценивать свои мысли. Если, например, для одного человека очевидна ложность идеи, то другой, располагая меньшим объемом знаний, может не заметить ее.

Тем не менее указанный критерий имеет объективные основания. В современном обществе образование человека в значительной степени стандартизировано. Если человеку доверяют работу, требующую определенной квалификации, то, вероятно, учитывают при этом, что он должен обладать известным минимумом знаний, который позволял бы ему выполнять эту работу. Общезначимость и, соответственно, объективность критерия возможной истинности определяются в целом высоким уровнем образования современного человека.

Теперь о *критерии возможной полезности*. Если для определения познавательной идеи основным является рассмотренный выше критерий возможной истинности, то для определения практической идеи таковым является критерий возможной полезности. Этот критерий требует соответствия идеи (ее мыслимого содержания и связанной с ней работы по реализации) интересам людей.

С точки зрения критерия возможной полезности идея должна выражать интересы, потребности, вообще субъективные устремления людей. Без этого она лишена практической силы и значения. Мысленное связывание идеи с теми или иными интересами необходимо для того, чтобы еще до реального практического действия была определена, осознана возможная практическая значимость предвосхищаемого в идее продукта-результата.

Критерий возможной полезности требует четкого осознания потребностей, интересов, установления их иерархии, соподчиненности. Только при условии выполнения этого требования он может быть с успехом использован для оценки практической значимости идей.

Будучи основным для определения практических идей данный критерий важен также для определения познавательных идей. Ведь с осуществлением послед-

них связаны порой практически непреодолимые трудности или это осуществление требует слишком больших затрат/жертв.

Критерий возможной полезности имеет для определения *познавательных* идей то значение, что с его помощью выдвигаются на первый план идеи, осуществление которых отвечает насущным интересам людей. Этот критерий играет, однако, подчиненную, вспомогательную роль в определении познавательных идей. Он может затормозить или ускорить выдвижение и реализацию указанных идей, но он бессилён выявить или уничтожить, зачеркнуть их познавательную ценность. Последняя определяется исключительно критерием возможной истинности.

Примерно то же самое можно сказать о роли критерия возможной истинности в определении *практических* идей. Он, безусловно, необходим для определения практической идеи. В самом деле, только та практическая идея может быть осуществлена, материализована, которая выверена познанием, основана на познании объективных закономерностей. Печальный пример практической идеи, не выверенной познанием, — идея вечного двигателя. Сколько напрасных усилий было затрачено на ее реализацию! Даже после открытия закона сохранения энергии находились горе-изобретатели, пытавшиеся создать вечный двигатель.

Особый статус имеют *художественные* идеи. Они не сводимы ни к познавательным, ни к практическим идеям. Соответственно и критерий их определения особый. Этот критерий оценивает художественную, эстетическую ценность вновь возникшей мысли. Его можно было бы назвать *критерием возможной художественности (эстетичности)*. Данный критерий предельно вариативен и всецело зависит от художественного вкуса и эстетических предпочтений автора идеи.

Кроме указанных критериев большое значение имеет также *общий методологический критерий*. Он определяет соответствие идеи исходным методологическим, философским принципам-установкам. Критерий позволяет отбирать методологически состоятель-

ные идеи.

Третий этап творческого процесса — этап решения проблемы-задачи, *реализации*¹ идеи. На этом этапе возможность решения превращается в действительность. Необходимым условием такого превращения является **функционалирование** идеи, что предполагает наличие у нее определенных **функций**. Эти функции являются своего рода каналами или формами реализации идеи и, соответственно, формами разрешения присущих ей противоречий. Благодаря функциям идея выходит как бы за пределы самой себя.

К основным функциям идеи относятся: синтетическая, регулятивная и эвристическая.

Синтетическая функция. Вновь родившаяся идея не сразу ведет к конечному продукту. До своего практического воплощения или проверки она должна развернуться в *систему мыслей*. В научном познании на основе идеи разрабатывается *гипотеза* — развернутое теоретическое построение; в практической деятельности — *проект*; в искусстве — *художественный замысел*. Идея не годится для реализации в том виде, в каком она первоначально существует. Без системы подчиненных ей мыслей-следствий она как бы “висит в воздухе”, слабо связана с “земной основой” (со всем умственным опытом человека, за которым стоит чувственный и практический опыт). Это отчетливо можно видеть на примере гипотетической идеи. Сама по себе, как первоначальное предположение, она принципиально непроверяема. Для того, чтобы осуществить проверку идеи, на ее основе нужно построить гипотезу, а из гипотезы вывести следствия, непосредственно проверяемые на опыте.

Если только что возникшая идея как бы приоткрывает дверь в мир неизведанного, несозданного, и человек лишь “заглядывает” в эту дверь, то развернутая в

¹ Слово “реализация” употребляется по отношению к идее не в смысле материализации (превращения идеального в материальное), а в смысле превращения возможного в действительное. Слово “материализация” применимо только к процессам реализации практических идей (например, технических).

систему мыслей она “заставляет его войти” в открытую дверь и показывает перед ним неисчислимые богатства нового.

В процессе развертывания идеи в систему мыслей как раз и реализуется одна из ее основных функций — синтетическая. Эта функция идеи, осуществляя переход к системе мыслей, “решает” двуединую задачу: *расчленение* идеи на множество разных мыслей и сохранение ее как *целостного* образования. С одной стороны, в полном соответствии с законами дедукции, возникает логический “куст” мыслей, а, с другой, идея, не переходя полностью в этот “куст” (не растворяясь в нем), становится главной, основной, центральной мыслью возникающей системы. (Вот откуда, кстати, определение идеи как основной мысли произведения, открытия или изобретения). Здесь происходит синтез логики и интуиции: идея (и присущий ей интуитивный момент) *снимается* логической операцией расчленения, деления и одновременно *сохраняется* как основная мысль.

Регулятивная функция. Уже проблема-задача направляет мысль, но лишь идея нацеливает ее на конкретный результат. Являясь поворотным пунктом от поисков к решению она служит средством ориентации в задаче, играет роль руководящего принципа для поисков окончательного решения задачи. Регулятивная функция, с одной стороны, *дисциплинирует* мышление человека, удерживает его в определенном направлении, не позволяет “растекаться мыслям по древу”, а, с другой, *активизирует, мобилизует мышление*, “подталкивает” его в нужном направлении. Имея в виду эту вторую сторону, можно сказать, что *в идее, как ни в каком другом мыслительном образовании, выражен активный характер человеческого мышления*. Будучи первым проблеском решения она вселяет уверенность в успехе, в перспективность его усилий, эмоционально заряжает, вдохновляет его.

(Регулирующий характер идеи выступает как бы в чистом виде в случае патологического нарушения мыслительного процесса, когда субъективная установка больного, вступая в конфликт с объективными фак-

тами, оформляется в навязчивую, сверхценную или бредовую идею.)

Регулятивная функция является формой разрешения присущего идее проблемного противоречия. Она осуществляет самопереход идеи от предварительного решения проблемы-задачи (являющегося по своему характеру проблематическим-незавершенным) к окончательному решению. Будучи процессуальной она неуклонно ведет идею через все трудности задачи к самоосуществлению. Если бы идея не обладала регулятивной функцией, то заложенное в ней содержание, не использованное для преодоления трудностей задачи, осталось бы на уровне догадки-предположения.

Эвристическая функция. Идея не только синтезирует, не только регулирует, но обновляет и даже революционизирует мышление человека. Она — скачок в мир несозданного, неоткрытого.

Эвристическая значимость идеи обусловлена тем, что она содержит в себе *возможность нового* — нового знания, нового предмета, нового произведения искусства. Она так или иначе *ведет* к новому освоению действительности: теоретическому — познанию ее, или практическому — преобразованию ее. Идеи как первопроходцы или геологи-разведчики открывают новые пути познания и преобразования действительности. Даже очень старые, но еще не реализованные идеи заставляют людей вести поиски. Такой, например, была идея атомизма. Прошло более двух тысяч лет, прежде чем она воплотилась в научную теорию атомного строения вещества. Пока идея не реализована и не опровергнута, она эвристически значима.

По идеям можно судить о дерзновенности человеческого разума. Известное требование Н. Бора “безумных” идей является как раз констатацией того факта, что чем новее, оригинальнее, “безумнее” идея, тем больше шансов на успех она имеет, так как для создания фундаментальной физической теории нужны поистине революционные идеи.

Достижение нового в творческой деятельности не является самоцелью. Оно направлено на разрешение противоречия между субъектом деятельности — чело-

веком и объектом деятельности — окружающей действительностью. Поэтому эвристическая функция идеи, будучи средством достижения нового, является в то же время формой разрешения присущего идее субъект-объектного противоречия.

6. КАТЕГОРИАЛЬНЫЙ СТРОЙ МЫШЛЕНИЯ

Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе, как с помощью категорий

И. Кант

Вопрос “*как мы думаем?*” предполагает также обращение к *категориям* — структурным элементам мысли, которые фигурируют в философской литературе под именем философских категорий-понятий. Человек думает, решает умственные задачи не иначе как с помощью *категорий*. Последние — инструменты мышления, идеальные орудия человеческой деятельности.

Когда философы обсуждают проблему категорий как свое внутреннее дело, т. е. как проблему исследования и систематизации *философских* категорий, то нельзя не увидеть некоторый отпечаток профессиональной ограниченности, субъективности на этой проблеме. В зависимости от личного опыта и склада ума одни философы считают эту проблему искусственной, надуманной, вчерашним днем философии, а другие считают ее важной, заслуживающей внимания *философской* проблемой. В том и другом случае проблема категорий субъективно ограничена и не поддается разумному решению. Суть в том, что надо выйти за рамки этой проблемы и взглянуть на дело шире, не с чисто философских, узко цеховых позиций, а с точки зрения объективной, естественной систематики категорий. Хотят или не хотят философы обсуждать проблему категорий, независимо от них она властно заявляет о себе как необходимость мыслить сознательно-системно, во всеоружии категориального аппарата мышления.

Бессознательно люди давно уже мыслят системно.

Для этого они выработали целый комплекс вопросов: что? кто? чей? когда? где? куда? откуда? как? какой? каким образом? в какой мере? сколько? почему? отчего? зачем? для чего? ради чего? как возможно? что делать? и т. д. В этих вопросах отчетливо проглядывают категориальные формы мышления. (Философы, кстати, являются своего рода повивальными бабками, помогающими рождению, т. е. осознанию людьми категорий мышления — под видом философских категорий и понятий.)

КАТЕГОРИАЛЬНАЯ ЛОГИКА МЫШЛЕНИЯ

Категории функционируют, работают, действуют в нашем мышлении, хотим мы этого или нет, более того, они формируют, организуют, упорядочивают мышление. В самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок. Люди мыслят в той степени, в какой они пользуются категориями. Впервые об этом со всей определенностью сказал *И. Кант*: "Мы не можем *мыслить* ни одного предмета иначе, как с помощью категорий"¹. Это открытие Канта базируется на солидной философской традиции, начало которой положил *Платон* и которую в новое время поддерживали великие рационалисты *Декарт*, *Спиноза*, *Лейбниц*, *Гегель*.

Каждая категория — не только момент системы, но и сама является системой более частных категорий и понятий. Она — вершина гигантской пирамиды понятий. И в целом система категорий — это вершина пирамиды всех человеческих понятий. Как с помощью трех десятков букв в алфавите выражается все богатство человеческого языка, так с помощью нескольких десятков категорий выражается все многообразие человеческих понятий и, соответственно, объективного мира.

Кликс указывает на жизненно важное значение категориальной организации мышления:

"... классификационные системы не просто облегчают ориентировку в необозримо многообразном мире, но соб-

¹ И. Кант. Соч. в 6-и т.т., т. 3, М., 1964. С. 214.

ственно и делают ее возможной. Названия же способствуют сохранению в памяти именно тех данных, которые значимы для достижения целей в определенной ситуации. Становится возможным гигантский шаг вперед: из необозримого богатства воспринимаемого мира отбирается самое существенное и благодаря классификации сохраняется в памяти. Происходит когнитивное освоение некоторых форм проявления объективной реальности. Именно в этом глубокий рациональный смысл архаического классифицирования, а также причина происходящего с тех пор постепенного преобразования классификационных систем"¹.

Категориальный строй мышления выражает его упорядоченность, соответствующую упорядоченности реального мира. В свое время французский ученый *Л. Леви-Брюль* выдвинул теорию об *алогическом* или *дологическом* характере мышления первобытного человека. Критикуя эту теорию, отечественный ученый *В. П. Алексеев* в книге "Становление человечества" показал, что человек с самого начала руководствовался в своей деятельности "рационально-логическими правилами", которые являются, по его словам, отражением "важнейших природных отношений"².

Выдающийся русский филолог-славист *А. А. Потебня* более ста лет назад писал о происхождении категорий:

"... труды обособившихся наук и таких-то по имени ученых являются здесь (в истории языка — Л.Б.) лишь продолжением деятельности племен и народов. Масса безымянных для нас лиц, масса, которую можно рассматривать как одного великого философа, уже тысячелетия совершенствует способы распределения по общим разрядам и ускорения мысли и слагает в языке на пользу грядущим плоды своих усилий"³.

Итак, суть дела в следующем. Мир в некотором роде упорядочен; эта упорядоченность выражается в определенной категориальной структуре или, по-другому, в естественной системе категориальных определений мира. Наше мышление отражает катего-

¹ Там же. С. 161.

² В. П. Алексеев. Становление человечества. М., 1984. С. 242-244.

³ А. А. Потебня. Из записок по русской грамматике. Т. 3. М., 1968. С. 641-642.

риальную структуру мира в виде стихийно сложившейся системы категорий мышления, категориального строя. Philosophы осмысляют, исследуют обе эти системы категориальных определений, вырабатывают философские понятия, категории, которые более или менее адекватно отражают и естественную систему категориальных определений мира и категориальный строй мышления.

Первичными категориальными определениями являются определения самого мира, его самоопределения, т. е. естественная система категориальных определений, которая (как и мир в целом) существует независимо от человека и человечества. Вторичными категориальными определениями являются категории мышления, точнее стихийно сложившаяся система категорий мышления (категориальный строй мышления). Третичными категориальными определениями являются философские категории и понятия. Аристотель, Гегель и другие философы пытались, в сущности, *открыть* естественные системы категорий мышления и категориальных определений мира. Эти попытки шаг за шагом приближали человечество к разгадке указанных систем.

Учитывая, что категориальная логика является в конечном счете отражением естественной системы категориальных определений мира, ее с полным правом можно назвать *категориальной картиной мира*.

Итак, в самой природе мышления заключен определенный категориальный строй, порядок.

Если мы бессознательно пользуемся стихийно сложившейся категориальной логикой мышления, то спрашивается, зачем нужно еще открывать ее, строить адекватную систему философских категорий? Дело в том, что настоящая "отдача" категорий мышления как идеальных орудий деятельности возможна лишь при условии осознания их в системе. Стихийное, полуосознанное использование категорий чревато постоянными "кренами", абсолютизацией одних категорий в ущерб другим.

Осознание категориальной логики в ходе истори-

ческого развития человеческой мысли протекало неравномерно. Отсюда, в частности, разногласия философских учений и взглядов. Категориальная культура мышления может быть основана только на достаточно полном и уравновешенном представлении о системе категорий мышления, а через нее — об объективной системе форм бытия, категориальных определений мира.

КАК КАТЕГОРИИ РАБОТАЮТ-ПРОЯВЛЯЮТ СЕБЯ?

Категории мышления формируются и функционируют, как правило, помимо сознания человека и выступают либо (1) в виде образов-символов, либо (2) в языке, либо (3) в виде понятий, либо (4) в различных формах и методах деятельности.

(1) *Образы-символы категорий* весьма многообразны. Вот некоторые примеры:

круг-шар часто служил для древних людей образом-символом вечности, незыблемости, порядка;

В древнегреческой философии образом-символом всеобщего изменения-движения было выражение “*все течет*” (*panta rei*).

В китайской философии своеобразными образами-символами-понятиями были *ян* и *инь*. Исходное значение: пасмурная и солнечная погода или теневая и солнечные стороны (например, горы и ущелья). Древнекитайские мыслители использовали бинарность данного противопоставления для выражения многих противоположных и сменяющих друг друга явлений-сил: света и тьмы, солнца и луны, огня и воды, активности и пассивности, мужского и женского начал, неба и земли, порядка и беспорядка и т. п.

знак “ ∞ ” является символом математической бесконечности;

“*круг времени*” и “*стрела времени*” являются образами-символами временной обратимости и необратимости.

“*Золотая середина*” — образ-символ меры.

В выражении “ничто не ново под луной” *луна* является образом-символом неизменности, вечного повто-

рения одного и того же.

В пушкинской строке “И случай — бог-изобретатель” мы видим образ случайности. Такую же категориально-образную функцию выполняют выражения “жребий брошен”, “мы все ходим под богом”, “стечение обстоятельств”.

(2) Выражение категорий в языке.

1. Категории прежде всего выражаются в структуре языка, в членораздельной речи. Грамматические части речи — пусть весьма приблизительно и упрощенно — выражают основные категории мышления. Имя существительное — материя, тело, вещь, организм, существо. Имя прилагательное — качество. Имя числительное — количество. Глагол — движение, действие, деятельность.

Особое место в структуре языка занимают местоимения и местоименные наречия. Они являются своеобразными языковыми эквивалентами-заместителями категорий. Можно составить такую таблицу:

виды местоимений и наречий категории	вопросительные местоимения	другие местоимения, наречия	отрицательные местоимения, наречия (тени категорий)
<i>материя, тело, вещь, объект, предмет</i>	что? что-то что-именно	что-то, что именно, этот, тот, нечто	ничто
<i>живое существо, человек, субъект</i>	кто?	кто-то, кто именно, некто, все, каждый	никто
<i>качество</i>	какой?	такой, этаким, какой-то, какой именно, некий	никакой
<i>свойство</i>	чей?	чей-то чей именно	ничей
<i>количество</i>	сколько? насколько? который?	столько, настолько, несколько больше, меньше	нисколько
<i>движение</i>	куда? откуда?	сюда, туда, отсюда, оттуда	никуда ниоткуда
<i>время</i>	когда?	теперь, сейчас, раньше, потом, иногда, всегда	никогда
<i>пространство</i>	где?	здесь, там, везде, повсюду	нигде
<i>мера</i>	в какой мере?	в меру	
<i>причина</i>	почему? отчего?	потому, поэтому оттого, из-за то-	

	по какой причине? вследствие чего?	го, из-за этого по причине этого вследствие этого	
<i>возможность</i>	можно? как возможно?	можно возможно	нельзя, невозможно
<i>действительность</i>	в самом деле? на самом деле? действительно ли?	действительно, в самом деле	недействительно
<i>случайность</i>	что случилось?	по случаю	
<i>явление</i>	что произошло? что такое?		
<i>цель</i>	зачем? с какой целью?	затем, с целью	низачем бесцельно
<i>средство</i>	как? каким образом?	так, этак, вот так,	никак
<i>результат</i>	какой результат? что в результате?		без результата
<i>деятельность, действие</i>	что делать?		

Вопросительные местоимения и местоименные наречия — это самые настоящие пра- или прото-категории.

По мере того, как подрастающий человек осваивает членораздельную речь, формируется категориальный строй его мышления. Наиболее интенсивно это происходит в возрасте “почемучки”, так талантливо описанном К.И. Чуковским в книге “От двух до пяти”. Когда ребенок задает окружающим бесчисленные вопросы, то он не просто любопытствует, собирает-впитывает в себя информацию, а учится мыслить *категориями, при помощи категорий*. Ведь вопросы задаются им в основном в форме вопросительных местоимений и наречий.

Фундаментальный характер некоторых вопросов давно был осознан людьми. Свое понятие о категориях Аристотель строил в значительной мере на основе вопросительных слов: “что?” (категория сущности), “сколько?” (категория количества), “какой?” (категория качества) и т. д. Арабский философ IX века Абу Юсуф Якуб бен Исхак аль-Кинди писал: “Чтобы по-

знать что-либо, следует ответить на четыре вопроса: Есть ли это? Что это? Каково это? Почему это?”. Английский писатель Р. Киплинг выразил примерно эту же мысль в поэтической форме (перевод С.Я.Маршака):

Есть у меня шестерка слуг, проворных, удалых.
И все, что вижу я вокруг, — все знаю я от них.
Они по знаку моему являются в нужде.
Зовут их: Как и Почему, Кто, Что, Когда и Где.

Нельзя не упомянуть также Раймунда Луллия. Стремясь переработать схоластическую логику, он выдвинул ряд новых идей. Среди них — учение о вопросах. Вопросы, по Луллию, служат орудием открытия истины. Он разделял их на девять групп: “ли?”, “что?”, “из чего?”, “почему?”, “как велико?”, “какого качества?”, “когда — где?”, “чем?”, “как?”¹.

Интересно еще отметить, что в риторике есть так называемые *семь вопросов*: Quis?, Quid?, Ubi?, Quibus auxiliis? Cur? Quomodo? Quando? (Кто? Что? Где? С чьей помощью? Для чего? Каким образом? Когда?). Эти вопросы призваны, развивая мысль, выявлять лицо, деяние, место, соучастников, цель, способ и время².

2. Категории выражаются также в словах, предложениях, фразах, текстах, т. е. не только в структуре языка, но и в его содержании, материале. Возьмем для примера категорию возможности. Вокруг нее — целый куст отдельных слов, словосочетаний, выражений: *мочь, можно, могущий, возможно, невозможно, возможный, возможность, может быть, как можно, через не могу, по возможности, по мере возможности, есть возможность, насколько возможно, иметь возможность, дать возможность, реальная возможность, абстрактная (формальная) возможность, юридическая возможность, фактическая возмож-*

¹ См.: В. Ф. Берков. Вопрос как форма мысли. Минск, 1972. С. 12.

² См.: Сомов В. По-латыни между прочим. Словарь латинских выражений. М., 1992. С. 109.

ность, большие возможности, безграничные возможности, упущенная возможность, любопытная возможность, интересная возможность, возможность роста, при первой возможности, до последней возможности, “если бы молодость знала, если бы старость могла!”, “хочу и могу”. Это лишь немногие слова, словосочетания и выражения, обозначающие разные стороны категории возможности. Если же взять предложения, фразы, тексты, в которых фигурирует рассматриваемая категория, то их бесчисленное множество. В них, в этой стихии языка, она живет, функционирует, действует, развивается. И так обстоит дело с каждой категорией мышления.

(3) В понятиях категории не просто выражаются, а осознаются, осмысливаются.

То, что обычно называют философскими категориями, на самом деле — понятия-категории, т. е. понятия, представляющие, выражающие категории мышления. Это всегда нужно иметь в виду при исследовании-использовании философских категорий и понятий. Они лишь отображение категорий мышления. А отображение может быть неверным, искаженным, неполным и т. д. История философии дает вторичный материал для исследования категорий мышления. Первичный материал — в естественном мышлении и языке, в различных формах, методах и результатах человеческой деятельности. Некоторые философы ошибочно ставят знак равенства между естественным и обыденным мышлением и на этом основании третируют первое, утверждая, что только философское мышление — мышление в категориях и только философы знают, что такое категории. Это высокомерие философов опасно. Оно ведет к самоизоляции и творческому бесплодию.

С другой стороны, труд философов нужно уважать, потому что именно в философских понятиях категории по-настоящему осознаются, осмысливаются как структурные элементы мысли.

(4) О выражении категорий в различных фор-

мах и методах деятельности см. ниже, раздел “Методологическая функция категориальной логики”.

“КУХНЯ” КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Логика предмета требует, чтобы я рассказал хотя бы в общих чертах о “кухне” категорий, о том, что собственно представляет собой категориальная логика.

Пока твердо установлено, что категории располагаются парами (диадами) или триадами (обнаружены связи типа “пространство-время”, “необходимость-случайность”, “качество-мера-количество”). Философы давно пытаются открыть связи более высокого порядка — не между отдельными категориями, а между категориальными парами, семействами. Пока эти попытки не увенчались сколько-нибудь неоспоримыми находками. Тем не менее они продолжаются, не могут не продолжаться, так как философы никогда не смиряются с полухаотическим представлением выявленного множества категорий и понятий.

Итак, категории рассматриваются философами обычно в составе определенных категориальных блоков или подсистем. Это значит, что каждая категория является либо противоположностью другой, либо промежуточным звеном, либо синтезом противоположных категориальных определений.

Кроме того, каждая категория сама является системой более частных категорий и понятий. Выше я уже говорил о том, что категория потому и категория, что внутри себя образует систему понятий, являясь в подлинном смысле категорией, т. е. разрядом, классом определенного рода понятий.

Подчиненные категории понятия выражают различные ее стороны, моменты и частные виды. Эти понятия по отношению к категории являются *субкатегориями*. Например, субкатегориями количества, выражающими ее отдельные стороны, являются непрерывное и дискретное. Частными видами категории являются такие ее субкатегории, как “величина”, “множество”, “число”. Категория по отношению к своим субкатегориям выступает как *родительская* категория.

Помимо субкатегорий существуют такие понятия, которые носят межкатегориальный характер, т. е. объединяют в себе различные категориальные определения. Это можно объяснить так. Мышление имеет определенную категориальную структуру. Категории — узловые пункты в сети мышления. Кроме них существует большое количество общих понятий, которые либо распределены между категориями, т. е. входят в понятийный аппарат отдельных категорий, либо принадлежат сразу двум или нескольким категориальным семействам и, следовательно, носят межкатегориальный характер.

Благодаря *межкатегориальным* понятиям категории как бы отражаются друг в друге, скрещиваются, сплавляются. Это аналогично тому, как химические элементы, вступая в химическую связь, образуют те или иные химические соединения. Межкатегориальные понятия — это "химические соединения" различных категорий.

Два примера. Основное значение категории "качество" представлено понятием "качество" и фиксируется ее положением в подсистеме "качество-мера-количество". А одно из отраженных значений категории (отражение ее в категории "изменение") представлено такими межкатегориальными понятиями, как "превращение", "скачок", "качественное изменение". Далее, если "величина", "множество", "число" являются чисто количественными понятиями, т. е. относятся только к категории количества, то такие понятия, как "длина", "размер", "объем" имеют не только количественное содержание. Они являются своеобразным симбиозом двух категориальных форм мышления: количества и пространства. Это количественно-пространственные понятия.

Таким образом, категории, с одной стороны, жестко закреплены, зафиксированы в одном положении (месте системы категорий), а с другой, они "гуляют" по всей системе категорий в виде отраженных значений межкатегориальных понятий, отражаясь практически во всех других категориях.

Представление о межкатегориальных связях и по-

нениях снимает дилемму гибкости и жесткости системы категорий, обнаруживает совместимость того и другого. Жесткость категории обусловлена ее "привязанностью" к одному и только одному месту в системе категорий. Гибкость категории обусловлена ее рефлексией (отражением) в других категориях.

Нужно иметь в виду также следующее. Трудность исследования и использования категорий состоит в том, что их языковые носители — слова — употребляются неоднозначно в языковой практике, в философской и научной литературе. Наряду с категориальными значениями функционируют различные формы некатегориального значения слов, обозначающих категории. Отсутствие ясного понимания этого факта приводит к путанице понятий, к смысловым искажениям категорий.

Практически нет ни одной категории, которая выражалась бы однозначным словом-термином. Слова, выражающие те или иные философские категории, являются *многозначными*. Категориальное значение для них — не единственное. Этот факт необходимо учитывать при исследовании и сознательном применении категорий.

Слова, обозначающие категории, употребляются, по крайней мере, в трех некатегориальных значениях: 1) узком значении более частного понятия, подчиненного данной категории. Например, понятие "вещество" является частным по отношению к категории материи; 2) расширенном значении. Например, слово "качество" употребляется в значении "определенность предмета вообще" или слово "действительность" — в значении "реальность"; 3) смещенном значении понятия, представляющего другую категорию. Например, слово "мера" употребляется в значении "мероприятие" или слово "качество" — в значении "признак предмета".

Чем же обусловлена многозначность слов, обозначающих категории? Ответ следует искать в истории языка. Этимология категориальных слов восходит к синкретическим (слитным, недостаточно дифференцированным, определенным) понятийным формам-представлениям, содержание которых, как правило,

намного шире содержания выкристаллизовавшихся впоследствии категорий мышления. Существование различных форм некатегориального значения слов-категорий как раз и связано с тем, что категории лишь постепенно определились в своем категориальном содержании. Эти формы — рудиментарные остатки, в которых зафиксировано содержание категориальных понятий на разных этапах их формирования как категорий.

Категории мышления — структурные элементы мысли и как таковые могут быть представлены наглядно-схематически. Язык схем и наглядных образов — особый язык, не сводимый к словесному описанию. Он несет такую смысловую нагрузку, такую информацию, которую очень трудно и порой невозможно передать с помощью обычного языка, рассуждений. Наглядно-схематическое представление категорий так же важно, как и их словесное описание. Оно позволяет осмыслить, охватить единым взором сложные взаимоотношения категорий. Словесное описание развертывает мысль во времени и порой нелегко осмыслить рассуждения в целом. Наглядно-схематическое представление развертывает мысль в пространстве, что позволяет осуществить мысленный синтез огромного материала, спрессованного в категориях. Кроме того, наглядно-схематическое представление в некотором смысле более точно, более адекватно (по сравнению со словесным развертыванием во времени) передает реальное соотношение категорий, будь то объективные категориальные определения или категории мышления. Ведь в самой объективной реальности и, соответственно, в мышлении многочисленные категориальные определения "даны" одновременно, без выведения, как существующие друг возле друга, взаимозависимые, взаимопроникающие. Например, качественные и количественные определения присущи одновременно любым материальным объектам, а не следуют одно за другим, как у Гегеля.

Система категорий, выраженная наглядно-схематически, т. е. в табличном виде (в виде *таблицы категорий*), позволяет отчетливо проследить логиче-

ские связи и соотношения между категориями.

В качестве примера наглядно-логической схемы категорий можно предложить диаграмму категории “возможность” (см. выше, стр.).

Наглядно-логическая схема объединяет два типа соотношения категорий:

а) *взаимозависимость* противоположных категорий, предполагающая наличие промежуточного, переходного звена между ними; это один тип триады (“противоположное-промежуточное-противоположное”);

б) *взаимоопосредствование* (синтез) противоположных категорий; это — другой тип триады (“тезис-антитезис-синтез”).

(В скобках заметим, для Аристотеля было характерно мышление по типу “противоположное-промежуточное-противоположное”, а для Гегеля — мышление по типу “тезис-антитезис-синтез”. Аристотель был первооткрывателем первого типа категориального мышления, Гегель — первооткрывателем второго типа категориального мышления).

В неорганической природе реализуется первый тип соотношения категориальных определений (взаимозависимость противоположных сторон). В живой природе и человеческом обществе к первому типу “прибавляется” второй тип соотношения категориальных определений (взаимоопосредствование).

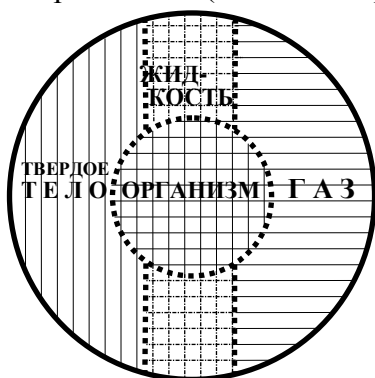

Рис. Поясняющая наглядно-логическая схема “АГРЕГАТНЫЕ СОСТОЯНИЯ ВЕЩЕСТВА И

Здесь уместно привести еще одну наглядно-логическую схему (см. рядом). Эта схема аналогично приведенной отображает соотношение трех агрегатных состояний вещества и живого организма. Она *поясняет* смысл общей схемы отображения структуры категорий. Окружающая нас на Земле неорганическая природа представлена

тремя основными состояниями вещества: твердым, жидким и газообразным. Твердое тело и газ противоположны как противоположны порядок и хаос. Жидкость — промежуточное состояние вещества. Все эти состояния, хотя и переходят друг в друга, существуют все же раздельно и исключают друг друга, твердое тело не может быть одновременно газообразным, а газообразное — твердым. Напротив, в живых организмах эти три состояния вещества настолько совмещены, неразделимы, опосредуют друг друга, что представляют собой нечто единое, органически целостное. То же можно наблюдать и в мире категориальных определений. Категориальные определения, характерные для неорганического мира, разделены и исключают друг друга точно так же, как разделены и исключают друг друга твердое и газообразное состояния вещества в неживой природе. Категориальные определения, характерные для живой природы, подобно живым организмам переплетают "крепким узлом" категориальные определения неживой природы.

И последнее. О взаимоотношении противоположных категориальных определений, сторон. Категория или категории, находящиеся в центральном круге наглядно-логической схемы, представляют собой взаимоотношение противоположных категориальных определений. Их можно выразить в виде тех или иных формул взаимоотношения (см. выше п. "формула свободы", стр.).

Категории — краски и кисти философа

Философия, в отличие от науки, не связана с какими-то отдельными наблюдениями и экспериментами. Она опирается на весь опыт человека, который неизмеримо богаче каких-либо наблюдений, экспериментов и связанных с ними гипотез, теорий. Философская картина мира использует язык категорий - фундаментальных понятий, в которых сконцентрирован индивидуальный и общественно-исторический опыт человека. Категории — это краски и кисти фило-

софа, с помощью которых он пишет картину мира. Специфика философской картины мира и состоит в том, что она является *категориальной* картиной мира.

Выражение "категориальная картина мира" вполне правомерно. Слово "картина" давно употребляется в самом широком смысле, в том числе по отношению к миру в целом. Выше я говорил о научной картине мира. В ходу такие выражения "физическая картина мира", "библейская картина мира". Чем же хорошо слово "картина"? Во-первых, "картина" означает нечто "отображающее", передающее определенное видение, чувство человека. Во-вторых, это слово говорит о целостном отображении чего-либо. Уже если картина что-то изображает, то это что-то представляется в целостном, осмысленном виде. В-третьих, слово "картина" несет ту смысловую нагрузку, что оно включает в себя не только логически осмысленный, рассудочный момент, но и момент интуитивный, конкретно-образный, субъективный.

Выражение "категориальная картина мира" передает тот факт, что описание, объяснение мира осуществляется с помощью категорий, а язык категорий — особый язык, не сводимый ни к формально-логическому рассуждательству, ни к интуитивно-гадательному мышлению.

Задача философа сродни задаче художника, пишущего картину. Подобно художнику он передает лишь свое видение мира. Вообще нужно сказать, что философские учения и системы — это лишь ступени в лестнице, ведущей к адекватному осмыслению мира. Никто из философов не вправе претендовать на истину в последней инстанции. Самое большее, на что философ может рассчитывать, это убеждение в том, что его взгляды на данном этапе развития философии ближе всего стоят к истине и отвечают духу времени...

МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ ФУНКЦИЯ КАТЕГОРИАЛЬНОЙ ЛОГИКИ

Категориальный строй мышления выражает *категориальную логику*, ту высшую логику мышления, ко-

торая объединяет интуицию и рассудочную логику. Располагаясь в определенном порядке в некотором воображаемом пространстве мышления категории осуществляют смысловую группировку материала, играют роль опорных пунктов, координат, ориентиров мысли. Система категорий есть именно система опорных пунктов, координат, ориентиров мышления.

Как *опорные пункты* категории не дают мысли "гулять" в безбрежном пространстве воображения, не дают ей "растекаться по древу".

Как *координаты, ориентиры* категории определяют положение мысли и направляют ее в определенное русло. В этом смысле систему категорий можно уподобить координатной сетке меридианов и параллелей на глобусе. Она позволяет оценить любые факты и суждения, отделить зерна истины от шелухи ложных представлений.

Методологическая функция категориальной логики реализуется как в виде общего ориентира познавательной и практической деятельности, так и через совокупность методов, вытекающих из оценки значения отдельных категорий.

Ниже приводится таблица некоторых категорий и соответствующих им методов, способов, отраслей деятельности:

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ	синтез, анализ (объединение, интеграция, монтаж, сборка; разделение, расчленение, дробление, демонтаж и т. д.)
СИСТЕМА	системный подход, системотехника
СТРУКТУРА	структурный анализ, структурализм
КАЧЕСТВО	классификация, типологизация, аналогия, теория подобия, моделирование
ВСЕОБЩЕЕ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ	дедукция, индукция; обобщение, ограничение, конкретизация
СПЕЦИФИЧЕСКОЕ	спецификация
МЕРА	стандартизация, нормативная деятельность, нормирование
КОЛИЧЕСТВО	счет, измерение, вычисление, математический анализ, арифметика, алгебра, математика
ПРОСТРАНСТВО	геометрия, топология
ВРЕМЯ	хронология, хронометрия

ЦЕЛОЕ И ЧАСТЬ	синтез, анализ (объединение, интеграция, монтаж, сборка; разделение, расчленение, дробление, демонтаж и т. д.)
СИСТЕМА	системный подход, системотехника
СТРУКТУРА	структурный анализ, структурализм
КАЧЕСТВО	классификация, типологизация, аналогия, теория подобия, моделирование
ВСЕОБЩЕЕ, ОБЩЕЕ, ЧАСТНОЕ	дедукция, индукция; обобщение, ограничение, конкретизация
ПЕРЕМЕЩЕНИЕ	кинематика (раздел механики)
ПОКОЙ	статика (раздел механики)
ИЗМЕНЕНИЕ	преобразование, трансформация
СОХРАНЕНИЕ	консервация, консервирование, стабилизация, хранение, охрана
РАЗВИТИЕ, СТАНОВЛЕНИЕ	генетический метод, сравнительно-исторический метод, эмбриология, эволюционная биология, историография, философия истории
ПРОТИВОРЕЧИЕ	деловые игры, конкретные ситуации, метод противопоставления и т. д.
ТОЖДЕСТВО, ЛИЧИЕ	сравнение (различение - отождествление), идентификация
ПОВЕДЕНИЕ	этология (наука о поведении), этикет
СЛУЧАЙНОСТЬ	путь проб и ошибок, бросание жребия, метод случайного поиска, лотерея
ВЕРОЯТНОСТЬ, СТАТИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОНОМЕРНОСТЬ	вероятностно-статистические методы, математическая статистика
ЯВЛЕНИЕ, СЛЕДСТВИЕ	описание, наблюдение, эксперимент
ЗАКОН, СУЩНОСТЬ, ПРИЧИНА	объяснение, диагностика (техническая, медицинская), этиология
ВОЗМОЖНОСТЬ	прогнозирование, предвидение, футурология
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ	методология, теория познания, праксеология
ЦЕЛЬ	планирование, программно-целевой метод
СРЕДСТВО	метод, способ, прием, методика, алгоритм
РЕЗУЛЬТАТ	теория эффективности

Эта таблица наглядно показывает связь отдельных категорий с теми или иными методами, способами, отраслями человеческой деятельности. Из нее также видно, что категории явно или неявно действуют, функционируют в мышлении человека, реализуют себя или начали реализовать себя в виде отдельных *осо-*

знанных методов, форм деятельности. Например, категорию случайности люди издавна бессознательно использовали в виде способа проб и ошибок, азартных игр или когда бросали жребий. А теперь они совершенно сознательно кладут ее в основу метода случайного поиска, вероятностно-статистических методов. Осознанный подход к категориям, к категориальной логике позволит как раз провести своего рода инвентаризацию, классификацию методов и форм деятельности, оценить их достаточность или недостаточность с точки зрения полноты охвата категорий. Из таблицы, например, можно уже сейчас видеть, что одни категории хорошо "представлены" в тех или иных методах, формах деятельности, а другие категории слабо представлены.

7. ЗДРАВОМЫСЛИЕ, ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ (НОРМА В МЫШЛЕНИИ, НОРМАЛЬНОЕ МЫШЛЕНИЕ)

1. ЗДРАВЫЙ СМЫСЛ — ВЕЛИЧАЙШАЯ МЫСЛИТЕЛЬНАЯ ЦЕННОСТЬ

Нормальное мышление, здравомыслие, здравый смысл — это всё чрезвычайно важные понятия, обозначающие мыслительную норму. *Вообще здоровье* характеризует нормальное состояние человеческого организма, а *здравомыслие* — нормальное состояние человеческого мышления.

Могут спросить: в чем разница между здравомыслием и мышлением вообще? Понятие здравомыслия указывает на то, что мышление, как и человек вообще, может быть здоровым, нормальным, а может быть нездоровым, больным, ненормальным, патологическим. Если есть здравомыслие, то есть и ненормальное, болезненное, больное, патологическое мышление. В последнем случае я имею в виду не столько больное мышление в психиатрическом, медицинском смысле, сколько ненормальное мышление, существующее в пределах психического здоровья или на грани психического здоровья и болезни. Психически здоровый че-

ловек может мыслить (размышлять, рассуждать), опираясь не на здравый смысл, а на что-то другое, например, подчиняясь воле чувств, предаваясь безудержной фантазии или желая удивить, поразить воображение обывателя.

Здравомыслящее поведение — ядро осмысленного поведения. Осмысленным мы находим все то, что освещено светом разума, мышления. Здравый же смысл мы видим не в том, что является просто осмысленным, а в том, что соответствует нашим представлениям о жизни-здоровье как в масштабах отдельного “я”, так и в масштабах коллективного “я” разных уровней (семьи, коллектива, нации, человечества). Человек, например, может осмысленно (из-за тягот жизни) пойти на самоубийство, но оправдать этот его поступок с позиции здравого смысла никак нельзя. Лишающий себя жизни — тем более лишается здоровья, а это отнюдь не здоровое поведение.

Здравый смысл — величайшая мыслительная ценность, обозначающая границы нормального, здорового мышления, здравомыслия. Регулирующая роль здравого смысла очевидна. Опирайтесь на здравый смысл — значит держать в узде свое мышление, эмоции, воображение, волю, т. е., с одной стороны, направлять мышление в нужное русло, а, с другой, не позволять ему “растекаться по древу”.

Здравомыслие — это когда человек не торопится делать выводы и одновременно не затягивает с выводами, в меру рассудителен и в меру безрассуден, в меру осторожен и в меру смел, в меру верит и в меру не верит, в меру сомневается и в меру не сомневается, в меру надеется и в меру не надеется, в меру боится и в меру не боится¹.

¹“В понятии здравого смысла момент согласованности и сбалансированности сохранился. Обладающий развитым здравым смыслом обычно редко впадает в крайности. Он умеет согласовывать свои слова и поступки. Поскольку он координирует свои действия и обычно не теряет головы в экстремальных или сложных ситуациях, о нем говорят, что он человек “здравый”. Очевидно, что тот, кто обладает здравым смыслом, не даст легко увлечь себя научными и

Здравомыслие — это самооценка в меру, не выше, но и не ниже.

Здравомыслие — это трезвый взгляд на вещи, на жизнь, не через розовые очки, но и не через черные; это взгляд глазами с нормальным зрением, ни опьяняюще-романтический, прекраснодушный, ни цинически-разочаровывающий, мрачный.

Здравомыслящий человек по возможности мыслит логически, не любит парадоксы. Парадоксальное мышление — это либо манерное, либо больное мышление, либо то и другое. В первом случае человек играет, играет в мышление, работает на публику. Ж. Лабрюйер чисто по французски высмеял такое мышление. “Парадоксальный ум, — говорил он, — относится к уму оригинальному так же, как жеманство к грации”. Во втором случае человек находится на грани психического заболевания, его мышление-сознание близко к тому, чтобы быть разорванным, раздвоенным.

С другой стороны, здравомыслящий человек не увлекается логикой до последнего, оставляет место для интуиции, фантазии, полета мысли. Исключительно логично мыслящий человек — рассудочен, нуден в общении (зануда), педант, пунктуалист, действующий как автомат-робот и попадающий от этого обычно впросак.

Здравомыслие — мера во всем, даже в том, чтобы соблюдать меру.

Разница между здравомыслием и здоровым смыслом не по содержанию, а в их отнесенности к разным объектам. Здравомыслие, здравая мысль — это непосредственная нормативная оценка мышления, мысли. Здравый смысл — это опосредованная нормативная оценка мышления, мысли — через оценку того, что человек говорит, делает. Здравый смысл мы ищем не в самом мышлении, а в словах и поступках человека. На это указывают такие выражения: “в том, что он гово-

философскими идеями, которые недостаточно им продуманы и осмыслены”. — В. Шаповалов. Здравый смысл, философия и наука. — В: “Здравый смысл”, 1997, № 3. С. 36.

рит, есть здравый смысл”; “в делах своих, в решениях и предложениях опираться на здравый смысл”; “выступать с позиции здравого смысла”; “он делает так вопреки здравому смыслу”; “противоречит (не противоречит) здравому смыслу”.

2. К ИСТОРИИ ВОПРОСА

В. Шаповаловым недавно была предложена такая версия происхождения понятия здравого смысла:

“Понятие здравого смысла восходит к понятию “общее чувство”, впервые разработанному древнегреческим философом Аристотелем (384-382 гг. до н.э.). Аристотель считал, что помимо пяти чувств — зрения, осязания, слуха, вкуса, обоняния — существует еще одно. Его он назвал общим чувством. Этот термин впоследствии был переведен на латинский язык как *sensus communis*, — откуда он и вошел в европейские языки. Согласно Аристотелю, существуют такие восприятия, которые рассчитаны на прием не одним из пяти чувств отдельно, а всеми. Это, например, фигура, движение или покой, величина и др. Движение мы можем воспринять зрением, осязанием (по создаваемым колебаниям воздуха), слухом и т. д. Общее чувство координирует восприятия отдельных органов чувств. Оно собирает восприятия, общие для всех. Благодаря действию общего чувства, мы воспринимаем не отдельные свойства предмета, а весь предмет целиком. Общее чувство согласует данные отдельных чувств между собой. Оно не дает впасть в крайность или односторонность, — как случилось бы, если бы мы целиком доверились только одному из чувств. Таким образом, общее чувство, в понимании Аристотеля — это основа согласованности и сбалансированности восприятия”¹.

Эта версия, как мне кажется, является несколько узкой и односторонней. Несомненно, аристотелевское “общее чувство” сыграло свою роль в становлении понятия здравого смысла. Но не оно только. Понятия здравомыслия и здравого смысла имеют *свою* историю. И эта история связана скорее с формированием понятий здоровья и мышления (мысли). Во всяком случае, русский язык указывает на это совершенно недвусмысленно: слова “здравый смысл”, “здравомыслие” соединяют понятия здоровья и мышления, мысли, смысла (последнее понятие, несомненно, является

¹ В. Шаповалов. Здравый смысл, философия и наука. — В: “Здравый смысл”, 1997, № 3. С. 36.

мыслительной категорией, очень близкой по своему значению понятию мысли; “смысл” и “мысль” буквально сливаются в словах “осмысление”, “осмыслить”).

Древние греки, да и другие древние народы задолго до Аристотеля имели достаточно ясное представление о том, что такое здравомыслие, здравый смысл. В псевдоплатоновских “Определениях” мы находим, по крайней мере, три термина, характеризующие с разных сторон указанные понятия. Это прежде всего термин “здравомыслие” (εὐνοία): “Здравомыслие (εὐνοία) — стройность мысли”. Затем “рассудительность” и “разумность”:

По свидетельству Диогена Лаэртского стоик Гекастон в книге “О добродетелях” утверждал, что “здоровье сосуществует и последует такой умственной добродетели как здравомыслие (sophrosyne), подобно тому, как свод бывает крепок, когда он умело возведен” (VII, 90. С. 274)

В Новое время понятие здравого смысла как бы заново рождается и прежде всего как критерий для отличения разумного от неразумного (иррационального).

Так у Д. Локка “здравый смысл” противопоставляется безудержной фантазии, “естественному суеверию”, странным мнениям, нелепым религиозным обрядам, религиозному исступлению, фанатизму.

Д. Локк еще не проводил различия между разумом и здоровым смыслом. Об этом свидетельствует следующий фрагмент:

“Думать о каждой вещи именно так, как она есть сама по себе — в этом настоящее назначение разума, хотя люди не всегда пользуются им для этого. Все немедленно соглашаются с тем, что именно таков правильный способ использования разума, к которому должен прибегать каждый. Никто не будет бросать прямой вызов **здравому смыслу** (выделено мной — Л.Б.), заявляя, что мы не должны стараться познать вещи и судить о них, как они суть сами по себе”¹.

В самом деле, “разум” и “здравый смысл” — близкие по смыслу понятия и в ряде случаев могут использоваться как синонимы. Между мышлением вообще (а

¹ Там же. С. 229.

слово “разум” употребляется нередко Локком, да и многими другими философами, именно в этом значении) и здравомыслием не очень большая разница. В своей основе человеческое мышление является здоровым, буквально, здравомыслием. И лишь в некоторых ситуациях оно может давать сбои, быть болезненным, больным, патологическим.

Д. Юм в своих работах часто использовал понятие здравого смысла и именно как нормативную, мерную категорию, с помощью которой человек избегает крайностей в своих суждениях и оценках, старается держаться золотой середины.

Юм вслед за Локком рассматривал здравый смысл как защиту-преграду от иррационалистических измышлений. В одном месте он язвительно замечает:

“Если бы это богословие не выходило за пределы разума и здравого смысла, его доктрины казались бы слишком легкими и общеизвестными. По необходимости приходится возбуждать изумление, прибегать к таинственности, стремиться к темноте и неясности и представлять возможность проявлять свои качества тем благочестивым приверженцам, которые желают воспользоваться случаем, чтобы укротить свой непокорный разум с помощью веры в самые непостижимые софизмы”¹.

В русском языке, как я уже говорил, существует целое семейство слов, словосочетаний, характеризующих в разных аспектах понятие здравого смысла: это и здравомыслие, и здравая мысль, и больной, гнилой смысл, и т. д.

То же мы наблюдаем в английском языке. Это и *common sense*, и *judiciousness* (здравомыслие), и *gut sens...*

Во французском языке здравый смысл звучит как *bon sens* (буквально: хороший, добрый, благой смысл) — так еще у Декарта в “Рассуждении о методе”.

Здравый смысл никоим образом нельзя оценивать как чувство. В основе здравого смысла лежит мысль, мышление. Чувство в двух своих основных значениях — как эмоция и как ощущение — ничего общего с мыслью, мышлением не имеет. В переносном смысле,

¹ Д. Юм. Естественная история религии. Гл. XI. — В: Д.Юм. Соч. в 2-х т.т. Т. 2, М., 1996. С. 353.

конечно, возможно употребление слова “чувство” в значении, близком к “мысли”, “мышлению” (например, в выражении “у меня такое чувство”, которое означает догадку, чутье, наитие). Но переносное значение — слишком нетвердая почва для определения понятий. Еще хуже оценивать здравый смысл как чувство *общего блага*. Какое-то бессмысленное выражение. Или как в программе национал-социалистической немецкой рабочей партии (NSDAP): “общее благо выше личной выгоды”? Здравый смысл не имеет никакого отношения к понятию общего блага, ни через Аристотеля, ни через *communis sensus*. Здравый смысл, как мера, норма, одинаково спокойно относится к общему и частному, к общественному и индивидуальному, одинаково принимает их в свое лоно, умеряет их.

Здравым смыслом обладает подавляющее большинство людей. Если человек дожил до взрослого возраста, то он по определению обладает здравым смыслом. Без здравомыслия и шагу нельзя сделать во взрослой жизни. Человек нездравомыслящий очень быстро попадает в ситуацию, делающую его больным, инвалидом или даже лишаящую его жизни.

3. ПРОТИВ ОЦЕНКИ ЗДРАВОГО СМЫСЛА КАК ДЕЙСТВУЮЩЕГО ЛИШЬ В “СТЕНАХ ДОМАШНЕГО ОБИХОДА”

Здравый смысл порой оценивают как нечто сугубо ограниченное, действующее лишь “в стенах” домашнего обихода... Длительное время в нашей стране господствовала точка зрения Ф. Энгельса, отождествлявшая здравый смысл с метафизическим (т.е. антидиалектическим) мышлением. Ф. Энгельс писал: “Этот (метафизический — Л.Б.) способ мышления кажется нам на первый взгляд совершенно очевидным потому, что он присущ так называемому здравому смыслу. Но здравый человеческий смысл, весьма почтенный спутник в четырех стенах своего домашнего обихода, переживает самые удивительные приключения лишь только он отважится выйти на широкий простор исследования. Метафизический образ мышления, хотя и

является правомерным, и даже необходимым в известных областях, более или менее обширных, смотря по характеру предмета, рано или поздно достигает тех пределов, за которыми он становится односторонним, ограниченным, абстрактным и запутывается в неразрешимых противоречиях, потому что за отдельными вещами он не видит их взаимной связи, за их бытием — их возникновения и исчезновения, из-за их покоя забывает их движение, за деревьями не видит леса...” (Анти-Дюринг. Введение.)

Это пренебрежение здравым смыслом дорого обошлось нашей стране. Безумные утопические проекты последователей К. Маркса — Ф. Энгельса в России, большевиков-коммунистов, стоили гигантских материальных и людских жертв. Ф. Энгельс был безусловно неправ, когда оценивал здравый смысл столь односторонне. Пренебрежение здравым смыслом — это пренебрежение умственным здоровьем. Ведь здравый смысл — отнюдь не нечто ординарное, обыденное, консервативное. Здравый смысл — *здоровое* мышление! А здоровое мышление, здравомыслие действует везде! И в “стенах домашнего обихода”, и в незнакомых ситуациях, и в экстремальных условиях. Руал Амундсен первым дошел до Южного полюса и остался жив. А Роберт Скотт дошел лишь вторым и на обратном пути погиб. Почему? Потому что в действиях Амундсена было больше здравого смысла, чем в действиях Скотта. Амундсен воспользовался испытанным средством передвижения в полярных странах — собачьими упряжками. Скотт же решил попробовать таких экзотических животных как пони (карликовые лошади).

К сожалению, подобное понимание здравого смысла (как чего-то ординарного) проникает в справочные издания¹.

Большое заблуждение представлять здравый смысл как что-то поверхностное. Здравый смысл нужен и при разработке абстрактных научных теорий, и в глубоко-

¹ См., например: Краткая философская энциклопедия. М., 1994. С. 164.

мысленных философских рассуждениях. Относительно последних можно даже сказать: нет глубокомыслия там, где нет здравого смысла. А то, что считают глубокомысленным, но противоречащим человеческому здравому смыслу, на самом деле не является таковым. Ведь глубокомыслие путают порой с туманными, неясными, сложными выражениями, рассуждениями.

Здравый смысл бывает ординарным и неординарным. Ординарно здравомыслящий человек может не понять неординарно здравомыслящего. И наоборот, для неординарно здравомыслящих людей ординарное здравомыслие может показаться пресным, скучным, серым.

В любом случае пренебрежительно-уничтожительное отношение к здравому смыслу как таковому — симптом нездравомыслия, того, что у человека не всё в порядке с головой.

4. ПРЕДЕЛЫ ЗДРАВОВОГО СМЫСЛА

Здравомыслие — фундамент, основа для принятия разумных решений. Как здоровье нужно человеку для полноценной, деятельной жизни, так и здравомыслие нужно ему для полноценного, деятельного мышления.

С другой стороны, здравомыслие необходимо, но недостаточно. Здесь опять можно сравнить его со здоровьем вообще. Здоровье само по себе не гарантирует человеку полноценной, полнокровной жизни. Оно лишь условие, предпосылка такой жизни. Если здоровый человек ведет себя очень скромно, “не хватает звезд с неба” (субъективный фактор) или “в тисках обстоятельств” (объективный фактор), то он не реализует себя в полной мере как творческое, деятельное существо. Точно так же и здравомыслие. Оно лишь условие, предпосылка для творческого мышления, для полета мысли. Оно отнюдь не гарантирует принятие разумных решений, не защищает в полной мере человека от ошибок.

Можно продолжить аналогию здравомыслия со здоровьем. Как здоровье не бывает абсолютным, идеальным (а лишь практическим), так и здравомыслие не

бывает идеальным. Абсолютно здравомыслящих людей не бывает!

5. РАЗНОКАЧЕСТВЕННОСТЬ И РАЗНОКОЛИЧЕСТВЕННОСТЬ ЗДРАВОМЫСЛИЯ

Далее, как здоровье разное у разных людей, индивидуализировано и типологизировано, так и здравомыслие разное у разномыслящих людей, индивидуализировано и типологизировано. Говорят о разном качестве и разном количестве здоровья. Точно также можно говорить о разном качестве и количестве здравомыслия.

Разнокачественность здравомыслия обнаруживается прежде всего в следующем. У одного человека оно *логически* ориентировано (хороший “логик”), у другого — *интуитивно* ориентировано (с хорошей интуицией), у третьего — одинаково (сильно, средне, слабо) выражены логическая и интуитивная составляющие мышления. Сравните: здоровье Аполлона и здоровье Геркулеса, здоровье крестьянина и здоровье горожанина.

Далее, разнокачественность здравомыслия выражается в различном соотношении *конструктивной* (позитивной, утвердительной) и *критической* (скептической) составляющих мышления. У одних здравомыслящих людей больше выражена конструктивная (утвердительная) составляющая мышления, а у других — критическая, скептическая составляющая мышления. Конечно, при нарушении баланса конструктивного и критического мышления мы можем наблюдать нездравомыслие: в одном случае догматизм, легковерие, фанатизм, в другом — всеразрушающий скептицизм, недоверчивость, болезненная мнительность.

(Когда говорят о здоровом скептицизме, то имеют в виду, что человек, с одной стороны, не догматик, не фанатик, а, с другой, в меру скептивен, не злоупотребляет скепсисом).

Разноколичественность здравомыслия выражается в том, что один человек в большей степени здравомыслящ, другой — в меньшей. Сравните: крепкое и

слабое здоровье.

Далее, один и тот же человек может быть здоровомыслящим в решении относительно простых задач, касающихся, например, быта, удовлетворения органических потребностей, и нездравомыслящим при решении сложных задач, требующих от человека широты мышления, обширных познаний. Верующий-фанатик может нормально мыслить в пределах своего дома, семьи, хозяйства и патологически мыслить в более широком контексте социального поведения, например, делая выбор в пользу террора, убийства, самоубийства и т. п.

6. ЗДРАВОМЫСЛИЕ МОЖНО РАЗВИВАТЬ И КОРРЕКТИРОВАТЬ

Здравомыслие не является чем-то данным от природы, от бога. Это — развивающаяся категория. Оно может развиваться и само по себе, и в результате сознательных усилий.

Естественным образом здравомыслие развивается по мере взросления человека. Здравомыслие ребенка весьма ограничено, неразвито, буквально является комнатно-домашним. Такого здравомыслия не хватает для того, чтобы вести самостоятельную жизнь. Здравомыслие взрослого человека — это *развитое* здравомыслие. Благодаря ему взрослый человек *способен* к самостоятельной жизни.

В свою очередь, у взрослых людей здравомыслие может быть развито в большей или меньшей степени и в разных направлениях. У всех взрослых имеется некоторое базовое здравомыслие (как основной обмен веществ в организме). Над ним надстраиваются и развиваются специализированные здравомыслия — в зависимости от того или иного вида профессиональной деятельности. Здравомыслие философа — одно, здравомыслие ученого — другое, здравомыслие художника — третье, здравомыслие политического деятеля — четвертое и т. д. Очень разнятся между собой здравомыслие крестьянина и горожанина.

Здравомыслие нуждается в постоянной подпитке и

тренировке. Оно уменьшается как шагреневая кожа, если человек бездействует, не эксплуатирует свой мозг. Для здравомыслия нужен труд мысли! Вместе с тем, чем образованнее и культурнее человек, тем при прочих равных условиях развитие его здравомыслие.

7. НЕЗДРАВОМЫСЛИЕ, БОЛЬНОЙ СМЫСЛ

non compos mentis (лат.) — не в здравом уме

Как помимо здоровых людей есть много болеющих, больных, инвалидов, так и помимо здравомыслящих есть много людей с болезненным, больным или даже инвалидным мышлением. Мыслительные патологии также многообразны, как многообразно здравомыслие. В количественном плане патологическое мышление можно подразделить на болезненное, больное и инвалидное. В качественном плане патологическое мышление можно подразделить на догматическое и сверхкритическое, сверхлогическое (рационалистическое) и сверхинтуитивное (иррационалистическое).

Пример иррационального мышления — мистическое умонастроение.

Нездравомыслие не всегда бывает выражено явно. Порой его трудно распознать. Человек может обладать литературным талантом, краснО говорить и при этом источать ядовитые мысли. Известен также феномен ложной мудрости.

Говорят: рыба гниет с головы. Последствия от нездравомыслия бывают весьма печальные. В наше время, когда взаимовлияние людей значительно усилилось, нездравомыслие отдельных философов, писателей, политиков может быть губительным для многих людей, чревато негативными социальными последствиями...

Отслеживать, изучать, изобличать различные формы больного мышления и, напротив, развивать, пропагандировать философию здравого смысла — двуединая задача, от решения которой зависит судьба человечества.

8. КАК МЫ ДУМАЕМ, ТАК И ЖИВЕМ

Наша жизнь зависит от качества и направления наших мыслей. **Как мы думаем, так и живем. Лучше думаем — лучше живем.**

Что значит лучше думать?

1. Лучше думать — это значит соблюдать баланс между логикой и интуицией; по возможности мыслить логически, не скачками и озарениями, а анализом и рассуждением.

2. Лучше думать — это значит научиться управлять своими мыслями.

3. Лучше думать — это значит настраивать себя на хорошее и лучшее, быть оптимистом.

4. Лучше думать — это значит ничего не принимать на веру и не отвергать с порога, в меру сомневаться и в меру верить-доверять.

Д.Карнеги писал:

«Все на свете ищут счастья — и существует один верный способ найти его. Для этого *вы должны научиться управлять своими мыслями*. Счастье не зависит от внешних условий. Оно зависит от условий внутреннего порядка.

Вы счастливы или несчастны не благодаря тому, что вы имеете, и не в связи с тем, кем являетесь, где находитесь или что делаете; *ваше состояние определяется тем, что обо всем этом думаете* (курсив мой — Л.Б.). Например, два человека могут находиться в одном и том же месте и заниматься одним и тем же; оба могут иметь примерно одинаковое количество денег и одинаковое положение — и все же один может быть несчастен, а другой — счастлив. Почему? Вследствие различия в их умонастроениях. Я встречал не меньше счастливых лиц среди китайских кули, в поте лица работавших при изнурительной жаре в Китае за семь центов в день, чем встречаю на Парк-авеню в Нью-Йорке.

По утверждению Шекспира, ничто не является хорошим или плохим, — все зависит от того, как мы смотрим на вещи.

Эйб Линкольн однажды заметил, что «большинство людей счастливы настолько, насколько они решили быть счастливыми». Он был прав. Не так давно я видел наглядную иллюстрацию, подтверждающую справедливость этой истины. Я поднимался по лестнице на станции метро «Лонг-Айленд» в Нью-Йорке. Прямо передо мной с огромным трудом преодолевали ступени примерно тридцать—сорок мальчиков-калек, опиравшихся на палки и костыли. Одного мальчугана несли на носилках. Меня удивило, что они веселы и смеются, и я сказал об этом сопровождавшие-

му их человеку. «О да, — ответил тот, — когда ребенок знает, что останется калекой на всю жизнь, он вначале бывает потрясен, а затем, когда это состояние у него проходит, он обычно покоряется своей судьбе и становится счастливее здоровых детей».

У меня было желание снять перед этими ребятами шляпу. Они преподали урок, который, надеюсь, никогда не забуду.

Бывший игрок бейсбольной команды «Сент-Луис кардиналс», ныне один из наиболее преуспевающих страховых агентов в Америке Франклин Бетджер сказал мне, что много лет назад он понял, что человека с улыбкой на лице всегда принимают радушно. Поэтому перед тем, как войти к кому-то в кабинет, он всегда на мгновение останавливается и думает о тех многих вещах, за которые должен быть благодарен судьбе, и на лице его появляется широкая, неподдельная улыбка; и когда он входит в комнату, лицо его еще сохраняет следы этой улыбки.

По его мнению, этот простой прием играет серьезную роль в его необычайных успехах на поприще страхования.»

(Карнеги Д. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. М.-Баку. 1990. С. 96-97).

ХІІ. ФИЛОСОФАМ — О ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ (СОФОЛОГИИ)

1. О ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ И НЕОБХОДИМОСТИ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРАКТИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ (СОФОЛОГОВ)

*Практическая философия (софология) — это философия, имеющая целью воздействовать на людей силой мысли через посредство слова, убеждения — в процессе живого общения (консультации-беседы, собеседования, дискуссии, анализа конкретной ситуации). А **практический философ, софолог** — это философ, который организует службу консультирования-собеседования-исповедания. Его задача: консультирование и собеседование по основным вопросам жизни, развития, любви, творчества, здоровья.*

Перед нами, философами, стоит поистине историческая задача: создать институт практических философов (софологов), создать моду на философов, как уже создана мода на психологов.

ЗАЧЕМ НУЖНА ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ? АРГУМЕНТЫ В ПОЛЬЗУ ВВЕДЕНИЯ ИНСТИТУТА ПРАКТИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ

1. Философ, в отличие от представителей других профессий (психологов, врачей, юристов, сексологов, священников и т. д.), целостно рассматривает человека, во всех его жизненных проявлениях. Именно он способен разговаривать с человеком как с человеком, учитывать все аспекты человеческого бытия-опыта и как бы дирижировать всем инструментарием воздействий на человека. Психолог-психоаналитик ищет решение человеческих проблем в психике, врач — в восстановлении здоровья, юрист — в эффективном использовании законодательства и т. д. Лишь философ может оценить, какое средство следует использовать в тех или иных ситуациях. И именно он может предло-

жить комплексное использование различных средств, т. е. координировать-дирижировать.

О человеке говорят и пишут многие: писатели, ученые разных специальностей, религиозные деятели, философы... Писатели-художники изображают человека исключительно с субъективной стороны. Ученые исследуют его как объект. Они — объективисты. Религиозные деятели говорят и пишут о человеке лишь в связи со своей верой в сверхъестественное; для них человек — деятель-субъект постольку, поскольку воплощает, реализует потустороннее, надчеловеческое начало. Это всё односторонние точки зрения.

Лишь философу по плечу всеохватный взгляд на человека. Для него человек — и субъект, и объект, и един, и неедин, и “я”, и “мы”, и индивид, и человеческий род. Такой взгляд на человека обусловлен спецификой философа как универсального мыслителя.

Конечно, и философы могут специализироваться и быть ограниченными в своих предпочтениях. Тем не менее по сравнению с другими “человековедами” они в большей степени ориентированы на универсализм во взгляде на человека. По крайней мере, именно среди них встречаются мыслители, которые стремятся к этому универсализму. Перефразируя известное утверждение Пико делла Мирандолы “кто не философ, тот не человек”, скажем: именно философ и только философ может полноценно ответить на вопрос “что такое человек?”.

2. Кроме того, философ располагает таким средством решения человеческих проблем, каким не располагает профессионально ни один представитель какой-либо другой человечески-ориентированной деятельности. Этим средством является *мысль*. Профессиональный философ — это человек, сделавший мышление (рассуждение, аргументацию, критику) своей профессией. И именно он, только он, может профессионально использовать мысль-мышление в качестве средства воздействия на человека для решения его проблем.

3. Нужно иметь в виду, что философия незримо присутствует в сознании людей, хотя бы они этого или

нет. Люди так или иначе обсуждают философские проблемы, не называя их философскими. Эти обсуждения большей частью неквалифицированные и невежественные. Целое море псевдофилософских рассуждений можно встретить в теле- и радиопередачах, в кинофильмах, в книгах, газетах и журналах. Кроме того, многие специалисты-человековеды (психологи, врачи, юристы, священники и т. д.) помимо сугубо профессиональных разговоров и рекомендаций ведут со своими клиентами чисто философские беседы и дают советы философского характера. Они работают, по существу, на поле практической философии. Естественно, что все эти обсуждения и рекомендации в большинстве случаев оставляют желать лучшего. А где же мы, философы-профессионалы? — У нас либо междусобойчик (вращаемся в узком кругу своих коллег), либо преподаем философию. Весь огромный мир живой, житейской, практической, естественной философии остается за бортом нашего внимания, понимания, наших интересов. Так давайте же переломим эту ситуацию, пойдем в народ, будем непосредственно работать с людьми, вместе с ними решать их фундаментальные вопросы жизни. Не с массами, не с аудиторией (как в случае со студентами или читателями), а с каждым желающим индивидуально! *Суть практической философии (софологии) именно в этом: в эксклюзивности, в адресности, в индивидуальном подходе.* А. В. Соколов еще в 1988 г. писал: “Для того, чтобы продемонстрировать практическую полезность, философия должна дать отвечающий потребностям индивидуальной повседневной практики продукт. Таким продуктом может служить “практическая философия”. Философия может быть полезной человеку как жизнеучение, как мудрость. В этой своей функции она в состоянии успешно конкурировать с религией, также выступающей по отношению к индивиду как жизнеучение. Философия способна дать жизненную мудрость, рационально обоснованную, вытекающую из теоретического мировоззрения, в то время как религиозное жизнеучение опирается на иррационально воспринятое антропоморфное, мифологическое мировоз-

зрение.

Значительным недостатком современного этапа развития философии в СССР как раз и является отсутствие в ней такой “практической философии”, которая соответствовала бы запросам повседневной практики человека”¹. Давно нет СССР, а проблема осталась.

4. Некоторые философы считают, что философия не должна снисходить до отдельного человека. Вот что, например, писал О. Г. Дробницкий: “Философия... в силу предельной общности решаемых ею вопросов не может претендовать на то, чтобы быть повседневным наставником человека в частных житейских ситуациях. Рассмотрение проблем бытия в масштабах человечества, истории, входящее в задачу философии, не следует дедуцировать на конкретные обстоятельства, выводя решения на все случаи жизни. В обыденных ситуациях человек не рассуждает как философ, и не потому только, что невозможно поднять мирское сознание каждого до уровня предельных абстракций, а потому, что жизненная позиция индивида в перипетиях личного опыта не всегда может быть непосредственно выведена из его мировоззрения. Попытки во всех случаях устанавливать такую строгую зависимость могут привести лишь к педантичному доктринерству, опошляющему само понятие философии”².

Такой взгляд на философию обусловлен, с одной стороны, ее пониманием как очень далекой от конкретного человека, а, с другой, пониманием проблем конкретного человека как ничтожных для философии. В том и другом случае мы имеем дело со своеобразным философским платонизмом, т. е. с абсолютизацией общего-всеобщего и недооценкой единичного, отдельного, специфического. Да, действительно, философия занимается вопросами предельной общности. Но ведь и каждый отдельный человек задумывается

¹ См.: А.В.Соколов. Объективные трудности и пределы сближения философии с жизнью. — В: Характер и способы связи философии с жизнью (тезисы к научной конференции). М., 1988. С. 61-61.

² См.: сб. “Наука и нравственность”, М., 1971. С. 290-291.

над подобными вопросами. Нет общего без отдельного, единичного, как нет и единичного без общего. Любой самый фундаментальный вопрос перипетиен, ситуативен, зависит от конкретной жизни конкретного человека, от его особенностей и особенностей его жизни. И, наоборот, любая конкретная жизненная проблема тысячами нитей связана с решением общих вопросов. Задача практического философа: постоянно высвечивать, проявлять эту связь общего и отдельного, связь фундаментальных философских и конкретных жизненных вопросов¹. Здесь можно провести параллель между практическим философом и судьей. Судья занимается тем, что сопоставляет конкретные данные по делу с нормами права и на основе этого принимает решение. И философ, консультирующий, ведущий беседу, должен не просто подводить частное под общее, а установить (найти-рассмотреть-оценить) связь частного с общим. (Здесь на ум приходит кантовская “способность суждения”. Вот что писал о ней А. В. Гулыга: “Если рассудок устанавливает правила, то способность суждения дает умение пользоваться этими правилами в каждом отдельном случае; фактически это ум, смекалка. Судье, скажем, мало знать законы; если он их формально применяет, то может получиться “верно, да скверно”, судить надо с умом, учитывая все обстоятельства дела. В фольклоре за-

¹ Замечательный русский философ А.Ф.Лосев по другому поводу писал: «Философы-диалектики, вскрывая многосложную логическую структуру вещи, хотя и базировались на указанных простейших наблюдениях, очень часто увлекались этими невылазными дебрями мысли настолько, что ни о каких простейших положениях уже не могло быть и речи ни у них самих, ни у их читателей. Возражать против сложности и тонкости диалектической мысли не приходило: эта сложность и тонкость действительно велики. И тут нельзя просто отвернуться и употребить ругательное выражение «схоластика». Однако мы совершенно вправе требовать, чтобы *всякая сложность и тонкость диалектически отвечала простейшему жизненному опыту*, чтобы при всех своих усложнениях и утончениях мысль имела прямую и очевидную связь с обывательскими и повседневными наблюдениями». — А.Ф.Лосев. Миф—Число—Сущность. М., 1994. С. 409 («Самое само»).

фиксирован образ простофили, который действует стандартно, а поэтому постоянно попадает впросак. Кант сказал бы, что у простака не хватает определяющей способности суждения, так он называл умение применить общее к частному.”¹

В самом деле, любую мысль, любую идею можно скомпрометировать, опорочить, если подать ее не ко времени и не к месту. Искусство практического философа (софолога) должно заключаться в том, чтобы общие идеи-мысли находили отклик в душе человека и чтобы при их “заземлении” не было “короткого замыкания”, но шел ток конкретной мысли в голове конкретного человека.

5. Контакт философа-профессионала с нефилософом до сих пор ограничен либо преподаванием философии, либо через философские тексты, либо устными выступлениями перед той или иной аудиторией, либо немногочисленными общениями на разных форумах (конференциях, семинарах, симпозиумах и т. п.). В одних случаях контакт односторонен, в других размыт в разных коллективных общениях. *По-настоящему общение философа с нефилософом возможно лишь в индивидуальной живой беседе, специально для этого предназначенной.* Безусловно прав был Платон, когда указывал на недостаточность философских текстов и необходимость живого контакта философа с нефилософом².

6. Введением института практических философов (софологов) возрождается хорошая древняя традиция. В античную эпоху уже был подобный институт практических философов. Это софисты, учителя мудрости, учителя жизни. Среди них были, правда, и такие, кто учил лжемудрости, пустословию, софистике. Тем не менее, изначально в деятельности софистов было рациональное зерно. Своими беседами, дискуссиями и мудрыми советами они реально помогали людям.

7. Про беседы с умными людьми народ сочинил

¹ А. Гулыга. Кант. М., 1977. С. 177.

² См. об этом ниже, стр. [Практ. философия в истории челов. мысли, Платон].

добрые поговорки. «С умным разговориться, что меду напиться» (русская поговорка) «На свой ум надейся, а за чужой держись (то есть советом других не пренебрегай)». «В умной беседе ума набраться, в глупой свой растерять».

ЦЕЛИ РАБОТЫ (КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ-БЕСЕДЫ) ПРАКТИЧЕСКОГО ФИЛОСОФА (СОФОЛОГА)

1. Прояснение смысла жизни.
2. Содействие в поисках жизненно важных ответов (куда идти? что делать? какой путь выбрать? что такое добро?).
3. Создание интеллектуальных предпосылок для выхода из конфликтных ситуаций (житейских, профессиональных, творческих, любовных, семейных...).
4. Философская терапия (утешение и лечение философией).
5. Профилактика (предупреждение) возможных ошибочных решений, аморальных поступков, преступлений, суицида.

МЕТОДЫ И ФОРМЫ РАБОТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФИЛОСОФА

1. Философское консультирование (вопросы и ответы).
2. Беседа, дискуссия, диалог.
3. Анализ конкретных ситуаций.
4. Разговор по душам (дать возможность высказать всё накопившееся-наболевшее, сверить свои мысли с мыслями философов, ликвидировать или минимизировать пробелы, белые пятна в понимании себя и других).
5. Откровенный разговор (с обязательным условием сохранения тайны)
6. Практические советы, разъяснения, аргументация, убеждение, критика.

Основные методы обсуждения проблем: метод антитез и метод альтернатив/вариантов.

При использовании *метода антитез* выдвигается тезис (философом или собеседником); излагаются ар-

гументы за и против тезиса; окончательный вывод предоставляется собеседнику.

При использовании *метода альтернатив/вариантов* выдвигаются разные альтернативы ответа на вопрос или варианты решения проблемы; затем эти альтернативы/варианты обсуждаются; окончательный выбор альтернативы/варианта предоставляет собеседнику.

Могут быть использованы и такие методы:

1) метод рассказа-лекции (философ активен — собеседник пассивен);

2) метод выслушивания-исповеди (философ пассивен — собеседник активен);

3) смешанный метод лекции-выслушивания (попеременная активность философа и собеседника).

Эти методы можно назвать *методами повествования*. Их цель — дать человеку выговориться-исповедаться или утолить его любознательность, ликвидировать переживаемый им информационный голод.

Методы повествования не являются такими эффективными, как методы антитез/альтернатив/вариантов. Тем не менее они могут быть использованы, если собеседник предпочитает повествовательный стиль беседы рассуждению-аргументации-анализу.

Кроме указанных методов весьма эффективным является *метод вопросов и ответов*. Вопросы могут задаваться как философом, так и собеседником.

Практический философ должен быть всесторонне образованным, многое знать и уметь, быть в хорошем смысле всезнайкой и всеумейкой. Конкретно, в ситуации консультирования-собеседования он должен быть немного психологом, немного врачом, немного артистом, немного тренером и т. д. Это нужно ему прежде всего для того, чтобы он мог выполнять функции координатора-дирижера в тех случаях, когда клиент нуждается не только в его услугах, но и в услугах других специалистов.

ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ СОФОЛОГА В СИТУАЦИИ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ-СОБЕСЕДОВАНИЯ

1. Максимум уважительного отношения к клиенту.
2. Конфиденциальность беседы, безусловная тайна исповеди.
3. Соблюдение принципа “не навреди”.

ТЕМЫ ДЛЯ ФИЛОСОФСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ, БЕСЕДЫ-ОБСУЖДЕНИЯ

Общие темы:

Что такое жизнь?

Смысл жизни. В чем он?

Цель жизни.

Жизнь, смерть, бессмертие.

Оптимизм и пессимизм.

Исповедь (потребность высказаться, излить душу).

Человеческое счастье. В чем оно?

Любовь.

Проблемы брака и семьи.

Проблема выбора профессии (для вступающих во
взрослую жизнь)

Профессиональная деятельность. Творчество.

Добро, красота, истина.

Проблема общения.

Правила поведения в обществе. Этические пробле-
мы.

Золотое правило поведения.

Добро и зло. Что считать добром, а что злом.

Правила хорошего тона, культура поведения, эти-
кет.

Здоровье и болезни. Предупреждение заболеваний.

Образ жизни, развитие, активное долголетие.

Физическая культура в жизни человека.

Самосовершенствование.

Как мы думаем?

Как развивать мышление?

Как научиться искусству рассуждения, аргумента-
ции?

Как развить интуицию?

Как устроен мир? Мировоззренческие вопросы.

Знание и вера.
Сомнения в религиозной вере.
Человеческие предрассудки, заблуждения. Как их
распознавать?

Что может дать философ? Какова роль философии
в жизни людей?

Специальные темы:

Проблема воспитания детей.

Проблема взаимоотношения родителей и детей.

Проблема выхода из конфликтных ситуаций.

Проблема несчастной, безответной любви.

Проблема супружеской неверности.

Решение профессиональных, творческих задач.

Преодоление творческих кризисов.

Проблема алкоголизма.

Проблема наркомании.

Проблема суицида (самоубийства).

Утешение философией (в ситуациях человеческого
несчастья — потери близких, калечения,
инвалидности, тяжелой или смертельной болезни, ка-
тастроф и т. д.).

ЭФФЕКТЫ ОТ БЕСЕДЫ/БЕСЕД С СОФОЛОГОМ

1. *Эффект взгляда со стороны.*

Когда человек “варится в собственном соку”, то он
как бы заикливается, движется по кругу и в итоге
оказывается в тупике решения. Беседа с философом
позволяет человеку взглянуть на свои дела и пробле-
мы как бы со стороны. В принципе любой собеседник
может быть полезен в данной ситуации. В чем же пре-
имущество профессионального философа? А в том,
что философ — по определению — широко, универ-
сально мыслящий человек и к тому же всезнайка (в
хорошем смысле). Его “взгляд со стороны” как бы
объемнее (глубже и полнее).

2. *Эффект фермента (катализатора или ингиби- тора).*

Философ может быть полезен в беседе как человек,
помогающий собеседнику ускорить мыслительный
процесс в нужном направлении или, напротив, затор-

мозить, подавить этот процесс, если он нежелателен.

3. *Эффект доброжелательного слушателя-исповедника (выпускного клапана)*. Человеку нередко хочется просто выговориться, рассказать о себе, своих проблемах доброжелательному-умному собеседнику. Когда человек говорит о себе и своих проблемах, то он начинает активно думать, рефлексировать, анализировать себя и свои проблемы, смотреть на себя как бы со стороны. В результате активизации этого процесса (саморефлексии, самонаблюдения, самоанализа) открывается реальная возможность нахождения правильного ответа или решения самим человеком.

Порой бывает достаточно человеку выговориться, чтобы сбросить эмоциональное напряжение (излишнее беспокойство, страх), чтобы уяснить для самого себя некоторые непростые вопросы. Здесь философ выполняет в чистом виде роль выпускного клапана.

Для человека, предрасположенного к отрицательной самооценке (мнительного), разговор с философом может сыграть роль стабилизатора.

Тот же эффект может быть в случае, если человек склонен к завышенной самооценке (большое самомнение, заносчивость, высокомерие и т. п.). Философ может тактично указать на этот недостаток и тем самым помочь человеку скорректировать мнение о себе.

ЗАДАЧИ СОФОЛОГА

1) побудить человека думать, мыслить, анализировать, рассуждать;

2) содействовать человеку в его думании-размышлении.

3) содействовать человеку в оформлении своих мыслей в слова и действия.

4) помочь человеку стать немного философом.

1. *Побудить думать*. Спрашивать, задавать вопросы, предлагать альтернативы, варианты, указывать на противоречия, несоответствия. Быть шмелем, оводом, колоколом, набатом; будить от умственной спячки, подстегивать к размышлению.

2. *Содействовать в думании*. Быть собеседником.

Спрашивать и отвечать. Говорить и слушать. Аргументировать, обосновывать и критиковать, доказывать и опровергать. Быть ферментом-ускорителем умственного процесса.

3.1. *Содействовать в оформлении мыслей в слова.* Учить искусству речи, выступления, письма.

3.2. *Содействовать в превращении мысли в действие.* Условия превращения мысли в действие: 1) бороться с вялостью мысли, 2) преодолевать нерешительность, инертность.

4. *Помочь стать немного философом.*

4.1. Научиться видеть проблемы как бы с высоты птичьего полета. Научиться видеть "за деревьями лес" или "за лесом отдельные деревья".

4.2. Научиться видеть как бы со стороны. Быть не только участником, но и сторонним наблюдателем. Некоторая отстраненность. Объективизм в хорошем смысле.

4.3. Научиться видеть проблемы с разных, в том числе противоположных, сторон, точек зрения, объемно.

4.4. Выработать потребность в думании-размышлении-анализе-рассуждении. Минимизировать импульсивные решения и действия.

Философ, софолог должен избегать давать советы. Почему? Совет — это, как правило, рецепт — как себя вести, что делать, как поступить в той или иной ситуации. Если философ дает совет, то этим он лишает человека возможности самому думать и принять решение самостоятельно, на основе *своих* мыслей. В таком случае философ поступает противоположно тому, что он должен делать на самом деле. Он, в сущности, вторгается на чужую территорию (и тех, кто должен сам думать, и тех, кто профессионально обязан давать советы, рекомендации). Главное же, он фактически не позволяет человеку развиваться самостоятельно.

Если философ хочет повлиять на поведение человека, то он должен делать это не через назидание-совет, а через приглашение-побуждение к размышле-

нию, через содействие в мыслительном процессе.

ОРГАНИЗАЦИЯ РАБОТЫ ПРАКТИЧЕСКИХ ФИЛОСОФОВ (СОФОЛОГОВ)

Практические философы, софологи могут работать как **индивидуально**, так и объединяться с другими, организуя для этого **центры практической философии (софологии)**.

Условия работы практического философа, софолога могут быть самые разные: от приема клиента в офисе до общения в неформальной обстановке (на прогулке, при посещении музея, выставки, театра, концерта), в домашней обстановке, в путешествии, за трапезой и т. д.)

В перспективе следует создать **ассоциацию практических философов (софологов)** и выработать правила приема в ассоциацию. Такая ассоциация могла бы выполнять функции, аналогичные функциям коллегии адвокатов. Это нужно прежде всего для того, чтобы создать заслон для проникновения в практическую философию (софологию) шарлатанов и дилетантов. Безусловно, к работе практических философов (софологов) должны допускаться только дипломированные философы (имеющие диплом высшего учебного заведения по специальности “философия” или диплом кандидата [доктора] философских наук). В идеале практические философы (софологи) должны иметь специальную подготовку, т. е. помимо общего философского образования они должны получать специальное образование именно как практические философы (софологи).

Центры практической философии (софологии) создаются с целью организации службы философского консультирования-собеседования.

Направления работы Центров:

1) оказание услуг населению (философское консультирование [вопросы и ответы], собеседование [обмен мнениями, диалог], анализ конкретных ситуаций, исповедь [откровенный разговор], комментирование-оценка [в ситуации посещения, осмотра чего-

кого-либо]);

2) индивидуальное обучение философии (в том числе практической мудрости) по специальным программам;

3) исследовательская работа в области практической философии (софологии).

2. ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ В ИСТОРИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКОЙ МЫСЛИ

Выше было сказано, что практическая философия имеет богатую литературную историю и традиции. Многие философы прошлого оставили тексты, отражающие опыт практического философствования или имеющие практически-философский смысл. В духе практической философии говорили и писали Конфуций, античные философы, М. Монтень, Ф. Бэкон, Б. Паскаль, А. Шопенгауэр, Л. Толстой, У. Джеймс... К произведениям практической философии можно, в известном смысле, отнести книги американца Дейла Карнеги и нашего Владимира Леви.

Рассмотрим некоторые имена и вехи.

Семь греческих мудрецов (7-6 в.в. до н. э). От них дошел целый свод житейской мудрости в виде 128 коротких мыслей-речений. Среди них — одна из первых формулировок золотого правила поведения: “что возмущает тебя в ближнем — того не делай сам”. По свидетельству Платона, сойдясь вместе, эти мудрецы посвятили их как начаток мудрости Аполлону, в его храме в Дельфах, начертав на стене храма то, что все повторяют (прославляют): “Знай самого себя” и “Ничего слишком [сверх меры]” (Протагор, 343 а).

Софисты — первые философы, которые стали работать как *практические* философы, софологи. Они обучали молодежь и вели беседы со взрослыми людьми, консультировали их по вопросам практической философии. Б. Рассел писал: “Слово “софист” не имело вначале отрицательного значения. По смыслу оно было равнозначно слову “преподаватель”. Софистом был человек, который добывал средства к существованию, передавая молодым людям определенные знания, которые, как тогда думали, могли быть им полезны в практической жизни” (с. 85). Протагор “учил за вознаграждение “всякого, кто жаждал практического успеха и более высокой духовной культуры” (E.Zeller). Платон протестовал против практики софистов получать деньги за обучение, отчасти с позиций сноба (по

современным понятиям). Сам Платон обладал вполне достаточными средствами и поэтому был неспособен, по-видимому, понять нужды тех, кто не имел хорошего состояния...

Есть, однако, другой пункт, в котором софисты отличались от большинства современных им философов. Обычно каждый учитель, за исключением софистов, основывал школу, которая обладала некоторыми признаками братства, с большей или меньшей степенью общности жизни (часто — нечто аналогичное монашеской жизни) и, как правило, с эзотерической доктриной, которую не проповедовал публике. Все это было естественно там, где философия возникла из орфизма. Среди софистов ничего подобного не было. То, чему они учили, в их представлении не было связано с религией или моралью. Они учили искусству спора и давали столько знаний, сколько было для этого необходимо. Вообще говоря, они могли, подобно современным адвокатам, показать, как защищать или оспаривать то или иное мнение, и не заботились о том, чтобы защищать свои собственные выводы.”¹

Сократ (469-399 до н. э.) не записывал свои мысли, а выступал-беседовал на улицах и площадях Афин. У него было много учеников. Самый знаменитый — Платон.

Как и софисты, Сократ выступал не только в роли преподавателя, учителя мудрости, но и в роли практического философа. Диоген Лаэртский свидетельствует: Сократ "одинаково умел как убедить, так и разубедить своего собеседника. Так, рассуждая с Фезтетом о науке, он, по словам Платона, оставил собеседника божественно одухотворенным; а рассуждая о благочестии с Евтифроном, подавшим на отца в суд за убийство гостя, он отговорил его от этого замысла; также и Лисия обратил он к самой высокой нравственности. Дело в том, что он умел извлекать доводы из происходящего. Он помирил с матерью сына своего Лампрокла, рассердившегося на нее (как о том пишет Ксено-

¹ Б. Рассел. История западной философии. Т. 1, Новосибирск, 1994. С. 88-89.

фонт); когда Главкон, брат Платона, задумал заняться государственными делами, Сократ разубедил его, показав его неопытность (как пишет Ксенофонт), а Хармида, имевшего к этому природную склонность, он, наоборот, ободрил. Даже стратегу Ификрату он придал духу, показав ему, как боевые петухи цирюльника Мидия налетают на боевых петухов Каллия." (Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов. М., 1986. С. 102).

Сама его манера философствования была не учительство, не проповедничество, а диалог, беседа, разговор равных. Он не столько поучал собеседника, сколько вместе с ним отыскивал истину. Вот что пишет об этом В. С. Нерсисянц:

“Беседа — стихия Сократа. Окунувшись в нее, он, можно сказать, не только не вынырнул оттуда до конца жизни, но, больше того, твердо надеялся на блаженные беседы и после смерти. Эта страсть, охватившая его, завлекала в свои сети и всех тех, кто встречался с ним на долгом жизненном пути...

Беседовать и испытывать, обсуждать и советовать, спрашивать и отвечать, сомневаться и ввергать в сомнение, наставлять и опровергать — истинно сократовские глаголы, отражающие направление и смысл философствования этого всегда бодрого, жизнерадостного и общительного человека.

Он беседовал с философами, софистами, политиками, военачальниками, поэтами, скульпторами, художниками, ремесленниками, торговцами, гетерами, со свободными и рабами, влиятельными гражданами полиса и простым людом, мужчинами и женщинами, старцами и юношами, людьми робкими и наглыми, бездарными и гениальными, с друзьями и врагами, афинянами и иноземцами, днем и ночью, в военных походах и дома, на свободе и в заключении. И о чем только он ни говорил: о богах и людях, полисе и законах, уме и глупости, знании и незнании, добре и зле, благе и справедливости, свободе и долге, добродетелях и пороках, богатстве и бедности, дружбе и взаимопомощи, самопознании и образовании, душе и теле, жизни и смерти. Собеседники и темы бесед менялись, но суть оставалась одна: во всеоружии разумного слова Сократ был в философской “разведке боем” — постоянном поиске и битве за истину, справедливость и нравственность, за должное в человеческих делах.”¹

А.Ф. Лосев отметил такую особенность сократов-

¹ В.С.Нерсисянц. Сократ. М., 1984. С. 49.

ской философии по сравнению с досократовской: последняя, писал он, “не могла и не хотела обнимать жизнь логикой. Тем более она не хотела *исправлять* ее логикой. Но Сократ поставил проблему жизни, набросился на жизнь как на *проблему*. И вот померк старинный дионисийский трагизм, прекратилась эта безысходная, но прекрасная музыка космоса... *Сократ захотел перевести жизнь в царство самосознания*. Он хотел силами духа исправить жизнь, свободу духа он противопоставил самостоятельным проявлениям бытия, и отсюда это странное... учение о том, что добродетель есть знание, что всякий желает только собственного блага, что стоит только научить человека, и он будет добродетельным.”¹

По Сократу высшая задача философии не теоретическая, а практическая — искусство жить. С его точки зрения строение мира, природа вещей непознаваемы; знать мы можем только самих себя. А знание есть мысль, понятие об общем. Раскрываются понятия через определения, обобщаются через индукцию. Сам Сократ дал образцы определения и обобщения этических понятий (например, доблести, справедливости). Определению понятия предшествовала беседа, в ходе которой собеседник рядом последовательных вопросов изобличается в противоречиях. Раскрытием противоречий устраняется мнимое знание, а беспокойство, в которое при этом ввергается ум, побуждает мысль к поискам подлинной истины. Свои приемы исследования Сократ сравнивал с искусством повивальной бабки (“маиевтикой”), а его метод вопросов, предполагающий критическое отношение к догматическим утверждениям, получил название сократовской “иронии”.

Платон (427-347 до н. э.) сыграл выдающуюся роль в становлении практической философии и как автор философских диалогов, и как основатель Академии.

Прежде всего, как истинный ученик Сократа он

¹ См.: А.Ф.Лосев, А.А.Тахо-Годи. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 372-373.

указывал на недостаточность философских текстов и необходимость живого контакта философа с нефилософом. В диалоге “Федр” читаем: “В этом, Федр, дурная особенность письменности, поистине сходной с живописью: ее порождения стоят, как живые, а спроси их — они величаво и гордо молчат. То же самое и с сочинениями: думаешь, будто они говорят, как разумные существа, но если кто спросит о чем-нибудь из того, что они говорят, желая это усвоить, они всегда отвечают одно и то же. Всякое сочинение, однажды записанное, находится в обращении везде — и у людей понимающих, и, равным образом, у тем, кому вовсе не подобает читать, и оно не знает, с кем оно должно говорить, а с кем нет. Если им пренебрегают или несправедливо его ругают, оно нуждается в помощи своего отца, само же не способно защититься, ни себе помочь...”

Что же, не взглянуть ли нам, как возникает другое сочинение, родной брат первого, и насколько он по своей природе лучше того и могущественнее?

(...) Это то сочинение, которое по мере приобретения знаний пишется в душе обучающегося; оно способно себя защитить и при этом умеет говорить с кем следует, умеет и промолчать.

— Ты говоришь о живой и одушевленной речи знающего человека, отображением которой справедливо можно назвать письменную речь?

— Совершенно верно.

(...) *еще лучше (писания текстов — Л.Б.), по моему, станут такие занятия, если пользоваться искусством диалектики: взяв подходящую душу, такой человек со знанием дела насаждает и сеет в ней речи, способные помочь и самим себе и сеятелю, ибо они не бесплодны, в них есть семя, которое родит новые речи в душах других людей, способные сделать это семя навеки бессмертным, а его обладателя счастливым настолько, насколько может быть человек (курсив мой — Л.Б.).*” (274В-277А)

Т. В. Васильева комментирует: “Литературное произведение отрывается от своего создателя, представленное всем и каждому, оно не может защищаться

от дурного читателя и не может прибавить ни слова к написанному для читателя благодарного, но недалекого: ему надо бы помочь разрешить возникшее недоумение — но текст способен лишь еще и еще раз повторить то, что уже сказал. Живая беседа совершеннее — собеседник перед тобой, ты видишь его и можешь к нему приноровиться, все недоумения можно разрешить по ходу беседы — что усвоено в процессе такой самостоятельной работы в живом собеседовании, то врезается в память прочно, а главное, начинает порождать в душе слушателя способность к внутреннему собеседованию с самим собой — таков смысл речи Сократа”¹.

К сказанному Васильевой добавим, что живая беседа важна не только для собеседника философа, но и для самого философа (на что справедливо указывает Платон). В ней философ черпает новую информацию, новые мысли и идеи, заряжается творческой энергией, как это происходит у артиста, выступающего перед живой аудиторией.

Нужно также иметь в виду, что в диалогах Платона зафиксированы беседы, посвященные в большинстве своем жизненным проблемам. ”Та или иная вполне житейская проблема, — продолжает Т. В. Васильева, — (житейская, разумеется в гомеровском смысле жизненного примера, а не обиденной приземленности) решается в каждом из платоновских произведений; нарочито протрепетическим назначением нельзя объяснить ни их множественности, ни их совокупности”².

И, наконец, детище Платона — Академия. Она изначально была не только учебным и исследовательским учреждением, но и своеобразным центром практической философии. В ней занимались как юные, молодые, так и взрослые. В. Виндельбанд писал: ”Некоторые вступали в Академию еще очень молодыми... Иначе обстояло дело со зрелыми людьми, принадле-

¹ Т.В.Васильева. Афинская школа философии. М., 1985. С. 109.

² Там же. С. 115.

жавшими к Академии в течение более или менее продолжительного времени. Среди последних предание называет значительное число лиц, игравших видную политическую роль в качестве тиранов или их противников, в качестве своих законодателей в своих городах или деятельных вожakov партий; и если даже многие из этих известий вымышлены, то в общем не подлежит сомнению, что общество Платона, особенно пока он сам стоял во главе его, имело ясно выраженную политическую тенденцию и служило умственным центром для всех противников демократии; оно сохраняло за собой это положение именно тем, что в самых Афинах принципиально воздерживалось от всякого вмешательства в практическую политику.

С такими друзьями в Академии, очевидно, обсуждались не столько научные, сколько социально-политические вопросы и философские стремления общества они разделяли большей частью лишь в той мере, в какой сами желали приобрести некоторое образование, чтобы его ореолом окружить свою политическую деятельность.”¹

Аристотель (384-322 до н. э.). Велико его наследие как практического философа. Наверное, половина дошедших до нас сочинений этого мыслителя посвящена вопросам человеческого поведения. Он не чурался самых приземленных тем и был открыт для общения со всеми. Вот что по этому поводу пишут А. Ф. Лосев и А. А. Тахо-Годи: “Аристотель в своем Ликее неустанно работал. В утренние часы он читал лекции для избранного круга слушателей по самым трудным вопросам своей философии. Но были у него и после-полуденные занятия и уже в обширной аудитории менее подготовленных слушателей. Эти вечерние занятия посвящались сравнительно доступным вопросам и, в частности вопросам риторики. Здесь у Аристотеля была даже своеобразная школа ораторского искусства, что уже само по себе рисует Аристотеля не только как углубленного философа, ушедшего от мира, но и как человека, которого занимали общежизненные пробле-

¹ В.Виндельбанд. Платон. Киев, 1993. С. 34-35.

мы. Дошедшая до нас “Риторика” свидетельствует о его огромном интересе к разнообразным жизненным ситуациям и о его мастерском умении в этих ситуациях разбираться. Отсюда можно заключить, что слушатели философа, его, можно сказать, “вечерники” были весьма счастливыми людьми, которые могли учиться анализировать сложные жизненные ситуации и умудренно, толково, красиво о них говорить.

В Ликее Аристотель завел еще один примечательный обычай. Он регулярно обедал с друзьями, ведя с ними ученые беседы. И обеды имели, как и все у Аристотеля, систематический характер, вплоть до того, что раз в десять дней для них избирался новый председатель, а сам Аристотель даже написал для этих ученых обедов специальную записку под названием “Пиршественные законы”¹.

Цицерон (106-43 до н. э.) сыграл большую роль в деле популяризации философии и признания ее практического значения. Г. Г. Майоров пишет об этом: “Другим критерием оценки философских идей греков для Цицерона служит их “полезность для республики”, которая на практике означает их пригодность для улучшения римских нравов и для развития римского просвещения. Ведь философия, по убеждению Цицерона, — это “наука об исцелении души” (Tusc., III, 6) и “наука жить достойно” (Ibid., IV, 6). Она же — “руководительница душ, изыскательница добродетелей, гонительница пороков”, она породила государства, “объединила в общество рассеянных на земле людей”, “установила законы” (Ibid., V, 5). “Но мы видим: мало того, что философия не получает похвал за ее услуги жизни людской, — большинство людей ею просто пренебрегают, а некоторые даже и хулят. Хулить философию, родительницу жизни, — это все равно, что покушаться на матереубийство, но и этим себя пятнают люди, столь неблагодарные, что бранят ту, кого должны бы чтить, даже не умея понять! Но я думаю, что это заблуждение, этот мрак, окутывающий непро-

¹ А.Ф.Лосев, А.А.Тахо-Годи. Платон. Аристотель. М., 1993. С. 248.

свещенные души, держится от того, что люди не могут заглянуть в прошлое настолько, чтобы признать в первостроителях этой жизни философов” (Туск., V, 6/Пер. М. Гаспарова). Кто из мыслителей прошлого прославил философию лучше, чем Цицерон? Кто больше любил ее и верил в ее великую очищающую и просвещающую силу? Кто лучше осознал ее гуманистическую миссию?”¹

Сенека (5 до н.э. - 65 н.э.). В ряду практических философов древности ему по праву принадлежит одно из первых мест. Его мысль была обращена не к философам-коллегам, а ко всякому, кто задумывается о жизни, кто готов к восприятию умного слова, к умной беседе. “Среди благодеяний, которые человек может оказать человеку, — пишет С. Ошеров, — Сенека мыслит величайшим одно: если мудрый или дальше ушедший по пути мудрости обратит неразумного к философии и поведет его вслед за собой к блаженной жизни”. Далее С. Ошеров поясняет: “Наставничество представлялось всей античности неотъемлемым долгом знающего: еще Гесиод посвятил свой дидактический эпос брату Персу, а Лукреций свою философскую поэму — Меммию. Образ Сократа, не столько поучающего собеседника, сколько вместе с ним отыскивающего истину, определил собой жанр философского диалога... С началом эллинистической эпохи, когда целью философствования сделалась мораль, когда отыскание причин и следствий всего сущего сменилось увещанием жить согласно тому или иному своду правил, важнейшую приобрело роль поученье. Первая и естественнейшая его форма — живая беседа — была тем более важна, что предполагала замену отношений, определяемых местом человека в гражданской общине, внеофициальными... Устная философская беседа-проповедь — диатриба — оставалась живым жанром на протяжении многих столетий...

...форма, избранная Сенекой — письмо, будучи и в житейской практике заменой непосредственной бесе-

¹ Г.Г.Майоров. Цицерон как философ. См.: Цицерон. Философские трактаты. М., 1985. С. 16-17.

ды, в литературе оказывается естественной ее ипостасью.”¹

Алкиной (Альбин). *Учебник платоновской философии* (II в. н. э.). В этом учебнике, наверное, впервые употребляется выражение “практическая философия”. Вот как это выглядит:

“III.1. Согласно Платону, философ ревностно занимается тремя вещами: он созерцает и знает сущее, творит добро и теоретически рассматривает смысл (logos) речей. Знание сущего называется теорией, знание того, как нужно поступать, — практикой, знание смысла речей — диалектикой...”

3. Один аспект практической философии — воспитание характера, другой — домоправительство, третий — государство и его благо. Первый называется этикой, второй — экономикой, третий — политикой.”²

Бозций (“Утешение философией”, 524 г.) продолжил дело Цицерона и Сенеки. Он сохранил для нас поистине драгоценный опыт исцеления-утешения философией. “У Бозция, как и у Цицерона, — пишет Г. Г. Майоров, — философия утешает и исцеляет, просвещая. Ее медикаменты — знания и идеи, и единственный способ лечения — логическое рассуждение, иллюстрируемое поэтическими образами. Никакой мистической терапии, никаких оккультных средств, никакого сверхразумного внушения. В “Утешении” Бозция совсем не используется путь откровения. Это и удивляет — ведь книга написана в начале средневековья, — и заставляет задуматься над тем, сколь сильна была римская рационалистическая традиция, ибо несмотря на то, что между Цицероном и Бозцием расстояние в полтысячелетия, взгляд на философию у них общий. Поэтому вряд ли верно, как это делает П. Курсель, включать “Утешение” в русло той традиции, куда входит и герметический трактат “Поймандер”. Там тайны бытия пророческим языком открывает полубог,

¹ См.: Сенека. Нравственные письма к Луцилию. С. 349-350.

² См.: Платон. Собр. соч. в 4-х тт. Т. 4. М., 1994. С. 626.

здесь истины бытия доказываются рациональным языком человеческой философии. Недаром Философия у Бозция имеет облик не богини, а смертной женщины.”¹

“Утешение” написано в тюрьме перед казнью. “Жанр утешений, — считает Г. Г. Майоров, — весьма древний. Им воспользовался когда-то платоник старой Академии Крантор, позднее Цицерон, написавший “утешение” на смерть своей дочери Туллии, затем — Сенека, сочинивший “утешения” к матери Гельвии, к Полибию, к Марции; существовали другие подобные сочинения. Так как в них на помощь утешаемому призывалась обычно философия, этот род сочинительства имел много общего с другим древним литературным жанром — с жанром “протрептика”, то есть “побуждения”, или “приглашения”, к философии. Классиком этого жанра в античности считался Аристотель (его “Протрептик” не сохранился); по его примеру Цицерон написал свой знаменитый диалог “Гортензий”, обративший впоследствии к философии душу юного Августина. Аристотелю подражал и Ямвлих, также сочинивший “Протрептик”. (С. 393-394)...

Бозций... с наибольшей последовательностью применяет приемы диатрибы, философской наставительной беседы, где в роли наставницы выступает сама госпожа Философия, а в роли наставляемого — узник этого мира Бозций. Беседа имеет не столько чисто дидактический, сколько терапевтический характер. Развитие сюжета выглядит как последовательное решение некоей медицинской задачи: от постановки диагноза болезни в первой книге, через стадии сначала предварительного, а затем основного, радикального лечения в остальных книгах, до полного исцеления пациента в конце работы. В ходе терапии врачующая Философия следит за меняющимся состоянием Бозция, осведомляется о его самочувствии, методично чередует более мягкие и слабые целительные средства с более горькими и сильными, ободряя и утешая больного. И все

¹ Цит. по: Бозций. Утешение Философией и другие трактаты. М., 1990. С. 396.

это в сочинении Боэция совсем не похоже на простой литературный эксперимент, на игру. *Его понимание миссии философии как целительницы души очень серьезно и оно имеет глубокие корни в античной культуре, где философия долго была наделена жизнетворческой и душеспасительной функцией, почти полностью перешедшей потом к религии. В этой подлинно практической функции она выступала у пифагорейцев, Сократа и Платона (“Федон”, ранние диалоги), у Аристотеля, у всех стоиков, скептиков и эпикурейцев, вообще в той или иной мере у всех философов эллинизма* (курсив мой — Л.Б.). Но никто, ни до, ни после него не выразил это понимание философии так ясно и сильно, как это сделал Цицерон; достаточно вспомнить его “Тускуланские беседы” и то, что мы знаем о его “Гортензии” и “Утешении”. И это для нас немало важно, ибо Цицерон — один из главных источников Боэция как в отношении жанра и стиля, так и в отношении идей. А ведь Цицерон, живописавший философию в самых ярких художественных красках, называл ее “наукой об исцелении души” (Туск., III, 3, 6), и он еще задолго до Боэция фактически представил ее в своем “Consolatio” и в “Тускуланах” в образе царственной собеседницы, утешающей в горе и врачующей душевные недуги: “Дело обстоит так: чтобы избавиться от несчастий, нужно исцелиться душой, а этого нельзя достичь без философии. Поэтому, взявшись за дело, предадим себя ей для исцеления и, если захотим, — исцелимся” (Цицерон. Тускуланские беседы, III, 6, 13)”. (С. 394-395)¹.

Многие мыслители эпохи **Возрождения** после столетий схоластики, пренебрежения практической философией со стороны христианских философов пытались спустить философию с небес на землю. Они думали и говорили так, как писал Гильом Буде: «**Низвергнуть философию с небес, поместить ее в города людей, ввести их в дома и заставить отвечать на вопросы о жизни и морали и о вещах хороших и дурных**»

¹ Цит. по: там же.

(Гильом Буде. Филология. Париж. 1552 г.)¹. Это ли не программа практической философии!

Одним словом, философы переключили свое внимание со схоластических проблем и споров на науку, наблюдение, искусство, изобретение, политику. Они постепенно освобождались от влияния религии, провозгласив свободомыслие одной из величайших ценностей. На смену теоцентризму² пришел антропоцентризм. Человек и его проблемы ставятся в центре внимания. Антропоцентризм провозглашает человека центром Вселенной (что вокруг него все вертится, что не Бог главный, а Человек). На этой почве возрождалась античная традиция гуманизма. Гуманизм изначально против любой формы подневольной зависимости человека от кого бы то ни было. С него началось движение к осознанию людьми самих себя.

Пико делла Мирандола (1463-1494) – показывал, с одной стороны, несовершенство человека, а с другой, — направление, в каком он должен двигаться. В знаменитой «Речи о достоинстве человека» он вкладывает в уста Бога, обращенные к Адаму, такие слова: «Я не сделал тебя ни небесным, ни земным, ни смертным, ни бессмертным, чтобы ты сам, свободный и славный мастер, сформировал себя в образе, который ты предпочтешь. Ты можешь переродиться в низшие, неразумные существа, но можешь переродиться по велению своей души и в высшие божественные». Человек здесь предоставлен самому себе, способен к самосовершенствованию.

Наиболее известный гуманист эпохи Возрождения – **Эразм Роттердамский** (1469-1536). В главном своем сочинении «Похвальное слово Глупости» он высмеивал людскую глупость в самых разных ее обличьях. Он один из первых отстаивал веротерпимость.

¹ Цит. по: Р.С.Гутер, Ю.Л.Полунов. Джироламо Кардано. М., 1980. С. 136.

² Теоцентризм — представление, согласно которому Бог является главным предметом внимания и забот (почитания, поклонения, умилоствления). Мир и человек вторичны, производны от Бога и управляются им.

Из всех писавших на темы практической философии в эпоху Возрождения наиболее плодотворным и успешным оказался **Мишель Монтень** (1533-1592). До сих пор он один из самых известных и читаемых философов и именно благодаря своим “Опытам” (1580 г.). Эта довольно-таки объемистая книга — настоящая энциклопедия житейской мудрости.

Ф. Бэкон (1561-1626) известен как философ, одержимый идеей практического использования-применения знаний, популяризации науки и философии. Все знают его девиз: “scientia est potentia” (“знание — сила”). Его сочинения написаны языком, который доступен и понятен практически всем. У него есть книга, которая непосредственно посвящена вопросам житейской мудрости, практической философии. Это “Опыты” (1597—1625 гг.). Сам Ф. Бэкон писал, что из всех его произведений “Опыты” “получили наибольшее распространение”, ибо “они ближе всего к практическим делам и чувствам людей”¹.

Важно отметить, что в “Опытах” Бэкон активно использовал один из основных методов практической философии — метод антитез. Он излагал аргументы за и против тезиса, предоставляя окончательный вывод читателю. “Указание на этот метод, — пишет Ю. П. Михаленко, — мы находим в “Примерах антитез”. Достаточно сравнить аргументы за и против нововведений (Т. 1. С. 391-392) с “опытом” “О новшествах” (Т. 2. С. 404-405).” Ю. П. Михаленко справедливо заключает: “Этот способ изложения — источник неослабевающего интереса к “Опытам”, ибо в каждую эпоху они могут быть прочитаны по-своему.”²

И. Кант (1724-1804) прекрасно понимал значение связи философии с жизнью. Львиная доля его философского творчества направлена на разрешение практических вопросов жизни. А о важности распространения философских идей, их популяризации он писал: “Чтобы научиться истинной популярности, нужно чи-

¹ См.: Соч. в 2-х тт. Т. 2. М., 1978. С. 353.

² Ю.П.Михаленко. Ф. Бэкон и его учение. М., 1975. С. 49.

тать древних, например, философские сочинения Цицерона... Ибо истинная популярность требует большого практического знания мира и людей, их понятий, вкуса и склонностей, на что нужно постоянно обращать внимание при изложении и даже в выборе уместных, пригодных для популяризации выражений. Такое нисхождение до степени понимания публики и обычных выражений, при котором не упускается схоластическое совершенство... есть и на самом деле великое и редкое совершенство, знаменующее большое проникновение в науку”¹.

Знаменательно, что Кант принимал упрек в недостаточной доступности его “Критики чистого разума”. “Вам угодно, — писал он, — было упомянуть о недостаточной популярности как о справедливом упреке, который можно предъявить моему сочинению, потому что действительно каждое философское сочинение должно быть изложено доступно, иначе под покровом глубокомыслия может таиться бессмыслица.”²

Выше, в первой главе, я говорил о кантовской “способности суждения”, т. е. умении применять общее к частному. В другой связи Кант писал об этом: “Я всегда, даже в обыденной жизни, слежу за тем, чтобы мои слушатели с самого начала и до конца никогда не извлекали из моих лекций лишь сухую теорию, но, постоянно сравнивая свой повседневный опыт с моими замечаниями, находили бы в этом живо интересующее их занятие.”³

Гегель (1770-1831) не раз говорил о практичности, практическом значении философии. Так, в “Лекциях по истории философии” он писал: “Общераспространенный предрассудок полагает, что философская наука имеет дело лишь с абстракциями, с пустыми общностями, а созерцание, наше эмпирическое самосознание, наше чувство, наше “я”, чувство жизни, есть, напротив, внутри себя конкретное, внутри себя

¹ И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980, с. 355.

² Из письма “Кант — Гарве. 7 августа 1783 г.” — Цит. по: И. Кант. Трактаты и письма. М., 1980.

³ Из письма “Кант — Герцу. Конец 1773 г.” — Там же.

определенное, богатое. И в самом деле, философия пребывает в области мысли, и она поэтому имеет дело с общностями; но хотя ее содержание абстрактно, оно, однако, таково лишь по форме, по своему элементу; сама же по себе идея существенно конкретна, ибо она есть единство различных определений. В этом и состоит отличие разумного от чисто рассудочного познания; и задача философии заключается в том, чтобы вопреки рассудку показать, что истинное, идея, не состоит в пустых общностях, а в некоем всеобщем, которое само в себе есть особенное, определенное. Если истина абстрактна, то она — не истина. Здравый человеческий разум стремится к конкретному; лишь рассудочная рефлексия есть абстрактная теория, она не истина — она правильна лишь в голове — и, между прочим, также и не практична; философия же наиболее враждебна абстрактному и ведет нас обратно к конкретному.”¹

Если говорить конкретно о практической философии как *части* философии, то следует отметить, что к ней у Гегеля было *двойственное* отношение. С одной стороны, он высоко ценил отдельных ее представителей (Сократа, например), понимал важность ее для людей, с другой, считал ее низшей формой философии, которая либо “приспосабливается ко всем обычным представлениям человека”², либо выступает как подчиненный момент по отношению к теоретической, чистой философии. “Сократ, — говорил он, — берет добро лишь в частном смысле, в смысле *практического*, а между тем это — лишь одна форма субстанциальной идеи; всеобщее есть не только для меня, а есть также и принцип натурфилософии, как в себе и для себя сущая цель, и в этом высшем смысле понимали его Платон и Аристотель. В старых историях философии выдвигается поэтому в качестве характерной черты Сократа прибавление им к философии, как нового по-

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 1, С.-Петербург, 1993. С. 88

² См.: Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 2, С.-Петербург, 1994. С. 36.

нения, этики, тогда как раньше философия рассматривала лишь природу. Диоген Лаэртский так и говорит (III, 56), что ионийцы изобрели философию природы, Сократ прибавил этику, а Платон диалектику...

Так как Сократ, таким образом, дал начало *моральной философии*, то все последующие эпохи моральной болтовни и популярной философии объявляли его своим патроном и святым и делали из него прикрытие, оправдывающее всякую афилософичность. Верно во всяком случае то, что способ его трактования философии делает ее популярной. К этому еще прибавилось то обстоятельство, что его смерть придала ему трогательный и всем доступный интересный лик невинного страдальца. Цицерон (Tusc. Quaest., V, 4), который, с одной стороны, направлял свое мышление на вопросы настоящего момента, с другой — придерживался мнения, что философия должна быть скромной, так что он даже не находил для нее никакого особого содержания, хвалил в Сократе (это часто повторяли потом вслед за ним), как характерную и наиболее возвышенную его черту, что он низвел философию с небес на землю, ввел ее в хижины и в повседневную жизнь человека, или, как выражается Диоген Лаэртский (II, 21), вывел ее на рынок. Это есть именно то, что мы сказали. Выходит так, как будто наилучшая и наиистиннейшая философия представляет собою лишь домашнее средство или кухонную философию, которая приспособляется ко всем обычным представлениям человека и в которой мы видим друзей и беседующих между собою на тему о честности и т. д. и обо всем том, что можно познать на земле, не побывав в глубине неба — или, вернее, в глубине сознания, а это как раз и есть именно то, на что Сократ, как думают сами популярные философы, осмелился первым. Ему также не было дано продумать сначала все умозрения философии того времени, чтобы затем иметь возможность в области практической философии спуститься в глубинные недра мысли. Это то, что мы имеем сказать о

сократовском принципе вообще.”¹

Обратите внимание: Гегель употребляет само выражение “практическая философия”. И это он делает не раз (см., например, параграфы в “Лекциях по истории философии” о киренской школе, Аристотеле, Эпикуре и др.). Рассматривая философию Аристотеля, Гегель относит раздел практической философии к философии духа (наряду с психологией и логикой). Саму практическую философию (у Аристотеля) он подразделяет на этику и политику.

Имеются свидетельства о Гегеле как умном собеседнике, общение с которым было поистине драгоценным. Вот что писал, например, Гёльдерлин: “Общение с Гегелем для меня очень благотворно. Я люблю таких спокойных людей разума; они могут служить ориентиром в тех случаях, когда не знаешь, как определить свое отношение к миру” (Гёльдерлин. Соч., М., 1969. С. 487). Знаменательны последние слова Гёльдерлина: они как нельзя лучше характеризуют значение философа как человека, помогающего людям разобраться в жизненных вопросах.

А вот свидетельство Л. Фейербаха. После прослушивания лекций Гегеля он писал: “Я понял, чего мне желать и к чему стремиться: мне нужна не теология, а философия. Мне нужны не бредни и мечтания, мне нужно учиться! Мне нужна не вера, а мышление! Благодаря Гегелю я осознал самого себя, осознал мир. Он стал моим вторым отцом, а Берлин — моей духовной родиной”².

А. Шопенгауэр (1788-1860) сыграл выдающуюся роль в становлении идеи практической (житейской) философии. Он, наверное, единственный из крупных философов последних двух веков не погнушался разработкой темы практической или, как он называл, житейской философии.

Во вступительной статье к “Афоризмам житейской мудрости” А. А. Гусейнов и А. П. Скрипник пишут:

¹ Гегель. Лекции по истории философии. Кн. 2, С.-Петербург, 1994. С. 35-37.

² Л. Фейербах. История философии. Т. 3, М., 1967. С. 373.

“По своему жанру данная работа лежит в русле очень давней этической традиции, восходящей к семи греческим мудрецам, положившим начало европейской цивилизации: Питтаку, Бианту, Хилону Лакедемонскому и др. Эти полулегендарные мыслители задали образец этики как житейской мудрости, выраженной отчасти яркими, оригинальными изречениями, отчасти тривиальными прописными истинами. Основательное представление о содержании такой мудрости дает сочинение Диогена Лаэртского “О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов”. Традиция эта воспроизводилась из столетия в столетие как на Западе, так и на Востоке (Например, Лао-цзы, Кун-фуцзы, Мо-цзы, — в Древнем Китае). Нравоучительные сочинения Сенеки и Цицерона, Горация и Плутарха концентрировали в себе житейскую мудрость Рима. Она, конечно, не была однородной. По наблюдению С.С. Аверинцева, часть его тяготела к страстному ригористическому морализованию стоического типа, другая же часть (олицетворенная Плутархом) характеризовалась спокойным любопытством к делам человеческим и к жизни. В Новое время первая из названных тенденций сильнее всего выразилась в напряженных раздумьях Б. Паскаля и других христианских мыслителей, а вторая запечатлелась в блестящих, остроумных сентенциях Монтеня и Ларошфуко, Шамфора и Лихтенберга, в “Карманном оракуле” испанского писателя Балтасара Грасиана, книга, которая, кстати, была переведена Шопенгауэром на немецкий язык. Бестселлеры Дейла Карнеги показывают нам, какую эволюцию пережили этот жанр и эта тенденция в современной культуре. Шопенгауэровские афоризмы по своему пафосу приемыкают, разумеется, к спокойному нравоописанию, а не к страстному морализованию.

В советской культуре названную традицию ждала не лучшая участь. Более того, она практически пресеклась, точнее, расслоилась, с одной стороны, на лицемерно-казенные толкования Морального кодекса, лишённые остроумия нравописателей и блеска стоиков, а потому скучные даже для записных пропагандистов, и с другой стороны, на более привлекательную и

занимательную, но касающуюся лишь внешней стороны человеческого поведения и совершенно лишенную философских оснований литературу по этикету. Между этими двумя полюсами образовался вакуум...

“Афоризмы житейской мудрости” дают богатый материал для моральной рефлексии, для выработки собственного осмысленного и критического отношения к жизни. Посмотреть на человеческие поступки глазами мыслителя, не относящегося к числу восторженных почитателей людской добродетели, всегда очень полезно. Но того, кто хотел бы воспользоваться данным вариантом житейской мудрости для автоматического заучивания и воспроизведения, постигло бы, по всей видимости, серьезное разочарование. В книге много верных замечаний и тонких наблюдений, но далеко не все в ней бесспорно, а кое-что даже очень нуждается во внимательном и трезвом разборе.”¹

А. А. Гусейнов и А. П. Скрипник дали здесь краткий экскурс развития практической философии. Со всем можно было бы согласиться, в том числе и с оценкой “Афоризмов” Шопенгауэра, кроме одного: почему они проблематику практической, житейской философии оценивают как этическую? Ведь эта проблематика неизмеримо шире собственно этической. Она касается всех аспектов жизни человека, не только нравственных. Например, жизни вообще, смерти, здоровья, красоты, развития ума. Не случайно ведь Шопенгауэр назвал свою книгу “Афоризмами **житейской мудрости**”. Слова “житейская” и “мудрость” не имеют специфически этического содержания.

Во введении к “Афоризмам” А. Шопенгауэр писал: “Понятие житейской мудрости имеет здесь имманентное значение, — именно, в смысле искусства провести свою жизнь возможно приятнее и счастливее, искусства, руководство к которому можно было бы назвать также эвдемонологией: это будет, следовательно,

¹ См.: А.Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. Ч. 1. С. 14.

наставление в счастливом существовании.”¹

Приведем два отрывка из “Афоризмов”.

В самом начале А. Шопенгауэр писал: “Аристотель (Е N, 1, 8) разделяет блага человеческой жизни на три класса — блага внешние, блага душевные и блага телесные. Я со своей стороны сохраняю от этой классификации только ее трехчленность: то, от чего зависит разница в жребии смертных, может быть, на мой взгляд, сведено к трем основным пунктам. Вот они:

1) Что *есть* индивид — то есть личность в самом широком смысле слова. Сюда относятся, следовательно, здоровье, сила, красота, темперамент, нравственный характер, ум и его развитие.

2) Что *имеет* индивид, — то есть всякого рода собственность и владение.

3) Чем индивид *представляется*. Под этим выражением, как известно, понимают, каков он в представлении других, то есть, собственно, как они себе его представляют. Таким образом, здесь мы имеем дело с их мнением о нем, которое проявляется в троякой форме — как честь, ранг и слава.” (Гл. 1. Основные отделы. — Там же. С. 20.)

Второй отрывок посвящен теме бодрости духа и здоровья:

“Первым и важнейшим условием для нашего счастья являются, следовательно, субъективные блага — благородный характер, способная голова, счастливый нрав, бодрое настроение и хорошо сложенное, вполне здоровое тело, то есть вообще *mens sana in corpore sano* [Здоровый дух в здоровом теле] (Ювенал. Сатиры, X, 356), и потому мы гораздо больше должны заботиться о развитии и поддержании этих качеств, нежели о приобретении внешних благ и внешнего почета.

После всего этого ближайший путь к счастью — веселое настроение: ибо это прекрасное свойство немедленно вознаграждает само себя. Кто весел, тот постоянно имеет причину быть таким, — именно в том, что он весел. Ничто не может в такой мере, как это свойство, заменить всякое другое благо, — между тем как само оно ничем заменено

¹ А.Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. Ч. 1. С. 18.

быть не может. Пусть человек молод, красив, богат, пользуется почетом: при оценке его счастья является вопрос: весел ли он при этом. С другой стороны, если он весел, то безразлично, молод ли он или стар, строен или горбат, беден или богат, — он счастлив. В ранней молодости мне пришлось однажды открыть какую-то старую книгу, где я прочел: “кто много смеется, тот счастлив, а кто много плачет, тот несчастен”, — очень простодушное замечание, которое, однако, благодаря заключающейся в нем простой истине, навсегда врезалось мне в память, каким бы крайним трюизмом оно ни было. По этой причине мы должны широко раскрывать свои двери веселью, когда бы оно ни являлось: ибо оно никогда не приходит не вовремя. Между тем, мы часто колеблемся допустить его к себе, желая сначала знать, действительно ли у нас есть полное основание быть довольными, или же боясь, что оно помешает нашим серьезным размышлениям и важным заботам; но какой прок выйдет из последних, это далеко не известно, тогда как веселость представляет собою прямую выгоду. Только в ней мы имеем как бы наличную монету счастья, а не банковские билеты, как во всем остальном: только оно дает немедленное счастье в настоящем и потому есть высшее благо для существ, по отношению к которым действительность облечена в форму нераздельного настоящего между двумя бесконечными временами. Поэтому приобретение и охрану этого блага мы должны ставить впереди всех других забот. А ведь несомненно, для веселости духа нет менее благоприятного условия, чем богатство, и более благоприятного, чем здоровье: у людей низших, трудящихся, особенно земледельческих классов мы видим веселье и довольные лица; богатым же и знатым свойственно угрюмое выражение. Нам надлежит, следовательно, прежде всего стремиться к возможно более полному здоровью, лучшим выражением которого является веселость. Для этого, как известно, мы должны избегать всякого излишества и расстройства, всяких бурных и неприятных душевных волнений, а также слишком сильного или слишком продолжительного умственного напряжения; должны ежедневно по крайней мере два часа посвящать быстрому движению на чистом воздухе, усердно пользоваться холодными ваннами и соблюдать другие подобные же диетические правила. Без надлежащего ежедневного движения нельзя оставаться здоровым: все жизненные процессы, для своего нормального отправления, требуют движения как органов, где они совершаются, так и

всего тела. Вот почему Аристотель справедливо замечает о *bios en te cinesei esti* (Жизнь состоит в движении). Жизнь заключается в движении, и в нем ее сущность. Внутри организма везде господствует непрерывное, быстрое движение: сильно и неумоимо бьется сердце со своей сложной двойной систолой и диастолой, прогоняя 28 своими сокращениями всю массу крови через большой и малый круги кровообращения; без остановки действуют легкие, подобно паровой машине; кишки все время извиваются в *modus peristalticus* (движении перистальтики): во всех железах постоянно идет всасывание и отделение; даже в мозгу совершается двойное движение при каждом ударе пульса и каждом вдохе. Когда же при этом почти совершенно отсутствует внешнее движение, как это мы видим у огромного числа людей, ведущих сидячий образ жизни, то возникает резкое и пагубное несоответствие между внешним покоем и внутренней суматохой. Ибо непрестанное внутреннее движение ищет некоторой поддержки в движении внешнем; помянутое же несоответствие аналогично тому, как если благодаря какому-нибудь аффекту все внутри нас кипит, а вовне мы ничем не смеем проявить своих чувств. Даже для успешного роста деревьев надо, чтобы их колебал ветер... Насколько наше счастье зависит от веселого настроения, а последнее — от состояния нашего здоровья, это можно видеть, сравнив впечатление, производимое на нас одними и теми же внешними отношениями или случаями, когда мы здоровы и бодры, с тем, как они отзываются на нас, когда болезнь настроит нас мрачно и тревожно. Счастливыми или несчастными делает нас не то, каковы вещи в объективной действительности, а то, какими они являются нам в нашем представлении... Вообще же 9/10 нашего счастья зависят исключительно от здоровья. При нем все становится источником наслаждения: напротив, без него не доставляет удовольствие никакое внешнее благо, каково бы оно ни было, и даже остальные субъективные блага, свойства ума, сердца, характера, от болезненности умаляются и терпят большой ущерб. Не без основания, поэтому, люди прежде всего спрашивают друг друга о здоровье и взаимно высказывают пожелание доброго здоровья: ибо действительно оно играет главную роль в человеческом счастье. А отсюда следует, что величайшая из всех глупостей — жертвовать свои здоровьем ради чего бы то ни было, ради наживы, чинов, учености, славы, не говоря уже о сластолюбии и мимолетных наслаждениях: напротив, все

должно отходить перед ним на задний план.”¹

Дейл Карнеги (1888-1955) начал с пропаганды ораторского искусства, искусства публичных выступлений, а закончил систематизацией элементов житейской мудрости и ее пропагандой. Вот что пишут о нем и его книгах В. П. Зинченко и Ю. М. Жуков: “Читатель может найти в тексте (книг Д. Карнеги) много мыслей, заслуживающих вдумчивого отношения, вызывающих то желание согласиться, то сомнение, а то и неприятие (а может и не найти — смотря как искать). Этим текст и хорош. И даже то, что кажется неприемлемым, трудно отбросить с порога. Ибо все стремится быть основательным, опереться на логику и факты, на мысль. Ярлык доморощенного мудреца, который нередко навешивают на Карнеги, не держится. Дейл Карнеги и не претендует на построение своеобразной философии жизни. Скорее он пытается донести извечную мудрость человечества, тому же человечеству, предварительно ее отретушировав, упаковав и снабдив, где это только возможно, инструкциями по применению этих мудростей для решения проблем частной жизни. Житейская мудрость — составная часть общечеловеческой культуры, и, как и всякая другая составляющая культурного наследия, она нуждается в изучении, систематизации и пропаганде, а также в дальнейшем развитии. Работы Карнеги, собранные под переплетом книги, лежащей перед вами, читатель, являются хорошими образцами работ в этом направлении, образцами яркими и добротными одновременно. Здесь изречения известных мыслителей, пословицы, научные данные сопоставляются со здравым смыслом, применяются для решения проблем сегодняшнего дня, проходят проверку на практичность. И тут же предлагаются потребителю.”²

Сам Д. Карнеги писал: “Настоящая книга (“Как за-

¹ А.Шопенгауэр. Афоризмы житейской мудрости. М., 1990. Ч. 1. С. 28-30.

² См. предисловие к книге: Д. Карнеги. Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей. Москва, Баку, 1990. С. 7-8.

воевывать друзей и оказывать влияние на людей” — Л.Б.) не была написана в обычном смысле слова. Она росла, как растет ребенок. Она росла и развивалась в этой своеобразной лаборатории на основе опыта тысяч людей.

Много лет назад мы начали свою деятельность с разработки ряда правил, напечатанных на карточке величиной с почтовую открытку. На следующий год мы выпустили карточку несколько большей величины, затем листовку, а потом серию брошюр, каждая из которых неизменно увеличивалась в размере и в объеме охваченного материала. И вот теперь, в итоге пятнадцати лет экспериментирования и исследований, появилась эта книга.

Правила, изложенные нами в данной книге, не представляют собой плодов чисто теоретических рассуждений или домыслов. Они оказывают магическое действие. Может быть, это звучит неправдоподобно, но я видел, как применение их коренным образом меняло жизнь многих людей.

Проиллюстрирую это примером. В прошлом году на наши курсы поступил человек, у которого работают триста четырнадцать служащих. Ранее он в течение ряда лет непрерывно подгонял, критиковал и бранил всех своих служащих без разбора. Добрые слова, похвала и одобрение никогда не слетали с его уст. После изучения принципов, анализируемых в данной книге, этот предприниматель резко изменил свою жизненную философию. Теперь в его организации царят новая атмосфера, новый для нее энтузиазм, не известный ей доселе дух коллективизма. Триста четырнадцать врагов были превращены в триста четырнадцать друзей. На одном из занятий группы он гордо заявил: “Когда я прежде проходил по своему предприятию, никто меня не приветствовал. Мои служащие старались не смотреть в мою сторону, когда видели, что я приближаюсь к ним. Сейчас все они мои друзья, и даже швейцар зовет меня по имени”.

Ныне доходы этого предпринимателя увеличились, у него больше досуга, и — что бесконечно важнее — он чувствует себя гораздо более счастливым и на ра-

боте и в кругу семьи”.¹

Любопытен случай, рассказанный Д. Карнеги: “Говоря о самоубийстве, я вспомнил случай, описанный доктором Генри С. Линком в его книге “Вторичное открытие человека”. Доктор Линк — вице-президент Психологической корпорации, и он беседует с множеством людей, страдающих от беспокойства и депрессии. В главе “О преодолении страхов и беспокойства” он рассказывает о пациенте, который хотел покончить жизнь самоубийством. Доктор Линк знал, что спорить с больным бесполезно, от этого его состояние только ухудшится. И он сказал своему пациенту: “Если вы все равно намерены покончить жизнь самоубийством, вы могли бы по крайней мере вести себя героически. Бегайте вокруг квартала до тех пор, пока не упадете замертво”.

Пациент попробовал это сделать, и не один, а несколько раз, и каждый раз чувствовал себя лучше — психически, если не физически. На третий вечер было достигнуто то, чего добивался доктор Линк в первую очередь. Больной настолько физически устал (и ослабился физически), что спал как убитый. В дальнейшем он вступил в атлетический клуб и стал участвовать в спортивных соревнованиях. Вскоре он почувствовал себя настолько хорошо, что ему захотелось жить вечно!”²

Этот случай говорит о многом и прежде всего о том, что потенциальному самоубийце нужен был не психиатр и даже не психолог, а практический философ, т. е. специалист, оценивающий состояние человека в целом, в единстве психической и физической составляющих. Ведь он не был психически больным и, соответственно, не должен был быть пациентом врача-психиатра. Обращение к психиатру скорее усугубляло ситуацию. (Врачи “умеют” порой “загонять в болезнь”). Лишь отчаянная интуиция доктора Линка

¹ Карнеги Д. Как приобретать друзей и оказывать влияние на людей. Москва-Баку, 1990. С. 38.

² Д. Карнеги. Как перестать беспокоиться и начать жить. (гл. 27). — Д. Карнеги. Как вырабатывать уверенность в себе и влиять на людей... Москва-Баку, 1990. С. 439.

спасла положение. Он отказался от попыток вести с пациентом душеспасительные беседы, а предложил ему всего навсего побегать... Оказывается, у человека был нарушен баланс между психическим и физическим: психическая активность явно преобладала над физической. С помощью бега он восстановил этот баланс и депрессии как не бывало.

Весьма интересна восьмая глава книги Д.Карнеги “Как перестать беспокоиться и начать жить”, в которой говорится о том, что люди избавлялись от беспокойства и нервных потрясений путем трезвого расчета, опираясь на закон больших чисел. Это уже практическая философия в чистом виде. Никакие увещания, никакие утешения и внушения, а обращение к мышлению, к аналитике в чистом виде! Этот тот случай, когда холодный, трезвый расчет помогает остудить горячую голову или снять тревогу, страх, беспокойство. Карнеги в этой главе пишет: в детстве “я постоянно беспокоился. Во время гроз я боялся, что меня убьет молния. Когда наступали тяжелые времена, я боялся, что нам будет нечего есть. Я боялся, что после смерти попаду в ад. Я был в ужасе, что Сэм Уайт, который был старше меня, отрежет мои большие уши. Ведь он угрожал это сделать. Я испытывал страх, что девочки будут смеяться надо мной, если я попытаюсь за ними ухаживать... Шли годы, и я обнаружил, что девяносто девять процентов моих страхов были ложными, и события, которых я так боялся, не случались...”

Вполне понятно, что в данном случае речь идет о беспокойстве, свойственном юности и молодости. Но многие тревоги взрослых людей почти так же абсурдны. Вы и я могли бы сразу устранить девять десятых нашего беспокойства, если бы перестали волноваться на достаточно длительное время, чтобы установить, оправданны ли наши страхи по закону больших чисел.

Самая знаменитая страховая компания в мире, “Ллойд” в Лондоне, нажила бесчисленные миллионы на склонности людей беспокоиться о том, что случается очень редко. Лондонская компания “Ллойд” держит пари с людьми, которые к ней обращаются, что несчастья, о которых они беспокоятся, никогда не произой-

дут. Однако фирма не называет это держать пари. Она называет это страхованием. Но на самом деле она действительно держит пари, исходя из закона больших чисел...

Если мы ознакомимся с законом больших чисел, то часто будем поражены фактами, которые обнаружим. Например, если бы я знал, что в течение следующих пяти лет мне придется сражаться в такой же кровавой битве, как битва при Геттисберге, я пришел бы в ужас. Я бы написал завещание и привел бы все свои земные дела в порядок. Я бы подумал: “По всей вероятности, я не переживу эту битву, и поэтому мне следует прожить оставшиеся несколько лет наилучшим образом”. Однако факты говорят, в соответствии с законом больших чисел, что попытаться прожить от возраста пятидесяти лет до пятидесяти пяти в мирное время столь же опасно и столь же чревато роковым исходом, как и сражаться в битве при Геттисберге. Я имею в виду следующее: в мирное время на каждые тысячу человек в возрасте от пятидесяти до пятидесяти пяти лет умирает столько же, сколько было убито на тысячу среди 163 000 солдат, сражавшихся при Геттисберге.”¹

В девятой главе той же книги (“Считайтесь с неизбежным”) дан материал по теме, которую можно было бы охарактеризовать так: “утешение философией”. Вот один фрагмент: “Я приведу вам мудрый совет одного из моих самых любимых философов — Уильяма Джеймса. *“Согласитесь принять то, что уже есть, — сказал он. — Примирение с тем, что уже случилось, — первый шаг к преодолению последствий всякого несчастья”*. Элизабет Коннли убедилась в этом на своем горьком опыте. Недавно я получил от нее следующее письмо. “В день, когда вся Америка праздновала победу наших вооруженных сил в Северной Африке, — говорится в письме, — я получила телеграмму из военного министерства: мой племянник, которого я любила больше всего на свете, пропал без вести. Вскоре пришла другая телеграмма, извещавшая о его смерти.

¹ Там же. С. 295-297.

Я была убита горем. До этого я была удовлетворена своей жизнью. У меня была любимая работа. Я помогала воспитывать племянника. Он олицетворял для меня все самое прекрасное, что свойственно молодости. Я чувствовала, что мои усилия были вознаграждены сторицей!.. И вдруг эта телеграмма. Для меня рухнул весь мир. Я почувствовала, что жизнь потеряла для меня смысл. Я утратила интерес к работе, забыла о своих друзьях. Мне стало все безразлично. Я ожесточилась. Почему убит этот самый дорогой мальчик, перед которым была открыта вся жизнь? Я не могла примириться с этим. Мое горе настолько захватило меня, что я решила уйти с работы, скрыться от людей и провести всю оставшуюся жизнь в слезах и горе.

Я наводила порядок в своем письменном столе, готовясь уйти с работы. И вдруг мне попало письмо, о котором я давно забыла, — письмо моего убитого племянника. Он написал его мне несколько лет назад, когда умерла моя мать. “Конечно, мы будем тосковать о ней, — говорилось в письме, — особенно ты. Но я знаю, что ты выдержишь это. Твоя личная философия заставит тебя держаться. Я никогда не забуду о прекрасных мудрых истинах, которым ты учила меня. Где бы я ни был, как бы далеко мы ни были друг от друга, я всегда буду помнить, что ты учила меня улыбаться и мужественно принимать все, что может случиться”.

Я несколько раз перечитала это письмо. Мне казалось, что он стоит рядом и говорит со мной. Казалось, он говорил мне: “Почему ты не выполняешь то, чему учила меня? Держись, что бы ни случилось. Скрывай свои переживания, улыбайся и держись”.

Я снова начала работать. Я перестала раздражаться и сетовать на жизнь. Я снова и снова говорила себе: “Это произошло. Я не могу ничего изменить. Но я могу и буду держаться, как он советовал мне”. Я полностью отдалась работе, вложив в нее все свои моральные и физические силы... Я перестала оплакивать невозвратимое прошлое. Сейчас я каждый день живу с радостью, как желал мне мой племянник. Я примирилась с жизнью. Сейчас я живу более радостной и полноценной жизнью, чем когда-либо прежде”...

Очевидно, одни только обстоятельства не делают нас ни счастливыми, ни несчастными. Важно, как мы реагируем на них. Именно это определяет наши чувства.

Все мы способны пережить несчастье и трагедию и одержать победу над ними, если мы вынуждены это сделать. Нам может показаться, что мы не можем, но мы обладаем внутренними ресурсами поразительной силы, которые могут вынести все, если только мы их используем¹”.

3. ОБЩЕЕ ПОЛОЖЕНИЕ О ЦЕНТРЕ ПРАКТИЧЕСКОЙ ФИЛОСОФИИ

1. ОБЩИЕ ВОПРОСЫ

1.1. Центр практической философии (в дальнейшем именуемый "Центр") — научное учреждение, целью которого является организация службы философского консультирования-собеседования.

1.2. Практическая философия — та часть философии, которая оказывает непосредственное влияние на жизнь людей — через философские тексты и речи, через живое общение философов с людьми.

(Подробнее о практической философии см. выше, раздел I).

1.3. Направления работы Центра:

1) оказание услуг населению (философское консультирование [вопросы и ответы], собеседование [обмен мнениями, диалог], анализ конкретных ситуаций, исповедь [откровенный разговор], комментирование-оценка [в ситуации посещения, осмотра чего-кого-либо]);

2) индивидуальное обучение философии (в том числе практической мудрости) по специальным программам;

3) исследовательская работа в области практической философии.

1.4. Центр осуществляет свою деятельность в городе N в соответствии с действующими Конституцией и законами Российской федерации в тесном сотрудничестве с Московским Центром практической философии.

1.5. Центр учреждается физическим лицом или лицами и/или организацией/организациями при условии, если среди учредителей-подписантов имеется хотя бы один дипломированный философ.

2. СОСТАВ И СТРУКТУРА ЦЕНТРА

¹ Там же. С. 303-304.

- 2.1. В состав Центра входят не менее трех сотрудников.
- 2.2. Возглавляет Центр директор, назначаемый или избираемый из числа сотрудников Центра.
- 2.3. Директором Центра может быть лишь сотрудник Центра, имеющий право работать практическим философом (см. п. 5.2. настоящего Положения).
- 2.4. Директор Центра может назначаться учредителем/учредителями Центра или выбираться сотрудниками Центра, имеющими право работать практическими философами, на их собрании при наличии не менее трех человек.
- 2.5. Первоначальный состав и структура Центра утверждаются учредителем/учредителями Центра. В дальнейшем состав и структура Центра пересматриваются и утверждаются вновь директором Центра по согласованию с учредителем/учредителями Центра или с его/их молчаливого согласия.

3. ЦЕЛИ РАБОТЫ (КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ-БЕСЕДЫ) ПРАКТИЧЕСКОГО ФИЛОСОФА

- 3.1. Прояснение смысла жизни.
- 3.2. Содействие в поисках жизненно важных ответов (куда идти? что делать? какой путь выбрать? что такое добро?).
- 3.3. Создание интеллектуальных предпосылок для выхода из конфликтных ситуаций (житейских, профессиональных, творческих, любовных, семейных...).
- 3.4. Философская терапия (утешение и лечение философией).
- 3.5. Профилактика (предупреждение) возможных ошибочных решений, аморальных поступков, преступлений, суицида.

4. МЕТОДЫ И ФОРМЫ РАБОТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФИЛОСОФА

- 4.1. Философское консультирование (вопросы и ответы).
- 4.2. Беседа, дискуссия, диалог.
- 4.3. Анализ конкретных ситуаций.
- 4.4. Разговор по душам (дать возможность высказать всё накопившееся-наболевшее, сверить свои мысли с мыслями философов, ликвидировать или минимизировать проблемы, белые пятна в понимании себя и других).
- 4.5. Откровенный разговор (с обязательным условием сохранения тайны)
- 4.6. Практические советы, разъяснения, аргументация, убеждение, критика.
- 4.7. Основные методы обсуждения проблем: метод антитез и метод альтернатив/вариантов.

При использовании *метода антитез* выдвигается тезис

(философом или собеседником); излагаются аргументы за и против тезиса; окончательный вывод предоставляется собеседнику.

При использовании *метода альтернатив/вариантов* выдвигаются разные альтернативы ответа на вопрос или варианты решения проблемы; затем эти альтернативы/варианты обсуждаются; окончательный выбор альтернативы/варианта предоставляется собеседнику.

4.8. Могут быть использованы и такие методы:

1) метод рассказа-лекции (философ активен — собеседник пассивен);

2) метод выслушивания-исповеди (философ пассивен — собеседник активен);

3) смешанный метод лекции-выслушивания (попеременная активность философа и собеседника).

Эти методы можно назвать *методами повествования*. Их цель — дать человеку выговориться-исповедаться или утолить его любознательность, ликвидировать переживаемый им информационный голод.

Методы повествования не являются такими эффективными, как методы антитез/альтернатив/вариантов. Тем не менее они могут быть использованы, если собеседник предпочитает повествовательный стиль беседы рассуждению-аргументации-анализу.

4.9. Кроме указанных методов весьма эффективным является *метод вопросов и ответов*. Вопросы могут задаваться как философом, так и собеседником.

5. ОБЩИЕ ТРЕБОВАНИЯ И УСЛОВИЯ РАБОТЫ ПРАКТИЧЕСКОГО ФИЛОСОФА

5.1. Практический философ должен быть всесторонне образованным, многое знать и уметь, быть в хорошем смысле всезнайкой и всеумейкой. Конкретно, в ситуации консультирования-собеседования он должен быть немного психологом, немного врачом, немного артистом, немного тренером и т. д. Это нужно ему прежде всего для того, чтобы он мог выполнять функции координатора-дирижера в тех случаях, когда клиент нуждается не только в его услугах, но и в услугах других специалистов.

5.2. К работе практических философов допускаются только дипломированные философы (имеющие диплом высшего учебного заведения по специальности “философия” или диплом кандидата [доктора] философских наук).

В идеале практические философы должны иметь специальную подготовку, т. е. помимо общего философского образования они должны получать специальное образование именно как практические философы.

В отдельных случаях в качестве ассистентов практических философов могут работать студенты старших курсов философских факультетов и соискатели ученой степени

кандидата философских наук, сдавшие кандидатский минимум по философии.

5.3. *Условия работы* практического философа могут быть самые разные: от приема клиента в офисе Центра до общения в неформальной обстановке (на прогулке, при посещении музея, выставки, театра, концерта), в домашней обстановке, в путешествии, за трапезой и т. д.)

6. ПРАВИЛА ПОВЕДЕНИЯ ФИЛОСОФА В СИТУАЦИИ КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ-СОБЕСЕДОВАНИЯ

6.1. Максимум уважительного отношения к клиенту.

6.2. Конфиденциальность беседы, безусловная тайна исповеди.

6.3. Соблюдение принципа “не навреди”.

6.4. Нарушение одного из указанных правил является основанием для лишения сотрудника права работать в Центре в качестве практического философа.

7. ТЕМЫ ДЛЯ ФИЛОСОФСКОГО КОНСУЛЬТИРОВАНИЯ, БЕСЕДЫ-ОБСУЖДЕНИЯ

7.1. *Общие темы:*

Что такое жизнь?

Смысл жизни. В чем он?

Цель жизни.

Жизнь, смерть, бессмертие.

Оптимизм и пессимизм.

Исповедь (потребность высказаться, излить душу).

Человеческое счастье. В чем оно?

Любовь.

Проблемы брака и семьи.

Проблема выбора профессии (для вступающих во взрослую жизнь)

Профессиональная деятельность. Творчество.

Добро, красота, истина.

Проблема общения.

Правила поведения в обществе. Этические проблемы.

Золотое правило поведения.

Добро и зло. Что считать добром, а что злом.

Правила хорошего тона, культура поведения, этикет.

Здоровье и болезни. Предупреждение заболеваний.

Образ жизни, развитие, активное долголетие.

Физическая культура в жизни человека.

Самосовершенствование.

Как мы думаем?

Как развивать мышление?

Как научиться искусству рассуждения, аргументации?

Как развить интуицию?

Как устроен мир? Мировоззренческие вопросы.

Знание и вера.

Сомнения в религиозной вере.

Человеческие предрассудки, заблуждения. Как их распознавать?

Что может дать философ? Какова роль философии в жизни людей?

7.2. Специальные темы:

Проблема воспитания детей.

Проблема взаимоотношения родителей и детей.

Проблема выхода из конфликтных ситуаций.

Проблема несчастной, безответной любви.

Проблема супружеской неверности.

Решение профессиональных, творческих задач.

Преодоление творческих кризисов.

Проблема алкоголизма.

Проблема наркомании.

Проблема суицида (самоубийства).

Утешение философией (в ситуациях человеческого несчастья — потери близких, калечения-инвалидности, тяжелой или смертельной болезни, катастроф и т. д.).

8. ПРАВОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ, ИМУЩЕСТВО, ДЕНЕЖНЫЕ СРЕДСТВА ЦЕНТРА

Правовое положение Центра устанавливается индивидуально. Центр может быть самостоятельным научным учреждением, имеющим статус юридического лица, свое имущество, расчетный счет и печать, или научным учреждением, являющимся подразделением и/или находящимся в договорных отношениях с другим научным учреждением, с учебным заведением.

9. ПРЕКРАЩЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ЦЕНТРА

9.1. Центр может прекратить свою деятельность по решению директора Центра или собрания сотрудников-практических философов.

9.2. Все имущество, оставшееся после прекращения деятельности Центра, используется в порядке, установленном ст. 40 ГК РФ.

ПРИЛОЖЕНИЕ. Рекомендации разных авторов в духе практической философии

СОВЕТЫ ПСИХОЛОГА

Легко говорить приятное, не правда ли? О том же, что нам в поведении человека не нравится, сказать намного труднее — так можно и отношения испортить, и обидеть его. Молчать и носить недовольство в себе невозможно, все равно рано или поздно это выльется и почти наверняка приведет к конфликту, или даже к нервному срыву. Как же высказать свои претензии коллеге, подчиненному и даже своему начальнику, и при этом — не обидеть, не прослыть скандалистом, а напротив, даже улучшить деловые отношения?

ДЕЛОВОЕ ОБЩЕНИЕ

- Говорите о **конкретном** факте, не “навешивайте ярлыков”. Ваши слова должны быть связаны только с поступком человека, но не с оценкой его личности. Если сотрудник опоздал, не обобщайте: “Вы безответственный!” — речь должна идти лишь о конкретном опоздании.
- Не требуйте невозможного — говорить можно только о том, что человек в силах изменить, т. е. ваша критика должна быть **конструктивной**. Недопустимы фразы типа: “Вы слишком стары для этого...”, “Конечно, при таких родителях...”
- Постарайтесь говорить именно о том чувстве, которое вы действительно испытываете по этому поводу. “Мне было очень обидно, что вы сделали мне замечание при всех...”. Так как вы говорите не о сути замечания, а лишь о **собственных эмоциях**, это не провоцирует ответное возмущение и исключает развитие ссоры.
- Не стоит домысливать и приписывать свои домыслы другому — не интерпретируйте его поступок (поведение). “Мы тут обсуждаем, а сидишь помалкиваешь, тебя это не волнует...”. Ограничьтесь в своих замечаниях **лишь констатацией** того, что вам не нравится.
- Попробуйте **не давать советов** (“Я бы на твоём месте...”) и **не ставить оценок** (“Это неразумно...”, “Это нерационально...”). Тем самым вы занимаете поучающую позицию, которая едва ли принесет пользу.

- Не копите обиды, не делайте их предметом обдумывания по ночам (“Я ему скажу... А если он мне ответит... Ну, тогда я ему...”). Не припоминайте давних обид — вы-то их помните, а другой давно уже забыл, о чем речь... В то же время, прежде чем сказать первое слово, будьте уверены, что в данный момент вас **готовы выслушать**. Поэтому лучше не выяснять отношения, когда человек занят работой, или плохо себя чувствует, или прямо с “порога”, а также в присутствии других.

- Всегда высказывайте претензии **лично** человеку — нельзя допускать “прозрачные намеки” в его присутствии. “А вот некоторые сотрудники постоянно опаздывают...”, “А кое-кто считает...”. Такие фразы ставят человека в двусмысленное положение: ответить нельзя, потому что имя не названо, и промолчать тоже, ведь и он и окружающие поняли, о ком речь. А подобная атмосфера в коллективе не способствует нормальным деловым отношениям.

М. Мелия, российско-американский психологический Центр “ЭКОПСИ” (Из газеты “Аргументы и факты”)

БУДЬТЕ ГРАМОТНЫ В ВОПРОСАХ СУПРУЖЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Генеральный секретарь Бюро социальной гигиены доктор Кэтрин Бимент Дэвис в свое время убедила тысячу замужних женщин совершенно откровенно ответить на ряд интимных вопросов. Результат оказался потрясающим. Он свидетельствовал о неудовлетворенности среднего американца в сексуальном отношении. После внимательного ознакомления с полученными от этой тысячи замужних женщин ответами доктор Дэвис высказала в печати свое твердое убеждение в том, что одной из главных причин разводов в Соединенных Штатах является физическая несовместимость супругов.

Обследование, проведенное доктором Дж. В. Гамильтоном, подтверждает этот вывод. В течение четырех лет доктор Гамильтон изучал супружескую жизнь ста мужчин и ста женщин. Он задал порознь этим мужчинам и женщинам примерно по четыреста вопросов об их супружеской жизни и обсудил с ними их проблемы столь исчерпывающим образом, что все обследование заняло четыре года. доктора Гамильтона была сочтена настолько важной в социологическом отношении, что ее финансировала группа ведущих филантропов. С результатом этого исследования вы можете познакомиться в книге Дж. В. Гамильтона и Кеннета Макгоуэна “Почему неудачны браки?”

В чем же кроется причина неудач? “Только очень предубежденный и самоуверенный психиатр, — говорит доктор Гамильтон, — может утверждать, что большинство

супружеских неурядиц не является результатом сексуальной дисгармонии. Во всяком случае, неурядицы, возникающие из-за других затруднений, очень и очень часто игнорировались бы, если бы сами сексуальные отношения были удовлетворительными”.

В качестве руководителя Института семейных отношений в Лос-Анджелесе доктор Пол Попену ознакомился с обстоятельствами тысяч браков; он один из крупнейших американских специалистов по вопросам семейной жизни. Согласно доктору Попену, расторжение браков происходит обычно вследствие четырех причин. Он располагает их в следующем порядке:

1. Сексуальная дисгармония.
2. Различия во мнениях относительно того, как проводить время досуга.
3. Финансовые затруднения.
4. Психические, физические или эмоциональные нарушения.

Обратите внимание — сексуальный вопрос стоит на первом месте, а финансовые трудности, как ни странно, занимают третье место.

Все специалисты по бракоразводным делам сходятся на том, что сексуальная совместимость является абсолютно необходимым условием благополучия брака. Например, несколько лет назад член Суда по делам о внутрисемейных отношениях в Цинциннати Гофман — человек, который выслушал повествования о тысячах семейных трагедий, — заявил: “Девять из каждых десяти разводов вызваны неурядицами сексуального порядка”.

Известный психолог Джон Б. Уотсон говорит: “Секс является, по общему признанию, самым важным в жизни человека. По общему признанию, именно это в большинстве случаев служит причиной крушения семейного счастья мужчин и женщин”.

Ряд практикующих врачей, выступавших перед слушателями моих курсов, фактически утверждали то же самое. Так не прискорбно ли, что сейчас, в XX столетии, когда мы имеем в своем распоряжении большое количество соответствующей литературы и когда все мы являемся людьми образованными, браки расторгаются и жизнь людей калечится из-за нашего невежества в отношении этого самого основного и естественного инстинкта?

Преподобный Оливер М. Баттерфилд, бывший в течение восемнадцати лет священником методистской церкви, покинул кафедру проповедника, чтобы возглавить Службу консультирования по вопросам семейной жизни в Нью-Йорке; этот пастырь, которому, очевидно, довелось сочетать браком множество молодых людей, рассказывает:

“Мой прежний опыт в качестве священника давно убедил меня, что, несмотря на свои романтические взгляды и

добрые намерения, многие пары, предстающие перед брачным алтарем, неграмотны в вопросах супружеских отношений”.

Неграмотны в вопросах супружеских отношений!

Затем он продолжает: “Когда подумаешь, что мы столь часто оставляем чрезвычайно сложное дело регулирования брачных отношений на волю случая, можно лишь изумляться тому, что количество разводов составляет только шестнадцать процентов. Чудовишно большое количество мужчин и женщин в действительности не состоят в браке, хотя и не разведены: они живут в своего рода чистилище”.

“Счастливые браки, — замечает далее доктор Баттерфилд, — редко бывают результатом случайности: они являются следствием сознательного творчества — в том смысле, что разумно и обдуманно планируются”.

Для того чтобы помочь молодым людям в таком планировании, доктор Баттерфилд в течение многих лет настойчиво добивается, чтобы все пары, которые он сочетает браком, откровенно обсуждали с ним свои планы на будущее. В результате именно таких бесед он пришел к выводу, что очень многие из “высоких договаривающихся сторон” “неграмотны в вопросах супружеских отношений”.

“Сексуальные отношения, — говорит доктор Баттерфилд, — лишь один из множества факторов, дающих удовлетворение в супружестве, но если они не в порядке, то ничто другое, не может быть в порядке”.

Как же сделать, чтобы они были в порядке?

“Место сентиментального умалчивания (я продолжаю цитировать доктора Баттерфилда) должно занять умение объективно и беспристрастно обсуждать вопросы отношения сторон к супружеской жизни и их поведения к ней. Лучший способ приобрести такое умение — это прочесть серьезную и тактично написанную книгу на данную тему. Я всегда в дополнение к моей брошюре “Брак и сексуальная гармония” держу под рукой целый ряд таких книг...

Ниже воспроизводится вопросник, заимствованный из статьи Эммета Крозиера “Почему браки распадаются?”. Возможно, что вы найдете целесообразным ответить на эти вопросы, выставляя себе по десять очков в тех случаях, когда вы сможете дать утвердительный ответ.

Для мужей

1. Продолжаете ли вы ухаживать за женой, приносите ли ей время от времени цветы, помните ли о дне ее рождения, о годовщине вашей свадьбы, оказываете ли ей неожиданные знаки внимания, проявляете ли внезапно нежность?

2. Всегда ли вы остерегаетесь критиковать ее в присутствии посторонних?

3. Даете ли вы ей деньги, помимо предназначенных для

ведения домашнего хозяйства, чтобы она могла тратить их исключительно по собственному усмотрению?

4. Пытаетесь ли вы понять свойственные женщине перемены в ее настроении и помочь ей в периоды усталости, нервозности и раздражительности.

5. Проводите ли вы со своей женой хотя бы половину своего свободного времени?

6. Хватает ли у вас такта воздерживаться от того, чтобы сравнивать, как ваша жена готовит еду и ведет домашнее хозяйство, с тем, как это делает ваша мать или жена некоего Билла Джонса, если только подобное сравнение не в пользу вашей жены?

7. Проявляете ли вы явный интерес к ее интеллектуальной жизни, к ее клубам и обществам, к книгам, которые она читает, и к ее взглядам на общественные проблемы?

8. Способны ли вы позволить ей танцевать и получать дружеские знаки внимания от других мужчин, не проявляя ревности?

9. Используете ли вы каждую возможность похвалить ее и выразить ваше восхищение ею?

10. Благодарите ли вы ее за небольшие услуги, которые она оказывает вам, например за пришивание пуговиц, штопку носков и отправку вашей одежды в чистку?

Для жен

1. Предоставляете ли вы своему мужу полную свободу в его служебных делах, воздерживаетесь ли от критики его коллег, его выбора секретарши и распорядка его дня?

2. Делаете ли вы все от вас зависящее, чтобы ваш дом был интересным и привлекательным?

3. Разнообразите ли вы домашнее меню так, чтобы, садясь за стол, ваш муж никогда не знал, чего можно ожидать.

4. Разбираетесь ли вы в достаточной мере в служебной деятельности вашего мужа, чтобы обсуждать ее с ним и помогать ему своим советом?

5. Способны ли вы мужественно и бодро переносить финансовые затруднения, не критикуя мужа за его ошибки и не делая неблагоприятных для него сравнений с более удачливыми людьми?

6. Прилагаете ли вы особые усилия, чтобы ладить с его матерью или другими родственниками?

7. Одеваетесь ли вы с учетом вкусов вашего мужа в том, что касается цвета и фасона ваших платьев?

8. Идете ли вы в интересах сохранения согласия на уступки при небольших расхождениях во мнениях?

9. Пытаетесь ли вы научиться играм, которые любит ваш муж, с тем, чтобы проводить с ним его свободные часы?

10. Следите ли вы за текущими событиями, новыми книгами и новыми идеями, чтобы сохранить интеллектуальный интерес к вам вашего мужа?

Резюме. Семь правил, соблюдение которых позволит сделать вашу семейную жизнь более счастливой

- Правило 1.* Не нужно придирааться.
- Правило 2.* Не пытайтесь переделать своего супруга.
- Правило 3.* Не критикуйте.
- Правило 4.* Выражайте друг другу вашу искреннюю признательность.
- Правило 5.* Оказывайте друг другу небольшие знаки внимания.
- Правило 6.* Будьте предупредительны.
- Правило 7.* Прочтите хорошую книгу о сексуальной стороне супружеской жизни.

Дейл Карнеги (Из книги “Как завоевывать друзей и оказывать влияние на людей”)

Лев Евдокимович БАЛАШОВ
ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

Последняя страница обложки:

ПРАКТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФИЯ

*Как мы думаем, так и живем.
Лучше думаем — лучше живем*

Лев Евдокимович БАЛАШОВ, философ-писатель, родился в 1944 г., окончил философский факультет МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук (защитил диссертацию там же в 1980 году по теме “Познавательные и практические функции категории “качество””), в 1990-1993 гг. был депутатом Моссовета, профессор, преподает философию в вузах Москвы.

Статья о Л.Е. Балашове опубликована в энциклопедическом издании “Философы России XIX—XX столетий. Биографии, идеи, труды.” — 3-е – 4-е изд., перер. и доп., М.: Академический проект, 1999, 2001.

Персональный сайт “balashov44.narod.ru»

Е-mail: lev_balashov@mail.ru